

ЕКАТЕРИНА БЛИЗНИНА

ИЛЛЮЗИЯ

ПРЕДАННОСТИ

Единственный наследник древнего рода мог бы пойти на корм рыбам, а пошел учиться магии в престижную Академию. В течение двадцати с небольшим алок его будут отвлекать от научной работы любимые девушки, заносчивые однокурсники, верные друзья, требовательные преподаватели, невыносимые техники, жестокие безопасники и... Безумный король, который вбил себе в голову, что именно его племянник должен разрушить барьер вокруг Академии ради того, чтобы освободить магистров. Будущему герою и спасителю предстоит окунуться в кипящий котел интриг и обмана, чтобы в конце концов понять, что у красивых слов есть жуткая теневая сторона.

Глава первая. Прощание

Когда Терри Риамен увидел мать на скамье подсудимых в траурном платье, он понял, что его блестящее будущее растоптали, смешали с грязью, затем залили цементом и утопили на дне залива.

До начала заседания он еще на что-то надеялся, заглядывал в лица судейских, стесненно улыбался и старался держать себя в руках, выслушивая бестактные вопросы Серого. Газетчик придерживал сына обвиняемой за медную пуговицу на мундире, чтобы тот не улизнул. Его интересовали цифры, даты и детали, а Терри даже если бы захотел — не сумел отыскать в памяти ничего конкретного. Он отворачивался и повторял, что не обязан свидетельствовать против себя и родных.

Терри до последнего рассчитывал на особый судебный порядок для чистокровных потомков Первых. Не говоря уж о том, что любой подобный процесс не обходился без решающего слова короля, Первого из Первых. Терри очень надеялся, что его величество не допустит изгнания и тюрьмы. В конце концов, его величество сам предложил кузине кресло финансового советника семь лет назад. А потом всегда говорил, что, прежде чем он нашел светлую голову Лассель Риамен, это место занимали совершенно неподходящие задницы.

Но бесплотным надеждам не суждено было сбыться. Лассель Риамен вышла под конвоем в строгом черном платье. Ее белые волосы были убраны в скромную высокую прическу и спрятаны под траурным кружевным платком, а светло-лиловые глаза скрывали дымчатые стекла очков. На тонких запястьях блестели стальные браслеты. Несколько раз она поправляла их, поскольку браслеты были слишком велики для ее изящных рук и сползали ниже, чем положено.

— Суд — просто формальность, — сказал кто-то из советников короля. Скорее всего, Амир Риэн — он держал руки скрещенными на груди и смотрел на бывшую коллегу сквозь прищур, с жесткой складкой между бровей. На нем был роскошный шелковый пиджак полуночного цвета с серебристой нитью и жилет в тон. Слепящую белизну рубашки оттенял клетчатый шейный платок с аметистовой булавкой.

— Похоже на то, — подтвердил стоящий рядом с Первым советником господин Таллистарший. Он, как всегда, был одет в теплый темно-серый костюм-тройку и на фоне щегольского наряда Амира Риэна выглядел даже скромнее, чем обычно. — Я видел его величество — он настроен весьма решительно.

— Боюсь, Лассель Риамен мы сегодня видим в последний раз, — сказал кто-то.

По мнению Терри, слишком легкомысленным тоном.

По мнению Терри, всем высокородным хлыщам следовало провалиться в Бездну со своими комментариями! Почему они не предотвратили этого? Где была вся их хваленая проницательность, когда требовалось предостеречь его мать от ошибок?

После того, как конвоиры встали по обе стороны от подсудимой, судейский дознаватель в сером невыразительном костюме попросил собравшихся занять свои места. Терри на негнущихся деревянных ногах прошел через зал и сел в первом ряду так, чтобы мать увидела его. Газетчик, не дававший ему прохода, и сейчас не отвязался. Уселся рядом, перелистнул страницу блокнота и проверил, насколько ровный след оставляет вечное перо на желтоватой бумаге.

— Его величество, король Эриен Первый, — объявил судейский и поспешил

ретируются. Обе двери распахнулись и вошел король в белом парадном мундире с золотым шитьем на воротнике. Все встали, в том числе, с некоторой заминкой, подсудимая Лассель Риамен.

Король сдержанно приветствовал собравшихся и отдельно обратился к газетчику рядом с Терри, который, хоть и встал, но шляпу даже не приподнял.

— Рад видеть вас, Алпин, в добром здравии.

Серый склонил голову перед монархом.

— Счастлив, что вы беспокоитесь о моем здоровье, ваше величество. С вами можно будет обсудить этот процесс?

— Разумеется. Но позже.

Для правителя в зале заседаний королевского суда было подготовлено собственное кресло. Эриен прошел мимо Терри, даже не взглянув в его сторону, и сел. На лице монарха застыло суровое выражение. Он оперся о подлокотник и положил подбородок на кулак.

Когда вышел судья и начались бесконечные зачитывания списка, что, как и почему было украдено из королевской казны, Терри окончательно пал духом. Все обвинения он слышал столько раз, что мог бы встать на место дознавателя и повторить слово в слово. И ему не пришлось бы постоянно опускать глаза и читать с листа, как сухолицему судейскому чиновнику с нервно подрагивающим влажным ртом.

Терри хотел бы оказаться на месте дознавателя.

Он прервал бы бессмысленный процесс и спросил у матери прямо: «Зачем ты разрушила свою жизнь, Лассель Риамен? Ради чего? Разве должность финансового советника показалась тебе слишком мелкой для твоей неумной жажды получить больше, чем положено женщине?»

Терри молча смотрел на мать, которая отвечала только тогда, когда к ней обращались, да и то все больше односложно. Как назло, дознавателя не интересовал вопрос, думала ли государственная преступница о судьбе единственного сына. Лассель ни разу не посмотрела на него прямо. Терри даже не был уверен, что она узнала его в форме Королевской военной школы. Он так и не понял, стоило ли вообще приходить сегодня. Отца не было — должно быть, предвидел развязку и не стал терять время на последнее заседание. Терри позавидовал его предусмотрительности.

Он потер двумя пальцами переносицу.

«Это конец, — понял он. — Статус крови тут не поможет, если не сделает только хуже».

Он дорого дал бы за возможность оказаться подальше от этого душного зала суда. Например, в школьной библиотеке, где можно спрятаться за стопкой книг и готовиться к выпускным экзаменам. Еще, по меньшей мере, двадцать вопросов по родной словесности не разобраны даже в общих чертах. Это при том, что через день после первого экзамена — второй, и уж на политической истории засыпаться всегда было проще, чем сказать «моя мать растратила государственную казну».

Терри стиснул челюсти.

«Зачем? — одними глазами спросил он, стараясь поймать отсутствующий взгляд матери. — Тебе мало было огромного пустого дома? Хотелось большего?»

Он подолгу смотрел на медную стрелку часов, прилипшую к циферблату, и ждал, когда позволят встать и уйти. Серый несколько раз наклонялся к нему и спрашивал, согласен ли тот с дознавателем, замечал ли что-то странное в поведении матери в последнее время и

вообще.

— Что я должен был заметить? Как она приносит из дворца чемоданы, набитые банковскими билетами? — не выдержал Терри. Он с ужасом понял, что шипит гораздо громче, чем рассчитывал. Судья неодобрительно нахмурил кустистые брови. Терри показалось, что весь зал смотрит на него, как на идиота. И только мать никак не отреагировала на его выходку. Ее гораздо больше занимали сползающие стальные браслеты, чем родной сын.

Газетчик только головой покачал и ничего не стал говорить. Должно быть, решил не усугублять ситуацию, за что Терри был ему благодарен. Довольно и того, что Риамен-младший постоянно ловил на себе колючие взгляды. А конвой за спиной матери и вовсе глаз с него не спускал, будто именно он представлял наибольшую опасность.

Терри достал из кармана носовой платок и промокнул вспотевший лоб. От духоты кружилась голова и подкатывала к горлу тошнота.

— ... могли запугивать? Думали вы?.. Может, кого-то подозревали?

Обрывки чужого шепота отказывались собираться в связную фразу. Терри обернулся к неугомонному газетчику. Тот снял серую шляпу и рассеянно крутил тулью, разглаживая пальцами поля.

— Я не понимаю ее мотивов, а спросить уже не позволят, — негромко посетовал Серый, обращаясь скорее к своей шляпе, чем к соседу по скамье. Терри поерзал, незаметно отодвигаясь от него. Газетчик почесал указательным пальцем свой выдающийся горский нос.

— Мне — не позволят. У вас будет час. Если вам это интересно, конечно, — с легкой досадой проговорил Серый и отвернулся.

Терри аккуратно свернул платок и опустил его в карман. Семя сомнений упало в подходящую почву. Если даже искатель не понимал, в чем смысл грандиозной растраты, измены — разве не имел он права задать тот же вопрос матери?

Приговор лишил дом Риамен всего, чем они владели.

Лассель принудили стоя выслушивать заключение суда. Ее лишили сословных привилегий, постановили, что абсолютно все семейное имущество конфискуют в пользу короны в счет частичного погашения долга. Терри кусал губы и ждал, когда все закончится, чтобы подойти к матери, посмотреть ей в глаза и спросить, довольна ли она. Остановится ли на достигнутом или ей снова покажется, что она получила слишком мало.

Каждый пункт в списке судья сопровождал оговоркой: «и ныне живущие близкие родственники, а также потомки».

«Лассель Риамен, и ныне живущие близкие родственники, а также потомки, приговариваются к лишению всех сословных привилегий. Отторгаются такие права и свободы как возможность династического брака, избрание на представительскую службу, в том числе дипломатические миссии, выдвижение своей кандидатуры на выборные должности главы города, магистрата или округа.

Лассель Риамен, и ныне живущие близкие родственники, а также потомки...» — нескончаемый бубнеж судьи выводил Терри из себя. Он с трудом сдерживался, чтобы не заткнуть уши или — лучше того — не завопить, какие же все вокруг непроходимые тупицы. Почему бы коротко и ясно не сказать: «Дом Риамен в полном составе, а также потомки пусть единым строем маршируют подтирать зад Владетелю»? Устроили тут перечисление упущенных возможностей, как будто кому-то из семьи Риамен есть дело до выборных

должностей в магистрате!

Довершил список окончательный вердикт: изгнание. За возвращение — пожизненное тюремное заключение или смерть, по решению короля. Любая попытка связаться с кем-то в Акато-Риору от собственного имени будет пресекаться. Любые действия изгнанника за границей, которые можно расценить как несущие угрозу родине, могут повлечь за собой ответные действия со стороны короля.

Здесь судья сделал отступление и сослался на прецедент с ныне живущим и до сих пор пребывающим в государственном розыске Братоубийцей. Терри сглотнул. Ему вдруг живо представилось, что король объявляет награду за голову Лассель Риамен, а охотники, не разобравшись, ловят ее сына или мужа.

К облегчению Терри, его имя так ни разу и не упомянули. Наказание за преступление должна была понести только Лассель Риамен, а ныне живущие близкие родственники, а также потомки были предоставлены сами себе, и могли жить, как жили, разве что безо всех привилегий и преференций.

«Ну и пусть подавятся своими выборными должностями в магистрате и династическим браком!» — Терри дышал тяжело и глубоко, будто бежал марафон, а не протирал штаны о скамью в зале суда последние несколько часов. Наконец все закончилось. Лассель под конвоем вышла, все такая же безучастная к происходящему, как будто неживая. Терри вскочил на ноги. Рядом вырос Серый.

— Осторожнее, молодой человек, — небрежно бросил он. — Не спешите следом за матерью.

Терри покосился на него и ничего не сказал. Попробовал обойти. Но Серый сделал обманчивое движение и вновь оказался прямо перед Терри, преграждая путь. Перевернул страницу в блокноте.

— Где вы будете жить?

— Я получу диплом Королевской военной школы и стану гвардейцем. Стану жить на довольствие в казарме.

Газетчик быстро набросал пару строк в блокнот. Глянул исподлобья, цепко и внимательно.

— Будете служить короне, как ваш дед и знаменитый прадед?

Терри про знаменитого прадеда распространяться не захотел. Смерил Серого кислым взглядом, от которого у того должно было случиться несварение желудка, и обошел стороной. Когда Серый решил повторить свой трюк, Терри уже не дал захватить себя врасплох. Он отступил на шаг и подался в сторону, так что пальцы газетчика зачерпнули воздух.

— Мне нужно поговорить с матерью, — объяснил Терри. — Прадед здесь совершенно ни при чем.

Газетчик неопределенно повел плечом.

— Вы ошибаетесь, потому что не видите связи. Я могу рассчитывать, что вы разузнаете о ее мотивах?

Терри кивнул.

Серый чуть улыбнулся и отошел, уступая дорогу.

Судейский дознаватель собирал разложенные на столе материалы дела в пурпурную папку. Когда Терри нечаянно задел стол, внушительная стопка листов покосилась. Чиновник поднял голову. Вблизи были отчетливо видны красные прожилки в уголках глаз. Сухими

длинными пальцами чиновник помассировал виски и бесцветным голосом произнес:

— Сын Риамен, я полагаю. Прощание в комнате предварительного заключения, прямо по коридору за дверьми, поворот налево, там спросите у дежурного.

Терри выслушал инструкции и вежливо поблагодарил судейского. С глупым сожалением подумал о том, что если впредь влипнет в неприятности, на него заведут уже не гербовую пурпурную папку, а самую обычную, из беленого картона.

«Проклятье, это что, значит, меня и повесить могут, как обычного человека?» — с ужасом понял он. Безотчетно потирая ладонью шею, Терри оглянулся.

К Серому, который что-то быстро строчил в блокнот, держа его на весу, подошли двое мужчин в разных костюмах, но с одинаковым равнодушным выражением на лицах. Один протянул руку для рукопожатия, а второй достал из внутреннего кармана сложенные листы бумаги. Газетчик мельком просмотрел их, потом — почему-то — поднял тяжелый взгляд на Терри. Мужчины тоже обернулись. Он прочел по губам, как один из них произнес его родовое имя.

Они обменялись с газетчиком короткими репликами и направились к Терри. Его взгляд проследил дознаватель. Блеклые губы растянулись в короткой усмешке.

— Если успеете.

Терри не нужно было объяснять дважды. Если они задержат его, он не успеет в последний раз поговорить с матерью. Поколебавшись, он оттолкнулся от стола и быстрым шагом, почти бегом, направился к двери. Нужно было что-то придумать, чтобы задержать их, хоть ненадолго. Пяти минут будет достаточно, чтобы взглянуть матери в глаза и задать вопрос, который поджаривал ему мозг последние несколько часов.

Озираясь в поисках вещи, которая могла бы заблокировать двери, Терри обратил внимание на парализующий жезл, висевший на поясе гвардейца из городского Управления. Терри прикинул разницу в весе и пришел к выводу, что лучшего способа нарваться на неприятности прямо сегодня, чем попытка украсть парализатор, не сумел бы придумать, даже если бы постарался. Зато в голову пришла другая совершенно дикая идея, которую стоило опробовать. Все-таки не нападение, пусть сперва докажут, что это не шалость молодого аристократа с ветром в голове.

Он юркнул в коридор и привалился спиной к дверям. Обе дверные ручки впились ему в поясницу. Все еще колеблясь, стоит ли оно того, Терри дернул пряжку брючного ремня.

Как ни странно, у него получилось затянуть ремень вокруг кованых дверных ручек так, что с той стороны они только бестолково поворачивались, но толкать было бесполезно. Терри не стал ждать, пока мужчины вынесут дверь плечом, побежал по коридору. Почему-то ему не кричали вслед, даже не угрожали.

«Внимание не хотят привлекать», — подумал Терри, и эта простая мысль будто облила его ледяной водой с головы до ног.

Расследование длилось несколько декад. Терри редко бывал дома, еще реже видел мать. У него не было возможности поговорить с ней, а сейчас оставался последний шанс, который так легко упустить, если не ухватиться за него обеими руками.

Дежурный скучал за стеклянным окошком. Увидев, что Терри бежит по коридору, придерживая рукой брюки, он вскочил на ноги и вперился в него подозрительно.

— Лассель Риамен — где? — выдохнул Терри. — Прощание.

Молодой гвардеец расслабился, даже усмехнулся, мол, аристократик прощаться с мамочкой бежит бегом, но ничего не сказал. Вышел из дежурки, указал на третью дверь

справа.

Терри постучал, а потом спохватился.

— Нам можно будет поговорить наедине?

Дежурный покачал головой.

— Сожалею, господин, это невозможно. Она будет находиться под наблюдением до отправления.

Щелкнул замок, и дверь отворилась. Надзиратель в черном мундире королевской гвардии оглядел Терри с ног до головы, затем пригласил войти. Подошел второй, предупредил, что подойти к преступнице ближе, чем на три шага можно будет только если ее сын позволит произвести обыск. Гвардеец добавил, что любые передачи, в том числе письма, оружие и вещества, строго запрещены. Терри сухо подтвердил, что не собирается приближаться. Лишь бы его не заставили поднять обе руки. Брюки-то одним лишь честным словом дворянина не удержишь.

— В таком случае, можете сесть вот здесь, — гвардеец поставил простой деревянный стул прямо напротив кресла, в котором сидела, сложив руки на коленях, Лассель. — Попробуете сделать хоть шаг — аудиенция закончится немедленно.

Терри послушно сел и наклонился ближе, поставил локти на колени. Посмотрел на мать. Внезапное осознание, что он видит ее в последний раз, обрушилось на него как могла бы рухнуть на голову крыша. Остро захотелось обнять ее худые острые плечи, прижать к себе и ни за что не отпускать. Он смотрел на нее и думал, что так давно не видел, что мог бы не узнать в толпе. Яркие глаза за дымчатыми стеклами потускнели. Волосы были собраны небрежно, будто чужими руками. Будто человеку, который помогал ей привести себя в порядок, было все равно. К тому Терри хорошо знал, что мать не любила укладывать косу короной. И траурные кружевные платки считала пошлостью.

«Какая злая, несмешная шутка», — подумал он с острой жалостью к матери, которая, видимо, совсем погрузилась в себя, раз не замечала, что с ней делают.

— Ма... — начал он, но осекся. Сперва он понял, что не знает, как лучше обратиться к матери, а потом догадался, что любое обращение не будет услышано, если она продолжит смотреть на сцепленные в замок пальцы. Терри обернулся к гвардейцам, стоящим поодаль. Такое фальшивое уважение к чужому горю еще попробуй изобрази!

— Почему она не смотрит на меня?

Они молчали. Им было все равно.

Терри протер лоб носовым платком и сделал вторую попытку.

— Мама, посмотри на меня, пожалуйста.

Лассель подняла тусклые глаза. Даже сквозь затемненные стекла было видно, насколько они красные от недосыпа и усталости.

Короткую вспышку радости, что мать слышит его и понимает, смыла волна разочарования: она смотрела на сына все так же безучастно, как и в зале суда. Терри понял, что страшно устал от этого взгляда.

— Почему ты это сделала? Ты можешь мне сказать?

— Нет, — вот и все, что она сказала.

— Ты хотела что-то доказать отцу? Да пошел бы он... Ты понимаешь, что все кончено? Ты понимаешь, что ты потеряла все... зачем?..

Терри спрятал лицо в ладонях, чтобы не встречаться с ней глазами.

Если мать и собиралась что-то ответить, ее слова потонули бы в шуме, которым

наполнился коридор. Но она даже не разомкнула губы. Терри спиной ощутил растущее напряжение, но подумал, что ему все равно, даже если прямо сейчас его выведут в браслетах. Раздался резкий стук.

— Сын Риамен здесь? — спросил незнакомый голос. Мягко и небрежно, будто его обладатель не сомневался в том, что прав.

Терри не обернулся. Он отнял руки от лица и просто смотрел на мать, такую странно незнакомую, искал в осунувшемся лице родные черты, и вспоминал, какой она была прежде. Почему-то вспомнился тот день, когда мать познакомила Терри с юной принцессой. Эсстель тогда сказала, что госпожа Риамен так добра к ней, «будто мамушка».

— Здесь, — отрапортовал надзиратель. — Задержать?

Терри сел прямо. Он ощутил на затылке чужой взгляд и с трудом сглотнул. Он чувствовал себя обманутой бесхвостой лисой из детской сказки с деревянной курочкой в зубах. Как вышло, что он сам отдал пушистый хвост за деревянную курочку?

— Отставить. Пусть прощается. Но его величество хотел поговорить с Риамен наедине. Предупредите, что у него меньше времени.

— Я понял! — возвысил голос Терри, не желая слышать это во второй раз. А то ведь достанет ума и впрямь подойти на два шага ближе и повторить.

Терри хотелось вскочить со стула и хорошенько пнуть его, чтобы отлетел подальше. Его последние минуты рядом с матерью превращались в фарс. Должно быть, господин газетчик с большим удовольствием тиснет на последней странице юмореску с каким-нибудь идиотским названием. «Сын Риамен остался без штанов во время суда», например.

Одновременно с этим смысл его вопросов рассыпался, как зола на ветру. Он копил их, оттачивал до бритвенной остроты — и перестал ждать ответа, когда увидел мать раздавленной и потерянной. Подумал, что единственное, в чем они оба нуждались сейчас, — это запрещенные надсмотрщиком объятия...

— Я знаю, что тебе не разрешат писать письма, — через силу проговорил Терри. — Но если ты найдешь способ передать весточку... что у тебя все хорошо. Я бы хотел знать, как ты...

Неправильное слово «устроилась» костью застряло в горле. Мать не слушала его. Подняла голову и посмотрела сыну через плечо. На посеревшем лице появились, наконец, эмоции. Ее тонкие брови страдальчески надломились.

Терри обернулся и увидел короля в белом мундире с золотыми пуговицами. Он вошел в комнату и с легким стуком закрыл за собой дверь.

— О, не беспокойся об этом, племянник. Если уж Братоубийца находит способы передавать сообщения в Акато-Риору, несмотря на то, что за его голову назначена баснословная награда...

Терри встал, стараясь ненавязчиво придерживать рукой брюки, и поклонился.

— Мне очень жаль, что наша встреча произошла при таких печальных обстоятельствах, племянник, — расстроено признался король, не спеша стягивая белые перчатки. Снял с головы фуражку, пригладил тыльной стороной ладони волосы на виске и вручил свои вещи надзирателю. Тот принял их беспрекословно, как само собой разумеющееся.

— Ты попрощался? Если тебе нужно еще несколько минут, не стесняйся — я подожду.

Терри оглянулся на мать, которая не отводила глаз от короля.

— Можно нам обняться на прощание? — спросил он. Лицо надзирателя перекосилось, он свел густые брови к переносице. Король широко улыбнулся и ответил прежде, чем

гвардеец успел возразить.

— Разумеется.

— Ваше величество... — конвоир неуверенно глянул на безучастную Лассель Риамен.

Король жестом приказал гвардейцу замолчать. Добродушная улыбка стала еще душевнее.

— Я позволяю, сотник. Не стоит беспокоиться.

Терри подошел к матери и подал ей руку, чтобы помочь встать. Она не сразу поняла, что он хотел. А когда ее узкая кисть невесомо легла на его ладонь, Терри поразился тому, насколько она холодная. Он неловко обнял мать одной рукой, ощутил ее легкое прикосновение, но под внимательным взглядом надзирателей не сумел удержать в себе теплое чувство. У него не получилось даже на один миг воскресить того мальчишку, каким был много лет назад. Не вышло и вернуть прежнюю, живую Лассель Риамен.

Эта изменница с пустыми глазами, которая молчала, будто воды в рот набрала, не имела к ней никакого отношения.

— Прощай, мама, — глухо сказал Терри. Он отметил, что вырос на полголовы выше матери. В другое время это наблюдение вызвало бы в нем какие-то эмоции, но только не сейчас.

— Прощай, — эхом отозвалась она и первая опустила руки.

Терри прошел мимо короля и гвардейцев, низко опустив голову. Никто не нарушил неловкую тишину, какая возникает, когда при сцене, не предназначенной для зрителей, присутствуют посторонние. Гвардейцы, должно быть, хорошо видели, что никаких запрещенных писем, оружия и даже веществ он матери не передавал. О чем думал король, какие слова ожидал услышать от «племянника» — Терри не знал. Промолчать было проще. Он взялся за дверную ручку.

— С ремнем ты неплохо придумал. Или Алпин подговорил?

Терри остановился.

— Нет, ваше величество.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Я чувствую то же самое, — искренне сказал король. Он задумчиво прокручивал на пальце массивный перстень с аметистом. — В жизни случаются события, которые ты не можешь принять и изменить не в силах. Именно они ранят больше всего.

Терри еще раз низко поклонился и вышел в коридор.

Его ждали.

Глава вторая. Рыба, которую никто не съест

Не успел Терри отойти от двери, как рядом оказались те двое, в костюмах.

— Господин Риамен, не уделите время? Нам необходимо побеседовать наедине. Надеюсь, у вас нет неотложных дел.

Терри аккуратно высвободил локоть, за который его вежливо придерживали цепкие пальцы. К нему подошли против света. Он не мог различить черты лица, но даже в полумраке кожа незнакомого мужчины выделялась аристократичной бледностью. Да и светлые волосы, аккуратно зачесанные на затылок, даже в темноте нельзя было принять за черные.

В двух шагах дальше по коридору оказался небольшой холл с широким окном. Рядом с диванчиком, обтянутым зеленым сукном, стояла пара красных глиняных горшков, из которых в разные стороны тянулись тонкие зеленые ветки пятилистника.

Терри кольнула досада на законников. То не знаешь, куда от них деваться, то никого.

— Какая жалость, сиятельные господа! На меня сейчас как раз навалилась масса неотложных дел, — он не сумел сдержать горечь, и она вылилась безобразной ядовитой репликой, за которой тотчас последовало наказание.

— Вам удобнее, чтобы мы пришли к господину Пауро с повесткой? — тонко улыбнулся аристократ. Светлые глаза смотрели холодно.

Его спутника даже безукоризненно пошитый костюм не делал приличным человеком — до того простое у него было лицо, даже не риорское, а скорее степняцкое, широкоскулое и плосконосое. Будто хорошо откормленный горец несколько раз получил кулаком по переносице, да так и не выправил перелом.

— Мы будем разговаривать в любом случае, — невыразительно сказал он. — Вопрос только в том, по-хорошему мы будем разговаривать или по-плохому.

— По-плохому мы разговаривать не будем, Фархад, — не переставая улыбаться, поправил благородный. — Господин Риамен — разумный молодой человек...

Фархад красноречиво показал ему две половинки форменного ремня. Терри вздохнул. Все-таки разрезали.

— Кстати, об этом. Почему вы так поступили?

Оба уставились на Терри испытующе.

— У меня было мало времени. Я хотел успеть попрощаться.

Он ловил себя на том, что напрягает слух, пытаясь различить голоса за стеной. А это было бессмысленно. Изматывало до головокружения. Латунная табличка «Комната предварительного заключения» издевательски подмигивала неверным бликом. Терри ощутил неудержимое желание присесть где-нибудь, да хоть на пол.

А лучше поесть.

— Успел? — с непонятной интонацией спросил Фархад.

Терри посмотрел на него.

— Я согласен говорить прямо сейчас, не надо меня хватать, — он отодвинулся. — Но мне нужно пообедать. Тоже прямо сейчас.

Риамен пошел первым. Его лишили привилегий, но фамильную гордость никто не сумел бы отнять. Терри задрал подбородок, стараясь не слушать то, о чем вполголоса переговаривались за его спиной «серьезные люди».

— Глянь, Риттау, он на ногах не держится. Мясо-то поди религия не позволяет есть? Наверняка из этих, травоядных, да?

— Он выродок, — спокойно отозвался второй не повышая голоса. — Понятия не имею, как устроены такие, как он.

Терри запнулся на ровном месте. Мельком оглянулся и поймал насмешливый взгляд Риттау. Он знал это родовое имя. Его прабабушка была из дома Риттау.

— Незаконный, что ли? А на кой мы тогда с ним цацкаемся? «Не соблаговолите ли вы...» — передразнил Фархад.

Скрипнув зубами, Терри представил себе, как приятно было бы несколько раз припечатать степняка дверью, придавая его широкой переносице еще большую национальную аутентичность.

— Можно и так сказать, — еще тише заговорил Риттау. — Очень редко в семьях Древних рождаются обычные дети, это ненормально.

— Я все слышу, — громко заметил Терри, сбавляя шаг.

— Для тебя ничего нового, приятель. Это я на правах чужака интересуюсь. Под другим небом вырос, так у вас говорят? — Фархад оскалился в ответ. Терри выругался про себя, не забыв мысленно пожелать степняку наесться досыта свежего конского навоза.

Зато его комментарий попал точно в ту цель, на которую Терри и рассчитывал, — заставил мужчин примолкнуть. В молчании они вышли из Управления и пошли вверх по широкой улице. Терри независимо шагал впереди, расслабленно положив руки на пояс, а сопровождающие следовали за ним на расстоянии трех шагов за спиной, будто телохранители.

Цвела весна и мягкое солнце нагревало тонкое сукно мундира. На какое-то время Терри показалось, что все события последних декад — всего лишь дурной сон, который развеялся к рассвету. Не было ни расследования, ни суда — ничего. Он было опустил руки, засмотревшись на витрину лавки простых волшебных вещей, но тут же поймал падающие брюки. Отличить сон от реальности оказалось до обидного просто.

По здравом размышлении, если оставить за скобками иррациональный страх перед людьми, которые почему-то не надели черные мундиры королевской гвардии для «беседы», положение Терри не выглядело настолько безнадежным. Он все еще носил форму студента Королевской военной школы, а не арестантскую полосатую робу, и вели его не в порт, чтобы посадить на корабль с билетом в один конец. Подвиг прадеда, который отправил на дно Жемчужной бухты значительную часть имперского военного флота, должно быть, не так просто списать со счетов.

«Я должен убедить их, что во мне гораздо больше от прадеда, чем от матери, — думал Терри. — Лучше вести себя так, будто у нас с ней нет ничего общего. И как-то доказать, что я вовсе не выродок!»

— Эй, парень, ты собираешься нас по городу до вечера водить? — окликнул его Фархад. — Ты не дамочка, чтобы с тобой просто так гулять.

Терри непонимающе оглянулся. Степняк выразительно ткнул пальцем на скрытую в широких листьях вьющейся лозы деревянную резную вывеску.

— Это уже третья равинтола, которую ты не соизволил заметить, — жидкие брови даже сурово нахмуренные, не производили подобного впечатления. Намного убедительнее был бесцветный тон. — Ты либо прямо сейчас зайдешь в нее своими ногами, или мы отправимся беседовать, — короткий палец переместился в другом направлении, — в ту грязную вшивую

подворотню, и ноги тебе не понадобятся.

— Мой друг так шутит, — холодно пояснил Риттау. — Но гулять мы с вами и впрямь больше не будем. Не настолько вы важная персона, господин Риамен, чтобы потратить на вашу проблему целый день.

Терри криво улыбнулся, против воли вспоминая, как мать учила его держать удар в словесных пикировках, когда он только поступил в Королевскую военную школу. «Они будут стараться уязвить тебя, а ты будь выше — тогда им тебя не достать. Улыбайся и молчи, не помогай им найти твое слабое место».

«Замолчи, я не желаю больше тебя слушать!» — Терри мысленно захлопнул дверь перед ее носом. К сожалению, изгнать мать из сердца и памяти было гораздо сложнее, чем попрощаться с ней навсегда в Управлении.

В отличие от сверстников, серьезные люди в костюмах не выдумывали прозвищ, не искали, к какому факту его биографии можно предъявить претензии. В ответ на молчание они смотрели внимательно и тоже кривили губы, изображая вежливые улыбки.

Когда к их столику подошел улыбчивый подавальщик, Терри, не раздумывая, заказал рыбу и овощной салат. Риттау, напротив, замешкался и попросил крепкий черный чай с медом после того, как его спросили дважды.

— Ты что-то посущественнее травы ел когда-нибудь? — негодовал Фархад, глядя почему-то на Терри, а не на своего товарища. — Мужчина должен есть красное мясо и белый лярд, чтобы быть сильным и не валиться с ног от усталости к обеду.

— У нас не принято обсуждать чужие пищевые привычки, — даже Риттау смутился.

Терри опустил глаза на льняную салфетку. Равинтола, на которую указал Фархад, была слишком неприятной для семьи Риамен. Но Терри скорее откусил бы язык, чем позволил себе признаться, что ему некомфортно. Он старался не думать о том, что в таких местах салфетки не стирали после использования, а просто пропаривали и подавали снова. Достаточно того, что прилизанный Риттау смотрел на Терри так, будто все понимал без слов. С нехорошим прищуром смотрел, только что не подмигивал.

— Как вы думаете, Терри... вы же позволите обращаться к вам по имени? Ну вот и прекрасно! Все же разница в возрасте позволяет мне обращаться к вам с родственным участием, как к племяннику.

Не зная, куда деть руки, Терри положил локти на стол, сплел пальцы в замок и уставился на них так, словно прежде никогда не видел.

— У вас есть предположения, зачем нам с господином Фархадом понадобилось побеседовать с вами?

Терри вздохнул. Подавил первое побуждение все отрицать, как мальчишка, которого застали рядом с разбитой вазой. Он никакую вазу не разбивал и не нес ответственности за преступления матери. Они должны это понимать.

— Допросы продолжаются? Я устал говорить о том, что мать не посвящала меня в свои планы. Последние несколько лет я почти не видел ее... Я подписал все бумаги. Что от меня еще требуется? Я правда не понимаю, просвятите меня, господа, не считите за труд. — Последняя фраза все испортила. Ее не удалось сказать так же спокойно и размеренно, как первые. Терри услышал истерические нотки в собственном голосе и прикусил язык.

Фархад заинтересовался столовым ножом. Он покрутил его в пальцах и зачем-то попробовал ногтем остроту лезвия с зазубринами. «Паршивая сталь, ювелиры ничего не смыслят в добрых металлах», — проворчал он себе под нос. Риттау посмотрел на него таким

же взглядом, каким отцы смотрят на непослушных наследников. Степняк фыркнул и отложил прибор в сторону.

— Вы ошибаетесь. Допрашивать мы вас не будем, Терри. Все бумаги за вашей подписью мы читали очень внимательно, и нам казалось, вопросов к вам никаких быть не может... До тех пор пока вы не заблокировали двери в зале заседаний Королевского суда. Вы понимаете, как ваша... выходка выглядела со стороны? Вы можете предположить, что подумал о вас его величество?

Терри почувствовал, как у него краснеют уши.

— Я не... — он осекся, потому что только в этот момент полностью осознал, что на самом-то деле у него не было ни малейшего шанса оправдать свой поступок в глазах короля.

— Вы слишком молоды, и, должно быть, не представляете, каково это — переживать предательство со стороны того, кому всецело доверял. Измена близкого человека — а кто может быть ближе родственника? — оставляет в душе кровоточащую рану, будто этот человек собственными руками вырвал ваше сердце и выбросил в мусор на ваших глазах.

Терри сглотнул вязкий комок в горле. Теперь он не знал, куда деть глаза. Чтобы скрыть предательскую дрожь в пальцах, он убрал руки под стол.

— Мне очень жаль, — прошептал он, с ужасом представляя, что это будут его последние слова. Эти двое наверняка пришли зарезать его столовым ножом, вскрыть грудную клетку и принести королю его сердце в качестве расплаты.

— Надеюсь, — с нажимом отозвался Риттау. — Искренне надеюсь, что вы раскаиваетесь, Терри. Его величество еще не оправился от удара в спину, который совершила ваша мать... Вы же знаете, что он уже больше десяти лет горюет после смерти королевы?

Терри достал носовой платок и забыл, зачем. Скомкал в кулаке. Кивнул. Не только он — все знали, что король до сих пор в трауре.

— У его величества беззащитное сердце. Каждую потерю он переживает чересчур остро. Лекари разводят руками и предупреждают, что однажды он не сумеет справиться с потрясением, — Риттау сделал паузу, чтобы тщательно протереть ладони влажным полотенцем. — Скажите, Терри, вы действительно хотите своим... поведением приблизить кончину нашего правителя?

Терри отчаянно замотал головой.

— Я был дураком, сам не знаю, что на меня нашло. Простите, — торопливо забормотал он, не поднимая глаз от скатерти.

Фархад положил перед его носом разрезанный надвое ремень. Пряжка отчетливо стукнула о дерево. Степняк встал и навис над съежившимся Терри.

— Не забывай, парень, об этом уроке, лады? Мы с Риттау не из тех доброхотов, кто будет десять раз повторять то, что и так понятно. Еще хоть один подобный фокус — и ты пожалеешь, что твоя мать тебя на свет родила.

Риттау многозначительно прочистил горло, привлекая к себе внимание.

— Фархад, будь добр, остынь. Ты опять не даешь мне и слова вставить, — в его голосе зазвенел металл. — Ты забыл, что мы должны узнать, как молодой Риамен планирует распорядиться свободой, на которой настоял его величество?

Он склонил голову набок, с насмешливой улыбкой наблюдая за сменой выражений на лице Терри. Тот не сразу понял, о какой свободе речь. Его ведь не судили? Он даже как свидетель по делу матери не проходил, сидел на слушаниях в зрительном зале и ждал развязки.

— Прочие советники — да и все судейские — настаивали на вашем аресте. Да, увы-увы, они получили красноречивое подтверждение своей правоты после заседания. Даже не хочу думать, что придется выслушать его величеству, который использовал свое право решающего голоса, чтобы оставить сына изменницы на свободе... И как вы его отблагодарили?

— Да надо было его подержать в камере декаду-другую, чтобы хоть через отмороженную задницу до этого места, — Фархад указательным пальцем ткнул Терри прямо в висок, — дошло, что мы здесь не шутки шутим.

— Надо было, — неожиданно легко согласился Риттау.

подавальщик, мальчишка на вид едва ли разменявший шестнадцать лет, поставил перед Терри тарелку с рыбой и овощами, а рядом с Риттау — пузатый керамический чайник, источающий яркие ароматы терпких ягод и меда.

Фархаду не досталось ничего, кроме извинений. Он поманил мальчишку пальцем и проникновенно сказал, что ему не нравится смотреть на то, как едят другие, когда он голоден. И посоветовал поторопиться. Подавальщик побледнел и рассыпался в обещаниях, исполнение которых вряд ли зависело от него лично.

— Опять сырое принесут, — спокойно прокомментировал Риттау, наливая себе чай. — И ты опять будешь сам виноват.

Терри с несчастным видом смотрел вареной рыбе в слепые глаза и не решался взять в руки приборы. Ему отчаянно не хотелось есть, особенно несчастную рыбу, брошенную на хлебную лепешку рядом с холмиком небрежно нарезанных овощей, среди которых преобладали морские водоросли. Несколько мелких, ранних томаатти раскатились по тарелке, будто тоже хотели сбежать, да не вышло.

— Ну и? — пытливо заглянул ему в глаза Риттау. — Какие планы на долгую и счастливую жизнь, Терри?

— Я буду служить своему королю и стране, — выдавил Терри. Ему легко было угадать правильный ответ — точнее прочитать его в холодных фиолетовых глазах Риттау. Наградой ему стала одобрительная улыбка. А еще Риттау наконец перестал сверлить его взглядом, и стало легче дышать.

— Вот и хорошо. Ну и не забывайте народную мудрость: от законников бегают только преступники. Попробуете сбежать — поймаем, и будем уже иначе разговаривать. Даже не так. С вами будет Фархад разговаривать, а я буду молча слушать. Надеюсь, между нами больше не осталось недопонимания?

Вновь рядом возник подавальщик, салфеткой протёр стол перед Фархадом и аккуратно поставил тарелку с толстым пластом красного мяса. Слегка отбитый кусок говядины еще тихо шипел — явно только что его опрокинули со сковородки. К ребристому краю прилипли сухие соцветия луговых трав, добавляемых для аромата. Аристократические ноздри Риттау раздулись от плохо скрытого раздражения. Терри поспешно зажал рот обеими ладонями, боясь вскочить и броситься прочь. После такой отповеди он боялся даже с места сдвинуться. Но еще больше он боялся, что его прямо сейчас стошнит.

Самое обидное, что чистокровный Древний, Риттау, даже бровью не повел! Терри восхитился бы его выдержкой, не будь он вынужден считать выдохи и экономить вдохи, успокаивая бунтующий желудок.

— Похоже, выродки больше похожи на нас, чем на людей, — равнодушно заметил Риттау. Он взял с подноса еще одну красную чашку и наполнил ее чаем. Пододвинул Терри. — Вот. Выпейте — полегчает. Я только этим и спасаюсь, когда Фархад оказывается

со мной за одним столом.

Терри уткнулся носом в чашку и невнятно пробормотал что-то благодарственное.

— А вы рыбу-то зачем заказали, Терри, если так остро реагируете? — тонко улыбнулся Риттау. — Неужели вы даже сейчас продолжаете искать способы обвести нас вокруг пальца?

Терри поперхнулся чаем. Риттау безучастно наблюдал за тем, как он пытается откашляться.

— Напрасно, Риамен. Напрасно.

* * *

На территорию Королевской военной школы Терри вошел как преступник, с браслетами на руках и под конвоем. Его сопровождал Риттау в темно-сером чиновничьем костюме и молчаливый гвардеец в строгом черном мундире с золотыми пуговицами. Чтобы штаны не падали, Терри подпоясали бельевым шнуром, который, к вящему облегчению, был скрыт под полами форменного кителя.

Фархад не стал брать пропуск у привратника. Коснулся прямой ладонью поляй фетровой шляпы на прощанье, развернулся и ушел.

Терри с надеждой посмотрел на Риттау, которого считал более порядочным человеком и предпринял очередную попытку воззвать к его милосердию.

— Я усвоил урок, даю слово. Этого больше не повторится.

Фиолетовые глаза аристократа на королевской службе были непроницаемы. Терри не мог понять, о чем он думает, глядя на него. Ненавидит? Презирает? А может быть, сочувствует?

— Ваше слово, Риамен, не значит ничего, — он с сожалением покачал головой. — Теперь ваша судьба в руках господина Пауро. Ему решать, как с вами поступить.

— А почему не король? — с отчаянием спросил Терри. Он вспомнил, как Эриен говорил о потерях, и понадеялся, что он сумеет понять, почему «племянник» поступил именно так, а не иначе.

— Если господин Пауро отдаст такое распоряжение, я отведу вас к его величеству, — спокойно отозвался Риттау. — Но пока вы носите форму его военной школы, ректор несет за вас ответственность. Вы имеете какое-то представление о субординации, Риамен?

Терри почувствовал себя мухой, которая попала в паутину: сколько бы он ни бился, только все больше запутывался, а паук выжидал, наблюдая со стороны. И точно так же, как муха, он не понимал, что происходит, как так вышло, что он был свободен, а теперь руки стянуты браслетами, а за плечом стоит гвардеец с парализатором на поясе.

— Меня обвиняют в том, что мне стало дурно от волнения? Может, еще повесите за это?

Риттау получил бумаги от привратника и жестом велел следовать за ним. Гвардеец в свою очередь бесцеремонно подтолкнул Терри в спину.

— Не надо меня толкать, — ледяным голосом предупредил тот, резко крутанувшись на каблуке.

Риттау, который успел уйти на пару шагов вперед, вернулся и положил узкую, но крепкую ладонь ему на плечо.

— Я обвиняю вас в том, что вы слишком много себе позволяете. Вы не сознаете своего положения, Риамен. Это вчера вы были кем-то. Сегодня вы должны вести себя иначе, если хотите оставаться на свободе.

— Мне нельзя есть рыбу? — с горечью выдавил Терри, продолжая бороться, но скорее из чувства упрямства, чем действительно надеясь выйти победителем.

— У меня может возникнуть искушение посадить вас под арест исключительно на мясную диету. Вам нравится медленная смерть от обезвоживания? Очень неприятные ощущение, поверьте мне. Если голод окажется сильнее разума, может начаться перерождение печени.

— Я ел рыбу и остался жив, представьте.

— Вероятно это оттого, что само ваше существование нарушает один из законов Создателя. Скажите, Риамен, хотели бы вы прожить полгода-год на одной рыбе? Думаю, в Академии с радостью ухватятся за идею исследовать возможности вашего организма. Если сумеете выжить — я без разговоров выплачу вам треть своего годового жалования. Это вдобавок к тому вознаграждению, которое вы получите от магистра Арчера. Подумайте, всего лишь через год вы вновь станете богатым и знаменитым человеком.

Терри промолчал и отвел взгляд. Доказывать что-то своей смертью он не видел ни малейшего смысла. Риттау хлопнул его по плечу.

— Я так и думал. Идемте, Риамен, довольно тратить мое время попусту.

Терри больше не возражал, когда немногословный гвардеец подталкивал его в спину или напротив придерживал за локоть, пока они поднимались в приемную ректора. Он отгородился от происходящего, не желая принимать в нем участие. Будто со стороны смотрел, как его ведут в наручниках по знакомым коридорам, как провожают взглядами знакомые и незнакомые студенты. Кто-то выглядел встревоженным и даже спрашивал, что случилось.

Терри не отвечал. Если бы он сам знал!

Привычный мир сломался. Терри требовалось время, чтобы разобраться и понять, как собрать осколки. Но никто не собирался дать ему то, в чем он нуждался: хотя бы несколько часов в тишине, в одиночестве, без постоянных провокаций, проверок и унижения.

В приемной ректора было на редкость немногочисленно. Только два преподавателя стояли у окна с классными журналами в руках и вполголоса переговаривались. Терри обоих знал и уважал — и вовсе не хотел попадаться им на глаза с браслетами на руках.

Секретарь, едва завидев форму королевской гвардии, вытянулся по струнке и поприветствовал их, приложив ладонь к козырьку форменной фуражки. Риттау небрежно кивнул в ответ. Очевидно, подобные церемонии заботили его в последнюю очередь. По пути сюда он то и дело доставал из кармана часы и раздраженно щелкал крышкой.

— Господин Пауро у себя? Доложите ему, что нам нужно серьезно поговорить.

Секретарь помчался выполнять распоряжение. Терри подумал, что на этот раз ему стоит учесть все предыдущие промахи, не дерзить и смиренно принять дисциплинарное наказание. Лишь бы не усугублять свое положение.

Хотя куда уж хуже-то?

Господина Пауро студенты за глаза называли «Господином Пауко» и побаивались из-за строгого нрава. Однако наказания страшнее, чем часы внеурочной работы, которые он раздавал быстрее чем щелкает костяшками счетовод в канцелярии, хулиганам не грозили. Среди младших курсов на протяжении нескольких поколений ходили упорные слухи о каменном мешке в подвале, в котором могли запереть без хлеба и воды, но никто ни разу там не оказывался.

Терри был согласен на каменный мешок. По крайней мере, там будет тихо и спокойно.

Больше всего он боялся, что сейчас его освободят и ему придется вернуться в Овальную комнату с роялем, где собирались первокурсники в свободное время. Его засыплют вопросами, а он так хотел побыть в одиночестве. Терри подумал, а может, получится тайком пробраться в дортуар до отбоя и спрятаться с головой под одеялом? Или пойти в лазарет и умолять лекаря выделить для него койку в изоляторе? Нужно ли для этого симулировать чесотку или так пожалеют? Не каждый день на студента сваливается столько несчастий...

Секретарь пригласил «господ гвардейцев» войти в кабинет ректора и любезно придержал для них дверь. Учителя, ждущие своей очереди побеседовать с господином Пауро, не высказали возражений. Риттау жестом велел Терри не задерживаться в проеме. Еще один тычок ручкой парализатора под лопатку — и путь назад был отрезан.

Ректор, обширный в талии, но все еще осанистый как подобает сотнику в отставке, неторопливо поднялся и обошел письменный стол.

— Антеро Риттау, какая неожиданная встреча!

Риттау глубоко поклонился. Терри, замешкался, но быстро спохватился и последовал его примеру.

Совсем другим голосом господин Пауро назвал имя Терри. Казалось, вся сердечность, на какую был способен пожилой гвардеец, истратилась без остатка на старого знакомого.

— Вас я тоже не ожидал увидеть здесь, Риамен. Тем более в браслетах.

— Мне очень...

— Замолчите! Все, что я захочу узнать, мне расскажет господин Риттау, — ректор поднял обе ладони, показывая, что не хочет слушать оправдания. Терри прикусил язык.

И Риттау рассказал. Терри стоял, опустив голову и слушал, как лаконичный пересказ обнажает неприглядную суть его сегодняшних ошибок. Риттау, как назло, ни словом не выдал свои соображения о том, какими мотивами руководствовался обвиняемый. Хотя Терри был уверен: гвардеец знает и все понимает. Но не делает попыток объяснить.

В ответ на каждую фразу, в голове Терри всплывали возражения, но он, памятуя о том, что его положение действительно изменилось разительно, не осмеливался открывать рот. Ему пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы дождаться, пока Риттау замолчит.

«Сейчас слово предоставят мне и я так же по пунктам все опротестую», — подумал Терри, мысленно сгребая все запланированные тезисы в кучу.

— Все ясно. Вы его заберете, Антеро? — непонятно спросил господин Пауро.

Риттау в очередной раз достал из кармана жилета часы и посмотрел на циферблат. Защелкнул крышку.

— Нет, он мне не нужен. Если позволите, я откланяюсь прямо сейчас, не дожидаясь вашего вердикта. Опаздываю. Ярвин! — Молчаливый гвардеец без знаков различия на мундире вскинул подбородок, показывая, что внимательно слушает приказ. — Остаетесь за меня. Как только здесь закончите — жду доклад о том взыскании, которое наложит на студента господин Пауро. Вам ясно? Не трудитесь записывать — я жду вас лично.

— Будет исполнено, сотник!

Риттау посмотрел Терри в глаза.

— Будьте благоразумны, Риамен-младший, — вот и все, что он сказал перед уходом. Терри мог бы поклясться в том, что он обошелся без недвусмысленных угроз и внушений только потому, что очень уж спешил.

Глава третья. Больше ничего

Как только за Риттау захлопнулась дверь, господин Пауро потерял интерес к Терри. Он поскучнел, обмяк и потемнел лицом, как будто на плечи вдруг навалилась усталость.

— Собирайте вещи и убирайтесь вон, — он говорил спокойно, без злости и оттого в голове Терри не связались тон и смысл сказанного.

— Простите?

Ректор помассировал пальцами виски. Надавливал сильно, собирая складки кожи.

— Вы слышали. Вы больше не учитесь здесь. Прямо сейчас ступайте к кастеляну и сдайте мундир. Достаточно вы его опозорили сегодня.

Терри почувствовал, как невидимая рука сжимает горло, не позволяя вдохнуть.

— Но как же экзамены...

— Вы не допущены, — отрезал господин Пауро.

— Может, карцер? — тоскливо спросил Терри.

Ректор коснулся столешницы и отбил пальцами быструю злую дробь.

— Там обвалился потолок после Разлива еще лет семь назад. Как раз в тот год, когда мы имели глупость принять вас в число наших «семёрок». Видимо, это был знак...

Он прошелся по кабинету и сел за стол.

— Скажите, Риамен, как вы это себе представляете? Посадить первокурсника в карцер накануне выпускных экзаменов? Видимо, все воспитание придется уместить в два дня, потому что иначе как он сможет отвечать экзаменатору? Может, еще вспомните славную традицию наказывать студентов за нахальство ударами прута по ладоням?

Терри кивнул. Он успел воодушевиться надеждой, что ректору телесные наказания покажутся даже лучшим вариантом, чем отчисление.

— Какое мальчишество! Видимо, нужно будет объявить выговор вашим учителям. Не объяснили, что нельзя понарошку оказаться врагом народа. Ни одно наказание, которое могу назначить я, и близко не отвечает тяжести вашей вины.

— Вы не позволили мне объясниться! — не выдержал Терри.

— Не повышайте голос, Риамен, — как бы подавая пример, господин Пауро стал говорить тише и размереннее. — Мне не нужны ваши оправдания. Если вы получите диплом из моих рук — придется оправдываться уже мне, а я не хочу.

— Перед... перед кем оправдываться? — севшим голосом спросил Терри. Он обернулся на гвардейца Ярвина, будто надеялся выяснить ответ на этот вопрос хотя бы у него. Или в молчаливой просьбе разомкнуть браслеты. Ощущение, что у него скованы руки в этот момент, было настолько острым, что он с трудом выносил его.

Ярвин поймал взгляд Терри и вопросительно поднял густые черные брови. Будто хотел что-то сказать без слов, но что? Простоватая физиономия риорца мало чем превосходила табуретку в плане красноречивой мимики. В этом отношении аристократ Риттау был куда более «удобным» собеседником.

— Перед родителями ваших однокурсников, например. Перед общественностью, которая не прощает ошибок. Или вы думаете, что я могу, как вы, постоять перед ними, опустив голову, и изъявить желание посидеть пару дней под замком — и все на этом? Если бы вы были младше — я бы иначе с вами разговаривал. Но вам уже семнадцать лет, вы не ребенок, хоть и мыслите... черно-белыми категориями. Не смотрите на меня так!

Терри не отвел взгляд даже после окрика. Не дождутся! Если бы он только мог — устроил бы так, чтобы ректор видел его в ночных кошмарах.

«Ничего, — подумал он. — Ничего еще не потеряно. Военная школа — не единственное место, где можно получить диплом».

— Дайте мне документ, — замороженным голосом выдавил Терри.

— Какой еще документ вам нужен?

— Я учился семь лет и исключен перед экзаменами. Мне нужны табели за предыдущие полугодия, чтобы предъявить их в другой школе.

Ректор долго молчал.

— Я вас услышал, Риаман. Прямо сейчас ничем не могу помочь, в архиве все перевернуто вверх дном. Приходите через три дня — мы соберем для вас нужные документы, — устало проговорил он. — А сейчас ступайте паковать чемодан. Ярвин, вы можете освободить ему руки. И сопроводите его до дверей, если вас не затруднит.

Терри обернулся к гвардейцу. Ярвин стоял с ключ-пластиной наготове. С ее помощью он разомкнул магическую связь в браслетах, а потом по одному разблокировал так, что Терри без труда стянул их с запястий. Тяжелые стальные наручи забрал гвардеец и сложил в специальную сумку на поясе.

Ярвин молчаливой тенью следовал за Терри, пока тот ходил за чемоданом, собирал вещи и не отстал даже когда он, переодевшись, отправился к кастеляну сдавать форму.

Знакомые, если и хотели поговорить с Терри, при виде приметного черного кителя с золотыми пуговицами, вспоминали о других неотложных делах. В итоге никто так и не подошел. Терри сам не знал, как к этому относиться. Мысль о том, что без эскорта ему не давали бы прохода, заваливая вопросами, вызывала дурноту. Но изоляция тоже действовала на нервы. Если и был у Терри шанс выяснить, кто из однокашников ему сочувствует, он оказался упущен. Разве что кастелян, суровый усатый дед, который помнил еще восстание в Кайрулле, не постеснялся в присутствии королевского гвардейца обругать опозорившегося мундир студента так, что у него еще долго потом горели уши.

Как назло, его тоже нисколько не интересовала причина, из-за которой Терри лишился форменного ремня. Это сбивало с толку. Почему взрослым никогда нет дела до того, почему совершается проступок? Судейские разве спросили у матери, ради чего ей понадобились такие деньги? Нет, не спросили. Все допросы и разбирательства были посвящены тому, как технически ей удалось скрывать от короля крупные хищения.

«Должно быть, чиновникам нужны эти данные для того, чтобы не допускать подобное впредь. Какая разница, на что она тратила эти деньги, если их уже нет...» — мрачно размышлял Терри. От тяжелых мыслей его постоянно отвлекала необходимость воевать с громоздким чемоданом. Кастелян, должно быть, разозлился из-за ремня не на шутку — сославшись на несколько нарушенных пунктов устава школы, выдал отчисленному студенту вместо его собственного чемодана какое-то обитое клетчатой тканью недоразумение с ненадежной ручкой. Терри проглотил и это, удивляясь своему противоестественному спокойствию.

Разболтанная ручка оказалась совершенно негодной. Терри даже не успел покинуть территорию школы, как казенный чемодан упал на брусчатку. Латунные застежки не выдержали и крышка откинулась. Терри опустился на одно колено и закрыл ее, но подниматься больше не захотел. Так и сидел рядом, задумчиво обводя подушечкой пальца ребристую поверхность застежки и глядя в одну точку.

Ярвин, который шел позади, как телохранитель, сперва постоял в отдалении, а потом поравнялся с Терри.

— Долго будешь сидеть? — спросил гвардеец.

Терри помолчал, не сразу поднял голову, чтобы ответить.

— Пока не пойму, куда теперь идти.

Ярвин оглянулся. До дежурки привратника оставалось шагов двадцать пять. К высоким кованым воротам вела вымощенная дорожка. Терри остановился примерно на середине пути, внезапно решив, что не двинется с места без нового плана.

— Для начала нужно выйти отсюда, — просто сказал гвардеец.

Терри поставил чемодан и демонстративно сел прямо на него. Так было даже удобнее.

— Мне некуда торопиться. Все имущество конфисковано в пользу короны. Родственники, уверен, выставят меня за порог еще быстрее, чем это сделал Пауро. Я не знаю, где буду ночевать и что есть, пока школа собирает мои бумаги.

Гвардеец озадаченно почесал висок. Вряд ли он представлял себе ту Бездну, которую так ясно видел Терри. Когда-то перед ним расстилалась ясная и простая дорога. С дипломом он мог начать военную карьеру, повторил бы путь деда и прадеда. Больше того, выпускник Королевской военной школы мог сам выбрать цвет гвардейского мундира: синий, зеленый и даже черный! Быть может, однажды сын Лассель Риамен стал бы таким же самоуверенным подонком как Антеро Риттау, который явно носил знаки отличия сотника, раз Пауро чуть ли не обнимался с ним.

Терри скрипнул зубами. Эту дверь захлопнули прямо перед его носом. И кто? Собственная мать, которой ради каких-то невнятных мутных интересов понадобилось воровать налоги риорцев из казны!

— А твой отец?

— Понятия не имею, где он, — ровным голосом отозвался Терри. Больше ничего не сказал, потому что чувствовал — любое лишнее слово могло прорвать тонкую заслонку, которая удерживала его от недостойного поведения. Почему-то для него было важно не терять лица перед королевским гвардейцем, который потом будет докладывать Риттау подробности. Вести себя так, будто все в порядке, оказалось невыносимо, и Терри решил сохранять хотя бы видимость спокойствия.

«Со стороны, наверное, выгляжу таким же замороженным, как мать на суде», — с горечью подумал Терри.

Ярвин опустил перед ним на корточки. Голенища высоких сапог отчетливо скрипнули, а парализующий жезл на поясе, с легким стуком коснулся брусчатки.

— Слушай, парень. Я сам закончил эту школу, и знаешь что скажу? У нас на курсе был один парень, который проиграл форменный китель в карты в каком-то борделе — теперь он на флоте, ходит на «Непобедимом». А ты потерял ремень с гербовой пряжкой — и отчислен?

— Разве у того парня тоже мать изгнали за махинации с финансовыми документами? — безэмоционально спросил Терри.

Ярвин сдвинул фуражку с затылка на лоб.

— Разумеется нет. Но если бы судейские решили, что ты имеешь какое-то отношение к делам матери, тебя посадили бы на корабль вместе с ней.

— Очень жаль, что вы рассказываете мне эту интересную историю только сейчас, — Терри низко опустил голову, чтобы спрятать глаза. Внезапное сочувствие гвардейца — да

еще сильно после того, когда было необходимо — тараном прошибло его хрупкую защиту от эмоций. Вот что ему стоило сказать пару слов в его защиту еще в кабинете Пауро? Почему молча смотрел, как Терри не может найти доводы, чтобы отстоять свое право закончить обучение, за которое его семья заплатила в полном объеме?

«Украденными из казны деньгами? Даже не думай упоминать об этом, это теперь вообще не аргумент, спасибо матушке!» — он мысленно оборвал сам себя и почувствовал, как теснее сжимается удавка вокруг шеи. Его поймали, как кролика, любое движение только хуже сделает!

— Спокойно, парень, не раскисай. Я тебе ничем помочь не могу, что толку подставляться. Подумай сам. Есть в городе люди, которые расследуют случаи превышения полномочий?

Терри утер глаза рукавом пиджака. В непроницаемом тоннеле забрезжил свет.

— Искатели?

Ярвин положил ладонь ему на плечо.

— Попробуй. Серые, конечно, себе на уме, но подсказать что-то смогут. А мне пора. До дверей школы я тебя проводил, а про привратника мне ничего не говорили. Бывай.

Терри проводил его взглядом до самых ворот, а потом вздохнул и принялся рассматривать вырванные заклепки, которые держали ручку чемодана. Некстати вспомнилась детская поговорка. Терри невесело хмыкнул:

— Чемодан ты сломал, а чинить кто будет? Магистр?

Как ни странно, от этого вопроса стало чуть-чуть легче дышать. В голове прояснилось, и оказалось, что он еще может что-то придумать, чтобы облегчить себе жизнь.

Терри стянул с шеи темно-синий платок и привязал концы к ушкам латунных застежек. Оставалось только надеяться, что он не попадется на глаза хозяину знаменитого ателье, который вздумает подать в суд за поруганную честь своего баснословно дорогого шейного платка. Такой исход уже не казался Терри невозможным. События минувшего дня показали, что люди способны на что угодно, когда имеют дело с тем, кто оказался без защиты.

* * *

Штаб-квартиру искателей Терри увидел уже ближе к закату. Проклятый чемодан к тому времени окончательно вымотал ему нервы и лишил сил, однако Терри гнал прочь искушение бросить его в канал вместе со всеми дорогими батистовыми рубашками. Еще вчера бросил бы да и пошел дальше спокойно, утешая себя, что это такая своеобразная форма благотворительности или дань забытым морским богам, но сегодня его останавливала мысль, что новых батистовых рубашек ему никто просто так не даст.

А они понадобятся, если он не решит закончить жизнь под одним из риорских мостов среди прочих неудачников, пропивших или упустивших все шансы, какие давала им семья и общество.

Платок оказался не слишком удачной заменой ручки, а тащить чемодан как-то иначе не позволяли его размеры. Терри ругался сквозь зубы, временами останавливался, чтобы передохнуть, но упрямо волочил за собой те жалкие остатки собственного имущества, какие ему позволили оставить при себе. И не собирался лишаться еще и этого.

— Молодой господин желает прокатиться вдоль канала? — окликнули его.

Терри вздрогнул от неожиданности, что к нему кто-то обращается. Оглянулся, но никого не увидел. Оставил чемодан в поле зрения, подошел к кованым перилам и свесился

вниз. Наметанный глаз оценил, что совсем недалеко отсюда имелась и лестница, по которой можно спуститься на уровень ниже и сесть в прогулочную лодку вместе с треклятым чемоданом. Терри задумался.

Лодочник, приостановивший плоскодонку под мостом, мог бы отвезти его к поместью тетки по материнской линии всего лишь за четверть часа. Тетка, госпожа Риканен, всегда относилась к сестре и ее сыну лучше, чем остальные. Когда Терри учился в школе начальной ступени и жил с родителями, они плавали на таких вот частных лодочках на вечерний чай к тетушке если не каждый день, то близко к тому. Но откроют ли там двери после того, как Лассель Риамен лишили сословных привилегий и выслали из страны?

Если семейство Риканен откажется помогать, то что делать? Опять тащить чемодан к штабу искателей — только и разницы, что в обратном направлении?

— Нет, благодарю. Я уже почти на месте, — с заметным сожалением Терри отказался этой идеи.

— В таком случае, приятного вечера, господин! — Любезный лодочник помахал ему малиновым беретом и снова нахлобучил убор на голову.

— И вам, — кивнул Терри, про себя радуясь, что нашелся человек, который не попытался вытереть об него ноги и не сунул носом прямо в зловонную навозную кучу. Помахал ему в ответ.

Лодочник оттолкнулся длинным веслом от каменного парапета и направил нос плоскодонки под мост, негромко насвистывая незамысловатую мелодию. Если бы Терри напряг память — то вспомнил бы, что это песня про любовь деревенской простушки к высокомерному горцу. Но он не слушал. Терри искал глазами свой чемодан и не находил.

Только что был тут! Исчез!

Терри одним прыжком оказался на том месте, где оставил чемодан. Увидел улепетывающего вверх по улице мальчишку-оборванца. Что странно — без поклажи. Да и не утащил бы такой тощий голодранец такой громоздкий чемодан без ручки.

— Эй! Стой! — заорал он и бросился следом. Но быстро остановился. Крутанулся на каблуках. Мальчишка всего лишь отвлекал, наверняка воры продумали все, в том числе и бездумное желание ограбленного броситься вслед тому, кто убегает.

Ветер гнал по пустынной мостовой смятый газетный лист. Терри проводил его взглядом. Девушка с корзинкой цветов медленно шла со стороны Пристаней. Маляр в заляпанном краской сером фартуке нес в одной руке ведро, а на плече держал растрепанную щетку.

— Вор! Вы не видели вора? — закричал Терри.

Девушка встрепенулась и посмотрела на него непонимающе. Маляр остановился и приложил к глазам сухую ладонь. Посмотрел сперва на Терри, затем вслед убегающему мальчишке.

— Ась? Обокрали вас, милсдарь? Так вона паршивец утекает, вишь!

Терри с силой потер лоб.

— Нет, он просто убегает. Я отвернулся на пару минут, и чемодана нет...

Маляр развел руками. Жест вышел особенно курьезным из-за предметов, которые он продолжал держать в руках. Щетка едва не свалилась с костистого плеча.

— Бывает, милсдарь. Времена нонче беспокойные. Чай, ежели найдут, чем поживиться, непременно стянут у такого молодого и красивого господина.

Терри запрокинул голову к небу, мысленно желая вора провалиться в Бездну вместе с

чемоданом, и чтобы они этими батистовыми рубашками Владетелю зад подтирали до скончания времен.

— Лучше бы сразу украли, мне бы не пришлось его тащить через полгорода, — проворчал он.

Он подошел к перилам. Ветер усилился к сумеркам и сменил направление. Теперь он трепал волосы на затылке и тянул в сторону моря. Терри показалось, что он видит паруса того корабля, который увозил его мать навсегда. Захотелось обернуться одним из живых ветров и умчаться к ней, принести ей хоть травинку с родного берега, запутаться в ее волосах и утешить.

«Дурак. Это из-за нее у меня больше ничего нет. Даже треклятых рубашек и трусов — и тех больше нет», — хмуро подумал Терри и опустил глаза на мутную воду городского канала. Лишь бы не провожать взглядом едва заметные на горизонте паруса.

Чемодан — его нелепый клетчатый чемодан с привязанным вместо ручки синим шейным платком — уплывал в сторону Пристаней на плоскодонке любезного лодочника в малиновом берете.

«Отвлекли внимание и скинули с моста, благо тут невысоко», — понял Терри.

Еще можно было свистеть вслед вору и звать законников, тем более, что Управление на этой же улице находилось, но очередная потеря настолько логично вписалась в этот кошмарный день, что Терри только усмехнулся — как ловко обставили, шельмецы! Явно не в первый раз! Он не удивился бы, узнав, что участливый маляр тоже неспроста пальцем тыкал в мальчишку и руками разводил.

Корабль прежней жизни окончательно пошел ко дну. Странно было бы сохранить какие-то вещи на память о том, чего не вернуть. Как говорил дед, морские боги либо ничего не просят, либо забирают все без остатка.

«Больше ничего не осталось, — растерянно подумал Терри. Так и эдак покрутил эту мысль. И она ему понравилась. Он поднял глаза к темнеющему небу, в котором полыхало зарево заката. — Ну! Что дальше? Ни-че-го у меня больше нет, чтобы отнять, кроме жизни! Тебе придется хорошенько подумать, чтобы меня снова обокрасть, слышишь?»

Девушка-цветочница подошла к нему, поставила на парапет свою корзинку. У нее в руках остался хрупкий стебелек неразлучника. Полупрозрачные сиреневые лепестки поглаживал ветер. Терри чуть посторонился, глянул искоса на светлую кожу, расцелованную солнцем, на нежные девичьи губы.

Пока он глазел, губы сложились в виноватую улыбку.

— Никогда не видела, чтобы в Среднем городе кто-то оставлял целый чемодан без присмотра! — восхищение в голосе девушки если и прозвучало с оттенком насмешки, то самую чуточку.

Терри фыркнул из-за слова «целый». Потом усмехнулся, впервые представив, как эта незамысловатая уличная постановка, должно быть, смотрелась со стороны. А потом расхохотался. Да так, что пришлось утирать выступившие слезы рукавом. Цветочница улыбнулась и убрала выбившийся локон за ухо. Продолжая рассеянно крутить в пальцах стебелек, оперлась локтями о перила и долгим взглядом посмотрела на море.

— Вы только не расстраивайтесь сильно, — попросила она, заглядывая ему в лицо невероятными сине-зелеными глазами. — Люди говорят, на закате теряется только то, что на самом деле вовсе не нужно.

Лучи догорающего солнца золотили рваные лохмотья облаков. Ночной бриз поднял на

крыло стаю островных птиц. Оглашая округу жалобными криками, они то лениво плыли к далекой цепочке островов на горизонте, отдаваясь течению воздушных масс, то внезапно разворачивались и пытались бороться с ветром.

— Люди просто ищут утешения в поговорках, — медленно, подбирая слова, проговорил Терри. Ему хотелось произвести впечатление на цветочницу. — Нет ничего хорошего в потерях и тем более воровстве.

Глаза цвета моря, казалось, не знали другого выражения, кроме смеющегося. В них жили собственные искорки — небольшие желтые крапинки на радужке в другой момент показались бы изъясном, но только не на этом веснушчатом лице.

— Тогда, быть может, молодому господину стоит глядеть в оба?.. Или вот дайте мне мелкую монетку, а взамен возьмите цветок неразлучника. — Не дожидаясь оплаты, девушка заправила ему в петлицу хрупкий стебелек, едва касаясь пальцами, расправила лепестки. Терри затаил дыхание.

— У меня нет денег, сударыня, — выдохнул он, когда девушка отстранилась. — Я нищий.

Яркие глаза потемнели, будто живущее в них маленькое внутреннее солнце спряталось за грозовой тучей.

— Ай, какой обманщик, — цветочница отступила на пару шагов и погрозила пальцем не то шутливо не то в самом деле разозлившись. — В таком случае, придется вам подарить мне что-то, кроме денег, иначе неразлучник не уберезет вас от новых потерь в путешествии.

Терри вскинул брови, восхищаясь такому очаровательному нахальству. Вволю посмеявшись над пропажей громоздкого чемодана, который выводил его из себя, он чувствовал такую легкость в голове и всем теле, что удивлялся, как ветер до сих пор не подхватил его и не унес следом за птицами. Подчиняясь порыву, он шагнул к девушке, заключил ее в объятия и поцеловал.

Этот поцелуй был нисколько не похож на те, которые остались их общим летним секретом с кузиной Анитой Риканен. Мягкие губы цветочницы раскрылись, и она ответила. Подалась ему навстречу, запустила прохладные пальцы в волосы. Длинные пушистые ресницы дрогнули и опустились. Это мгновение длилось и длилось, и единственное, о чем мечтал Терри, — чтобы оно не заканчивалось никогда.

— А вы хитрец, господин, — цветочница отстранилась. Ее щеки заалели, а в глазах снова вспыхнули яркие искорки, которые привлекли Терри с первого взгляда. — Я хотела попросить что-то другое, но уже и позабыла что.

Она наклонилась и подхватила корзинку. Отошла — слишком поспешно по мнению обескураженного Терри — и пожелала удачи в дороге.

* * *

Адрес штаб-квартиры искателей знали, пожалуй, все, хоть редко кто из горожан когда-либо заходил туда. За приметной охряной дверью, по мнению многих, работали самые беспринципные люди во всем городе. Разумеется, в первую очередь всех раздражал королевский эдикт, который регламентировал ношение шляп серого цвета. Оказалось, что право носить такой головной убор нужно подтверждать разрешительными бумагами. Именно тогда искателей заметили все. Открытые письма, протесты, выражаемые на самых разных уровнях, и даже единодушное, хотя и краткосрочное бойкотирование эдикта ничего

не изменили, а искателям придумали пренебрежительную кличку «Серые». Впрочем, это прозвище прекрасно вписалось рядом с «королевской псарней».

Терри остановился рядом с входной дверью, с некоторым недоверием ознакомился с гравировкой на приветственной табличке: «Приходите завтра».

Он задрал голову, чтобы удостовериться, что ему не показалось, и в окнах на втором этаже все еще горел приглушенный свет. Мог ли он рассчитывать, что не все разошлись по домам?

Терри решительно постучал. Ему никто не ответил.

Когда-то отец говорил, что неплохо бы его сыну стать искателем, чтобы прикрывать родичей от излишне пристального внимания Серых. Мать тогда поинтересовалась, какие тайны он скрывает, и тот никогда больше не поднимал эту тему.

«Интересно, если ли бы я надел серую шляпу, как хотел отец, успел бы предупредить мать, что „гончие“ обнаружили ее махинации?»

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, ему нужно было для начала выяснить, когда сами искатели узнали об этом.

Скорее из упрямства, чем рассчитывая на успех, Терри подергал ручку. К его изумлению, дверь тихо отворилась.

За ней оказалась маленькая чайная лавка, совершенно безлюдная. На тщательно отполированной стойке разместилась имперская лампа с обтянутым зеленой тканью абажуром. Терри видел такие только нарисованными в рекламном разделе газеты. Он подошел ближе и с любопытством заглянул под абажур. Точь-в-точь как их описывали! Внутри продолговатой стеклянной колбы вился многократно свернутый раскаленный шнур. Он и был источником света. Не будь причудливого имперского изобретения — абажура, который приглушал резкое сияние, долго смотреть на лампу было бы решительно невыносимо. Терри не удержался и взял лампу за резную лакированную ножку, чтобы посмотреть, правда ли, что в основании прячут красные кристаллы, которые дают энергию всем простым волшебным вещам.

— Вы по какому вопросу пришли? — вдруг резко спросил кто-то. Голос раздался сверху, поэтому Терри задрал голову. На втором этаже была отворена дверь, и скошенный прямоугольник света лежал на лестничной площадке. Темный человеческий силуэт оторвался от проема и начал спускаться по скрипучим ступеням.

— Мне нужно поговорить, — Терри поставил лампу на место и на всякий случай загородил ее спиной. И руки тоже спрятал в карманах брюк, — с кем-то из искателей.

Мужчина прошел первый марш и остановился. Он был одет в белую рубашку с черными подвязками на рукавах, жилет и модные брюки со стрелками. Черты его лица терялись в тених, но улыбка показалась Терри знакомой.

— Здесь хватает искателей, и почти все они не дураки почесать языками, господин Риаман, — он выдержал короткую паузу и заговорил быстрее, будто торопился. — Надо же, не сразу узнал вас в городской одежде. Но я рад, что вы зашли.

Он сделал открытой ладонью широкий приглашающий жест.

Терри поднялся следом за ним на второй этаж, гадая, почему Серый говорит, что рад его видеть. Радость эта казалась Терри такой же фальшивой и чрезмерно яркой, как свет новой имперской лампы.

Он оглянулся. Перед ним в хаотичном порядке стояли письменные столы, заваленные дешевыми желтыми листами писчей бумаги, и на каждом была такая же грешная лампа, что

светила вниз. Искатели, несколько мужчин средних лет, стояли у окна рядом с узнаваемым рогатым силуэтом кухонной горелки и разливали по чашкам свежезаваренный чай из видавшего виды закопченного чайника. Тусклую медь давно не чистили, поэтому чеканный рисунок на ней затерялся.

Появление запоздалого гостя искатели не то чтобы не заметили, но единодушно проигнорировали, будто давно привыкли к посетителям, не обращающим внимание на убедительную просьбу приходить завтра.

— Господин Ал-пин... — начал он, с трудом вспомнив имя, каким назвал этого человека король в зале суда.

— Фарелл. Алпин Фарелл, шеф-искатель, — перебил Серый и протянул раскрытую ладонь для рукопожатия.

Терри растерялся. Он не то что не рассчитывал поговорить с самим шефом, а даже собирался просить своего «знакомого искателя» утаить от начальства его визит.

— А почему король спрашивается о вашем здоровье, господин Фарелл? — ляпнул он первое, что пришло в голову.

Фарелл наклонил голову и глянул на Терри искоса.

— Непр-равильный вопр-рос. Я отвечаю на такие вопросы, — он прервался для того, чтобы вытащить из кармана часы, открыл крышку и тут же закрыл, — лишь до трех часов пополудни. А вы, господин Риамен, пришли затемно. После заката наступает время для других бесед... я бы даже сказал, частных.

Терри не был уверен, что он пришел к искателям, чтобы искать приватности. Как-никак, бордели находились на другой улице. Но он растерялся и не успел придумать достаточно остроумный ответ. Шеф-искатель вроде и деликатно, но при этом твердо положил ладонь ему между лопаток и повел мимо письменных столов. В лабиринте письменных столов, ящиков с бумагами и стопок перевязанных газет он чувствовал себя как рыба в воде. Терри оставалось только внимательно следить за тем, чтобы не налететь с размаху на угол или не опрокинуть мусорную урну, набитую рваными и скомканными листами.

— Мой кабинет, — с гордостью объявил Алпин Фарелл, указывая на клетушку с отдельной дверью, которая едва-едва превосходила размерами платяной шкаф в поместье Риамен. Терри вежливо похвалил обстановку, а затем огляделся, чтобы найти повод для более искреннего комплимента. В помещении царил почти хирургический порядок. После хаоса общего зала здесь было даже уютно. Спокойно. В углу нашлось место для высоких кабинетных часов с маятником. Очень дорогих.

— Работа господина Канерва? — спросил Терри, любясь искусной резьбой. — Узнаю руку мастера! Это подарок или вы сами приобрели их?

— Цените антиквариат? — равнодушно спросил Фарелл, усаживаясь в свое кресло и открывая блокнот для записей. — Необычное увлечение для молодого аристократа. Я полагал, они все гонятся за славой и званием. А вы?

Длинная стрелка только недавно миновала вершину циферблата. Терри закрыл глаза, прислушиваясь к едва слышным щелчкам механизма. Некстати подумалось, что, приди он раньше, услышал бы, какую мелодию спрятал внутри легендарный мастер. Знающие люди говорили, он никогда не делал часы с одинаковым боем.

— У нас были такие. Дедушке сам господин Канерва подарил. Я любил их, когда был ребенком, и не думал... что однажды пойму, как мне их не хватает. Ваши часы напомнили

мне о доме, которого у меня больше нет.

Фарелл почесал правую бровь колпачком вечного пера.

— Вы угадали. Это подарок. Я еще сам не разобрался, нравятся ли они мне или раздражают. Бьют так, что все мысли из головы вылетают, зато мои охламоны стали чай по часам пить, а не как придется. Я человек в высшей степени прагматичный, господин Риамен. Вещи и люди служат мне лишь до тех пор, пока пользы от них получается больше, чем вреда.

Он указал Терри на стул. Постучал самопиской по столешнице, нарисовал загогулину в уголке листа, чтобы проверить чернила. Несмотря на громкое название, на самом деле эти перья были не такими уж «вечными».

— Вам удалось поговорить с матерью?

— Нет.

— Вот как? Почему?

— Она не захотела говорить, — спокойно отозвался Терри. Не зная, куда деть руки, он переплел пальцы в замок.

— Вам не кажется это странным? Я видел много судебных заседаний, но никогда еще обвиняемый не сохранял такое хладнокровие от начала и до конца, как госпожа Риамен.

— Я не видел, как судят других, — медленно проговорил Терри, не отрывая взгляда от собственных рук. — Но могу сказать, что моя мать вела себя... как подобает в ее положении. Или вы считаете, ей следовало заламывать руки и рыдать, умоляя о пощаде? На глазах короля, которого она предала? Сомневаюсь, что моя мать на это способна.

Серо-зеленые глаза шефа-искателя пронизательно сощурились.

— Вас гложет обида, Терри Риамен. Уверен, вы даже не попытались выяснить, почему она так поступила.

Терри протер уставшие глаза.

— Если бы вы не пытались задержать меня... а затем и ваши знакомые господа Риттау и Фархад... может, я услышал бы ответ. А может и нет. Она была, — он задумался, подбирая нужное слово, — погружена в себя. И нет, я вовсе не обижен. Я не малое дитя, чтобы требовать от матери ласки в такой момент.

— «Мои знакомые господа», — Фарелл наигранно повторил интонацию Терри, — настойчиво рекомендовали мне не искать с вами встреч. Возражать я не стал. Но вы пришли сами. Я полагал, вы выяснили что-то важное о деле вашей матери. Как оказалось, новую точку зрения вы мне не принесли. Так зачем вы пришли, Терри Риамен?

— Просить о помощи.

Луна заглядывала в окна коридора на третьем этаже. Перед запертыми створками дверей Малой библиотеки дежурил парень из дворцовой службы безопасности. Неудержимо зевал и часто моргал, борясь со сном. Риттау хотел пройти мимо, но решил, что здесь что-то не так. Никогда прежде он не видел, чтобы люди Рагнара сторожили книги по ночам. Нехорошие подозрения кусались ненавязчиво, но ощутимо.

С некоторых пор предателей и заговорщиков вокруг стало слишком много.

— Руки вверх! — издали скомандовал Риттау, заводя руку за полу пиджака.

Безопасник, хвала Создателю, не подчинился, а вместо этого схватился за парализатор и огляделся. Увидел Риттау в неверных тенях коридора, но вряд ли узнал сотника королевской гвардии, так что угрожающей позы не сменил.

— Кто таков?

Риттау подошел вразвалочку и сунул мальчишке под нос раскрытый бумажник с королевской звездой.

— Антеро Риттау, сотник, — сухо представился он. Захлопнул бумажник и сунул обратно во внутренний карман. — Я, конечно, всегда поощрял любовь подрастающего поколения к знаниям, но мне кажется, библиотека уже закрыта, разве нет?

— Никак нет, сотник! Велено охранять.

Риттау посмотрел на парня как на идиота. Вот уж точно говорили, что Рагнар набирал себе людей по остаточному принципу. Из тех, у кого в головах сплошной осадок. И, скорее всего, руководствуясь исключительно жалостью к их семьям.

— Кого? От кого охранять?

— Не велено разглашать, сотник, — в его ответе послышалось беспричинное превосходство.

Растянув губы, Риттау изобразил улыбку, а сам между тем высчитывал угол атаки. Если прижать парня, ударить виском о косяк, а потом заломить руку, он расколется. Сам виноват будет. Но Рагнар потом станет таскаться следом и нудить, что «особые» не имеют права запугивать дворцовую охрану.

— Что значит «не велено разглашать»? Я повторю по слогам, мне не сложно. Сот-ник. Королевская гвар-дия. Я отвечаю за безопасность короля головой, а тебя и знать не знаю. Или ты прямо сейчас докладываешь, кто ты такой и что тут делаешь, или...

— Мое имя Хале Магтила, служба безопасности Белого Дворца. Я охраняю короля, — выпалил безопасник, мучительно краснея.

Риттау с сомнением посмотрел на табличку, сообщающую, что за дверью находится Малая библиотека. Там держали архивы, причем бесполезные. Бесконечные и скучные описания земель да разного рода бестолковые истории. Впрочем, если речь шла об Эриене, любые догадки теряли всякий смысл. Если королю что-то понадобилось в тех архивах среди ночи, он вполне мог взять за шкуру рагнарковского щенка и усадить рядом с дверью, чтобы учился сторожить. Или, что еще вернее, служить.

— Чудно, я как раз искал его. Пропусти, у меня важный разговор.

Безопасник отчаянно замотал головой. Вот такую реакцию Риттау считал искренней и подходящей случаю. Он не удивился, услышав:

— Велено никого не пускать, сотник.

— Подожду здесь, — легко согласился Риттау и, ничуть не смущаясь, уселся на низкий подоконник. — А ты пока подумай, что будешь делать, если соврал мне прямо в глаза, Хале Маттила.

Риттау смотрел дружелюбно, пряча за легкой улыбкой собственные мысли. С тех пор, как ему пришлось бегать за изворотливым убийцей по всему дворцу, он стал иначе относиться к любой странности. Если бы он тогда вовремя прижал к стене канцеляриста, подозрительно плохо осведомленного о делопроизводстве, королю не пришлось бы зашивать рану на животе. И не понадобился бы новый сотник на место прежнего.

Поскучав в тишине некоторое время, Риттау решил, что он недостаточно поработал с безопасником.

— А ты давно служишь во дворце, Маттила? Почему я тебя никогда не видел?

— Недавно приняли, сотник. Неполных три декады прошло, — понизив голос ответил стражник.

Риттау оценил, что парень понимает, что болтать на посту запрещено, но он был слишком «зеленым», чтобы не реагировать на вопросы сотника королевской гвардии. Или не слишком дорожил своим постом — такой вариант тоже исключать не стоило.

— Имя у тебя странное, Хале Маттила. Откуда ты родом?

— Почему странное? — стушевался молодой безопасник. — Я вырос на ферме недалеко от Риордана, и деды мои там всю жизнь прожили. Недалеко и речка есть — так же зовется, Матти. Я, выходит, «с Матти» — потому имя такое.

— Речка, значит? — насмешливо протянул Риттау. Его начинал забавлять этот парень, который искусно балансировал на лезвии подозрений, будто канатоходец-жонглер с факелами. Слово скажет — хоть прямо сейчас руки ему за спину крути, второе скажет — и впрямь деревенский простак, из таких, у кого тавро на лбу выжжено. Точь-в-точь сын Риамен, только и разницы, что в одном видна порода и хорошее образование, а на втором Создатель решил отдохнуть.

«Надо будет спросить у Рагнара, где он таких берет, и готов ли за каждого артиста головой отвечать», — подумал Риттау, глядя холодно и внимательно подмечая каждое движение стражника, но при этом не прекращая вежливо улыбаться.

— Нелегко тебе служить во дворце, паренек «с Матти», а? Безумный король на то и безумный, что держит всех на коротком поводке. Мы, столичные, привыкли к его выкрутасам, а у вас на ферме, наверное, до сих пор никто и не слышал о его... привычках.

Хале Маттила недоверчиво уставился на Риттау. Тот отметил, что глаза у него не такие, какие бывают у коренных риорцев: слишком уж «разбавленным» был яркий синий цвет.

Наглуую имперскую зелень так просто не скроешь. Всегда и везде пролезет.

— Я... н-не....

От необходимости отвечать безопасника спас сам король. Дверь библиотеки открылась, выпуская монарха. Риттау легко вскочил, низко поклонился. Эриен смерил взглядом своих людей, особенно пристальное внимание досталось сотнику. Если судить по стиснутым кулакам и острому взгляду, он слышал если не всю беседу, то кульминацию — точно.

— Ты, — он ткнул пальцем в вытянувшегося по струнке стражника. — Свободен. Иди отсыпайся или в карты в дежурке играй, если желаешь. Узнаю, что болтаешь о чем не следует — натравлю вот этого, — Эриен небрежно кивнул на сотника и грозно переспросил: — Понял?

Хале Магтила подтвердил, что понял, и быстрым шагом покинул пост. Риттау проводил его задумчивым взглядом, пообещав себе заняться этим фермером вплотную как только появится время.

Эриен жестом приказал следовать за ним.

— А у тебя что? — спросил он на ходу, будто забыл, что лично поручал сотнику предупредить развитие возможных проблем с сыном Риамен. Как-никак после изгнания матери, тот мог повести себя неправильно. Да что там, он и повел себя неправильно, по-детски, будто ему не семнадцать, а в лучшем случае лет десять. Но Риттау считал, что любая живая реакция лучше, чем тишина над темным омутом. Об этом он и собирался докладывать.

— Терри Риамен, ваше величество, единственный сын Лассель, но не единственный сын ее мужа, хоть это к делу и не относится. Разве что можно учесть на будущее... Я поговорил с ним, объяснил, в чем дело. Парень неглупый для своих лет. У него явно есть способности к точным наукам — за семь лет ни разу не получил на экзамене оценку ниже, чем «Превосходно».

Эриен не сбавил шага.

— И что? Он сын моего финансового советника, ты ожидал чего-то иного?

— Но при этом в нем хитрости нет, он простодушен и даже в чем-то наивен.

Король оглянулся через плечо.

— Не пойму, к чему ты клонишь. У меня таких простодушных наивных идиотов — полдворца. Я убийц и заговорщиков вычисляю только на том основании, что они умнее прочих, выделяются, — раздраженно ответил он.

— На вашем месте я бы направил мальчика в то место, где его таланты оценят по достоинству. Безусловно, он сможет принести пользу науке.

Эриен остановился. С минуту, не меньше, он рассматривал лицо Риттау, будто пытался разглядеть его потаенные мысли.

— Ты хочешь отдать его Арчеру? — переспросил он недоверчиво.

— На определенных условиях, — кивнул Риттау. — Он либо справится и станет лучшим из лучших, либо мы узнаем, как долго склонные ко лжи выродки могут продержаться на рыбной диете.

Глава четвертая. «Счастливый билет»

Круглая площадь с фонтаном перед Академией была полна народу с раннего утра. Начинался первый день Ярмарки, и высокие ворота вот-вот должен был открыть Неспящий. Люди, в особенности охочая до зрелищ малышня, собирались, чтобы поглазеть, как железный страж оживет и сойдет с пьедестала.

Терри сидел на веранде под хлопающим пурпурным пологом и, откинувшись на спинку неудобного стула, наблюдал. Ждал. Размышлял. Перед ним стояла белая чашка с нетронутым чаем, а на блюде лежала карточка со звездой Академии. Терри старался на нее не смотреть, но взгляд постоянно возвращался к острым синим лучам на белом фоне, расходящимся от стилизованной буквы «А».

Пригласительная карточка в Академию стоила очень дорого, и воспользоваться ей можно только во время очередной Ярмарки. Или ждать следующей, но когда она еще будет — о том одному Верховному известно. Ну или королю. Терри всегда думал, что Академия сама решает, когда открывать ворота, но теперь понял, что у короля куда больше власти, чем принято считать. Уж больно «вовремя» Терри получил приглашение. В подобные совпадения мог поверить только ребенок.

С последними детскими иллюзиями Терри попрощался в зале суда.

Подошел подавальщик с небрежной каштановой копной на голове и равнодушно спросил, позволит ли гость взять освободившийся стул, если он, конечно, не ждет кого-нибудь еще. Терри едва не подскочил от неожиданности — настолько он был погружен в свои мысли, что любое вторжение извне воспринималось как угроза.

— Н-нет, я больше никого не жду.

— Разве что Неспящего, да? — подмигнул подавальщик, забирая стул, с которого не так давно встал Риттау.

Сотника уже и след простыл, а Терри продолжал слышать его бесстрастный голос: «Фарелл не придет, а у меня нет времени бегать за вами и уговаривать не делать глупости. Сможете поступить — считайте, что вытянули счастливый билет, а провалитесь — так господин Талли всегда рад если не сборщикам, так кочегарам».

«У меня нет денег на оплату пансиона», — Терри прижал пригласительную карточку подушечкам пальцев и демонстративно отодвинул на другой конец стола. Ему некстати вспомнилась угроза Риттау сдать его на опыты магистрам. Это был иррациональный страх, но настолько острый, что Терри почти чувствовал тонкую кость, застрявшую в горле.

Риттау поднял со стола пригласительный, покрутил в пальцах, а потом положил его точно в центр блюда.

«Вы отвлекаетесь от сути. Сперва докажите его величеству, что вы чего-то стоите, а он только рад будет помочь вам добиться большего. Приглашенный с открытой датой — если считаете, что не готовы, найдите возможность подготовиться. Или продайте бумажку любому бездельнику, желающему прогуляться по Сияющему кварталу. Решайте сами, как распорядиться шансом изменить судьбу, но знайте, что другого не будет. Терпение его величества не безгранично».

«Решайте сами», — эти слова крутились в голове как проскальзывающие мимо язычка шестеренки, неостановимо, по кругу, и не приводили в движение другие мысли. Терри знал, что нужно решать самому, но он также знал, что не сумеет сдать экзамен без подготовки. Он понятия не имел, какие вопросы его ожидают, он ничего не знал о магии и гораздо лучше разбирался в налоговом праве, чем в механизмах.

У ворот Сияющего квартала возникло оживление, до террасы донеслись восторженные возгласы. Многочисленные головы зевак закрыли от Терри Неспящего, но он хорошо видел, что место, на котором обычно стоит железный страж Академии, уже пусто. Музыканты заиграли праздничный марш. Терри отчаянно захотелось оказаться в этой радостной толпе, стать ее частью и хоть на какое-то время выбросить из головы мысли о будущем.

Но шестеренки с мелкими острыми зубчиками продолжали крутиться в голове и не желали останавливаться. Терри сгреб картонку с шипастой звездой Академии, сунул во внутренний карман и поспешно ушел, оставив нетронутый чай, за который ему нечем было заплатить. Подавальщик проводил его взглядом, но не окликнул и дорогу не преградил: должно быть, он даже не заподозрил, что господин с пригласительным билетом в Сияющий квартал может не оставить на столике пару риенов за чай.

Плечи обнимало солнечное тепло. Терри шел к воротам мимо празднично одетых горожан и сам не мог предугадать, хватит ли ему решимости отдать зрителю Ярмарки прямоугольный лист картона, который Риттау патетично назвал «счастливым билетом».

Терри не мог уложить в голове случившееся.

Королевский гвардеец Антеро Риттау пришел на встречу, которую назначил шеф-исследователь Алпин Фарелл, чтобы предложить отчисленному из школы сыну изменницы стать магистром... Кому рассказать — не поверят же!

Правда, рассказывать некому.

В Акаато-Риору не осталось никого, кому Терри мог бы доверить свои мысли без опаски, что уже завтра об этих мыслях не будет уведомлен вездесущий Риттау и король.

Под нагретый солнцем пиджак пробралась невидимая холодная рука страха. Терри поежился.

А что если Риттау неспроста принес ему пригласительный? Дарить такие дорогие билеты зная, что они пропадут втуне, — не просто жестоко, это бессмысленно жестоко! Что-то ведь заставило сотника думать, что несостоявшийся гвардеец может стать магистром?

А что если правда может? Тогда он будет жить в Сияющем квартале, изучать магию, изобретать новые волшебные вещи. Безопасная, сытая жизнь магистра казалась гораздо привлекательнее перспективы десять часов в день кидать уголь в плавильную печь на заводе господина Талли, который и впрямь обклеил все стены в Среднем городе объявлениями с предложением простой работы для выносливых мужчин.

Терри себя настолько выносливым не считал.

Он остановился неподалеку от круглого фонтана, чтобы понаблюдать за магистрами со стороны. Обитатели Сияющего квартала разворачивали на площади разноцветные палатки и устанавливали торговые лотки, на которые скоро выложат волшебные вещи для свободной продажи. Им помогали неразговорчивые рабочие в простых серых куртках. Все рабочие выглядели лет на десять-двадцать старше, чем магистры, которых Терри легко мог бы принять за сверстников. Это наблюдение показалось ему странным. Легко было списать все на какие-то магические эманации, из-за которых магистры медленнее старели, но Терри предпочел спросить.

Долговязый брюнет с узким лицом и растрепанной шевелюрой показался Терри самым дружелюбным среди всех, кто носил синие форменные куртки. Он как раз снял с носа очки, чтобы протереть их, отчего лицо его сделалось каким-то беззащитным. Такой точно не отправит излишне любопытного городского зеваку в далекое пешее путешествие Владетелю под хвост.

— Мир вам, магистр, — поклонился Терри.

Брюнет торопливо водрузил на нос круглые очки и удивленно воззрился на Терри.

— И вам мир, добрый человек, — несколько растерянно отозвался он и поправил стоячий воротничок с вышитой серебряной звездой.

— Что будете продавать? — Терри решил зайти издалека. Он указал на составленные один поверх другого ящики, сквозь щели которых проглядывали округлые бока небольших аккуратных керамических горшков.

— Порошок для каминов, — криво улыбнулся магистр. — Чтобы огонь дольше горел. А есть такой, который меняет цвет пламени. Еще есть искры в гранулах. Подходите, когда все разложу.

Он наклонился, подобрал две полые трубки и соединил их, вставив одну в другую. Терри вызвался помочь. Магистр внимательно посмотрел на него и медленно покачал головой.

— Здесь достаточно рабочих. Смотрителю не понравится, что кто-то из городских отирается рядом с материалами.

— Думаете, я хочу что-то украсть? — оскорбился Терри.

— В этом я сомневаюсь, — хохотнул магистр. Он указал на высокое ведро для мусора, накрытой крышкой. — Если кому-то придет в голову унести неоплаченную покупку, его придется в совочек собирать. Предупреждения читать надо!

Терри стусеивался. Он никаких предупреждений и впрямь не заметил. Хотя в газете что-то подобное читал. Академия не церемонилась с ворами — это все знали.

— Я спросить хотел. Влияет ли магия на человеческий организм... ну, как-то по-особенному?

Магистр взъерошил пятерней отросшие волосы.

— Влияет, — признал он с неохотой. — Еще как.

— Дает вечную молодость? — воодушевился Терри.

— Это точно, — легко согласился магистр и добавил, выпятив узкую грудь колесом. — Мне, например, на днях сто одиннадцать лет исполнилось. Всей Академией отмечали, сам господин Арчер набор серебряных приборов подарил. С памятной гравировкой.

Терри заглянул ему в лицо. Синие глаза риорца за тонкой металлической оправой смеялись.

— Врешь? — упавшим голосом спросил он, от огорчения не заметив, что потерял уважительную форму глагола.

— Это Ярмарка, друг, — проникновенно сказал магистр. — А ты что-то другое услышать хотел?

Терри хотел сказать, что единственное, чего он точно не хочет слушать — это ложь вместо ответов на простые вопросы. Но сказал другое.

— О чем спрашивают на вступительном экзамене?

Магистр усмехнулся.

— А я-то думаю, чего прицепился! А ты учиться, значит, хочешь?

Терри достал пригласительную карточку, показал. Даже приятно стало, что у него такая есть, и не нужно спрашивать, как бедный, но талантливый человек может обойти запрет на посещение Академии. Магистр уважительно поднял бровь.

— Красивая, — без эмоций отметил он, мазнув взглядом по картонке. — Точно хочешь? Никаких вариантов получше нет?

Настал через Терри растерянно чесать затылок.

— Получше, чем Сияющий квартал? Вы, должно быть, шутите? Это же как...

— Как жить в светлом будущем, да-да, — нетерпеливо закончил за него магистр. — «Королевский вестник» нам передают, можешь дальше не цитировать. Питание, проживание, одежда, лекарства и любые волшебные вещи в свободное пользование, какие только пожелаешь. Ну да, ну да. Пойдем, провожу куда следует.

Но перед тем, как проводить Терри «куда следует», магистр подошел к одному из рабочих. Он сидел на корточках и подкрашивал деревянные распорки. Магистр наклонился к нему и что-то негромко сказал, но будто не был услышан. Рабочий продолжал возить кисточкой по одному месту и даже не поднял головы. Магистр опустил на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне. Еще раз повторил — судя по движению губ, медленнее.

Рабочий кивнул, мол, понял. Встал, вытер руки о грязное полотенце, свисающее из кармана, и подошел к той лавке, которую собирал магистр перед тем, как Терри отвлек его вопросами.

— Мир вам, — вежливо поздоровался Терри, когда мужчина поравнялся с ним. Рабочий не ответил на приветствие. Подобрал оставленные трубки и продолжил собирать каркас палатки.

— Советую не терять времени зря, — нетерпеливо сказал магистр. Что-то в его тоне подсказывало: он имел в виду исключительно свое время.

* * *

Смотритель в белом плаще стоял рядом с Неспящим в расслабленной позе, опершись спиной на кованую решетку распахнутых ворот. Несмотря на то, что страж открыл проход, горожан внутрь Сияющего квартала все равно не пускали — мощеная улица за плечом смотрителя была пуста.

Магистр в синей форменной куртке подтолкнул Терри вперед.

— Ментор, этот человек пришел учиться.

Терри с подобающим случаю поклоном протянул пригласительную карточку. Он обратил внимание, что рука смотрителя оказалась женской: длинные изящные пальцы, украшенные массивными перстнями, невесомо коснулись его ладоней и забрали бумажный прямоугольник.

— Прекрасно, — голос у «ментора» оказался глубокий, красивый и несомненно женский. Терри поднял глаза. Он никогда не задумывался, что магистрами могут быть женщины. Ему просто не приходило в голову, что у этого слова нет рода, как нет его и у фамилий.

— Мир вам, госпожа, — Терри отступил на шаг и поклонился иначе: как принято приветствовать знатных дам на светских мероприятиях. Она снисходительно покачала головой. Ее почтенный возраст выдавала только седина, почти незаметная в светлых

волосах, да еще морщинки, легко собирающиеся у тонких губ.

— Очаровательно. Аристократ-полукровка. Вы, должно быть, тот самый младший Риамен? Наслышана.

Терри смутился. Рука против воли потянулась к выбритым вискам: именно над ушами лезла проклятая серебряная прядь, выдавшая в нем выродка. Хотя мало кто мог обмануться из-за короткой гвардейской стрижки. Светлый сиреневый цвет глаз не распознал бы только тот, кто понятия не имел о том, как наследуется кровь Детей Небес. Кто-то вроде степняка Фархада, который не то издевался, когда настаивал, что мужчина должен есть красное мясо, не то на самом деле не знал, что Создатель создал Первых детей вегетарианцами.

— Нет нужды прихорашиваться, Риамен. Ваша внешность не имеет значения в Академии, вы бы лучше привели в порядок то, что находится под этой модной стрижкой.

За плечом Терри насмешливо фыркнул магистр, который только что хвалился, что ему сто одиннадцать лет. По мнению Терри, ему следовало вернуться к своим делам — тем более он так переживал, что впустую тратит время. Оказалось, что смотрительница относилась к смешкам за спиной схожим образом. Она грозно уточнила, не стоит ли ей придумать новую задачу, чтобы занять досуг «господина Рантала». Тот немедленно извинился, пожелал Терри удачи на экзамене и ушел.

— Он ведь на самом деле вовсе не магистр, верно? — уточнил Терри, глядя ему вслед.

Полукруглые стекла очков на носу смотрительницы поймали и отразили слепящий солнечным блик.

— Магистр — это научная степень, и ничего сверх того, — назидательно сказала она. — Далеко не все, кто живет и работает за границами энергетического барьера, могут похвастаться тем, что успешно защитили квалификационный научный проект... Но для горожан это совершенно лишняя информация.

Смотрительница подошла к прямоугольной коробке, на которой висела предупредительная табличка, обещающая бесплатную кремацию для всех, кто вздумает лезть внутрь. Вытащила из кармана плаща металлическую пластину на тонкой цепочке и вставила в узкую щель. Ничего не произошло. Терри моргнул и очень внимательно посмотрел на ворота. Ему показалось, что он видит проблескивающие в солнечных лучах прозрачные нити. Будто паутинки, протянутые от одного столба в другому. Эти беззвучные паутинки совсем не походили на обычные магические экраны — те были очень даже ощутимы из-за сопротивления воздуха, и, отключаясь, переставали рябить и надсадно гудеть. Тишина до и после взаимодействия с пультом управления казалась подозрительной.

— Вас что-то смущает? — обернулась к нему смотрительница.

— Почему меня что-то должно смущать? — занервничал Терри, который планировал пропустить даму вперед и ничем не выдать своего замешательства.

— Вы видите что-то необычное?

— Кажется, что-то случилось с экраном, госпожа магистр. Он будто продолжает работать.

Смотрительница спокойно переступила через нижнюю рамку экрана. Терри шумно выдохнул: сцена сожжения неосторожной женщины отменялась. Она поправила очки на носу. В стеклах заиграла радуга.

— Судя по всему, он все-таки отключен, — будничным тоном прокомментировала магистр, пряча металлическую ключ-пластину в карман. — Впрочем, будь на вас такие очки, как у меня, вы могли бы видеть, что любая энергия не появляется из ниоткуда и не исчезает

бесследно. Остается след. Кое-то может его видеть... Идемте, Риамен, ваши зоркие глаза сами по себе не обеспечат вам место среди студентов. Докажите сперва, что умеете решать задачки.

Самое странное, что магистр не шутила. Терри действительно пришлось целый час сидеть в пустой аудитории и решать задачи. По прошествии отведенного времени женщина подошла к нему и забрала длинный разлинованный лист бумаги, не дожидаясь, пока он допишет ответ. От кончика пера осталась длинная кривая полоса. Терри скрипнул зубами. Он не привык к такому отношению. Даже в военной школе студентов муштровали с оглядкой на их достоинство и фамильную честь.

— Сын Риамен, — пробормотала магистр, пробегая глазами уравнения. — Ничего удивительного.

Она свернула документ и положила его в карман.

— Вы очень не вовремя решили начать обучение, Риамен. Вы сильно отстали от тех, кто проходит первую ступень подготовки. Впрочем, если вы вздумаете оправдывать этим свою неспособность усваивать новый материал наравне с вашим потоком — можете не тратить ни мое, ни свое время. Выход там же, где вход.

Она испытующе посмотрела ему прямо в глаза. Не дождавшись от него возражений и вообще какой-либо реакции, магистр продолжила:

— На время Ярмарки занятия приостанавливают, так что у вас появится возможность хоть что-то узнать о том, чем мы здесь занимаемся. Вам понадобится куратор, который поможет вам на первых порах. Я попрошу Карьяна, он лучший студент на курсе. Берите с него пример во всем и вам не придется жалеть о решении стать «магистром», — последнее слово она произнесла с той неподражаемой интонацией, какая бывает, когда шутка успеваешь настолько всем надоесть, что ее и вспоминают только для того, чтобы подчеркнуть, насколько она несмешная.

* * *

Карьян оказался неразговорчивым парнем.

Вместе с Терри они ходили по кварталу. Значимые для студента места Карьян коротко называл, рассказывал, когда и как они работают, а если Терри указывал на мастерские, то чаще всего получал ответ в духе: «А это тебя не касается». Хотя его нельзя было назвать грубияном, Карьян просто искренне не понимал, зачем забивать голову тем, что тебя не касается. По крайней мере, он так объяснил.

Карьян сводил Терри к добродушному портному, который снял мерки и записал в толстую книгу. Восхитившись статной осанкой новичка, он выдал ему «свеженькую куртку, только что из-под машинки» и пообещал завтра подготовить полноценный комплект форменной одежды. Объяснил, что стирать самому вещи не нужно, «упаси Создатель мои первоклассные шерстяные ткани от ваших экспериментальных веществ», а вместо этого их нужно сдавать в прачечную за углом.

После портного они отправились в местную равинтолу. Правда, по случаю Ярмарки она пустовала. Терри окинул взглядом пустые столы накрытые белыми скатертями.

— В городе лучше готовят, чем здесь? — он попытался пошутить, но Карьян в ответ даже не улыбнулся.

— Город есть город. Поживи тут хотя бы полгода и поймешь.

Терри нахохлился, как больной сыч. Его раны были невидимы взгляду, но еще слишком

свежи.

— Город — та же тюрьма, только побольше. Если у тебя нет денег.

Карьян глянул искоса.

— Здесь ни у кого нет денег, — напомнил он.

Терри провел рукой по скатерти. Мало какие слова могли одновременно успокоить его и встревожить. Все его проблемы — от того, что матери понадобились чужие деньги. Много чужих денег. Не будь денег — не было бы проблем. Но как без них?

— А за чей счет банкет? — слабо улыбнулся он.

— Смотря чей. Пансион студентов оплачивает их семья. А те, кто работает, обязаны подтверждать квалификацию. Магистериум решает, насколько ты полезен. Насколько ты адекватно оцениваешь свои потребности.

— А если неадекватно?

— Понизят.

— Понизят мои потребности? — Терри не мог удержаться, чтобы не подразнить Карьяна. Для него была непривычна подобная отрывистая манера речи, выдающая простака. Аристократов учили говорить много и красиво — чтобы каждая реплика превращалась в монолог, который слушателям захотелось бы записать и заучить наизусть. Примерно так, как разговаривал Риттау.

Карьян на провокацию не поддался.

— Можно и так сказать, — уронил он и перестал отвечать на новые вопросы.

Интермедия. Лассель Риамен

«Амират» значит «истина». А еще «белый», но не просто белый цвет, вроде побелки, это «бейши», а такой белый, когда смотришь на солнце. Или на храм. Или императора. Еще про слепых говорят, что их глаза видят истину. «Гёршеги амират».

Об этом Лассель рассказал судовой врач, когда вызвался осмотреть ее больные глаза. Он подтащил тяжелый стул близко к окну, усадил ее лицом к небольшому смотровому окошку и попросил снять темные очки и смотреть прямо на свет, сколько сможет, пока он ищет на дне ее глаз какие-то лишь лекарям понятные знаки. Лассель не могла смотреть на свет даже одной минуты. Предприняв несколько безуспешных попыток помочь ей справиться со светобоязнью, судовой врач рассказал ей о том, как имперцы понимают слово амират. Почему он ей это сказал? Почему именно этими словами?

— Это название города, — возразила Лассель, сев вполоборота, чтобы свет не мучал ее. — Амират — это город, не правда ли?

— Священный город, госпожа, — поправил лекарь, мужчина средних лет, по морскому обычаю отпустивший бороду и усы, хотя они не были настолько густыми, как у неразговорчивого хмурого капитана. Врач убрал увеличительное стекло в бархатный мешочек и сложил в футляр из черного дерева. — Любой имперец сказал бы вам, что Амират должен увидеть каждый перед встречей с Создателем.

— Увидеть Амират и умереть, — бледно улыбнулась Лассель. А может и не улыбнулась вовсе. Только попыталась. Улыбаться и шутить было не то чтобы слишком тяжело для нее, но она чувствовала неуверенность в том, что у нее получится.

— Да, так они тоже говорят, слово в слово.

Лассель надела темные очки и стало чуточку легче. Ей не хотелось видеть Амират ни в каком смысле.

— Я досадил вам? — сухо вато уточнил судовой врач, имени которого она никак не могла вспомнить. Вроде он представлялся, но лишь однажды, и настолько давно, что воскресить в памяти звучание его имени не представлялось возможным. Проще перечислить клички всех королевских гончих, которые брали первый приз за скорость с семьдесят первого по восемьдесят шестой. Какая досада, что невежливо переспрашивать имя человека, который оказывает тебе услуги!

Лассель посмотрела на него поверх темных очков и ничего не ответила. Ее лоб пересекла морщинка, будто она пыталась, но никак не могла вспомнить какую-то досадную мелочь.

— Прощу меня извинить, сударыня. Я должен вернуться к работе.

— Вы не подскажете, который час? — неуверенно спросила она. Это точно было не то, что она пыталась вспомнить, но ей до того хотелось задержать рядом этого смутно знакомого располагающего к себе человека, что она пошла на эту маленькую уловку. Почему-то ее тревожили мысли о том, что она не всегда знала, сколько сейчас времени. Словно что-то важное происходило по часам, и она рисковала пропустить нужную минуту.

Он достал из кармана часы с узнаваемым авторским знаком на крышке. Работа уважаемого мастера, но Лассель не могла вспомнить и его имени тоже. Многие имена растворились в морской воде...

— Полдень минул полчаса назад, сударыня. Я распорядюсь и скоро вам подадут обед. А

уже к закату мы будем в порту Амират. Совсем немного осталось.

— Вот как? Это славно. Я жду сына к ужину, а здесь такая качка, что он точно будет недоволен. Приходится временами держать тарелки, чтобы не упали со стола. Это не очень удобно. — Она снова бледно улыбнулась, рассеянно глядя на свои руки в черных кружевных перчатках. Она не помнила, откуда у нее на среднем пальце взялась вызывающая дыра. Однако с ней была одна странность. Стоило ей присмотреться внимательнее, как дыра исчезала. А потом опять появлялась, если некоторое время смотреть на что-то другое. Если бы она догадалась спросить у врача, откуда у нее такие странные галлюцинации, тот ответил бы, что она не снимала эти тонкие перчатки много дней и ночей. Но разве она могла такое спросить и рискнуть вызвать его насмешку? Ведь очевидно же, что перчатки совершенно целые, если не отводить от них глаз. Ведь очевидно же?

Лассель задумчиво взглянула на лекаря, склонив голову к плечу. Ей казалось, что она уже много раз спрашивала про перчатки, но не могла вспомнить, насмеялся ли он над ней из-за этого.

— Вы все еще ждете сына на ужин, сударыня? Несмотря на мои уверения, что он не придет?

— На этот раз придет. Он не приходит потому, что не выносит качку. Когда ему было шесть, его отец взял с собой на морскую прогулку и едва не утопил бедного мальчика. С тех пор он побаивается моря, и мы не можем его за это осуждать, — она посмотрела на врача настолько укоризненно, будто тот вслух усомнился в отваге ее сына, которого не знал, но о котором за время пути успел выяснить немало.

— Вы полагаете, только качка мешает ему навестить вас за ужином? — хмыкнул судовой врач, забыв о своем решении быть милосерднее к бедной помешанной. Тем более, что он и сам не знал, что в этой ситуации вернее называть милосердием — поддерживать разговор о сыне, который она с такой охотой заводит, или раз за разом опровергать все ее доводы одним простым и жестоким фактом: она его больше не увидит. Никогда.

— Он хотел поговорить со мной. Я это очень хорошо помню. Значит, он непременно придет на ужин, как только эта ужасная качка закончится, — убежденно ответила Лассель Риамен.

Лекарь кивнул, отказавшись от идеи продолжать бессмысленный спор.

— Не забудьте принять лекарство, сударыня. Его нужно принять прямо сейчас, до еды.

Морщинка между бровей разгладилась и Лассель посмотрела на врача с искренней признательностью. Ведь это именно то, о чем она усиленно пыталась вспомнить — лекарство. Ну конечно же! Как любезно с его стороны напомнить ей о приеме лекарства, а то ведь она стала ужасно рассеянной в последние дни. Как кстати прищлась эта морская прогулка. Ей давно следовало отдохнуть и отвлечься от мыслей о работе.

Мысли о работе причиняли боль, поэтому она всячески их избегала.

Лассель подошла к комоду, прибитому к полу и стене при помощи больших железных скоб. Потянувшись к резной шкатулке, в которой хранила баночку с медово-янтарными пилюлями. Шкатулка выглядела странно. Лассель точно помнила, что она не была такой поцарапанной. Ее будто кто-то в бешеной злобе изрезал и истыкал ножом. В груди поднялось тяжелое темное раздражение. Это все жестокие и бессмысленные выходки хмурой девушки в черном чепце, которая помогала ей расчесывать волосы — Лассель ни на минуту не усомнилась в этом, хотя и не помнила, когда та успела изуродовать вещь, принадлежащую госпоже.

— Да как она посмела? — не сдержав гнева, воскликнула она.

Судовой врач, который уже взялся за ручку двери, заинтересовался нетипичным восклицанием и вернулся. Встал рядом.

— О чем вы говорите, сударыня?

Лассель не считала нужным вмешивать постороннего мужчину в женские дела. Мужчины склонны перегибать палку в вопросах, связанных с выходками детей и слуг.

— Не беспокойтесь. Я сама с ней поговорю.

— С кем?

— Это совершенно неважно, — ровным голосом отозвалась Лассель, откидывая крышку шкатулки. Баночка с пилюлями нашлась под украшенным позолоченной резьбой гребнем для волос, а рядом, полузасыпанный шпильками для волос, лежал обрывок бумаги, сложенный вчетверо. — Смотрите, лекарство почти закончилось, — удивилась она.

— Да, верно. А это что? — указал лекарь на обрывок.

Лассель резко захлопнула крышку, поддавшись короткому, но яростному желанию прищемить протянутые куда не следует пальцы.

— Не надо так злиться, сударыня, это всего лишь мое любопытство. — Светлые глаза врача смотрели с тревогой, какой не возникало даже когда она начинала заговариваться и становилась рассеянной.

— Да. Да, вы правы, что-то я... Должно быть мне и впрямь лучше выпить лекарство и прилечь. — Лассель прижала пальцы ко лбу. Она не могла понять, откуда взялась вспышка ярости и почему тут же пропала бесследно. Искренне пыталась доискаться причин своих темных эмоций, но решительно никакой подсказки не находила. Слово ответ был рядом, но в полной мгле.

Лекарь самолично налил ей воды из кувшина и подал стакан. А потом наблюдал за тем, как Лассель дрожащими руками вытрясла из баночки одну из трех оставшихся пилюль и закинула в рот.

— А теперь отдохните, — распорядился он лишенным былой сердечности голосом и наконец оставил ее одну.

И только дождавшись, когда он уйдет, Лассель вернулась к шкатулке, пострадавшей от жестокого обращения, открыла крышку и достала обрывок бумаги. Чьим-то до боли знакомым острым косым почерком на обрывке желтоватого листа было написано всего два слова: «Не пей!» Лассель не знала, кто написал эти слова и почему, но догадывалась, что если лекарь это увидит, то будет очень недоволен, и поэтому торопливо сложила ее и бросила назад, к гребням и шпилькам. Захлопнула крышку и, совершенно обессиленная и вымотанная, борясь с головокружением и тошнотой, упала грудью на неразобранную постель. Качка становилась невыносимой.

Глава пятая. Другие правила

Великая библиотека не пустовала даже во время осенней Ярмарки. Хотя студенты целую декаду были предоставлены самим себе, всегда находились те, кто тратил свободные дни на отчаянные попытки подтянуть знания к экзамену, добить научное исследование или догрызть неподатливую тему. Под сводчатыми потолками бывшего храма Хранителей круглосуточно горели настольные лампы и шелестели страницы. Хоть кто-то да задерживался допоздна. На этот раз Терри пересидел даже смотрителя: пришел раньше, чем тот сменил своего зевающего коллегу, и вот теперь они менялись обратно — а безнадежно отстающий от курса студент все еще листал книгу.

Буквы плыли перед глазами, особенно оттиснутые при помощи плоской печати на желтых страницах книг прошлого столетия. Терри потер двумя пальцами переносицу. Из-за того, что временами приходилось полдня проводить в очках, переносица с непривычки ныла больше обычного. После дымчатых стекол, раскрашивающих мир в цвета потоков энергии, перед глазами плыли радужные пятна.

— Ищешь что-то конкретное? — на скамью напротив опустился однокурсник Арри Рантала, сбросил с плеча ремень сумки. — И где опять твой куратор? — он оглянулся, будто рассчитывал, что заносчивая физиономия Карьяна маячит где-то неподалеку.

Арри Рантала с самого появления новичка под завершение академического года взял его под ненавязчивую опеку. Терри хотел бы знать, с чего вдруг такая симпатия, неужели парень чувствовал себя виноватым, что наврал с три короба. В любом случае, спрашивать он не считал нужным. Еще не хватало услышать какую-то сентиментальную чушь про родство душ или чего похлеще вроде жалости.

Терри сокрушительно зевнул и отодвинул от себя книгу, в которой все равно видел только ползущие и переплетающиеся строчки.

— Сколько времени?

Арри ответил одним ёмким словом, которое можно было перевести и как «очень много», и «может, хватит уже?»

— У меня такое ощущение, что ты решил здесь корни пустить. Послушай меня, жертва невроза. Бесплезно впахивать в себя книги целиком накануне экзамена. Ну не сдашь — кто бы от тебя это ждал через девять декад-то? Пересдашь потом.

Терри почесал щеку, на которой неровно отрастала редкая щетина. Участливая физиономия однокурсника располагала к откровенности. Быть может, этот поймет. А не поймет — ну и пусть проваливает в Бездну!

— Ты не понимаешь, — с досадой отозвался Терри. — У меня другие правила.

Арри взлохматил пятерней и без того растрепанную шевелюру.

— Зря ты так. Твои правила не помогут тебе выучить всю базовую теорию энергетики за одну ночь. Тем более в одиночку, без куратора.

— Карьян слился, — Терри собственническим жестом пододвинул к себе книги и положил на них подбородок. Прикрыл глаза, наслаждаясь спасительной темнотой. — Я послал его... сам понимаешь куда.

— Наверняка это как-то связано с задницей Владетеля, — голос Арри звучал укоризненно. Терри широко ухмыльнулся не открывая глаз.

— Хочешь знать, когда я понял, насколько он гнилой? Давно, кстати. Я рассказал ему

про письмо, а он знаешь, что сказал? Сказал, мол, чем жить на поводке короля, лучше сразу пойти и выжечь себе мозги!

— Молодые люди! Здесь нельзя шуметь, — возвысил голос смотритель.

Терри снова уронил голову на руки и затих.

— Хм... мне было бы проще что-то ответить, если бы я знал, о каком письме речь, — понизив голос, Арри наклонился к нему.

— Ты не задумывался, откуда у меня деньги на обучение в Академии, если все имущество моей семьи конфисковано до последнего риена? Да и семьи у меня больше никакой нет. Так откуда пансион? — глухо спросил Терри, уткнувшись носом в колючий рукав кителя. И сам же ответил, не дожидаясь, пока Арри сделает хотя бы предположение. — За меня платит король. Моя мать ограбила и предала его, а он оплачивает мне учебу, ты представь! Но у него было условие. Простое условие. «Преуспевай, Терри» — так он написал. «Если мы не получим табель и бумаги о переводе в срок, твоя стипендия будет аннулирована раз и навсегда».

Арри долго молчал. А потом сказал:

— Я понял. На твоём месте я бы вел себя точно так же. Только ты зря молчал. Сдать энергетику на общих основаниях ты сможешь только чудом, и то если выучишь хотя бы процентов тридцать из пятидесяти вопросов.

Терри невидящим взглядом смотрел в одну точку перед собой.

— Я знаю. Разбирал каждый третий.

Арри потрепал его по плечу.

— Оставь как запасной вариант. Мы напишем с тобой научный проект по общей теории... Точнее только базу. Но тебе придется убедить лекаря, что ты надорвался и не можешь сдавать экзамен устно, чтобы получить отсрочку, — Арри смерил Терри взглядом и укоризненно покачал головой. — Это самая простая часть моего плана.

Терри воспрял духом и даже поднял голову.

— Слушай, у меня как раз есть идея для проекта. Только сегодня пришло в голову. А что если запитать серебро от аметиста?

Арри нахмурился.

— Ты перегрелся? А тепло откуда брать? Заряженные аметисты нейтрализуют поле красного кристалла. Твоя побрякушка будет умной, но неживой.

— А если носить на теле? Допустим, это будет браслет на запястье, — Терри вдруг вспомнил какой неодолимой силой обладали гвардейские браслеты, которые на него когда-то надел Ярвин. Они приклеивались друг к другу намертво, с какой бы силой ни размыкать руки, ни за что не отдерешь. А что если они зачарованы так, чтобы забирать энергию жертвы?

— С чего ты взял, что это вообще будет работать? Зачем?

Терри убрал в сторону все книги, кроме одной, которая лежала в основании стопки. Он провел пальцем по тиснению в виде венка из лесных цветов.

— Мама не пела мне колыбельные, — Терри начал рассказ издали, потому что думал, что так будет проще, но вдруг осекся и продолжил не сразу, ломким голосом. — Говорила, что не умеет и не может вспомнить ни одной песни. Зато она читала мне эту книгу.

— Песни Талсиена? — не поверил Арри. — Надеюсь, тебе не снились после этого кошмары про сожженных или зарезанных людей, сваленных в кучи в горах, и все такое прочее...

— Да уж... Ты знаешь, мне, пожалуй, с этим повезло: сны я обычно не запоминаю или вовсе не вижу. Но я помню его стихи наизусть, все до одного.

— Только не надо мне на ночь глядя ничего отсюда зачитывать, — Арри выставил руки, защищаясь от стихов излишне гениального барда, который жил тысячу лет назад. — Так расскажи, своими словами.

— Он рассказывает про артефакты, созданные при помощи магии Древних.

— Поправочка. Запретной магии, — Арри откинулся на спинку стула.

Терри, напротив, подался к нему, положил локти на стол и понизил голос.

— Но изучать энергетический потенциал аметистов не запрещено! И в «Песнях» нет никаких указаний на то, что сказочные говорящие письма и мифические разумные артефакты запитаны от аметистов. К нам никто не придерется, что мы используем стихи древнего барда в качестве научного вдохновения.

Арри достал из сумки блокнот и самописку, открутил колпачок и занес перо над чистой страницей.

— Ты точно больной, Риамен. Но мне нравится ход твоих мыслей. Будет очень жаль, если твои гениальные мозги сожгут из-за первой же пересдачи.

— Прямо-таки сожгут? Опять заливаешь как тогда на площади? — Терри вспомнил, как Арри рассказывал про набор серебряных ложек в подарок от самого Верховного на столетний юбилей и только головой покачал. Это ж надо было такое ляпнуть!

Но синие глаза за стеклами очков смотрели серьезно. В отличие от Терри, он носил их постоянно: и без того слабое зрение окончательно испортилось в Академии.

— Ты видел в городе недоучившихся магистров?

Терри пришлось признать, что даже не слышал, что кто-то может недоучиться. Ему казалось, что его случай достаточно уникален, потому что трудно представить себе семью, которая прекратит выплачивать пансион на обучение.

— У тех, кто вошел в эти ворота, обратного пути уже нет. Я же просил подумать, — жестко напомнил Арри.

— Я подумал и решил, что справлюсь, Рантала, — скрипнул зубами Терри. Он не хотел лишний раз разжевывать подробности о том выборе без выбора, который ему пришлось сделать в начале лета. Довольно того, что Арри был сыном судьи, и значит, находился на другой стороне баррикад. Семья осужденного и семья судейского всегда видит ситуацию под разным углом, и Терри просто запретил себе копать прошлое, чтобы его вонь не отравила будущее.

Суд был давно и уже прошел, а Арри Рантала протягивал руку помощи сейчас.

— Но мне и впрямь нужна помощь, — выдавил Терри, разглядывая сцепленные в замок пальцы.

Арри хлопнул его по плечу.

— Раз уж я нашел тебя в библиотеке, а не в равинтоле, то ясное дело, что справишься. Умный браслет так умный браслет, это даже звучит бредово. Как раз то, что нужно, чтобы заинтересовать менторов.

* * *

— Ваше направление для исследований бесперспективно, молодой человек, — красивый глубокий голос госпожи Парлас был холоднее льда на вершине Бар-Ан-Шейн,

макушке мира.

Терри вежливо улыбнулся, ожидая, что за этими словами последует «но вам удалось найти нужный ключ к решению». И ещё что-нибудь столь же лестное в качестве аванса для подающего надежды студента, который принес полноценное научное исследование энергопроводимости аметистов всего лишь через год после начала учебы. Ожидание растягивалось в компактную бесконечность, а куратор научных проектов продолжала неодобрительно смотреть на Терри поверх очков и никакого «но» не прибавляла.

— Вы ведь прочитали только оглавление и вывод, — шутка о преподавателях, которым можно подать книгу рецептов под идеальным титульным листом и списком опорной литературы, почему-то враз перестала казаться такой смешной.

— Я обучаю студентов научной методологии уже больше десяти лет, к вашему сведению. Все ошибки в первых исследовательских проектах я знаю наперечёт, и... вы допустили их все. С чего бы начать?

— Но я целый год разрабатывал эту тему! — пораженно воскликнул Терри. — Мои старания отметили и поощрили продолжать изыскания.

— Сама по себе тема... рядовая. Но вопрос в оформлении ваших мыслей. Во-первых, в своей работе вы ссылаетесь на книги, не заслуживающие доверия, — госпожа Парлас перевернула страницу и длинным ногтем царапнула короткие злые линии под некоторыми именами. — Вы серьезно рассчитывали впечатлить Верховного магистра тем, что в вашей работе десять сносок на песни Талсиена? Многое поэт мог поведать о проводимости кристаллов?

— Талсиен жил тысячу лет назад и был очевидцем тех исторических событий, которые стали предпосылками утраты большинства знаний о Древней магии.

— Запретной магии, Риамен. Вам непонятно слово «запрет»?

— Исследование Карьяна... — скрипнул зубами Терри.

— К вашей теме не относится. Вы поймите, Риамен, нельзя дважды подсовывать комиссии одну и ту же обглоданную кость. Если вы с успехом защитились на первом курсе, это не значит, что вы можете снова и снова приносить мне «Песни Талсиена». Он, мягко говоря, не авторитет.

Терри шумно втянул носом воздух.

— Если вам не нравится, что я ссылаюсь на Талсиена, позвольте мне просто отредакти... — он рванул к себе вручную сшитые листы квалификационной работы и принялся лихорадочно листать страницы до пятнадцатой. Нашел злосчастное имя и вцепился в край листа. Госпожа Парлас попыталась его остановить. Бумага не выдержала и надорвалась.

Терри удивленно уставился на клочок листа, испещренный ровными строчками. Поднял глаза на ментора.

— Не могу ручаться, что удалил из работы все упоминания Талсиена. Но мои рассуждения о том, насколько он важен в контексте исследуемой темы, я только что сократил наполовину, — Терри будто со стороны слышал свой подрагивающий от прилива эмоций голос.

Госпожа Парлас поджала тонкие губы.

— Вы чрезмерно увлечены... своими фантазиями, молодой человек. Чрезмерно. Наука не терпит подобного отношения. В особенности такая точная дисциплина как питание потоков. Малейшая неточность может привести к порче ценного техномагического

оборудования. Я приму работу из сочувствия к вашей ситуации, но к публичной защите вас не допущу — из сочувствия к вам лично.

— Что это значит? Меня отчислят? Не переведут на следующий курс, пока не напишу работу, которую вы допустите? — сухо спросил Терри.

— Вовсе нет. Первые научные проекты почти всегда остаются у меня в столе. Нет ни малейшего смысла в том, чтобы рекомендовать защищать то, что невозможно защитить... Вы посещали лекции господина Арчера? Читали хоть одну из его монографий?

— Посещал. Читал, — при упоминании имени Верховного магистра, Терри стиснул в кулаке обрывок бумаги. Отстаивать свое право защищаться перед комиссией во главе с грозным Арчером ему вовсе не хотелось. К тому же старик и впрямь считал неуместными любые вопросы о каких-то иных источниках энергии, кроме красных кристаллов.

— Значит, у вас не должно быть вопросов, — холодно отозвалась госпожа Парлас, блеснув стеклами очков в золотой оправе.

— У меня нет вопросов, уважаемая, — скрипнул зубами Терри и сдержанно поклонился, как его натаскивали еще в Королевской военной школе. — Благодарю вас за понимание и прошу извинить мою несдержанность.

Льдистый взгляд ментора потеплел на десятую долю градуса.

— Рада слышать. Со своей стороны, я даю вам слово, что у вас не будет проблем в будущем, если вы оставите попытки исследовать проводимость заряженных аметистов и вернетесь на путь истинный. Вы весьма способный молодой человек, и мне бы не хотелось, чтобы вы тратили свой талант на безуспешные попытки проломить глухую стену. Не вы первый пытаетесь найти обходной путь и заставить Древнюю магию работать в современных условиях. Но это не-воз-мож-но.

Терри, старательно скрывая, насколько он уязвлен словами ментора, кивнул. Он собрался покинуть кабинет и уже взялся было за дверную ручку. Но подошвы будто приклеились к полу: уйти без ответа на самый главный вопрос Терри не смог.

— А если у кого-то... все-таки получится... разделить сверхширокий поток аметиста и контролировать его непрерывность?

Стекла очков госпожи Парлас залил блик отраженного солнца. Терри пришлось ориентироваться на едва заметную ироническую полуулыбку, притаившуюся в морщинках около рта.

— В каждом потоке обязательно находится такой же увлеченный естествоиспытатель, как вы, Риамен. В каждом. Как правило, их изыскания заканчиваются несчастным случаем в лаборатории. Будьте осторожны и не забывайте о технике безопасности. Вы все-таки слишком молоды для того, чтобы упокоиться в расписной урне.

Терри разговоры о расписных урнах не любил, поэтому дольше задерживаться не стал. За дверью его встретили обычным вопросом: «Ну как?» Пятерка сокурсников оккупировала подоконник, ожидая своей очереди. Терри неубедительно изобразил радость: «Приняла». Запоздало треснула по затылку мысль, что могла не принять, оставить прочерк напротив его имени и не допустить к итоговым экзаменам. В закрытой от остального мира Академии сплошь и рядом бывало такое, что студенты дотягивали какие-то дисциплины в личное время, и получали документ о переводе на следующую ступень позже установленного срока.

Но Терри был королевским стипендиатом и заключенным на испытательном сроке. Ему доходчиво растолковали в свое время: либо он «преуспевает» в обучении и вовремя отправляет в Канцелярию оригинальный документ о переводе с курса на курс, либо попадает

под юрисдикцию Специальной комиссии, как преступник, имеющий познания в магии...

— Как прошло? Выглядишь так, будто Парлас проделала в тебе еще одну дырку, — Терри узнал голос Арри. Друг подошёл и хлопнул по плечу, приводя в чувство.

— Что-то вроде того...

— Или откусила кое-что важное, — язвительно фыркнул Тордеррик, складывая руки на груди. Широкоплечий горец с полоской черных усов над верхней губой стоял поодаль, подпирая плечом стену и, как показалось Терри, слишком пристально следил за ним.

Терри сузил глаза и собрался было ответить колкостью на колкость, но Арри незаметно толкнул его локтем в бок и шепнул: «Он просто психует, что ты уже сдал, а он еще нет. Не обращай внимания».

Поиграв желваками на скулах, Терри пришел в выводу, что друг прав. Тордеррик и впрямь цеплялся по пустякам. Все-то ему не нравилось в новеньком. И над серебром в черных волосах он любил посмеяться, хотя, если подумать какое дело горцам до риорских заморочек о чистоте Древней крови? Разве что у него были какие-то вопросы к деду Терри, который остановил продвижение вооруженных горских банд в долину Риордана. Обдав Тордеррика молчаливым презрением, Терри прошел мимо, дерзко толкнув задиру плечом.

— Так почему ты выскочил от Парлас как кипятком ошпаренный? — негромко спросил Арри, когда они отошли от кабинета. — Какие-то проблемы?

Его худое скуластое лицо выглядело озабоченным.

— Да нет, вроде приняла, — неохотно проговорил Терри. — Правда, Парлас не понравилась моя тема и список источников. Говорит, защиты не будет. Вроде как Арчер завалит, если услышит, что я исследую и на кого ссылаюсь.

Арри поправил очки.

— В этом есть смысл, — признал он. — Старик — спец в энергетике, но что если его методы устарели? Я думаю, экспериментальные образцы его убедят.

— Забудь об этом, — помрачнел Терри. — Парлас сказала, что мне надо вернуться на истинный путь.

— На тебя так легко надавить: стоит только пригрозить, что под угрозой бумажка о переводе на следующий курс...

— Перестань. Можно подумать, мне так хотелось защищаться. Парлас оказала мне услугу вообще-то, — нахмурился Терри.

Арри поднял открытые ладони, показывая, что сдается.

— Это тоже здравый подход. Мой отец всегда говорил, что тот, кто ни о чем не подозревает, лучше спит по ночам, — он взъерошил волосы, как всегда делал, когда не знал, что сказать, или волновался.

Терри хмыкнул.

— Твой отец был судьей. Его, должно быть, мучила бессонница, если верить этой поговорке.

Арри глянул из-под растрепанной челки.

— Можешь быть уверен, — без улыбки сказал он. — Последние несколько декад он точно не спал.

«По крайней мере, ты был рядом с ним в этот момент. Я же торчал в Королевской военной школе и до последнего момента не верил, что дело примет настолько крутой оборот, что я больше не увижу мать», — подумал Терри.

— Он подозревал неладное, но сделать ничего не сумел. Или не захотел. Он гордый

был. Твою мать арестовали, был процесс, дознаватели и свидетели, как положено. А у моего отца была судебная неприкосновенность, поэтому его просто убили, — жёстко сказал Арри.

— Послушай, сейчас не время и не место, — Терри оглянулся на однокурсников, которые собрались рядом с дверьми кабинета куратора по научной работе. Они что-то вполголоса обсуждали, но Тордеррик участия в общем разговоре не принимал, стоял в стороне, все так же подпирая стену, и глазел по сторонам. Мог подслушивать.

— Просто похоже. У меня, если хочешь, нюх на неприятности. Отец скрывал ото всех свои проблемы на службе, но я знал, что он неспроста стал таким озабоченным и отстраненным. И складка вот тут, — Арри бесцеремонно ткнул указательным пальцем в переносицу Терри, — появилась тоже неслучайно.

Терри растерянно потёр переносицу. Он не нашел, что сказать, чтобы успокоить друга. Сам он видел лишь досадный просчет в том, что Парлас отказалась рекомендовать его работу к публичной защите, и ничего сверх того. Уж точно не считал необходимым поминать проблемы родственников, и был раздосадован, что разговор принял такой оборот.

— Знаешь что я тебе давно хочу сказать? Пусть король утрётся, вот что. Если он спит и видит, как тебя изгоняют из Акато-Риору, притормози пока с этими аметистами, чтобы не вылететь ненароком. А после диплома мы с тобой вместе как жажнем — и не просто теорию выкатим. Теорию Парлас с Арчером засунут нам прямо в корму и прокрутят там по правилу буравчика. Мы им сразу готовый работающий проект покажем! Тогда никто не отвертится, что за аметистами — будущее.

Арри протянул ладонь для рукопожатия. Терри натянуто улыбнулся.

— Договорились. Забудем об аметистах до диплома, а потом жажнем, — повторил он с облегчением.

Интермедия. Алпин Фарелл

В Чайном домике, как свою штаб-квартиру называли сами искатели, было непривычно тихо и пусто. Шеф-искатель Алпин Фарелл разогнал всех охламонов и сидел в полном одиночестве в зале общей работы, погрузившись в размышления. Пурпурная папка с делом Лассель Риамен лежала перед ним раскрытая, а листы с данными расследования были аккуратно, один к одному, выложены в ряд. А сверху, вторым слоем, лежали те, что он только начал просматривать.

На деревянной подставке остывал крепкий чай. Алпин задумчиво потирал щетину на подбородке. В правой руке он держал самописку и время от времени небрежно выписывал в столбик заинтересовавшие его цифры. Некоторые он потом обводил и подписывал дату.

Кабинетные часы истошным перезвоном вытрясли из головы все мысли. А потом еще и пробили десять томительных ударов. Алпин не выдержал и сходил прикрыть дверь своей клетушки, чтобы в зале общей работы музыкальные паузы звучали потише. А потом вспомнил про чай, заваренный еще четверть часа назад. Напиток порядочно остыл, но шеф-искатель давно привык пить холодный.

Отхлебнув, Фарелл вновь склонился над выписками, пробежал глазами и пролистнул страницу туда-сюда.

— Смотри-ка, все сходится, — пробормотал он, мерно постукивая самопиской по столешнице. — Хотя бумажек маловато. Маловато бумажек для такого интересного дела.

Услышав шаги на лестнице, он накрыл пурпурную папку стопкой белых листов, чтобы со стороны нельзя было заметить красноречивые корочки судебного архива, которые он с таким трудом выцарапал в обход официальных запросов. У Фарелла были поводы соблюдать осторожность. В последнее время к нему зачастили визитеры из Канцелярии. И при этом не сказать, чтобы с угрозами. Поводы были самые рядовые, вопросы тривиальные, но уж больно часто стали заглядывать к искателям люди короля. Алпин Фарелл нюхом чуял, что от ситуации ощутимо тянет падалью, будто где-то поблизости разлагался труп горного козла, а он все никак не мог понять, с какой стороны дует ветер.

Впрочем, увидев того, кто поднимался по лестнице, шеф-искатель расслабился. Улыбнулся открыто и искренне, не скрывая радость от встречи со старым другом. Откинулся на спинку стула и поднял чашку за здоровье.

— Эдо, рад тебя видеть, дружище. Вот ты-то мне и нужен, чтобы разобраться.

Яркие фиолетовые глаза на осунувшемся тонкокостном лице глядели устало, и ответная улыбка вышла смазанной и бледной. Тот, кого называли Эдо, подошел к столу, за которым сидел шеф, и снял серую шляпу. Стального цвета короткие пряди при этом растрепались и теперь смешно топорщились над ушами. Мужчина заученным жестом пригладил их ладонью.

— Только не новая жертва похищения, Алпин, благодарю покорно. Я, конечно, холостяк, меня не жаль, но хотя бы иногда мне нужно ночевать в своем доме.

Фарелл хмыкнул.

— Мне казалось, что ты хочешь найти пропавших Древних. Дело чести, разве нет?

— Я заведу кота и буду говорить, что воспитываю. Должен же я когда-то остепениться?

— Кроме шуток, Римари. Я несколько лет наводил справки о Лассель Риамен, но эти письма ничего не дали. Имперцы заявляют, что для них все Дети Небес на одно лицо,

представляешь? Я получил пачку противоречивых сведений, но до сих пор ни в чем не уверен, а время уходит. Я могу полагаться только на своих людей из местного порта, они, во-первых, не идиоты, а во-вторых, у них нет причин натягивать сапог мне на голову. Мне доложили, что ее отправили в О-Диура. Приморский город Амират. Найди эту женщину и выясни, зачем на самом деле ей понадобились деньги.

Эдо Римари потер двумя пальцами переносицу и неудержимо зевнул.

— Сапог на голову — это что-то новенькое. Стоит мне надолго уехать, и ты изобретаешь еще парочку затейливых горских поговорок, — проницательно заметил он. — Эдак лет через десять ни один риорец тебя и понять-то без толмача не сможет.

Алпин сделал большой глоток крепкого чая и внезапно понял, насколько напиток горчит.

— Тебе не понять. Ты с чужбины домой возвращаешься. Кота вот вздумал завести, чтобы никуда больше не уезжать. А мне некуда уже возвращаться. Я, бывает, сижу вечерами один и вспоминаю дедовы присказки, вот они и проскальзывают иной раз.

— Только не делай вид, что поверил про кота, — проворчал Эдо, вытаскивая из-под стопки листов пурпурную папку и с разочарованием убеждаясь, что она пуста. — Несчастное животное околет от тоски с таким неуловимым хозяином, как я.

Фаррелл одним движением собрал аккуратно разложенные листы бумаги и отдал искателю.

— Учти, что мои информаторы не сошлись даже в том, где живет женщина «с серебряными волосами и глазами цвета фиалок», — передразнивая имперскую выпендю манеру выразиться, предупредил шеф-искатель. Он с растерянным видом размял пальцы и сердито пояснил в ответ на вопросительный взгляд Эдо. — Там посвятившие себя Создателю женщины носят платки и прячут лица, будь они неладны со своей истовой верой.

— Я так понимаю, у нее есть причина прятать лицо и красить волосы, — нахмурился Римари. — С некоторых пор изгнание мало чем отличается от смертной казни.

— Если начистоту, у меня нет вообще никаких гарантий, что ее нога когда-либо ступала на землю О-Диура. Я потому и просил тебя срочно приехать. В этот раз у нас есть место назначения. Уже что-то.

Эдо задумчиво покивал, пролистал судебные документы, а потом аккуратно положил папку на стол.

— Ри-амен, значит? По-моему, она моя двоюродная племянница или что-то в этом духе. Что, неужто еще одно громкое имя в моем списке без вести пропавших Древних и полукровок?

Алпин Фарелл вздохнул.

— А вот это тебе и предстоит выяснить, друг мой.

Эдо Римари покрутил в руках серую фетровую шляпу с выгоревшей черной лентой в основании тульи.

— Мне это не нравится, Алпин. Стоит мне хоть на день вернуться в Акато-Риору, ты будто нарочно выдумываешь причины для того, чтобы вновь отправить меня на другой край света.

— Ты мой лучший искатель, Эдо, — криво улыбнулся шеф. — Видишь самую суть.

— И поэтому меня здесь быть не должно? — уточнил тот, не поднимая взгляда. Выправил складку на шляпе, которую еще называют «замином». Римари надел головной убор и повернул голову из стороны в сторону, словно красуясь перед шефом. — Ты знаешь,

за пределами Акато-Риору, эта серая шляпа не значит ничего. Просто шляпа, как у всех. Только здесь она имеет какой-то смысл.

— Я помню, что ты говорил, когда пришел ко мне. Однажды здесь станет безопаснее, и ты сможешь вернуться, чтобы гонять контрабандистов или кого захочешь. Заведешь кота, жену и детей, станешь их всех воспитывать.

— Я не Братоубийца, чтобы всю жизнь провести в бегах. За мной даже не охотятся. А вот тебе нужна моя помощь. Здесь.

— Эдо...

— Я знаю, что тебя пытались отравить несколько лет назад. И что, кто-то из твоих ребят раскопал, кто подсыпал порошок? Может, Бродек из королевской псарни нашел следы преступника? Или Данно внезапно вспомнил, что газета — это не основной смысл нашей работы?

— Эдо, ты нужен мне в порту Амират. Кроме тебя, мне отправить некого, — мягко возразил Фарелл.

— Даже если там никого нет? — скрипнул зубами Римари. — Это холодный след, Алпин. Отвлекающий маневр. Я чувствую, что это наше внутреннее дело, к которому император не имеет ни малейшего отношения.

— А если нет? Ар-Герчек наверняка спит и видит, как прибрать к рукам Акато-Риору. И ведь не последних людей отправляют в О-Диура. Сначала опальный принц, потом финансовый советник — это если изгнанники и впрямь никак не связаны с прочими пропавшими без вести. Разберись с этим, Римари. Если ты не сможешь, никто не сможет.

Глава шестая. Ничего твоего

Первую научную степень вчерашние студенты обмывали в чайной. Им едва хватило стульев, чтобы разместиться, а опоздавший к началу пирушки Тордеррик так и вовсе забрался вместе с бутылкой на стойку. Выходка эта особенно понравилась Терри — он указал Арри пальцем и вполголоса прокомментировал желание горца во что бы то ни стало залезть повыше. Друг фыркнул.

— На вершине самой высокой горы жил один самолюбивый баран, — с нарочитым горским акцентом, подражая застольным речам, произнес Терри и поднял пустой стакан. Он говорил вполголоса, специально для Арри и, быть может, кудрявой красотки Варии, но Тордеррик если не услышал, то прочитал по губам.

— Что ты там бормочешь, Белая Прядка? — громко переспросил он. Терри поморщился от того, как горец переврал его имя: «*ри-и-хаймен*». — Повтори погромче, мы все посмеемся.

Все обернулись к Терри. Тот вопросительно поднял брови.

— Ты тост хотел сказать, Риамен? — уточнил Карьян. Он стоял за стойкой и разливал вино в чайные чашки. Пять пустых бутылок выстроились рядом с ним как по линейке. — Передайте ему вино кто-нибудь. Глупо с пустым стаканом речь толкать.

Терри прищурился, обдумывая это предложение. Вино уже шумело в голове, и от новой порции он отказываться не стал. Вария передала ему вино и многообещающе улыbnулась, не размыкая губ.

— А я скажу, мне как раз есть что сказать. Вот только я не уверен, что всем меня хорошо видно.

Терри стянул ботинки и встал на стул.

— Вот так получше, да? — Он обвел глазами лица однокурсников, дождался одобрительных возгласов и продолжил: — Друзья! Я поверить не могу, что теперь мы все бакалавры!

— Еще бы ты мог поверить, ты половину экзаменов из лазарета сдавал, — проворчал Тордеррик и отхлебнул из бутылки. Его замечание вызвало дружный смех. Терри салютовал ему чашкой, чудом не облив стоявших внизу однокурсников.

— Ты прав, дружище. По правде сказать, не было ни одного дня, чтобы я проснулся без мысли: «Нет, ну сегодня меня точно отчислят!»

Новоиспеченные бакалавры, успевшие изрядно нализаться, вразнобой заржали. В основном те, кто делил с Терри последние строчки в рейтинге успеваемости. Терри на них уже не смотрел, он утонул в темном омуте глаз Варии. Они блестели, отражая свет полудюжины настольных ламп.

— Да брось, — ухмыльнулся Карьян, отвлекая Терри от мыслей о колдовских глазах. — Менторы ставили тебя в пример. Целеустремленный, мол. Кто б тебя отчислил, королевский стипендиат? А свое сочинение с первого курса про умные браслеты помнишь?

— Риамен, серьезно? Так ты еще на первом курсе «связные» придумал? — пьяный Радек не скрывал потрясения.

Настал черед салютовать в честь Карьяна. На этот раз вино потекло по пальцам. Терри взял чашку в левую руку.

— Наконец-то! Народ, наконец-то я дождался признания от своего бывшего!.. — его прервал взрыв хохота. Терри на мгновение замер, а потом сам сложился пополам от смеха. Чайную чашку с вином выхватили из его рук, иначе он точно вылил бы все без остатка на чужие головы. — Погодите, я не договорил! Бывшего куратора! Он знал, что идея с браслетом принадлежит мне! А я знал, что он знал.

Терри с улыбкой погрозил пальцем, глядя Карьяну прямо в бесстыжие глаза. Тот высокомерно кривил губы. Потом просто встал и вышел через служебную дверь. Терри проводил его взглядом, забыв, что остальные все еще ждут от него обещанного тоста.

— Так что ты сказать-то хотел? — за рукав Терри дернула Вария. Он улыбнулся ей самой обольстительной из арсенала своих улыбок.

— Что счастлив учиться рядом с такими замечательными людьми, как вы! Вы все — лучшие студенты в Академии, не только Карьян.

— Бакалавры!

— Точно, бакалавры, забыл, — сокрушенно признал Терри. — Четыре года пролетели как один день. А в моем случае три с вот таким, — он наклонился, чтобы показать расстояние пальцами, но не рассчитал баланс и покачнулся, — хвостиком. Ну так давайте выпьем за то, чтобы уже «завтра» мы все защитили наши магистерские проекты и сдали всё без...

— «Хвостов»! — подхватили бакалавры, и в воздух поднялись бокалы, стаканы. Тордеррик отхлебнул прямо из горлышка.

Терри слез со стула и оказался в объятиях Вари. Она прижалась к нему и коснулась горячими мягкими губами, от которых пахло головокружительным коктейлем из свежих яблок и пряного вина. Терри обнял ее за тонкую талию и зарылся носом в душистые кудрявые волосы.

— Опять норовишь оказаться повыше? — Вария игриво прикусила мочку его уха.

— Подумать только, как ты хорошо меня изучила, — усмехнулся Терри.

— Давай сбежим отсюда. Здесь слишком много народу, — капризно надула губы Вария. Терри спорить не стал. Ему тоже хотелось немного остудить голову, прогуляться по ночному сияющему кварталу. Тем более, что Карьян ушел, не дослушав его пламенную речь. Да и тост оказался не настолько остроумным, каким был на стадии идеи. Терри обулся, подхватил упавшую на пол куртку и накинул на одно плечо. Свободную руку галантно подал девушке.

— Ты вернешься? — спросил Арри, поймав друга за рукав, пока они пробирались к выходу. — Вино не все выпили. Как минимум, еще бутылок шесть сургучом залиты.

Терри отмахнулся.

— На сегодня с меня хватит.

Они с Варией вышли из чайной и пошли по улице. Терри обнимал девушку за плечи. Ее легкие кудри щекотали его руку.

— Это правда, что сказал Карьян? Ты изобрел «связные» браслеты на первом курсе? — промурлыкала Вария.

Терри сбавил шаг. Он не хотел об этом говорить, но девушка так смотрела, что он вздохнул.

— Он не об этом говорил. На первом курсе я действительно попал в лазарет с переутомлением. Мне дали отсрочку, и я вместо устного экзамена написал и защитил проект по теории энергетического поля аметиста. Я не изобрел «связные», Вария, — объяснил он, не глядя ей в глаза. — Но совпадений слишком много, чтобы от них можно было

отмахнуться. Тем более что Карьяна взяли стажером в рабочую группу по «связным».

— Смотри, а вот и он идет, — тряхнула волосами Вария. — Поговори с ним, я вижу, что тебя это мучает.

Вария окликнула Карьяна и попросила его подойти. Карьян оглянулся и, подумав, подошел к ним.

— Ну?

Терри предпочел бы развернуться и уйти, как всегда делал прежде, но сейчас не мог — на него смотрела Вария. Она отошла на пару шагов, предоставив им решать свои проблемы без нее, но само присутствие девушки меняло все.

— Ты украл мою идею с браслетом? — Терри с вызовом вздернул подбородок, стиснул кулаки.

Темные глаза Карьяна сузились. Он двумя пальцами поправил очки в тонкой металлической оправе, которые не надевал от случая к случаю, как Терри, а носил постоянно.

— Крадут у владельцев, а ты тут ничем не владеешь, — холодно проговорил Карьян.

Терри сам не понял, как это произошло. Он выбросил вперед кулак, и попал точно в переносицу. Раздался влажный хруст и сдавленный вопль. Где-то далеко ахнула Вария. Карьян схватился ладонью за нос, но тут же опустил руку и сгреб Терри за воротник рубашки. Затрещала ткань, белым осколком улетела в ночь пуговица. Куртка Терри упала на мостовую. Он получил кулаком по скуле, но даже не заметил.

— Прекратите сейчас же! — взвизгнула Вария. — Там идет старший! Вы что, хотите, чтобы вас стерли?

Кровь шумела в ушах Терри. Он опустил занесенный для нового удара кулак, но не разжал стиснутые пальцы. Карьян тоже замер, тяжело дыша и глядя с ненавистью. Очки его съехали набок и висели на одной дужке. Перебитый нос распух.

— Все, что разработано в Академии, принадлежит Академии, урод, — сплюнул Карьян. — Здесь нет ничего твоего.

— Думаешь, что Академия — это ты? — ощерился Терри. — По-моему, ты считаешь, что все на свете принадлежит именно тебе. А это, дерьмо ты ослиное, не так.

Карьян стёр рукавом кровавую юшку. Бросил взгляд на старшего, который быстрым шагом приближался к ним со стороны главных ворот. Как назло, он был в белом плаще зрителя. Значит, и впрямь могут быть проблемы из-за драки. Терри наклонился и поднял куртку с мостовой, встряхнул. Скула начала припекать — разом вспомнился пропущенный удар.

— Хоть бы предупредил, чтобы я очки снял, выродок, — проворчал Карьян, на ощупь проверяя оправу пострадавших очков, особенно слабое место на переносье и дужки.

Вария подлетела к Терри только чтобы прошипеть, что она не собирается влипать в неприятности из-за их разборок, крутанулась на каблуке и умчалась прочь. Торопливая дробь рассыпалась эхом по спящему кварталу. Терри проводил девушку взглядом. Он хотел бы ее догнать и объяснить, почему сорвался, но знал, что Карьян с удовольствием ждет зрителя, не пустит. Даже встал так, чтобы загородить пути к отступлению.

— Я не побегу, расслабься, — вполголоса прошипел Терри. Он накинул куртку на плечи, сунул руки в карманы брюк и стал ждать.

Зритель сбавил шаг, подходя к ним, будто приглядывался. Карьян, который сложил очки в карман, видимо, разглядев в них какую-то поломку, подслеповато щурился, глядя

против фонарного света. Терри со своим острым зрением разглядел мужчину без труда, но не узнал. Вроде, не так уж много высоких и широкоплечих магистров живет в Сияющем квартале, навести справки будет проще простого, хотя бы у той же Вари или ее подружек.

— Студенты или бакалавры? — равнодушно спросил смотритель, останавливаясь на расстоянии нескольких шагов. С особенным вниманием он разглядывал пыльную куртку Терри, небрежно брошенную на плечи, и расстегнутый мятый ворот рубашки.

— Бакалавры, магистр, — поклонился Карьян.

Терри замешкался, но потом тоже поклонился. Ему показался странным этот вопрос. Если смотритель видел драку, последнее, что его интересовало бы — студенты это дерутся или уже бакалавры. А что если первая научная степень дает какие-то поблажки при конфликтах по вопросам авторского права? Надежда, что все обойдется устным выговором, и отчет о происшествии не ляжет на стол Специальной комиссии, заставила его ненадолго воспрянуть духом. Как раз до следующего вопроса.

— Мне нужен бакалавр Риамен, знаете такого?

Змеиная улыбка расползлась на губах Карьяна. Терри краем глаза видел смену выражений на его лице, и ему жгуче захотелось еще раз зазвездить промеж бровей. Для профилактики.

— Это вот он.

Терри отвел взгляд, чтобы не видеть, как Карьян тычет пальцем в его сторону.

— Я почему-то так и понял, — спокойно кивнул смотритель. — Вы пойдете со мной, Риамен. А вы, — он перевел цепкий взгляд на Карьяна, — свободны.

— Спасибо. Я рад, что вы видели, как он напал на меня первым, — Карьян одернул куртку, смахнул несуществующую пыль с плеча. Терри ожег его холодным взглядом.

— А ты не думай, что забуду когда-нибудь, как ты украл у меня браслет.

— Это называется «вдохновился», Риамен, — снисходительно отозвался Карьян. — А, и кстати. Тебе не приходило в голову, что эта идея принадлежит не тебе? Арри Рантала тащит тебя из дерьма с первого курса. Он не психует из-за браслета, а вот ты все никак не угомонишься. Может, потому что он легко придумает еще десяток таких же штук, а ты нет? Ты вообще способен на что-то без его помощи?

Терри рванулся к нему, но налетел грудью на невидимый барьер. Невероятной силы инерция опрокинула его затылком назад, и он с большим трудом удержал равновесие.

— Стоять, — стегнул ледяной голос. Магистр подошел к нему со спины и положил неожиданно тяжелую ладонь на плечо. — Любая попытка к бегству будет пресекаться. И я очень не советую повторять эту выходку.

Терри слышал о том, что стиратели действуют жестко. С безумцами в Сияющем квартале не церемонились. Он поднял ладони, показывая, что невооружен и сдается без борьбы. Как назло, вино в голове лишало мысли остроты, а движения выходили неровными, смазанными.

— Я в сознании, — торопливо пробормотал Терри формулу, которая почти не имела смысла, потому что ее знали все, в том числе те, за кем приходили стиратели. — Я все осознаю, я не опасен.

Смотритель с неприятной ухмылкой поднял правую бровь.

— Вот и молодец. Не теряй концентрации, умник.

Он взял его за локоть и повел к воротам. Терри едва успевал перебирать ногами, пытаясь выдерживать быстрый темп. Рядом с воротами смотритель остановился, достал из

кармана хорошо знакомую Терри белую карточку со звездой Академии.

— Куда вы меня ведете? — Терри уперся каблуками в землю. Он попробовал скинуть с локтя чужую руку, но железные пальцы держали крепче тисков.

— Во дворец, — коротко ответил смотритель. Он вытянул руку, но не достал до пульта управления малым барьером. Эта заминка вызвала короткую вспышку раздражения: смотритель рывком подтянул Терри и встряхнул его как куль с мукой. — Король желает лично поздравить тебя, бакалавр.

Терри показалось, что его с головой окунули в самый вязкий и душный из его ночных кошмаров. Свежий ночной воздух показался затхлым и прокисшим молоком осел на языке.

— Вы не смотритель, — полувопросительно проговорил он, заглядывая в лицо мужчины. Только сейчас он понял, что казалось ему неправильным: у того, кто надел белый плащ, оказалось совершенно типичное для «черных» скучающее выражение уверенного в своей силе и правоте законника.

— Для умника ты на редкость сообразителен, — равнодушно съязвил гвардеец. Он опустил карточку в щель, и дождался, когда на опорных столбах погаснут сигнальные маячки. Барьер был снят, и в центре безопасности об этом разрыве уже знали. Если решат, что этот разрыв не санкционирован — а кто его мог санкционировать посреди ночи? — поднимут весь квартал на ноги, разыскивая нарушителей.

Терри подтолкнули в спину, чтобы не оглядывался, а живее переступил границу. Он на ватных ногах прошел мимо Неспящего, который молча провожал его глазами-фонарями. Железный страж не шелохнулся, только тихо поскрипывали шейные шарниры да шуршали шестеренки в ведрообразной голове.

— Вы ведь другим путем сюда вошли? — язык едва ворочался, но Терри было важно услышать ответ.

— Этим. Просто не сегодня. А что, есть другой путь? — заинтересовался гвардеец. Как только они вышли на площадь с фонтаном, он снял белый плащ магистра, вывернул подкладом наружу и повесил на сгиб локтя. Он действительно был одет в приметную черную форму с золотыми пуговицами и даже знаками отличия десятника.

— Нет, — быстро ответил Терри. Слишком быстро. Гвардеец внимательно посмотрел на него.

— Я тебе ведь письмо передал третьего дня. Не я писал, но знаю, что там было приглашение на аудиенцию.

Терри промолчал. Голубой конверт из королевской канцелярии он поднял и положил в ящик стола туда же, где лежали остальные. Текст этих писем всегда был одинаков, поэтому он решил не читать очередное, чтобы не портить настроение перед защитой. Тем более что их не сам король писал, а какой-то старательный канцелярист, не скупящийся на завитушки и предельно сухие формальные обороты.

— Не открывал? — проницательно спросил гвардеец. — Зря. В следующий раз заставлю сжевать письмо вместе с конвертом, чтобы ты точно усвоил.

Терри представил, и его замутило.

— Меня не за что наказывать. Я сдавал все в срок, — выдавил он.

— Это не мне решать.

— Но вы сказали, в следу...

Гвардеец посмотрел на Терри сверху вниз. Этот взгляд придавливал не хуже тех огромных мешков с зерном, которые таскают в порту по двое грузчиков за раз.

— Если он будет. А это решать королю.

* * *

Белый дворец Акато-Риору был прекрасен в ясную ночь. Даже одной луны оказалось достаточно, чтобы заставить стены мягко мерцать, отражая холодный свет. Когда Терри оказался рядом с дворцом, он не поверил, что когда-то в новом, с иголки мундире Королевской военной школы гулял здесь с юной принцессой Эсстель. Терри не узнавал скрюченные узловатые деревья — разве они не должны были вырасти за эти годы и застелить ветвями крышу? Мосточек над ручьем оказался настолько низким и невзрачным, что он его едва не проглядел. А сам ручей будто обмелел и задыхался сейчас в камнях и зарослях камыша.

— Почему никто не следит за порядком? — Терри не мог понять, отчего на душе так паршиво. Будто кто-то длинной палкой поднял со дна мутный ил — точно так же из глубины души поднималось тягучее разочарование и раздражение.

Обтянутая черным форменным сукном прямая спина десятника напряглась при звуке голоса. Гвардеец обернулся и окинул Терри подозрительным взглядом.

— Что сказал? — недружелюбно переспросил он.

— Здесь будто десять лет никто не убирал, — Терри сбавил тон, но это не помогло.

— Много болтаешь, умник. Думаешь, ты здесь, чтобы распоряжаться?

Терри ничего не ответил, но про себя подумал, что находит этот вариант развития событий самым предпочтительным, хоть и маловероятным. Он поднял глаза, чтобы взглянуть на изогнутый скат крыши и не поверил тому, что увидел.

— Там человек! На козырьке крыши человек!

Гвардеец вскинул голову и приложил ладонь ко лбу, будто загораживаясь от солнца, которого не было и в помине.

— Нет там никого, — спокойно ответил он, быстро потеряв интерес. — Тебе померещилось.

Терри посчитал, что гвардеец слишком быстро оставил попытки взглянуть в рисунок теней, лежащих на многоярусных скатах. Он не поверил, что можно так легко отмахнуться от того, что одна из теней имеет ясно различимые черты человеческого силуэта. Он поднял руку, указывая пальцем.

— Да вот же, вон там рядом с окнами. Он ведь сорвется сейчас!

Гвардеец перехватил его руку ближе к локтю. Сжал так, будто хотел сломать.

— Нет. Там. Никого, — прошипел он, сверкая глазами. — Прикрой вьюшку, умник, не то угоришь. Третий раз предупреждать не буду, еще раз откроешь рот — суну в пасть парализатор. Доставлю тебя к королю как волокушу — на ремне. Понял?

Терри стиснул челюсти. И шел дальше молча, не поднимая головы. Ему разом сделались неинтересны и мерцающие стены, сложенные тысячу лет назад при помощи Древней магии, и люди, собирающиеся прыгать с крыш. Если здесь так заведено, то пусть.

Они вошли во дворец и какое-то время ходили по коридорам, поднимались по лестницам. Все это время Терри думал, зачем король вызвал его среди ночи. Ни одна догадка не выглядела хоть сколько-нибудь утешительной. Ночь — время для убийств, наказаний и шантажа. Он не ждал ничего хорошего и не был уверен, что увидит рассвет.

И напутственные слова гвардейца перед запертой дверью королевских покоев не

добавили уверенности.

— Приведи себя в порядок, оборванец. И говори поменьше. Его величество не любит, когда кто-то говорит больше, чем он. А я не люблю, когда кто-то выводит его величество из себя.

Пока Терри торопливо натягивал и одергивал синюю форменную куртку, десятник сверлил его взглядом, который обещал семь смертных казней, если тот по глупости или неосторожным словом сорвёт аудиенцию. Без церемоний поправил съехавший на сторону воротничок и застегнул верхнюю пуговицу на кителе. Терри поморщился: пуговица давила на горло.

— Это ничего, что мы пришли ночью? — шепотом уточнил он, покосившись на окно, за которым была разлита прохладная летняя ночь.

Гвардеец неприятно осклабился.

— Его величество много работает по ночам. Ты тоже привыкнешь. Если сможешь убедить его в своей полезности.

Он кивком указал на дверь, мол, давай, чего топчешься.

Терри поднял руку, собираясь постучать. Но что-то мешало ему, будто воздух превратился в густое желе. Даже дышать стало трудно, в горле комком застряла тревога.

— А если не смогу убедить?

Гвардеец сузил глаза, как готовящийся к прыжку огромный лесной кот.

— Никто тебя входящим во дворец не видел, умник. Так что ты уж постарайся открывать рот по делу, а о том, что тебя не касается — молчи, как доска. Его величество не рубит сплеча, терпит даже непроходимых идиотов, лишь бы они оставались верными.

Терри досадливо кивнул и постучал, но десятник, разговорившись, не отпустил его, пока не закончил начатую мысль.

— У тебя ведь достанет ума оставаться верным одному хозяину? Не так уж это и сложно, скажи?

Из-за двери раздалось приглашение войти, а вытянутая рука гвардейца всё ещё преграждала Терри путь в комнату. Он ожег мужчину гневным взглядом, ловко нырнул под локтем и вошел, избежав необходимости отвечать на заданный вопрос.

Глава седьмая. Встреча с королем

За дверью оказались не покои, как можно было ожидать в полночный час, а просторный кабинет. Король в домашней рубашке сидел за столом и что-то торопливо и размашисто дописывал. Терри открыл было рот, чтобы учтиво поздороваться, но король предупреждающе поднял открытую ладонь: «Подожди». Риамен надел на лицо самую подходящую по случаю улыбку и остался стоять в дверях, позволив себе без стеснения разглядывать высокие стеллажи, наполненные книгами.

Король Эриен поставил последнюю точку, взял валик с промокательной бумагой и прокатил туда-сюда, чтобы просушить чернила на документах. Затем энергично потряс запястьями и размял пальцы. Поднял глаза на Терри. Улыбнулся, отчего на правой щеке обозначилась добродушная ямочка.

— Племянник.

Терри почтительно поклонился. Король махнул рукой.

— Оставь эти церемонии для публики. Наедине мы можем общаться без Протокола. Подойди.

Терри усилием воли оставил у двери страх, что это будет его последняя ночь. С каждым следующим шагом в нем крепла уверенность, что сегодня его путь только начинается. Каких высот он сможет достигнуть, если начнет с королевской приемной? От надвигающихся нешуточных перспектив закружилась голова. Хотя нельзя исключать, что в крови по-прежнему играло вино.

Король сложил пальцы домиком и прикоснулся к губам. Его улыбка стала еще душевнее.

— Мне регулярно докладывали о твоих успехах в учении. Должен признать, что только самый ленивый из моих советников не раскритиковал мое решение пожаловать королевскую стипендию сыну Лассель Риамен.

Во время многозначительной паузы Терри виновато отвел глаза и спрятал ладони за спину. «Успехи в учении» были такими выдающимися, что он постоянно чувствовал угрозу отчисления за неуспеваемость, и только за счет каменной задницы и отчаянного желания выжить, пробивался вперед вместе с остальными.

Колкое молчание затягивалось. Эриен смотрел с выражением искренней симпатии, но при этом будто чего-то ждал. Наконец Терри понял, что король не станет продолжать речь, пока не услышит благодарность за оказанную милость.

Неловкие, беспомощные слова путались на языке, не складываясь в осмысленную фразу. Терри в итоге три раза повторил, как он ценит возможность приносить пользу своей стране, что было несколько чрезмерно, и ни разу не назвал короля «милостивым и справедливым», хотя по Протоколу должен был. Впрочем, Эриен даже бровью не повел, словно волнение «племянника» забавляло его.

— Рад, что ты все правильно понимаешь, дорогой племянник. Разумеется, ни о каких милостях в отношении семьи государственной преступницы и речи не шло, — с каждым следующим словом лицо короля изменялось, постепенно теряя всякий намёк на благодушие, но при этом голос оставался таким же тихим и невыразительным. — Твой отец долгое время скрывался, пользуясь деньгами и связями, но мои люди нашли его и отправили туда, куда он так не хотел попасть. Если тебе интересно, он завел другую семью, взял в жены дочь

ростовщика и разорил тестя.

Терри стоял перед королем, болезненно вытянувшись по струнке, будто обвиняемый в суде. Точнее уже не на суде, а на шаткой трехногой табуретке и с петлей на шее. Еще не хватало, чтобы отец тоже провинился перед королем!

— Не стану скрывать, что дражайшая кузина разочаровала меня, если не сказать сильнее. Но дети не должны отвечать за грехи родителей, не правда ли, дорогой племянник? Дети всегда должны получать шанс самостоятельно проявить себя. Так говорил один из мудрецов позапрошлого столетия, досточтимый Хэвес из Исик-Сехир, знаешь такого?

Терри хотел бы промолчать, но не мог позволить себе выглядеть недостаточно образованным в глазах короля, который только что отметил его успехи в учении.

— Гевес заложил основы имперского судебного права, ваше величество. Его речи были настолько убедительны, что действующие на тот момент законы Исик-Сехира теряли свою состоятельность в столкновении с его ораторским мастерством, — уклончиво ответил он, раздумывая над тем, насколько титул «мудреца» подходит человеку, чье настоящее имя история не сохранила. Только говорящее прозвище «Болтун».

— Хэвес из Исик-Сехира переписывал историю, — король откинулся на спинку кресла и вольготно закинул одну ногу на другую. — Одним лишь словом он низверг с престола тех, кто пытался ему противостоять, и возвел на их место подлинного лидера.

«Тирана», — мысленно поправил Терри.

— Его защита стоила очень дорого, дорогой мой племянник. Не всякий богач Исик-Сехира мог себе позволить нанять Хэвеса, чтобы тот встал на его сторону. Но если уж хватало денег, Хэвес бился за патрона, как горный кот исбри, не жалея ни собственной репутации, ни соперников. Он ни разу не проиграл — этим и объяснялась заоблачная цена его услуг.

— «И только с будущего императора Гевес не взял ни одной монеты», — следующую строчку из «Трактата о законах и правилах толкования оных в судах разных земель» Терри процитировал по памяти.

Эриен просиял и хлопнул ладонью по бедру.

— Именно! Мальчишка был сыном предателя и бунтовщика Осмаила Книжника. Ему уже светил костер, никто не взялся бы говорить за него на суде, но внезапно явился сам Хэвес и встал подле клетки! Безнадежное дело: омыть руки того, кого обвиняли в измене, и увести с площади Темизлик с полным комплектом конечностей.

— Ваше вели...

Король с нарочито суровым видом погрозил Терри пальцем, чтобы не перебивал.

— Вижу, что ты уже понял, к чему я вспомнил про мудрейшего из когда-либо живших на свете судейских. Умные люди учатся на историях минувших дней. Я мог бы смотреть, как твою жизнь стирают в порошок, но не захотел. Я, фигурально выражаясь, взошел на эшафот и встал рядом с тобой, чтобы говорить за тебя, подобно мудрому Хэвесу. Я сказал этим напыщенным судьям, спешащим поскорее отделаться от тебя пожизненным изгнанием: «Мальчик умен и талантлив. Он станет мне опорой, когда возмужает и займет свое место в Академии. А я буду смеяться над всеми, кто советовал избавиться от сына Риамен».

Терри с трудом сглотнул комок в горле и поднял влажные глаза к потолку, чтобы не выдать свое состояние. Не сумел протолкнуть через спазм под ключицей подходящие слова, чтобы выразить свою благодарность за помилование, поэтому опять отвесил глубокий поклон.

— Прибереги слова и поклоны для дам, они это любят. Мне довольно знать, что я не ошибся на твой счет, Терри Риамен. Клянешься в верности своему королю?

Терри опустился на колени прямо там, где стоял.

— Клянусь!

— Я принимаю твою клятву, Терри из дома Риамен. Учти, что впереди тебя ждут испытания. Меня предавали слишком часто, поэтому я давно утратил веру словам.

Король изобразил жестом пустую болтовню.

— Рты марионеток открываются и закрываются — вот так, а слова их стоят не дороже, чем пыль. Чем больше лживых клятв, тем меньше их цена. И ведь знают, что я чувствую, когда мне пытаются лгать. По глазам вижу, что потроха уже проданы другому.

Он сжал кулак с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Вот они у меня где все будут: предатели, шпионы и воры.

Терри поднялся. Король тоже порывисто встал и вышел из-за стола. Подошел к Терри и положил обе ладони на его плечи. Пытливо заглянул в лицо.

— У тебя чистые глаза, племянник.

Всегда, когда речь заходила о глазах, Терри старался отвести их. Спрятать печать полукровки. Выродка. Пока он носил мундир воспитанника Королевской военной школы, ему редко удавалось избежать колкостей на счет того, как трудно будет «ущербному ломтю» найти себе невесту. А когда пришлось надеть синюю форменную куртку со звездой Академии, к его глазам и волосам перестали так пристально приглядываться. Еще бы. Уж что-что, а матримониальные вопросы — последняя печаль, о которой задумываются живущие под сияющим куполом.

— Что ты думаешь о Верховном магистре? — неожиданно перевел тему Эриен. — Приглашает ли он тебя для беседы?

— Господин Арчер преподает несколько смежных дисциплин о кристаллических накопителях энергии и специальную технологию извлечения. Мне не доводилось лично беседовать с ним.

Король задумчиво покивал. Отошел к стеллажу, снял с полки одну из книг.

— А дисциплинарные вопросы он разбирает приватно или передает дело на коллегиальное рассмотрение? Что будет, если кто-то из студентов устроит беспорядок или вздумает задирать однокашников?

Терри глянул на короля с легким беспокойством. Мучительно захотелось поправить воротничок рубашки, который наверняка опять сбился набок, ведь верхняя пуговица сорвалась еще в Сияющем квартале. Или зоркие фиолетовые глаза монарха подметили не мятый воротничок, а ссадину на скуле?

— Ваше величество, в Академии беспорядки и драки категорически запрещены, — нервно сглотнув, начал Терри. — У студентов должны быть общие научные интересы и...

Эриен, не дослушав, вернулся к письменному столу, вытащил из разноцветной стопки бумаг голубоватый лист. Терри увидел, как блеснула, отражая свет настольной лампы, металлическая печать с кристаллическим напылением.

— Это Распознающее письмо?

Не веря своим глазам, Терри сделал два шага вперед.

— Удивлен, что новая разработка Академии уже лежит на моем столе? — король довольно усмехнулся. — Хотел бы я посмотреть на лицо Арчера, когда ты передашь ему письмо от меня. Имей терпение, племянник. Мне нужно обдумать, в каких выражениях

изложить свое мнение относительно каналов сбыта, каковыми он дерзнул пользоваться в обход закона.

Терри спрятал ладони за спину, но вытянул шею, жадно разглядывая узор на печати, краешком виднеющийся за плечом короля. Руки зудели от нестерпимого желания потрогать, ощутить тепло питающей печать энергии, разобраться с тем, как старшие техники замкнули потоки. Он столько слышал о новейшей разработке, но ничего конкретного так и не узнал. Проект был засекречен, разумеется, как же иначе о нем узнали бы все?

Впрочем, у него была возможность полюбоваться издали на энергетический контур, пусть он и не сразу вспомнил об этом.

Терри полез во внутренний карман за футляром. Вынул очки и водрузил на переносицу. Мир не спешил раздваиваться — очки уже несколько дней «выдыхались», а Терри со своими переживаниями относительно грядущей защиты забывал бросить их в эссенцию.

Он нетерпеливо постучал ногтем по неприметной пластине на переносице, чтобы разогнать энергию в потоках. Стекла неохотно «мигнули» и раскрасили мир вокруг в оттенки красноватого сияния. Терри несколько раз моргнул, чтобы зрение перестроилось и поскорее привыкло к фоновому магическому изучению.

Печать светилась, как подсвеченный солнцем аметист. И рисунок энергетических потоков был очень знакомым. Конечно, он ведь столько раз его рисовал! А насчет замкнутого контура они с Арри до хрипоты спорили неделю — не меньше. Чуть не подрались. И Терри до сих пор считал, что ради стабильности пожертвовал защитой, и теперь ее можно было обойти.

Терри снял очки и, забывшись, сжал в кулаке. Одно из стекол легло в его ладонь.

«Ваше исследование бес-перс-пек-тивно», — сказала куратор. Да, именно так и сказала. Раздельно. Терри помнил, что каждый слог укладывался на остальные с отчетливым металлическим звоном как стальные слитки. Терри теперь силился и не мог вспомнить, различил ли тогда в голосе госпожи Парлас нотки коварного обмана. Было ли хоть что-то в том прошлогоднем разговоре, на что он мог бы обратить внимание и догадаться, что ему лгут и собираются использовать его наработки для создания Распознающего письма?

Терри аккуратно сложил дужки и убрал очки вместе с выпавшей линзой в нагрудный карман рубашки. Пока их еще можно починить, лучше не усугублять.

«Значит, Талсиен для вас не авторитет, госпожа куратор? — он закрыл глаза, чтобы справиться с гнилостной болотной мутью, которая подкатывала к горлу откуда-то из живота. — Значит, для моего же блага проект останется лежать в вашем столе?»

«Здесь нет ничего твоего», — злобное шипение Карьяна затекало в уши, а Терри не мог даже закрыть их ладонями, потому что напротив стоял король. Он мог неправильно понять. Поэтому Терри стоял, вытянувшись, как на военном смотре, и слушал все то, что «любезно» подсовывала ему память.

— О чём задумался?

Король Эриен разложил лист бумаги на столе и принялся заламывать уголки и складывать особым образом — в виде конверта. При этом он поглядывал на Терри с неким подозрением, будто опасался, что ему нельзя доверять. Терри вопроса не услышал: засмотрелся на то, как быстро и четко король превратил уникальное Распознающее письмо, новейшую разработку и гордость Академии, в пухлый голубой сверток, капнул сургуч и придавил личной печатью.

— Заламывать печать нельзя, она хрупкая, — запоздало предупредил он, совершенно

потерявшись от той бесцеремонной легкости, с которой король обращался с магическими артефактами.

Эриен ослепительно улыбнулся.

— Ты думаешь, мне не наплевать?

Он раскрыл книгу, которую снял с полки, когда внезапно перевел разговор на Верховного магистра. Ознакомился с содержанием и отлистал до нужного места. Положил конверт между страниц и передал книгу Терри. Тот мимолетно взглянул на оттиск на обложке и ничуть не удивился, что это тот самый «Трактат о законах и правилах толкования оных в судах разных земель», в котором автор дотошно изложил все известные подробности биографии Гевеса-Болтуна.

— Я рассчитываю, что ты передаешь мое послание Арчеру лично в руки, когда рядом не будет никаких лишних глаз и ушей. Если сделаешь, как приказано, увидишь, что даже сломанная печать может возыметь поистине магический эффект.

Терри попытался вообразить себе реакцию Верховного магистра на такое кощунство как нецелевое использование Распознающего письма, и его передернуло. Заметивший его непроизвольную реакцию, король Эриен с довольным видом усмехнулся.

— Соображаешь, племянник! Приятно иметь дело с людьми, которые видят дальше собственного носа. У тебя три дня, чтобы доставить мне ответ или объяснить, почему его не последует. Свободен.

Терри не двинулся с места. Не из своеволия, а скорее из-за нахлынувшей на него лавины вопросов. Он знал — если выйдет, не получив ответов, не сможет ничего сделать, захлебнувшись в пучине сомнений. Точно так же, как тогда в кабинете Парлас, подошвы сапог будто приклеились к полу.

— Какие-то проблемы? — поднял брови Эриен.

Терри облизал внезапно пересохшие губы. Когда король смотрел вот так, исподлобья, он выглядел куда как значительнее, чем с веселой ямочкой на щеке. Даже без мундира, в простой рубашке, в домашних брюках он оставался правителем, с которым нельзя было разговаривать по-свойски, задавать уточняющие вопросы и выражать сомнение.

Бусины слов, которые Терри успел нанизать в связную речь, рассыпались. Он упустил момент и, когда понял, что молчит уже больше минуты, почувствовал, как кровь неудержимо отливает от лица.

— Никаких проблем, ваше величество, — Терри поклонился и, не разгибаясь, попятился к двери.

— Постой, племянник, я задержу тебя еще на два слова, — Эриен обошел вокруг стола и выдвинул один из ящиков под столешницей. Достал серебряную фляжку, инкрустированную самоцветными камнями, а следом на свет явилась пара граненых толстостенных бокалов. Король с невозмутимым видом плеснул в оба стакана по глотку. Кивнул Терри: «Подойди», — и протянул ему выпивку.

— Я тут распинаясь про Хэвеса и императора не ради того, чтобы произвести на тебя впечатление. Ты родич мой, хоть и пария... Долго греть в руках собираешься? Пей, когда тебя угощает твой король!

Терри поспешно пригубил крепкое вино и поперхнулся: жгучая волна будто не в то горло попала и растеклась по легким, вызывая нестерпимую боль. Он закрыл кулаком рот, чтобы не зайтись в приступе кашля.

— Что за воспитание у нынешней молодежи, — проворчал Эриен, неодобрительно

наблюдая за тем, как племянник давится вином. — Никто не умеет пить честно и с достоинством, как подобает мужчинам.

Терри утёр колючим шерстяным рукавом выступившие на глазах слезы и просипел что-то в духе, что виноват и покорнейше просит прощения. Одно из тех протокольных извинений, на которые и без того не всегда хватает воздуха в легких, а уж когда они горят огнём, то и подавно. Король укоризненно цокнул языком и плеснул из фляжки ещё вина в его бокал.

— У меня, племянник, такая судьба, что без умения читать по лицам, давно бы оказался среди Хранителей, — горько промолвил король, салютуя стаканом с таким видом, будто его слова были застольным славословием. — Такой стекленеющий взгляд, как у тебя, мне не по нраву. Насмотрелся, уж можешь мне поверить. И вроде сделают, но так вывернут, что сам не рад будешь, что приказ отдал... Расскажи, что тебя смущает?

Терри залпом осушил вторую порцию, которая на сей раз омыла его изнутри подобно целительному эликсиру. Мучительный кашель отступил, а в голове внезапно стало кристально ясно, и слова сложились сами — и сами сорвались с губ.

— Дело не в приказе, ваше величество. Это из-за печати. Они запитали ее от аметистов, и у меня... есть основания подозревать, что... у меня воруют мои идеи.

— И что с того?

— Год назад они едва не выставили меня из Академии из-за того, что я начал разрабатывать этот вариант. Сказали, что это бес-пес-перти-вно. Забрали мое исследование, не дали даже защитить его публи... чно, — упавшим голосом закончил Терри. С тихим стуком поставил стакан на столешницу рядом с резной шкатулкой, в которой король хранил запас вечных перьев и листы промокательной бумаги.

Эриен грустно, понимая улыбку.

— Это так похоже на старого-доброе Арчера.

— Это госпожа Парлас, — покачал головой Терри, уставившись в одну точку, но ничего не видя перед собой. Все заслонил тот блик на линзах и ироническая полуулыбка, с которой она говорила о расписных урнах для праха. — Арчер даже не знал, что это моя работа. Она выдала мои идеи за свои. Угрожала мне не просто отчислением, нет...

«Она прозрачно намекала, что мне конец, если посмею работать в этом направлении, — понял Терри. Со дна души вновь поднялась мутная чернота, вязкая, как густой ил, и такая же упоительная, если запускать в нее руки и зачерпывать горстями. — Угрозами заставила отступить и забрала моё открытие себе!»

Эриен с невозмутимым видом разлил остатки вина из фляжки. На сей раз не по глотку плеснул, а почти полстакана.

— Мой дорогой наивный племянник, я тебя умоляю. В Академии даже мышь не нагадит так, чтобы об этом не узнал Верховный. Все, что происходит внутри купола, делается с его позволения и под его контролем.

Длинный палец монарха нацелился на грудь Терри, при этом бокал опасно накренился. Вино не выплеснулось лишь милостью Хранителей.

— Ты ведь не пробовал работать над своей печатью без свидетелей? Пробирался в лаборатории под покровом темноты с отмычкой?

Терри подтвердил, что не стал рисковать. Эриен хмыкнул.

— Вот и попробуй. Узнаешь, о чем я говорю.

Он помолчал, разглядывая жемчужное мерцание в стакане. От покачивания внутри

рождались крошечные вихри и вспыхивали перламутровые искорки.

— Кстати, я позабыл тебе сказать... Если кто-то вздумает тебе угрожать отчислением или, не знаю, выговором за плохое поведение, можешь смеяться шантажистам прямо в лицо. До тех пор, пока я жив и пока ты не разочаруешь именно меня, — король выделил последние слова интонацией и тонко улыбнулся, — никто тебя из Академии не выгонит. Что бы ты ни делал, делай это для меня, и я всегда встану на твою защиту. Ты понял, племянник?

Терри не смог бы придумать слова, которые были ему нужнее. Эти слова будто распахнули клетку, в которой он томился с того самого дня, когда его матери предъявили обвинение.

Сперва было томительное ожидание приговора, черед унижений в том числе позорное исключение из Королевской военной школе, а потом постоянный страх, что магистры поймут, что он ни на что не годен. Все эти три с лишним года, пока он упорно бился над непостижимой наукой потоков, пока сутками напролет перерисовывал чертежи, он чувствовал себя будто на эшафоте со связанными руками. Он боялся, что любая ошибка, любое неверное слово станут причиной его гибели, и отчаянно стремился выжить любой ценой. Где-то для этого приходилось прикусить язык. Стерпеть, если оскорбили. Утереться, если сподличали.

И вдруг все закончилось. Терри физически ощутил, насколько стало свободнее дышать, как только он услышал, что никто не выставит его на улицу, не проведет по городу с мешком на голове до Западных ворот, или еще что похуже. Сотрут, как безумца. Или сначала сотрут, а потом посадят на рыбную диету и станут с блокнотом наблюдать, как он медленно умирает.

Оказалось, что для того, чтобы почувствовать себя свободным, достаточно слова одного человека.

У Терри будто раздвоилось перед глазами, хотя магические очки спокойно лежали в нагрудном кармане. Он смотрел на Эриена и видел перед собой уставшего мужчину средних лет, который не покидает рабочее место и после полуночи. В домашней одежде, с легкой щетиной на осунувшихся щеках и покрасневшими от недосыпа глазами. Но вместе с тем он видел влиятельного монарха с безупречной осанкой и офицерской выправкой. Даже в такой домашней обстановке, с бокалом вина в руке, Эриен выглядел человеком, за которым Терри хотелось идти.

Потому что именно король однажды снимет последнее ограничение, и Терри, наконец, станет сам себе хозяином.

Глава восьмая. Контроль

Просыпаться с рассветом — мучительно. Просыпаться через два часа после того, как упал лицом в подушку — подобно пытке. Терри рывком сел, чтобы не провалиться обратно в гулкую темноту сна без сновидений.

Сквозь невнятный шум в ушах он услышал настойчивый стук. Терри свободной рукой нашарил у изголовья кровати подушку и швырнул в дверь, настоятельно советуя ранним гостям проваливаться.

— Открывай, Терри, не то запущу Светляка, — приглушенным голосом пригрозил Арри. — Пока будешь ловить эту мелюзгу, проснешься от её писка.

Терри поднял сапог, ещё нечищенный после вчерашней ночной прогулки, и запустил его следом за подушкой. Сапог прилетел удачно: звонко впечатался подошвой.

— Я предупредил, Риамен.

Полоску света под дверью поглотила густая тень. Терри подскочил, будто пружиной подбросило.

— Только попробуй! Сам ловить будешь! — осипшим от недосыпа голосом рявкнул он. Однако Арри то ли не разобрал ультиматум, то ли не планировал отступить от своего решения. В щель над полом вкатился стеклянный шарик, оцетинился колючими лучами света и, сердито застрекотав, взмыл к потолку на слюдяных крылышках. Терри проводил его тяжелым взглядом. Подошел к двери и повернул ключ в замочной скважине.

Арри только успел выпрямиться и теперь стоял перед дверью с донельзя нелепым видом: запустив в шевелюру растопыренную пятерню. Он вечно забывал вовремя подстричься, а потом ходил и ладонью откидывал падающие на глаза волосы.

Терри облокотился о косяк.

— Ну? — недружелюбно спросил он.

Арри молча толкнул его в плечо, заставляя посторониться и вошел в комнату. Задрал голову и некоторое время наблюдал за Светляком, который добросовестно пищал и носился из угла в угол.

— Лови теперь, — хмыкнул Терри, вновь запирая дверь. — Он еще долго не остынет.

— Пусть пищит, — Арри был на редкость серьезен. — Как вчера прошло?

Терри сложил на груди руки и медленно покачал головой.

— У тебя три минуты, ну, может пять, прежде чем Радек начнет стучать и орать через стенку. Если он и на этот раз позовет Карьяна, то мне проще выбросить тебя в окно, чем объяснять, какого демона ты ищешь у меня в комнате.

Арри мельком оглянулся на окно, будто принял шуточную угрозу к сведению. Подошел к столу, глянул на разложенный, но незавершенный чертеж.

— Да плевать я хотел на Радека и Карьяна. Пусть они вместе демонов под одеялом поищут.

Арри говорил тихо и будто бы растерянно, так что Терри приходилось напрягать слух, чтобы разобрать за назойливым верещанием Светляка смысл сказанного.

— По-хорошему прошу, поймай его, — взмолился Терри. — У меня голова раскалывается.

— Весь поток в курсе, куда ты вчера ходил, — еще тише сказал Арри, разглядывая линии на чертеже с таким видом, будто нет ничего важнее. — И менторы тоже.

Он провел указательным пальцем по одной из направляющих.

— Вот тут ошибка. Если будешь замыкать контур на ней одной, всё к демонам рванёт.

Терри бросился к столу и навис над бумагами.

— Да почему?!

Арри нервно постучал ногтями на рисунке слабого узла.

— Ночью включили свет по тревоге. Сам понимаешь...

Терри скривился, как от зубной боли.

— Проклятая казарма, я так и думал, что тревогу поднимут! Ну вот и я попал на проверку... Кто у нас остался в числе святых девственников, кого не ловили при побеге? Ты один?

Арри на провокационный вопрос отвечать не стал. Вместо этого выдвинул стул на середину комнаты и примерился к траектории полета Светляка. Переставил ближе к двери и наступил на сиденье, не снимая сапог. На недовольный возглас Терри он не обратил внимания, полностью поглощенный духом охоты. Бестолковая поделка предпочитала держаться от протянутой руки на расстоянии, будто это не источник тепла, а какой-нибудь опасный для стеклянного шарика столб. Терри с затаенной усмешкой наблюдал за ходом поимки.

— Тебе стоит подумать над тем, как сделать простые магические вещи более доверчивыми, если хочешь приманивать их, как птичек.

— И придумаю, — пропыхтел с высоты Арри. Светляк в очередной раз ловко увернулся, когда казалось, что хозяин вот-вот перехватит слабеющую искорку. В назойливом стрекоте легко можно было различить протестующие нотки, если допустить, конечно, что у вещи есть собственная воля и тяга к свободе.

— Про девственность и прочее, кстати, можешь даже не заливать, — продолжил Арри, чуть погодя. — Тордеррик видел, как ты прошел мимо Неспящего с гвардейцем короля. Если начнешь намекать на то, как тебе понравилось ночное приключение, здоровяк лопнет от счастья. И что из него после этого полезет — даже думать не хочу, не то что слышать.

— Спасибо, что предупредил. Значит, у Тордеррика, как обычно, нет занятий более важных, чем следить за мной. Интересно, он только до Неспящего нас проводил или дальше?

— Не знаю. А ты чего ожидал? У него гордость, честь и все остальное, а ты публично осмеял его проект. Ты будто никогда с горцами дела не имел, еще удивляешься, отчего к тебе такая любовь.

Терри с пристыженным видом поскреб щеку.

— Так ведь почти два года прошло, столько воды утекло.

— Есть! — Арри с торжествующим видом потряс кулаком, в котором послушно затих пойманный Светляк. — У горцев нет такой поговорки, Риамен. Это наша, риорская, привычка бросать в воду все, что мешает жить. В горах говорят: «Расколотый камень не срастется».

Арри легко спрыгнул со стула и небрежно сунул в карман брюк живую искорку, заключенную в стеклянный шар. Терри легко раздражался из-за недосыпа и плохих новостей, поэтому бесцеремонно взял друга за пуговицу и подвел к столу.

— Так что мне делать с этим узлом, чтобы ничего не рвануло?

Арри взял заостренную палочку и, чуть придавливая, провел по листу намёточную линию.

— Второй опорный контур для стабилизации поля, очевидно же. Ты же не самоубийца,

ведь так? Тогда если вот здесь, — он постучал наконечником по слабому узлу, — возникнет перегруз или помехи, вторая линия удержит поле, чтобы у оператора хватило времени хоть что-то сделать.

Терри промышчал что-то неопределенное, критически разглядывая новую линию и просчитывая, какие изменения повлечет появление незапланированного контура стабилизации. Арри похлопал его по плечу.

— Так как прошла встреча с Безумным королем, расскажешь?

Терри долго молчал.

— Нет. Не расскажу.

Арри вопросительно поднял брови. Он либо не смог скрыть, что уязвлен, либо не потрудился.

— Амнистию обещал? — с непонятной усмешкой уточнил он.

— Не только.

— Ну а что ещё? Деньги? Тебе ведь нужны деньги?

Терри почувствовал, как из глубины души вскипает грязная пена раздражения. Нехорошую улыбочку, которая расползалась на лице друга, хотелось стереть быстрым и точным ударом в зубы.

— Ты шел бы... в чайную, — негромко посоветовал Терри, отводя глаза. Слишком ярко он представил себе, как костяшки впечатываются в челюсть, даже испугался, что не успеет остановить себя, сорвется. Кулак зачесался.

— Я-то пойду. Но и ты приходи в себя. Не хочешь рассказывать — твое дело. Но если ты теперь человек короля... вот так, за одну ночь переобулся...

Терри бросил взгляд на книгу, которую оставил на прикроватной тумбочке перед сном. Где-то между страниц пряталось письмо для Верховного магистра. Письмо с Распознающей печатью, заломленной и безнадежно испорченной.

— Нет, деньги мне не нужны. И я пока не переобулся, — Терри невесело усмехнулся, воочию вообразив себе аналогию. — Но новую пару сапог мне выдали. Придется изнашивать.

— Ясно, — процедил Арри. — Поздравляю.

Терри не добавил ни слова, просто стоял и смотрел, как друг развернулся к нему спиной и, раз-другой безуспешно дернув ручку запертой двери, повернул ключ и вышел.

Оставшись один, Терри не спеша умылся, привел себя в порядок. Потом подошел к чертежу, разложенному на столе. И долго смотрел на аккуратные линии, не внося никаких исправлений. В какой-то момент взял в руки сточенный до половины карандаш, но так и не сделал ни единой пометки в испещренном формулами блокноте. А затем, когда ударил колокол, созывающий студентов на занятия, просто скатал лист бумаги в трубку и сунул в мусорное ведро.

— Вариантов всегда больше одного, ясно тебе? — с нескрываемым злорадством сказал Терри, обращаясь к испорченному чертежу, который вызывающе торчал из кучи мятых бумажек. А может быть, не столько к нему, сколько к Арри, который в очередной раз оказался прав. И проницательный Карьян будто видел отпечаток помощи Арри во всех готовых проектах, которые Терри хотел считать полностью своими. Как ему это удавалось?

Вытянув из-под кровати сумку, Терри сунул в нее «Толкования» и перекинул ремень через плечо. Он не знал, когда его вызовут на дисциплинарную беседу, и решил, что лучше носить послание от короля при себе.

На высоких ступенях Великой библиотеки собралась стайка девушек в белых студенческих плащах. Терри издали приметил кудрявую голову Варию. Смуглая девушка сидела на ступенях, глядя перед собой и не участвовала в оживленной беседе. Терри помахал ей, привлекая внимание. Вария заметила его и встала, подхватив холщовую сумку. Разгладила складки на подоле форменного синего платья. Ее товарки хмуро посмотрели на Терри. Их разговор замялся, будто они говорили именно о нем.

Пока Терри поднимался по ступеням, девушки вспорхнули со своих мест и скрылись за распахнутыми створками высоких дверей бывшего храма Святых Хранителей. Только Вария замешкалась у проема, оглянулась. Терри прыжком преодолел последние ступени, чтобы успеть нагнать ее. Поймал за острый локоть, постарался заглянуть в темные глаза, но вместо этого получил упругими кудрями по носу. Девушка отвернулась.

— Вария, что случилось? — требовательно спросил Терри. По крайней мере, она не вырывалась. Просто отводила взгляд.

— Вчера тревога была, — неохотно ответила она. — Тем, кого застали на улице, а не вытащили из постели, вlepили часы отработки. Из-за тебя.

Терри закатил глаза.

— Но ты ведь шла к себе, разве нет? Или тебя тоже поймали?

Вария выдернула руку и отскочила. Ее красивые темные глаза метали молнии.

— Меня не поймали. Как ты не понимаешь? Нормальные люди думают не только о себе. Мне стыдно, что я не предупредила друзей, и они пострадали.

Терри нахмурился. Скрестил руки на груди.

— Думаешь, это мне вдруг захотелось прогуляться по городу? Меня вывели. У человека был пропуск.

— Но это ведь из-за того, что ты набросился на Карьяна с кулаками? Ведь из-за тебя?

— Кто сказал?

Вария смутилась.

— Я так поняла.

Холодное раздражение, размывающее терпение Терри, нехотя отступило. Он даже заставил себя мягко улыбнуться.

— Ты ошибаешься.

— Но зачем зрителю понадобилось выходить с тобой в город?

Терри с кривой улыбкой пожал плечами, мол, я человек подневольный — меня ведут, я иду. Он подумал: «Странно, что Арри не сказал про часы для всех, кого поймали в чайной после отбоя. Опять играл в благородство? Или была еще какая-то причина?»

— И почему этот разрыв не был согласован с безопасниками? Я имею в виду, они буквально искали нарушителей, будто паниковали. Разве в этом есть какой-то смысл? — продолжала вслух размышлять Вария.

Вымученная улыбка Терри увяла. Он шагнул к девушке и обнял за узкие плечи.

— Лучше не думай об этом, — негромко посоветовал он, проводя ладонью по непослушным кудрям. — Если искать смысл во всем, что здесь происходит, легко сойти с ума... Я, например, начинаю сходить с ума только от одной мысли о том, что любой разрыв барьера может поднять на ноги по тревоге весь квартал. Это ненормально.

Вария тесно прижалась к нему, как будто искала утешения в его объятиях.

— Говорят, раньше можно было покидать Сияющий квартал. Студентов даже отпускали домой на праздники, как в любой школе, — глухо сказала она.

Терри промолчал. Он всегда так глухо и надолго замолкал, когда подруга заводила разговор о том, как скучает о семье и доме. Ему оставалось только удивляться, что Вария до сих пор не запомнила, что есть темы, которые он просто не способен горячо поддержать. Девушка глубоко вздохнула и подняла глаза к небу.

— Прости, я забыла, что ты до сих пор остро это воспринимаешь. Знаешь что? Давай на следующую Ярмарку я возьму тебя с собой на семейный ужин? Познакомлю со своими.

— Твой отец горец из тех самых, вынужденных переселенцев. Для знакомства с ним мне лучше бы придумать другое родовое имя, — невесело хмыкнул Терри, осторожно убирая со лба девушки запутавшийся локон.

Вария сощурилась и чуть-чуть отстранилась.

— А и придумай что-то попроще, чем Риамен, я только «спасибо» скажу. Ты все равно теперь один из нас, а не из «них», — она кивнула в сторону купола, за мыльными многоцветными очертаниями которого терялась Народная площадь Акато-Риору.

Терри неискренне улыбнулся. Необдуманное, хоть и искреннее слова Вариии, полоснули по сердцу. Если бы он хоть однажды соврал, что смирился с тем, что больше не аристократ, ему было бы проще понять, почему она не щадит его гордость.

Вария быстро клюнула его в губы и ловко вывернулась из некрепких объятий. Поправила ремень сумки на плече и быстрым шагом направилась мимо белоснежных колонн бокового нефа в сторону западного вестибюля. Терри нагнал ее.

— Послушай, давай пропустим сегодня лекции, — попросил он.

На губах Вариии заиграла понимающая улыбка. Но прозрачное предложение Терри не заставило ее даже притормозить, не то что остановиться.

— Парлас часы влепит за пропуск, она отмечает даже на потоковых. Тебе хочется в равинтоле столы протирать? Мне — не очень.

Терри помрачнел. Он и забыл, что сегодняшние «два часа» принадлежат куратору научных проектов.

— Тем более, тебе и так придется взыскание отрабатывать. Драка и самоволка, вдобавок привяжут эту попойку в чайной. Я, конечно, надеюсь, что тебе не сильно влетит, но... боюсь, все же влетит по первое число, — расстроено проговорила Вария.

Колокол на вершине башни ударил дважды.

Они опоздали.

* * *

— ...Первые утратили доверие Создателя или вопрос о смене власти, как всегда, лежит в плоскости перераспределения ресурсов? Что первично: идейное сопротивление или вызовы нового времени? Что могли сделать Первые, чтобы вовремя стравить давление в этом котле всеобщего недовольства?

Терри тихо пробирался по стеночке к галёрке, стараясь ступать легче, чеммышь. Следом за ним, пригнув голову, кралась Вария. Терри рассчитывал, что Парлас не обратит внимания на их опоздание, но не тут-то было.

— Быть может, господин Риамен расскажет нам? — колкий вопрос воткнулся под ребро

как острый шип. Терри остановился. Расправил плечи. Вария остановилась рядом, потому что он загородил ей проход.

— Расскажу что? — с прохладцей переспросил Терри, злясь на ментора за то, что она поставила их с Варией в такое неудобное положение. Еще хорошо, что Парлас демонстративно не замечала девушку, а обращалась только к нему.

— Расскажите товарищам, как политика ваших предков привела к Лесной войне и последующей за ней чередой Темных веков. Должно быть, вы позволяете себе опаздывать именно оттого, что и без меня прекрасно разбираетесь в теме.

Все глаза обратились к Терри. Тот подумал, что лучше быть просто не могло: именно на потоковой лекции по истории попасться Парлас под горячую руку!

— Мои предки проливали кровь по обе стороны линии фронта, — подумав, произнес Терри, вызвав одобрительные смешки. — Вас кто конкретно интересует? Мой дед и прадед защищали Акато-Риору от имперцев и горцев, в войне тысячелетней давности они участия не принимали.

Стекла очков госпожи Парлас отразили блик утреннего солнца.

— Меня интересует в первую очередь ваша семья, Терри Риамен. Специально для иноземцев переведу ваше имя на современный риорский с архаичного наречия: «белый огонь». Вы знаете, бакалавр, что означают эти слова и благодаря чему ваши предки оказались на страницах древних хроник?

По аудитории пролетел шепоток. Терри пригладил шевелюру, в которой проглядывали предательские белые прядки.

— Это всего лишь имя. Я не имею ни малейшего отношения к Древним и тому, что они делали с людьми тысячу лет назад, — он попробовал обезоруживающе улыбнуться, но вышло криво и неубедительно. — У меня даже кровь уже другая, не «белая», госпожа ментор. Или вы не заметили? — яд пролился в голос и отравил фразу, испортив все впечатление.

Ментор отвернулась от Терри и обратилась к слушателям. Для ежедекадной общей лекции собирались студенты с разных курсов. Первокурсники сидели стайкой, ближе к кафедре, затаив дыхание, внимали каждому слову лектора. Студенты старших курсов рассредоточились в произвольном порядке. Кто-то дремал, кто-то читал, а кто-то приготовил перо и блокнот, чтобы записывать.

— «Белый огонь» — это одна из разновидностей древней магии, если кто не в курсе. По сути, это аккумуляция и разряд сверхплотного поля, по способу воздействия близкий к удару молнии. Когда-то предки вашего товарища, все, кто носит сейчас приставку «ри» в родовом имени, могли призывать и управлять такими мощными природными стихиями. Но эти силы были утеряны, а вместе с ними...

— Это контроль? — спросил кто-то в зале. Наверняка, самые младшие, для которых подобные беседы в новинку и в удовольствие. Уже начиная со второго курса, студенты узнают куратора научных проектов с такой стороны, что учатся если не уважать ее, то опасаться.

— Странный вопрос с места, — недовольно покачала головой Парлас, высматривая в рядах того, кто мог ляпнуть подобное. — Но в порядке исключения отвечу, потому что это подводит меня к теме лекции. Нет, если говорить конкретно о «белом огне», нужно понимать, что это вовсе не контроль над кровью. Но исследования в этом направлении все равно были свернуты больше десяти лет назад, поскольку ряд неудачных экспериментов подтвердил гипотезу о чрезмерно высоких энергозатратах. Я знала людей, отдавших жизни

за то, чтобы вернуть нам возможность призывать «белый огонь». Когда-то каждый из нас знал, ради чего он приносит эти жертвы... А господин Риамен только что продемонстрировал типичную для современности реакцию: отрицание.

Пользуясь тем, что Парлас отвлеклась на лекцию, Терри опустил на ближайшую скамейку и бросил в ноги полупустую сумку. Вария прошла дальше, несмотря на то, что Терри знаками показывал, что здесь хватит места на двоих.

— Такое пренебрежительное отношение к истории — большая ошибка. И не только молодой наследник древнего рода Риамен предпочитает отмахнуться от деяний предков, но многие наши современники привыкли поступать так же. Прошлое пугает неокрепшие умы. Вместо того, чтобы черпать из этого колодца, мы закрыли его бетонной плитой и умираем от жажды. Мы только-только начинаем оправляться от Темных веков, в наших домах появился свет, теплая вода и прочие удобства. Надеюсь, никому не надо объяснять, почему монополия на магию в руках жречества едва не похоронила последнюю надежду на развитие научной мысли?

Госпожа Парлас вышла из-за кафедры и прошлась туда-сюда под пристальными взглядами слушателей.

Слушая, как она без конца повторяет его и без того испачканное грязью родовое имя, Терри натурально скрипел зубами. Ее слова вкручивались в уши и сверлили мозг своей невозможностью. Она будто издевалась над ним сейчас, недаром не пропустила его появление, привлекла всеобщее внимание к его проклятому родовому имени, которого он не заслуживал хотя бы потому что из-за какой-то генетической ошибки уродился Младшим! Выродком!

Можно подумать, это не она говорила ему два года назад, чтобы он даже не думал работать над древними источниками! У него отняли идею умного браслета и наработки по распознающему адресата письму, а сейчас, как тряпку, полощут его имя, чтобы посмеяться над теми, кто боится запретной магии?

«Я больше не позволю воровать мои идеи, куратор», — с ненавистью думал Терри, вспоминая себя с первой научной работой. Как он тогда растерялся и даже поспешил убедить себя в том, насколько ему повезло получить проходной балл «просто так» и избежать публичной защиты перед Арчером и прочими стариками.

Он заметил, как справа в воздух подняли сложенный вдвое белый листок. Вопрос. Терри оглянулся и узнал заносчивый профиль Карьяна. Госпожа Парлас кивнула ему, мол, увидела, но речи своей не прервала:

— Я хочу донести до вас мысль, что именно такие люди как «сиятельный» Риамен повинны в том, что нам сегодня приходится по крупицам собирать утерянные знания. Экспериментальным путем, со многими жертвами, мы на ощупь продвигаемся вперед, а все из-за того, что после Темных веков были утрачена наша национальная самоидентификация. Потомки Древних спешат расписаться в том, что утраченная магия не представляет для них ни малейшего интереса. Даже, — она сделала выразительную паузу, и все опять начали исподтишка поглядывать на Терри, — если они занимаются ее изучением.

По аудитории опять пронеслись шепотки и смешки. Терри открыл блокнот и принялся выцарапывать на листе злые спирали. Карьян дождался позволения задать вопрос и поднялся.

— Вы задали вопрос, какая политика привела Древних к великой войне с людьми. Отвечаю. Они бесконтрольно пользовались своей «белой» магией. Вседозволенность

кружила им голову, а все попытки людей договориться и как-то законодательно, — Карьян нарочито возвысил голос, — ограничить их возможности приводили к открытым столкновениям. Вы предлагаете вернуться к тем временам, когда Первые считали себя богами? Да они фактически держали в своих руках всю власть: и над природой, и над людьми!

Стекла очков госпожи Парлас спрятали за бликом выражение глаз. Она улыбалась, но было непонятно, чего в этой улыбке больше: искреннего участия или насмешливой снисходительности.

— В вашем вопросе уже есть ответ, Карьян. Подумайте, не застит ли вам глаза застарелый страх. Чужой страх, который не имеет отношения к вызовам времени. Вы считаете, что власть над природой и людьми — это что-то предосудительное, я правильно поняла?

Карьян успел вставить только «но». Госпожа Парлас пригвоздила его к месту сердечной интонацией и мягкой укоризной.

— Я бы поняла, задай этот вопрос кто-то из недалеких искателей. Но мы с вами создаем новую магию, господа. И все здесь присутствующие добровольно и с большой отдачей работают над тем, чтобы подчинить себе те самые древние техники. Не правда ли, Карьян? Не вашу ли квалификационную работу Верховный магистр назвал лучшей из когда-либо представленных? Хотите, я расскажу тем, кто не имел счастья присутствовать на защите, в чем заключается предмет ваших научных поисков?

Терри откинулся на спинку длинной и неудобной студенческой скамьи. Искося наблюдая за тем, как Карьян ступешевался, он жадно ждал продолжения. Терри знал, над чем работала его группа. Все знали. Разве что кроме новичков, набранных на осенней Ярмарке, которые вообще на все смотрели квадратными глазами за круглыми стеклами очков.

— Это только звучит...

— Ваша группа работает над тем, чтобы дать Неспящим разум. Это именно что запретная магия контроля в новых условиях, — безжалостно припечатала госпожа ментор. — Вы разве не уподобляете себя Создателю в ваших научных амбициях?

— ...так опасно, — упавшим голосом закончил Карьян и поспешил сесть, провожаемый испуганными взглядами и жужжанием голосов.

Терри хмыкнул. Вот так. Парлас невозможно было победить на поле риторики, она всегда прятала в рукаве козырную карту. Или попросту запрещенный прием.

Дождавшись, пока по рядам прокатится и разрастется ропот, госпожа ментор широким жестом обвела ожившую аудиторию и властно сжала пальцы в кулак, призывая студентов к молчанию. Аудитория повиновалась, впечатленная сокрушительной победой. Если и был поначалу кто-то, кого мало интересовала история в качестве темы, сейчас невовлеченных не осталось — все слушали очень внимательно.

— Разумеется, я несколько сгустила краски, чтобы преподать вам урок. Международные наблюдатели тщательно следят за тем, чтобы не допустить никаких практик запрещенной магии в Академии. Карьян занимается системами безопасности и всего лишь пытается научить Неспящих действовать по определенному алгоритму... Хотя в своих исследованиях опирается именно на известные тексты, описывающие механизм подчинения чужой крови.

Терри подпер кулаком подбородок, любуясь на густую краску, щедро выплеснувшуюся на щеки лучшего студента. Не каждый день Парлас превращала свою лекцию в цирк с разоблачениями.

— Или господин Риамен, наш второй самородок...

Услышав свое имя в очередной раз, Терри горько пожалел, что не уговорил Варию прогулять занятия. Он неохотно поднялся.

— Вы расскажете нам свои соображения о «Десяти Песнях» Талсиена?

Терри почувствовал, как расплзается на губах злая ухмылка. Ну конечно, разве разговор о контроле над кровью мог обойтись без песен Древнего поэта? Или разве Парлас могла обойтись без того, чтобы не напомнить Терри о его самой первой научной работе, которая стала известным анекдотом, просочившись из-за закрытых дверей преподавательских кабинетов?

— В одной из песен поэт рассказывает о возлюбленных, которые искали способ обмануть жестокого отца. Юноша, возможно сам Талсиен, писал даме сердца письма, полные признаний, а буквы складывались в слова только для нее. А потом он подарил ей браслет, который говорил его голосом.

— Для вас секрет, что описано действие магии контроля?

— А для вас? — в звенящей тишине голос Терри прозвучал металлически отчетливо.

Госпожа Парлас мягко улыбнулась и терпеливо вздохнула с таким видом, будто она разговаривала не с бакалавром, а с «сеньмушкой», только-только принятым в основную школу.

— Для меня — не секрет.

— Это хорошо, — механически кивнул Терри. — Было бы очень неудобно работать над печатью Распознающего письма, если бы вы не знали, какая идея лежит в основе. «Это невозможно» — так вы сказали? Или «бесперспективно»?

Если Парлас и догадалась, о чем говорил Терри, она ничем не выдала своего отношения. Поправила очки и бесстрастно ответила:

— Возможно все, молодой человек. Возможно все, если не ставить непроницаемую стену между современными нуждами и знаниями, которые были доступны в прошлом каждому завалящему поэту. Но вам же не понять, чуть разговор заходит о ваших предках, вы спешите сказать, что не имеете к ним ни малейшего отношения, не правда ли?

Терри рухнул на место, как подрубленный ясень. Ему хотелось махнуть рукой на правила Академии, подхватить сумку и покинуть аудиторию прямо в разгар лекции — и пусть Парлас точит когти на ком-нибудь другом. Она еще долго говорила и даже отвечала на вопросы — нашелся же кто-то, кто не понял еще, что с куратором по научной работе дискутировать бесполезно! Терри не слушал, без остатка погрузившись в собственные невеселые размышления.

Спустя какое-то время ему на плечо опустилась механическая птичка. Вцепилась острыми коготками, прошлась по плечу. Терри скосил глаза. Внутри птахи с тихими щелчками ходили шестеренки. Она перепорхнула ему на ладонь и он почувствовал, что к лапке привязана свернутая невесомая бумажка. Терри оглянулся, но не понял, кто ее запустил. Задержав долгий взгляд на Арри, он развязал нитку на тонкой лапке и развернул листок бумаги.

«Если печать и правда твоя идея, присоединяйся к моей группе. К.»

Терри нашарил во внутреннем кармане очки, чтобы разобраться в рисунке энергетических потоков, которые заставляли механическую птичку вращать головой и внимательно смотреть на него черными бусинками глаз. Она вела себя точь-в-точь как живая.

Сломанные очки окончательно потеряли энергию и представляли из себя не артефакт, а кусок жалкого хлама. Терри некоторое время честно подумал над этой неприятностью, а потом решил, что универсальный язык жестов вполне сойдет, чтобы ответить. Он сложил пальцы в виде мужского детородного органа и с удовольствием показал Карьяну.

«У меня будет своя научная группа».

Глава девятая. Одна булка в одни руки

Бесконечная двухчасовая лекция о том, сколь много современная магия потеряла после трех мировых войн, закончилась с ударом колокола. Терри подхватил сумку, одним движением сбросил в нее вечное перо, блокнот и книгу Кентина Тилссена по базовой теории полей, которую украдкой листал половину лекции. Быстрым шагом спустился с галерки и прошел в створчатые двери едва ли не перед носом Парлас, раздающей старостам задания. Лопатки зачесались от ее пристального взгляда. Терри не остановился даже когда услышал, как его окликают Радек:

— Эй, аристократ, стой. Пойдем поговорим.

Терри нахлобучил фуражку и поправил на плече ремень сумки. Разговаривать с Радеком не хотелось, тем более когда внезапно вспомнил о классовых различиях. Дурная примета. Зануда привяжется — и не отстанет, пока душу не высосет. Ничем хорошим не кончится.

— Риамен!

Холодный голос Арри пресек скандал.

— Оставь его, Радек.

Терри раздраженно подумал, что Арри опять лезет не в свое дело и дает повод тому же Карьяну говорить, что без добряка-Рантала «беспомощный» Риамен ни на что не годен. С другой стороны, ему было решительно плевать, кто с кем сцепится за его спиной. Он думал только о том, что пропустил завтрак, и не собирался бездарно тратить получасовой перерыв между учебными блоками. Мельком оглянувшись, он увидел смоляные кудри Вари. Она разговаривала с подружками. Терри не стал ее ждать. Гораздо удобнее будет занять очередь в равинтоле — девушка еще «спасибо» скажет за его предусмотрительность.

Спустившись по мраморным ступеням Великой библиотеки, Терри полной грудью вдохнул свежий осенний воздух. Привычно потянулся к нагрудному карману, но спохватился, что очки сломаны. Без затененных стекол в солнечный день под куполом было слишком ярко: радужные пятна света ползли по окнам, будто их тянуло невидимое течение, бликовали и слепили глаза. Терри надвинул козырек форменной фуражки на лоб.

Днем закрытые от внешнего мира улицы Сияющего квартала оживали, наполнялись народом. Особенно летом, когда рабочие по указу Магистерия разбирали крыши. Для безопасности между домами натягивали полосатые бело-синие тенты, из-за чего строительные работы придавали закрытой части города праздничный вид. Терри невольно поглядывал наверх, ожидая, вдруг в зазор между полотнищами ему прямо на голову упадет кирпич. Страх был ничем не обоснован, но реален настолько, что Терри ускорял шаги.

Когда над головой хлопнуло полотнище, он даже присел. Невесть откуда взявшийся порыв ветра — опять где-то дыра образовалась! — едва не стянул фуражку. Терри прижался спиной к стене и так прокрался к двери, сквозь зубы ругаясь на себя за излишне живое воображение. Ветер под куполом всегда появлялся неожиданно и ничего хорошего не сулил. Опять где-то в куполе дыра образовалась. Несмотря на все усилия техников, стабильность защитного поля была «нарисована» только на газетной бумаге. Равно как и все гарантии безопасности.

Оказавшись «под куполом» Терри постепенно понял, что охрана труда в Академии напоминает эти полосатые тенты над головой. Вроде озаботились, но если вдруг что — спецодежда не защитит лицо и руки от взрыва, а нарядные полотнища не спасут череп от

упавшего сверху камня.

Успокаивал сердцебиение Риамен уже в равинтоле. Несмотря на то, что в доме велись работы, и со второго этажа выселили двух старших магистров, деливших квартиру, трапезный зал на первом этаже продолжал работать. Обитателям Академии приходилось мириться с тем, что пространства для жизни и работы под куполом вечно не хватало.

В равинтоле было тихо, прохладно и отчетливо пахло рыбой. На голых стенах висели примелькавшиеся агитки. Терри мазнул взглядом, не приглядываясь. Его интересовало содержимое почти пустого буфета. Почему-то последние декады постоянно не хватало муки или еще чего-то. Пекарни простаивали или работать некому? Терри не знал, да и не думал об этом из-за экзаменов, но порадовался, что хоть что-то осталось после завтрака.

Терри открыл дверцы, чтобы взять булку с медовыми яблоками. На тарелке сиротливо осталась лежать последняя. Поколебавшись, он взял и ее — для Вари. Он не сомневался, что девушка найдет его здесь и очень расстроится, если увидит, что любимую выпечку уже разобрали.

Дежурный, сметающий со столов крошки, выпрямился.

— Эй, парень, одна булка в одни руки, — недовольно окликнул он.

— Руки у меня две, — вполголоса проворчал Терри. Подчеркнуто аккуратно закрыл дверцы буфета и вместе с булками направился к горящему красным глазом кипятильнику в дальнем углу. Рядом с ним выселись башни из составленных друг на друга чайных чашек.

— Что сказал, не слышу? — не поверил своим ушам дежурный и, сунув салфетку под завязки длинного фартука, направился к нему. На ходу он недвусмысленным жестом поправил закатанные до локтя рукава рубашки.

— Вторая не мне, а моей подруге. Она сейчас подойдет.

— Подойдет и возьмет. Лишней еды — с собой, про запас, для друзей или прикормленных крыс — не даем.

Терри смерил оценивающим взглядом парня в фартуке. Он выглядел старше и крупнее. Но едва ли он учился семь лет в Королевской военной школе и знал уловки, которым обучались будущие гвардейцы в ежедневных стычках. В военной школе превыше всего ценилось умение дать отпор так, чтобы показать, что ты сильнее и умнее противника, но при этом не доводить до безобразного мордобоя, за который обоим драчунам придется потом расплачиваться.

Терри положил одну булку на чайное блюдо, а вторая осталась в его левой руке.

— А ты отними, — спокойно предложил он. Даже протянул — «бери, мол».

Вызывающее поведение дежурному не понравилось. Он схватил Терри выше кисти и попробовал дернуть к себе, но не тут-то было. Риамен перенес вес на другую ногу, накрыл ладонью кулак противника и отступил, выворачивая ему предплечье. Дежурный сам не заметил как опустился на колени. Терри заботливо помог ему встать, придерживая за локоть.

— Еще раз попробуешь? — поинтересовался он, с удовольствием разглядывая ошеломленное лицо. С гвардейцами Терри не рискнул бы так шутить, потому что боялся, что те переломают руки за подобные фокусы, но утереть нос дежурному за хамство — другое дело.

— Что это было? Что ты сделал? — парень недоверчиво ощупывал запястье, будто искал в нем полонку.

Терри широко улыбнулся.

— Магия контроля. Иди доложи Арчеру, если желаешь. А булка останется у меня,

потому что я взял ее не для себя.

— Да подавись, — буркнул дежурный и отошел, косясь. Уже с безопасного расстояния добавил: — А доложить-доложу, не сомневайся. Пусть тебе часы в пекарне нащелкают, раз ты такой горячий любитель булочек. Как, говоришь, тебя зовут?

— Риамен.

— Очень рад.

Терри отвернулся. Взял чашку и подставил ее под носик крана. Повернул красную ручку, с досадой размышляя, как так получается, что он вечно проигрывает, хотя никогда не отступает и не сдается. Терри не мог представить, как поддается безродному хаму в переднике и покорно отдает то, что ему нужно, даже не попытавшись отстоять право подарить своей девушке эту идиотскую булку с яблоками.

Дверь равинтолы отворилась, задев подвешенные трубочки с музыкой ветра. Тихим мягким перезвоном они сообщили о новом госте.

— Так и думал, что найду тебя рядом с кухней, — прокомментировал знакомый голос. Терри, не оборачиваясь, со вздохом снял с вершины кренящейся набок башни вторую чашку и поставил на место своей под носиком крана.

— Тебе красный или белый? — пряча досаду за равнодушием, поинтересовался Риамен. Вария не стала его разыскивать, зато Арри был тут как тут, да еще с дежурной шуточкой про вечноголодного друга. Осталось понять, какого демона он так вцепился в эту грешную булку, если Вария так и не придет? Дежурный хам, чего доброго, решит, что булка предназначалась вовсе не для девушки...

— Мне бы чего покрепче, — размечтался Арри. Несмотря на то, что очереди в равинтоле не наблюдалось, он по привычке сначала направился к буфету. Открывать стеклянные дверцы не стал, а окинул взглядом полки и разочарованно оглянулся. Пустые тарелки и корзинки явно не вызвали у него воодушевления.

— Черного нет, — Терри поочередно поднял керамические крышечки на заварочных чайничках. — Настояй ягод вязника ещё есть, — дрогнувшим голосом подытожил он, брезгливо глядя на разваренные ягоды, плавающие в маслянистой пленке. Ягоды вязника заваривали те, у кого не было денег на чайный лист, благо колючий кустарник рос на каждом шагу. Терри поскорее закрыл крышку и сглотнул горькую слюну. Стремился избежать нищеты, тяжелой работы и плохой еды, называется.

— В десять утра весь хлеб закончиться не может, это уже чересчур, — жалобно сказал Рантала, оборачиваясь к дежурному, который наблюдал за ним скрестив на груди руки.

— Если все будут по две булки хватать, хлеб закончится еще раньше. К обеду еще будет, а пока вот так. Вчера какой-то урод решил ночью смотаться в город. Причем не через кусты полез, как все, а мимо Неспящего понадобилось идти, видать, удаль хотел показать. Не знаю, говорят, вина бакалаврам не хватило. Вы, парни, вроде как раз из той компашки, может, лучше меня знаете?

Арри с извиняющейся улыбкой развел руками.

— Можно подумать, у нас каждый день есть повод повеселиться. Как по мне, оно стоило того, — легкомысленно ответил он.

— Ну вот и пей теперь пустой чай, весельчак. Под шумок из-за тревоги все штрафники из пекарни дернули сперва докладывать зрителям очень ценные показания о том, что ничего не видели, а потом улизнули по комнатам — досыпать. Я один там кое-как все из печей достал... Ну ничего, я нового помощника себе уже нашел.

Дежурный стащил через голову завязки фартука и повесил на крючок. Рядом висела синяя куртка с эмблемой в виде гаечного ключа поверх шестеренки. В отличие от студенческих, форменные куртки техников щеголяли нашивками специалистов на предплечьях и в целом меньше походили на школярские кители. Как минимум, обходились без ненавистных пуговиц, которые постоянно отрывались и терялись.

«Просто прекрасно, — Терри мрачно уставился на злополучную булку, будто это она повинна в том, что он задирает не студента, а магистра. — Опрокинул техника. Сидеть мне теперь в его пекарне до тех пор, пока диплом не получу».

Техник накинул куртку. Открыл дверь на кухню и попросил кого-то по имени Аннели подменить его на раздаче.

— Ну что, Риамен, до вечера. Привет подруге, — он издевательски поклонился и вышел на улицу. Музыка ветра издала короткий насмешливый перезвон. Терри проводил техника задумчивым взглядом. Арри вопросительно поднял брови, молчаливо спрашивая, что он пропустил.

— Что ж ты не предупредил меня сразу, что здесь нельзя есть досыта? — с трудом сдерживая рвущиеся наружу эмоции, выдавил Терри. — Я бы хорошо подумал, стоит ли оно того...

— Почему не предупредил? Я спросил, нет ли у тебя вариантов получше, — хмыкнул Арри. — С учетом запрета на разглашение внутренней информации посторонним лицам, вполне себе тянет на белый лист с парой-тройкой часов.

Из кухни, вытирая мокрые руки о передник, выглянула симпатичная блондинка.

— Я тут рыбу запекаю с солью, пальчики оближете. Еще есть перетертый в кашу зеленый хернет и луковый суп. Что подать?

— Терпеть не могу хернет и лук, — поморщился Арри. — Мне рыбу.

— Я тоже терпеть не могу, — страдальчески скривился Терри. — Но давайте ваш суп и эту хер... кашу.

Друг глянул на него с понимающей улыбочкой, но ничего не сказал.

Вария тоже стремилась накормить Терри «как мужчину», в красках расписывала горскую кухню. Риамен объяснял ей про другую кровь, про Первых детей Создателя, от которых ему «в наследство» досталась специфическая реакция на красное и белое мясо. Тогда же выяснилось, что девушка не понимает, почему у него в волосах столько серебряных волос. Она призналась, что связывала появление ранней седины с каким-то ужасным эпизодом в жизни, вроде нападения огромного горного кота исбри. Терри так и не сумел ей объяснить, что бывают «Древние, но не совсем». Вария не верила и рисовала схемки с разноцветными кружочками, чтобы доказать, что смешанной крови не бывает. Слушать ее рассуждения было очень больно, но Терри прятал истинные чувства за смехом. Может быть, их отношения еще в тот момент безнадежно треснули?

Арри же был риорцем, и ему не требовалось ничего объяснять.

Он сел за стол и взял чашку с чаем. Заметил, что булок с яблоками на самом деле две, просиял и протянул руку к тарелке. Терри, не меняясь в лице, сдвинул ее на край стола, чтобы друг не дотянулся.

— Что-то мне подсказывает, что «новые ботинки» тебе жмут, — философски заметил Арри, оставив попытки завладеть выпечкой. — Ты будто другим человеком стал.

— Вторая булка для Вари. Мне за нее часов нащелкают, слушай, — с виноватым видом объяснил Терри. — И так тошно, ты еще...

— А первая, значит, тебе одному, — ровным голосом проговорил Арри. — Все понятно. Догадка треснула Терри по затылку как пыльная подушка. Он без колебаний переломил булку пополам.

— Прости, не подумал.

Арри невесело улыбнулся.

— А всем остальным поделишься? Что это было на лекции Парлас? В чем ты ее обвинял? С ума сошел?

Терри наклонился и понизил голос, словно опасался, что его могут услышать в пустой равинтоле, где, кроме них, была разве что Аннели, которая звякала посудой на кухне.

— Ты видел печать на Распознающем письме? Я имею в виду близко? Через очки?

— Конечно, о чем речь. Парлас же ходит целыми днями по коридорам и всем под нос сует свою печать, чтобы посмотрели через очки, вот я и глянул...

Терри так на него посмотрел, что Арри не выдержал и расхохотался.

— Видел бы ты свое лицо! Поверил что ли?

Терри даже не улыбнулся. Разве что одна сторона рта дёрнулась, но скорее от раздражения.

— Значит, не видел?

— В лучшем случае группа Карьяна имела честь лицезреть, но вряд ли. Я заметил, как он ел тебя глазами, пока ты про Талсиена рассказывал. Он наработки в направлении магии контроля нюхом чует.

— Это точно, — пробормотал Терри, без восторга глядя на Аннели, выплывающую из кухни с эмалированным подносом в руках.

Она поставила тарелки на стол, пожелала бакалаврам «самого расчудесного аппетита и замечательного пищеварения» и ушла за стойку раздачи. Села на табуретку и открыла толстый справочник с потрепанным корешком.

— Сейчас Карьян разведает, что к чему, и переманит тебя под свое крыло. Возьмешь меня с собой или нет? — Арри испытующе глянул из-под челки, которая опять упала на глаза.

— А тебе интересно с Неспящими возиться? — невнимательно переспросил Терри, рассеянно рисуя ложкой спирали в неаппетитной зеленой каше. Взгляд притягивала светлая макушка, склонившаяся над учебником. Аннели убрала мешающую прядку за ухо и, будто почувствовав его взгляд, подняла глаза и улыбнулась.

Терри зачерпнул кашу и отправил в рот с таким видом, словно в жизни ничего вкуснее не ел.

— Мне интересен контроль, как и тебе, — пожал плечами Арри, ловко отделяя ножом и вилкой рыбий хребет. Терри передернуло от этого зрелища. — Помнишь, мы собирались сотрясти это болото до основания прорывными технологиями? Если для этого нужно сперва довести до ума Неспящих, я в деле.

— А я нет. У Карьяна свое дело, а у меня свое, — отрезал Терри. Он подумал, что Карьян действительно слишком быстро предложил сотрудничать после вчерашнего. Терри знал, что он гнилой насквозь, но не подозревал, что в этом человеке вовсе нет гордости, одно честолюбие.

— У него есть собственная лаборатория, — напомнил Арри. — Не хило для того, кто вчера получил первую степень.

— У меня тоже будет.

— О да, я уже посмотрел, как ты умеешь договариваться с Парлас. Ты думаешь, ключи от лаборатории тебе король из Белого дворца на веревочке спустит? Только Парлас решает этот вопрос, ну, может, еще сам Верховный.

— Ну вот и посмотрим, что скажет Верховный, — прищурился Терри. — Очень может быть, что некая веревочка из дворца действительно может повлиять на решение некоторых вопросов...

* * *

Каким бы бесконечным не казался день, он закончился. Терри так и не вызвали на дисциплинарную беседу. По какой-то причине зрители не интересовались, почему его не было на территории Сияющего квартала во время вчерашней проверки. Так что тяжелые «Толкования» с письмом от короля он носил с собой напрасно.

«У тебя есть три дня на то, чтобы доставить ответ или объяснить, почему его не последует», — слова короля можно было трактовать двояко, но Терри очень не хотел проверять, что с ним сделают после признания, что письмо так и осталось лежать между страниц.

Поднимаясь на свой этаж, он раздумывал, может ли бакалавр попросить Верховного магистра о личной встрече и под каким предлогом это лучше сделать. И как составить письменный запрос, чтобы не вызывать ненужных подозрений.

«А может, все устроится само собой», — мрачно подумал Терри, увидев два красных листа, приклеенных один над другим к двери его комнаты. Извещения о штрафных санкциях развешивали зрители пока студенты были на занятиях. Когда Терри учился на первом курсе, их подсовывали в щель под дверь, но пару лет назад Магистерий решил, что о дисциплинарных взысканиях должен знать не только нарушитель, но и его товарищи.

Вария, которая шла рядом, встревоженно заглянула в лицо Терри.

— Сразу два красных?

Терри не ответил. Он ускорил шаг, стремясь быстрее дойти до своей комнаты и сорвать листы. Но не успел. Тордеррик, видимо, подждал его в холле и ему понадобилось всего два шага, чтобы преградить Терри дорогу. За правым плечом горца маячил хмурый Радек.

Терри остановился, оглянулся, чтобы убедиться, что Вария замерла поодаль. Тордеррик размял массивные плечи на которых синий студенческий китель сидел как гвардейский мундир. Его тёмный взгляд обещал расправу.

— Из-за тебя, Риамен, всему курсу навесили синие, — он мотнул головой. Терри посмотрел дальше и понял, что он прав: почти на каждой двери висели бумажки. Но у всех синие, извещающие о внесенном в личное дело проступке средней тяжести. И только на его двери красные.

«Два красных листа подряд! Какого?..» — вспыхнула и тревожно замигала в голове кнопка «опасность».

Первый удар прилетел вообще не с той стороны, с какой ждал Терри.

«Проклятье, он левша!» — заслоняя голову, Риамен отшатнулся. Нос будто свернули на сторону и за переносицей, неохотно разгораясь, запульсировала тупая ноющая боль. Из-за силы удара он отступил на пару шагов, и это расстояние позволило ему увидеть, как Тордеррик разворачивает корпус для того, чтобы добить сверху.

Будь у Терри больше времени на то, чтобы обдумать, как увернуться, он неизбежно

опоздал бы. Но Тордеррик шел в новую атаку, и Терри просто шагнул навстречу, инстинктивно убирая голову из-под массивного кулака. Горец уже не мог остановить размашистое движение, а Риамен оказался за его плечом.

Если бы злая боль не разъедала глаза подобно кислоте, Терри здесь и остановился бы, но ему хотелось вернуть её сторицей. Поэтому он крутанулся на каблуке, захватил руку Тордеррика, присел и вывернул ее в суставе так, что тот взвыл. Самым сложным оказалось не уклониться от удара и не поймать противника в ловушку, а разжать пальцы и выпустить, когда хотелось держать и давить.

Но Терри заставил себя. Увидел взгляд Вари и отступил. Выдохнул. Утёрся рукавом, мельком убедился, что крови на ткани нет. Значит, не разбили и перелома нет. Тордеррик поднялся на ноги, красный и взмокший, как будто его окунули в кипяток.

— Надеюсь, тебя сотрут, — пропыхтел горец, не делая новых попыток подойти и ударить. — Псих.

Терри огляделся. Вокруг них собралось человек семь. Все молчали, никто не вмешивался, не делал попыток их разнять или что-то сказать. Даже Вария. Терри кольнуло разочарование, причем он сам не мог понять, отчего. Он первый бы прорычал ей, чтобы не лезла под руку, но она просто стояла и смотрела, как будто ей все равно.

— Я защищался, — сказал Терри и обвел зрителей растерянным взглядом, снова остро ощущая себя проигравшим. Он вышел победителем из очередной схватки, не дал себя избить, почему же так паршиво?

Терри сгреб и сорвал красные листы, сунул их под мышку, чтобы не мешали рыться в карманах в поисках ключа. Нашел, сунул в замочную скважину не той стороной. Пальцы дрожали от того, что он внутренне еще не закончил бой, еще подсознательно ждал нового удара и думал, как на него ответит. Наконец замок щелкнул и впустил Терри в комнату. Захлопнув дверь, Риамен прижался к ней затылком и опустился на пол.

Паршивый день не желал заканчиваться.

Скомканные листы извещали о том, что Терри и так знал.

«Самовольно покинул территорию» — пятьдесят часов. С первого по пятый день декады дежурство в Великой библиотеке. Уборка, сортировка, поиск книг по запросу. С девяти часов вечера, не меньше трех часов в день.

«Нападение на магистра, отягощенное вызывающим поведением» — пятьдесят часов. С пятого по десятый день декады дежурство во второй пекарне. Уборка, замешивание теста, формовка и контроль за выпеканием, полный цикл. С девяти часов вечера, не меньше трех часов в день.

Терри медленно разорвал оба листа на тонкие полоски.

Звук рвущейся бумаги не просто успокаивал, а даже в какой-то мере дарил чистое незамутненное удовольствие. Пока рвется бумага, можно было ни о чем не думать. Это был его собственный способ остановить время и выйти на изнанку реальности, проветрить мысли, успокоиться и забыть обо всем.

Когда часы на башне одним ударом оповестили, что прошло полчаса после восьми, Терри встал, умылся, заглянул в покрасневшие глаза отражения, и вышел из комнаты, тщательно закрыв за собой дверь, чтобы никто в коридоре не уловил слабый запах жженой бумаги. Разжигать огонь в комнатах студентам было категорически запрещено, но Терри не мог противиться искушению попробовать одну идею, на которую его навела лекция госпожи Парлас.

Дерьмовая была идея, это и дураку было понятно. Но он все равно вооружился нагревателем и серебряной проволокой и пару часов провел за столом, кустарно собирая некое подобие двойной цепи, в которой энергия могла бы перетекать от звена к звену.

Ничего не получилось, разумеется. Терри только обжег подушечки пальцев. Но бумаге хватило. Бумаге вообще много не нужно, чтобы истлеть.

* * *

В пекарню Терри пришел раньше остальных штрафников. Вошел в зал, будто разделенный надвое из-за низко висящих над широкими столами ламп и остановился в проходе, разглядывая холодные каменные печи. Впрочем, в помещении все равно было очень тепло, даже жарко. Запах свежего хлеба мгновенно заставил рот наполниться слюной. Вечно голодное брюхо жалобно заурчало, напоминая, что последний раз Терри ел вкусно и досыта лишь в прошлой жизни. Он сглотнул.

— Снимай куртку и рубашку, аристократ, — раздался веселый голос откуда-то сверху. Терри задрал голову и увидел, что за печами прячется железная лестница, которая ведет к решетчатой площадке. Знакомый техник из равинтолы, смотрел на него, облокотясь на перила рядом с раструбами воздухопроводов. Он был одет в одну лишь белую майку и синие брюки со стрелками. Вылинявшие матерчатые варежки защищали руки.

— Обязательно. Штаны тоже снимать? — дерзко уточнил Терри, расстегивая пуговицы на кителе.

— Если будет жарко, можешь и штаны снять, — великодушно разрешил старший. Он небрежно сунул гаечный ключ в боковой карман на штанине и начал спускаться, держась за поручень. Железная лестница гремела, отзываясь на каждый шаг. Терри снял китель, повесил его вместе с фуражкой на вбитый в стену кривой гвоздь, а рубашку снимать не стал. Ограничился тем, что закатал рукава до локтей.

Техник осмотрел его с таким видом, будто прикидывал, как половчее засунуть в печь.

— В ратуше не удивились, когда я попросил красный лист на твое имя, Риамен. Кое-кому твое поведение показалось предсказуемым, но лист на пятьдесят часов выписали без вопросов. Странные дела. Что скажешь?

Терри не успел ответить. Прорезанная в высоких воротах дверца за его спиной со скрипом отворилась и через порог переступил высокий парень-риорец, со смоляными кудрями над высоким лбом и яркими синими глазами. Типичный уроженец столицы, будто брат Арри, разве что линия рта резче и на подбородке ямка.

— Мирного вечера, мастер Келва, — поздоровался вновь прибывший и сразу же начал раздеваться.

— И тебе, Рансу. Не думал, что ты сегодня придешь, часы ты все отработал.

Рансу стянул рубашку и вместе с кителем повесил рядом с курткой Терри.

— Только не говорите, что мне нужно думать, где заработать взыскание, если я просто хочу помочь.

— Вчера мне точно требовалась помощь, — проворчал мастер Келва. Он толкнул Терри в плечо так, что тот покачнулся. — Познакомься с этим аристократом, Рансу. Это тот самый бакалавр, который отправился прошлой ночью в самоволку. Я не нашел бы его так легко, если бы он не вздумал с утра подраться со мной из-за хлеба.

Рансу посмотрел на Терри так, будто у него выросли рога на лбу.

— Ты нормальный? — озабоченно уточнил Рансу и для верности отошел на пару шагов, не дожидаясь ответа.

Терри состроил кислую гримасу.

— У меня был плохой день, — буркнул он. Не сумев сдержать обиду, он с пол-оборота взвинтил себя и выпалил, о чем безостановочно думал с того момента, как увидел пришипленные к двери извещения: — Я был неправ, когда хотел взять две булки, знаю. Но это не тянет на красный лист и пятьдесят часов!

Мастер Келва стянул рабочие варежки и небрежно сунул их под ремень. Потёр правое запястье ладонью и глянул на Терри исподлобья.

— Согласен. Но для начала пятьдесят, а потом — если не хватит — еще добавим, — жестко сказал он. — Ты здесь, чтобы понять одну простую вещь, аристократик. Ни один кусок хлеба не появляется без труда. Для того, чтобы получить этот несчастный кусок хлеба, ты пойдешь и просеешь муку, добавишь воду и дрожжи по рецепту, замесишь тесто. Рансу покажет тебе, как формовать заготовку, как обминать, как заворачивать в ткань перед расстойкой. А потом сам испечешь свой хлеб. И так три декады, с пятого по десятый день. Так ты узнаешь цену хлеба. А если и тогда не поймешь, я схожу и оформлю тебе новый лист.

Сердце бешено билось о ребра в груди Терри. Он чувствовал, как тонет в холодной темноте. Даже свет от ламп словно потускнел и в неосвещенных углах зашевелились тени — он видел их краем глаза.

«Три красных листа подряд — проверка на Специальной комиссии», — напомнил он себе. Заорал бы об этом во весь голос, но решил, что лучше промолчать. Все всё прекрасно понимают, какой смысл сотрясать воздух?

Мастер Келва повернулся к Рансу и кивком головы отдал молчаливое распоряжение. К удивлению Терри, тот его прекрасно понял. Бросил короткое: «Пошли, аристократ», и повел Терри мимо печей и столов в отдельный закуток с противоположной стороны, где были свалены в несколько куч мешки с мукой. В центре комнаты располагался большой короб, весь белый. В воздухе стоял запах муки и пыли. Терри немедленно принялся чихать.

Рансу снял со стены большое сито с деревянной рамкой. Протянул Терри, показал, как круговыми движениями протряхивать муку. А сам подтащил открытый мешок ближе и развязал бечевку.

Руки устали и налились свинцом уже через полчаса. А Рансу знай себе подкидывал ему новые и новые порции черпаком и время от времени спокойно напоминал, что нужно управляться поживее.

— По-моему, это дело для рабочих, — выдавил Терри, утирая белой от муки рукой вспотевший лоб. Он не впервые так делал, хотя Рансу предупреждал, что не стоит пачкать мукой мокрое лицо, потому что ощущение стянутой кожи будет еще невыносимее.

— Обычно просеивают муку рабочие, — не стал спорить Рансу. Он обернулся и посмотрел в сторону цеха, откуда доносились приглушенные голоса. — Но сегодня это твоя задача.

— Я имею в виду все это, — Терри облизнул покрытые шершавой коркой губы сухим языком. Мука была повсюду. Казалось, даже из глаз ее можно было выскрести.

Рансу перевернул пустой мешок и аккуратно, не встряхивая, сложил его в четыре раза.

— Нет, «стертые» не могут печь хлеб, — спокойно ответил он. — Хлеб живой, а они этого понять не в силах. Испортят.

Терри попробовал сплунуть, но не вышло. Рот был сухой. Рансу закатил глаза и повел

его умываться. Рядом с водопроводным краном они встретили взмокшего мастера с покрасневшими от жара печей щеками и пустым ведром в руках. Он сравнил Терри с выпотрошенной треской, которую перед зажкой хорошенько обваляли в муке, и отправил их обоих к тестомесу.

— Хоть здесь догадались сделать механизм, — Терри выдохнул с облегчением, увидев, что над здоровенной металлической лоханью нависает мощная стальная рука с крюком. — М-магистры...

Он поставил рядом с лоханью тяжелое ведро с водой, ожидая новых распоряжений от опытного Рансу.

— Ну да, руками обминать тесто было бы затруднительно, — по тону Рансу невозможно было понять, издевается он или объясняет.

— Тебе не приходило в голову, что вы здесь просто теряете время? Можно сделать механизмы. Можно закупать хлеб в городе, но не-ет, — Терри постарался влить воду по стеночке, как велел Рансу, но руки дрожали от усталости так, что ему оставалось только изумляться, как он до сих пор не уронил ведро в лохань тестомеса. — Кто лучше полуживых студентов сделает хлеб... которого все равно не хватит до ужина.

— У тебя будет еще пятьдесят часов на то, чтобы подумать об этом, аристократ, — снисходительно отозвался Рансу, и Терри снова не понял, серьезен он или насмехается.

Интермедия. Эдо Римари

Высокое небо Акато-Риору безмятежно выслушивало проникновенную рассветную песню маленькой скромницы-красношейки. Заливистые пощелкивания и мелодичные трели подхватывали ветры и несли над красными черепичными крышами Верхнего города. Далекие белые облака ложились на цепочку мелких островов, к которым уходил курсом фордевинд трехмачтовый парусник. Искатель Эдо Римари провожал его взглядом, сидя за чайным столиком на террасе второго этажа. Рядом с чашкой лежал свежий выпуск «Королевского вестника», а в голове теснились строчки старой недописанной песни о летящих вдаль миражах, которые горазды кружить голову молодым парням, а только ступишь на палубу, сразу поймешь, почему лучше дома, хей-хо, турулилей.

— Сразу поймешь, почему лучше дома, хей-хо, турулилей, — невесело хмыкнул Эдо Римари и отхлебнул из стеклянной высокой чашки щедро сдобренный южными пряностями чай с коньяком.

Лет пятнадцать назад младший сын финансового советника со скандалом бросил Королевскую высшую школу, потому что случайный собутыльник в кабаке рассказал ему о своей частной сыскной конторе. Чужак, вдобавок урожденный горец, поначалу смотрел на чистокровного Древнего холодно, слова цедил через губу, но каждый следующий стакан знаменитого ледяного вина все больше распялял его и развязывал язык. В итоге они договорились до того, что молодой аристократ разрезал ладонь складным перочинным ножом, чтобы поклясться, что станет лучшим сыскарем, какого только видела эта хитрая горная лиса.

И не забыл о клятве и собутыльнике наутро, когда проснулся на садовой скамейке, укрытый пиджаком с чужого плеча. Еще бы забыть — безжалостно распластанная ладонь нарывала, болела. И ведь хватило же мозгов правую распанухать! Чтобы ходить потом с повязкой и на каждой лекции все отчетливее понимать, что настоящая жизнь — за стенами, где люди горца, который даже понятия не имеет о судебном праве Акато-Риору, ищут воров и контрабандистов. Рука заживала долго и трудно, и так же непросто оказалось сыну советника сменить юношеский слабый пух на крепкие перья.

— Лишь миражи ты увидишь и будешь мечтать что-то там о знойных красотках южного берега... Ха! Что я тогда понимал в красотках... — Эдо оборвал песню и поставил чашку на стол, а потом задумчиво добавил, глядя на парусник. — Что я тогда понимал в миражах...

Он надолго замолчал, погрузившись в размышления. Белые паруса растаяли в дымке, серая птичка замолчала и с легким шорохом вспорхнула в небо. Без ее песни утро потеряло свое очарование, и Эдо вдруг особенно остро почувствовал собственное одиночество.

Оставив недопитый чай на террасе, он вернулся в спальню. На разобранной постели в комке теплого одеяла спала молодая актриса в одной лишь шелковой сорочке. Серебристые волосы разметались на полуночного цвета наволочке. Светлые пушистые ресницы затрепетали: девушка открыла глаза, когда Эдо сел на кровать и указательным пальцем провел по щеке.

— Доброе утро, прекрасная незнакомка, — сказал он полушутя. Имя актрисы он и впрямь забыл, но зато прекрасно знал, какая семья изо всех сил пытается гордиться талантливой певицей, которая предпочла карьеру на театральных подмостках. Злые языки говорили, что Арво Риканен покупал дочери первые роли, но как бы там ни было, пела она

неплохо.

— От прекрасного незнакомца слышу, — улыбнулась девушка. Припухшие розовые губы приковывали взгляд надежнее, чем кружева над интригующим треугольным вырезом.

— Я сражен в самое сердце, красавица. Мы совершенно точно были представлены друг другу после спектакля, — Эдо взял теплую ладонь, легонько сжал и поцеловал. Целовал бы и дальше, продвигаясь к предплечью, а следом к точеной шее, но актриса внезапно смутилась и забрала руку.

— Римари? — с досадной для амбициозного искателя неуверенностью выдохнула девушка.

— Так меня тоже называют, — не стал спорить Эдо.

Она серьезно посмотрела на него большими миндалевидными глазами. Королевская кровь была уже порядком разбавлена, но излишне вздернутый нос и мягкие очертания скул только добавляли очарования. Даже странно, что она сохранила шелковое серебро волос, если только не... красила, ну конечно!

— Вы искатель, верно? — с очаровательной риорской напевностью, по которой Эдо так тосковал на чужбине, уточнила актриса.

— Так меня называют гораздо чаще, госпожа Риканен, — безмятежно подтвердил Эдо, жмурясь как сытый кот и предпринимая новую попытку прикоснуться губами к атласной коже оголенного плеча.

— Вы напишете обо мне? — спросила она с той простодушной прямоотой, которая так раздражала искателя. Он помолчал, мягко улыбаясь. Воспоминания о прошлом вечере настраивали на благодушный лад. Отчаянно не хотелось портить это последнее утро дома, наедине с девушкой своей крови. Когда еще он вернется из прожаренных южных городов, чтобы вновь встретиться с дочерью Арво Риканена?

— Напишу, прекрасная госпожа, — проникновенным голосом сказал он.

И тут произошло то, чего искатель не ожидал. Актриса вспыхнула, прижала ладони к заалевшим щекам и, чуть не плача, пролепетала виноватое:

— Простите, добрый господин, но мне пора.

Эдо обескураженно наблюдал за тем, как она сновала по комнате, собирая чулки, шуршащее вечернее платье и изящные туфельки с серебристыми пряжками. Спряталась за расписную бумажную ширму и уже оттуда попросила, чтобы для нее поймали извозчика. Эдо беззастенчиво разглядывал танец стройного силуэта на бумаге. Тонкие руки взмывали над ширмой — девушка надевала платье через голову.

— Я обидел вас чем-то? — вздохнул Эдо. Понять, что таки обидел, было просто, но без подсказки разгадать мятежное сердце юной артистки — отнюдь.

Она выглянула. На щеках алел неровный румянец.

— Н-нет, что вы, господин Римари. Очень приятно было... с вами познакомиться.

Эдо встал с постели и подошел к ширме. От створки к створке летели на закат черно-белые большие журавли с красными хохолками. Девичий стан прятался аккуратно за ровным сплошным кругом ярко-красной туши.

— Я не хотел вас обидеть, — чистосердечно признал Эдо, старательно роясь в памяти, чтобы выудить из вороха несвежих вчерашних образов имя восходящей звезды театральной сцены. Ну же, ищайка ты драная, ее имя было на афише, неужели с концами память пропил? Красивое имя, ты еще приплел что-то невнятное про созвучие с родиной, Акато-Риору... Анита Риканен, точно!

Она вышла из-за ширмы, пряча намокшие глаза. Платье цвета темного серебра выгодно подчеркивало светлое серебро волос и гладкий атлас бледной кожи. Плотная тафта ложилась в острые складки и немного шуршала при каждом движении. Анита ладонями расправила юбку.

— А вы не могли бы... не писать ничего, совсем ничего не писать обо мне? Могли бы?

Эдо готов был рассмеяться — не над девушкой, а над собой. Простенькая головоломка наконец сложилась, и было даже неловко, что не распознал с первого же слова, какая жаба сидела в кувшине с молоком. О бедной девочке и без того распускали гадкие слухи, а тут вечер с искателем и следом похвалы в «Королевском вестнике» — она наверняка представила, что станут говорить завистливые товарки. Анита была еще слишком молода, чтобы распробовать сладкое послевкусие ядовитых сплетен.

— Если только песню, драгоценная моя. Это будет заунывная песня о том, кто уходит в море и не может вернуться домой, к прекрасной девушке, которая ждет на берегу.

Анита промокнула глаза белой перчаткой, которую не стала надевать, а скомкала и засунула в крохотную сумочку.

— Вам бы хотелось, чтобы я ждала вас на берегу, господин Римари? — тихо спросила она.

Эдо вздохнул. Очарование утра развеялось, и маленькой серой пташке пора вспорхнуть с высохшей ветки. У нее своя птичья жизнь, заполненная ежедневной суетой и яркими впечатлениями, что он может ей дать?

— Нет. Не стоит меня ждать, госпожа Риканен.

Она поняла и не стала настаивать.

— Тогда пусть ту прекрасную девушку из вашей песни не зовут Анитой, — вот и все, что она сказала.

Глава десятая. Вес королевского слова

Пронзительный стрекот Светляка заливался в уши и давил на барабанные перепонки. Терри накрыл голову подушкой, но назойливый писк оказалось не так-то просто заглушить.

— Я знаю, что ты еще спишь! Открывай! — Арри постучал в дверь. Судя по глухим отрывистым ударам, ногами.

Терри открыл глаза и понял, что вернулся во вчерашний день. Он взял подушку за уголок и нехотя швырнул ее в дверь, чтобы охладить пыл друга. Вставать с постели не было ни малейшего желания. Он знал, что если выйдет из комнаты — нарвется на красный лист, получит часы в пекарне и будет вынужден до полуночи просеивать муку и замешивать тесто.

— Иди к Владетелю, Рантала, — как можно проникновеннее предложил Терри, свешивая ноги с кровати и пытаясь на ощупь найти под кроватью ботинки. Внезапно он понял, что на отработку ходил в сапогах, и в тот же миг увидел их под дверью. Мука въелась в ваку и осела безобразными разводами на мысках.

Терри уставился на них со страхом и ненавистью. Вчерашний день оказался не просто кошмаром, а кошмаром наяву.

Он в красках вспомнил, как до утренней зари работал с печами: отправлял на лопате с длинной ручкой круглые хлеба, и каждый раз, когда снимал массивную крышку с печи, ему в лицо дышала воплощенная Бездна.

— Не дури, Терри. Сегодня собеседование на первую квалификацию, забыл?

Терри не стал признаваться, что забыл вообще обо всем. Новые знания о том, как замешивать, рубить, взвешивать и отправлять созревать тесто, заслонили учебное расписание. Единственное, что имело значение, — после девяти часов вечера он должен будет вернуться в пекарню и повторить все с самого начала.

— Хочешь еще один лист схлопотать? — голос Арри через дверь звучал глухо. Едва разберешь слова сквозь трескотню Светляка, наматывающего истеричные круги вокруг незажженной лампы.

Терри встал, натянул штаны и впустил Арри. Привычно махнул рукой, указывая на стул:

— Лови свою игрушку.

И направился к раковине, чтобы освежиться.

Арри вместо очередного акробатического представления подошел к письменному столу. Включил настольную лампу и дождался, пока живой фонарик перестанет беспорядочно метаться и начнет льнуть к свету. Арри без труда поймал его и расплылся в самодовольной улыбке. Терри хмыкнул:

— Умно.

Арри небрежно сунул игрушку в карман брюк.

— Светляку нужно тепло и свет, чтобы заряжаться. Оказалось, что вовсе не обязательно гоняться за ним, достаточно поманить, как живого жучка.

— Этот свет все равно фальшивый и не греет, — заметил Терри. Он щелкнул переключателем на медном основании, чтобы разорвать поток энергии. Лампа погасла. — Так что пока не придумаешь, как научить их обходиться без настоящего тепла, ты не заставишь их освещать улицы по ночам. А задача была именно такая, насколько я помню.

На сияющее лицо Арри набежала тень.

— Для начала довольно и того, что стрекот этой игрушки может разбудить одного

глухого засоню. Ну, чего встал? Одевайся! Во сколько ты лег спать?

Терри вытащил запасную рубашку из узкого платяного шкафа и честно задумался над вопросом.

— До восхода солнца, — не слишком уверенно ответил он. Когда он возвращался из пекарни, было уже довольно светло и свежо. Слабый ночной бриз тянул над мостовой клоки молочного тумана, который постоянно собирался под куполом из-за эффекта «ватного одеяла».

— Ты что, хочешь опять целую декаду в лазарете проваляться? — покачал головой Арри. — Услышал, как часы на башне полночь бьют — сделал всем ручкой, — он показал для наглядности как сделать всем ручкой.

Терри обреченно посмотрел на него.

— Я не мог уйти. Хлеб нельзя бросить.

Арри не выдержал и толкнул его кулаком в плечо так сильно, что Терри покачнулся и едва устоял на ногах.

— Ты думай о себе, а не о хлебе, Риамен. У тебя уже два красных листа! Ты вернулся от Безумного короля и тут же начал творить всякую дичь! Сцепился с Парлас, подрался с техником, я уж молчу о том, что ты перестал вставать вовремя. Тебе будто стало плевать на собственную жизнь.

Терри не спеша застегивал пуговицы на рубашке.

— Наоборот. Мне только сейчас показали цель, ради которой стоит жить. Спасибо, что напомнил, — он подхватил сумку, в которой по-прежнему болталась книга короля и первым вышел из комнаты.

— Если твоя цель — стать рабочим, скажи сразу, чтобы я перестал за тебя переживать. Ты уже почти на финише, осталось только убедить Специальную комиссию, что ты сошел с ума!

В общем холле бывших «меблированных комнат» редко когда пустовали старые латаные кресла в окружении кадок с разлапистыми цветами. В одном из них сидел, уткнувшись носом в книгу, Карьян. Над его головой белел свежий листок с призывом не поливать архитаниусы спитым чаем. Терри усмехнулся, представив, что именно лучший студент курса по ночам выводит плакатным широким пером трогательное: «Имейте совесть!»

Карьян головы так и не поднял, а Терри считал ниже своего достоинства окликнуть его, чтобы поздороваться. Он запер дверь собственной комнаты и зашагал прочь, глядя под ноги. Вроде размышлял, но очень скоро поймал себя на том, что считает, сколько квадратов миновал. Темные и светлые мраморные плиты чередовались, и он ощущал себя целеустремленной пешкой, быстро передвигающейся по свободной дорожке к восьмой клетке.

У любой пешки есть обязательства перед королем.

Для начала — небольшая услуга. Передать письмо. Но Терри не сомневался, что будут новые задачи, посложнее.

«Его величество много работает по ночам. Ты тоже привыкнешь», — прозвучал в голове хорошо знакомый голос. Причем, Терри так и не вспомнил, как говорил тот гвардеец, что приходил за ним позапрошлой ночью. Сознание сделало хитрый выверт и озвучило эти слова голосом сотника Антеро Риттау. Вот уж чью неповторимую манеру смазывать медом сталь при разговоре Терри даже если бы захотел — не смог бы забыть.

Они вышли на улицу и направились к дому-ратуше. Арри что-то рассказывал о том, что

их ждет после собеседования на квалификацию, и вроде в числе прочего даже прозвучало многообещающее слово «лаборатория», но Терри его не слышал. Его мысли наполняло эхо чужих голосов.

«Сперва докажите его величеству, что вы чего-то стоите, а он только рад будет помочь вам добиться большего», — кажется, именно эти слова прозвучали, когда Риттау дал ему пригласительную карточку со звездой Академии.

«Что бы ты ни делал, делай это для меня, и я всегда встану на твою защиту. Ты понял, племянник?» — сказал король, и Терри сразу поверил. Его приняли, хотя он пришел не осенью. По воле короля ведь приняли, наверняка. Там и Ярмарка внеурочная случилась, после суда над Лассель Риамен. Эриен был сильнее, чем Арчер. Терри подумал, что будет круглым дураком, если станет опасаться за свою голову после того, как король прямо сказал, что бояться нечего.

В какой-то момент Терри понял, что друг молчит и смотрит на него выжидательно.

— Ну? И что скажешь?

— Вроде Специальная комиссия без Арчера не обходится, верно? — рассеянно спросил Терри, думая о своём. Ему казалось, что именно Верховный магистр принимает окончательное решение, можно ли спасти рассудок человека или проще раз и навсегда избавить его от пагубных эмоций.

Арри остановился так резко, как будто налетел грудью на барьер.

— погоди, что ты заду?.. — выдохнул он и осекся. Над головой раздался звон колокола. — Вот дерьмо!

Они переглянулись и со всех ног припустили к дому-ратуше. Как всегда говорила Вария в таких случаях, «лучше галка, чем палка». «Опоздание — не прогул, трудовень не влепят», — поддакивал Арри, который вообще никогда никуда не опаздывал. До сегодняшнего дня.

* * *

Дом-ратуша на памяти Терри всегда был окружен строительными лесами и обтянут сеткой. Рабочие в серых куртках гремели тяжелыми сапогами по дощатым настилам и таскали ведра с раствором, толкали перед собой тележки с дешевыми белыми кирпичами из песка и извести. В замкнутом пространстве под куполом с каждым годом все отчаяннее не хватало места для работы и жизни. И если Великую библиотеку никто не рискнул бы тронуть — национальное достояние, как-никак — то дом, некогда принадлежавший семье Галлен, постоянно достраивали и перестраивали. А все потому, что постепенно и пропорционально росло как население Сияющего квартала, так и количество людей в надзорных службах.

Перед строительными лесами Терри резко притормозил, накрыл обеими руками фуражку и, прижимаясь к сетке правым боком, подошел к дверям. Арри на подобные меры безопасности не разменивался, поэтому успел первым войти в прохладный сумрак коридора, пропахшего сырой штукатуркой и побелкой. Терри почувствовал облегчение, когда над головой воцарился надежный потолок. А потом застыл, увидев очередную агитку, растянутую на стене. В коридорах ратуши подобных плакатов всегда хватало, но этот был настолько ясным, что ему стало тревожно.

— Номер кабинета не помнишь? — Арри толкнул его в плечо, приводя в чувство.

— Ты видел такое? — Терри ткнул пальцем на четкий монохромный рисунок, изображающий залитый белым контур Великой библиотеки под сияющим куполом в окружении черных силуэтов остроконечных крыш. Большие красные буквы шли изломанной полосой.

— «Во имя науки, ради светлого будущего», — прочитал Арри и покачал головой. — Звучит неплохо, особенно для того, чтобы оправдать ночное дежурство в пекарне, красные листы и спецкомиссию. Ты чего уставился, первый раз агитку увидел?

Терри заставил себя отвести взгляд.

— Ты не поверишь, только сейчас понял, что именно они хотят сказать.

Арри глянул из-под упавшей на глаза челки и посоветовал помалкивать о внезапных озарениях под крышей дома-ратуши, когда на счету целых два красных листа подряд. Терри ничего не ответил, сунул большие пальцы в шлевки для брючного ремня и зашагал вперед. Бегать в ратуше было запрещено — чередуя агитки и информационные листы, на стенах висели сухие напоминания соблюдать тишину. За стук подметок здесь, как и в читальном зале библиотеки, можно было схлопотать очередной лист с отработкой.

Сумрачный коридор производил гнетущее впечатление. Редкие высокие окна с множеством перекладин в стиле восьмого века были наполовину заклеены пожелтевшими газетными страницами. Тусклый утренний свет лениво множил тени на строгих беленых стенах. Доски темного дерева под ногами едва слышно поскрипывали. Этот пол наверняка еще помнил сапоги легендарного Корхо Галлена — настолько он был древний. Зимой выдавшие лучшие времена доски укрывали коврами, но в сезон ремонтов трехсотлетний особняк выглядел как голый обритый старик.

На втором этаже правого крыла бакалавров встретил круглый вестибюль, от пола до потолка забранный деревянными панелями. Ни одного стула или дивана для ждущих своей очереди на собеседование не нашлось. Да и не всем назначили на девять утра. Смотрители не собирались терпеть у своих дверей целый табор галдящих, как сороки, молодых людей.

Как Терри и опасался, в их пятерке оказался зануда-Радек — тощий, как жердь, подручный Карьяна. Его изрытое оспинами лицо исказила презрительная гримаса. Должно быть, рисуясь перед однокурсницей, он выступил вперед с таким видом, будто готовился защищать ее от опасного преступника:

— Ты в сознании сегодня, Риамен? — с издевкой спросил он. — Или опять кидаться начнешь? Танья, держись от него подальше, он напал на техника.

— А ты, конечно, все про всех знаешь, Радек, — едко ответил Терри.

Он боялся, что Танья поверит, поэтому вспыхнул сразу, с первой же охапки.

В углу стояла рогатая вешалка, если подумать, очень удобная штука, чтобы наглядно показать, почему нельзя задираться перед выпускником военной школы, если ты всего-навсего хилый очкарик.

— Заткнись, Радек, — как обычно, Арри пролез на защиту не дожидаясь момента, когда она понадобится.

— Зачем ты цепляешься? — Танья отреагировала так же, как Вария позапрошлой ночью, — разозлилась. Единственное отличие — разозлилась не на Терри, а на прихвостня Карьяна. Уставилась на него снизу вверх, уперев кулаки в бока, и сделалась похожей на сердитого синего дрозда, обороняющего гнездо от черной хортой борзой. — Его не сотрут только потому, что он тебе не нравится, Радек. Я видела, кстати, что твой дружок Тордеррик вчера напал на него первым, так что помалкивай лучше, не то я все расскажу кому следует.

Радек спасовал перед невеликой ростом Таньей, отступил.

— Да нужен он мне больно, — недовольно буркнул он. — Эти благородные все равно быстро с ума сходят. Видать, все-таки что-то с кровью у них не так, как у нормальных людей.

Терри решительно направился к долговязому, разве только не расстегивая манжеты на ходу. Его попытался поймать и остановить Арри, cedивший сквозь зубы, что на дураков не обижаются, но Терри легко вывернулся и остановился только тогда, когда сгреб в кулаке жесткий воротничок радековой куртки.

— Послушай меня внимательно, каэр сраный, — прошипел он, с готовностью поддержав тему о «белых» и «синих», которую так неосмотрительно поднял Радек. Староста был на голову выше, поэтому Терри тянул вниз, заставляя его гнуть спину. — Ты мне в вину мою белую кровь не ставь, и я не буду тебе напоминать, что твои предки веками моим прадедам сапоги целовали.

Танья дернула его за рукав.

— Отпусти его, Риамен. Сейчас выйдет старший, тебе же и влетит.

Терри послушно разжал пальцы, удивляясь сам себе, насколько он стал быстро заводиться из-за недосыпа. Радек отшатнулся, потирая шею под смятым воротником. Он переводил растерянный блестящий взгляд, словно только что впервые увидел всех троих и стремился их рассмотреть, будто на их головах росли ветвистые рога.

— Правильно Карьян говорит, что у «белых» в головах еще хмель от власти не выветрился. Еще прадед мой жив был, когда этот дряхлый классовый строй упразднили, — со злостью сказал Радек, безуспешно пытаясь расправить измятый воротник пальцами.

Терри мягко улыбнулся, в кои-то веки чувствуя, что вышел победителем.

— Но прадед каэром был, скажи, — снисходительно усмехнулся он. — Рабочим. У тебя же на лице написано, что ты каэр, Радек, вот и нашел себе друзей среди таких же деревенщин, а во мне врага видишь.

Радек сузил глаза и с вызовом расправил плечи. По пятнистому от оспин лицу скользнула гнусная змеиная ухмылка, обнажившая крупные зубы.

— Я вижу, Риамен, что мамаша твоя знатно разбавила свою «белую» кровь с каким-то «низким» каэром, вот и сунули тебя в Академию, чтобы породу не портил. Скажешь, нет, а?

Терри оскалился. Какая-то злая, докрасна раскаленная радость охватила его при мысли, что третий лист он заработает за дело.

* * *

Приемная перед кабинетом Арчера едва ли превышала по размерам среднюю гардеробную комнату в особняке, некогда принадлежащем семье Риамен. Здесь нашлось место только для одного стула и чайного столика, на котором стоял стеклянный кувшин, наполовину заполненный чистой водой.

— Сиди и жди, — коротко бросил смотритель и вошел к Верховному без доклада и без стука.

Терри украдкой намочил несвежий носовой платок и принялся стирать юшку под носом.

Вот чего не отнять у этих каэров — они знают, что у аристократов легко идет носом кровь, туда и бьют. Нет зрелища более жалкого, чем человек с разбитым носом. Терри

прижал мокрый платок к верхней губе и начал считать до десяти.

А потом обратно.

У него было достаточно времени, чтобы остыть, ужаснуться тому, как подставился, а потом прийти к выводу, что все сложилось примерно так, как должно было. Король почти напрямую предлагал устроить драку, будто знал, что Радек начнет выеживаться прямо в ратуше. И насчет того, что его потащат сразу к Верховному, тоже не ошибся. Сумку у Терри не отняли, смотритель только заглянул и, не обнаружив ничего, кроме скучного сборника по истории судебного права, вернул владельцу. Еще он боялся, что на него напялят идиотскую рубашку с завязками на спине и чрезмерно длинными рукавами, но и тут обошлось. Вопреки грязным слухам, старшие магистры за буйнопомешанного Терри не держали.

Пока не держали.

«Ты не торопись, Риамен, куда ты так торопишься? — с мягкой укоризной спросил смотритель, когда красного от ярости Терри оттащили от беспомощно закрывающего локтями голову Радека. — Будешь так спешить, сам не заметишь, как серую куртку наденешь».

Терри не вырывался. Он без возражений дал себя увести. Арри и Таня пытались рассказать каждый свою версию, почему случилась драка, но их, кажется, никто не слушал. Радек проверял рукой свернутую нижнюю челюсть, ему было не до разговоров.

Теперь Терри сидел один и тянул из откидного клапана сумки крученую суровую нитку, мысленно перебирая сценарии, по которым может пройти разговор с Верховным магистром. Как ни крути, прогноз был штормовой: Арчер не зря настаивал на том, чтобы листы вывешивали на дверях — он отличался от своих предшественников большей нетерпимостью к нарушителям спокойствия и бунтовщикам. А тут два листа и драка в ратуше, а в придачу еще письмо от короля со сломанной Распознающей печатью.

...И его же, короля, обещание, что никто не тронет до тех пор, пока Терри служит лично ему — на другой чаше весов.

Если не верить, то никогда не уравниешь. А если верить, что слово короля имеет вес в его королевстве, то можно ничего не бояться.

Терри предпочел верить.

А что еще ему оставалось?

Поэтому у него почти не дрожали руки, когда дверь кабинета наконец отворилась и смотритель велел ему зайти. Терри сунул влажный платок с алыми пятнами в карман брюк, поправил на плече перекрутившийся ремень сумки, глубоко вдохнул — перед смертью не надышишься — и вошел в кабинет человека, который был столь же влиятелен под куполом, как Эриен — за границами Сияющего квартала.

Верховный магистр Арчер сидел за письменным столом, сцепив длинные сухие пальцы в замок. Волосы его были тщательно зачесаны и напомажены, как у многих молодых преподавателей. Даже узкая бородка и усы по имперской моде выглядели так, будто их обладатель каждое утро подолгу выравнивает и подкручивает волоски, добиваясь совершенства. Усы были заметно темнее, чем седеющая шевелюра. Почему-то в скупо освещенном кабинете эта «двухцветность» особенно бросалась в глаза и производила странное впечатление.

— Мир вам, Верховный магистр, — поклонился Терри. В звенящей тишине каждое слово казалось неуместным. Необходимое формальное приветствие прозвучало будто с издевкой. А все потому, что Терри знал: в сумке у него не приглашение на чай с пирожными,

а нечто вроде королевского ультиматума.

«Мне нужно обдумать, в каких выражениях изложить свое мнение относительно каналов сбыта, каковыми он дерзнул пользоваться в обход закона», — сказал король перед тем как сломал печать. Какой уж тут мир...

Арчер будто прочитал его мысли. Должно быть, они были написаны на лице.

— Мир, говорите? Если и всплывало в хрониках ваше родовое имя, Риамен, то только на страницах, посвященных войнам или смуте. — Верховный магистр не поднимал глаз от бумаг, разложенных перед ним на столе. — Вы же понимаете, что зарницу непременно сопровождает гром, верно, Риамен? И я это понимал. Мне оставалось только считать декады после вашего появления и гадать — как далеко грозовой фронт?

Терри потряс головой, пытаясь избавиться от чувства, будто ему в уши натолкали ваты — вот и мерещится вместо понятных слов какая-то бессмыслица. При чем здесь зарница? Это... молния?

— Простите? — с потерянной извиняющейся полуулыбкой переспросил он.

— Не понимаете? — искренне удивился Верховный магистр и посмотрел на Терри так, будто тот признался в чем-то предосудительном, а потом перевел взгляд на зрителя, который остался стоять у дверей. — Он даже не понимает, почему король выбрал именно его, — с непонятной интонацией объяснил он. Риамен оглянулся и успел заметить, что магистр в белом плаще равнодушно пожал плечами.

Терри молчал. Вопреки словам Арчера, в этот момент он начал догадываться, что сейчас происходит, и боялся сказать лишнее слово. Он радовался только тому, что король вовремя предупредил: Верховный привык контролировать всё происходящее в Академии. Найдись сейчас охотник до пари, Терри поставил бы руку на отсечение, что Арчер захочет взять контроль и над ним. Потому и заходит издалека — исследует почву. Но... молния и гром? Какой в этом смысл?

— Я знаю, куда вы отлучались позапрошлой ночью, молодой человек, — без обиняков сообщил Верховный магистр. Он, очевидно, надеялся на ошеломляющий эффект, но было поздно — Терри уже был вооружен предупреждением короля. Риамен нацепил непроницаемую маску на лицо. Семь лет муштры привили ему особую военную выправку. Несостоявшийся гвардеец мог стоять навтыжку и молча слушать всё, что старший по званию соизволит сказать. До тех пор, пока ему не придется отвечать и подключать для этого эмоции, Терри был неуязвим и бесстрастен.

Ему предложили сесть за стол, а зритель занял место напротив. Лакированная поверхность отражала цветные пятна от простенького растительного витража в верхней части эркерного окна. Арчер зачитывал приговор с интонациями заправского судейского:

— Вы принимали участие в очередной несанкционированной студенческой гулянке, распивали дешевое портовое вино, которое, несмотря на прямой запрет, студюзусы втихую тащат с каждой Ярмарки... Тащить вино пристойного качества вы, вероятно, опасаетесь, чтобы старшие не реквизировали? — внезапно тон Верховного магистра переменялся и расцвел красками: он выразительно посмотрел сперва на Терри, потом на зрителя, и добавил совсем уж лирично: — Будь у вашей братии хоть толика вкуса, вы бы знали, что лучший выбор — это южное пряное «Мерхамет».

— Ледяное риорское «Армо»? — предложил свой вариант зритель и с надеждой посмотрел на Терри.

Арчер пренебрежительно сморщил нос и строго сказал:

— Не отвлекайтесь, Карху, а не то я могу подумать, что ваше расположение можно купить за бутылку.

Карху благоразумно замолчал, а Арчер продолжил сухо пересказывать события позавчерашнего вечера. Упомянул и Варию, и Карьяна, даже Тордеррика — как свидетелей. А потом перевел разговор в русло душевспасительной беседы:

— Для вас это может быть неочевидно, молодой человек, но король использует вас как разменную фигуру. Судя по тому, как разительно изменилось ваше поведение — в худшую сторону, прошу заметить — вы ожидаете какие-то преференции, исходящие непосредственно от короля. Очевидно, некие обещания вскружили вам голову настолько, что вы решили, будто правила Академии вас больше не касаются и в рекордный срок заработали три красных листа... если считать сегодняшний инцидент, разумеется.

Стул внезапно показался Терри страшно неудобным. Он повторял про себя, что с теми, кого хотят просто стереть, не разговаривают приватно, а сразу собирают Специальную комиссию. Да и не заслужил он стирания, а только лишь дисциплинарную беседу. Его не захлестывают эмоции, он сохраняет разум и спокойствие... особенно вчера с этой грешной булкой! Он же не кидался на техника с кулаками, а просто заставил его потерять равновесие. Не могут же они стереть разум здорового человека!

Как назло, в подобные моменты неясные тени на краю зрения тянули к нему гибкие щупальца из темных углов комнаты. После суда над матерью в нем будто что-то надломилось и источало ядовитые горькие чернила всякий раз, когда он чувствовал себя в ловушке. По слухам, примерно так начинается горячка. Кто слышит голоса, кто-то видит тени, а результат всегда один — полное освобождение разума больного от разрушительных эмоций.

— Вы молчите и не торопитесь оправдываться, это внушает мне надежду, что вы понимаете ситуацию правильно. Вы оказались в руках опьяненного властью безумца, — веско проговорил Арчер. — Вы правильно всё понимаете, но боитесь чистосердечно признаться, потому и ведете себя так глупо. В вашем возрасте вызывающее поведение часто может быть криком о помощи.

Терри вспомнил, за что врезал Радеку, и стиснул кулак под столом. Демон с ней, с булкой для Вари, тогда он и впрямь повел себя как самоуверенный мальчишка, хвастающийся своими умениями. Карьяну он очки сломал — ну так тот даже и не понял, за что.

А вот Радек прекрасно знал, что несет, и буквально нарывался, чтобы получить. Провоцировал.

— Парень, ты это, глазами-то не сверкай, — предупредил Карху. Он достал из кармана портсигар, открыл, но потом почему-то со вздохом закрыл и убрал обратно. Должно быть, Арчер не одобрял курения в своем кабинете, хотя он ни слова не сказал и даже не смотрел в сторону зрителя. — Ты выкладывай, что тебе поручил передать король.

Терри уставился на него во все глаза. Мгновенно вспыхнула и так же быстро погасла душная ярость на Арри как единственного человека, с кем Терри в теории мог поделиться, но ведь так и не нашел слов. Даже другу Терри ничего не сказал, и теперь радовался этому — подозревать Арри было до тошноты противно.

— Давай-давай, парень, не тяни, — мягко сказал зритель. — Ничего тебе не будет. Мы же понимаем, что тебя без твоего желания засунули в Академию и насильно же вытащили, чтобы «отрабатывал».

— Вы нарочно стремились получить штрафы, чтобы встретиться со мной, не так ли, молодой человек? — Арчер сложил ладони «домиком» и переплел пальцы. — Из чего мы сделали вывод, что времени у вас мало.

Терри переводил взгляд с одного на другого и затравленно молчал.

— Мы же могли бы и дальше игнорировать тебя, парень, — разжевал мысль Карху. — Ну впяли бы еще часов, да и все, ты понял? Ходил бы в пекарню, в библиотеку, мыл бы полы в коридорах, и так далее, пока до короля не дойдет, насколько ты малая фигура, чтобы через тебя влиять на Магистерий.

Разноцветные пятна на лакированной столешнице расплылись. Терри опустил глаза. Будущее, нарисованное Карху, придвинулось и стало реальным. Он об этом не думал, и подобного не ожидал, но сразу же понял, что такой вариант развития событий выглядит пугающе правдоподобным.

— В отличие от короля, нам от вас ничего не нужно, молодой человек. Разумеется, кроме блестящих результатов в научно-проектной работе, — скучающим тоном объяснил Арчер. — И соблюдения правил, установленных для всех. Безобразное поведение и потакание слабостям доведет до беды.

Терри вытащил из сумки «Трактат» и пододвинул его смотрителю через стол.

— Вот, — хрипло сказал он. — Между страниц заложено письмо.

— Вам известно, что в этом письме?

— В общих чертах, — уклончиво ответил Терри, раздумывая, что произойдет с посланием, если сломать Распознающую печать. В своем заброшенном проекте он не довел до ума эту часть, сосредоточившись на том, как магия сможет «узнать» адресата. Скорее всего, чернила или даже сама бумага будут разрушены — и какой же смысл в таком послании?

Карху, не открывая, повертел пухлый томик в руках, чуть ли не ногтем поскреб золотое тиснение заглавия. А потом открыл на той странице, где лежал конверт и точно так же внимательно оглядел его со всех сторон. Арчер со значением посмотрел на смотрителя и спросил:

— Это то, что я думаю?

Карху надломил воск и разогнул верхнюю часть листа. Показал Верховному магистру филилигранную печать. Технический узор из серебряной проволоки был напаян на тончайшую пластинку и впечатан под прессом в рыхлую рисовую бумагу.

— Печать сломана. Чернила растеклись, — с удивлением сообщил Карху. Он развернул лист, покрутил, разглядывая то с одной, то с другой стороны. Бумага выглядела так, будто буквы рисовали мягкой кисточкой и не чернилами, а тушью, которую намочили, не дав высохнуть.

— Какой в этом смысл? — Арчер задал вопрос Терри, а тот не знал, что ответить. Разве что... ему стало смешно. Он не дал себе время, чтобы подумать, и поспешил ответить на вопрос так, как понял:

— Так работает защитный контур. Он не позволяет чернилам высохнуть, поэтому они «живут» до тех пор, пока печать цела. Это похоже на принцип действия Светляков, только и разница, что здесь лежит слой аметистовой пыли.

— Я знаю, как работает эта печать, молодой человек. А вот откуда вам известна технология производства? Никто из студентов не был приглашен в рабочую группу, даже в качестве стажера.

Терри не выдержал пронзительный взгляд Арчера и принялся водить пальцем по столешнице. За пальцем оставался едва заметный след. Если бы рисунок печати можно было нарисовать пальцем по столешнице, он бы его и нарисовал, но... слишком многое зависит от правильных интервалов. А если рисовать непрерывно, то получится просто нелепая и неточная спираль.

— Оттуда, что я сам ее придумал... Можно мне бумагу и перо? — негромко, но со звенящим упрямством в голосе спросил Терри.

Арчер разрешил, и через Карху передал всё, что требовалось. Старшие магистры встали и отошли к эркерному окну. Терри сосредоточенно чертил опорный контур, чувствуя себя будто на экзамене, но несколько раз отвлекался, чтобы понаблюдать за тем, как смотритель и Верховный вполголоса обсуждают послание короля. Карху аккуратно держал лист прижатым к стеклу, а Арчер то надевал, то снимал очки, будто не мог определиться, как лучше видно.

— Что это за слово «почта...рав-ляешь»? Все расплылось, ничего не понятно!

— Он вас поздравляет, — хмыкнул Карху.

— Начав со слов «старый ублюдок»? Что-то я сомневаюсь.

— «Поставляешь», — не выдержал Терри. Он окончательно запутался в рисунке и с досадой оттолкнул его вместе с пером. Ему мешали старшие, и он потерял уверенность в том, что его доказательства хоть как-то помогут или хотя бы заинтересуют Арчера, который довольно быстро расшифровал первые два слова в письме и был оскорблен ими до глубины души.

Повисла колкая тишина. Терри затылком чувствовал, что на него смотрят.

— Очевидно, вы можете процитировать, молодой человек? Что за послание адресовал мне его величество? И почему сломал печать?

Терри встал из-за стола лицом к старшим магистрам, вытянув руки по швам, и едва ли не щелкнул каблуками, как положено по уставу военной школы.

— Я не знаю, что именно писал его величество, но это касалось поставок в обход закона, господин Арчер.

Карху подошел и с досадой бросил на стол безнадежно испорченное письмо. Расплывшиеся строчки разлились по листу.

— Какие поставки, бакалавр, что ты несешь? Мы только-только десяток таких листов сделали, они еще все проверки не прошли.

Терри придвинул к себе лист и коснулся подушечкой пальца выпуклого рисунка. Проволока — особенно такая хрупкая — не годится для бумаги. И пластина получается ненадежная. Какой смысл делать такую дорогую печать, если её легко сломать и безвозвратно уничтожить послание? Но без серебра и кристаллической пыли это будет просто кусок рисовой бумаги.

— Это точно. Не прошли, — вздохнул Терри. Он смотрел на своё письмо, которое только задумал и описал, но не создал, и видел, насколько оно оказалось далеко от того, что он себе вообразил. Может, все дело в том, что ему не позволили довести проект до ума?

Карху раздраженно постучал пальцами по столешнице.

— А ты что рисовал, художник?

Терри молча подал ему лист с незаконченной, наспех набросанной схемой питания Распознающей печати. С ошибками, как он теперь убедился, проверив узлы на ощупь. Но Карху все равно остался доволен. Может, он и не заметил ошибки? Все-таки нужно было

знать, куда смотреть. Нужно быть автором, чтобы разглядеть, где досадная шероховатость, а где просто вопиющая дыра.

— Похоже.

Эта снисходительность резала по живому не хуже ножа. Надо же, похоже!

— Молодой человек, а как вы оцениваете ультиматум короля и ситуацию в целом, позвольте полюбопытствовать? — Верховный магистр прошел мимо них и сел в свое кресло. Ножки тихо скрипнули, когда он придвинулся к столу и положил локти поверх разложенных бумаг.

Терри смотрел на него и не знал, что ответить. А ответа ждали столь же нетерпеливо, как почувывший близость победы противник за шахматным столом. Кабинетные часы оглушительно отмеряли счет потраченным секундам. Не было тишины, чтобы сосредоточиться и как следует подумать. Карху снова достал из портсигара папиросу и катал ее в пальцах. Арчер с тихим шорохом выводил пером размашистую надпись — не на Распознающем бланке, а на простой писчей бумаге.

Часы потихоньку подводили длинную стрелку к верхней точке, и Терри поглядывал на нее с нарастающей тревогой. Почему-то сердце начинало сбоить из-за ожидания, что вот-вот мерное тиканье собьется, клацнет механизм боя, и начнет отсчитывать томительные десять ударов.

— Он... притязания короля противоречат декрету о независимости Академии? — наконец выдавил Терри, глядя в сторону. Он без труда связал воедино Хэвеса, благодаря которому на карте мира выросло безобразное пятно империи О-Диура, Верховного магистра риорской Академии магии и эту печать, которая после всех доработок будет надежно скрывать от посторонних глаз опасные письма. Он понял, о чем король столь прозрачно намекал Арчеру.

Но побоялся сказать правду, потому что знал, какой ответ понравится Арчеру.

Ответ, конечно, понравился. Верховный магистр перестал сверлить бакалавра ледяным взглядом и с озабоченным видом покивал.

— Именно так. Рад, очень рад, что вы такой сообразительный юноша, Терри Риамен. Я понимаю, насколько вам тяжело противостоять королю. Он не привык спрашивать, только требовать. Я так думаю, что и в Академии вы оказались не по своей воле. Ваша история может вызвать только сочувствие. И я готов пойти вам навстречу.

Арчер аккуратно сложил листы в папку, с какой-то даже нежностью затянул завязки бантиком и передал её Карху, попросив безотлагательно отнести документы в архив. Смотритель без возражений встал, сунул папиросу в рот, а папку — под мышку. Табачным дымом потянуло ещё до того, как он закрыл за собой дверь. Карху, должно быть, держался из последних сил, чтобы не закурить в присутствии Верховного магистра.

— У меня есть некоторые подозрения, связанные с вашим происхождением и трагической судьбой вашей уважаемой матушки. Слушайте меня внимательно, молодой человек, но дайте слово, что это останется между нами. У короля есть секретное оружие, и вы должны понять, что это такое. Невнятных слухов предостаточно, но мне нужно, чтобы он доверился вам. А вы в свою очередь — мне.

«Вы забрали мою печать, чтобы тайком поставлять в О-Диура, а теперь ждете, что я предам моего короля? Вот так просто?» — мрачно думал Терри, не осмеливаясь возражать вслух. Неспроста же Арчер отослал Карху — не хотел, чтобы у этого разговора были свидетели. Внимательные серо-зеленые глаза Арчера будто видели бакалавра насквозь. И все

его сомнения — тоже.

— Король за барьером, — предупредил он с легкой укоризной предупреждая любое возражение. — И если он вдруг обнаружит, что вы стали... ну знаете, *спокойнее*... он, конечно, выскажет мне своё недовольство на каком-нибудь официальном мероприятии. Но это ничего уже не изменит. Для вас.

Глава одиннадцатая. О простых и сложных желаниях

Наконечник вечного пера выводил Терри из себя, то оставляя за собой то жирную полосу чернил, то напротив, на сухую царапая бумагу. Не оставалось сомнений — сломанное перо выдали как часть наказания.

Писать развернутые объяснительные, вместо того, чтобы коротко и ясно назвать техника жадным упрямым, Карьяна — вором и подлецом, а Радека — зарвавшимся грубияном, было непросто. Приходилось изобретать корректные и обтекаемые формулировки, а перо было настолько своевольным, что казалось, будто оно противится и отказывается писать пустые фразы.

Терри поднял глаза на зрителя. Карху катал в пальцах новую папиросу и задумчиво поглядывал поверх головы бакалавра на приоткрытую форточку. Что-то в его поведении казалось странным, неправильным. Он был слишком... слишком спокоен для рядового дежурного зрителя. Почему-то сами собой вспоминались те двое на суде. Риттау и степняк, имени которого Терри не смог бы вспомнить даже если бы ему пообещали ключи от личной лаборатории.

— Что, Риамен? Не знаешь, что придумать? — добродушно усмехнулся старший магистр, заметив, что бакалавр давно не пишет.

Его недоверие обожгло как пощечина. Терри даже не думал лгать. Он всего лишь считал необходимым сохранить лицо. Мать учила его делать все «как подобает». Как бы он не опростился с тех пор, сознательно уходя от роли ее наследника, где-то в области позвоночника все еще торчала вбитая с малолетства кочерга образцового воспитания.

— А что бы вы посоветовали... «придумать»? — с прохладцей поинтересовался он, понизив голос, чтобы за приоткрытой дверью кабинета никто не услышал этот вопрос.

Карху заложил папиросу за ухо.

— Могу сказать, чего бы я не советовал. Не пиши о том, что король завербовал тебя, потому что доступ к личным делам студентов практически свободный. Ты же не хочешь, чтобы тебя все считали наблюдателем от короля в академии?

— А это противозаконно? В моей семье считали честью служить королю и стране, — еще суше и на полтона тише откликнулся Терри, вспоминая агитку, которую увидел сегодня утром. Очевидно, с некоторых пор Академия начала противопоставлять свою сияющую непорочность окружающему мраку. А король, должно быть, этот самый мрак и олицетворял. «Король за барьером» — сказал Арчер, и от его слов до сих пор во рту кислый привкус остался, словно от несвежего супа.

Карху добродушно хмыкнул. Его отросшие зачесанные на уши баки придавали ему неиллюзорное сходство с лесным котом. Зритель размял массивные плечи и откинулся на спинку стула.

— Забавно, что ты заговорил о семейной чести, Риамен. Вот уж вправду говорят: человека поймать проще, чем рыбу. Послушай его и сам поймешь, на какую наживку он клонет, — Карху сделал характерный жест, каким подманивают собаку: потер подушечки пальцев и сложил губы трубочкой. Терри отстранился. Нахмурился и отложил перо в сторону.

— Послушайте... — начал он, но Карху не стал его слушать. Вместо этого он поднялся и

обошел Терри со спины. Приятельски хлопнул по плечу и бесшумно прикрыл дверь в кабинет. И прислонился спиной, чтобы точно никто не открыл.

— Нет, сперва ты послушай, высокородный. Здесь тебе не военная школа, чтобы незаурядный патриотизм демонстрировать кому ни попадя, а мы не гвардейцы, чтобы пятки его величеству лизать. И ты, Риамен, ты тоже больше не гвардеец. Ты понял, что это значит?

— Что я не должен лизать королевские пятки? — вымученно улыбнулся Терри.

— Что-то в этом духе, да. Если бы ты был нужен своему королю или стране, они не отдали бы тебя в Академию. А если отдали, а теперь спохватились — на что это похоже? Им нужен не ты сам по себе, им нужен осведомитель, понял?

Терри запустил пальцы в волосы, как всегда делал Арри, стоило ему разволноваться. Как ни странно, это действительно помогло собрать разбегающиеся мысли в кучу:

— Я понял, — медленно проговорил Терри, глядя Карху прямо в глаза. — Я понял, как проходит собеседование на квалификацию безопасника.

— Свежая мысль, — восхитился смотритель и беззвучно хлопнул в ладоши, изображая аплодисменты. — Считаешь, что при этой беседе не будет ни одного представителя службы, и хватит моей личной рекомендации?

— Очевидно, нужно кого-то пригласить, если вашей личной рекомендации недостаточно, — растерянно кивнул Терри. Он колебался. Стоит ли без обиняков заявить, что опознал в Карху сотрудника службы внутренней безопасности Академии, или нет?

Мужчина вытащил папиросу из-за уха и сунул в рот. Прокатил языком из стороны в сторону и хитро прищурился.

— А ты нацелен на значок безопасника, а, Риамен? — неразборчиво пробормотал он, сунув руку в карман белого плаща за зажигалкой. — Жить не можешь без этой надзорной романтики?

Возразить было нечего. Может и были такие магистры, кто почему-то не хотел получить возможность выходить в город чаще, чем случаются Ярмарки, но вот Терри с недавних пор это стало просто жизненно необходимо.

— Я не ради... — Терри замялся, отчаянно не желая использовать это нехорошее слово, но другое на ум не шло, — надзора.

— Ради пропуска, — подсказал Карху с понимающей усмешкой. — Чтобы за вином удобнее было ходить.

Терри пропустил укол мимо ушей. Тем более что он ни разу не ходил за вином, потому как Тордеррик и Радек справлялись с этой задачей самостоятельно.

— Я так понимаю, что иначе ничего не выйдет, — вряд ли кто-то из бакалавров мог бы похвастаться, что сказал нечто подобное безопаснику. Терри сглотнул вязкий комок в горле и заговорил вдвое быстрее, боясь, что повторится та же самая сцена, которая произошла с господином Пауро — его назовут дерзким и не дадут ничего объяснить. — Вы знаете, что королю нужен соглядатай, и вас это устраивает при условии, что этот человек станет одновременно и вашим осведомителем. А раз так, то мне нужен будет свободный пропуск в город. Такой пропуск есть только у сотрудников службы безопасности.

С легким щелчком открылась крышка автоматической зажигалки и над широкой ладонью смотрителя вырос длинный язык синеватого пламени.

— Бакалавров не берем, — отрезал Карху и не спеша, с удовольствием затянулся. — Защити научный проект, там посмотрим. На твое поведение прежде всего.

Терри опустил глаза на недописанную объяснительную. Все-таки Карху — не

смотритель, не рядовой магистр на дежурстве, а тот самый человек, который может подписать «стирание». Сколько раз он уже подтверждал подобный приговор? Или наоборот? Приносил и клал на чей-то стол рапорт, мол, этого нужно «стереть». И все. А магистр еще накануне мог работать над научным проектом, а назавтра уже получал серую куртку и начинал таскать ведра с раствором на крышу...

Терри постарался отогнать подальше колючие мысли о крышах, о растворе и кирпичах. Спросил совсем о другом:

— А мне говорили, что сотрудники службы безопасности не носят белые плащи смотрителей.

— Правильно тебе говорили, парень. У нас такая работа, что лишнее внимание ни к чему. А белые плащи и дежурство — это для воспитания в первую очередь. У нас же тут довольно нетипичное общество. Магистры только формально считаются взрослыми.

Терри немедленно принял последнюю реплику на свой счет и нахмурился, раздосадованный, что Карху так щедро отвечает оскорбления. Хорошо, ремень на дверной ручке был ребяческим и непродуманным поступком, но с тех пор столько воды утекло! Нет больше того мальчишки, который хотел спросить у мамы, почему она так с ним поступила.

— В тепличных условиях, без собственной семьи, ответственность отрастает долго и трудно. И не всегда. Вот мы и спрашиваем с каждого из вас за всё, что происходит под куполом. Особенно за выходки студентов. Рано или поздно приходит понимание, что плащ — это просто приметная одежда на время дежурства, а ответственность — она в голове, ты понял? — с этими словами Карху со значением прикоснулся указательным пальцем к виску. А затем подошел к столу и настойчиво постучал по листку бумаги.

— Понял, господин Карху.

— А раз понял, значит пиши что должен, Риамен. И думай, что пишешь. Если и впрямь хочешь работать в службе безопасности Академии, тебе нужно научиться просчитывать заранее все последствия своих слов. Любых слов, понял? Подумай, что будет, если ты напишешь, что король отдает тебе приказы, и этот лист ляжет в твое личное дело. Сегодня тебе это кажется неплохой шуткой, а что насчет завтра, когда окажется, что король обложил Академию так, что мы тут будем подошвы без соли доедать? Уже не так смешно, да, Риамен?

Терри молча смотрел на него. Карху вернулся на свое место и утопил окурок в хрустальной пепельнице.

— Молчишь — значит не безнадежен, — резюмировал он.

* * *

Музыка ветра на дверях второй равинтолы пропела свою нежную песню. Терри с нарочито независимым видом вошел в прохладный зал. На этот раз здесь хватало народу. На вешалке висели полдюжины синих курток с нашивками специалистов, а также несколько серых запыленных кепок рабочих. Терри снял фуражку и провел ладонью по волосам, приглаживая растрепавшиеся пряди. На него никто не обращал внимания. Звенела посуда, бряцали ложки и негромко переговаривались люди. В воздухе висел обманчиво сладкий запах пряной мясной похлебки с томаатти.

Терри едва не вышел из равинтолы так же быстро, как вошел. Если бы не одно «но» — за стойкой стояла Аннели. Ее светлая макушка мгновенно приковала к себе взгляд. Когда

девушка подняла глаза от пухлой тетради учета, Терри разглядел очаровательные ямочки на щеках, и окончательно убедил себя, что к неприятному запаху похлебки можно притерпеться. Она ему улыбалась, и это как-то само собой изменило всё. День, начавшийся довольно нервно, показался невероятно удачным: хлеб он мужественно не бросил, в буквальном смысле слова добился аудиенции у Арчера, выполнил поручение короля и даже — неслыханное везение для бакалавра! — почти получил приглашение работать в службе безопасности.

И если бы не скомканный влажный платок в кармане и не три кое-как вымученных объяснительных, которые Карху положил в папку с его личным делом, не перспектива провести очередную ночь рядом с печью и тестомесом, Терри мог бы сказать, что все сложилось как нельзя лучше.

— Мир вам. Чего бы вам хотелось на обед? — вежливо спросила Аннели у невысокого плотно сложенного старшего магистра. Тот как раз подошел к стойке и рассматривал написанное мелом на грифельной доске меню. После него терпеливо стояли в очереди двое рабочих, а потом уже Терри.

— Сладкий пирог, девушка, как договаривались. Вы же меня помните? Я вчера заходил, — мечтательно улыбнулся тот. — Лучше всего с ягодами ажри, но вряд ли у вас такой найдется, не правда ли?

Аннели отрицательно покачала головой и нервно перелистнула лист потрепанной тетради туда-сюда и вновь подняла глаза на мужчину.

— Знаете, пекарня не справляется, — издалека начала она.

Мечтательная улыбка пропала с лица старшего магистра.

— Значит, у вас нет пирога, который я заказывал? — строго уточнил он.

— Нет пирога, — виновато вздохнула девушка. — Только хлеб. Даже не сдобный.

Магистр достал из кармана жилета сложенную вчетверо бумажку, положил на стойку и развернул, чтобы показать Аннели.

— Вы знаете, что это? Это моя премия, — он с нежностью разгладил заломы на листе и развернул так, чтобы девушка за стойкой могла получше разглядеть красную печать: магистр служил в отделе отладки экспериментальных образцов.

— В пекарне не хватает людей, — негромко сказала Аннели. — Никто не печет сладкие пироги, если не хватает простого хлеба.

Отладчик смял лист в кулаке. Без истерики, спокойно и даже как-то буднично, будто давно привык так поступать с выписанной премией.

— Ну да, — только и сказал он. Он болезненно улыбнулся и почему-то оглянулся на Терри, не то призывая его в свидетели, не то считая его таким же виновником, как и девушку. — Лет пять назад это был бы увольнительный лист, — он говорил таким голосом, словно у него внезапно разболелся живот. — Моя семья накрыла бы праздничный стол. А сегодня это бумажка, чтобы обменять на сладкий пирог из казенной пекарни. И то не вышло.

— Мне очень жаль, — еще тише сказала Аннели.

— А мне жаль вас. Всех вас. Вы слишком молоды, чтобы... — магистр обвел глазами притихшую равинтолу. Рабочие терпеливо ждали своей очереди, и никак не реагировали на выступление, а вот студенты вдруг разом отвлеклись от тарелок и прекратили разговоры. Бородатый мужчина в сером костюме-тройке отложил в сторону кусок хлеба и развернулся.

Отладчик осекся, заметив эти настороженные взгляды, услышав это тревожное молчание. Опять улыбнулся той странной улыбкой, больше похожей на гримасу боли.

Повторил: «Ну да, ну да, конечно», бросил скомканную бумажку на стойку перед растерянной Аннели и быстрым шагом вышел прочь. Медные трубочки над дверью яростно зазвенели, закачались.

Рабочий подошел к девушке и протянул картонку, наполовину синюю от штампов.

— Мир вам, — устало вздохнула Аннели и, ни о чем не спрашивая, потянулась за узкой печатью, чтобы добавить новый оттиск к длинному ряду. Рабочий молча наблюдал за тем, как она собирает для него обед, а затем взял поднос и отошел, дожидаясь своего напарника. Все повторилось: формальное приветствие, оттиск на карточке, полный поднос с первым, вторым блюдом, два ломтя хлеба и сладкий чай с мятой.

Настала очередь Терри. Он шагнул вперед и будто бы случайно накрыл ладонью смятый лист с печатью, который все еще лежал на стойке.

— Аннели, да? — проникновенным голосом уточнил он и переменял позу так, чтобы правая рука непринужденно скользнула по столешнице и опустилась в карман. На эти маневры у него ушло не больше четверти минуты.

Аннели убрала выбившуюся прядь за ухо, бросила быстрый взгляд из-под длинных ресниц.

— Верно. Чего бы вам хотелось? — спросила она, пряча слабую улыбку в уголках губ. Отчего лицо у нее приняло заговорщический вид, будто она хранила какую-то общую тайну, одну на двоих. А еще у нее были поразительные глаза: не синие даже, а такого неуловимого оттенка, какой приобретает морская вода, пронизанная солнцем до самого дна.

Терри забыл, что собирался состричь про праздничный пирог. Он забыл, что она ждет от него ответа — засмотрелся на то, как улыбка постепенно из таинственной превращается в открытую. Она коснулась его рукава:

— Сегодня отличная пряная похлебка. Годится?

Терри сам не заметил, как ему щедро налили полную миску. Должно быть, он кивнул, но не запомнил. Очнулся он уже за столиком, задумчиво кроша свежий хлеб в дымящийся красный суп. Мало того, что суп был для него ядом, так еще и хлеб напитывался мясным бульоном. Терри страдальчески скривился и отодвинул миску.

На пустующий стул напротив упал Арри. Натурально как мешок с зерном и примерно с таким же «у-уф», с каким его сгрузил бы с плеч носильщик.

— Так и знал, что найду тебя в равинтоле, — выдохнул он, убирая пятерней отросшую челку с мокрого лба. — Как прошло?

Он посмотрел на миску, которая оказалась прямо перед его длинным носом, озадаченно принюхался и придвинул к себе ложку.

— Ты в порядке? Здесь определенно баранина плавает.

Терри только рукой махнул.

— Угощайся, сделай милость. Я отвлекся на прекрасные глаза, а за тем, что в этот момент делают руки, не следил.

Арри фыркнул прямо в ложку, и алые брызги разлетелись по белой скатерти. Он спохватился и выхватил из стакана сложенную накрахмаленную салфетку. Но красные пятна безнадежно впитались в хлопковую ткань.

— Я не буду уточнять, чьи руки, чтобы ты не отвлекался от темы, — предупредил Арри, тщательно накрывая пятна расправленной салфеткой. — Меня все равно больше волнует, что было после того, как ты врезал Радеку. Тебе впаляли третий лист?

— Вроде нет, — ровно ответил Терри, наблюдая за тем, как друг спрятал следы

преступления и теперь с аппетитом ест его обед.

— А что сказали? Угрожали отчислением?

Терри помолчал. Хотелось все выложить начистоту, как всегда, но осторожность взяла верх. Легко было убедить себя, что молчать стоит хотя бы в интересах самого Арри. Но он понял и без слов.

— Заставили молчать, — он покивал своим мыслям. — Ну ты и влип, Риамен. Как жук в смолу. Поэтому отравиться решил? Вот прямо так сразу и без прощальной записки?

— Я сейчас тебя придушу без прощальной записки, Рантала, — огрызнулся Терри. — Пара кусков вареной баранины меня не прикончат. И за то, что я заставил Радека прикусить грязный язык, меня не сотрут.

Арри понимающе покивал, не переставая жевать.

— Ты тоже заметил, — невнятно проговорил он с набитым ртом.

— Заметил что? Что Радек оскорбил мою мать? — раздраженно переспросил Терри и с силой потер сбитые костяшки на правой руке. Кулаки чесались добавить, но как назло, Радек его не искал, в отличие от Арри. А жаль.

— Все знают, что случилось с твоей матерью, — безапелляционно взмахнул ложкой друг. — Никто, абсолютно никто не сказал бы тебе в глаза таких вещей в ее адрес.

Терри мрачно уставился на мелкое алое пятнышко на белой скатерти.

— Люди способны на что угодно, если знают, что им ничего за это не будет, — как заученную формулу проговорил он однажды усвоенный урок.

— Я бы не сказал, что ему за это ничего не было. Ты свернул ему челюсть. Про то, что ты без пяти минут гвардеец и неплохо дерешься, тоже весь кампус знает. Но он все равно задирает тебя перед собеседованием. О чем это говорит? — Арри почесал кончик носа и глянул пытливо.

— О чем угодно, — фыркнул Терри. — О том, что адъютанты Карьяна вместе со своим командиром спят и видят, как меня стирают. Или, например, что Радек — просто неотесанный болван...

— А почему они хотят, чтобы тебя стерли? Три дня — три драки, и с кем? Как я понял из слов Вари, на Карьяна ты бросился первым. А на следующий день Тордеррик начал драку, еще через день Радек буквально спровоцировал тебя, — выразительно поднял брови Арри. Он помолчал немного и добавил, опустив глаза: — Если бы он что-то про моего отца сказал в таком духе, я бы сам себя не помнил.

— К чему ты клонишь?

— Карьян видит в тебе угрозу и хочет устранить. Причем всегда видел, и всегда хотел. Помнишь, что он сказал на первом курсе, когда ты сознался ему, что король платит за твое обучение?

— Я никогда ничего не забываю, — скрипнул зубами Терри. Надменную физиономию Карьяна он возненавидел именно в тот момент, когда был в отчаянии, а вместо помощи и сочувствия получил презрение.

— Вот и подумай, — с нажимом посоветовал Арри. — На твоём месте я бы держался иначе. Они хотят, чтобы тебя не было — а ты сделай вид, что их уже для тебя нет.

Терри сощурился, обдумывая его слова. Но поймал себя на том, что взгляд постоянно ускользает через плечо Арри — и на губах сама собой появляется рассеянная улыбка, когда Аннели поднимает глаза от пухлой тетради.

Арри мельком оглянулся. Ему хватило мгновения, чтобы оценить обстановку и сделать

далеко идущие выводы:

— Еще не хватало, чтобы ты сейчас голову потерял из-за красивых глаз первокурсницы. — Он сухо пощелкал пальцами у Терри перед носом. — Очнись, это у тебя от систематического недосыпа. И ты даже не знаешь, как она заработала часы в равинтоле.

— Я заработал сто часов за два дня, и мне ничего не пришлось для этого делать.

— Это тоже от недосыпа, — проворчал Арри. — Если человек спит больше четырех часов в сутки — он не станет выкручивать руки старшим из-за булочки. По крайней мере, пятидесяти часов в пекарне можно было легко избежать.

Терри оперся локтем о стол и положил подбородок на кулак. От разговоров про сон неудержимо хотелось зарыться носом в колючее темно-синее сукно и на время прекратить думать. Только недавно его всерьез раздражала мысль, что придется всю оставшуюся жизнь конкурировать с заносчивым Карьяном, укравшим его идею. И что нет ни малейшего шанса куда-то переехать, найти другую работу и более лояльных наставников, чем госпожа Парлас, например. Сейчас же у него было чувство, будто его кто-то бесцеремонно вытащил из той мутной прохладной водички и начал выкручивать, отжимать и вот-вот примется возить лицом по полу.

— Так надо было, — вздохнул Терри и устало смежил веки. — Даже знай я заранее про сто часов, все равно поступил бы так же. Пошел бы к королю. И булку бы не отдал. И Радеку бы врезал.

— Почему? Это же глупо, так подставляться. И ради чего?

— Ради свободы. Король обещал мне свободу.

Арри замолчал и молчал долго — Терри успел проснуться в другой реальности и увидеть Аннели, такую трогательную и прекрасную в нарядном платье на званом ужине в его старом семейном особняке, как вдруг изверг Рантала толкнул в плечо и нарочито веселым тоном сказал:

— Ты, кстати, выкладывай, что жёг в своей комнате полночи. Втихомолку готовишь научный прорыв? Без меня?

Терри не удержался и расплылся в довольной улыбке, не открывая глаз:

— Я, кажется, придумал, как сделать «белый огонь». Если все получится, никто и никогда не посмеет меня «стереть».

Глава двенадцатая. О доброй воле и принуждении

Очень скоро Терри пожалел, что упомянул «белый огонь» в равинтоле. У Арри немедленно загорелись глаза, и он растормошил сонного друга, хотя только что советовал выспаться, чтобы не кидаться на людей.

— Нет, ты погоди, погоди спать. В каком смысле «сделать»? Это же запретная магия, — пригнувшись к столу, шептал Арри. Видно было, как он изо всех сил старается быть потише, но круглое лицо светилось не хуже лампы, так что Терри даже сквозь прищур видел его воодушевление.

— Сегодня я все равно ничего не буду делать, — вяло отбивался он, правой рукой нащупывая в кармане лист с выписанной премией для отладчика. — Я пойду спать до вечера, иначе не смогу часы отработать. Давай отложим эту тему до завтра.

Арри поймал его за рукав, не дал встать из-за стола.

— Погоди, говорю, Риамен. Хочешь, я закажу у этой девочки обед без мяса? Для тебя, а? Хочешь, спрошу номер её комнаты? Для тебя.

— Ты слишком хорошо меня изучил, сын судьи, — проворчал Терри, опускаясь на стул. — Мне пора начать беспокоиться?

Арри проглотил две последние ложки, сунул в рот корочку раскрошенного хлеба и соорудил насмешливую гримасу. Мол, «давно пора». Подхватил за высокие ручки поднос с пустой миской и чашкой и зашагал в сторону кухни. Там в стене было вырезано окошко, а рядом стоял стол с грязной посудой. Арри наклонился и заглянул внутрь:

— Спасибо, вкусно! А что-нибудь без мяса готовили сегодня для тех, у кого особая диета? — громко спросил он, заглушая звон тарелок и шум проточной воды. Ему что-то ответили, но разобрать было трудно. Оставалось только надеяться, что не посоветовали прогуляться до отдаленных мест, где кого-то волнует чья-то особая диета.

Терри поймал вопросительный взгляд Аннели и только головой покачал. Девушка встретила растрепанного, но не утратившего оптимизма Арри у стойки раздачи растерянным уточнением:

— Что за особая диета? — дежурный вопрос о том, чего бы ему хотелось на обед, видимо, утратил актуальность еще в тот момент, когда вихрастая голова чуть ли не целиком пролезла в окошко для посуды.

Арри вытащил стальную самописку из нагрудного кармашка и с заговорщическим видом облокотился на белую столешницу.

— Сейчас объясню, только не перебивай, хорошо? Так вот, смотри в чем дело... Сперва Создатель набрал пригоршню воды из Мирового Океана, поймал перо из крыла дикого ветра и забрал летучую искру у негасимого огня... так, ты не улыбайся, а слушай внимательно, это важно для понимания сути вопроса. — Он развернул к себе тетрадь учета, в которую дежурная по равинтоле аккуратно, в столбик вносила отданные порции, имена и время, и набросал на пустых полях условные символы огня, воздуха и воды.

Терри фыркнул в кулак. Кто бы мог подумать, что друг примется развлекать первокурсницу авторским пересказом книги «Созидание Сущего». Она, конечно, где-то проштрафилась, если заработала часы, но, по мнению Терри, добавлять к наказанию импровизированную лекцию по космогонии было слишком жестоко.

— Я поняла, спасибо, — Аннели попыталась забрать тетрадь, но Арри строго взглянул

на нее и двумя пальцами поправил сползающие очки на переносице.

— Сейчас самое главное будет, прослушаешь и не поймешь, почему это важно. Первые дети Создателя устроены совсем иначе, чем мы с тобой, красавица. Эти удивительные создания — величайшая загадка природы, почище самой энергии кристаллов. У них особенная кровь, которая сама по себе ничем не отличается от сверхпроводимых кристаллов. Но — увы — если кормить Древних мясом, они долго не протянут. Поэтому давай подумаем, как нам сохранить в живых нашего талантливую друга, — Арри указал на Терри, которому стало не до смеха еще с той поры, как друг назвал Аннели «красавицей».

— Ваш талантливый друг — Древний? По нему не скажешь, — пожала плечами девушка и сделала какую-то пометку в тетради. — Хорошо, я сейчас принесу ему что-тонибудь подходящее.

Арри дождался Аннели, еще немного с ней поворковал и в итоге записал на ладони номер ее комнаты на третьем этаже. С довольным видом вернулся к столику, за которым злой Терри остервенело выдирает нити утка из перепачканной алыми пятнами салфетки. Одну за другой. Плохая замена бумаге, но за неимением лучшего приходилось довольствоваться малым.

— Смотри, у них остался вчерашний перетертый хернет! — возвестил Арри, уместив новый поднос на столике. — Сегодня голодная смерть тебе не грозит.

Терри с ненавистью посмотрел на тарелку в центре блестящего черного эмалированного круга, расписанного уродливыми красными цветами. На сероватом блюде из дешевой керамики с выбитыми по краю щербинками была размазана подсохшая зеленая каша, кое-как политая устричным соусом.

— Больше не приду сюда, — мрачно пообещал он. — Буду в первую ходить, там лучше готовят.

— В последнее время везде готовят не ахти, — согласился Арри и задумчиво посмотрел в окно. — Неладные дела творятся в королевстве, если в Академии вдруг начались перебои с продуктами.

Пока Арри, не повышая голоса, пытался вернуть разговор в сторону гипотетического научного открытия, Терри отмалчивался и без энтузиазма копал ложкой ямки в каше. А потом поднял глаза и спросил прямо:

— Она тебе нравится?

— Кто? Твоя каша? — очень натурально удивился Арри.

— Дежурная, — понизил голос Терри. — Теперь она на тебя смотрит.

Арри оглянулся и с душевной улыбкой помахал Аннели. Та словно спохватилась и быстрым шагом ушла на кухню, только створки дверей всплеснулись за ее спиной.

— А теперь не смотрит, — хмыкнул он. перевел серьезный взгляд на Терри и уточнил: — А Вария в курсе, что ты ей уже замену нашел?

Терри опустил взгляд в тарелку и продолжил сосредоточенно вести раскопки в каше. Спустя минуту перед ним появилась белая тарелочка с тонкой алой каемкой, на которой возлежал крутобокий пряник, политый сахарной глазурью.

— Это к чаю, — ласково пояснила Аннели. — Я слышала, все Древние — ужасные сладкоежки.

Пришлось благодарить, хотя уши у Терри горели так, будто их запекали в печи.

Вечер в Сияющем квартале наступал совсем иначе, чем в городе. Вкрадчивые сиреневые сумерки сперва размывали, а потом съедали тени на улицах и радужные блики в оконных стеклах. В какой-то момент, когда за высокими домами Среднего города уже с трудом можно было разглядеть раскаленный круг солнца, вспыхивала граница барьера. Красные отсветы сгорающего светила лениво перетекали по внешней границе защитного контура, и создавали гнетущее впечатление. В сумерках магистры предпочитали опускать глаза и задегивать плотные шторы, чтобы не видеть облитый жидким багрянцем купол.

Кто угодно, только не Вария. Она нарочно выходила прогуляться перед сном под кровавым светом, а перед этим еще и распахивала окно в своей комнате. Объясняла, что иначе не сможет уснуть от духоты, но даже если так, это несколько не помогало понять, зачем ей подолгу стоять, задрав голову, и провожать взглядом багровые всполохи, стекающие с небес на черепичные крыши. По мнению Терри, дышать свежим воздухом можно было и не поднимая глаз от мостовой. Не говоря уж о том, насколько спокойнее дышалось, если просто сесть на лавочку и закрыть уставшие от магических очков глаза.

Получив острым локтем чувствительный удар под ребра, Терри нехотя вынырнул из холодного омута безмятежности.

— Ты что-то говорила? — переспросил он, по внезапной тишине определив, что только что отзвучала какая-то длинная фраза да и канула в темную воду, не всколыхнув мыслей. — Прости, я задумался.

В темных глазах Вари и зажглись красные блики. Она тряхнула черными смоляными кудрями и на самых непослушных прядях вспыхнули искорки. Свет под магическим куполом вел себя непредсказуемо. Легко было поверить в старые сказки, что огонь небесного светила — это тот же ветер, только белый и теплый, в отличие от черного и холодного, как тот, что гоняет над морем облака.

— «В Акато-Риору никто не станет тебя слушать, если у тебя другой цвет кожи». Так говорил отец, и я пока не нашла ни единого риорца, про которого можно сказать, что он не такой.

Чувство вины резануло по вскрытой мозоли, и Терри немедленно оцетинился, защищаясь. Вария, возможно, сама не поняла, что неосторожно надавила на незаживающую рану, из которой немедленно потекла жгучая сукровица раздражения.

— А вот про меня постоянно говорят, что я какой-то не такой, — сварливо откликнулся Риаман. Он не сразу понял, почему эта остроумная шутка не кажется Вари и хоть сколько-нибудь забавной, но остановиться уже не мог. — Как знать, может, тебя именно это заводит? Я не человек и не Древний. Такая забавная зверушка-мутант, чтобы показывать подружкам. Разве владелец ждет осмысленного ответа от ручной зверушки?

Вария уставилась на него так, будто у него рога на лбу выросли: с испугом и недоверием. Отодвинулась на самый краешек, словно ей внезапно показалось, что скамейка слишком тесная для них двоих. Терри равнодушно следил за ее передвижениями и ждал ответа или, ещё лучше, чтобы Вария просто ушла и как следует поразмыслила над его словами.

— Ты... ты какой-то ненормальный, — только и выдавила она. Лицо ее исказилось, уголки красивых губ поползли вниз, но, разумеется, не оттого, что их обладательница собиралась расплакаться. Вария была скорой на гнев, и легко выходила из себя, если получала неожиданный отпор. Вот и сверкала глазами, хмурила брови, как пятнистая горная

кошка, прекрасная в своей ярости. Временами Терри нарочно поддразнивал её, чтобы потом помириться и на какой-то миг почувствовать азарт и триумф укротителя диких зверей.

— Значит ты нашла именно того, кто тебе нужен.

Вария встала.

— Что-то я сомневаюсь.

Терри смотрел на нее снизу вверх. Над кудрявой головой выцветало высокое темно-сиреневое небо.

— Я просто хочу, чтобы ты знала. Я тоже всю жизнь чувствовал себя... ну... не той масти. Прости, что отвлекся. Ты в следующий раз сначала бей, а потом говори, чтобы наверняка, — обезоруживающе улыбнулся Терри и поймал узкую горячую ладонь. Прижался к ней щекой, и внезапно понял, что именно так он просил прощения у матери, когда был совсем маленьким. Отстранился и выпустил руку девушки.

— Так и поступлю, — все еще ворчливо, но уже не сердито пообещала Вария. — Я спрашивала, ты в самом деле избил Радека перед собеседованием или он лжет?

— Он лжет, радость моя, — Терри встал, чтобы поймать девушку в объятия. Тонкая талия обжигала его ледяные пальцы даже сквозь тонкое шерстяное сукно — до того она была горячая, даже от волос пахло не чем-нибудь, а лесным костром, а еще прогретым под солнцем песком. — Не слушай их. Они хотят, чтобы меня стерли.

— Не может быть, — слабо запротестовала Вария. — Никто нарочно не будет подставлять человека под такое.

— Может, еще как может, — невнятно пробормотал Терри, касаясь губами бархатистой впадинки на шее под мочкой уха. — Радек назвал мою мать шлюхой. Из-за меня. Из-за того, что я родился не таким, как она.

Вария уперлась ладонями в его грудь и пытливо заглянула в лицо.

— Значит, ты все-таки избил его? — на слове «избил» ее голос дрогнул. — Он даже говорить не мог и пошел в лазарет.

— Вария, ты что, не слышала? Он назвал мою мать...

Она отрицательно помотала головой. Прядь волос больно хлестнула Терри по щеке.

— А ты бы сказал «сам дурак»! — прикрикнула девушка, сжимая кулаки. — А ты избил его так, что ему пришлось идти в лазарет! И Карьяну ты очки разбил. Я видела, что ты первым бросился. Ты... ты... — она задохнулась, и, кажется, до боли в груди. Положила ладонь на ключицу и стиснула строгие складки отложного воротника. — Ты не был таким злым, Терри. Тебе... надо показаться лекарю.

Терри стоял, опустив руки и смотрел, как она отступает, птясь. Изо всех сил пытался сохранять на лице беспристрастное выражение, но губы сами собой растягивались в кривую усмешку. Он думал только о том, что чем дальше она отойдет, тем тише будут звучать ее слова.

— Я всегда был таким, радость моя, — вкрадчиво сказал он. — Вся разница только в том, что раньше мою мать не называли шлюхой.

— Это всего лишь слова, — беспомощно повторила Вария. — Ты должен понимать, в чем разница: сказать гадость и покалечить человека. Это там, — она ткнула пальцем в сторону барьера, облитого закатными красками, — там жизнь человека ничего не стоит. Там убили моего брата за то, что он сын горца. Что-то не так сказал! — взвизгнула она. На высоких скулах заалели пятна, а кончик носа и подбородок, наоборот, побледнели. — А здесь это запрещено! Если будешь кулаками махать, тебя сотрут, слышишь?!

Их разделяло уже добрых полдюжины шагов. Терри, ухмыляясь, сложил руки на груди. Он с нетерпением ждал, когда она не выдержит его взгляда и отвернется. Когда, наконец, замолчит.

— А ты этого хочешь, радость моя? Ты тоже хочешь, чтобы меня не было?

Вместо того, чтобы ответить, Вария крутанулась на каблуке и побежала в сторону библиотеки. А Терри постоял, провожая ее взглядом, а потом поднял глаза к куполу, стремительно теряющему краски. Убийственная граница между городом и Академией, которую было отчетливо видно лишь на закате, вновь терялась на фоне размытого ночного неба.

— Это мы еще посмотрим, — серьезно сказал он, глядя на то, как ветер снаружи рвет грязные тучи в клочья. Под куполом был слышен только далекий гул. Тихо поскрипывал флюгер на крыше дома-ратуши.

* * *

В пекарню Терри пришел первым. Он рассчитывал куда больше времени потратить на прогулку с Варией, но все обернулось так, что это время оказалось нечем заполнить. Не сидеть же на скамейке, ожидая, пока башенные часы пробьют девять?

«В пекарне не хватает людей. Никто не печет сладкие пироги, если не хватает простого хлеба», — прозвучал в голове тихий голос Аннели. На эти слова наложился образ подсохшего медового пряника на белой тарелочке. Терри хмыкнул про себя. На месте девушки он предложил бы пряник отладчику — больше пользы.

Но она, должно быть, не догадалась. На первом курсе довольно сложно понять, что это за место такое — Академия магии в Акато-Риору, и что здесь ничего нельзя добиться без протекции. Здесь выгоднее всего было держать рот на замке, чтобы не задеть чужих чувств, но при этом постоянно быть на виду и на слуху — чтобы тебя видели и помнили твое имя. Но Терри никогда не умел хорошо балансировать и, бывает, заваливал зачет по гимнастике в Королевской военной школе. А в Академии не было курса физической подготовки, зато требовалась ловкость иного толка, к которой у Терри и вовсе не было никаких способностей.

В Академии преуспевали те, кто умел быстро менять маски и угождать в любой ситуации. Кто умел представить себя в выгодном свете или прикинуться жертвой — лишь бы получить преимущество.

У Терри с масками не сложилось, его единственным оружием было отстраненное молчание и — в крайнем случае — кулаки. Молчать всегда сложнее, чем отстаивать свои интересы, но приходилось учиться. Любой спор мог привести его туда, где он находился сейчас — на самый край пропасти. Подвести под пристальный надзор безопасников и Специальной комиссии.

Но так было нужно. Король отдал приказ и обещал защиту.

Терри доверился этому обещанию, но слова Арчера все-таки пробрались под броню и впились под кожу, саднили, как длинная заноза.

«Король за барьером. Он, конечно, выскажет мне свое недовольство, но это ничего уже не изменит. Для вас».

Этому обещанию тоже трудно было не поверить.

Он снял китель и фуражку, повесил рядом с дверью и прошел вглубь помещения, чтобы ненадолго присесть на вторую ступеньку металлической лестницы и оглядеться. В пустой

пекарне гулко разносилось эхо капель: где-то не завернули как следует вентиль водопровода. Тянувший в форточку сквозняк качал развешанные на веревке белые фартуки. В железном шкафу для расстойки хлеба сердито гудели на одной ноте большие нагревательные лампы.

Пока Терри раздумывал, с чего начать, если никого нет и, похоже, ещё долго не предвидится, дверные петли внезапно закрипели, и в пекарню, предусмотрительно пригнув голову, вошел мужчина в серой куртке. Остановился рядом с кителем, висящим на вбитом в стену гвозде, и некоторое время молча смотрел на него так пристально, будто в целом мире не было ничего занимательнее. А потом обвел глазами пекарню, с полминуты разглядывал темными глазами Терри, но, очевидно, человек интересовал его в разы меньше, чем одежда.

Терри обратил внимание, что у мужчины перебинтована голова, вздохнул и поднялся. Правила Академии налагали ответственность за рабочих на любого, кто находился рядом и был способен «осуществлять присмотр». Если с «нейтрализованным» что-то случится, виноват будет Терри. А случиться могло что угодно. После «нейтрализации» неизбежно поражались когнитивные способности, но, что самое коварное — полностью отключалась та зона в голове, которая отвечает за страх. И за чувство самосохранения, основанное на страхе смерти.

— Мир вам, эм-м... почтенный, — настороженно поздоровался Терри, подходя ближе. Рабочий ничего не ответил, что тоже было ожидаемо, особенно если его привезли недавно: на это указывала свежая повязка поперек высокого лба и темное пятно на виске. На осунувшихся щеках густо выросла жесткая щетина: все-таки не первый день как из лазарета.

При виде этого пятна Терри почувствовал дурноту. Третий красный лист и стерильная палата были слишком близко, чтобы не примерять на себя — мысленно! — эту серую куртку и эту белеющую в слабом освещении спящей пекарни повязку.

— Где ваш куратор? Я уверен, вам запрещено ходить в одиночку, — Терри озабоченно озирался, не понимая, как себя вести. Он еще никогда не оказывался один на один со «стертым». И предпочел бы не оказываться и впредь. Немигающий взгляд темно-синих глаз вынуждал бакалавра невольно искать пути отступления. Хотя у него не было ни единой разумной причины, но он почему-то ужасно боялся человека, у которого раз и навсегда забрали возможность испытывать эмоции.

Рабочий молчал, будто воды в рот набрал. Терри озадаченно почесал затылок.

— Вы помните свое имя? — спросил он тихо и без особой надежды получить ответ.

Дверь снова скрипнула, подалась, и в пекарню вошел мастер Келва. Увидев Терри, высоко поднял подвижные выразительные брови.

— Мирного вечера, господа. По какому случаю собрание?

— Рабочий пришел без куратора, на вопросы не отвечает, молчит, — отрапортовал Терри.

Техник одним движением расстегнул замок на куртке. Стянул ее с плеч, встряхнул и повесил рядом с кителем. Поправил завернувшиеся подтяжки и не спеша начал подворачивать рукава до локтей, внимательно разглядывая и молчаливого рабочего и самого Терри.

— Ну раз пришел, значит, не против поработать, да? — подмигнул Келва. — Чем больше у нас будет рук, тем больше хлеба испечем. Бери его и учи просеивать муку.

— Я хотел для начала узнать, как могу к нему обращаться.

Мастер Келва перевел совиный взгляд с Терри на рабочего и обратно. Даже голос у него прозвучал неожиданно глухо и очень похоже на мрачное уханье филина.

— Кончай молоть чепуху, Риамен. Хочешь, зови его «ваша милость» или «сиятельный господин», ему все равно, а мне послушать приятно.

Терри предпочел не задавать уточняющих вопросов. Вместо этого он несильно потянул рабочего за рукав куртки и вместе с ним направился в закуток, где на стене висели большие сита и рядом стояли мешки с мукой, на которых ярко синела печать Академии. По дороге он старался не смотреть по сторонам. В пекарне не хватало света, и в темных углах ему мерещилось какое-то движение и слышался неотчетливый шепот.

— Вам будет удобнее, если вы снимете куртку, — с тщательно скрываемым раздражением вполголоса предупредил Терри, оглянувшись на молчаливого «стёртого». Еще чего доброго, тот получит тепловой удар, а кто виноват окажется? Те рабочие, которые работали в пекарне накануне, все были в серых майках, обращенную речь понимали и выглядели намного более живыми. Риамен даже начал озираться, будто надеялся, что им можно передать на поруки товарища. Но они еще не пришли.

— Вы меня слышите? Когда растопят печи, будет жарко, — повысил голос Терри. Он снял со стены большие железные ножницы. Такими удобно было поддевать и обрезать суровую нить, которой сшивали мешки с мукой на мельнице.

На этот раз его услышал не только рабочий, который по-прежнему просто стоял и смотрел, опустив руки.

— Аристократ, прекрати издеваться над калекой! — сердито прикрикнул техник издали и быстрым шагом подошел к ним. — Будь проще, понял, да? Не задавай вопросов, не ставь перед выбором... И еще кое-что, — он вытащил из кармана неуместных здесь модных черных брюк с наглаженными стрелками шелковый клетчатый платок и протянул Терри. — Повяжи. Да не себе! Ему.

Шелковый платок невесомо лег в ладонь. Терри сжал кулак, не решаясь подойти вплотную к «стертому», который будто все прекрасно понимал, но говорить не мог — или не хотел. Рабочий вроде не следил за ним, а смотрел в пространство прямо перед собой, но при этом ощущение было такое, будто Терри неотрывно преследует недобрый взгляд.

— Разве рабочие не могут говорить после... ну, после?.. — Риамен не смог заставить себя договорить и замолчал.

Техник сунул большие пальцы в шлевки на поясе и упер руки в бока.

— Он тебя слышит и понимает, чтоб ты знал, — ехидно прокомментировал он. Помолчал и добавил уже совсем другим тоном. — Скорее всего слышит и понимает. Он из города, не наш. Кто его знает, в каком состоянии его привезли. Наши не успевают потерять разум... — Он оборвал себя и громко хлопнул в ладоши. — Так, хватит болтать! Завяжите себе рты потуже и вперед!

Совет был хороший, накануне такого хорошего совета никто не дал. Терри сунул шелковый платок рабочему, а для себя разыскал в шкафу белую косынку. С повязкой дышать было проще, но из-за того, что он дышал через ткань, просеянная мука ещё интенсивнее липла на ресницы и брови, оседала на ткани. Рансу на сей раз не пришел, остальные, включая уже знакомых «стертых», постепенно подтянулись, но Келва все равно злился, что в Академии столько желающих есть хлеб, но совершенно некому работать. Зато ближе к десяти, когда в печи начали ставить первые буханки, явился Арри Рантала. Собственной персоной. Студент, который за все четыре года не заработал ни одного «красного листа».

Терри выронил черпак, которым набирал муку из полупустого мешка и замер, наблюдая, как мастер Келва встречает новичка.

— Кто такой? — недружелюбно спросил он, зачерпнув пригоршню муки из чана, чтобы очистить ладони от налипшего текста.

Арри издалека выглядел младше. Отросшие волосы касались оправы очков и наполовину закрывали уши, отчего лицо становилось беззащитным как у подростка. Увеличивающие линзы делали его и без того яркие риорские глаза еще больше и выразительнее. У него было такое лицо, что «прочитать» каждую мысль можно было без труда.

— Арри Рантала, бакалавр, — представился он, церемонно поклонившись.

Мастер Келва, продолжая вытирать руки о передник, подошел к столу, на котором лежал журнал дежурств. Заглянул.

— Чего ты хочешь, бакалавр Арри Рантала? Тебя в сегодняшних списках нет.

— Я доброволец.

— Некуда потратить свободное время? — одобрительно хмыкнул мастер Келва и сделал широкий приглашающий жест. — Ну раздевайся, коли не шутишь, Рантала.

От столов, на которых рубили и формовали тесто дежурные, послышались смешки. Терри даже из соседнего зала видел, как стремительно налилось краской лицо Арри. Он смешался и не нашел, что сказать. Видя растерянность друга, Терри скрипнул зубами от злости на шуточки мастера пекарни. Сам, должно быть, прикладывает все возможные усилия, чтобы отвадить желающих печь хлеб, а потом начинаются оправдания в духе: «людей не хватает, никто не печет сладкие пироги, если не хватает простого хлеба».

Вдоволь налюбовавшись лицом «добровольца» Келва хлопнул Арри по плечу.

— Китель снимай, Арри Рантала, не то весь взмокнешь. Да и не вычистишь потом от муки. — Он обернулся к остальным. — Кто покажет новичку, как работать с тестомесом? Амала?

Терри оставил черпак для муки на столе в подсобке и вышел в зал с печами. Ослабил платок и оттянул от лица, чтобы не мешал говорить.

— Разрешите я покажу, мастер Келва.

Техник возражать не стал и вернулся на свое место: обминать комки текста, надрезать и укладывать на расстеленные на жестяных листах льняные полотенца. Арри стянул китель и повесил там же, где висела одежда дежурных. Надел чистый передник и подошел к Терри.

— Ну и живописный у тебя вид, — восхитился друг, оглядев Терри от макушки до пяток. — Вот теперь ты по-настоящему «белый», Риамен. У тебя даже волосы побелели от муки.

Терри коснулся ладонью волос и задумчиво взглянул на нее.

— Зачем ты пришел? — подозревая неладное, спросил он.

— Чтобы ты не забыл, что твое дежурство заканчивается в полночь, — серьезно ответил Арри. — Иначе ты надорвешься, я тебя знаю.

Терри распустил узел косынки и вытер вспотевший лоб.

— Келва не отпустит, — тихо предупредил он, опасливо покосившись на мастера, который умел быть непреклонным, когда хотел. — Да и потом, я хотел еще сладкий пирог испечь, а сдобное тесто только после дрожжевого замешивают, если остается время.

Арри с озадаченным видом взъерошил волосы.

— Ты говоришь загадками. Без пирога никак не обойтись?

Терри достал из кармана приказ из отдела отладки экспериментальных образцов, выписанный на имя Гармо Перту, и показал Арри.

— У человека день рождения. Нехорошо отказывать ему в такой малости как пирог с ягодами.

Глава тринадцатая. Эффект искажения

Лучи рассветного солнца золотыми искрами пробегали по полупрозрачной завесе над крышами. Далекие разодранные в клочья облака тянули длинные хвосты с красными подпалинами в сторону моря. Энергетический барьер искажал их очертания, как гигантская выпуклая линза.

После прокаленной пекарни воздух на улице показался ледяным и колким. Даже под куполом ощущалось холодное дыхание осени. На металлических трубах переливались хрустальные капли росы. Арри остановился застегнуть распахнутый китель и утер рукавом пот на лбу. При этом он неосторожно глянул на солнце. И поплатился: слепящий свет залил стекла очков. Арри зашипел и немедленно принялся тереть глаза, ругаясь сквозь зубы. Терри с интересом послушал про «демонову дефракцию», сочувственно покивал, а потом переложил ручку корзинки из правой руки в левую, снял фуражку и нахлобучил другу на голову.

— Поправь козырек, он от бликов защищает, — терпеливо посоветовал он. — Форму надо носить как положено, а не о причёске думать.

Отросшие пряди потешно торчали из-под темно-синего околыша и над ушами. Арри глянул с обидой. Белки глаз у него покраснели и покрылись сеткой прожилок от усталости.

«Еще и растёр вдобавок, вот простофиля!» — с жалостью подумал Терри. Ему и без стекол, обнажающих переплетение энергетических потоков, не хотелось лишний раз поднимать глаза к высокому холодному небу за магическим барьером. Даже думать не хотелось о том, каким ярким и многоцветным было это утро для близорукого Арри.

— Я в Академию поступил, чтобы форму не носить.

Арри со значением постучал согнутым пальцем по околышу над виском. Терри в ответ фыркнул: ему красноречивый намёк на гвардейцев не понравился. Хотя умом он понимал, почему сын судьи ненавидел законников, но одобрить такое отношение не мог. Захотелось уколоть в ответ. Тем более что за первой репликой последовала вторая, короткая, но меткая, какие случается услышать от самых близких:

— А причёске моей ты просто завидуешь.

— Я думал, хоть ты здесь потому, что мечтал всю жизнь корпеть над чертежами и формулами, — хмыкнул Терри и немедленно был наказан за то, что отвлекся на подначку: угодил в выбоину на старой мостовой и здорово подвернул ногу. Настал его черед шипеть и ругаться, при том, что сердце заполошно заколотилось от испуга за судьбу свежеиспеченного ягодного пирога. Терри осторожно прижал корзинку к животу обеими руками и проверил, не съехала ли полосатая тканая салфетка. Другого пирога нет и еще долго не будет: смена в пекарне закончилась этой ночью и следующая начнется лишь через пять дней.

Арри сдвинул фуражку на глаза так, что блестящий козырек тихо стукнул по металлической оправе очков.

— Все дело в том, что я правда всю жизнь об этом мечтал, — неожиданно весело и громко сказал он. Или Терри после тяжелой ночи каждый звук казался чрезмерно звонким, порождающим болезненное эхо в пустой и горячей голове? — Осветить улицы Акато-Риору — не только Верхний город, но и Средний, прогнать тени из подворотен — скажешь, дурная

цель? Намного лучше, чем стать цепным псом короля и рвать тех, на кого он укажет.

Терри на ходу прихрамывал и кривился. Боль простреливала ногу от пятки до самого колена. Ему было что возразить, но сил спорить не было. Мысленно он ехидно поддакивал, что жить в вольере, разумеется, намного лучше, чем сидеть на цепи, но вслух ничего не говорил.

Можно подумать, Арри сам не понимает, что так или иначе королю служат все. И те, кто придумывает, как осветить улицы, и те, кто стоит на страже порядка.

А также что те и другие служат королю всю жизнь.

Немного погодя Арри заметил, что друг хромает, и забрал корзину, чтобы сберечь пирог. О форме и тех, кто ее носит, они больше не говорили, Арри почти сразу же нашел, о чем поворчать без риска разбередить старые раны.

— Допустим, ты принесешь пирог отладчику, услышишь «премного благодарен», а что дальше?.. Нет никакого смысла в поиске покровителей, — устало пропыхтел Арри, не дождавшись от Терри ответа на первый вопрос. — Тебе этот пирог еще припомнят. Да тот самый Тармо Перту и припомнит, только повод дай.

— Я и хочу, чтобы он запомнил меня. И тебя. И то, что мы испекли ему пирог, — терпеливо пояснил Терри, досадуя, что другу нужно объяснять очевидные вещи и что боль в ноге никак не проходит.

Арри потянулся пятерней к челке и сдвинул фуражку далеко на затылок. Теперь она держалась и не падала только благодаря какой-то запретной магии, не иначе.

— Брось, Риамен. Этот путь не для тебя. Ты способен на большее, чем втихую таскать отладчикам пироги или вино. Расскажи про «белый огонь», и вместе мы заставим старших магистров разинуть рты.

— Чтобы они разинули рты, у меня только одна попытка, — мрачно ответил Терри, внимательно глядя под ноги — начался подъем в горку, и ковылять по каменной мостовой стало ощутимо сложнее. — А не как в прошлый раз. Облажаюсь в расчетах, сошлюсь на Талсиена — да хоть на принца Алишера! — они сперва обсмеют меня, а потом заберут все и сделают по-своему. Вспомни наше с тобой молчаливое письмо. Или умный браслет.

— Молчаливое письмо для Варии?

— Да, письмо. Да, для Варии, — скрипнул зубами Терри. Имя девушки всколыхнуло темную муть, которой до самого горла скопилось после последнего разговора с ней. — Король показал мне Распознающую печать. Это мое письмо. Наше. Они даже не придумали, как его защитить, а уже пытаются нажиться на нем. Они собирались продать наше с тобой письмо Империи, можешь в это поверить? Ты как, готов быть человеком, чье изобретение попало в руки врагам?

Судя по вытянувшемуся лицу, Арри не поверил, что Империя настолько нуждается в бумаге для любовной переписки. Все-таки они работали над письмом как раз в тот период, когда Терри был без памяти влюблен в Варию и искал способ признаться ей в своих чувствах, но так, чтобы об этом никто не узнал. В конечном итоге он перемудрил настолько, что Вария так и не увидела рабочий прототип «молчаливого письма», которое должно было стать самым романтичным признанием, какое только мог выдумать Терри.

А вместо этого письмо оказалось в руках Парлас и Арчера. А Вария...

Некстати вспомнились длинные вечера, которые он потратил на письмо. Потратил впустую. Терри сглотнул поднявшуюся к горлу вязкую горечь и сжал кулаки.

— Так вот что за осколок попал в твой сапог, Риамен! Странно, что я сразу не

догадался, ведь видел уже однажды, как ты носился, как укушенный, после той истории с браслетом. Теперь я, наконец, понял, почему ты постоянно заводил разговор о печати и сам же его обрывал.

— Не смейся надо мной, Рантала, я говорю серьезно. Я наелся этим воровством и несправедливостью до тошноты. Больше ничего им не отдам. У меня будет своя лаборатория. И я перетащу гору по камешку ради этого отладчика, лишь бы он согласился помогать и молчать при этом.

Арри понял по-своему. И по-своему правильно. Озабоченная морщинка между бровей разгладилась.

— Значит, без отладчика не обойтись? Твой «белый огонь», ну... это оружие, да?

— Представь себе ручную молнию, — понизил голос Терри и для наглядности взмахнул рукой, чтобы пробудить воображение друга. — Управляемый разряд небесного огня, который не сжигает, но отнимает дыхание, как у Талсиена. Я даже уверен, что знаю, как сделать безопасное кнутовище. Это будет оружие как в песнях Первой эпохи: такое, что сумеет остановить любого противника и не нужно подходить к нему на расстояние удара жезлом.

Арри просиял, будто ему пообещали целый ящик вина в подарок, и от всей души хлопнул друга по плечу.

— Вот это другое дело! Вот эта штука сделает тебе имя!

Терри мгновенно забыл о боли в ноге и приосанился.

— Думаешь?

— Спрашиваешь! И забудь ты уже про письмо и браслет. Ну не забрали бы их, ты бы до сих пор шлифовал пластинки для печати. Я уж молчу про твой браслет с аметистами, который вообще не таким задумывался и вряд ли работал бы, как связные. А так у тебя голова свободна для идей и есть шанс сделать настоящий научный прорыв. Если ты продолжишь в том же духе, твое имя появится в учебниках.

Терри открыл было рот, чтобы возразить, но вдруг понял, что друг прав. Меткий аргумент, словно камень, пущенный из пращи, пробил его раздувшееся раздражение, и теперь из прорехи со свистом выходил пар. И впрямь — до сих пор бы возился с Распознающей печатью, доделывал бы и допиливал видимые лишь ему одному огрехи. И ничего бы не было. Арчер не попытался бы обвести короля вокруг пальца, и Эриен не вызвал бы к себе племянника, не пообещал ему свободу.

Нашелся лишь один аргумент «против».

— Но будь у меня больше времени, я сделал бы браслет и письмо именно такими, какими задумывал. Уж наверняка без ошибок, знаешь ли...

— Мы этого уже не узнаем, — легкомысленно отозвался Арри. — Может да, а может нет. Ты брался за них, когда толком ничего не умел и легко мог облажаться с прототипом. А теперь ты можешь говорить, что в основе лежат твои идеи, но при этом ответственность за ошибки и недоработки будут сваливать на рабочую группу. А к идее нельзя примотаться. Идея-то — чистый кристалл!

Терри опять не нашел, что ответить. Сын судьбы умел подбирать слова таким образом, что сыну финансового советника только и оставалось, что удивляться, как со стороны выглядит запутанный клубок, в который превратилась его жизнь. Оказывается, если смотреть чужими глазами, все так просто и ясно, и даже предстает в выгодном свете! Словно речь шла о каком-то нешуточном везении! И только Терри винил себя за каждую неудачу, за

каждую потерю проекта по собственной глупости и из-за неумения защищаться перед Парлас.

— Если тебя послушать и вдохновиться, можно вообще ничего никогда не доделывать, — проворчал он. — Чтобы никто «не примотался». Ты поэтому не доделал светляков?

— Ты не понял. Я светляков доделал. И они будут продаваться на осенней Ярмарке. А что у меня в проекте они были лучше, больше и умнее, горожанам знать не обязательно. Да и вообще, в несовершенном есть своё очарование. Быть может, моих светляков будут любить за их изыяны, откуда тебе знать?

Арри первым подошел к дверям второй равинтолы. Поднялся по ступеням на крыльцо и поставил корзину под гнутый жестяной козырек. Терри подзадержался, опасливо косясь на матерчатые тенты, растянутые в проулке. Конечно, рабочие не поднимались наверх так рано, но кто даст гарантию, что какой-то кирпич не свалится на голову именно сейчас? Кто бы ждал от «стертых» ответственной работы, если они вообще ничего не боятся? По мнению Терри, им не стоило доверять ничего тяжелее метлы, и когда-то Магистерий придерживался такой же точки зрения. Но Арчер считал иначе, и при нем серых курток стало намного больше.

Люди, лишённые эмоций, получили тачки, груженные дешевыми кирпичами, и без того высокие дома в Сияющем квартале обросли строительными лесами, а Терри заработал навязчивый страх, что любая прогулка по улице может оказаться последней. Однажды один такой кирпич упал на расстоянии вытянутой руки и разлетелся на мелкое крошево. Вария была рядом — и ничего, только посмеялась. А Терри не смог отмахнуться так же легко.

— Ну отлично, — вздохнул Арри, безуспешно подергав витую кованую ручку запертой двери. — План по доставке пирога обрастает обстоятельствами непреодолимой силы. Дежурные по кухне еще не явились, и неизвестно когда будут. С чего ты вообще взял, что равинтола открывается до рассвета?

Терри виновато отвел глаза и уклонился от ответа. Не говорить же, что так было принято в его поместье, где он гостил по декаде после всех школьных экзаменов. Лассель Риамен сама вставала рано и требовала на завтрак свежую выпечку, тарелку каши и правильно заваренный крепкий чай. Поэтому повару приходилось растапливать плиту с первыми петухами. Глупо было возводить частный случай в обязательное для всех правило.

— Может, заглянем к Аннели? — предложил Арри. — Не зря же я выяснил номер её комнаты.

— Думаешь, она учит наизусть адреса именинников? Все должно быть записано в тетради, — вяло запротестовал Терри. Он бы не признался, но ему понравилась мысль, что вручение пирога для требовательного отладчика — это неплохой повод, чтобы увидеть хорошенькую первокурсницу в ночной рубашке. Он тоже поднялся на крыльцо и, сложив ладони козырьком, уставился в темный пустой зал за окном.

— Может и не учит наизусть, — зевнул Арри. — Все равно, пора идти назад, Риамен. Нет ни малейшего смысла здесь дежурить.

— Может, окно разобьем? — неожиданно даже для самого себя предложил Терри. Но когда первое изумление схлынуло, ему показалось, что это очень даже недурная идея.

Арри посмотрел на него примерно так, как накануне смотрела Вария: с сочувствием, густо замешанным на тревоге.

— Нет, Риамен, окно мы разбивать не будем. Ты что, спятил?

— Так быстрее. Проще.

— Так проще и быстрее получить серую куртку, — раздраженно прошипел Арри. Он оглянулся, будто опасался, что кто-то их услышит, но спящий переулочек был совершенно безлюден, и только темные окна дома напротив слепо таращились на двух бакалавров, ни с того, ни с сего вздумавших нарушить правила. — Пошли уже, пока нас не застукали на улице с твоим дурацким пирогом. Еще подумают, что мы тащим его из города, и новых часов навешают за самоволку.

Проштрафившимся бакалаврам пришлось воспользоваться пожарным выходом. Они обогнули крыльцо и прошли мимо потемневшей от времени медной таблички на углу, которая сообщала, что «сей доходный дом построил сам господин Эйнар Хаген с милостивого позволения городского совета в 934 году после явления Создателя». Терри в уме свел даты и понял, что это произошло всего за два года до того момента, когда король Анмар Дальновидный учредил Академию магии в Акато-Риору. Тогда солидный кусок земли в Среднем городе просто изъяли из частной собственности и отдали сперва на баланс города, а потом уже Академии.

Господин Эйнар Хаген, должно быть, и не подозревал, что в его новеньких меблированных комнатах станут жить студенты — кто в одиночных узких комнатках на третьем этаже, а кто в просторных двух и трехкомнатных квартирах на первом, но зато целой ватагой. Вряд ли он мог защитить свой дом — с таким-то непримечательным родовым именем, которое, кстати, так и кануло в неизвестность.

Смотритель в белом плаще клевал носом в дежурке на старом неудобном диванчике с выцветшей обивкой. Когда над дверью звякнули медные трубочки, он неохотно разлепил покрасневшие глаза и с ненавистью уставился на двух бакалавров. Потянулся за лакированной самопиской и сердито встряхнул кистью, чтобы застоявшиеся чернила не пачкали бумагу.

— Имена, — простуженным голосом проскрипел смотритель. — Причина опоздания.

— Рантала. Риамен. Работа в пекарне.

— Опять Келва набирает себе работников среди студентов? — в тусклых глазах зажглась искра интереса.

— Бакалавров, — задрал нос Арри.

— Ну-ну. Будете получать часы, до магистров никогда не дорастёте.

Терри криво улыбнулся. Он подумал, что начал уже привыкать к угрозам и требуется что-то более забористое, чтобы его впечатлить. Смотритель вписал их имена в журнал, рядом указал время возвращения, не прибавил больше ни слова, просто качнул головой: мол, проходите.

* * *

Аннели жила на третьем этаже, в западном крыле. Она открыла дверь далеко не сразу, как Арри постучал, но с другой стороны — и это показалось Терри странным — она не спросила, кто припёрся в такую рань. Бакалавры какое-то время прислушивались к тишине, пытаясь понять, удалось ли вежливым стуком разбудить девушку, а потом дружно переглянулись, когда в замочной скважине стал проворачиваться ключ. И еще раз переглянулись, когда Аннели молчаливо, одним только взмахом ладони, пригласила их в свою комнату.

И заперла за ними дверь.

В «одиночках» на третьем этаже редко устраивали посиделки, потому что в этих комнатах становилось тесно уже вдвоем. Парням пришлось встать плечом к плечу рядом с раковиной на квадратном тканом коврике, потому что буквально в шаге от них уже стоял узкий платяной шкаф, за ним — письменный стол, а почти всю стену напротив занимала кровать. Если бы Аннели села на стул или постель, места было бы чуть больше. Но она стояла рядом с изголовьем, запахнувшись в халат и зябко обнимая себя за плечи. Шторы она, видимо, отдернула еще до того, как открыть дверь, и теперь солнце окутывало ее тонкую фигурку как теплая шаль. Вокруг растрепанной со сна головы золотились на свету легкие локоны.

Терри утратил чувство времени и целую вечность разглядывал подсвеченные солнцем аккуратные розовые уши, над которыми топорщились невесомые до полупрозрачности кудрявые волосы. А потом Арри вдруг сказал:

— Хэй.

И в первый момент Терри даже не понял, на каком это языке прозвучало, но дело было сделано: застывшее в теплом свете прекрасное мгновение рассыпалось на осколки, а время толкнулось и ускорило настолько, что он опять перестал успевать участвовать в происходящем.

— Хэй, — равнодушно отозвалась девушка и кивнула на корзину в руках Арри. — Это что?

— Пирог с ягодами ажри, — Арри протянул ей корзинку. Терри не понял, зачем. Должно быть, хотел, чтобы она удостоверилась. Аннели без колебаний взялась за плетеную ручку и заглянула под салфетку.

— Неплохо вышло, — сдержанно похвалила она, взглянув через плечо Арри на Терри. И больше ничего не добавила, не спросила. Поставила корзину на письменный стол и снова обняла себя за плечи, словно мёрзла. Терри показалось, что уши её стали краснее, и по щекам разлился румянец. Впрочем, она стояла против солнца. Терри легко убедил себя, что ему померещилось. — Вы зачем пришли?

— Да вот, испекли пирог тому магистру, ну... Терри говорит, ты знаешь.

— Тармо Перту, — пояснил Терри.

Аннели неопределенно пожала плечами.

— Кто же не знает магистра Перту, — с трудноуловимой интонацией отозвалась она. Не то насмешливо, не то с уважением.

— А мы вот не знаем, — покачал головой Арри, и фуражка все-таки слетела с его головы и ударилась козырьком о пол. От тихого стука Аннели болезненно вздрогнула, порывисто наклонилась за фуражкой и сунула ее в руки бакалавра.

— Можно потише? Или уходите сейчас же, — попросила она, неожиданно переходя на обрывистый шепот.

— Ты только расскажи про...

Аннели не дала ему договорить, перебила, торопясь и сбиваясь:

— Перту принимал у нас семинар по технике безопасности, когда Сэтер упал со стремянки и сломал ногу. Мне еще повезло, что он так быстро отступился от своего пирога. На семинаре он вцеплялся в каждого, как репей.

— Seriously? Сэтер упал со стремянки? — заржал Арри и толкнул Терри локтем в бок, приглашая повеселиться над незавидной участью инспектора по охране труда. Но, кроме

него, желающих посмеяться не нашлось. Аннели страдальчески кривила губы и вопросительно поднимала брови.

— Чего ты боишься? — напрямую спросил Терри, не трудясь говорить тише. Он буквально сдвинул друга в сторону, чтобы подойти к Аннели. А она попяtilась и уперлась поясницей в кромку письменного стола.

— Шума, — Аннели выставила ладони перед собой, будто защищаясь. — Будьте тише, ради Хранителей.

Терри неловко переступил, и под его сапогом пронзительно затрещала половица. Аннели обреченно зажмурилась.

— Ну вот, — выдохнула она.

— Тебе часы в равинтоле за шум выписывают? — догадался Терри. — По соседству живет нервный куратор или староста курса?

«Вроде Радека и Карьяна», — он переглянулся с Арри. Тот кивнул и ухмыльнулся. Война с куратором и старостой тянулась с самого появления Терри в Академии, и в нее так или иначе были вовлечены все, кто жил на третьем этаже восточного крыла. Целая секция с интересом прислушивалась к тому, как Радек после отбоя колотит в дверь триста шестой комнаты и требует прекратить шуметь и погасить свет.

Аннели бледно улыбнулась.

— Вроде того.

Терри сунул руку в карман, где лежал наградной лист. Но не сразу нащупал тонкий лист бумаги. Сперва пальцы скользнули по шершавому конверту с твердым острым уголком. Этого конверта здесь не было и быть не могло — Терри не имел привычки забывать что-то в карманах. Тем более письма. Тем более, что письма он получал только от одного адресата. С той лишь разницей, что прежде те письма он обнаруживал под дверью собственной комнаты.

Из-за письма вышла заминка. Аннели опять спросила, зачем они пришли. Терри вынул из кармана бумажку с печатью и показал ей:

— Он просил доставить пирог ему на квартиру?

— Нет.

— Ну и глупо, — Терри едва сдержался, чтобы не смять в кулаке наградной лист по примеру владельца. — Как теперь его найти и всучить пирог?

— Оставьте мне, я отнесу в равинтолу и вручу, — предложила Аннели. — Если он придет.

Терри покачал головой. Этот план ему решительно не подходил. Не для того он искал ягоды в темной холодной кладовке с назойливо стрекотавшим Светляком в руках, чтобы сейчас так просто передать пирог первокурснице.

— Ладно, идём, — потянул за рукав Арри. — Идём, пока нас не застукали тут втроём.

Аннели оживилась и закивала. Сунула им корзину и вытолкала за дверь.

Ни с чем они ушли от неё. Арри шел молча, глядя себе под ноги. Терри достал из кармана хорошо знакомый голубоватый конверт без печати и развернул его, не особенно таясь от друга, но и не напоказ. Мало ли что за конверт. Терри надеялся, что другу достанет ума не заглядывать в чужое письмо.

«Время вышло», — ехидно заметили мелкие острые буквы, наискось подчеркнутые длинным чернильным хвостом. Даже не верилось, что кому-то пришло в голову продумать сложную схему и незаметно подложить конверт в карман ради того, чтобы сказать ему всего

лишь эти два слова. Почти бессмысленное послание. Терри и сам прекрасно знал, что срок, отпущенный королем, закончился.

Но ведь он все сделал правильно!

И вроде опасаться было нечего, а в сердце все равно точил червячок тревоги. Слишком хорошо он запомнил тот давний разговор с Риттау. Слишком острым тогда было ощущение близкой неотвратимой гибели, будто к горлу приставили невидимый холодный клинок: если не подчинишься, если ошибешься — прощения не будет.

Уже напротив собственной комнаты Арри остановился и негромко спросил:

— Теперь ты из кожи вон полезешь, чтобы разобраться с её проблемами? А научный проект опять побоку?

— О чем ты?

— Да так. То хлеб нельзя бросить, то Вария несчастная и одинокая, то отладчику не достался пирог с ягодами, а сейчас эта блондиночка в беде. И всем вроде бы наплевать, но только благородный Риамен спешит на помощь, забыв о том, что по-настоящему важно, — криво улыбнулся Арри, отпирая ключом дверь. — Прав я или не прав?

Терри медленно развернулся, будто находясь по шею в темной холодной воде.

— Блондиночка в беде?

— Вряд ли ты сможешь что-то сделать, чтобы не распрощаться с головой, — предупредил Арри, отводя взгляд. — Лучше не лезь ни к ней, ни к Перту — на всякий случай.

— Поясни, будь добр, — с подчеркнутой любезностью попросил Терри.

Арри пожал плечами.

— Она ночь не спала или плохо спала, ждала кого-то. Не спросила, кто пришел, а потом волновалась, как тростник под ветром. Потому что мы пришли.

— Она боится того, кого ждет, — задумчиво проговорил Терри, бездумно складывая письмо надвое и разрывая его. А потом ещё раз. И ещё.

— Студенты часов нащёлкать за шум не могут, — понизив голос, напомнил Арри. Он говорил тяжело и мрачно, избегая смотреть другу в глаза. — Иначе ты бы из пекарни своей с первого курса не вылезал — уж Радек и Карьян об этом позаботились бы. Это, в лучшем случае, кто-то из менторов. Может даже сам подменный мастер по технике безопасности Тармо Перту. Заметил, как она о нем говорила?

— Ты вечно видишь угрозу там, где её нет, — покачал головой Терри. — Но я с ней поговорю... Завтра, — подумав, добавил он без особой уверенности. Что же, все-таки значит это предупреждение: «время вышло»? Чем грозит? Неужто мало было передать письмо Арчеру? Ответа для короля никакого не было, а объяснить, почему... Кому следовало объяснять? В Академии не было почтового ящика, куда можно было бы опустить письмо с отчетом для короля.

— Я бы хотел ошибаться, — вздохнул Арри и толкнул дверь — но обычно я все-таки оказываюсь прав.

Интермедия. Хале Маттила

В дежурке было непривычно тихо для обеденной пересменки. Хале Маттила прошел мимо здорового, обитого железными листами шкафа, в котором пытались сохранить заряд издыхающих Следящих, и остановился напротив стены с экранами, многие из которых вместо красных картинок показывали темно-серую пустоту. За пультом сидел, подперев кулаком рыхлую щеку, координатор. И ничего не делал. Если не считать за занятие ленивое помешивание длинной ложкой горячего чая в кружке.

— Стражник спит — служба идет? — спросил Маттила, для вежливости стукнув пару раз костяшками о косяк.

Дежурный координатор зевнул в знак согласия и с силой потер двумя пальцами переносицу, чтобы сфокусировать осоловелый взгляд.

— Пока ты спал, я работал, Фермер, — с мягкой укоризной и бесконечной усталостью объяснил он и сделал большой глоток чая.

— А где все? — Маттила посмотрел на стол, за которым в это время обычно раскидывали карты его сослуживцы. Кто дожидался смены, а кто отдыхал после — в любую дежурку при смене караула обычно набивалось около десяти человек, а сейчас внезапно — никого. Только рассыпанные по столу крошки и стопка обмусоленных карт, не собранных в колоду, указывала на то, что хотя бы два-три часа назад все было, как обычно.

— Тут пара. Тут и тут. А ещё вот тут тройка, — координатор указал на красные экраны кончиком ложки, с которой сорвалась прозрачная капля и оставила неряшливый мокрый след, расплывшийся на странице журнала. Маттила только вздохнул. Разбалованные спокойной сидячей работой координаторы вечно оставляли круглые коричневые разводы на приказах или пятна в журнале. Еще хорошо, если не на строчке с именем. В такие моменты он думал, что работа во дворце мало чем отличается от работы на ферме: так или иначе постоянно приходилось иметь дело со свиньями.

Маттила вытянул из-под раскрытого журнала папку с приказами. Плетеные завязки хранили остатки сломанной восковой печати — красноречивого свидетельства недавней и успешно пройденной проверки службы безопасности дворца.

— Где мой наряд, Эйде? — ворчливо поинтересовался он, пролистав подписанные Рагнармом направления на сегодняшнюю дату и не обнаружив ни одной бумаги со своим именем.

— Нет наряда — иди в увольнение, — равнодушно откликнулся координатор. Мимолетно глянул на часы и принялся по очереди щелкать переключателями на пульте. В глубине некоторых спящих экранов вспыхнули красные точки. — И «красноглазого» возьми.

— С чего бы? — нахмурился Маттила. — Может, мне его ещё и к девочкам взять, чтобы ты посмотрел?

Эйде эта мысль понравилась. Его широкое лицо расплылось в каверзной ухмылке.

— А возьми! — воодушевился он. — Еще никто не рискнул предложить Рагнару поискать у девочек!

— И я не рискну, — буркнул Маттила. Он понятия не имел, кого надо искать у девочек, но годы службы научили его не нарываться и молчать, когда все молчат. — Так увольнение или что? Следящего зачем с собой брать? Чтобы он у меня сдох, и мне за него платить?

Координатор почесал шею под расстегнутым воротником. В этот момент в дежурку

вошел еще один стражник. Маттила едва узнал его из-за короткой стрижки. Наори был новичком, только-только взяли. Вот, должно быть, Рагнар и велел укоротить излишне непокорные вихры.

— Я что, опоздал? — испугался Наори, заметив, что в дежурке подозрительно мало народу.

— Еще один! Ищи приказ в папке и заступай на пост, Кудряшок.

— Давай я с ним, — предложил Маттила. — У меня все равно сегодня «окно», хоть присмотрю за салагой.

— Вот ты заноза, Фермер! — утомленно посетовал Эйде, возводя глаза к потолку, будто призывая в свидетели Создателя. — Никто не выписывает наряд на поиски сам-знаешь-кого, но все, у кого нет другого приказа, идут в город.

Маттила поморщился. С оговоркой про «сам-знаешь-кого» стало яснее, но от этого только досаднее. Ещё ни разу ему не везло, и премию вечно получал кто-то другой. А он получал гудящие ноги и тяжёлую голову от бесцельных блужданий вверх-вниз по улицам под палящим солнцем.

— С полудохлыми красноглазками? Чтобы потом отвечать за них? — уточнил Маттила, оглянувшись на шкаф, в котором доживали свой недолгий век магические приборы в виде выпуклых стекол в массивной оправе. Пара таких линз были впаяны в ведрообразную башку Неспящего у ворот в Академию. Неспящий служил уже не первый год, говорили, глаза ему не приходилось менять, а вот партия, которую Академия продала королю, была с изъяном. Линзы «выдыхались», экраны, на которые выводилась картинка, остывали. А кто виноват? Служба безопасности — больше не с кого было спросить. Академия разводила руками и рапортовала о том, что нет возможности изготовить новую партию.

— А без следящего какой смысл? — резонно возразил Эйде. — Как докажешь, что искал, а не к девкам пошел? Выбери того, что не сдохнет у тебя в руках, если разбираешься, — с этими словами он отпер ящик стола и достал из него ключ с красной лентой от шкафа.

— Да если бы, — тоскливо протянул Маттила, принимая ключ. — Знаешь, Эйде, тебе было бы не до смеха, если бы твоего товарища лишили жалования за полгода и отправили в риорданский гарнизон за погасшую прямо в руках красноглазку.

— Эх ты, деревня! У тебя не должно быть товарищей на службе, — покачал головой координатор. Заглянул в полупустую кружку и, поморщившись, отставил ее в сторону. — Слышал, Кудряшок? Захочешь дружить — бери увольнительный лист и беги к девке своей дружить. У тебя, кстати, девка-то есть, Кудряшок?

Наори нашел в папке свой лист и захлопнул ее.

— Никак нет, — сухо ответил он и вышел из дежурки. Эйде проводил его взглядом.

— Этот долго не задержится. Слишком... — он пошевелил пальцами в воздухе, подбирая слово. — Щепетильный. Навроде тебя, Фермер. Проваливай уже, не то без тебя сам-знаешь-кого отыщут, и премию без тебя пропьют.

Маттила открыл дверцы шкафа и стал поочередно вынимать длинные и узкие лакированные коробочки со сдвижными крышками, в которых лежали волшебные линзы.

— Да как же, отыщут они за пару часов сбежавшего духа под маской, — проворчал он, взвешивая в ладони ту линзу, которая показалась ему чуть симпатичнее остальных. Тяжелое стекло тускло разгорелось красным в сердцевине, отзываясь на тепло. — Слышал сказку о рыбаке, который искал остров Небывает, да так и ищет до сих пор?

— Слышал, туда отправляются те, кто много рассуждает. Ты что, деревня, веришь в призраков и сказки? — усмехнулся Эйде.

— Да уж пришлось поверить, когда в однажды темном коридоре увидел белое мертвое лицо и на нем черные глазищи, — проворчал Маттила, с содроганием вспоминая явление мстительного духа. Он тогда так и не понял, чем провинился перед Хранителями, но все в итоге обошлось благополучно. Никто не умер. Даже на ферме Матти — он с замиранием сердца ждал письмо из дома, но там тоже все было в порядке.

— Значит видел? И доложил?

— Так точно, не стану же я молчать.

— Ну вот и не спрашивай теперь, почему тебе не на пост, а в город. Теперь ты у Рагнара на особом счету. Всегда будешь ходить её искать, попомни моё слово.

— Её?

— Этот дух только по ночам злой дух, а днем это девчонка... ну, с виду безобидная, но кусается больно, — быстро раздражаясь, объяснил Эйде, но тут его внимание привлекло движение на одном из экранов, которое сменилось расплывчатым светлым пятном, а затем резко — пышным красно-черным кустом, и координатор оглянулся. — Ты что, все еще здесь? Живо дуй к старой водонапорной башне. Мимо неё идет кто-то с двадцать шестой линзой, и, полудурок этакий, так мимо и пройдет!

Глава четырнадцатая. Последствия чужих ошибок

Утро минуло и не запомнилось, будто его и не было. Терри пытался заполнить его делами, но ничего не успел. Стрелки на часах прыгали вперед, стоило хоть ненадолго отвлечься. В полдень Терри пообещал Арри, что пойдет обедать и выяснит во второй равинтоле, где живет Тармо Перту, но спустя четверть часа внезапно обнаружил, что сидит с мокрой головой на каменном бортике фонтана перед воротами. В полном одиночестве. Он и дальше бездумно следил бы за тем, как разбегается рябь по воде, но тут на бортик с легким стрекотом опустилась механическая птичка. Сложила крылья. Терри протянул ладонь. Пташка не шелохнулась, даже не повернула голову, как на ее месте поступила бы живая. Механическая птичка ничего не боялась.

— Ты что-то хочешь мне передать? — тихо спросил Терри и осторожно, боясь повредить, взял птичку в руки. Она оказалась неожиданно тяжелой и горячей. Острые коготки, лишившись опоры, мгновенно сжались и до крови оцарапали ладонь. Черные агатовые глаза смотрели прямо на Терри. В прошлый раз эта птичка принесла короткую записку от Карьяна. В этот раз к тонким лапкам из полых трубочек не был привязан листок бумаги. Зачем же в таком случае она прилетела?

— А клюв-то ты разинуть не можешь, — хмыкнул Терри, поглаживая ее большим пальцем по спинке. Под длинными тонкими пластинами, имитирующими перышки, с тихим шорохом проворачивалось медное зубчатое колесико. Клюв в самом деле был лишь грубо намечен согнутым треугольником. Неживая птица была немой. Что, впрочем, нисколько не мешало Терри с ней разговаривать.

Водилась за ним такая привычка — беседовать с изобретениями. Обычно со своими. Но птичка была до того хорошо сделана, что Терри даже стало досадно, что на этот раз в основе проекта Карьяна не лежали его наработки или хотя бы идея.

— А может, он и тебя украл у какого-нибудь наивного первокурсника с книжкой старых стихов под подушкой, м? Молчишь? Выгораживаешь ты его. Вы все его выгораживаете, — укоризненно сказал Терри, раскрывая ладонь, чтобы механическая пташка могла улететь, если ей вздумается. Ему было интересно понаблюдать, как она раскрывает слюдяные перепончатые крылышки — в прошлый раз не успел рассмотреть.

Слишком увлекся. Рядом раздался тонкий свист, и Неспящая птичка встрепенулась и вспорхнула.

— Это моя птица, — холодно проговорил Карьян за спиной Терри. — Не трогай.

— Она сама ко мне прилетела, — Терри задрал голову, провожая взглядом полет маленькой волшебной вещи. Птичка носилась кругами, как ошалевший Светляк Арри, и время от времени на ее крыльях вспыхивал ослепительный блик, усиливая сходство с летающим фонариком. — Я уж было подумал, что ты опять хочешь мне что-то предложить.

— Я второй раз не предлагаю.

Терри промолчал. Ему нравилось сидеть, подставляя плечи теплому солнцу, слушать шум падающей воды в фонтане. Ему даже птица Карьяна нравилась. Единственное, что отравляло безмятежное утро — присутствие самого Карьяна, который, казалось, родился и вырос с одной-единственной целью — преследовать Терри и учить смирению. Даже если закрыть глаза и не смотреть, все равно оставался его заносчивый холодный голос и раздражающая отрывистая манера разговаривать.

— И потом. Радек в лечебнице. Из-за тебя.

— И тебя могу отправить, — спокойно предложил Терри, лениво приоткрыв один глаз. Он не боялся пропустить удар. Карьян ни за что не напал бы первым среди бела дня, он был куда более осторожной змеей, чем его адъютанты. А сам Терри сейчас был готов разве что обмениваться угрозами, а вовсе не кулаками махать.

— Можешь попробовать, — согласился Карьян и, наконец, замолчал. Сунул в карман металлический свисток на ленте.

Механическая птичка снова опустилась на каменный бортик рядом с ладонью Терри, нахохлилась и замерла, глядя на него черными бусинами неживых глаз.

— Смотри, она опять ко мне прилетела. Я нравлюсь ей больше, чем ты, — ухмыльнулся Риамен. Он с удовольствием смотрел, как заливается краской лицо Карьяна. Прототипы обычно доставляли создателю немало неприятных сюрпризов, но не было ничего унижительнее, чем потеря опытного образца.

— Позёр, — пренебрежительно бросил лучший студент и подошел к пташке. Опустился на корточки перед ней и оказался нос к носу с Терри, сидящим на бортике фонтана. — Я могу взять и доработать любой твой проект, а вот ты никогда не справился бы с этой малышкой и вообще с Неспящими.

— Вправь сперва своей пташке мозги, чтобы отличала своих от чужих, — посоветовал уязвленный до глубины души Терри. — Вдруг я случайно сломаю её, когда она прилетит в следующий раз?

Карьяна будто кто-то ударил. Он дернулся и порывисто схватил пташку, кажется, вовсе не заботясь о том, чтобы не повредить хрупкие шарнирные сочленения.

— Не трогай, — повторил он. На этот раз его голос обжигал холодом.

Терри встал, одёрнул мятый мундир. Глянул на Карьяна исподлобья.

— Ты меня тоже не трогай, понял? И друзьям своим запрети. Иначе в следующий раз я сверну шею твоей фальшивой птичке.

— Не посмеешь! Я добьюсь, чтобы тебя стерли, если ты это сделаешь. Ломать прототипы запрещено.

Терри покачал головой. Даже не верилось, что лучший студент на курсе еще не понял, что не все изобретения одинаково важны. Уж на что Арри цеплялся за свою идею живых фонариков, но все равно понимал, что нужно заниматься разработкой совсем других вещей, если хочешь, чтобы в нынешней Академии тебя ценили.

— Арчеру есть дело только до оружия. На все остальные прототипы ему наплевать, — снисходительно объяснил Терри. Выдержал вежливую паузу, дожидаясь ответа, но Карьян молчал. И Терри ушел, сжав кулаки, чтобы не выдать, как дрожат пальцы от ярости. Ушел, чувствуя себя победителем. Паршивое какое-то было чувство, будто досыта наелся сладких фруктов с пятнами гнили.

* * *

— Пригрозил, что сломаешь карьянову пташку? — брови Арри взлетели вверх и потерялись под отросшей челкой. Он отложил ложку и во все глаза уставился на друга, который вполголоса рассказывал о разговоре у фонтана. В равинтоле было многолюдно и шумно. За каждым столиком сидели по двое-трое, и никому не приходило в голову приглушать голос — чай, не в библиотеке. Во время ужина можно было отдохнуть от

строгой дисциплины.

— Только когда он завел свою любимую песню о том, что я ни на что не годен, — сумрачно объяснил Терри. Ему есть не хотелось, и он лениво крошил кусок хлеба в нетронутый суп. — Я намекнул, что его птичка тоже особой ценности не представляет.

— Зря ты так думаешь, — покачал головой Арри. — Это же вторая успешная автома за сколько лет? Десять? Когда Неспящего перед воротами поставили, не помнишь?

— Неспящий пользу приносит. Его глаза...

— А что, если Карьян догадается дать своей пташке его глаза? — сердито перебил друг. Почему-то он смотрел не на Терри, а куда-то поверх его головы. Почти без перехода он повысил голос и весело сказал: — Привет, Вария. Поужинаешь с нами?

Девушка с подносом в руках в нерешительности остановилась возле их столика. Терри отвел глаза, внезапно заинтересовавшись причудливым рисунком напольной плитки. Арри толкнул его ногой под столом.

— Слышала, брюзга Сэтер ногу сломал? — чрезмерно жизнерадостно спросил Арри. — Я кое-как выцарапал у него проходной балл на первом курсе, а он взял и сам ногу сломал, каково а?

Вария огляделась и все-таки поставила поднос на их столик.

— Вроде ничего страшного с ним не стряслось. А вы двое опять Карьяна обсуждаете? Никак не оставите его в покое? — она бросила недовольный взгляд на Терри, но тот предпочел сделать вид, что напрочь оглох на оба уха и заработал временное косоглазие.

— Восхищаемся его Неспящей птичкой, — миролюбиво объяснил Арри. — Неспящие птички выгодно отличаются от живых тем, что не сгорают в барьере, не правда ли?

Вария только-только взяла ложку, а после этих слов с отчетливым стуком отложила ее в сторону. Уставилась на Арри тяжелым немигающим взглядом. В тени ее миндалевидные темные глаза на смуглом лице потеряли искру и выглядели неживыми.

— О чем ты? — спросил Терри, отвлекшись от созерцания растительного узора на плитке.

— До того, как ты пришел учиться, мы с Карьяном были друзьями. У нас схожая история, мы оба нацелились стать лучшими. Это, знаешь ли, сближает, — хмыкнул Арри. — Но была у Карьяна какая-то блажь, которую я так и не смог понять. Он не хотел мириться с тем, что в Академии не живут птицы. Проносил их тайком и выпускал.

Терри застыл с распотрошенным куском хлеба в руках. Воображение мигом нарисовало живописную картину, как какая-нибудь вольная коноплянка, ничего не подозревая, летит вперед и внезапно оказывается в барьере. Его ведь почти не видно, тем более глупым пташкам, привыкшим к свободе...

— Вам не понять, — дрогнувшим голосом сказала Вария. — Вы даже не можете понять, почему для него это так важно...

Арри внимательно посмотрел на нее.

— Да я, собственно, так и сказал. Я этой милой забавы так и не понял, и друзьями мы в какой-то момент быть перестали. Он ведь не одну птицу выпустил.

Подперев кулаком подбородок, Терри стал смотреть в окно. Сгущались сумерки. В темном стекле отражались светильники и двоился его задумчивый профиль. Пустой день наводил тоску. Все, чем удалось его заполнить, казалось бессмысленным, как серые голыши с пляжа. «Время вышло» — эти слова ощущались как тяжелые гири, привязанные к кандалам на ногах. Как вообще можно к чему-то стремиться, если чуть что — на тебя наденут такие и

дальше хоть с головой в барьер как карьяновы птицы!

Арри с Варией продолжали обсуждать Карьяна или проблемы с живыми птицами под смертельно опасным куполом — Терри перестал слушать после предложения создать стеклянную оранжерею.

«Пустая болтовня, — подумал он. — Под куполом слишком мало места, чтобы разводить птиц в оранжереях. Да и кому это нужно?»

Мимо равинтолы по улице шли люди в темных рабочих куртках: техники, конструкторы, энергетика, отладчики — все возвращались в свои тесные квартирки, чтобы упасть в кровать и уснуть, а назавтра опять повторить тот же путь в обратном направлении. У них тоже давно вышло время. Все сожрала основная работа и масса мелких дел вроде обязательных дежурств. Магистрам, прожившим под куполом не один год, уже недосуг было думать о птичьем пении. В лучшем случае они размышляли о том, как взять несколько медных пластин или серебряную проволоку, чтобы смастерить замену тому, чего им не хватало.

— Они все равно не смогут петь, — неожиданно для самого себя сказал Терри, отняв руку от лица. — Неспящие птицы не поют.

— Но это не значит, что они абсолютно бесполезны, — резко возразила Вария. Металлический звон в ее голосе говорил о том, что девушка уже была на взводе из-за спора с Арри. Тот, если хотел, умел вывести из себя кого угодно буквально парой уточняющих вопросов. — Ты еще увидишь, однажды его птицы будут повсюду. Может быть, не только в Академии, но за куполом. И никто не скажет, что они бесполезны, потому что не поют.

— Даже не сомневаюсь, — с рассеянной учтивостью, которая так злила Варию, отозвался Терри, глядя ей прямо в глаза. — Если наш лучший студент поставит перед собой такую цель, то наверняка заменит своими полезными Неспящими птицами живых и певчих.

— Я вовсе не это имела в виду.

— Он добивается всего, что только пожелает.

— В тебе говорит зависть.

— О нет, вовсе нет, радость моя. Это он мне завидует. Поэтому ворует у меня.

— Ты мог бы перестать носиться со своим раненым самолюбием! Оно уже не во всякую повозку влезет, до того распухло!

Терри сощурился.

— Он и на тебя глаз положил по той же причине.

— Что-о? — потрясенно выдохнула Вария. На её скулах расплылись пятна румянца.

— Мне следовало догадаться, что он захочет увести ещё и мою девушку.

— Т-ты... ты хоть соображаешь, что несешь? — разъяренно прошипела Вария, опершись ладонями о стол. Она оглянулась и, наклонившись ниже, приглушила голос до срывающегося шепота. — Я говорила с лекарем о твоих вспышках гнева, если хочешь знать! Он сказал, что тебе следует соблюдать технику безопасности при работе с кристаллами, иначе тебя скоро доставят в лечебницу в смиренной рубашке.

Терри сжал челюсти так сильно, что заныло где-то в области затылка.

— Как мило с твоей стороны, — процедил он. — Такая забота...

— Я беспокоюсь за тебя! — воскликнула Вария, и все в равинтоле повернули головы. Под любопытными взглядами Терри сгорбился, поставил локти на стол и закрыл голову руками. Все лицо горело как при лихорадке, и опять отовсюду к нему поползли гибкие черные щупальца. Во рту появился кислый металлический привкус.

— Просто уходи, Вария, — попросил он. — Ты делаешь только хуже.

— Ты сам себе делаешь хуже! И если не остановишься прямо сейчас, тебе уже нельзя будет помочь.

Терри порывисто встал, подхватил ремень сумки и накинул на плечо.

— Тогда я уйду.

Арри тоже встал, чтобы выпустить друга из-за стола, и взял свою тарелку. Поставил на поднос. Руки у него дрожали так, что ложка звенела о каемку. Девушка осталась сидеть, прижав ладони к щекам. Ее длинные ресницы склеились от слез. Арри кое-как собрал посуду, едва не опрокинув на скатерть полную тарелку нетронутого острого супа.

— Вария, если ты продолжишь помогать ему так, как сейчас это делаешь, ему конец.

* * *

Прохладный воздух на улице был даже приятен после душной равинтолы. И тишина после невнятного гомона... Правда, когда Вария начала кричать, все замолкли, но то была опасная, внимательная тишина. В такой тишине звучат слова, которые запомнят все, и станут обсуждать потом. Кроме того, в равинтоле было слишком светло. А вот на улице можно было опустить козырек фуражки пониже, позволив сумеркам скрыть лицо.

Выражение лица.

Терри улыбался. Вынужденно, вымученно, будто через силу заставлял себя, хотя на самом деле не мог прекратить. Мысленно он продолжал разговор с Варией, называл ее своей радостью, объяснял, что Карьян не сможет ее ценить, как человека, ведь ему важен только факт победы. Воображаемая Вария умела слушать и не перебивать. Ее можно было убедить. И это делало ситуацию ещё смешнее с точки зрения Терри. И тогда он улыбался ещё шире.

Но не смеялся. Засмеяться — значит впасть в истерику, а это недостойно человека, который носит родовое имя, начинающееся на благородную приставку «ри». Терри изо всех сил старался соответствовать. Как тонущий хватается за спасительный кусок плавника, так и он вцепился в воспоминания о том дне, когда его мать судили и изгнали. Ее лишили всего, но она сохранила достоинство. Терри вспомнил ее отстраненное лицо и покрасневшие глаза за темными линзами очков и запретил себе убиваться по тому, что у него отняли.

А потом его догнал Арри и зашагал рядом. Молча. Арри мог быть невыносимым и докучливым, когда открывал рот, но при этом стоило отдать ему должное — у него был талант молчать так, что это молчание не казалось гнетущим или неловким. Когда Арри умиротворяюще молчал рядом, даже если он при этом читал книгу или чертил, любые тревоги постепенно сглаживались и теряли остроту. Терри ценил это редкое качество, а временами — вот как сейчас — остро нуждался в нём.

Потом они, конечно, все-таки разговорились. Когда подошли к дому-ратуше, Терри, наконец, сообразил, что у него еще много свободного времени до дежурства в библиотеке, но при этом, увы, слишком мало для того, чтобы отправиться в свою комнату и попробовать урвать хоть пару часов сна. Арри не уходил, хотя не был обязан развлекать штрафника до девяти часов. Когда Терри прямо спросил, почему тот не «сделает ручкой» и не пойдет отдыхать, Арри удивился и возмутился:

— Оставить тебя одного в таком состоянии? А если с тобой что-то случится, почувствовать себя виноватым до конца своих дней?

Терри почувствовал, что должен ответить чем-то равноценным. В голову ничего лучше

не пришло, чем неловкое признание:

— Будь сейчас середина третьего века от явления Создателя, я назвал бы тебя оруженосцем. Сомневаюсь, что нашел бы кого-то достойнее.

Арри взлохматил пятерней чёлку.

— Это, конечно, лестно для такого, гм... *каэра*, как я. Но ты бы не обольщался, Риамен. В третьем веке от тебя бы либо отреклись сразу же, чтобы чистоту крови не портить, либо сожгли, чтобы не оскорблять Создателя.

— Как хорошо, что за минувшие семьсот лет мы оставили позади эту дикость и меня всего лишь заперли на всю жизнь в Академии, — задумчиво пробормотал Терри.

— Считай, что тебе повезло, — хохотнул Арри.

— Но король обещал свободу!

— Ну разумеется, что ещё он мог тебе посулить... А что Арчер?

Откуда-то потянул зябкий ветерок — опять где-то в куполе брешь открылась. Ночью почему-то разрывы случались чаще. Терри сунул руки в карманы и нахохлился.

— Пообещал, что сотрёт меня и ничего ему за это не будет.

— Но ты не боишься? — недоверчиво уточнил Арри.

Терри честно задумался над ответом и думал долго.

— Боюсь совершить глупую ошибку или что придется разгребать последствия чужой глупой ошибки.

— Что угодно может быть глупой ошибкой, — фыркнул Арри. — Двойной опорный контур для стабилизации поля — и тот может быть ошибкой из-за неоправданного перерасхода энергии. Вот если бы у нас была рабочая группа для расчетов, тогда другое дело...

— Или завтра за мной придут из лечебницы из-за глупого доноса Варии. Вот я о чём, понимаешь?

Арри вздохнул.

— Это вообще невозможно просчитать. Завтра или через три декады. Придут или оставят донос без внимания. Тут я не помощник, — он с виноватым видом развел руками. — Поступки людей нельзя уложить в формулы — слишком уж много переменных. С Карьяном по поводу птиц даже Арчер говорил. Дескать, не нужно так поступать. Ну как с тобой по поводу аметистов Парлас поговорила. И что ты решил? Забыть об аметистах, правильно? А Карьяна будто только раззадорили. Он упертый.

Терри мрачно кивнул. Замечание упало в подходящую почву. Он и без того нещадно корил себя за то, что отступился тогда и не проявил твердость. Всегда следует идти до конца, раз уж выбрал дорогу. Иногда достаточно всего лишь один раз свернуть с прямого пути к цели — и ты уже заблудился.

— Это тоже касается последствий глупых ошибок. Или малодушия, хотя это, кажется, одно и то же.

— Значит, все-таки хочешь вернуться к работе над аметистами? Уже не боишься, что бумажку с подписью Парлас не получишь?

— Вот уж чего я точно больше не боюсь так это бумажек с подписями, — скрипнул зубами Терри.

Они проговорили до девятого удара колокола, и только тогда Арри попрощался с другом до утра. Терри зашагал к Великой библиотеке — отрабатывать красный лист. Непрístupные стены памятника архитектуры были подсвечены снизу направленными снопами света.

Когда-то библиотека была Великим храмом в Закрытом городе. Строители проектировали его как последний оплот защиты в случае, если все остальные городские стены будут взяты приступом. Поэтому библиотека, несмотря на витражи на центральном нефе и имперские арочные порталы, производила впечатление строгое и сдержанное, как многие более ранние постройки. Предки риорцев, в начале тысячелетия загнанные войной на самый краешек материка, были людьми сугубо прагматичными и затейливой вычурности предпочитали лаконичную простоту.

А еще рядом с библиотекой росли высокие деревья с пушистыми вечнозелеными игольчатыми кронами — здесь сохранился единственный сад под куполом. Еще со времен, когда храм находился в стороне от стен Верхнего города. Всего лишь пару сотен лет назад храм окружал неглубокий ров, перед плотиной разливалось небольшое лесное озеро, и не было в полыхающем мире места безопаснее. Но Акато-Риору рос, ему требовалось все больше места. Озеро осушили, ров засыпали землей и замостили каменной брусчаткой.

Что самое удивительное все эти метаморфозы оставили свой след на Великой библиотеке. Терри с детства любил читать исторические хроники, а потому теперь, глядя на вновь спрятавшуюся от мира библиотеку, отчетливо видел её историю. Даже в мельчайших деталях, невидимых глазу равнодушного к истории родного края человека. Видел другой рисунок брусчатки и перепад высоты на месте засыпанного рва. Отличал хвойные деревья, которым было больше лет, чем всем окрестным домам. Это вдохновляло.

Терри нравилось думать, что ничего не проходит бесследно. Что за каждым камнем стоит чья-то мысль, а за ней — живой человек, которому эта мысль принадлежала. И даже если имена позабудут, что с того, если камень продолжит лежать в фундаменте чего-то столь же величественного и значимого как Великая библиотека?

Единственное, чего Терри хотел отчаянно, до боли в груди — это успеть заложить как можно больше камней в основание храма истории. Чтобы через сто, триста, даже пятьсот лет его вклад был по-прежнему заметен. Чтобы его нельзя было украсть, как нельзя украсть выложенную расходящимися светлыми и темными волнами брусчатку перед светлыми мраморными ступенями.

* * *

В библиотеке Терри выдали швабру, ведро и отправили мыть лестницы.

Глава пятнадцатая. Лекарство от лишних вопросов

— Сдайте инвентарь под роспись в журнале и можете быть свободны. Завтра чтобы без опозданий. Опоздаете на десять минут — добавлю час.

Старик-смотритель вытащил из кармана белый платок и тщательно обтер перила, над полировкой которых Риамен пыхтел целый час. Терри выпрямился, комкая в руке тряпку, щедро облитую едко пахнущим полиролем. Дотошность смотрителя выглядела издевательством, но было бы странно ожидать иного. Все-таки красный лист есть красный лист и отношение к таким штрафникам обычно соответствующее.

— Приемлемо. Ступайте.

— Вы обещали ответить на один вопрос, если останетесь довольны моей работой, господин Аната, — напомнил Терри.

— И что же вы хотели узнать, молодой человек?

Терри заранее приготовил удачную, как ему казалось, формулировку. У него было целых три часа, когда руки были заняты, а голова свободна.

— Хорошо ли вы знаете господина Тармо Перту?

Светло-синие глаза смотрителя внимательно посмотрели на Терри поверх металлической оправы узких старомодных очков.

— Гм, я полагал, что да. Но ваш внезапный вопрос поколебал мою уверенность. Вы заметили нечто подозрительное в его поведении?

Терри понял, что ему не помешал бы четвертый час на размышления о самой удачной формулировке вопроса.

— Я... — замялся он, мучительно пытаясь ухватить за хвост хоть сколько-нибудь правдоподобную версию. Но пауза затягивалась, а он так и стоял перед смотрителем, хлопая глазами. — Он...

— Он угрожал вам?

Тяжелая ладонь легла Терри на плечо. Взгляд смотрителя за стеклами очков смягчился. Он предложил найти другое место для разговора. Ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Терри подхватил ведро и швабру и потащился, куда повели, мрачно размышляя о том, почему все постоянно сводится к тому, что кто-то кому-то угрожает? Разве у запуганных людей остаются силы на научный поиск и изобретения? Когда-то газеты писали о магистрах как о самоотверженных людях, которые ушли за барьер, чтобы ничто не отвлекало их от работы. И Терри верил, ведь это выглядело очень разумно.

Но, видимо, абсолютно противоположно человеческой природе.

— Я не первый, кто спрашивает о магистре Перту? — опасно уточнил Терри после того, как избавился от швабры и ведра, оставив их в подсобке рядом с уборной комнатой и оставив свою закорючку в журнале учета инвентаря.

— Вы на удивление проницательны, молодой человек.

Они вошли в Северный читальный зал, и старик, ахнув, быстрым шагом направился к своему коллеге. Молодой брүнет в белом плаще с комфортом балансировал на стуле библиотекаря, закинув ноги на стол. Увидев, кто вошел, он дернулся, чудом избежал падения навзничь, и торопливо оправился. Терри, о котором на время все забыли, тихо засмеялся, вспомнив о подобных проделках одноклассников в королевской военной школе.

— Парриш! Что вы себе позволяете?

— Простите, господин Аната. Это случайность.

Старый смотритель трагически воздел руки к потолку, как бы призывая Хранителей с витражей полюбоваться на охламона, какого свет не видывал.

— Вы ждете, что я поверю, будто вы случайно раскачивались на стуле?

— Я уснул, господин Аната. Я всегда так сплю, — с зашкаливающим простодушием в голосе ответил Парриш и несколько раз моргнул.

Господин Аната набрал в грудь побольше воздуха, но посмотрел на честное круглое лицо Парриша и только рукой махнул. Вздохнул.

— Ступайте и вы домой, Парриш. Я сам дождусь вашего сменщика и передам ему пост. Поставьте в журнале свою подпись, а время не указывайте.

Молодой магистр просиял, вскочил на ноги и принялся стягивать свой плащ прямо здесь.

— Погодите раздеваться, Парриш, — остановил его жестом господин Аната. — Здесь вам все-таки не спальня.

Когда каблуки обрадованного досрочным завершением дежурства Парриша дробно застучали по ступеням, смотритель поманил к себе Терри. Вынул из лотка для бумаги чистый лист и протянул.

— Пишите.

Терри нерешительно взял бумагу.

— Что писать?

— Что вам сказал Тармо Перту. Все как есть, без утайки.

— Вы ждете, что я напишу донос? — нахмурился Терри. — На ментора? Он же вчера именины отмечал!

— И вы были приглашены на его личное торжество? Вы запомнили остальных гостей? — из сочувственного взгляд смотрителя вдруг стал цепким, а тон сухим и деловитым, как... как у Риттау и Карху. Терри открыл было рот, но так и не решился ничего сказать. Опустил взгляд на бумагу.

— О чем говорил Тармо Перту с гостями?

Терри положил лист на стол и отступил на шаг.

— Это недоразумение, — твердо сказал он. — Я не могу ответить на ваши вопросы, господин Аната. Я всего лишь хотел узнать, как его найти.

Господин Аната сел на стул и переплел длинные сухие пальцы. Лицо, окончательно утратив добродушное выражение, обрюзгло. Морщины стали глубже, когда смотритель досадливо поморщился.

— А с какой целью вы его ищете?

— Хотел... уточнить одну вещь, — очень медленно, давая себе время обдумать каждое слово, проговорил Терри, — касательно техники безопасности. Знаете, кристаллы могут быть...

— Опасными? — перебил смотритель. — О да. Эта тревога вполне обоснована — с учетом вашего гм... происхождения. Мой вам совет — не затягивайте, как можно скорее подайте документы на квалификацию библиотекаря. У нас в архиве вечная нехватка людей, а работать с источниками нужно всем.

— В архиве? — побледнел Терри.

— Мои бакалавры защищают дипломы блестяще, к слову. Архивное дело таит едва ли не больше научных открытий, чем круглосуточное бдение в лабораториях под облучением.

Терри обещал подумать. Опасаясь поворачиваться спиной к зрителю, полубоком спустился по ступеням, еще раз поклонился. И так же торопливо, как Парриш, зашагал прочь. Единственное, что не давало ему сорваться на бег — категорический запрет бегать в библиотеке.

* * *

Мостовая не показалась Терри такой же замечательной, когда кто-то нагнал его со спины, вцепился ладонью в плечо, рванул и выкрутил руку. В какой момент нападавший сделал подсечку, Терри даже не понял. Единственное, что он мог бы сказать наверняка — эта демонова мостовая была неровной и очень твердой. Чья-то рука крепко прижимала его голову к камням. Фуражка отлетела и маслянисто блестела черным козырьком под темным желтым светом уличного фонаря.

— Тор... дер... — с ненавистью прохрипел Терри, силясь вывернуться из захвата. Но стало только хуже: потянув сухожилие, он зашипел сквозь зубы. В мире, который едва видел сквозь пелену, и слышал сквозь звон в ушах, появилась еще и мучительная острая боль в заломленной руке.

— ...сеньш, не то хуже...

Терри затих, прислушиваясь. Нападавший говорил тихо — верная примета, что боится. И будь он не один, уже бы налетели сообщники, начали бы пинать по ребрам, по животу, по голове... Терри сглотнул. Ледяные камни выпивали растерянность из-за неожиданного нападения и милосердно забирали боль. Левая сторона лица начала неметь. Зато ушел туман в голове и вернулась способность ясно мыслить.

— Пусти, скотина, — очень четко и громко сказал Терри. — Не то заору.

— Зубы выбью, — голос был хриплый. Незнакомый.

Заломленному плечу дали свободу. Не отпустили, но дышать стало проще.

— Какого демона тебе нужно?

Ему не ответили. Заставили подняться. Терри вывернул голову, косясь через плечо, чтобы рассмотреть обидчика. Но ему тут же вlepили подзатыльник. Единственное, что он успел рассмотреть в желтом свете — рукав серой куртки.

«Не может быть!» — пронеслась паническая мысль. И следом пришло чувство, что этого нельзя было избежать. «Стертый» все-таки напал. Все этого боялись, отрицали даже малейшую возможность агрессии у людей без эмоций и вот пожалуйста...

— Мне нужно, чтобы ты не вертел головой, Риамен.

Услышав собственное имя из уст незнакомца, Терри скрипнул зубами. У него нехорошо засосало под ложечкой. Всякий раз, когда его имя оказывалось известно человеку, которого он не знал, начинались проблемы. А сейчас он даже не видел, кто напал, и не понимал, чего тот хочет. Может, отвести в укромный уголок в Храмовом саду и убить?

Обидчик подтолкнул его в спину. Терри уперся пятками в неровные камни мостовой в тщетной попытке остаться на месте.

— Я никуда не пойду, — дрогнувшим голосом предупредил он.

— Пойдешь, — обнадежил его незнакомец. Заботливо поправил правую руку, заведенную за спину. Терри мучительно выгнулся, переступил и... сделал несколько мелких шагов вперед, как того и добивался человек в серой куртке. — Я тебя три часа тут жду, крысеньш, так что ты пойдешь, никуда не денешься. И только попробуй пикнуть.

Терри задумался над его словами и действительно пошел, куда повели. Не зная куда, но даже не пытаясь сопротивляться, оборачиваться и усугублять своё незавидное положение. Но молча они шли недолго. Буквально через десяток шагов мужчина выругался и остановился. Терри затаил дыхание: испугался, что прямо сейчас в бок вонзят нож. Вместе с тем он понадеялся, что сейчас обидчик хоть ненадолго ослабит хватку и можно будет вывернуться и унести ноги.

— На кой ты вообще поперся в библиотеку, выродок? — с этими словами незнакомец вцепился пальцами в волосы Терри и оттянул назад, вынудив запрокинуть голову. — Что ты там делал с девяти до полуночи? Книжки для тебя важнее приказа?

Терри обреченно зажмурился и с трудом сглотнул, предчувствуя, как холодное лезвие вот-вот полоснет по незащитному горлу.

— Ты что, письмо не открывал? Или из памяти вылетело, что этой ночью ты обязан явиться к королю с докладом?

— Это король приказал убить меня? — пересохшими губами прошептал Терри. Сердце, которое колотилось, как сумасшедшее, вдруг пропустило удар, и все желтые фонари, которые он видел, разом выцвели до серости.

— Только если откажешься идти по своей воле, — после томительной паузы ответил мужчина. Терри почему-то сразу же передумал бежать. Скорее всего потому, что человек короля говорил с отчетливым злорадством. Еще чего доброго толкнул бы, а потом всадил нож и рассказывал бы, что посадил беглеца на перо.

— Я не отказываюсь, — торопливо зашептал Терри. — Я с самого начала пошел бы сам, если бы знал.

Мужчина выпустил Терри, да не просто разжал пальцы и отпустил, а заставил того ещё раз нырнуть носом вниз и поприветствовать лбом мостовую. Оказавшись на свободе, Терри отскочил, хватаясь за пострадавшую, едва не вывернутую из сустава кисть. Первой в глаза бросилась серая куртка с одной косой полосой на рукаве. Затем — злые темно-синие глаза на осунувшемся грязном лице. Над несвежей повязкой, перечеркивающей высокий лоб, даже в неверном фонарном свете можно было заметить крупные капли пота. Сперва Терри узнал повязку с пятном на виске. Потом вспомнил, когда видел этот злой внимательный взгляд. В пекарне. И письмо в кармане кителя появилось после дежурства.

— Я знаю, что ты пошел бы сам, — рывкнул «стертый», вытирая рукавом испарину со лба. — Но ты подставил меня, крысеныш. Подставил по-крупному. Тебе смешно, я не понял?

Агент короля принялся раздраженно сдирать с себя серую куртку. Он забыл расстегнуть паты, стягивающие рукава на запястьях. Грязно ругаясь сквозь зубы, мужчина наступил носком сапога на куртку и сильно потянул. Терри смотрел на него во все глаза. Неужели у него под курткой черный гвардейский мундир?

Оказалось, что нет. Обычная рубашка. Серая. В Академии этот цвет могли носить только рабочие. И наоборот. Рабочие могли носить только серый.

— Проклятье, — убитым голосом прокомментировал он, разглядывая грязные манжеты. Дернул за воротник, вырвав первую пуговицу, но дальше дело не пошло. Осенняя ночь была зябкой. Чтобы разгуливать в одном белье в такую ночь, требовалась не только злость, но и мужество. Мужчина подошел к Терри, с сомнением оглядел его с ног до головы, парой движений стряхнул с кителя прилипший мусор и недовольно проворчал:

— Идем уже, пока меня тут не увидели с тобой, сопляк.

Пока они пробирались темными закоулками, фальшивый «стертый» нервно поглядывал

по сторонам. Он шагал, нахохлившись, засунув руки в карманы брюк, и любой взгляд, который он бросал на Терри, был исполнен жажды крови. Каждое слово, обращенное к нему, буквально источало яд.

— Просто к сведению, выродок. На будущее, если оно у тебя будет. Нет. Ничего. Важнее. Приказа. Если король ждет тебя, значит, ты отменяешь все свои игры, уроки, девочек, что у тебя там? Отменяешь всё. В полночь ты уже! Должен быть во дворце. Усек?

— Так точно, господин, — напряженно отозвался Терри. Он тоже — чем дальше, тем чаще — оглядывался, боясь, что их застукают на пути ко всем известной «студенческой брешки». Колючий куст собачьих роз создавал помехи в силовом поле. На протяжении нескольких лет студенты упрямо наматывали на ветки медную проволоку, чтобы обезопасить собственные головы от поджаривания, когда надо будет свалить в самоволку. Конечно, все это не могло продлиться долго, ведь после защиты диплома вчерашние студенты надевали плащи зрителей, но... пока никто не тронул кустарник.

Но там могли ждать. Если агент дергался не напрасно — а Терри подозревал, что он-таки дергался не напрасно — там сейчас дежурили старшие со смирительной рубашкой в руках и терпеливо ожидали, когда беглец наберется смелости прорваться в город через широко известную в узких кругах спасительную лазейку.

Погрузившись в размышления, Риамен шагал все неохотнее, а потом все-таки остановился. «Стертый» остановился тоже, качнулся с пятки на носок.

— Какие-то проблемы, студент? — простуженным голосом поинтересовался он.

— Не стоит туда идти, — негромко ответил Терри.

«Стертый» сощурился, вглядываясь в проход между трехэтажными домами. На кирпичном фасаде, подвешенные за скобы, висели на цепях круглые чаши из закаленного стекла. От них по стенам волнами разливался и стекал живой свет. Что происходило за проемом — не было видно. Кустарник дремал прямо за проходом, почти весь утонул в чернильной темноте и только кое-где поблескивали серебряные блики на узких лапах резных листьев.

— Основания?

— Слишком тихо на улицах, — туманно отозвался Терри. Он прекрасно понимал, как это звучит со стороны, но точнее выразить, что его беспокоит, не мог. Должно быть, сказывалось переутомление. Объяснять что-либо страшно не хотелось. Терри ничуть не возражал бы, если бы агент заупрямился и дошел до брешки, если бы попался в руки охраны. Но тот либо уже остыл, либо умел отделять личную неприязнь от всего остального.

— Твои предложения?

— Разделиться. Один отвлекает внимание на себя, второй уходит.

«Стертый» задумчиво почесал повязку в том месте, где отпечаталось кровавое пятно. Терри засомневался, что там в самом деле была какая-то рана. Или, быть может, агент ножом надрез сделал и зашил, чтобы выглядело правдоподобнее? Но как в таком случае он вообще прошел через лечебницу? Как убедил лекаря, что его уже «стерли»?

— Ты обдурить меня хочешь? Расквитаться? — досадливо поморщился агент.

— Нет, я...

— Никшни, сопляк! Я свою жизнь такому обалдую ни в жизнь не доверю. Ты хоть представление имеешь, что они сделают с беглым рабочим? Чтоб ты знал: мне терять особо нечего. Если поймают — живым не дамся.

Его злое лицо, разрезанное надвое полосой резкой тени, еще больше ожесточилось,

когда он свел брови к переносице. Он сжал мощные кулаки, и серая рубашка заметно натянулась на плечах. Глубоко запавшие глаза разом выщвели до серости, — и Терри не мог бы поручиться, что это ему просто так показалось из-за неверного ночного освещения. Было в этом изменившемся взгляде, наклоне головы, голосе... что-то жуткое. Что-то, что не стоило будить.

— Может, и нет там никого, — попробовал успокоить агента Риамен и для вящей убедительности состроил насквозь фальшивую приветливую мину. — Я первый пройду, проверю.

Он оглянулся на арочный проем. Когда-то здесь был обычный проход на параллельную улицу. Сейчас прямо за ним проходила граница барьера. От едва слышного потрескивания воздуха шевелились волосы на затылке. Потяжелела и нагрелась металлическая оправа очков в нагрудном кармане.

— Отставить! Еще раз услышу, что ты предлагаешь разделиться — сам тебя на две части порву, понял? Ноги здесь оставлю, а голову с собой унесу.

— Королю это не понравится, — очень тихо возразил Терри, но, как оказалось, «стертый» прекрасно слышал. Он наклонился и задушевно прошипел на ухо:

— А я скажу, что ты идти не хотел, крысёныш, и приказ короля на причинном месте вертел. Король даже пить за упокой твоей души не станет.

Стальные пальцы впились Терри в основание шеи, и ему пришлось пригнуться.

— Пошли, будешь у меня заложником. Беглый рабочий может позволить себе крайние меры.

— Погодите, я сейчас, — заторопился Терри. Именно в тот момент, когда его назначили заложником, появилась идея, которая уже давно должна была прийти в голову, да почему-то подзадержалась в пути. Двумя пальцами он вытянул очки и надел на нос. Кирпичная кладка дома напротив раздвоилась перед глазами, а потом вспыхнула серебристой сетью. Инженеры потратили немало сил, чтобы обезопасить жилые дома рядом с барьером. Им натурально пришлось штробить стены, чтобы заложить экраны, которые сейчас ясно видел Терри.

В свете изливающей спокойное сияние проволоки растворились глубокие тени подворотни. Стал хорошо виден разбитый фонарь с вырванным кристаллом, подвешенный на цепи в центре арки. Должно быть, кому-то некомфортно было уходить в самоволку под ярким светом, и он решил эту проблему радикально. Терри осторожно, на цыпочках подошел к проему, заглянул и тут же зажмурился — ночью сияние барьера ослепляло.

А на фоне яркого света, будто вырезанный из черной бумаги, стоял силуэт.

— Ну что молчишь? Видишь что-нибудь своими стекляшками? Сколько их там? — прошипел «стертый», который не спешил подходить, а предпочитал держаться на расстоянии. Он нервничал: раскачивался с пятки на носок. То прислонялся к стене, то отходил от нее. Немудрено: экранированная стена должна была ощутимо припекать, если к ней прижиматься.

— Один.

— С одним я справлюсь. Не вздумай драпать, — сквозь зубы предупредил агент, торопливо расстегивая и подворачивая рукава серой рубашки до локтей. Смерил Терри пренебрежительным взглядом с ног до головы и посоветовал, сопроводив свои слова выразительным жестом: — Носом дыши. Носом.

Они вошли под арку. Агент подталкивал Терри в спину, а тот старательно сопел,

стараясь не думать о том, что сейчас произойдет. А тем паче — о том, что может произойти, если что-то пойдет не так. Одна беда: чем больше Терри пытался не думать об этом, тем хуже у него получалось. И он воочию видел, как его хватают и стягивают руки за спиной, потом допрашивают — почему-то в городском Управлении — и Риттау откидывается на спинку стула и лениво так говорит, что предупреждал.

Терри снял очки и убрал их в карман — если с ними что случится, к его штрафам добавят еще пятьдесят часов отработки, и тогда его имя точно войдет в анналы истории Академии. Бакалавр, заработавший сто пятьдесят часов за несколько дней — это станет абсолютным антирекордом. И это еще за Радека почему-то скостили...

— Ты опоздал, Маррет, — негромко сказал человек рядом с барьером. Контровой свет обнимал его плечи, и лица было не разглядеть.

— Мальчишка застрял в библиотеке, десятник, — хрипло откликнулся «стертый». Терри остановился в замешательстве. Его оттолкнули в сторону, чтобы не мешался под ногами. — Я караулил его три часа! Я видел, как мимо прошли магистры, которые искали меня, но ничем не выдал себя.

Пока они говорили, Терри обходил обоих по широкой дуге и подошел достаточно близко, чтобы рассмотреть человека, который караулил их. Он был одет в белый плащ смотрителя. Когда Риамен оказался достаточно близко, десятник холодно взглянул на него. Фальшивый смотритель выглядел куда лучше, чем его товарищ, переодетый в рабочего. Молодое, чисто выбритое лицо не посерело от усталости, никаких теней под глазами и в помине не было — перед ними стоял, сунув руку в глубокий карман плаща, сытый и сильный, уверенный в своей неуязвимости агент. Маррет и Риамен могли только позавидовать ему.

— Ну и кто тебе виноват, Маррет? Мне поручили найти тебя и вернуть.

Маррет шумно втянул воздух сквозь зубы и утёр рукавом лоб.

— Вернуть? Просто вернуть? — недоверчиво переспросил он.

— Да вот так просто, воин. Иди назад, сделай вид, что выпил больше пилюль, чем должен был, и заблудился, — с этими словами из-за полы плаща извлекли аптечный пузырек из темно-коричневого стекла.

Маррет нерешительно огляделся по сторонам и неохотно взял лекарство. Сжал в кулаке. Качнулся с пятки на носок и глянул на смотрителя исподлобья.

— Они же допрашивать станут. Будет лучше, если я уйду, десятник.

— А если ты уйдешь, поднимется паника. Беглый одержимый в городе — ничего себе! Белые плащи выйдут на улицы, начнут совать носы во все щели. У короля будут проблемы из-за тебя, Маррет.

— Магистры всегда молча ищут беглецов. Сколько таких уже ушло, и горожане даже не узнали, — покачал головой Маррет. Вся его бравада ушла безвозвратно. Он опустил плечи и проворачивал в пальцах бутылочку с лекарством, будто надеялся увидеть приклеенную к стеклу желтую бумажку с рецептом и печатью.

— Отставить возражения! Одно дело, когда уходит разумный. И совсем другое, когда «стёртый». Выпей это, и никто ничего не заподозрит.

Маррет ногтем большого пальца откупорил бутылочку и высыпал на ладонь пригоршню желатиновых пилюль.

— Вот столько достаточно? — хмуро спросил он, показывая старшему.

— Достаточно.

Терри молча наблюдал за происходящим. Он не подозревал, что «стертые» должны принимать какие-то пилюли. Дюжинами за раз. Глядя на то, как «рабочий» закинул в рот лекарства и начал молча жевать, Терри сглотнул поднявшийся к горлу комок.

— Идем, умник. Нечего тут стоять, — негромко сказал смотритель. Терри во все глаза смотрел на то, как Маррет опять утирает лоб от бисеринок пота и растирает шею под отложным воротником рубашки. Смотрителю пришлось подтолкнуть бакалавра, чтобы тот очнулся, и сделал несколько шагов к барьеру.

— Голову пригни, не то уши поджарятся, — предупредил человек короля и с силой надавил на макушку Терри, вынуждая его перестать выворачивать шею и следить за оставшимся позади мужчиной. Последнее, что успел разглядеть Риамен — Маррет опустил на землю и прижался затылком к прямо к экранированной стене.

Когда они вышли в город, десятник снял плащ и свернул его подкладкой наружу. Накинул на локоть и зашагал вверх по улице, к длинному ряду каменных ступеней, ведущих к площади перед Аркой, за которой начинался Верхний город. Терри догнал его. Он молчал, хотя щеки горели от стыда за то, что стал свидетелем некрасивой сцены и не посмел даже пикнуть. А мог. Мог хотя бы предупредить, что никакое лекарство нельзя принимать вот так, не считая пилюль. Оглядываться уже смысла не было — барьер остался за углом шестнадцатого дома. Но все равно тянуло оглянуться и проверить, как там Маррет — сидит ли еще?

Невыносимо было слышать в голове эхо его раздраженного простуженного голоса: «Я тебя три часа жду!»

Но еще труднее было молча следовать за десятником, который сломал всю браваду подчиненного одной ледяной фразой: «У короля будут проблемы из-за тебя». И все, Маррет больше не сопротивлялся, хотя до этого был намерен переступить через кого угодно — лишь бы вырваться из Академии. Что же заставило его сдаться? Он поверил, что дюжина пилюль снимет с него подозрения смотрителей? Что же это были за пилюли такие? Почему никто никогда не упоминал о них?

Вопросы жгли Терри язык, но он не открывал рта. Помнил, что в прошлый раз получил хлесткую отповедь и не хотел нарываться. А ведь тогда он интересовался всякими ненужными глупостями вроде теней на крыше. Должно быть, если он начнет спрашивать о том, что действительно важно, угрозами десятник не ограничится.

В конце концов, Терри понятия не имел, сколько у него таких пилюль.

Глава шестнадцатая. Книга без названия

Король Эриен читал книгу, сидя в кресле. В старомодной домашней сорочке с защипами он выглядел старше своих лет. Приглушенный свет имперской настольной лампы под темно-красным абажуром подчеркивал глубокую складку между бровей. Когда Терри вошел в кабинет и поклоном приветствовал короля, тот глянул исподлобья и сделал небрежный жест ладонью. «Входи», мол.

— Докладывайте, Риамен, — скупое обронил он и перевернул страницу. На первый взгляд, книга занимала все его внимание, но только слепец не заметил бы, что ярко-фиолетовые глаза короля не скользят по строчкам. Мрачная задумчивость превратила его бледное лицо в застывшую маску.

С легкими щелчками из стороны в сторону ходил маятник кабинетных часов. Каждый такой щелчок болезненно отдавался где-то за ушами. В какое-то из тягучих мгновений Терри сообразил, что совершенно напрасно прислушивается к ходу механизма и пытается подстроить дыхание под его ритм.

— Я сделал все, как вы велели, ваше величество. Господин Арчер получил ваше письмо и не пожелал написать ответ.

— Разве он совсем ничего не сказал? — безэмоционально спросил король. Настолько сухо, что фраза, составленная как вопрос, прозвучала как утверждение.

— Он был очень... расстроен. Я уверен, что он понял, что вы имели в виду.

Король перестал делать вид, что чтение поглотило его целиком. Светлые брови вопросительно поползли вверх, собирая складки на лбу.

— А что я имел в виду?

Терри мысленно поздравил себя с тем, что в очередной раз получилось с разбегу запрыгнуть в яму со змеями. Это кому-то другому потребовалось бы сперва примериться и рассчитать силы: стоит ли прыгать или лучше на краешке постоять. Риамен запоздало понял, что король мог воспринять его слова как неслыханную дерзость. От того, кому поручили всего лишь отдать письмо, не ждут собственных интерпретаций.

С тихим шипением подтянулись пружинки в часах. Они готовились бить час ночи.

Было бы невежливо говорить, пока часы не замолчат. Так, под мелодичный перезвон молоточков, бьющих по медным пластинам, Терри выгадал немного времени, чтобы обдумать ответ и выбрать слова. Повезло.

— Чернила растеклись из-за сломанной печати, и ничего нельзя было прочесть. Господин Арчер потребовал от меня пояснений. Я сказал ему, что вы недовольны поставками в обход закона, ваше величество.

Король слушал и благосклонно кивал. В уголках его губ затаилась тень легкой улыбки. Терри, зорко наблюдавший за изменчивым лицом монарха, приободрился. В этот момент в сознании вдруг что-то щелкнуло и вспомнилась странная риорская поговорка про горца, попавшего в яму со змеями. Мол, настоящий горец даже в такой безвыходной ситуации устроит развеселую пирушку. Только сейчас Терри наконец понял смысл этой поговорки.

И решил побыть настоящим горцем хоть какое-то время.

— Академия не имеет права продавать магические вещи, не указанные в списке разрешенных к вывозу за границу. Тем более те, что еще не прошли проверки и сертификацию. Это даже не контрабанда, это измена, — к концу длинной речи у Терри

пересохло во рту, и он потерял голос. — С учетом потенциального вреда национальной без...

«Опасности» Терри произнес совсем беззвучно, потому что, вопреки надеждам, на лицо короля легла тень недовольства. И каждое следующее слово заставляло эту тень расти.

— Не так уж сложно, верно? — вкрадчиво поинтересовался Эриен и захлопнул книгу.

— Простите?

Увесистый том с грохотом обрушился на журнальный столик рядом с креслом. Удивительно, как не надломилась ножка и не треснула столешница.

— Доложить своему королю о выполнении приказа! Это не слишком затруднило вас, Риамен?

Терри невольно отступил на полшага.

— Я...

Король досадливо поморщился и покачал головой. Жестом велел прикусить язык и не перебивать.

— Что? Вы были слиш-шком заняты? — после раздраженного окрика и удара книгой о стол он вновь понизил голос, но теперь в его тоне появились опасные шелестящие нотки. С таким звуком ползет под ногами галька, если неосторожно наступить на горную осыпь. Услышишь — и в груди холодеет. — Вы забыли о том, что я вам поручил? Вы тянули до последней минуты и даже сверх того... Не спешите меня разочаровывать, Риамен. Вспомните, что вы мне обещали в нашу прошлую встречу. И что обещал вам я.

— Прошу прощения, — низко поклонился Терри. С языка рвалось по-детски наивное обещание, что этого больше не повторится, но вслух такое произносить было стыдно и страшно. Горло перехватывало при одной только мысли, что «это» все-таки повторится. Повторится не по его вине. И тогда ему придется отвечать за поспешные пустые обещания. Рано или поздно. Будет еще одна холодная ночь, темная арка и беспощадный взгляд десятника. Он скажет: «Ты опоздал, Риамен» — и что тогда?

И что тогда?

Короткий вопрос без ответа сулил неотвратимую гибель, подобно летящему прямо в темечко кирпичу. Но Терри был слишком осторожен и привык ходить с оглядкой на опасные крыши. Он искал другие слова. И нашел!

— Я буду присылать отчеты вовремя, ваше величество. Впредь вам не придется ждать, даю вам слово, — произнес Терри настолько твердо, насколько мог. По крайней мере, ему хотелось думать, что эти слова прозвучали именно так. В ушах все равно шумела кровь, так что он очень хорошо слышал только стук собственного сердца и гулкое эхо в пустой и горячей голове. «Сейчас бы выпить хоть стакан воды и все будет в порядке», — пронеслась мысль. Терри оттянул воротник рубашки и сглотнул.

Король смотрел на него снизу вверх так пристально, что Терри стало не по себе. Только когда на лице монарха появилась добродушная улыбка, Терри смог заставить себя выдохнуть.

Эриен хлопнул себя по коленям и порывисто встал, заставив «племянника» отшатнуться от неожиданности.

— Любезный друг мой, что же ты шарахаешься? Разве я тебя бил? — причудливо смешивая высокую и уличную лексику, проникновенно спросил Эриен, положив ладонь ему на плечо. И сжал пальцы, скорее обозначив намерение дружески встряхнуть и, возможно, отрезвить. Надавил, вынуждая занять его место в кресле, и тут же с обезоруживающей

откровенностью объяснил: — Не выношу смотреть на подданных снизу вверх. Лучше уж наоборот, как считаешь?

Король подмигнул, и Терри сам не заметил, в какой момент заулыбался в ответ и расслабился. Кресло, в котором он сидел, было очень удобным: в меру мягким и жестким, чтобы дать отдых ноющей спине и натруженным ногам.

— Ты относишься к той редкой породе верных людей, которых я ценю превыше всего, племянник, — глубокомысленно изрек король и отправился к письменному столу за обитым бархатом стулом. По-свойски притащил его, волоча ножки по шерстяному амиратскому ковру, и установил напротив Терри. Тот смотрел во все глаза и уже не мог удивляться тому, насколько мало он, оказывается, знает о королевской повседневности, скрытой за дверьми Белого дворца. Ему казалось странным и одновременно таким естественным, что король ведет себя как обычный мужчина средних лет, и рядом с ним нет никого, кто носил бы для него стулья. Эриен сел, непринужденно закинул ногу на ногу и продолжил: — Ты очень хорошо понимаешь, чего от тебя ждут, и умеешь делать правильные выводы. Не позволяй никому встать между нами, и я обещаю, что достойно вознагражу за преданную службу. А теперь я хочу узнать, чем Арчер угрожал тебе.

Терри стусевался. С одной стороны, правила Академии запрещали говорить о том, кто такие «стертые», и потому так просто в двух словах и не объяснишь, чем именно угрожал Великий магистр, а с другой — человек короля, Маррет, носил серую куртку. Уж наверняка король в общих чертах представлял, какую роль должен будет играть его агент... агенты? Терри вдруг подумал, что не знает, сколько среди стертых может быть таких, как Маррет. Может статься, что и все до единого. Что, если «стертых» придумали королевские гвардейцы, чтобы в любой момент взрослый сильный мужчина из города мог попасть в Академию, изобразив симптомы помешательства? Потому что... почему в таком случае среди рабочих не было ни одной женщины или ребенка?

— Ваше величество... Верховному магистру решительно нечем мне угрожать. Даже если он решит привести угрозу в исполнение, я окажусь среди ваших гвардейцев. В безопасности, — прозревая, ответил Терри. На душе стало легко-легко, когда разрозненные части сложной мозаики вдруг собрались воедино. И если раньше какие-то опасения еще скреблись в дальнем уголке, а случившееся с Марретом подточило его веру в защиту, то сейчас в его голове будто светляк вспыхнул и в одно мгновение стер все тени.

Эриен ослепительно улыбнулся и подмигнул еще раз.

— Рад, что ты правильно все понимаешь.

Терри, вдохновленный своим озарением, дышал глубоко и ровно. Как же он не замечал раньше, что постоянный навязчивый страх перед серой курткой сдавливал ребра и мешал думать? А теперь он ушел, чтобы никогда больше не вернуться, и на его место пришли рабочие идеи, одна лучше другой. Например, он вдруг понял, как научить механических птиц вылетать из-под купола. А если они этому научатся, то можно будет доставлять отчеты во дворец, не выходя из комнаты и не подвергая себя риску.

— На этом вступительную разъяснительную часть сегодняшней встречи предлагаю завершить и перейти к постановке новых рабочих задач, — с этими словами Эриен взял со столика книгу, которую читал, и протянул её Терри.

На красной обложке не было названия. И вообще она была какая-то подозрительно новая, будто только что из переплетной мастерской. Терри открыл корочку. Форзац легонько хрустнул. Чуткий нос, доставшийся в наследство от матери, с легкостью уловил

тончайший малоприятный запах растительного клея. На титульной странице обнаружилось название: «Исторические очерки о природе красного камня». Терри хорошо знал эту книгу и ее автора, Элмери-странника. На первом курсе именно на основе его заметок менторы знакомят неофитов с потенциалом удивительной разновидности горного хрусталя.

— Первый печатный лист можешь пропустить, — скучающим тоном прокомментировал король. — Отвод от любопытных глаз. Но разумеется, это не значит, что книгу можно свободно оставлять на виду и давать в чужие руки.

Терри ногтем отделил от корешка печатный лист — это вышло примерно тридцать книжных страниц — и открыл книгу еще раз. Рассказ о залегающей под Акато-Риору красной жиле и штольнях в горах оборвался на полуслове, а за ним последовал сложный текст, написанный устаревшим поэтическим стилем, сквозь который даже привычный к старинным книгам Терри продирался с трудом.

— Это твоё домашнее задание и учебное пособие, — сухо вато предупредил все вопросы Эриен. Он задумался о чем-то, очевидно, неприятном, и озабоченно нахмурился. Спустя полминуты тягостной тишины король глянул на Терри сквозь хитрый прищур. — Хочешь чай или чего покрепче?

— Ча...чай, если позволите, — Терри оказался не готов принять на веру, что король не только стулья таскать умеет, но еще и чай заварит для сына изменницы, которого минуту назад распекал за допущенную ошибку.

Эриен пожал плечами.

— Чая нет. Только что покрепче, — хохотнул он, чрезвычайно довольный своей до изумления простецкой шуткой. — Учти, что однажды за отказ пить с королем один из советников угодил в подвал Управления.

Король встал и отправился изучать недра шкафа, где, вероятно, хранились архивы. А может быть и не только архивы, потому что уже через минуту в руках монарха слабо звякнули бокалы. В это время Терри украдкой оглянулся на часы. Стрелки неумолимо сокращали ночь, и ему оставалось все меньше времени на сон перед следующим столь же трудным днем, как предыдущие. Зоркий Эриен, разумеется, заметил этот тоскливый взгляд.

— Ты никуда не пойдешь, пока я не разрешу, Риамен, — жестко сказал он. А потом, смягчившись, пояснил: — Даже если ты не успеешь до утра вернуться, Арчер не посмеет тебя и пальцем тронуть. Кто он против меня? Всего лишь очередной ректор очередной школы, которую содержит корона, между прочим! — он со значением поднял указательный палец.

— Я весь в вашем распоряжении, ваше величество, — протокольно вздохнул Терри. Он опустил глаза на страницу книги, пытаясь мельком выхватить хоть намек, о чем она. Ведь недаром же ей сделали новый переплет и спрятали подлинное содержание за тридцатью страницами полу-художественных очерков о самых первых «чудесах», на которые оказались способны красные кристаллы даже в руках неподготовленных рудознатцев и охотников за драгоценными камнями.

— И я это ценю, племянник. Амбиции истают, как дым, любовь пройдет рано или поздно, а верность — единственное, что окупается несмотря ни на что. Если ее сохранить, разумеется, — с натугой проворачивая винтовой штопор, рассуждал король.

Пробка с коротким, но пронзительным скрипом вышла из узкого горлышка. Эриен поставил хрустальные бокалы на столик и налил вина из бутылки без этикетки. Терри, наконец, обратил внимание на эту странность. Почему-то все предметы в королевском

кабинете, на какие ни падал взгляд, оказывались безмянными. Книга без заглавия. Вино без торговой марки. Даже на часах, которые — Терри был в этом уверен — сделал сам господин Канерва, не стоял знак авторства. С другой стороны, правильно ли ожидать, что королю поставляют ровно то же самое, что стоит на витрине в магазине и что может купить любой риорец? Может, он нарочно покупает уникальное, безмянное. То, что существует в единственном экземпляре и может принадлежать только королю? Безмянное значит бесценное?

В глубокой задумчивости Терри пригубил вино. Его ягодный запах оказался гораздо приятнее, чем терпкий насыщенный вкус, от которого по коже пробежали мурашки, а брови сами собой поползли вверх. Впрочем, выдать свое неумение оценить королевское угощение по достоинству — значило потерять уважение монарха, и Риамен состроил гримасу восхищения. И только долгое, постепенно раскрывающееся послевкусие, почти примирило его с этим вином.

— Скажу прямо: я надеюсь, что скоро ты займешь свое законное место подле меня как ближайший родич мой среди магистров. Королевский советник по вопросам магического регулирования, как тебе такая идея, а, Риамен?

Терри не сумел выдержать пронзительный взгляд ярких глаз монарха и опустил голову, рассматривая перламутровый блеск драгоценного вина в бокале.

— Королевский суд лишил меня права занимать такие высокие должности, ваше величество, — выдавил он, и только потом, спохватившись, поблагодарил за доверие и оказанную честь. Хотя какой в этом смысл, если все равно...

— А мы с тобой докажем, что ты достоин этого места, как никто другой. Акато-Риору больше не может позволить себе содержать независимую Академию, вся руководящая верхушка которой давно и преданно служит интересам соседней империи вместо того, чтобы думать о благополучии родного города. Запросы Академии растут год от года. Магистры хотят сытно и разнообразно есть. Им требуется питьевая вода, очень много воды, если хочешь знать. Корона постоянно вынуждена поставлять Академии продовольствие. Цены растут, народ нищает. Корона терпит убытки. И ради чего? Скажи мне, Риамен, ты знаешь, чем в это время занимается Арчер?

Терри вздохнул. Конечно же, он знал. Все знали, кто давал себе труд хоть немного подумать. И правда эта висела в воздухе, отражалась в изломанных черно-белых линиях на плакатах и совсем уж громко кричала алыми трафаретными буквами на агитках. У правды этой было две стороны, как у серебряного риена. «В Академии нет ничего твоего», — однажды в полночь высокомерно процедил Карьян — это был реверс. «Арчеру есть дело только до оружия, а на остальное ему плевать», — в полдень другого дня объяснил лучшему студенту Терри. И это был аверс.

Вряд ли король не знал то, о чем знали все магистры. Значит, этот вопрос — лишь проверка на честность. Терри подумал и осторожно проговорил, набрав в грудь побольше воздуха, как перед нырком в холодную воду:

— Верховный магистр... называет вас опьяненным властью безумцем, ваше величество. Вот уже три года одобряют лишь те проекты, которые можно использовать в оборонных целях. Даже печать...

— За печать он мне отдельно ответит, — миролюбиво отозвался Эриен и одним глотком осушил свой бокал. — И о том, кто у нас самый безумный безумец, тоже потом подробнее поговорим.

От вина ли, а может от того, в какое безнадежное болото завела беседа, Терри стало не по себе. Он вроде душой не кривил и сам ничего не придумал, но ощущение было такое, будто сейчас он подал королю на подпись смертный приговор. Утешало только одно: в графе "обвиняемый", вроде, стоял прочерк. До поры до времени.

— Ваше величество... Боюсь, что все дело в барьере. Надо сломать эту стену, позволить магистрам заводить семью, и тогда...

— Ты ведь знаешь, почему возник барьер? — перебил Эриен, доливая в бокалы вино.

— В целях безопасности, ваше величество. Семьдесят лет назад люди опасались, что любая ошибка при расщеплении потока может вызывать взрыв, который уничтожит Акато-Риору, — четко, как на экзамене, выпалил Терри. Сделал новый большой глоток без напоминаний — на сей раз с предвкушением того удовольствия, которое обещало богатое послевкусие. Вино все-таки было отменным. Таким не угощают провинившихся, это нонсенс. Наверняка одна бутылка стоила столько же, сколько и год обучения в Академии. А может и больше.

— Вот как. Значит, вам рассказывают, что барьер создали магистры? — тонко улыбнулся Эриен.

— А разве нет?

— И что же в таком случае им мешает сделать новый — надежнее и больше? — прищурился король. — Думаешь, я мог бы что-то противопоставить Арчеру, если бы он вздумал оттяпать себе при помощи убийственной стены горячего воздуха еще один квартал или три?

— Никаких запасов энергии не хватит, ваше величество, — покачал головой Терри, на мгновение увлекшись прекрасной картиной будущего, когда весь Акато-Риору вдруг оказался под защитой сияющего купола. — Даже сейчас почти все уходит на поддержание барьера, а вот если бы его не было, то у нас...

— Его создал мой отец, — спокойно продолжил король. Он, казалось, даже не услышал возражения. — Когда его вынудили подписать соглашение о невмешательстве в дела Академии. Он говорил, что если что-то сложно прогнозировать, значит это нужно контролировать. Другого способа обезопасить себя от чужих ошибок нет.

Упоминание о чужих ошибках напомнило Терри о том, что Вария рассказала кому-то из старших о его вспышках гнева. Невозможно было поверить, что она не подумала заранее о том, чем это может обернуться для бакалавра, схлопотавшего два красных листа в кратчайшие сроки. Как же вовремя Терри узнал о том, что среди рабочих и, как следствие, в лечебнице работают люди короля! Иначе извелся бы от страха перед неминуемой проверкой Специальной комиссии.

Если бы он только знал, как контролировать Варию и ее «благие побуждения»!

— Так жаль, что с людьми это не работает! — Вино оказало свое магическое воздействие на Терри — и ему захотелось рассказать королю о том, что его беспокоит. Быть может, он не просто так то и дело зовет племянником, хотя родство между ними отнюдь не столь прямое. Но вдруг его величество поможет? Хотя бы подскажет, как поступить?

— Именно с людьми это и работает. Только люди допускают ошибки, — мягко сказал Эриен после долгой паузы. — Например, тысячу лет назад наши предки завалили камнями источники знаний, а теперь мы ходим по пустыне и ищем их, как потерянную воду, — с лозой. Насколько сильнее стали бы мы, вернув забытую магию?

— Запретную магию? — прошептал Терри, разом потеряв голос от волнения.

Король взял книгу в красной обложке без заглавия и быстро пролистал до иллюстрации, изображающей незнакомую Терри круговую схему. Впрочем, бакалавр почти сразу догадался, что похожие на буквы неизвестного алфавита символы над радиальными интервалами означают узлы стабилизации потока. Будто он видел что-то подобное во сне, и в том сне прекрасно знал, как этим пользоваться, а сейчас забыл...

— Но не все забыто. Мой отец научил сперва моего брата, а потом, когда Энре не стало... после этого он передал знание мне. Не будь этой книги, наша династия не удержалась бы на троне целых десять веков, а от Акато-Риору остался бы только Белый дворец посреди леса, — Эриен помолчал, подняв взгляд на картину на стене, изображающую белый маяк посреди бушующего моря. — А теперь я хочу доверить это знание тебе, Терри Риамен.

Стоило найти какие-то подходящие слова, но Терри не знал, что сказать. Может, король ждал, что он упадет на колени? Но ведь еще на первой встрече он попросил обходиться без церемоний.

— Я мог бы подождать и проверить тебя еще раз и еще много раз, — с какой-то обезоруживающей горечью промолвил король. — Но жизнь преподала мне жестокий урок. Тот, кто ждет, пропускает ход за ходом и теряет самое ценное, что есть в любой партии: инициативу. Ты даже не в силах представить себе, племянник, как много я уже проиграл, когда решил выждать несколько лет, ничего не предпринимая.

— Это касается Академии?

— Это касается всего! — резко возразил Эриен. А потом, будто извиняясь, стал объяснять, помогая себе нервной жестикуляцией: — Мои заботы не ограничиваются наглостью Арчера, в этом все дело. Эта книга передавалась от отца к сыну, и всегда по линии престолонаследия, но у короля слишком мало времени, чтобы разобраться еще и с этим. Моя дочь пока слишком юна и невинна, а единственного сына я потерял... Поэтому я вручаю эту книгу тебе, племянник. Ты магистр, у тебя есть возможность без остатка посвятить дни и годы тому, чтобы вернуть утраченную магию. Лаборатории, древняя библиотека, сколько угодно красных кристаллов — у тебя есть все то, чего нет даже у меня. Взамен я прошу о сущей малости: береги эту книгу больше жизни.

Терри, не задумываясь, кивнул, а потом осознал, о чем его попросили, и пришел в ужас. Он прикинул, где будет хранить книгу, и не нашел ни единого по-настоящему безопасного места.

— Но ваше величество! Мне в Академии не принадлежит ничего! Они отберут книгу, и тогда...

— Тогда уничтожь ее. Если ты трус, можешь уничтожить ее прямо сейчас. И уходи.

Вопреки приказу, Терри крепко прижал книгу к груди. Уничтожить величайшее сокровище, какое только оказывалось в его руках? Прямо сейчас, когда опасности еще нет? Он затравленно огляделся, пытаясь найти хоть что-то, что помогло бы ему найти выход. Найти ответ, как можно оставить книгу себе и не бояться за ее сохранность.

— Я даю тебе книгу, потому что мне нужна твоя помощь, а не для того, чтобы бросить все и пойти защищать тебя от Арчера, — ледяным, колючим голосом сказал король, неприязненно глядя на Терри. — Ты не ребенок. Когда я оказался в такой же ситуации, мне пришлось учиться скрывать свои занятия. И моему отцу до меня. И его отцу. Моего брата Энре начали учить в четырнадцать, неужели ты в свои двадцать лет глупее него?

— Виноват, ваше величество!

Терри думал о том, что с этой книгой исполнится его мечта войти в историю. Быть может, даже с родовым наследием при помощи нее удастся справиться — с «белым огнем», который он только-только научил поджигать тонкую газетную бумагу. Или... предложит Арчеру решение проблемы регулярных прорывов в куполе, на оперативное «латание» которых уходит просто прорва энергии!

— Здесь и про барьер есть? Про то, как его создать?

— Это одна из причин, почему эта книга не должна попасть к Арчеру, — проворчал король. — Барьер создать гораздо проще, чем смять его без риска взорвать тут все и отправить полгорода к Владетелю в бездну. Поэтому воздушный купол мы с тобой будем снимать медленно и осторожно.

— Мы будем снимать купол? — не смея надеяться, но разом поверив, что так и будет, осторожно переспросил Терри.

— Да. Так уж вышло, что мне приходится отменять все, что успел сделать мой отец, — криво улыбнулся Эриен. — А я скажу тебе, дорогой родич, ровным счетом ничего он не сумел сделать так, как должно. Все его правление — сплошные популистские временные меры, а мне приходится платить по счетам. С процентами.

Терри опустил взгляд.

— Я понимаю, — тихо сказал он, вспоминая равнодушное бледное лицо матери.

Эриен помолчал, глядя на него, а потом кивнул.

— Да, племянник. Ты меня понимаешь.

Интермедия. Эсстель Тамина Риору

Утро началось слишком рано. До рассвета оставалось несколько часов, а принцесса уже не спала. Она ощущала себя больной и разбитой и непонятно, что послужило тому причиной — липкий кошмар, от которого было так сложно пробудиться, поселившаяся в затылке тупая тяжесть надвигающейся простуды или утомительная противоестественная связь с существом, которое король призвал из Бездны. Сказал, что для защиты, но Эсстель знала истинную причину — отец не верил в нее и в любой момент был готов заменить послушной марионеткой. Потому и прятал ее от глаз посторонних, запрещал даже словом упоминать.

Да и как сказать, если существо привязано к миру при помощи уз запретной магии крови? Кому можно довериться? У кого попросит помощи?

За столько лет можно было бы и привыкнуть к тому, что временами принцессу с головой окунало в чужую темную душу. Конечно, если представить на минутку, что у призванного существа могла быть собственная искра творения. С чего бы, интересно? Эсстель не сумела принять эту связь как должное, и потому сейчас лежала без сна, чувствуя себя прескверно. Обрывки неясных видений о том, как отец обманул очередного просителя, умирающего от изнуряющего кашля, причудливо преломлялись и постепенно истаивали. Потом будто бы оказалось, что отец обманывал и дочь тоже — словно он нарочно спровоцировал эпидемию в городе, чтобы все недовольные его правлением люди умерли в муках, и даже Эсстель. А отец приходил к ее постели и молча смотрел, как она задыхается.

Эсстель спустила босые ноги с кровати и протянула руку за теплой шалью. В опочивальне было зябко — от высокого окна сквозило. Легкая полупрозрачная вуаль беспокойно подметала пол — горничные снова забыли задернуть тяжелые ночные портьеры. Скорее всего их забывчивость объяснялась тем, что принцесса возвращалась в опочивальню намного позже того момента, когда они отправлялись спать. Принцесса Эсстель допоздна задерживалась в учебной комнате, которую гордо именовала своим кабинетом и часами разглядывала карты, представляя, как однажды станет королевой и отправится путешествовать по своей стране и за ее пределами. Король любил повторять, что призванное им существо привязано к стенам дворца и не сможет долго жить вдали от них. Эсстель слушала отца и мечтала оказаться как можно дальше от анфилад, в которых по ночам бродит ее злой, темный двойник с рисунком черного ядовитого плюща на белом лице.

От одного только воспоминания мороз по коже!

Эсстель укуталась в пушистую вязаную шаль. Нашарила рядом с кроватью удобные ночные туфли. Встала и прошла по комнате из одного угла в другой, по широкой дуге огибая туалетный столик и зеркало. Включила высокую напольную лампу под сатиновым абажуром. Сама лампа была имперской, а ткань абажура разрисовали риорские художники — по личной просьбе принцессы населили бледно-голубой купол летящими птицами. Эсстель провела пальцем по тонкой журавлиной шее до красного хохолка и отвернулась. Подошла к окну, будто могла разглядеть в темной осенней ночи источник выматывающей головной боли, причину своих дурных снов и страхов. Но стекло отразило лишь половину ее бледного лица — с той стороны, которая была освещена лампой.

Принцесса поспешно рванула витой шнур и сдвинула вместе ночные шторы.

В такие моменты она особенно остро чувствовала свою уязвимость. Связывающая магия крови забирала у нее спокойный сон, здоровье и силы, и ради чего? Чтобы ее тень с маской

смерти на лице шлялась по коридорам и временами сбегала в город? Даже у принцессы не было такого права: свободно выходить из дворца. Только под конвоем, только с разрешения. А меж тем она чувствовала... тем особым противоестественным чутьем, что ее двойник сейчас где-то в городе. Для чего? Отец послал ее убить кого-то? Что-то украсть?

Стараясь отвлечься от дел, которые не имеют к ней отношения, Эстель взяла какую-то книгу с полки и вместе с ней устроилась в кресле под лампой. Но с тем же успехом она могла бы попытаться «прочитать» цветочную вязь на ночных шторах, к которым все равно постоянно возвращался ее взгляд. Бессмысленно перелистывая страницу за страницей, Эстель не столько скользила глазами по строчкам сколько размышляла, как поступит отец, если однажды ее двойника поймают на месте преступления. Как бы он ни старался запереть дочь, все равно год от года все больше людей могли похвалиться, что удостоились чести встретиться с принцессой и беседовать — неужели они не могли встретить на улице девчонку с белой косой, заговорить с ней и заподозрить сходство внешности и голоса?

За этими думами, из которых то и дело норовили вырасти запутанные многоходовые планы, пролетели оставшиеся до завтрака часы. В дверь постучали. Эстель отложила книгу, так и не запомнив, о чем она. Голова разболелась пуще прежнего, в таком состоянии ей следовало бы попросить горничную позвать лекаря, но это приведет лишь к тому, что она окажется заперта в одиночестве еще как минимум на один день. Наедине со своей болью и страхами.

Горничная вошла, поклонилась и представилась. Эстель только вздохнула, в очередной раз увидев незнакомое лицо. Почему-то отец больше доверял новым людям, чем проверенным. Будто человек, прослуживший короне дольше нескольких декад или лет с большей вероятностью предаст, чем недавно нанятый незнакомец! Будто вероятность измены только растет с годами беспорочной службы...

— Мне следует накрыть стол к завтраку в вашей опочивальне, ваше высочество? — неловко кланяясь, выдавила горничная. На вид ей было немногим больше, чем принцессе. Эстель подумала, что надо говорить дружелюбно, но не смогла совладать с лицом и голосом.

— Нет, не нужно, — излишне поспешно ответила она и сама удивилась насколько жестко прозвучали ее слова. — Ничего не нужно, девушка. Вы свободны.

На щеках горничной вспыхнул румянец, она еще раз — наверное в третий за считанные минуты! — поклонилась и поспешила покинуть опочивальню принцессы. И только после того, как захлопнулась дверь, Эстель сообразила, что только что испортила о себе первое впечатление. Давно такого не случалось. Обычно ей хватало выдержки улыбаться незнакомым людям и говорить с ними ласково, располагая к себе, а тут неосторожно показала новенькой ту сторону, которую от посторонних обычно прячут.

Ну что же теперь делать? Не бежать же за девушкой, чтобы обезоруживающе улыбнуться и предложить отведать чаю! Эстель в известном смысле оказалась в затруднительном положении, поскольку приличная одежда принцессы всегда многослойная — и традиционная, и несколько облегченные современные аналоги. Она, как могла, сама оделась, выбрав среди платьев такое, что хотя бы застегивалось спереди. Причесалась и, помедлив, разделила густые волосы пальцами на три пряди, чтобы заплести косу. Все равно это лучшее, что она может сделать с собственными волосами без помощи горничных. И эта прическа как нельзя кстати подходила по случаю к тому разговору, на который она надеялась вызвать отца.

Она хотела показать, насколько сильно призванный двойник влияет на нее.

Впрочем, разговору этому если и было суждено состояться, то не в тот день, когда Эсстель впервые заплела косу в знак протеста. Вместо завтрака она направилась прямо к кабинету отца, рассчитывая застать его за работой. Ведь не просто так напротив его двери дежурил один из его гвардейцев. Хотя вернее было бы сказать, что несчастный гвардеец спал сидя на узком диванчике для ожидающих, уткнувшись лбом в сцепленные в замок пальцы.

Поколебавшись, Эсстель легонько дотронулась до его плеча.

— Его величество у себя? — вполголоса спросила она.

Встрепенувшись, гвардеец уставился на принцессу как на говорящую птицу Фейсу из сказки. Эсстель под его пристальным недоверчивым взглядом засомневалась, что ей удалось справиться с завязками верхнего платья. Показалось, что широкий пояс на груди завязан не просто неправильно, а даже вульгарно.

— Его величество велел не беспокоить, — наконец хрипло выдавил гвардеец. — Мне жаль, принцесса.

Эсстель посмотрела на двери кабинета, жалея, что не умеет просвечивать взглядом стену насквозь, как ее древние предки.

— Он там... не один? — только эта причина казалась достаточно веской, чтобы уйти даже не согласовав аудиенцию у отца. — А секретаря вы тоже отослали прочь?

Тяжелый взгляд стал ей ответом.

— Да, ваше высочество.

— Досадно, — вздохнула Эсстель. Она помедлила под испытующим взглядом гвардейца. Сперва в голову пришла довольно дурацкая идея подождать под дверью, но какой же смысл ждать, если король не спал ночь — его либо надо будет караулить до самого обеда, либо он выйдет в таком настроении, что лучше и не попадаться ему под руку, не то что заводить разговоры на опасную тему.

Но стоило ей сделать пару шагов к лестнице, как дверь отворилась.

Эсстель обернулась и увидела того, кого она меньше всего ожидала увидеть во дворце.

Магистра. Сына Лассель Риамен.

Глава семнадцатая. Завтрак для королевского агента

Тот королевский завтрак Терри запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Потом он раз за разом прокручивал в памяти прозвучавшие реплики, и пытался придумать более достойные ответы. Вспоминал, как мрачнел король, как благодушные сменялось жестоким блеском в темнеющих от гнева глазах и продолжал искать — уже без всякой пользы — другие слова. Более взвешенные. Осторожные.

Но прозвучавшее слово не засунешь в мешок и не запрешь под замок. Все случилось как случилось.

С другой стороны, а что если вины Терри никакой и не было, а истинная причина крылась в том, что король разговаривал со своими демонами, на них и ярился? Или, быть может, все это произошло из-за появления принцессы?

Король с явным неудовольствием встретил дочь после бессонной ночи, заполненной путаными разговорами о загадках древней магии и бессвязными, зато очень эмоциональными рассказами о дерзком поведении Арчера. Верховный магистр, как оказалось, так или иначе саботировал решительно все проекты короны — по рассказам короля выходило, что он вовсе не контролирует Академию, которую ему приходится содержать. Терри считал, что король сгущает краски. Не может быть, что Арчер не боялся короля. Боялся. Он сам видел.

Если бы Арчер не боялся короля, Терри уже стерли бы за опасное поведение. Сложно ли раскусить человека, который начал соскальзывать в припадки затмевающей разум ненависти? Не вчера, так завтра, не по наущению Карьяна, так из-за неловкой помощи Вари...

Но Арчер боялся, и потому Терри до сих пор не выдали серую куртку.

От тяжелых разговоров и мрачных мыслей у Терри к рассвету голова буквально гудела, и он инстинктивно берег ее, чтобы не раскололась от неосторожного движения. Он мечтал только о том, чтобы ему позволили заползти в тихий темный угол и оставили в покое, но стоило увидеть принцессу, как сон будто рукой сняло.

Он сразу узнал ее. Но при этом ему показалось, что он никогда ее прежде не видел. Когда они встретились на каком-то ничего не значащем приеме в последний раз, пять лет назад, она была легко краснеющей девочкой с россыпью серебристых локонов, а он будущим гвардейцем в мундире военной школы. Между ними была пропасть в целых пять лет, в которую можно было уложить жизнь — так казалось. А теперь... той пропасти и след простыл. Принцессе, должно быть, исполнилось пятнадцать, и она стала красивой девушкой с умными светлыми глазами.

Терри низко поклонился, пряча книгу в красной обложке за спину.

— Мастер Риамен... — тихо сказала принцесса. Терри едва расслышал ее слова. — Я счастлива, что с вами все благополучно.

— А я счастлив, что мне довелось вновь увидеть вас, — Терри почти наяву слышал, как скрипят заржавевшие шестеренки в его голове. Он напрочь отвык от изящной речи (точнее отвык от того, что ее можно использовать не только для иронии над собеседником) и сейчас изо всех сил пытался говорить, как подобает, а не как придется. — Ваши глаза все так же сияют.

— Это, должно быть, от недосыпа, — очаровательно улыбнулась принцесса. Терри просиял: его успокоила мысль, что принцессе не чужда самоирония. Эссель перевела чистый взгляд на помрачневшего, как грозовая туча, короля и сказала очень серьезно и почтительно: — Ваше величество, прошу высочайшей аудиенции. Если позволите.

— Если угодно, можешь позавтракать с нами, дочь моя.

Принцесса с поклоном поблагодарила короля за милость. Ее безукоризненная вежливость казалась Терри подчеркнуто фальшивой и почему-то внушала дурные предчувствия. Король ведь предупреждал, что ненавидит Протокол. Почему же его собственная дочь вышколена, как дрессированная собачка? Почему он не скажет ей, что она может оставить церемонии для публики?

Терри огляделся. У дверей кабинета стоял навтыжку гвардеец. По лестнице поднимался молодой слуга в белой ливрее с небольшим золотым подносом в руках, на котором были разложены письма и лежала свернутая в трубочку газета. У короля было слишком мало времени на отдых после бессонной ночи, потраченной на наставления несведующего племянника. Наверное, поэтому он смотрел на всех с таким раздражением?

— Вызовите ко мне Антеро Риттау и можете быть свободны, — распорядился Эриен, повелительным жестом отправляя гвардейца исполнять приказ.

При звучании знакомого имени внутри у Терри все оборвалось. Зачем королю понадобился Риттау? Терри прекрасно помнил своего дальнего родственника и обстоятельства, при которых они встречались прежде. Такие были обстоятельства, что он предпочел бы никогда больше не встречаться. Риамен бросил затравленный взгляд на короля, но тот смотрел только на принцессу. Да еще так нерадостно, будто она чем-то успела разочаровать его. Или вызвать какие-то тягостные подозрения.

— А вы организуйте нам плотный завтрак на четыре персоны.

Слуга в белой дворцовой ливрее с золотым кантом сперва остановился в замешательстве, потом сдвинул вазон со сухоцветами с колченогого столика и оставил на нем поднос с корреспонденцией. Король хмыкнул. Стал разбирать письма, одно надорвал и внимательно прочел с таким видом, будто оно пропахло нечистотами. Развернул второе, мельком просмотрел и скомкал в руке.

— Рыба ушла. Рано в этом году, — отрывисто сообщил он, ни к кому в отдельности не обращаясь, но Терри почему-то сразу подумал, что рыбы в Академии станет меньше, а недовольного ворчания магистров — еще больше, чем сейчас.

— Давайте отойдем, — тихо сказала принцесса. — Его величество всегда тяжело переживает наступление осени.

Терри посмотрел, как король достал из нагрудного кармана вечное перо и, склонившись над столиком, начал что-то размашисто писать на листе, и легко согласился. Они встали рядом с высоким окном. Принцесса любовалась синими горами на горизонте, а у Терри постоянно чесались руки — хотелось оправить куртку, одернуть обшлага, застегнуть все пуговицы, а потом наоборот: расстегнуть верхнюю, небрежно закатать рукава и провести ладонью по волосам, чтобы придать прическе лихости и непокорности. В конечном счете, он положил книгу на подоконник и сцепил пальцы в замок за спиной, мысленно обзвав себя неловким идиотом.

— Я чувствую себя виноватой. Если бы я только знала, что вы получили степень магистра, непременно поздравила бы вас с этим событием, мастер Риамен, — учтиво сказала принцесса. Терри скованно улыбнулся в ответ. Он мог бы начать рассказывать ей,

как далек путь к получению научной степени, но решил, что это будет верхом неучтивости — поправлять дочь короля.

— Право, тут не о чем переживать, принцесса.

Ее глаза были светлее, чем у отца. Если у него они казались скорее сине-лиловыми, то глаза Эсстель по праву сравнивали с парой чистейших аметистов. Терри не мог отвести взгляд, хоть и отдавал себе отчет, что пялиться так на принцессу — дерзость. Тем более в его положении. Кто он теперь, когда у него отняли все привилегии? Никто. Пять лет назад он мог бы мечтать о том, чтобы сделать Эсстель предложение, и тогда это было бы столь же самонадеянно, но хотя бы теоретически возможно, а сейчас...

— Как вы узнали меня? — спросил Терри.

Принцесса склонила голову набок, а потом вдруг шагнула ближе, протянула руку и коснулась его волос. Мимолетно, будто хотела только поправить выбившуюся прядь, но Терри и того хватило, чтобы на его лице расплылась широкая улыбка.

— По серебряным прядям на виске. И вот тут. Их стало больше, да?

— Может быть, — уклончиво ответил Риамен.

— Моя камеристка была влюблена в вас и просила наблюдать за вами, — улыбнулась принцесса. — Я могла быть немного... назойливой, но поверьте, невозможно представить, чтобы я не узнала вас спустя всего лишь пять лет.

— Все вы не были назойливы, ваше высочество. Наши беседы доставляли мне истинное удовольствие.

— Могу себе представить, сколько удовольствия вам доставили мои жалобы о деспотичном учителе арифметики. Представляете, он до сих пор временами приходит ко мне во сне с какой-нибудь невозможной задачей о сообщающихся сосудах... Знаете, ваша матушка была столь любезна, что помогала мне с ними, — грустно улыбнулась Эсстель. Она стояла прямо перед портьерой, опустив руки, и смотрела в залитое дождем окно. — Однажды я билась над задачей и никак не могла понять, как... связать одно с другим. А ваша матушка умела поддержать и объяснить, как ни один из моих учителей. Мне не позволено было искать помощи, тем более у советников. Это был наш с нею секрет.

Терри смотрел на темный жаккардовый рисунок на портьере над светлой макушкой принцессы, и удивлялся тому, насколько она невысокая, будто почти и не выросла за минувшие пять лет. И как волосы на этой макушке мягко вьются и непослушно торчат в разные стороны.

— Мне ее очень не хватает... — Эсстель опустила длинные ресницы. Она обратила внимание на книгу в красной обложке и коснулась шершавой обложки кончиками пальцев.

— Мне жаль, что она подвела и вас тоже, принцесса, — через силу выдавил Терри враз одеревеневшими губами. Он оказался не готов к тому, что Эсстель заговорит о его матери. Не готов к тому, что кто-то другой вспоминает ее добрым словом. Чужая любовь резанула даже больнее, чем грязные оскорбления Радека!

Терри потянул драгоценную книгу к себе и повторил шепотом:

— Мне так жаль, принцесса...

Что именно ему было жаль он и сам не знал, но чувствовал себя виноватым сразу за все. И за то, что мать украла деньги из казны и была изгнана, и за то, что в суде у семьи Риамен отняли все, и даже за то, что сейчас у него не нашлось более подходящих слов для утешения принцессы. Или все это сразу.

Король подошел к Терри и хлопнул его по плечу газетой, свернутой в плотную трубку.

— Тебе не кажется, что ты подошел слишком близко к принцессе, Риамен? Не ослепнешь?

Быть может, именно в этот момент монарх решил, что зарвавшегося бакалавра следует наказать?

Да, пожалуй. Именно в этот момент.

* * *

Стол накрыли на четыре персоны. Напротив Терри села принцесса. Наберись он решимости, мог бы без труда дотянуться до ее узкой ладони. Но ему хватило грозного предупреждения, и потому Риамен избегал даже смотреть на нее прямо. Довольно и того, что король не спускал потемневших глаз с племянника и, любезно улыбаясь, интересовался, не угодно ли почетному гостю отведать свежайшей рыбы.

— Еще ночью плавала в заливе, — похвалился король и стал спрашивать у слуги, какие блюда он может назвать.

— Филе в сырном кляре, ваше величество, — допустим, отвечал слуга. И король немедленно оборачивался к племяннику и величественным тоном спрашивал у него, как он находит филе в сырном кляре. Терри сообщал, что никогда не пробовал такого угощения. И король требовал новый рецепт от слуги, который, судя по всему, не мог понять правил этой странной игры. Зато их очень хорошо понимал Терри. Сперва он думал, что это такая шутка и Эриен вот-вот рассмеется, но тот и не думал смеяться. В какой-то момент Терри решил, что это такая недвусмысленная угроза, и приготовился к худшему, а спустя дюжину разнообразных рыбных блюд обреченно подумал, что готов на что угодно, лишь бы только этот спектакль немедленно закончился.

И он закончился. Эриен вдруг потерял к странной игре интерес, жестом отослал слугу прочь, а сам взял газету, сорвал бечевку с печатью и развернул первую полосу. Анонсы и объявления его не слишком заинтересовали, вдумчиво читать король начал с последней страницы, где располагалась криминальная хроника и некрологи. Принцесса бросила на отца настороженный взгляд, но тут же опустила голову, стоило ему поднять глаза.

— Поразительно, — с неудовольствием проговорил Эриен, откладывая выпуск «Королевского вестника» в сторону. — Моя «серая гвардия», которую я всячески выгораживаю перед начальником Управления порядка, лезет в такие дела, которые ее совершенно не касаются. Вы спросите меня, а занимаются ли они теми задачами, которые поручил им я? Нет, не занимаются. И вот так всегда.

Ему никто не ответил. Терри не мог, потому что нервничал. А когда он нервничал, то был неловок и неразговорчив сверх обычного. Он уже уронил вилку и недалек был тот момент, когда на пол со звоном полетит нож. Или книга, которую он положил на стол рядом с собой.

Страшная неловкость, сразившая Терри, имела причину — по правую руку от него сидел и скалился в фальшивой улыбке сотник Антеро Риттау. Глаза у него были холодны, как лед, а сам он даже не притронулся к белоснежной чайной чашке, от которой поднимался восхитительный медовый аромат.

Второй раз Терри уронил прибор, когда подавальщик с безупречными манерами отточенным движением поставил перед ним тарелку с запеченной в сырном кляре рыбой, небрежно посыпанной мелко порубленной зеленью. Рядом в аккуратную миниатюрную

мисочку налили темный тягучий соус и пододвинули поближе к растерянному и побледневшему гостью свежий овощной салат.

— Отчего же вы не едите, Риамен? Антеро Риттау докладывал, что вы предпочитаете рыбу, — улыбнулся король. Сам он с удовольствием ел перетертые в пюре вареные томаатти с кусочками рубленых овощей и закусывал ароматными поджаренными хлебцами.

Вот тогда Терри и уронил нож. В тот. Самый. Момент.

«Докладывал? — с ужасом подумал Риамен. — Спустия столько лет?»

— Господин Риамен, помнится, утверждал, что может питаться одной лишь рыбой, — вежливо подтвердил сотник. — Я удивлен, что сейчас он отказывается от своих слов.

Терри так сильно сжал бокал с фруктовой водой, что тот жалобно треснул, и на скатерти начало расплываться розовое пятно. Чтобы не привлекать внимание к досадному происшествию, Риамен поспешно поставил стакан на тарелку, а пятно накрыл салфеткой с вышитыми золотой нитью листьями плюща.

Для него самого тот давний разговор так и остался незаживающей раной. Когда-то он попытался доказать, что вовсе не выродок. А вместо этого доказал, что его слово ничего не стоит. Попытавшись обхитрить Риттау, он потерял все то, что не успели отнять в зале суда. Не пытайся он тогда строить из себя того, кем не является, сейчас служил бы короне. Да, с поражением в правах, но...

— Простите мне мою неловкость, — пробормотал он несчастным голосом и виновато посмотрел на принцессу — вовсе не такое впечатление он мечтал произвести на нее. Она тоже ничего не ела, а только смотрела на отца с невысказанным вопросом и тревогой.

— Ваше величество, вы обещали выслушать меня за завтраком, — негромко сказала она, нервно комкая белоснежную салфетку.

Ложка в руке короля на миг замерла над тарелкой.

— Вас не научили терпению, принцесса?

— Простите, ваше величество, — она потупилась. На бледных щеках медленно растекался нежный румянец.

Эриен взял очередной хлебец и ткнул им в направлении племянника.

— Вы словно оскорблены, Риамен? Вам не по нраву мое угощение?

Терри в это время подали очередной прибор, завернутый в салфетку. Он принял его, стараясь не смотреть на паскудную понимающую ухмылку сотника. Слуга в белой ливрее с золотым кантом явно был оскорблен до глубины души подобным поведением и едва сдерживал негодование из-за нарочитой неловкости королевского гостя. Он стискивал обеими руками серебряный черпак для фруктовой воды и явно был готов использовать его в качестве оружия.

— Благодарю за щедрость, ваше величество. После известия о том, что рыба ушла, я подумал, что она станет дороже, — Терри показалось, что он ловко ушел от ответа.

Показалось.

— Вам ли сомневаться в моей щедрости, Риамен? Прибавьте к украденной из казны сумме ваш полный пансион в Академии и получите в итоге примерную стоимость, в которую я оцениваю вас, дорогой мой племянник, — как и следовало ожидать, король особым образом выделил слово «дорогой».

Терри не нашел, что сказать в ответ, а потому взял нож и вилку и отрезал от рыбы кусок. Положил в рот и начал медленно жевать, убеждая себя в том, что он полукровка и ему ничего не будет. Подумаешь, рыба! Он и кусок красного мяса после таких резких слов не

побоялся бы съесть. Если древней, материной крови не хватает на то, чтобы окрасить его волосы в благородное серебро, значит, он не должен отравиться. Не должен ведь?

— Отец!

Принцесса Эссель резко отодвинула тарелку. Жалобный, рассыпчатый звук удара фарфора о стекло расколол тишину в трапезной. Король исподлобья взглянул на дочь и попросил ее вести себя как подобает. Терри наколол на вилку еще один кусок и, обмакнув в соус, продолжил вдумчиво жевать. Жевать — это еще полбеды. Труднее всего заставить себя проглотить. Тем более когда три Древних с разной степенью интереса и брезгливости наблюдают за тем, как он жует.

— Он — сын Лассель Риамен, отец!

— Скажи мне что-то, чего я не знаю, — холодно ответил король. — Удиви меня.

Терри медленно, очень медленно ел рыбу и, к своему облегчению, отмечал, что, за исключением странного неприятного привкуса во рту, это не причиняет ему особых мучений. Намного неприятнее было наблюдать за тем, как на щеках принцессы стремительно выцветает румянец. Она промокнула мятой салфеткой уголки губ. Встала, заставив стул сварливо скрипнуть ножками по полу.

— Прошу меня извинить, — пробормотала она, пряча глаза.

Терри обрадовался случаю встать — разумеется, из уважения к даме — и при этом в очередной раз уронить прибор. Надо же, какая досада! Он спиной чувствовал пристальный взгляд слуги, вооруженного черпаком на длинной витой ручке.

«Когда тебя будут кормить ядом, поймешь, почему я роняю вилку», — подумал Риамен, не чувствуя раскаяния за неловкость. Они с принцессой стояли друг напротив друга, не решаясь встретиться глазами, а король сидел во главе стола, внимательно разглядывая поджаренный хлебец и все больше мрачнел.

— Он сын Риамен, верно. В этом вся проблема. Его мать лгала мне, а я был слишком мягок с ней и позволил зайти так далеко. В том, что произошло, есть и моя вина, как короля. Ты понимаешь, дочь моя?

— Я не могу смотреть, как вы травите его, отец, — очень тихо сказала принцесса.

— Ты ждешь, что я стану повторять свои ошибки — на этот раз с ее сыном?

— Это было бы очень опасно, ваше высочество, — вмешался Риттау, будто его драгоценное мнение кто-то спрашивал.

— Благодарю за дельное уточнение, сотник, — темные глаза короля опасно сощурились, и Риттау благоразумно замолчал, заинтересовавшись воздушным пирожным, похожим на кучевое облако в корзинке. Эриен продолжил говорить, но уже без угрозы: — И потом, разве я травил его? Напротив, я распорядился приготовить настолько вкусную рыбу, насколько это возможно. Что скажете, Риамен? Вкусная рыба?

Терри вцепился в спинку стула, словно тот мог ускакать.

— Вкусная, ваше величество. Благодарю вас.

Принцесса бросила на него мимолетный взгляд, который яснее слов просил: «Помолчите!» Терри не мог позволить принцессе заступаться за него перед королем, поэтому так хладнокровно, как мог, произнес:

— Нет нужды беспокоиться обо мне, принцесса.

— Прошу, отец, — все еще очень тихо сказала она. — Не заставляйте его доедать это.

— Пусть признает, что солгал, и просит прощения у Риттау... Но что если он не солгал?

Почему мне в голову не приходило заказать подобные исследования у наших ученых?

— Потому что это жестоко, — принцесса после долгих колебаний все же опустилась на свое место. Она так и не получила дозволения уйти.

— Разве? В любом случае, я хочу, чтобы сын Лассель Риамен вовремя понял, что за любое слово придется ответить. Рано или поздно. Особенно за ложь. А если в следующий раз он попробует уронить не прибор, а тарелку с рыбой, то будет доедать с пола, — король сказал это с такой интонацией, что Терри предпочел больше не терять вилки и ножи до самого конца трапезы. Хотя это было нелегко.

Принцесса больше ничего не сказала. Говорил король. Говорил о тех, кто лжет, и признавался, что хотел бы, чтобы в жизни каждого из них настал такой момент, когда вся эта ложь встала бы поперек горла, как эта рыба. Терри было невыразимо стыдно перед принцессой. Допустил, чтобы девушка заступалась за него, надо же! Она все же не стала ничего есть, только мелкими глотками пила чай. Длинные густые ресницы ее подрагивали, но светлых глаз принцессы Терри в тот день больше не видел.

Он навсегда запомнил усвоенный урок и каждое слово о цене лжи.

Каждое. Слово.

* * *

Антеро Риттау в качестве конвоира оказался невыносимее десятника. Тот хоть и носил в кармане пилули для нейтрализации «стертых» и угрожал Терри физической расправой за лишние вопросы, все же относился к нему ровнее. Поведение десятника яснее слов говорило: ему, в сущности, наплевать. Он не пытался Терри как-то особенно задеть и предпочитал, чтобы тот помалкивал и не создавал проблем. Антеро Риттау был совсем другим человеком.

Ему доставила удовольствие и рыба, которую Терри пришлось съесть целиком, и настигшая бакалавра на полпути полуобморочная слабость — тоже. Если во время завтрака сотник больше помалкивал и тонко улыбался, то сейчас никто не мешал ему высказываться.

Дорога от дворца к Академии еще никогда не казалась Терри длиннее и сложнее. Он шел молча, обливаясь холодным потом, только бросал на холеного родственника прожигающие взгляды, а тот читал невыносимую лекцию о том, что король многое дает, но еще больше спрашивает. Как будто Терри чего-то недопонял, когда ему пришлось жевать проклятую рыбу лишь бы не просить прощения у Риттау за глупую просроченную ложь!

— Давайте-ка присядем, Риамен. Вы на ногах не стоите, — задумчиво сказал сотник, разглядывая потемневшую от времени резную вывеску с изображенной на ней крупной рыбой в прыжке. Терри даже смотреть на нее было тошно. Еще и название издевательское: «Королевский улов». Как назло.

— У меня мало времени, — проскрипел он, убирая со лба мокрую прядь. — Если поймут, что я ушел в самоволку — будут проблемы.

Холодное осеннее солнце улеглось на городские крыши. На козырьке рядом с флюгером две сварливые морские птицы пытались перекричать друг друга и взмахивали большими крыльями. От их тревожных криков на высокой ноте сжималось горло.

Терри ненавидел сейчас и громких птиц, и утреннюю сырость, и горький запах печного дыма, пластами лежащего на бледное осеннее небо. А еще больше он ненавидел сотника и его демонову пронизательность.

Они вошли в равинтолу, и Терри, как подрубленный, упал на первый подвернувшийся

стул. Ужасно не хотелось это признавать, но ему и впрямь нужна была передышка. Настоящие проблемы начались не во время завтрака, а после. Чем дольше он переставлял ноги, тем сильнее протестовал желудок. Сцепив зубы, Терри старательно дышал носом. В голову сами собой лезли непрошенные мысли о том, как Маррет злился на него за неоправданное промедление. Знал, что его ждет в наказание. Знал. У «стертого» не было иллюзий насчет того, что с ним будет.

А вот у Терри были! С иллюзией безопасности ему стоило расстаться заранее или не приобретать ее вовсе. Король обещал защиту от Арчера, это да. Но не защиту от себя самого. Одной рукой дал книгу, а другой... дал яд. Это очень похоже на то, что случилось с фальшивым «стертым». Очень.

Антеро Риттау достал из кармана хорошо знакомую Терри прямоугольную картонку со звездой Академии и со значением покрутил в пальцах как заправский картежник, бывает, крутит карту шута, чтобы произвести впечатление на остальных игроков.

— Говорите, что у вас будут проблемы из-за самоволки, Риамен? Возможно, мне стоит внести ясность. То, что вы изволили назвать «самоволкой», вовсе ею не является. Вы удостоились высочайшей аудиенции. Его величество ничего не делает просто так, будьте уверены. Если он посчитал нужным пригласить вас на завтрак, значит, в том был особый смысл... Чай из горького корня инквиваари с медом, девушка, будьте так любезны, — Риттау и поучал, и заказывал чай одним и тем же невыносимо назидательным тоном. Подавальщица в кружевном переднике и чепце засмотрелась на знаки отличия на черном гвардейском мундире и растерянно спросила, не хотят ли господа чего-нибудь к чаю. Сотник расплылся в широчайшей улыбке и заговорщически подмигнул ей:

— Если промедлите с чаем, девушка, мой друг вам тут все заблюет. Я предупредил.

Подавальщица отскочила от держащегося за живот Терри и умчалась на кухню. Тот проводил ее кислым взглядом.

— Учтивость ваша делает вам честь, господин сотник.

Риттау пожал плечами.

— Иногда важнее донести суть, чем красиво упаковать.

Погрузившись в размышления, сотник медленно постукивал ребром карточки по столешнице. Поглядывал на Терри.

— Не пожалели о своем решении поступить в Академию? — с неожиданной мягкостью спросил он после долгого молчания.

— Сейчас? Или вообще?

Риттау уточнение проигнорировал. Терри положил книгу короля на колени и ласково провел ладонью по теплой красной обложке. Он верил, что под ней его ждут великие открытия, которые сотрут все воспоминания о прошлых неудачах и украденных идеях. Если бы только ему никто не мешал! Если бы не было угроз и наказаний — ни со стороны Арчера, ни со стороны короля! Каких горизонтов он мог бы достичь, занимаясь исключительно наукой, а не этой бессмысленной войной! Все равно он в этой партии всего лишь пешка, не фигура.

— Там за барьером хватает проблем, — медленно сказал Терри, глядя прямо перед собой. Он знал, что за восточной стеной через несколько кварталов начинается завеса энергетического купола, туда и смотрел. И видел это красноватое от падающих наискось солнечных лучей тусклое сияние перед собой даже сейчас. — Но я не могу представить себя где-то в другом месте.

— Например, в королевской гвардии? — усмехнулся проницательный Риттау. — Черный мундир к лицу близким родственникам короля. Даже если они м-м... полукровки.

— Вы сами лишили меня мундира, — покачал головой Терри.

— Склонны искать причину в других, а не в себе? На здоровье. Но не забывайте, что взамен я дал вам это, — Риттау показал карточку, а потом опять спрятал в ладони. — Полный пансион в Академии за счет короны в вашем положении — жест доверия и высочайшего расположения. Для короля вы всегда были очень ценным человеком, Риамен. И потому его настолько разочаровывают ваши промахи, что он реагирует скорее как расстроенный отец, чем как монарх, вы понимаете?

Терри стиснул кулак. По дороге он уже успел досыта наслушаться подобных сентенций. Кому многое дается, с того много и спрашивается, да-да, слышали.

— Я-то понимаю. Я очень хорошо понимаю. И поэтому я здесь. А Маррет, по вашему, не понимал? Или не был настолько ценен? Или чем кон-крет-но он разочаровал короля?

Риттау с отсутствующим видом выслушал Терри, не переставая мерно постукивать карточкой по дереву и переворачивать ее. Звезда то оказывалась наверху, то внизу. То наверху, то внизу. Это завораживало.

— Я впервые слышу имя Маррет. Родовое или личное?

— Он притворялся «стертым» и тоже объяснял мне, как важно выполнять приказы короля, перед тем как десятник вынудил его проглотить сразу горсть таблеток, — мрачно пояснил Терри. В эту минуту к их столику подошла девушка с подносом и услышала последнюю фразу. Вместо того, чтобы переставить заварочный чайник и чашки на стол, она оставила поднос и торопливо ушла, предупредив, что «досточтимые господа» всегда могут позвать ее, если им еще что-то понадобится.

— Десятник Паташ? Вот его знаю, и притом лучше, чем хотелось бы, — задумчиво проговорил Риттау.

Сотник перестал постукивать по столу, и наступившая тишина подействовала на Терри благотворнее, чем целебный настой корня инкиваари.

— Вам виднее, сотник, — с этими словами Терри вытер рукавом пот со лба, злясь на малую долю древней крови в венах. Оказалось, что ее вполне достаточно, чтобы вызвать резь в животе. Урок получился доходчивым. Но зато для короля все выглядело так, будто Риамен действительно сказал тогда правду. Эриен даже в некотором смысле принес свои извинения за то, что подозревал, будто племянник лгал. Хотя, конечно, не буквально так сформулировал, но близко — Терри так разволновался, что не смог сразу вспомнить, что конкретно король сказал. Что-то о приятном удивлении.

«Подумать только! Я обманул короля!» — со смесью ужаса и восторга подумал он.

Антеро Риттау смотрел на бакалавра своим классическим понимающим взглядом с легкой улыбкой. Терри мороз подирал по коже от мысли, что сотник и прямо может догадаться, о чем он думает.

«Но я ведь не нарочно! У меня не оставалось выбора».

— Я головой поручился за вас в свое время, Риамен. Мне не нужно, чтобы вы сейчас видели в десятнике опасного врага, потому что это может плохо закончиться. В первую очередь для вас.

— Я видел, как это заканчивается.

Риттау с серьезным видом кивнул.

— Именно. Паташ вырос в мятежной провинции Бреталь. Вряд ли вы можете

представить, через что он прошел, прежде чем оказался в безопасном Акато-Риору. Отец мог предать сына, а сын — отца, сосед резал соседа из-за цвета флага той или иной коалиции преступников.

Терри не был интересен разговор про страшное прошлое десятника. Он не разделял мысль, что пережитые трагедии оправдывают нынешнюю жестокость. Маррет умер не из-за цвета флага, а из-за того, что Терри отработывал красный лист в библиотеке лишние три часа. Глупая, нелепая смерть! И повинен в ней десятник!

— Не смотрите на него враждебно, мой вам совет. Если он почувствует спиной такой же ненавидящий взгляд, какие вы изволите метать в мою сторону, мне очень затруднительно будет объяснить ему, что вы не представляете угрозы.

Чай горчил сверх меры, и Терри сам не заметил, как натаскал три ложки золотого меда из темно-красной керамической мисочки. Зато пропал отвратительный привкус во рту, который преследовал его всю дорогу, и перестала подкатывать к горлу тошнота.

— Благодарю за мудрый совет, светлейший Риттау, — криво улыбнулся Риамен. — И за чай.

Древняя формула из старых сказок приплась как нельзя кстати. Когда-то любая история была под завязку наполнена не чем-нибудь, а советами и благодарностями за них. А неблагодарные или непослушные персонажи рано или поздно оказывались в чьей-нибудь пасти, в бездонной яме или в услужении демонов.

Почему-то предания не готовили детей Акато-Риору к тому, что совет может исходить от человека, которому нельзя доверять, вроде Антеро Риттау.

Кажется, такое может быть только в жизни.

— За чай заплатите сами, вы же не барышня, а не я ваш кавалер.

— У магистров нет денег, — ненатурально повинился Терри и мрачно пояснил: — Ведь деньги — это чеканенная свобода.

— Я могу предложить вам сделку, если угодно, — афоризм позабавил сотника, и он неожиданно развеселился. — Я заплачу за ваш чай сейчас и при следующей встрече отвечу на ваши вопросы касательно человека, которого вы знаете под именем «Маррет».

— А взамен?

— А взамен вы выясните все, что сможете, о магистре по имени Тармо Перту.

Риамен широко зевнул, чтобы подавить странное чувство в груди — будто его донимала легкая, но вместе с тем назойливая щекотка. Не сразу до него дошло, что это рвется наружу смех. Вот только смеяться ему не хотелось. Он не видел решительно ничего веселого в подобных совпадениях.

— Что именно вы хотите узнать? Какие пироги он любит? Может, вы ждете от меня, что я выясню, в какой позе он предпочитает?

Риттау перестал улыбаться.

— Ваши успехи в точных науках заставляют думать, что у вас в голове не всегда гуляют ветры. Попробуйте выспаться, привести себя в порядок и придумайте благовидный предлог для того, чтобы магистр Перту рассказал вам о своих планах. Для меня не столь важно, как вы будете втираться к нему в доверие: через пирог или постель.

— Я же не агент, — грустно сказал Терри собственной чашке. — Я не могу.

«Маррет мертв, я сам видел. Не настолько мне необходима информация о мертвце, чтобы сдавать королевскому гвардейцу живых магистров, — сказал бы он, если бы нашел способ побороть осторожность. — Тем более из отдела отладки экспериментальных

образцов».

В покато глянцево блестящем боку чайной чашки отразилось вытянутое лицо Риттау. А вот это показалось Терри забавным, но посмеяться опять не получилось. Дыхания не хватило.

— Вот как? Значит, мы не зря задержались для разговора. Считайте, что король попросил меня напомнить вам, что вы, во-первых, агент. Во-вторых, можете, я в вас не сомневаюсь. И в третьих, — Риттау сделал короткую паузу, чтобы налить себе чаю. — Это станет вашим малым вкладом в нашу общую работу на благо страны. Не забывайте, что Арчер продает ваши изобретения Империи. Выбирайте, на чьей вы стороне. Либо вы королевский агент в стане предателя и в будущем — герой, либо пособник, если не сказать изменник.

Глава восемнадцатая. «Лисий список»

Неспящий страж у главных ворот Академии чуть повернул железную голову, следя за двумя людьми, идущими к нему через Народную площадь. Отшлифованные красные блюда на ведрообразном котелке тускло мерцали внутренним светом.

Терри нес синий китель под мышкой, ощущая ребрами твердый уголок книжной обложки и ежился от порывов холодного ветра. Звезда Академии на воротнике все-таки была больно приметная, с такой нежелательно по улицам города ходить. Да и красную обложку стоило спрятать — не столько от горожан, сколько от внимательных глаз Неспящего. Если дежурный заподозрит, что бакалавр книгу из Библиотеки в город выносил — очередной штрафной лист в личное дело ляжет, а третий получать никак нельзя.

Не будь рядом конвоира, Терри было бы сложнее решиться войти в ворота. Впервые за три года Риамен всерьез задумался как быстро его найдут, если он попробует сбежать. Если, допустим, Риттау не ожидает, что бакалавр сейчас толкнет его. Или если бросить королевскую книгу в одну сторону, а самому драпать со всех ног в другую и ускользнуть в подворотню, а потом продраться через дворы и ринуться головой в холодный канал — что будет?

Терри похолодел, будто воображаемая вода в темном узком канале остудила горячечный пыл.

Сам собой вспомнился форменный ремень, разрезанный на две половинки. И все, чем пришлось за этот ремень заплатить.

«Я не побегу», — мрачно напомнил себе Терри. Он расправил плечи и с вызовом задрал подбородок. Барьер с этой стороны был почти неразличим на фоне ясного неба, лишь поблескивали паутинки-потоки да по воздуху пробегала изредка заметная рябь от порывов холодного ветра. Все, что находилось по ту сторону купола из-за искажений казалось неправильным, словно смотришь на картинку с обманом зрения, какие продают в цирке по риену дюжина.

За барьером чудилась ловушка. Хотя на самом деле ловушка была повсюду.

С беглыми магистрами у Арчера разговор был короткий. А точнее не было никакого разговора. Побег из Академии — это угроза и национальной безопасности и нарушение всех возможных положений о гостайне, поэтому не вернувшийся из «самоволки» добровольно магистр... не возвращается в Академию никогда. Даже в качестве рабочего.

Тем более, что в случае пропажи королевского племянника, стипендиата и почетного заложника Арчер пошлет на розыски не только своих безопасников с правом свободного перемещения по городу, но и правителя уведомит. А тогда уж точно конец. От черных королевских гончих мог скрываться разве что Братоубийца — и то некоторые считали, что его фантастическая многолетняя неуловимость имеет только одно рациональное объяснение: князь Алишер давно уже кормит рыб, а свидетельства его появления — провокация имперских агентов.

Риттау в черном мундире королевской гончей, скорее всего, догадывался, что его облик действует на бакалавра отрезвляюще. Если бы Терри не вывернуло наизнанку в уборной равинтолы, его непременно стошнило бы от вида самоуверенной ухмылки на породистой бледной роже.

— Улыбайтесь, Риамен, — негромко бросил сотник. — На вас же смотрят.

Он небрежно кивнул в сторону Неспящего в сторожке рядом с воротами.

— Отчего-то не хочется, — буркнул Терри. Он вынул из кармана и показал Неспящему карточку Академии, которую ему отдал сотник. Мол, ничего особенного не происходит, господин дежурный магистр. Это просто к воротам пришел человек с правом войти.

«Пожалуйста, давайте обойдемся без безопасников», — мысленно взмолился Терри, обращаясь к невидимому зрителю, сидящему сейчас в одной из комнат Дома-Ратуши. Он планировал сразу же пойти в библиотеку и спрятать книгу среди бесчисленных разноцветных корешков. Если книгу не заметят и не отберут сразу же, у ворот, ее никогда никто не найдет. Но для этого понадобится вся его удача, какая есть, и еще немного сверху: как раз на то, чтобы дежурный не всполошился и не вызывал безопасника встречать «черномундирного гостя».

— Зря. Ваше мрачное зеленое лицо вызовет ненужные подозрения и неприятные вопросы. Но вы вольны поступать с моими советами, как вам будет угодно, — все с той же любезной улыбкой, прилипшей к губам, процедил Риттау. Помолчал немного, а потом вдруг совершенно серьезно сказал: — Арчер дал нам подобную технологию, но она и года не прослужила. А эта железная статуя стоит тут под козырьком уже десятилетие и продолжает следить за тем, что происходит на площади.

Терри никак не отреагировал, и тогда сотник положил ладонь ему на плечо, вынуждая остановиться.

— Почему же Неспящий до сих пор не вышел из строя, как вы полагаете, бакалавр? Может, есть какой-то секрет, который мы не знаем?

— Смазка, — неохотно проворчал Терри, недовольно глядя на него исподлобья.

«Что за странные вопросы? Долговечность Неспящего, серьезно? — подумал Терри. — Больше похоже, что Риттау зачем-то тянет время и разыгрывает приятельские отношения прямо на виду у зрителей».

Риамен попытался отстраниться, но Риттау сжал пальцы и не позволил. Терри мог вывернуться, но заставил себя стоять и терпеть — вбитое в подкорку почтение к старшим по званию не позволяло перехватить руку Риттау рядом с локтем и увести в сторону. Тем более, что сотник наверняка мог в ответ так «перехватить», что мало не покажется.

— Меня больше интересуют его глаза, чем шарниры, — мягко пояснил сотник. — Почему линзы Неспящего не тускнеют со временем?

Первым побуждением Терри было уточнить, исправить неудачную формулировку, но он вовремя спохватился — а с какой радости он должен учить Риттау основам теории поля? — и честно задумался, мысленно перелистывая в памяти конспекты лекций.

Неспящего создал сам Арчер перед тем, как был избран Верховным магистром, и поэтому, стоило ему появиться в аудитории, студенты обязательно задавали вопросы про знаменитую автому, ее возможности и слабые стороны. Впрочем, именно линзы в котелке интересовали всех гораздо меньше, чем связь с экраном. Терри показалось забавным, что Риттау, при всей своей хитрости, может задавать вопросы, наивные даже по меркам первокурсника.

— Линзы меняют, как только кристаллы вырабатывают свой ресурс, сотник, — очень осторожно ответил Терри, стараясь ни на полшага не сдвинуться в сторону от поставленного вопроса. О том, что линзы тут далеко не самый основной элемент, он предпочел молчать. Тем более, что Риттау полностью удовлетворил этот ответ.

— Я так и думал, — сказал он, с каким-то даже превосходством поглядев на

Неспящего. — И шлифуют новые линзы в Академии?

Терри не удержался от тяжелого вздоха. Он понял, что это была преамбула к новому заданию.

— А где же еще...

— Действительно, где же еще, — Риттау улыбнулся так широко и ослепительно, что Терри засомневался, что сотник хоть какой-то вопрос мог сформулировать неверно или наивно. Весь этот короткий разговор был до того странным и неловким, что продолжать его было почти физически больно, и Риамен решил как можно скорее его обрубить.

— Вы хотите, чтобы я вынес вам новую линзу? — обреченно спросил он, гадая о том, исходит ли очередной приказ от короля или все эти поручения перед воротами — не более чем темная игра самого Риттау.

«А ведь если это вправду так, то я расквитаюсь с ним за рыбу!» — подумал Терри, потихоньку воодушевляясь этими мыслями.

— Именно ту, что предназначена для Неспящего, — кивнул Риттау.

— Будет исполнено, сотник.

Воображение мигом нарисовало соблазнительную картину, как Терри отчитывается королю о том, что сделал по приказу сотника, а монарх благодарит «племянника» за то, что помог вывести на чистую воду лжеца и предателя.

Почему-то мгновенно родившийся в голове план «Исполнение Поручения как Способ Обличения» подразумевал, что заработавший несколько красных листов Риамен без проблем проникнет в лаборатории, где хранятся красные линзы. Что, конечно же, было если не невозможно, то весьма затруднительно. Но цель была прекрасна, как на нее ни посмотри. Отплатить Риттау той же монетой — ради этого Терри готов был рискнуть.

Сотник коротко попрощался, но не ушел. Остался стоять, совершенно не смущаясь того, что черный мундир «кагэшника» попадет в поле зрения безопасников Академии. Скорее всего, его план был именно таков. И одно это обстоятельство выводило Терри из себя, даже если забыть про рыбу. Но он не смог бы забыть. Не тем Риамен был человеком, чтобы так просто забыть про рыбу.

Стараясь двигаться непринужденно и сохранять на лице слабую тень улыбки, он подошел вплотную к воротам и Неспящему. От близости энергетического поля волосы на затылке сами собой поднялись дыбом и стало ощутимо труднее дышать.

Терри «скормил» карточку Академии пульту управления, который выглядел как чья-то недобрая насмешка над древними идолами дорожных духов. На том месте, где у идола должно было быть нарисованное лицо, пульт управления обзавелся поворотными ручками из застывшей смолы, а вместо положенной ухмылки чернела узкая щель картоприемника. Только и разницы, что «дух» смотрел не на восход солнца, как положено, а куда придется — скорее на запад, чем на север, а если точнее, то на мраморный портик Королевского почтового управления. Ярмарочная предупредительная табличка, извещавшая неосведомленных горожан об опасности барьера, беспомощно висела наискось на одном винте.

Поразмыслив на добрую минуту (а то и две) дольше положенного, невидимый дежурный заставил Неспящего проскрежетать: «Входите». Терри помедлил, как перед прыжком в холодную воду, разглядывая тонкие ровные нити, зависшие в воздухе.

А потом, затаив дыхание, шагнул. Он под падающие с крыши кирпичи шагнул бы с той же охотой, как сквозь эти тонкие линии, категорично перечеркивающие ему грудь, живот и

лоб.

Остаточные связи никто, кроме него, не видел. А если видел, то молчал, потому как признаться в том, что видишь их, все равно что сказать: «У меня горячка, ребята. Я схожу с ума».

Только Парлас он по глупости проговорился, что видит их без очков. Тогда еще, перед поступлением. Достаточно того, что она знала и временами довольно прозрачно намекала на это в присутствии других студентов. Сам Терри все отрицал, но себя-то не обманешь.

Видеть потоки без очков, даже устойчивые, барьерные, как оказалось, для магистров очень нежелательно. Это входило в перечень симптомов делирия, с которыми Терри познакомил на первом курсе магистр Сэтер. Риаман против воли вспомнил его немигающий совиный взгляд и его глухой голос: «Если кто узнает вышеописанные приметы в товарищах или почувствует в себе — пусть немедленно доложит о том лекарям или смотрителям. Зараженный делирием человек не осознает себя и через то особенно опасен», — любил повторять Сэтер и почему-то при этом чаще всего глядел прямо на Терри. Как будто подозревал, что со временем этот первокурсник, тогда еще трусливо выстригающий белые пряди, начнет медленно, но верно соскальзывать в черную душную бездну, из которой можно выбраться только если сунуть голову в Экстрактор.

Этот жутковатый остановившийся взгляд лучше прочих аргументов убедил Терри молчать намертво о том, что временами он видит и ощущает что-то не то.

И он молчал.

«А Вария язык за зубами держать не стала, — с горечью напомнил себе Терри, оглянувшись на Дом-Рагушу. — Немедленно доложила. Сэтер был бы доволен. Быстро распознала симптомы и не затягивала с обращением куда следует, такая умница, хорошая девочка».

Он какое-то время шел, не поднимая глаз от брусчатки, уложенной в симметричный круговой узор, и перебирал в памяти все ядовитые слова, что прозвучали в последние несколько дней. Искал, в какой момент все началось, с какой глупой ошибки.

Потому что все это выглядело ужасно знакомым. Когда Риттау обрисовал его незавидную участь, Терри явственно услышал щелчок захлопнувшейся ловушки. Такое уже было три года назад. Тот же Риттау воспользовался его промашкой и отправил в Академию — место, откуда нельзя вернуться. И вот опять этот проклятый щелчок: «Выбирайте, на чьей вы стороне». Звучит точь-в-точь как давешнее: «Будьте благоразумны».

Риттау был как та лиса, загоняющая зайца в нору, из которой он уже не выйдет.

Но Терри уже был научен горьким опытом, и само появление этой белой лисы воспринимал как опасность. Он не хотел соваться в нору, в которую загонял его Риттау. Не хотел и потому искал другой путь — сколько угодно кружной. Но сперва пытался понять, чем спровоцировал нападение. В этот раз вроде обошлось без ремня, обмотанного вокруг дверной ручки?

Обошлось ли?

Вспомнилось, как он врезал Карьяну, а тот обернулся к десятнику в белом плаще смотрителя и с наглой ухмылкой заявил: «Я рад, что вы видели, как он напал на меня первым».

А Вария стояла рядом. Она окликнула Карьяна, без нее той пьяной ссоры не случилось бы. А Карьян тоже хорош, сходу завелся: «Здесь нет ничего твоего». Потому что знал, что рядом десятник-смотритель. Прав был Арри — Карьян провоцировал, потому что хотел

подставить Терри. А потом Тордеррик — и снова при девушке. Вария смотрела, как они дерутся. На следующий день ее не оказалось рядом во время очередной стычки, но зато была ее подруга — Танья. И Радек, второй адъютант Карьяна: «Мамаша твоя...» Ублюдок, как только язык повернулся? И ведь как нарочно, прямо в Доме-ратуше перед важным собеседованием.

Почему как? Нарочно!

Терри запнулся о выпирающий из земли камень и чуть не упал, пораженный внезапной догадкой. Если бы посреди ясного неба ударила молния и загрохотал гром, он был бы в меньшем шоке, чем сейчас.

Лиса была не одна. Не только Риттау.

Вария, Карьян, Тордеррик, Радек, техник из пекарни Келва, десятник Паташ, Маррет — все они, будто сговорившись, толкали его с обрыва. Он злился, огрызался, крутился на месте и все отчетливее видел, как делирий тянет к нему неосвязаемые черные щупальца.

И на фоне этого озарения уже совсем в другом свете выглядело признание Варии, что она доложила о его опасном поведении лекарям...

Терри понял, что не сможет дойти до библиотеки и спрятать книгу. Не только потому, что перед швейной мастерской на углу улицы, ничуть не скрываясь, дежурил человек в обычной синей куртке техника. Заметив его, Риамен внезапно ощутил страшную усталость. Кое-как он добрал до фонтана в центре круглой площади и сел на каменный бортик, предусмотрительно подложив форменный китель под зад, чтобы не намочить штаны. Если снаружи под рубашку легко пробирался прохладный ветер, заставляя ежиться и вздрагивать, то под куполом царило душное безветрие. Яркие теплые блики скользили по мятым рукавам и соскальзывали с озябших пальцев на влажные каменные блоки.

Терри зачерпнул ледяной воды и прижал ладонь к лицу. Хотелось не столько умыться, сколько унять острую головную боль и тошноту. Под бледной кожей на руках отчетливо выступили фиолетовые прожилки вен, которые Риамен тупо разглядывал до тех пор, пока рядом не прозвучало снисходительное:

— Вернулся, гуляка? И бутылку ледяного «Армо» не догадался прихватить?

Терри с трудом поднял голову, словно у него шарнир в шее заклинил, и непонимающе уставился на безопасника Карху, заслонившего широкими плечами утреннее солнце. Тот вынул из кармана портсигар, раскрыл его и взял сигарету.

— Вижу, что не догадался, — проворчал Карху, постукивая сигаретой о крышку. — А я думал, что ты парень неглупый. И в службу безопасности, опять же, рвешься.

Терри озадаченно моргнул. И с внезапным приливом досады ощутил, что правый глаз против его воли продолжал моргать еще и еще.

— В следующий раз обязательно, — одеревеневшими губами произнес он.

— Ну нет, ты же должен думать наперед, а не задним умом, агент, — посмеялся над собственной шуткой безопасник, щелкнул зажигалкой и добавил суховато, прокатив сигарету из одного угла рта в другой: — В следующий раз предупреждай, что уходишь. Договорились?

— Меня сбили с ног, скрутили и потащили, не дав времени составить прошение, — все тем же мертвенным механическим голосом отозвался Терри.

В этот момент почему-то особенно отчетливо ощущались твердые уголки новенькой обложки под мокнущим сукном кителя. Оставалось надеяться, что ткань защитит книгу от воды. Легкая хлопковая рубашка уже пропиталась и прилипла к спине.

Карху непонятно хмыкнул, вынул из-под мышки фуражку, которую Терри сперва не заметил, и нахлобучил бакалавру на голову.

— Потрепали тебя, агент? Да уж, вижу, что потрепали. Как нашли фуражку на улице, сразу поняли, у кого постель неразобранная будет. И не ошиблись. Как тебе королевский прием? По вкусу пришелся?

— По вкусу, — бесцветно подтвердил Терри, стирая тыльной стороной ладони невесомую ледяную взвесь с лица. Она постепенно собиралась на ресницах и мешала: в каждой капле отражался ослепительно-яркий осколок солнца. Натянув козырек фуражки почти до носа, он избавил себя от необходимости выдерживать взгляд Карху.

— Да я уж представляю, — сказал Карху таким тоном, будто и впрямь представлял. Терри скрипнул зубами — до того раздражало, что все наперебой лезут его понимать! Он сам еще не успел определиться со своим отношением к тому, что происходит с его жизнью, а эти с невымытыми руками так и норовят залезть к нему в грудную клетку и пощупать!

Пока Карху не прикончил сигарету, Терри молчал, поджав губы. Наверное, безопасник ждал от него какого-то отчета? Наверняка ждал, как и король.

Но что ему сказать?

— Ну? Что выяснил? — небрежно спросил Карху, выдохнув облако сизого дыма. Он опустился на корточки, чтобы пытливо заглянуть Терри в лицо. Сигарету он при этом утопил в мелкой лужице на бортике. Терри искоса следил за тем, как она захлебывается тонкой струйкой дыма, а потом перевел взгляд на разбегающуюся рябь и мелкие пенные узоры на поверхности фонтана.

— Что рыба ушла. Рановато в этом году. И насчет зерна тоже... но я не запомнил, почему король не хочет поставлять его в Академию. Цены растут, в общем. Корона терпит убытки.

— Это все, что выяснил? Рыба ушла и цены выросли? — оскалился в беспричинной ухмылке безопасник.

Риамен не ответил.

— Тебя схватили, скрутили и потащили во дворец среди ночи, потому что королю больше не с кем обсудить цены на зерно?

— Он был недоволен, что господин Верховный магистр не ответил на его письмо, — чуть дрогнувшим голосом пояснил Терри. Это вышло ненарочно, но прозвучало настолько убедительно, что он порадовался и решил усилить впечатление, покаянно повесив голову. — Я должен был доставить ответ. А вместо этого мыл полы в библиотеке. Я провалил проверку.

— Если бы провалил — тебя бы здесь не дождались, парень, — задумчиво проговорил Карху, почесывая правую бровь. — Ты не первый, знаешь ли... а вот последний ли — это вопрос! Почему ты думаешь, что провалился?

— Меня пытались отравить, — неловко пожал плечами Терри и криво улыбнуться, чтобы показать, что ему все это кажется не таким уж драматичным. Но улыбка, даже такая жалкая, не держалась на губах, быстро отклеилась.

«Улыбайтесь, Риамен, — назидательно сказал Риттау. — На вас же смотрят».

«Пошел вон из моей головы!» — разозлился Терри, и с облегчением понял, что злость помогла справиться с тревогой. Он глубоко вдохнул — как будто давно не дышал полной грудью.

— Да, это похоже на стоящий аргумент, — не без колебаний согласился Карху.

Поднялся, одернул куртку и сел рядом. Вынул из кармана серебряный портсигар, открыл и протянул Терри. — Будешь?

Риамен никогда в жизни не интересовался сигаретами, но отказываться не стал. Взял одну, покрутил в пальцах, разглядывая широкую темно-коричневую полосу у основания, вдоль которой ползла хорошо узнаваемая вязь слоговой азбуки.

— Имперские. Хорошие? — с внутренним замиранием уточнил Терри. Даже не зная языка, он видел, что из этих замысловатых значков складывается слово «амират». Так же назвался один из священных городов Старого мира. Город, в котором родился Создатель.

— Главное крепкие. Мозги прочищает будь здоров, — похвалился Карху и многообещающе щелкнул зажигалкой. Лепесток холодного пламени заплясал над его рукой. — Ты, парень, не слишком-то надейся, что тебя списали в запас. Пока ты жив, война продолжается. Рано или поздно король посвятит тебя в свои планы, не зря же он столько денег отвалил на твою подготовку!

Карху улыбался так кровожадно, что его тоже захотелось добавить в «лисий список». Причем в самое начало, зарезервированное для по-настоящему опасных людей, которым почему-то выгодна гибель Терри.

* * *

Терри в тот день на занятия не пошел. Вместо этого он просидел до самого заката в северном читальном зале, обложившись учебниками так, что даже настольную лампу за корешками не видел. И надеялся, что его никто не видит тоже. Сначала он пытался читать книгу короля, но сдался если не на второй странице, то на десятой точно. Строчки, уложенные в строгий ритмический рисунок, выветривались из головы в тот самый момент, когда читатель переворачивал страницу или отвлекался, чтобы найти в словаре незнакомое слово. Терри безуспешно тер переносицу, массировал виски, шурился и даже грыз колпачок вечного пера — что было, впрочем, скорее жестом отчаяния, чем рабочим методом для концентрации.

Так ничего и не запомнив, Риамен подошел к столу смотрителя — просить бумагу для конспектов. Вчерашний дежурный Парриш без лишних вопросов выдал ему целую стопку желтых листов. Но в итоге вместо конспектов — он почти сразу спохватился, что копировать книгу короля небезопасно — Терри добрую треть извел на списки и схемки с именами. На листах с завидным упорством появлялись одни и те же имена: Карьян, Вария, Тордеррик, Радек, Риттау, Карху — то в столбик и без пометок, то оказывались заключены в окружности со стрелками. Потом Терри спохватывался и вместо полных имен Риттау и Карху оставлял только первые буквы с точками. Но все равно временами ловил себя на то, что, погрузившись в глубокие размышления, дописывает все имена и многократно обводит, добиваясь, чтобы на бумаге они выглядели так же «громко», как в его гудящей голове. Иногда он неуверенно дописывал имя Тармо, но от него вели лишь две стрелки: уверенная к имени сотника. И пунктирная — к имени Аннели.

Как на листе появилось имя милой первокурсницы Терри и сам не понял, и сперва хотел вычеркнуть — нечего ей делать в такой компании! Но не решился. Имя Тармо было слишком важным, чтобы так легко отказываться от малейших зацепок. Туда же он, подумав, дописал имя магистра Аната. Ему не требовалось выписывать какие-то фразы или цитаты. Одного имени было достаточно, чтобы при взгляде на него в голове Терри начинали звучать

их голоса. Разве что он выписывал по одному ключевому слову. Например, для Тармо этим словом стал «пирог». А от «пирога» потянулась длинная стрелка к имени Келва. Еще одна связь, видимая только Терри, пожалуй.

Не было на этом листе только имени Арри. Даже скромные инициалы «Е.В» были и обозначали его величество, а за ними прятался проникновенный голос короля и его слова: «Я знаю, что ты чувствуешь. Я чувствую то же самое». А вот Арри не было. Терри не хотел даже на бумаге впутывать друга в эту историю со списком имен. Довольно того, что, вписывая туда Варию, он будто стирал ее из своего сердца. Он больше не ревновал ее к Карьяну. Медовый вкус мягких губ, искорки в глазах и теплый запах смоляных кудрей не то чтобы забылись, но будто оказались заперты в линиях и паре завитушек, украшавших буквы ее имени.

В какой-то момент из головы Терри вылетело, зачем ему эти имена и схемки. Он моргнул, чтобы чернильные линии не расплывались, а когда снова открыл глаза — увидел встревоженное лицо Аннели. Она перешагнула через сиденье скамейки и, подобрав юбку, села рядом. Терри оглянулся на вытянутые витражные окна, за которыми разлитый по куполу закатный багрянец причудливо менял цвета и оттенки. Закат стал для него не менее неожиданным, чем появление Аннели.

— Вы не против, если я тут спрячусь? — шепотом спросила первокурсница, наклоняясь к Терри настолько близко, что он почувствовал легкую щекотку от ее волос.

— От кого? — зевнул бакалавр. Он лениво привстал, чтобы выглянуть поверх стопки книг. Северный читальный зал был почти пуст. Смотритель Парриш клевал носом за своим столом. За соседним столом незнакомый магистр лениво листал справочник в компании заварочного чайника и опустевшей пузатой чашки.

— Что? — невнимательно переспросила девушка. Она опустила глаза на листы и потянула к себе один. Как назло тот, на котором было написано ее имя. — Вы не могли бы объяснить мне разность потенциалов? Ведь вам не трудно?

— Я мог бы помочь, если бы ты рассказала, чего боишься. — Терри накрыл ладонью лист и ревниво потянул к себе. Нахмурился. Сон ушел. Да что там сон! Даже будь Риамен пьян, он бы протрезвел, заглянув в испуганные глаза девушки. Они показались ему очень большими и выразительными на встревоженном лице. Но все же недостаточно красноречивыми, чтобы без слов понять причину ее страха.

— Я боюсь, — прошептала она и больше ничего не добавила.

В этот момент дверь отворилась и в читальный зал, негромко переговариваясь, вошли техник Келва с товарищем, имени которого Терри не знал. Следом шагал мрачный Рансу и поглядывал по сторонам, будто искал кого-то. Риамен новых вопросов задавать не стал. Взял карандаш, положил поверх исписанных листов чистый и быстро, но разборчиво написал длинную формулу.

— Если хочешь, я объясню разницу потенциалов этому... — он неопределенно кивнул в сторону двери, не придумав подходящей обидной клички для Рансу.

Аннели покачала головой.

— Не стоит, правда, — с какой-то звенящей тоской в голосе сказала она. — Он будет только рад, а я никогда себе не прощу.

Терри не отрывал взгляда от ровной линии, которую оставляло его перо на желтоватом листе. Он и говорить старался так же ровно и негромко, чтобы его слышала только Аннели:

— Не думай, что я навязываюсь в рыцари или вроде того. Мне своих проблем хватает,

если честно. Да и защитник из меня так себе. Драться за тебя я не стану, даже если он первый замахнется, — Терри на минуту замолчал, в красках представив себе, как стоит, опустив руки, и пропускает удар за ударом, чтобы не схлопотать третий красный лист за агрессивное поведение. Он сжал кулаки и насупился, не веря, что действительно на такое способен. — Но я не оставлю тебя одну в беде. Даже не рассчитывай.

— Тогда в беде мы окажемся вдвоем, — прошептала Аннели.

Ее светлую макушку заметил Рансу, что-то коротко сказал технику и указал пальцем. Магистр Келва кивнул и неспеша направился к их столу, спрятав руки в карманы куртки.

— Послушай, а если заряд переместился от узла к узлу с разностью потенциалов в единицу, то как определить, какую работу совершило поле? — быстро спросила Аннели, опуская глаза к листу бумаги и беспомощно глядя на длинную формулу.

Терри помедлил, а потом начал рисовать схему, подписывая узлы специальными значками.

— Всегда опирайся на исходную формулу. Если внимательно посмотреть, то в любой задаче можно увидеть решение, — сказал он, искоса наблюдая за приближающимся техником.

— Не в любой, — очень тихо возразила Аннели.

— Просто подставь те данные, которые тебе известны, в исходную формулу, и ты поймешь, что нужно делать, — подсказал Терри, подняв голову и глядя прямо в глаза техника.

— Неплохо менторствуешь, аристократ, — насмешливым тоном похвалил Келва, нависнув над их столом. На его лицо легли яркие острые блики от витражей, раскрасив его в цвета Священной войны: красный, черный и золотой.

— Мир вам, господин Келва, — не решаясь поднять взгляд, пролепетала Аннели.

— И тебе, — был ответ.

— Я хотел бы помочь Аннели понять одну простую вещь... в теории поля, — с вызовом проговорил Терри. Его подозрения, что Рансу здесь вовсе ни при чем, крепили с каждой минутой, и в сердце прорастала злая отвага.

— Вот как? А я думал, что ты сама прекрасно справляешься, Аннели. Ты ведь умная девушка.

Светлая макушка безмолвно кивнула, соглашаясь с его словами. Аннели, как зачарованная, смотрела на формулу, которую написал Терри. Будто она либо стремилась решить задачу в уме, либо собиралась намертво запомнить каждый значок и его место в строке.

— А я вот думаю, что Аннели не обязана справляться со всем сама, — тщательно подбирая слова, сказал Терри. Он встал из-за стола, чтобы не смотреть на техника снизу вверх, и оперся кулаками на столешницу. — Она имеет право просить о помощи.

— А ты никак опять позарился на чужую булочку, аристократ? — нехорошо сощурился Келва. — Не боишься без зубов остаться?

Терри захлестнула волна возмущения. Он осознал, что до последнего не верил, что его подозрения правдивы, а эта похабная фраза техника не оставила ему возможности отступить, сохранив лицо. А ведь он втайне на это очень рассчитывал!

— А ты попробуй отними, — сквозь зубы прошипел Риамен, наклоняясь вперед.

Аннели с несчастным видом сидела на кровати и куталась в клетчатое шерстяное покрывало. Кончик носа у нее покраснел, а глаза блестели. Хотя она — к огромному облегчению Терри — не устраивала истерик, не размазывала слезы по щекам, а только часто шмыгала, как маленькая девочка. Терри оседлал стул и положил локти на спинку. Он молчал. А что тут скажешь?

— Я бы хотела сбежать, но некуда, — опять начала она. Терри машинально покивал — он уже не первый раз это слышал за последние полчаса, что они сидели в его комнате вот так, напротив друг друга. Кажется, Аннели только о побеге и думала все эти декады. А еще о том, насколько он опасен и невозможен в ситуации, когда за барьером нет никого, кто смог бы помочь ей выжить. — Если только выйти ночью и в канале утопиться.

— Топиться не надо, — терпеливо возразил Терри, на минутку прикрыв тяжелеющие веки. Его безудержно клонило в сон, но завалиться спать никак не получалось, потому что нужно было утешать первокурсницу, которую он буквально за руку увел из-под носа старшего магистра. — Ты этим вообще ничего не добьешься. Тебе еще никто не объяснял, почему никто никогда не слышал ни о беглых, ни о мертвых магистрах?

— Почему? — испуганно спросила девушка, в очередной раз утерев рукавом платья нос.

Свежее воспоминание о том, как Маррет глотает горсть янтарных пилюль, больно резануло даже сквозь сгущающийся туман в голове. Терри досадливо поморщился.

— Потому что никто и никогда об этом не скажет, — веско проговорил он и неудержимо зевнул. С ненавистью посмотрел на часы, узкие стрелки которых издевательски шустро ползли к девятке. — Здесь не говорят о тех, кто исчез, а во внешнем мире наши имена уже давно стерты. Ни отчим, ни мать никогда не узнают о том, что они с тобой сделали.

— Я хочу, чтобы они узнали, — прошептала Аннели, невидяще глядя в стену перед собой. — Я хочу кричать им в лицо о том, что это были за «связи» такие, которыми похвалялся отчим. Все говорили, как мне повезло, что для меня есть место без пансиона. В Академии...

С ее лица ушла вся краска. Терри слушать о подробностях не очень-то хотел. Все, что нужно было, он понял почти сразу или узнал от Аннели еще по дороге из библиотеки. В чем-то ее история показалась ему похожей на собственную, только еще несправедливее и... проще. У Аннели не было возможности чувствовать себя пешкой в королевской игре. Она в лучшем случае была ценной пустой костью для любимой рыбацкой игры в «чет-нечет». Кому досталась — тот из рук не выпустит до победного.

— Академия при Арчере стала тюрьмой, — сухо сказал Терри, разглядывая выбитые щели в старом паркете. От того, что за полом не ухаживали десятилетиями, он буквально крошился на мелкие щепки. — Помнишь, что говорил Тармо Перту, которого ты оставила без пирога? Еще недавно все было иначе. Магистры имели больше прав и свободы.

— А ты испек ему пирог, — слабо улыбнулась Аннели. — Я тогда подумала, что ты хороший человек, если так переживаешь. И я не ошиблась...

У Терри откуда-то нашлись силы, чтобы смутиться. Так, слегка. Он пожал плечами.

— Келва устроил так, что муки у меня было в избытке.

Взгляд Аннели затуманился еще больше и она кивнула своим мыслям.

— Это для него важно. Хлеб. Он переживает очень.

— Может и не зря, — проворчал Терри. — Скоро будем не столько печь хлеб, сколько сушить сухари. А все из-за Арчера.

Риамен ожидал, что Аннели опять станет спрашивать, почему он так решил, но девушка не удивилась осведомленности бакалавра.

— Он тоже так говорил, почти слово в слово, — она задумчиво крутила в пальцах нитки бахромы на покрывале. — Я слышала, как они обсуждали это в пекарне во время собраний.

Терри показалось, что он вдруг провалился в сон или от усталости разучился разделять реальность и сюжеты бульварных романов про бандитов. Поэтому он встал, сходил к умывальнику, зачерпнул полную горсть холодной воды (*«им требуется очень много питьевой воды, если хочешь знать!»*) и умылся. Отфыркиваясь, он утерся пушистым полотенцем и, чувствуя себя окончательно проснувшимся и почти живым, вернулся на свое место.

— Так, с этого места поподробнее. Расскажи, что за собрания в пекарне, — мягко попросил он, мельком глянув на циферблат. Все нормально. Времени на то, чтобы задать нужные вопросы, ему хватит.

Глава девятнадцатая. Пирог и кнут

Терри Риамен и подумать не мог, что в Белом дворце столько маленьких и пыльных каморок. Король Эриен в черном мундире без знаков различия шел впереди и временами останавливался и тихо простукивал стену, чтобы найти нишу. «Не здесь, — бормотал он себе под нос, заглядывая в очередной проем, из которого тянуло пылью и тленом. — Дальше». Терри спешил за ним с полной охапкой чертежей, ничему уже не удивляясь и не задавая вопросов.

Черeda неудач так разозлила короля, что он обвинил во всем Терри и велел ему вернуться в Малую библиотеку, но так, чтобы его никто не увидел и не узнал в нем магистра. Терри испугался, ведь по пути им встретилось множество служащих в гражданской одежде и еще больше — в мундирах. И почти каждый провожал его подозрительным взглядом. На обратной дороге его наверняка вычислят и схватят!

Не придумав ничего лучше, Риамен сорвал с карниза тяжелую бархатную портьеру винного цвета и обмотался в нее по старой имперской моде. А король пошел себе дальше, продолжая что-то искать в потайных нишах, что-то выстукивать. К Терри же в это время пристал гвардеец по имени Ярвин и начал вполголоса расспрашивать, почему король ходит по дворцу и стучит в стены.

Можно подумать Терри знал почему!

— Терри! Тер-ри, стучат! — голос был встревоженный. Но точно не мужской.

— Да слышу я, — не открывая глаз, очень внятно произнес Терри. Он перекатился на спину и рывком сел. Потянул с собой подушку. — Добро пожаловать в мой мир, где все постоянно стучат, — зевнул он, пытаясь пристроить подушку между шкафом и затылком.

— Риамен, открывай давай. Ты в порядке? — голос Арри через дверь звучал так, будто друг уже давно потерял надежду услышать положительный ответ.

Терри неохотно приоткрыл один глаз. Аннели сидела на узкой кровати, подобрав под себя ноги и накинув на плечи шерстяное покрывало. Две косички, растрепанные за ночь, обнимали тонкую девичью шею. Под воротом белой сорочки пряталось какое-то украшение на серебряной цепочке — должно быть, небольшой медальон, который Аннели забыла снять перед сном.

— Слушай, я тут не один, — отозвался Терри, ладонью разминая затекшую шею. Ладно шея! От сна на прикроватном коврикe ныла спина и плечи: с непривычки некогда сиятельный Риамен не столько спал, сколько крутился всю ночь, выбирая позу, в которой паркетная доска станет хоть немного податливее. В какой-то момент он чуть было не сорвался и не ушел досыпать в одном из старых кресел в гостиной, но не рискнул — это вызвало бы совершенно ненужные вопросы и насмешки сокурсников.

— Кончай заливать, сердцеед. С подушкой поди обнимаешься, — не поверил Арри. — Я не уйду, пока не поговорим.

Аннели прижала ко рту кончик косы, скрывая улыбку. Терри сделал «страшные глаза» для острастки, бросил ей свою подушку, с трудом встал и, отчаянно зевая, протопал к двери. Повернул ключ и посторонился, пропуская друга.

— Только не шуми, не призывай Радека на наши головы, — попросил он, бросая покаянный взгляд на Аннели, которая, кажется, не ожидала, что Терри все-таки откроет и теперь пыталась зарыться в одеяло поглубже.

Арри застыл столбом, разглядывая девушку так неприкрыто, будто она была полотном в галерее.

— Мирного утра, — наконец выдавил он.

— Хёй, — неловко откликнулась Аннели.

Терри подтолкнул друга к столу, указывая на стул, а сам подобрал с пола одеяло.

— Ну? Говори.

Арри сел, потом встал и стал поочередно совать руки во все карманы.

— Где же это? — пробормотал он, успевая потереть указательным пальцем переносицу.

Краснел Арри забавно: начиная с носа. А все потому что тер его, когда смущался. — Я выяснил, где живет Тармо, если хочешь знать.

Он с победным видом продемонстрировал сложенную надвое бумажку.

— А я уже хотел предложить съесть этот пирог, пока совсем не зачерствел, — скупо порадовался Терри, неприязненно глядя на листок бумаги.

Арри был обескуражен.

— А где горячая благодарность? Ты что, даже не рукоположишь меня в свои оруженосцы? — бурно посетовал он, обращаясь за сочувствием к Аннели. — Вот что значит «белая кровь — холодная кровь».

Аннели молчала и тонкими пальцами распускала-расчесывала косу.

Терри сел на уголок кровати, сдвинув клетчатое одеяло к стене. Имя Тармо Перту с тех пор, как побывало в списке, стало восприниматься иначе. Идея заручиться помощью старшего магистра уже не казалась такой блестящей, как поначалу. Только не сейчас, когда Терри чувствовал себя в ловушке. Но он не знал, как объяснить Арри, почему его не радует перспектива добиваться расположения техника с тех пор, как это стало не столько его личной инициативой, сколько приказом Риттау.

— Ты же испек для него пирог, — тихо напомнила Аннели. — Ты же видел, как он расстроился. Разве ты сможешь съесть его сам?

Терри посмотрел на свои руки. Если нужно, он испек бы еще один пирог. Да хоть десять. Ему просто требовалось время, чтобы побыть одному и все хорошенько обдумать. Возможно, он планировал как можно дольше оттягивать исполнение поручений Риттау, потому что не доверял ему. Но Арри и Аннели с одинаковым недоумением заглядывали ему в лицо, а в воздухе будто повис немой, но очень громкий вопрос: «Ты что, отступишь?»

— Вот уж ни за что, — сквозь зубы процедил Терри, отвечая скорее на свои мысли, чем на вопрос Аннели. — Если решил, что отдам ему этот пирог, значит отдам.

Он достал из платяного шкафа свежую рубашку и старый китель, который выгодно отличался от вчерашнего тем, что был почищен (на этом его преимущества заканчивались и начинались недостатки — китель был коротковат и тесен в плечах). Арри с несколько растерянным видом протянул ему бумажку.

— Ты бы это, дружище... высыпаться не пробовал?

— Во тьме отоспимся, — с кривой усмешкой ответил Риамен, глядя на часы, стрелки на которых показывали, что до занятий осталось всего полчаса. — Запасной жизни у нас все равно не будет, так что надо успеть совершить все великие дела...

Арри глядел с легким неодобрением. Он не выносил, когда Терри вдруг к месту или не к месту поминал тьму — риторцы с детства привыкали к суеверному страху перед изначальными сущностями, и опасались поминать их все.

— Только не говори, что поставил себе срок успеть до обеда.

— За завтраком! — укоризненно поправил Терри и с удовольствием напел на мотив детской песенки про пятерых маленьких лисят риоскую поговорку: — «До обеда, до обеда — так лентяи говорят».

Продолжая мурлыкать под нос незамысловатую мелодию, Риамен подошел к письменному столу и начал перебирать чертежи. Выбрал два, сверху бросил лист с набросками и быстро скрутил в плотную трубку.

Аннели сперва собиралась пойти с ними, но потом вдруг сама передумала и решила, что не станет пропускать занятия. Терри всерьез предлагал ей отсидеться в его спальне, но Арри обронил пару фраз о том, что за прогулы на первом курсе легко получить до десяти часов в равинтоле. Грозные предупреждающие взгляды не произвели на Арри никакого воздействия, а вот девушку перспектива снова оказаться в подчинении техника не на шутку испугала.

Терри оставил ключ на столе, а сам вытолкал Арри за дверь.

— Не дави на нее, — шикнул он. — Захочет выйти — выйдет.

— Она и захотела. Что у нее могло такого страшного случиться на первом курсе, чтобы днями напролет сидеть в твоей постели? Незачет по начерталке?

Терри закатил глаза.

— Вот поэтому у тебя никогда не будет девушки, Рантала. Пень в лесу — и тот лучше тебя сумел бы утешить деву в беде. Уж всяко не наговорил бы подобных глупостей.

* * *

От Арри отвязаться не удалось, хотя совесть Терри была неспокойна и он грыз себя за то, что не знает, как оградить друга от "агентских поручений". Друг осторожные намеки не понимал. Настаивал, что «вот этими самыми руками» готовил ягодный пирог для именинника и собирался требовать свою часть награды. Для убедительности руки извлекались из брючных карманов и демонстрировались Терри со всеми десятью пальцами. Пальцы шевелились, показывая свою дееспособность.

— Кончай паясничать, — проворчал Терри. Он нес корзинку и чертежи и при всем желании не мог как следует пихнуть друга в плечо, чтобы тот охолонул. Хотя мысль такая возникала время от времени.

Арри сунул руки обратно в карманы и нахохлился. Пнул попавшийся под ногу камешек.

— Меня подняли среди ночи, когда тебя хватились. Потащили к Арчеру на ковер. Он со мной так задушевно поговорил, я чуть не прослезился.

Было в голосе Арри что-то непривычно шероховатое, темное и злое, из-за чего Терри резануло тревогой.

— О чем говорили?

— Держу пари, что о том же, о чем и с тобой. О родителях. Верный способ задеть за живое, зачем же выдумывать что-то еще? — глухо сказал Арри, глядя себе под ноги.

— Да, было что-то такое, — уклончиво проговорил Терри.

— Вот и представь, какая веселая у меня была ночь. Понятное дело, что я начал искать этого Тармо. Думал уже, что ты не вернешься и надеялся сам выяснить, что происходит. А ты говоришь «не паясничай».

— Да на здоровье раз так, — великодушно разрешил Риамен. Искреннее беспокойство друга согрело его и смягчило болезненно четкое предчувствие скорой беды. И все же. Было что-то неправильное в том, что Арчер вызывал Арри для разговора в ту ночь, когда Терри

увели во дворец. Какая тут связь? А может... может ее и нет? Все-таки в ту ночь произошло кое-что поинтереснее, чем очередная самоволка.

«Ты подставил меня, крысеньш», — опять прозвучал над ухом задушенный от ярости хрип. Терри загнулся о край аккуратно уложенного в мостовую камня и с трудом подавил желание обернуться. Не было рядом никого это всего лишь память снова шутила свои несмешные шутки.

— Арчер не упоминал... о человеке по имени Маррет?

— Нет. Впервые слышу. А что? Ему ты тоже собираешься помогать?

Жгучая горечь поднялась откуда-то из груди к самому горлу. Терри сглотнул.

— Сомневаюсь, что ему еще можно помочь. Про труп рабочего на улице тоже ничего не слышал?

Арри стряхнул с глаз челку и глянул исподлобья. Красноречиво покачал головой.

— «Поступай в Академию, сынок — говорили они. — Там ты будешь в безопасности», — говорили они.

— И не говори, — вздохнул Терри. Он тоже мог много что сказать о том, как катастрофически не совпадают порой ожидания с реальностью. Не говоря уж о том, как часто оказываются неправы те, кто дает советы, исходя из каких-то вовсе оторванных от реальности ожиданий.

— Кто его убил? — помолчав, спросил Арри.

— Я не знаю. Все слишком быстро произошло, я не успел понять...

— Ясно... Кстати, я не стал при девушке говорить. У тебя белый лист на двери висел за прогул. Вчера же лаборатория была, не только лекции.

Терри принял протянутую бумагу, сложенную вчетверо и даже разворачивать не стал. Сунул в карман.

— Видимо, у тебя все-таки не настолько особое положение, — осторожно проговорил Арри.

— Если бы было не особое, на двери висел бы красный лист, а не белый. Меня безопасник поймал на самоволке, да еще Келва опять прицепился...

Терри оборвал себя на полуслове и зло усмехнулся. Он с удовольствием посмотрел бы на то, как мастер Келва просит дежурного Смотрителя выписать «зарвавшегося» бакалавру красный лист из-за того, что они не поделили первокурсницу при свидетелях.

— Из-за Аннели? А я предупреждал, что ты не вывезешь на себе ее проблемы. Сразу было понятно, что это кто-то из старших, а ты уже на самом краю ходишь.

— Со мной ничего не будет, — сквозь зубы процедил Терри. Он подумал, что если Келва попробует пободаться, то пожалеет об этом. Арчер ведь ждет от Терри каких-то докладов, как от агента. Вот он и получит то, чего хочет: будет не так уж сложно связать с интересами короны тайные встречи в пекарне, которые организует Келва. И пусть он рассказывает Специальной комиссии про цену хлеба, если охота.

— Ладно, как скажешь.

Проходя мимо швейной мастерской Терри решил на минутку заскочить внутрь и поговорить с портными. Он подумал, что с такой жизнью, какая началась с этой декады, ему понадобится обзавестись одеждой сверх норматива. Арри только плечами пожал, когда Терри поделился с ним своими планами.

— Попробуй докажи ему, что у тебя мало сменной одежды. У него память знаешь какая? Держу пари, он помнит на сколько стежков пришивал каждую пуговицу на твоём

первом кителе.

— В крайнем случае притворюсь, что у меня разыгрался приступ болезненного аристократизма. Мой отец менял рубашку два-три раза в день. У него их сотня была, кажется.

— Тебе не придется слишком притворяться, Риамен, — без улыбки сказал Арри.

Терри обдумал его слова и великодушно решил не обижаться.

Мастерская выглядела скорее как небольшой и душный склад. Все пространство стен занимали высокие — от пола до потолка — стеллажи с рулонами ткани. Беленый сорочечный хлопок и темно-синее сукно на основе шерсти занимали почти все полки, хотя нашлось место и для знаменитого имперского шелка и пестрой горской красно-зелено-коричневой клетки. Еще несколько полок занимали заготовки: платья и рубашки, которые пока не подогнули по фигуре.

Едва успев оглядеться, Терри громко чихнул. Поднял взгляд — прямо напротив входной двери красовалась вырезанная из дерева табличка с пожеланием доброго здоровья.

— Спасибо, мастер Энеас, — усмехнулся Терри.

Он поставил корзину и скрученные в трубку чертежи в уголок и дернул за шнурок звонка. В соседней комнате за стенкой затихла швейная машинка. Дверь в пошивочную отворилась и из нее выглянул невысокий совершенно лысый мужчина в темно-зеленом шелковом жилете.

— А, Риамен! — поприветствовал он. — Чем обязан?

Терри без лишних слов вытянул руки вперед. Обшлага кителя задралась неприлично высоко и собрали складки на рукавах рубашки.

— Что, опять? — не поверил мастер Энеас. Он подошел ближе, на ходу снимая с шеи портновскую измерительную ленту. Обошел Терри кругом, приглаживая блестящую лысину. Ногтем поскреб вытертый уголок шва и нахмурился. — А где тот, который мои ребята сшили тебе в начале осени?

— Мастер Энеас, да ведь я к вам почитай с лета не заходил! — очень натурально возмутился Терри. — Вот как вы мне пару рубашек выдали, на том и все. Я понимаю, что у вас очередь, но и вы войдите в мое положение. Безвыходное, прямо скажем.

В мастерской магические лампы были прикручены под самым потолком и каждая была снабжена тканевым абажуром — мастер Энеас был родом из Ларус Петрама и поэтому у него были какие-то особенные отношения с огнем. Фальшивый свет он не любил и добивался максимально мягкого, рассеянного освещения. Из-за чего сейчас было очень непросто прочитать по его лицу, что он думает о наглости бакалавра.

— Если рукав оторвал — неси, не бойся, — предложил портной, задумчиво листая страницы толстого журнала. Потом поднял взгляд и деловито закатал манжеты до середины предплечья. — Я сегодня добрый и обещаю, что голову за это тебе не оторву. Наслышан о твоих геройствах. Мои ребята только о тебе и говорят.

Терри бросил взгляд на дверь в мастерскую. Сейчас там было тихо, ни одна машинка не стрекотала. Может, не было никого, а может притихли — прислушиваются.

— Мне бы запасной, почтенный мастер Энеас. А еще пару рубашек и брюки.

— А этот пирог ты мне в награду, стало быть принес? За труды?

— Этот пирог? Он под заказ, я просто отнести должен, — смутился Терри. — Но я найду способ отблагодарить за помощь, мастер. Я слышал, вам посыльный в город нужен...

— Видать и впрямь безвыходная у тебя ситуация, раз об этом вспомнил, — портной

бесцеремонно одернул Терри, чтобы тот встал ровно. Измерил длину рукава, обхват плеча и запястья. — Ладно, будет тебе китель и рубашки. Но чтоб я тебя до Темной декады потом с такими просьбами не видел, ты у меня не один.

— Спасибо, почтенный, — поклонился Терри. Он замешкался в растерянности, ведь мастер не все мерки снял.

— Да иди-иди уже. Хотя нет, постой-ка! Ты же не всерьез надеялся обмануть меня, когда пришел в старом кителе?

— Не всерьез, мастер Энеас. Спасибо вам за понимание.

Терри вышел из мастерской и на свежем воздухе еще раз чихнул. Арри дожидался его на крытом крыльце. Стоял, облокотившись о перила, и задумчиво разглядывал своего светляка. Тот пытался взлететь в открытой ладони и выпускал тонкие слюдяные крылышки, но Арри не отпускал, перехватывал в воздухе, заставляя глупый стеклянный шарик покорно складывать только-только расправленные крылья.

— Извини, что пришлось ждать. Ну теперь точно никуда не свернем, — весело пообещал Терри, приняв задумчивость друга за досаду.

— Ну так идем! — с этими словами Арри поймал светляка в кулак и сунул в карман. — Может, не все лекции сегодня пропустим.

* * *

Тармо Перту из отдела отладки экспериментальных образцов столкнулся с бакалаврами на крыльце. Он запирает дверь, когда Терри окликнул его, и резко обернулся, услышав свое имя.

— Кто вы такие и что вам нужно? — недружелюбно спросил он, глянув на них свысока. Несмотря на то, что он был невысок и плотно сложен, как потомственный каэр, он стоял на добрых пять ступенек выше.

— Мое имя Терри Риамен и я хотел поговорить, — вышел вперед Терри.

— А с чего ты взял, что мне захочется говорить с тобой, Риамен? А второй кто?

— Это мой друг Арри Рантала.

Тармо Перту положил ключи в карман и собрался было спускаться по ступенькам крыльца, а потом вдруг остановился. Уставился на Арри так, будто внезапно вспомнил, что тот должен ему двадцать риенов с прошлой зимы.

— Аатос Рантала — знаешь такого? — сухо зато поинтересовался он.

— Это мой отец, — кивнул Арри.

— Вообще не похож, — усомнился магистр.

Арри пожал плечами:

— Обычно говорят, что я его копия, только глаза материны.

— Неприкрытая лесть. В этом возрасте твой отец выглядел мужчиной, а ты до сих пор мальчишка.

Магистр снова оглядел Арри с головы до ног и укоризненно покачал головой. Вернулся к входной двери и опять зазвенел ключами.

— Ладно, заходите, — он сопроводил свои слова широким приглашающим жестом. — Не ожидал я, что Рантала отдаст сына в Академию. Знаешь, как он меня отговаривал сюда поступать? Будто наперед знал, к чему все в конечном счете придет...

Арри и следом за ним обескураженный и сбитый с толку Терри вошли в дом старшего

магистра, благоговейно оглядываясь. Тармо Перту, должно быть, был на хорошем счету в Магистерии, раз ему не приходилось ни с кем делить жилье. На первом этаже у него была обустроена небольшая уютная гостиная-столовая с камином и собственной кухней. Терри снял фуражку и повесил ее на кованый крючок рядом с входной дверью, а свернутые в рулон бумаги поставил в подставку для зонтов до тех пор, пока не пригодятся. Арри пригладил пятерней непослушные лохмы.

— Спасибо за приглашение, мастер Перту, — неловко начал он, оглядываясь на Терри.

— Знал бы, что ты здесь, раньше бы пригласил. Может быть, — без особой уверенности сказал Тармо Перту, отодвигая стул от стола. — Так о чем ты поговорить-то со мной хотел, Рантала?

Арри вопросительно глянул на Терри, тот кивнул, мол, давай смелей. Чертежи, правда, разворачивать не торопился и даже начал сомневаться, что они вообще понадобятся. Как и корзинку не спешил открывать — почему-то магистр Перту избегал на него смотреть. Настойчивое невнимание оказалось настолько же досадным, как избыточный интерес, и Терри пока не знал, что с этим делать.

— Я слышал, что вы заказывали пирог с ягодами, а вам отказали. Ну мы с другом и подумали... — он опять посмотрел на Терри и не договорил, что именно они подумали. Хотя если вспомнить, что они имели в виду корыстные цели, то их озвучивать и не стоило.

— Я получил часы в пекарне, а там муки хоть отбавляй, — грубовато хмыкнул Терри. Он выбрал местом дислокации широкую арку между кухней и гостиной и теперь подпирал плечом буфет, в котором книги бесцеремонно теснили тарелки с полок.

— Ты испек пирог? Мне? — изумился магистр. Даже тот факт, что корзину держал Риамен, не заставил его усомниться в том, что пирог пек именно Рантала.

— Да, но... вообще-то это мы испекли, — упрямо поправил Арри, почему-то виновато глядя мимо Тармо на Терри. — Вместе.

— Вот как? Вместе? — Тармо обернулся на Терри. — Ты что, святой?

Бакалавры опять переглянулись. Вопрос задел Терри за живое, и пока он пытался придумать достойный и вместе с тем столь же резкий ответ, первым открыл рот почему-то Арри:

— Нет, не святой.

И опять Терри подумал, что это о нем речь и успел про себя возмутиться — ну да, не святой, но Тармо Перту об этом сообщать не обязательно.

— Но моего отца Терри не убивал, — продолжил Арри все тем же ровным голосом, каким начал.

В доме повисла ломкая тишина. Каждый щелчок в часовом механизме отсекал долю этой тишины и отправлял к Владетелю в Бездну. Терри молча смотрел на побледневшее лицо друга и ждал, какие еще слова прозвучат, не загадывая наперед. Он был равно готов и не готов слушать дальше.

— Ладно, может ты и прав, — вздохнул Тармо и впервые глянул на Терри без явственной неприязни, а с некоторым даже сочувствием. — И что, вы оба все это время учились на одном курсе?

Арри сдержанно подтвердил, что так и есть.

— А тебя, Риамен, отправили в Академию, чтобы голова не слетела? И тебя, Рантала видимо, тоже? — усмехнулся Тармо. Он, кажется, нашел повод для веселья в этой истории, которую отчего-то знал куда лучше, чем Терри. Риамен скрипнул зубами: ему внезапно

остро захотелось рассказать если не Риттау, то Арчеру или Карху о том, что магистр Перту неблагонадежен в крайней степени. Вот прямо сейчас бы он не просто все рассказал, что было, но еще и от себя бы приукрасил.

— Вам, небось, сказали, что здесь безопасное место. Особенно для тебя, полукровка, — Тармо невежливо ткнул пальцем, указывая на Терри. — Ну так у меня для вас новость. Это ни хрена не так. Особенно для тебя, сын Риамен.

— Вот как? — если бы голосом можно было заморозить насмерть, Терри не отказал бы себе в удовольствии.

— Поэтому мы здесь, мастер Перту, — вмешался Арри. Он даже привстал, словно готовясь разнимать противников. — Мы пришли просить вашей помощи. Не откажите.

— И правильно сделали, что пришли, — кивнул старший магистр. Он встал со стула и подошел к буфету, достал из него пузатый заварочный чайник и пару чашек, расписанных красными цветами. — И за пирог спасибо. Да уж, могу себе представить, как со стороны выглядел, когда та девочка отказала мне. Она обещала, — он набрал в грудь побольше воздуха для длинной сентенции, но выдохнул и только махнул рукой. Продолжать не стал, а вместо этого сразу подвел итог. — То ли еще будет, вы увидите. Сейчас у нас пироги в дефиците, а через год не будет и горсти муки, чтобы испечь даже простой хлеб.

— Поэтому менторы постоянно твердят о том, что нужно возродить Древнюю магию, — рассудительно проговорил Арри. — Мол, величие, которое мы потеряли. Или что там говорила Парлас, не помнишь, Терри? Когда она прицепилась к тебе из-за «белого огня».

— Что-то такое она и говорила, — неохотно отозвался Терри. — Заваленные колодцы — вот как они на это смотрят.

— А мы должны откапывать, — поддакнул Арри.

— Вот о чем я и говорю, — пробормотал Тармо Перту, расставляя чашки. — Вы будете последним выпуском. После вас уже не будет никого. Академия доживает последние годы. Если нас не сотрут свои же, мы станем пушечным мясом на войне, которая нам не нужна.

Арри запустил пятерню в волосы и откинул челку.

— Я этого и боялся.

— Многие боялись. Поэтому мы здесь, так ты сказал? Остроумно. Страх парализовал одних, а других заставил делать ошибку за ошибкой, и вот мы сами не заметили, как миновали черту, которую нельзя было переступать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Терри.

— Ровно то, что сказал. Через год Академия перейдет на осадное положение, и нам придется обороняться.

Арри вытащил светляка и позволил ему взлететь с ладони. Стекланный шарик завис над столом, рассыпая яркие блики на стенках посуды. Его внутреннюю искорку было хорошо видно за выпуклыми стенками.

— Я три года делал вот эту игрушку, мастер Перту. И поначалу мой проект называли перспективным, но теперь мне прямо сказали, чтобы занялся чем-то более полезным. Чем-то более полезным, чем свет!

— Я подобное не только от студентов слышу, если это тебя утешит. А «игрушка» у тебя интересная. Ты позволишь? — Тармо Перту протянул руку и светляк сперва шарахнулся от нее, замер в отдалении, а потом медленно поплыл по воздуху к раскрытой ладони.

— Я его еще не доделал, — смущенно пояснил Арри и легонько подтолкнул светляка к

магистру. Тот вытащил из нагрудного кармана очки, водрузил их на нос и поднес светляка ближе к носу.

— Гибкие крылья на шарнирах? Оригинально. Никогда такого не видел. Но как ты заставляешь их синхронно двигаться без направителей?

— Направители есть, — тихо сказал Арри. — Это только кажется, что их нет. Из-за огранки стекла. Это все оптическая иллюзия, а на самом деле там обычные шестеренки крутятся, как у тех же неспящих птичек.

— Иллюзия, значит? — покачал головой магистр. — Ну если так, то мои поздравления. Эта иллюзия может обмануть даже меня. Честно говоря, даже не представляю, где у этого чуда привод и как оно держится в воздухе.

— Самым сложным было заставить его светиться, — Арри едва дождался, пока Тармо выпустит светляка. Он ревниво поймал фонарик и ласково погладил подушечкой большого пальца теплый стеклянный бок. — И свистеть.

— Он еще и свистеть может? — изумился Тармо и вроде даже немного растрогался. Снял очки и протер стекла носовым платком, им же потом утер нос.

— Еще как может, — на правах пострадавшей стороны поморщился Терри. — Может, менторы хотели намекнуть, что молчаливый летающий фонарик гораздо перспективнее?

— Я так понял, что если за год-два не придумаю хороший способ убивать людей, магистром меня не назовут, — Арри ничуть не развеселился из-за неловкой остроты друга.

— Вот так дела-а, — Терри стало неуютно стоять и он сел вместе со всеми за стол. — Ты не говорил, что все так серьезно.

— Правда что ли не говорил? — глянул из-под челки Арри. — Или ты не слышал?

— Ну в свое оправдание, — медленно начал Терри, — могу сказать, что у меня есть почти рабочий прототип. Убивать мой «белый огонь» не должен, но иначе как оружием его не назовешь.

— Твой... «белый огонь»? — недоверчиво переспросил Тармо Перту. Он откинулся на спинку стула и уставился на Терри немигающим взглядом. — Только не говори, что пытаешься создать молнию в спальне, бакалавр, иначе я тебя арестую прямо здесь.

Риамен отрицательно помотал головой.

— Пока нет, это только выкладки на бумаге, расчеты, — легко соврал он. — Мы взяли их с собой, если вам будет угодно ознакомиться. Но этого слишком мало, чтобы впечатлить Магистерий. Нам нужна ваша помощь с организацией безопасного пространства для создания экспериментального образца.

Терри сходил за чертежами, торчащими из подставки для зонтиков. Под внимательным взглядом магистра он сорвал бечевку, удерживающую рулон бумаги. Расстелил бумагу на столе, прижав ее с одного угла чайной чашкой, а с другого — хлебным ножом.

— Это только первые наброски, — пояснил Риамен, оглядывая бледные линии со следами многочисленных исправлений с тревожным выражением начинающего художника. — По сути, это будет подобие кнута Атайры, но зато не надо быть богом, чтобы с ним управляться.

— Кнут Атайры, ишь ты, — хмыкнул Тармо, наклоняясь над столом и проводя указательным пальцем по линии цепи. — Слишком громкое имя для такого наивного концепта.

— Он будет работать, — убежденно заявил Терри. Ему потребовалось немалое усилие воли, чтобы не добавить, что он уже работал и заставил тлеть бумагу. Он был уверен, что

идея принесет результат, просто нужно создать безопасный прототип. Без помощи опытного техника любые эксперименты могли закончиться печально. Это понимали все.

Тармо Перту долго молчал и разглядывал пустую чашку. О чайнике почему-то все забыли, хотя он уже пару минут пыхтел паром и тихонько ворчал полупустым брюхом, жалуясь, что его не снимают с подставки.

— Самым безопасным и дальновидным решением было бы отстранить тебя от лаборатории, Риамен, — наконец сказал он.

— Почему сразу отстранить?

— Если у тебя в жилах течет древняя кровь, ты спечешься быстрее, чем любой из нас. С такими глазами как у тебя, лучше держаться подальше от экспериментальных образцов.

— Но ее нет, господин Перту, — твердо возразил Терри. — Я же не могу быть одновременно человеком и нечеловеком. Это противоречит замыслу Создателя.

— Не думаю, что у Создателя были какие-то четкие планы насчет тебя, — с сомнением проговорил старший магистр. — Но как бы там ни было, вы оба можете рассчитывать на мою помощь. Я понятно выражаюсь? Чтобы без меня даже не думали экспериментировать с «белым огнем»! Я должен быть в курсе продвижения ваших расчетов и всех образцов, потому что если с вами что-то случится, я себе никогда не прощу... Уж лучше бы мне сразу вас сдать Специальной комиссии, не глядя, что один из вас Рантала, а второй Риамен, честное слово, — вздохнул он, устало потирая переносицу.

Забытый всеми чайник громко и обиженно засвистел.

Интермедия. Арания Парлас

Зима под куполом лишь на сотую долю приятнее, чем снаружи. Ледяные ветры приносят в прибрежный город колючий дождь и град, который то тает в магической завесе, то остужает ее настолько, что она становится похожа на старое зеркало с вытертой амальгамой. Разрывы зимой — явление настолько повсеместное, что техникам приходится дежурить круглыми сутками, латать обрывы и отслеживать скрип флюгеров на крышах. Менторы не обязаны следить за состоянием купола, но им приходится не легче: перед Темной декадой проходит ежегодная всеобщая аттестация. И они тоже не спят ночами, листая бесконечные синопсисы к новым научным работам, которые были поданы на оценку.

Письменный стол Арании Парлас буквально прогибался под тяжестью высоких стопок с папками — и в каждой содержалось не менее сотни листов с рукописным изложением разнообразных идей. По большей части, конечно, банальных до боли в зубах. За полтора десятка лет жизни в Академии, да еще на должности научного руководителя, Арания видела это все сотни раз в разных вариациях и пропорциях. Но правила Академии предписывали бесконечный научный поиск, и любой магистр обязан был давать отчет о том, как далеко он продвинулся в своих изысканиях. Ежегодно. Поэтому она наперед знала примерное направление мысли в каждой подписанной папке.

А их было около восьмиста. Восемьсот относительно правдоподобных историй о том, что год был прожит не напрасно. И чем более бестолковой была идея, тем менее связно она излагалась. Обычно магистрам требовалось очень много слов и ссылок на труды коллег и предшественников, чтобы залатать отсутствие смысла в их работах. Рука Арании в таких случаях сама тянулась к красной печати, а приходилось брать синюю. Каждый раз, за исключением совсем уж вопиющей наглости, когда вместо научной работы ей подсовывали жалобы или ультиматумы. И такое бывало. По ощущениям — все чаще.

— Да вы сговорились там что ли? — с досадой пробормотала Арания, захлопнув папку К. Леореса с замаскированным под серьезное общественное и историческое исследование предложением выдавать магистрам увольнительные листы сроком до двух дней. Колина она знала со студенческой скамьи и с трудом могла поверить, что он это всерьез написал. Она взяла красную печать «не одобрено» за отполированную ручку и занесла над неотбеленным картонным листом.

Спустя несколько минут она поняла, что оттиск так и не поставила. Ей захотелось прямо сейчас, несмотря на поздний час посмотреть в серые глаза Колина и задать прямой вопрос: на что он рассчитывал, когда подавал этот отчет? На то, что его прочтет лично Арчер? Арания покачала головой, отложила печать и поправила на плечах теплую вязаную шаль. Она скорее допустила бы, что Колина вдруг перестали устраивать отдельные апартаменты, и он хочет получить в нагрузку пару сотен часов дежурства в компании проштрафившихся студентов, как этот бунтарь Келва.

— Ты этим ничего не добьешься, — назидательно сказала она, глядя на хорошо знакомый энергичный почерк, жалея, что Колин давно уже не студент и она не может вызвать его для личной беседы и вразумить. — Или ты считаешь, что Арчер прочтет это и тут же осознает свою неправоту?

Она даже улыбнулась понимающе, как улыбнулась бы наивному студенту. Она почти видела перед собой Колина в синем кителе со звездой на воротнике. Колина тех времен,

когда они вместе готовились к экзаменам в Великой библиотеке.

«Или я хочу, чтобы это прочитала ты, — ответил ей тот воображаемый юный студент со взрослой рассудительностью. — И осознала свою неправоту».

— Неужели тебе нечего предложить Магистерию кроме этого? — Арания отпихнула папку от себя и встала, не в силах совладать с раздражением. — Неужели все проблемы и вызовы, которые стоят перед тобой, затмевает желание высказать свое недовольство? Ну так считай, что тебя выслушали и приняли к сведению!

Она крутанулась на каблуках, вернулась к столу и с решительным видом обмакнула печать в подушечку с красными чернилами.

— Но Арчеру и Магистерию нет дела до тех, кто не представил на квалификацию стоящий проект, — она снова не смогла заставить себя поставить красный отпечаток поверх имени Колина, поэтому подогревала свой гнев резкими словами. Это не помогло, и она добавила уже совсем другим тоном, сдаваясь: — Если я допущу твою, с позволения сказать, «работу» к рассмотрению... знаешь, что они мне скажут?

«Какая разница, что они скажут, Арания? — Дерзкий студент, пользуясь тем, что его нельзя так просто выставить за дверь, отошел в тень, и говорил оттуда, оставаясь безликим призраком. — Печать-то в твоих руках. Поступай, как считаешь нужным».

Арания Парлас не понимала, почему колебалась так долго. Когда она поставила отпечаток, то почувствовала себя намного лучше. Впрочем, работать дальше она все равно не смогла и решила отправиться в постель — если магистру в полночной тишине начинают мерещиться бесплотные голоса, а в висящем на плечиках платье видится силуэт студента, то лучше отложить все до утра.

На столе осталась лежать папка, которую в лучшем случае прочитают теперь только в службе безопасности — если заинтересуется, почему конструктор К. Леорес после долгих лет беспорочной службы вдруг не прошел даже первый этап квалификационного экзамена. Это будет его первая красная печать. Об этом и думала Арания Парлас, глядя в потолок сухими воспаленными глазами. Не вторая, и тем более не третья, после которой магистру могут выдать серую куртку. Всего лишь первая. Она заставит его задуматься.

Двадцатая глава. То в жар, то в холод

Терри готовился к очередному дежурству в пекарне как к бою. Пока Аннели сидела в его комнате и торопливым почерком писала ответы к промежуточным экзаменам, он, чтобы не терять времени впустую, отжимался и качал пресс. Делить письменный стол с первокурсницей оказалось даже полезно. Прежде он пренебрегал физической разминкой, а сейчас ему не оставалось других занятий.

Третьего дня, ленясь отжиматься после долгого дня, он предложил девушке сходить вместе в библиотеку — красная книга безмолвно звала его к себе и снилась ночами. Терри, бывало, просыпался в холодном поту: его стал преследовать повторяющийся кошмар, что некий книжный вор в черном плаще и театральной полумаске забирается по ночам в Великую библиотеку и уносит книгу с собой.

Аннели не спорила, хотя на предложение отозвалась без воодушевления. И вскоре Терри понял, почему.

В окружении тесных зелено-полосатых стен комнаты бакалавра девушка чувствовала себя в безопасности и задавала меньше нелепых вопросов. А в просторном зале библиотеки она то и дело теряла концентрацию и без конца переспрашивала, отвлекалась, оглядывалась и понижала голос до неслышного шепота, боясь, что зритель не то что сделает замечание, а даже глянет неодобрительно! Терри приходилось то и дело отвлекаться самому, вникать, о чем она спрашивает, и так же вполголоса растолковывать. Если понадобится, то и два раза.

Оказалось, что Аннели толком не училась все это время и вообще особых талантов ни к арифметике, ни к механике никогда не имела. И если поначалу Терри еще верил, что она ходит за ним хвостиком из-за того, что так сильно боится техника, то довольно скоро догадался, что настоящая причина скорее в том, что она нашла, наконец, стоящего куратора и стремится наверстать упущенное из-за переживаний и бесконечных дежурств.

Тот куратор, которого ей назначили менторы, оказался примерно того же сорта, что и Карьян: возиться с девушкой ему было неинтересно и он недвусмысленно дал ей понять, что у него есть занятия поважнее, чем тянуть отстающих.

— Неплохо бы, чтобы менторы считали не личную успеваемость, а усредненный балл куратора и подопечного, — задумчиво прокомментировал Терри, с некоторым злорадством представив себе выражение лица Карьяна, который внезапно узнал бы, что больше не лучший студент курса — а все из-за того, что не потрудился объяснить новичку несколько принципиальных положений в теории поля, из-за незнания которых Терри поначалу висел в хвосте списка.

— Он бы тогда еще хуже ко мне относился, — несчастным голосом сказала Аннели. — Так что лучше не надо...

У Терри в голове не укладывалось, как можно бросить тех, кто на тебя рассчитывает, и потому он отодвигал собственные конспекты в сторону, чтобы помочь девушке разобраться со сложной темой. Он утешал себя, что вот-вот ее экзамены закончатся, и тогда если не комната целиком, то уж письменный стол-то перейдет в его единоличное пользование.

Правда, спустя несколько дней, когда Аннели с большим трудом и скрипом, но все же прошла промежуточную аттестацию, его надежды затрещали по швам. Аннели накануне клятвенно обещала дать ему позаниматься в одиночестве, но все-таки снова постучалась в

дверь его комнаты.

— Я не буду мешать, просто посижу у тебя, хорошо?

И что с ней прикажете делать? Не выгонять же.

Девушка принесла с собой в корзинке клубок красной шерсти и удобно устроилась в кровати, подложив подушку под спину. Риамен, только-только разложивший на полу — стола не хватило — выкладки для «белого огня», поглядывал на девушку с беспокойством. Накануне он как раз сделал первый более или менее пригодный для работы конспект королевской книги и сейчас планировал прикинуть, как расположить потоки в соответствии с законами древнего искусства — а вдруг стабильнее и экономичнее выйдет? А теперь у него вроде как свидетель, которого не должно было быть.

Терри сдвинул книги так, чтобы они закрывали опорный узел в основании рукояти и понадеялся, что первокурсница ничего не поймет. А она и не присматривалась, стучала себе длинными спицами и довольно споро у нее получалось, хотя в начале работы сложно было предсказать, каков будет результат. Терри ценил, когда человек понимал, что не нужно навязывать разговор, но все равно чувствовал себя как в чужих ботинках. Он привык работать в одиночестве, и теперь мучительно пытался собрать разбегающиеся мысли в кучу. А что хуже всего — при виде Аннели в голову стали лезть фантазии о том, как он посмотрит на техника этим вечером и что ему скажет, как тот ответит и что будет дальше.

Ну невозможно же!

Время шло утомительно непродуктивно. Не столько шло, сколько уплывало. Терри задумчиво грыз карандаш, листая записи в поисках особенно многозначительной фразы о природе небесного огня, которую он точно помнил, что выписал накануне, но теперь потерял.

А потом, когда обе стрелки на циферблате повисли острыми усами вниз, постучал Арри. Они договорились, что за пару часов перед отработкой обсудят контур и опорные узлы, которые Терри надеялся набросать к приходу друга.

— Те же, там же, — вместо приветствия сказал Арри и протянул Терри бумажный сверток, источающий божественный аромат запеченных яблок и меда. — Если вы тут сидите и ждете, пока в обеих равинтолах кончатся очереди, то поздравляю. Суп и хлеб закончились раньше.

— Только одну принес? — не скрывая разочарования протянул Терри, оглянувшись на Аннели. Та сидела на кровати и не поднимала глаз от вязания. Только сейчас до него дошло, что он не спросил, голодна ли она, не нужно ли вместе с ней сходить в равинтолу.

— Ну извини. Я не очень настроен драться за вторую.

— Да не дрался я, — с досадой возразил Терри. — Келва хотел отнять, а я не позволил.

— В долине Риордана в восемьдесят шестом по той же причине война началась. Горцы хотели отнять свои земли, а твой дед не позволил.

Терри тему про военные подвиги деда поддерживать не стал, только промычал что-то уклончиво. Он предложил угощение Аннели, но та сказала, что не голодна. Успокоив совесть, Риамен развернул шуршащую промокательную бумагу и впился зубами в подсохшую булку, обсыпанную семенами акая. Арри снисходительно выслушал невнятное «шпашипа» и обошел кругом разложенный на полу чертеж. Сдвинул мыском ботинка книгу в сторону, чтобы полюбоваться на рукоять кнута.

— Так вот ты какой, кнут Атайры в разрезе, — хмыкнул он.

Терри, не переставая торопливо жевать вкуснейшую булку в своей жизни, хоть и не

самую свежую, посмотрел на него с укоризной.

— Кнут Атайры? — переспросила Аннели. Блестящие спицы перестали мелькать в ее руках. — Атайра... Никак не вспомню, где слышала это название.

— Это имя. Была такая безумная гражданка времен Первой эпохи. На самом изломе между Первой и Второй появилась. Собственно, это из-за Атайры и тех, кто ее поддержал, Создатель обиделся на своих первых детей, да? — Арри оглянулся на друга. — В «Песнях» Талсиена есть одна про расколотое небо — это тоже про нее.

Аннели на всякий случай выглянула в окно. Ближе к Темной декаде небо над Академией теряло багрянец все раньше. Но даже в сумерках оно выглядело вполне целым.

— Я никогда не слышала про расколотое небо. Мне не пели такую песню, — призналась она.

— Я так и думал. Кому интересно про Атайру, если можно сразу с «Великой воды» начинать, — с этими словами Арри сел на кровать и сгорбился, влюбленным взглядом разглядывая чертеж. Аннели вопросительно посмотрела на Терри. Тот пожал плечами.

— Все песни про Первую эпоху, которые дошли до нас, все-таки во Вторую были написаны. Я бы надвое делил все то, что нам известно о безумии Атайры и ее мотивах.

— Да в чем тут можно сомневаться? Она пошла против Создателя, и поэтому обе луны окрасились кровью, а Мировой океан вышел из берегов.

— С этого начинается песня про Великую воду, — кивнула Аннели. — Но там нет ничего про кнут Атайры.

— Судя по всему, Талсиен питал к ней личную неприязнь. Иначе как «безжалостной королевой» он ее не называет.

— И людоедкой еще, — подначил Арри.

— Вот уж вранье! — возмутился Терри. — Как бы она могла есть людей, если была богиней?

— Самопровозглашенной богиней.

— Но сил на то, чтобы убить Создателя, ей хватило.

— Он дал ей кнут, — напомнил Арри.

— Тот самый кнут? — дотошно уточнила Аннели. Уж если ей потребовалось что-то понять, она не даст свернуть с темы, так и будет переспрашивать до победного.

Терри набрал в грудь побольше воздуха и выпалил скороговоркой, будто отвечая на экзамене.

— Про кнут есть сразу две версии. Причем обе равноценны, потому что Талсиен не дает себе труда придерживаться какой-то одной. Либо Атайра была настолько зла на Создателя, что голыми руками поймала молнию и привязала к обломку копья погибшего мужа, то есть все-таки сделала кнут своими силами. Либо кнут подарил ей сам Создатель гораздо раньше, обещая, что с ним она будет непобедимой.

— Первый вариант вообще можно трактовать как поэтическое сравнение, — вставил свой полриена Арри.

— А второй противоречит образу Создателя в творчестве Талсиена, — сварливо возразил Терри. — Потому что выходит, что Он не настолько мудр и всеведущ, раз подарил Атайре такое оружие, которое не помогло спасти ее семью, но зато прекрасно справилось с тем, чтобы убить самого Создателя и вызвать апокалипсис.

Они помолчали, опутив глаза и каждый со своими мыслями глядя на чертеж.

— А я думаю, что Создатель всегда знает, что делает, — наконец нарушила молчание

Аннели. — Потому что любая история, в которой Он появляется, — это история о выборе, по большому счету.

— Но если Он знает, что будет, значит на самом деле дает только иллюзию выбора? И кнут появился в истории об Атайре не просто так, а именно для того, чтобы стать причиной апокалипсиса? — задумчиво спросил Терри.

Арри со скептическим видом сложил на груди руки и взглянул на обоих свысока, как на неразумных детей.

— Я не верю, что выбор может быть иллюзией. Перед тобой две дороги, одна левая, другая правая, ты выбираешь и идешь в ту или иную сторону. Какие иллюзии? Думаешь, что идешь по правой, а на самом деле заворачиваешь налево? Так, что ли?

— Ну примерно так. Атайра ведь могла считать, что исполняет волю Создателя.

— Когда пошла против него и убила? Нет, я не спорю, что восприятие может сыграть с тобой злую шутку, но, как по мне, это надо родиться с котелком каши вместо головы.

Терри замолчал и отвел взгляд, не желая продолжать неуместный теософский диспут. Для него все выглядело не так ясно и просто. Если быть честным с собой, то история Атайры внезапно показалась не так уж бесконечно далекой, как он думал прежде. В самом деле, до тех пор, пока не окажешься меж двух огней, не поймешь, каково это. Когда все вокруг тонет в черном дыму, не то что правое примешь за левое, а вообще любой шаг может быть ошибкой.

— И вы, ребята, хотите сделать такой же кнут? Надеюсь, не для того, чтобы расколоть небо и убить Создателя? — почему-то улыбка Аннели показалась Терри несколько вынужденной. Натянутой.

Арри взлохматил шевелюру, отчего вид у него сделался лихой, хоть и малость придурковатый.

— Спокойно, барышня. Нам просто нужно получить степень, а сейчас такое время, что чем громче название проекта, тем больше к нему уважение. В ходе экспериментов ни один Создатель не пострадает.

— По крайней мере, это не запланировано, — внес уточнение Терри и сам не понял, почему он так серьезен.

* * *

— Ты что же, останешься здесь одна? — спросил Арри, мельком глянув на часы. Малая стрелка приближалась к рубежу последней четверти. Аннели сидела на клетчатом шерстяном покрывале и сосредоточенно пересчитывала петли. Наверное, в третий раз подряд. Чем ближе подходило время, когда Терри должен был идти в пекарню, тем чаще она сбивалась и начинала шепотом считать «раз-два-три-четыре», хмуря светлые брови. Вопрос Арри застал ее врасплох. Она осеклась и удивленно воззрилась на него.

— До сих пор тебя это не волновало, Рантала, — холодно отозвался Терри.

— Не волновало, потому что я об этом не задумывался, — Арри, стоя у двери, переводил взгляд с Аннели на Терри и обратно. — Значит, ты собираешься ее здесь запереть одну или что?

Терри пожал плечами. Его заботила иная моральная дилемма. В одной руке он держал с таким трудом вычищенный китель, а в другой тот, что был мал. С одной стороны, вычищенный китель было отчаянно жаль опять испачкать, если вдруг что. А с другой —

старый стеснял движения. Он банально был узок в плечах, и толком в нем руками не помашешь.

— Я не... — выдохнула Аннели, залившись румянцем.

— Это все еще не твое дело, Рантала, — отрезал Терри, не без внутреннего сопротивления делая выбор в пользу старого кителя. Пока он влезал в узкие рукава, его не покидало ощущение, что он совершает самую большую ошибку в жизни. Да еще верхняя пуговица держалась на одном честном слове и растянутой нитке. Он попросил бы Аннели пришить, да ведь времени нет!

— А если ночью свет по тревоге включают? Что тогда? — не унимался Арри.

— Да никто не будет ее запирасть, ты в своем уме?

Арри сделал страшные глаза. Он явно пытался на что-то намекнуть, но Терри не был настроен читать между строк. Да и потом, как отличишь разыгравшуюся паранойю от обоснованных опасений? Да никак.

— Если хочешь, Терри, я и правда могу пойти...

— Как знаешь.

Риамен старался не смотреть на Аннели, чтобы та случайно не прочитала на его лице мимолетное удовлетворение. Несостоявшийся гвардеец не позволял себе выражать недовольство, но ситуация, когда дева в беде фактически без боя оккупировала его частную территорию, с каждым днем казалась ему все менее романтической. И вот она впервые пришла к нему без учебников и не для того, чтобы беззвучно плакать, глядя в окно, но впереди очередное дежурство в пекарне, да еще этот Арри как всегда... Так что пусть лучше ночует у себя, а Терри наверстает. Как-нибудь потом.

— С тобой, — после длинной паузы выдохнула Аннели.

— В каком смысле?

— Он не... Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня. У вас обоих.

Аннели убрала вязание в корзинку и встала с кровати. Одернула синее форменное платье. Вид у нее был нерешительный.

— Нет, — ровно ответил Терри, не прерывая своего занятия. Он рылся в платяном шкафу, пытаясь отыскать шарф из тонкой шерсти, который подарил ему лекарь. На первом курсе Риамен буквально прописался в лазарете из-за бесконечных простуд, и теплый шарф оказался как нельзя кстати. Не говоря уж о том, что Терри был тронут подарком до глубины души. Шарф был дорогой и восхитительно мягкий. В этом холодном месте, среди суконных колючих вещей, он был как обломок прошлой жизни. Терри нашел его в ящике с бельем и набросил на шею.

Вечера нынче холодные.

— Ты его не знаешь. Я должна пойти.

— Если ты пойдешь, будет только хуже, — серьезно предупредил Терри. — Я не знаю, как он отреагирует, когда опять увидит тебя со мной.

Аннели прикусила нижнюю губу. Ее большие светлые глаза тревожно заблестели.

— Риамен, ты что не слышал? Она. Хочет. Пойти, — сухо проговорил Арри, открывая дверь. Непривычно резко проговорил. Раздельно, будто слова ножом нарезал. Примерно так, как обычно говорил Карьян.

Терри с размаху захлопнул дверцы платяного шкафа.

— Прекрасно! Попробую стробовать с Келва бутылку «Армо». Каждый раз я привожу с собой на одного добровольца больше. Если так пойдет, к концу моего срока половина

Академии будет печь хлеб, — вспыллил он, и не добавив больше ни слова, зашагал прочь, нахохлившись, как замерзший на ледяном ветру филин. Даже не вспомнил, что надо запереть дверь.

Впрочем, что в том удивительного? Терри давно уже не чувствовал себя хозяином собственной комнаты.

Он рассчитывал, что Арри и Аннели быстро догонят его и скажут что-то успокаивающее, чтобы развеять его раздражение. Но они шли позади в своем темпе и, как показалось Терри, что-то обсуждали. По крайней мере, когда он в очередной раз оглянулся, они закрыли рты и дружно отвернулись в разные стороны. И это злило его еще больше, а злость заставляла ускорять шаг.

О чем они могли говорить за его спиной?

С тех пор как Арри тогда брякнул про отца, которого Терри, дескать, не убивал, разговоры у них как-то стали расклеиваться. Вот эта непривычная, необоснованная резкость вклинивалась в самый неожиданный момент. Особенно если рядом, как сейчас, была Аннели. А еще Терри временами ловил на себе тяжелый, оценивающий взгляд. Будто Арри принялся переоценивать их дружбу. Взвешивать. Но слова, после которых все мосты окажутся сожжены, никто из них еще не произнес. Поэтому Терри старательно делал вид, что ничего не замечает, а Рантала время от времени втягивал колючки и становился своим в доску парнем.

Долго ли это могло продолжаться?

Терри не знал. И хотел спросить по дороге в пекарню, раз уж Арри загодя предупредил, что тоже пойдет. Но не мог же он заговорить о смерти отца друга при Аннели!

«Но моего отца Терри не убивал», — сказал тогда Арри.

«Я никого не убивал», — думал Терри, шагая посередине улице, старательно обходя разлитые по мостовой лужи леденцового света. Память пыталась воскресить Маррета, но Терри упрямылся и повторял, что он никогда никого не убивал и не собирается. Маррет укоризненно качал головой и безмолвно отступал обратно в темноту.

И все повторялось по кругу. Без подсказки, без ответа, без смысла.

«Ты что, святой?»

«Не святой, но моего отца Терри не убивал».

«Что, Владелец тебя побери, ты имел в виду, Рантала? — раздраженно думал Терри. — Это что, какой-то агентский пароль-отзыв?»

Погруженный в размышления, Терри не смотрел по сторонам и едва не влетел в фонарщика, выбирающего место для установки стремянки. Выручили рефлексy: видишь массивную тень — уклоняйся. Терри проскользнул под локтем и отскочил, придерживая на голове фуражку.

— Эй, смотри, куда летишь! А если б зашиб?

— Главное, чтобы не кирпичом по темечку, — грубовато сострил Терри. Несмотря на то, что три года прошло после отчисления из военной школы, первым делом он поправил, как положено, козырек, а потом одернул китель. Все-таки отвечал старшему «по званию».

Фонарщик поставил-таки стремянку и полез в карман за носовым платком.

— Оптимист, а? — с заметным неодобрением поинтересовался он, промакивая испарину на висках. — Когда зашибут, тебе уж все равно будет, чем. А мне отвечать потом опять.

Терри уже хотел было бежать дальше, но последние слова показались странными,

поэтому он медлил. И чем дольше он обдумывал их все вместе и каждое в отдельности, тем сильнее они царапались и кололись. Очень ярко вспомнилась сцена под аркой и разбитый фонарь, подвешенный на цепи посреди арки.

— Кстати, почтенный... — За Терри водилась такая привычка: говорить «кстати», хотя это было совсем некстати. Но это словечко позволяло ему незаметно для собеседника сшивать в разговоре совсем разные темы. — Мне кто-то сказал, я сам не видел, конечно, что в старой сквозной арке кто-то буквально вырвал кристалл, и фонарь не светит. Так что может и хорошо, что я на вас налетел. Вы бы посмотрели.

Фонарщик глянул на Терри очень внимательно и совсем недружелюбно.

— А тебя как величать, начальничек?

— Терри Риамен, бакалавр.

— Да будет тебе известно, Терри Риамен, бакалавр, что ты на декаде третий, кто поручает мне посмотреть на фонарь в старой сквозной арке. Я-то посмотрел, а вот ты почему за него так переживаешь? — мрачно спросил он.

— Так я это... — ступевался Терри. Выражение лица фонарщика и его замогильный голос рассказали куда как больше, чем произнесенные вслух слова. — Я проявляю бдительность ради общего блага.

Процитированная агитка ничуть не убедила фонарщика. Он зло ухмыльнулся.

— Да что ты? Про бдительность и общее благо ты лучше безопасникам рассказывай, они умеют правильные уточняющие вопросы задавать.

— Разве это вопрос безопасности? — беспомощно улыбнулся Терри. — Всего-то разбитый фонарь...

Фонарщик поманил Терри, чтобы тот подошел поближе, а сам присел на третью ступеньку. Склонив голову набок, он поглядывал на бакалавра искоса. Послюнил платок и намотал его на палец, чтобы оттереть темное масляное пятно с тыльной стороны ладони. Пятно упрямилось.

— Трое моих лучших друзей в разное время недели серое, — с неожиданной откровенностью признался фонарщик, устав бороться с пятном и спрятав платок обратно в карман. — Одного из них уже нет. Мне не сказали, что с ним. Пропал и пропал. Куда пропал? У тех же стертых спрашивать бесполезно. Ты замечал, что они только лекаря слышат? Потому что он королевских кровей, наверное. Умеет приказывать так, что хочешь не хочешь — а подчинишься. А теперь я почти уверен, что знаю, почему он пропал.

Фонарщик убрал платок в карман и выжидательно уставился на Терри. Будто ждал, что бакалавр ему сейчас готовую версию выложит. Но тот молчал. И фонарщик молчал тоже. А потом протянул руку к его лицу, намереваясь, очевидно, дернуть козырек фуражки вниз, но Терри вовремя сделал шаг назад. Пальцы схватили воздух.

— Ну вот и поговорили, Терри Риамен, бакалавр. Ты внезапно стал рассказывать мне о разбитом фонаре в сквозной арке, а я совершенно некстати проговорился про своего пропавшего друга. Бывай. Старине Карху низкий поклон передай от Леция Тибо.

Отвесив издевательский формальный поклон, фонарщик потерял к Терри интерес и полез наверх, разбираться с коробкой питания. Инструменты у него были в кармашках на поясе. Терри понаблюдал за тем, как техник распечатывает пломбу, чистит контакты и вставляет в паз продолговатый кристалл.

«Другой бы толкнул стремянку, да и дело с концом», — подумал Терри, не ощущая, впрочем, в себе внутренней готовности решать таким образом грядущие проблемы.

Арри и Аннели подошли, остановились рядышком, трогательно держась под ручку. «Как парочка», — ревниво заметил Терри, и эта холодная, почти отстраненная мысль обожгла незажившую рану после разрыва с Варией. Он глянул на них недобро, а они не заметили. Задрав головы, Арри и Аннели хором пожелали фонарщику мирного вечера.

— Чего не спите, бакалавры? — свысока поинтересовался он. Говорил он невнятно — мешали зажатые в зубах стяжки, которыми он поочередно фиксировал узлы питания. — Шли бы вы лучше отсюда, пока я не заподозрил неладное.

Арри откинул непослушную челку.

— Если все будут спать, кто станет печь хлеб? — задиристо спросил он.

— Так вы штрафники, все трое? — густые черные брови фонарщика попозили вверх.

— Добровольцы, мастер Тибо, — звонко ответил за всех единственный доброволец —

Арри. — Добровольно идем печь хлеб для Академии.

— Ну-ну. А вот вам, товарищи добровольцы, не приходило в голову, что если всякий раз выбирать хлеб между свободой и хлебом, то однажды вы обнаружите, что у вас нет ни свободы, ни хлеба? — усмехнулся Леций Тибо.

Арри собрался было что-то ответить, но Терри хлопнул друга по плечу.

— Не связывайся, — шепнул он. — Это провокатор.

* * *

В пекарню они немного опоздали — разговор с фонарщиком съел небольшой запас времени, которого хватило бы на то, чтобы явиться вовремя и переодеться перед работой. Перешагнув порог, Терри уже был готов ко всему, кроме хорошего. Китель он снимал и вешал на гвоздь с четким ощущением, что снимает его перед хорошей дракой. Но Келва не оправдал его ожиданий. Записав их имена в журнал дежурств, техник сухо приказал заняться делом.

— Никого из вас учить не надо, а? — жестковато поинтересовался он, обращаясь к Арри. Тот покачал головой. — Ну вот и прекрасно. Надо замесить и сформовать хлеба на первую партию. К дежам — бегом марш! И чтоб никаких разговоров за работой. Хлеб тишину любит.

Бегом или не бегом, но в пекарне не особо поговоришь. Особенно когда говорят чугунные формы, жестяные противни и гулко поет свою дикую песню огонь в печах. Свободных рук мало, еще меньше времени на то, чтобы ротозейничать, а работы много. На какое-то время Терри потерял Аннели из виду. Только что была тут, стояла у стола и обминала податливый комок пшеничного теста. Только утер рукавом пот с виска, глянул — уже и нет ее нигде. А тесто на месте осталось. Подхватил за ручки жестяной противень и направился к печам, там увидел Арри с прилипшей ко лбу челкой.

— Аннели не проходила? — выдохнул Терри.

Арри подцепил крюком задвижку на дверце и толкнул, открывая жаркий зев печи.

— Я тебя-то минуто назад не видел за расстоечным шкафом. Но пока Келва на виду, я за вас спокоен.

Они вместе переставили горячие прямоугольные формы в печь, закрыли заслонку и Терри обессиленно упал на трехногий табурет рядом с бадьей холодной воды. Зачерпнул полный ковшик и жадно припал к нему губами. Вода была такой ледяной, что ломило зубы. Пить ее было невыносимо, не пить — невозможно.

Арри оперся на деревянный черенок ухвата.

— Ты веришь в то, что здесь еще какие-то собрания успевают проводить? — с сомнением спросил он.

— Я верю всему, что Аннели рассказала, — просто ответил Терри. — Не вижу причин, зачем бы она лгала мне.

Тыльной стороной ладони Арри убрал мокрые волосы со лба.

— По пути сюда я пытался выяснить, как и когда и с кем Келва проводит эти собрания, если все вкалывают до рассвета у этих печей, как демоны в Бездне.

— И что выяснил?

— В том-то и дело, что ничего! Если бы ей было что ответить, она бы не отмалчивалась.

— Если бы я плохо тебя знал, решил бы, что ты ей не доверяешь, — сказал Терри примирительно улыбаясь.

Лицо Арри ожесточилось, как часто бывало в последнее время.

— Судя по всему, ты и впрямь плохо меня знаешь.

Рядом с дубовой бадьей для воды тут же появился Келва, будто нарочно караулил, когда штрафник на минутку расслабится, чтобы поймать с поличным. Взял ковш из рук Терри и вылил на камни в чугунной миске — дать пар для только что посаженного в печь хлеба.

— Прохлаждаемся? — с холодной в голосе поинтересовался мастер, стягивая с плеча кусок холстины. Тщательно вытер руки. — Ведем философские беседы у камелька?

Терри молча натянул толстые варежки и начал сгружать на противень горячие формы для новых буханок. Арри так быстро себе занятия не подыскал, потому Келва переключился на него:

— А ты, доброволец, предпочитаешь, чтобы тяжелую работу кто-то другой выполнял, да? Присутствуешь, но уклоняешься, да? Зачем ты здесь, доброволец? Можешь сформулировать четко и ясно?

Терри выпрямил спину и сжал кулаки в толстых горячих варежках. Его щеки пылали огнем — печи щедро делились жаром, но гнев добавил градус, и сейчас Терри ощущал себя раскаленным до звона керамическим сосудом с сосущей черной пустотой внутри.

— Он не обязан это выслушивать, — будто сам с собой начал говорить Терри. В глаза техника он старался не смотреть, чтобы не потерять хрупкое самообладание. — Он пришел помочь и не обязан отвечать на обвинения.

— На тестомесе нам помощник нужен, а добровольцев не хватает, все с ухватами стоят. Пойдешь? — прищурился Келва.

Арри застыл, разглядывая техника, будто увидел впервые. Терри оставил противень с тяжелыми формами и толкнул друга в плечо.

— Идем.

Тот покачнулся, но не двинулся с места.

— А ты, аристократ, то, что начал, не бросай. Думаешь, сразу найдется тот, кто за тобой доделает, подхватит? Зря ты так думаешь. Доброволец идет на тестомес, а ты обминай тесто и закладывай в формы. И чтобы никакой философии я от вас больше не слышал.

Терри вернулся, схватил противень за вогнутые ручки и потащил к столу. Он был уверен, что Арри идет следом, но, когда подошел к столу, оглянулся — и обмер. Арри не двинулся с места. Больше того: он что-то горячо говорил технику, а Келва молча выслушивал, продолжая механически вытирать и без того чистые сухие руки полотенцем. Место Аннели по-прежнему пустовало, правда, и куска теста, которое она бросила, уже на

столе не наблюдалось.

Разве могла она вдруг уйти из пекарни, даже не предупредив?

Терри огляделся в поисках светлой шевелюры. Может, он начинает сходить с ума из-за вечной тревоги и дурных подозрений? Может, весь мир сходит с ума, если даже Арри начинает искать в ее словах ложь и какие-то мотивы?

И тут все, кто был в пекарне, повернули головы на отчетливый звук пощечины. И Терри тоже.

Глава двадцать первая. Немного сыра в мышеловке

— Ты вроде говорил, что не готов драться за булки? — спросил Терри, ногой придвигая пустой ящик для овощей. Перевернул его на попа и осторожно сел, стараясь не поймать торчащий из расколотой деревянной плашки гвоздь со сбитой набок шляпкой.

Арри пожал плечами. Белая рубашка в темной кладовке болезненно ярко отражала свет, разливаемый присмирившим светляком. До рези в глазах.

— А я дрался? Он вlepил мне пощечину при свидетелях.

— Из-за чего хоть?

— Было за что, — уклончиво отозвался Арри. Он придвинул ящик и встал на него, чтобы заглянуть на верхние полки. Батарея закрытых банок с двухцветными строгими этикетками Первого консервного завода встретила его недружелюбным молчанием. — Слушай, наверху одна рыба. Банки с ягодами были ниже, а сейчас на той полке только сыр.

— Рыба и сыр — это хорошо. Это значит, что корона продолжает подвозить продукты в Академию, — задумчиво прокомментировал Терри.

Судя по глухому стуку, Арри переставлял банки на полке. Ящик, на который он взобрался, чтобы дотянуться до полки, сдавленно поскрипывал от его активных движений.

— Да, это прекрасная новость, но где я теперь найду ягоды? Может, они за сыром? Хоть одна банка?

— Ты не слышал, как он сдвинул щеколду? — спросил Терри. Банки с ягодами его не интересовали.

Арри тут же оставил поиски и спустился со своей ненадежной ступеньки.

— Что, правда?

— Думаешь, я лгу?

Арри запустил пальцы в волосы и растерянно дернул за прядь.

— Нет.

— Можешь проверить, — предложил Терри, даже не пытаясь сдвинуться в сторону, чтобы пропустить друга к двери. — А можешь передать мне кусок сыра. И головку лука — вот там сетка в правом углу висит.

Светляк тихонько застрекотал и стал кружиться над головой хозяина, не то неведомым образом откликаясь на его настроение, не то подчиняясь каким-то своим изначально заданным алгоритмам. Арри раздобыл то, о чем просил друг, и сел напротив на другой ящик. Протянул луковицу.

— Жаль, что здесь нет вина и хлеба, — посетовал Терри, снимая легкую шелуху с глянцевого бока. — Устроили бы хорошую пирушку.

— Не вижу повода для шуток, — категорично заявил Арри. — Келва не имеет права так поступать с нами.

Терри пожал плечами.

— Остынь. Ты говоришь так, будто они не могут сделать ничего хуже.

— Ты прав.

Арри действительно мгновенно остыл, как по команде. Поник плечами и потерял интерес ко всему, кроме своего фонарика.

Терри тоже проводил взглядом светляка, медленно скользящего вдоль полки. Без

фонарика на слюдяных крылышках в темной кладовке было бы совсем не так уютно.

— В такие моменты я готов простить твоему светляку его вечную стрекотню. Но почему он кружится вдоль полок? Сломался?

— Он воспринимает полки как линии направления, — вздохнул Арри, глядя на светляка со странной смесью гордости и досады. — И не только полки. Все, что угодно, может заставить его вдруг изменить путь или замкнуть в кольцо. Он у меня чересчур впечатлительный.

Терри невольно улыбнулся из-за неожиданной характеристики фонарика и без лишних раздумий разломил голову сыра об колено. Протянул половину другу.

— Так что ты сказал, что Келва вlepил тебе пощечину?

— Назвал вещи своими именами.

— Он тебе: «ступай к тестомесу, доброволец», а ты в ответ: «а вы, сударь, подонок»? — хмыкнул Терри, отправляя в рот кусок сыра. Сыр был довольно мягкий, незрелый и кисловатый, легко крошился. Такой прекрасно годился для пастушьих пирогов, но долго храниться на полке не мог — покрывался плесенью, причем отнюдь не благородной.

— Первостатейный, сударь, — в тон ему отозвался Арри и хохотнул.

Риамен ухмыльнулся. Он откинулся спиной на мешок с мукой и сквозь прищур наблюдал за тем, как летит по воздуху легчайшая пыль. Это было красиво и отчего-то казалось невероятно забавным. На душе стало легко и спокойно, и Терри даже сам захотел, чтобы их заперли тут и не выпускали до тех пор, пока они не съедят все запасы сыра.

А потом дверь в кладовку бесшумно отворилась. Полки и стены залил косой луч злого света.

— Вы двое совсем тронутые? Я просил вас найти начинку, а не лопать! — прогремел голос раздраженного техника. — Выходите!

За спиной магистра стали собираться любопытные студенты. Штрафники выстроились нестройным широким полукругом, пользуясь тем, что Келва никого не одергивает и не велит возвращаться к работе. А вот дежурные старшие магистры особого интереса к скандальной ситуации не проявляли. Правда, вмешиваться и выступать в защиту бакалавров, как почему-то рассчитывал Терри, они тоже не собирались. Улучив удобный момент, собрались у бочки с холодной водой, чтобы напиться вдоволь и освежиться.

— Вы нас заперли, — с вызовом бросил Арри, уперев руки в бока.

— Надо было в засеке для муки запереть — там есть нечего! — выкрикнул кто-то, и это предложение поддержали нестройным смехом.

— Новые обвинения? Такие же беспочвенные? — едко поинтересовался Келва, многозначительно подтягивая рукава до локтей и особым образом расправляя плечи. Как перед дракой. Арри поверил. Снял очки, сунул в карман и близоруко сощурился.

— На беспочвенные обвинения не отвечают кулаками!

— Все-таки очень хочешь получить красный лист, доброволец?

— Интересно за что? — не менее ядовито поинтересовался Арри.

Терри тяжело вздохнул, сунул кулаки в карманы брюк и шагнул вперед, загородив друга плечом.

— Не надо красный лист. Это все из-за меня. Это я ему рассказал.

Темные глаза техника утратили снисходительно-насмешливое выражение, и взгляд стал колючим.

— Что именно ты ему рассказал?

Терри помолчал. Потом неохотно пояснил:

— О собраниях. Мы здесь ради этого. Хотим участвовать, да, Арри?

Арри, помедлив, кивнул.

Келва будто что-то совершенно иное ожидал услышать в ответ. С небритых щек ушла недобрая кривая усмешка, тянущая уголки губ вниз. Хотя тени под сведенными бровями все еще выглядели угрожающе, но это уже были совсем другие эмоции. Скорее недоверие, чем откровенная враждебность.

— Что еще за собрания? Мы здесь, — он обвел ладонью зал пекарни, — ради того, чтобы печь хлеб.

— Значит, Аннели лжет? Интересно, зачем бы ей это делать?

— Может, чтобы произвести на тебя впечатление?

Келва оглянулся на студентов, среди которых пробежал приглушенный шепоток. Посмотрел на них грозно, словно только сейчас заметил, что никто не работает и прикрикнул, чтобы возвращались к своим обязанностям. А сам положил ладонь между лопаток Терри и увлек его к тестомесу. Наклонился к уху и негромко сказал:

— Ты задаешь хорошие вопросы, аристократ, но чересчур громко и в присутствии лишних людей. Ты не пробовал поразмыслить в одиночестве?

Никто его не услышал, кроме Арри, который шел следом.

— Подумаешь, какой великий вопрос. Аннели могла солгать, потому что Келва ей велел.

Терри вывернул шею, чтобы прочитать по лицу друга, насколько тот серьезен. Арри напялил очки и указательным пальцем поправил их на переносице. Он был растрепан, как задиристый воробей и явно настроен если не на драку, то на громкую ссору.

— Шел бы ты отсюда напрямиком через барьер, доброволец, — утомленным голосом посоветовал Келва. — Если тебя не устраивают мои цели или методы — никоим образом не держу.

Арри пренебрежительно шевельнул плечом и промолчал. Терри с легкостью вывернулся из захвата и на пару шагов отошел от обоих.

— Где Аннели, мастер Келва? Давайте спросим у нее.

— Зря ты ее привел. Сегодня не ее смена, — с какой-то даже печалью отозвался техник, отводя взгляд.

«Ты подставил меня» — прошипел где-то над ухом бесплотный, но оттого не менее реальный Маррет. От его голоса и ощущения потустороннего присутствия у Терри зашевелились волосы на затылке.

— Где Аннели? — опять спросил он, стараясь не давать воли разъяренным призракам и дурным предчувствиям.

Келва поморщился и поскреб ногтями щетину под подбородком. Терри истолковал этот жест как подтверждение своих худших опасений, возведенных в степень после внезапного появления призрака.

— Где она? — разом теряя голос, просипел он.

— А ты как полагаешь? — жестко усмехнулся техник. — Убил, расчленил и съел? Брось. Это же ты Древний, не я. Откуда бы у меня взяться такой привычке?

Все эти аргументы про древнюю кровь действовали на Терри хуже, чем горсть песка, брошенная в глаза.

— Я полукровка, — опасно балансируя на острие между ледяным спокойствием и

нервным срывом, напомнил Терри. Он с трудом подавил беспричинное желание сплюнуть. Каждый раз, когда он оказывался лицом к лицу с техником, у Терри возникало ощущение, что его макают лицом в грязь и не дают отдышаться. Даже Карьян и Риттау казались почти достойными людьми, если поставить рядом мастера Келва. — У меня нет никаких таких привычек.

— Как скажешь, полукровка значит полукровка, — прислушиваясь к своим мыслям, без прежнего нажима отозвался техник. Тон его голоса переменялся, стал глубже и мягче. — Аннели, значит, рассказала тебе про собрания, полукровка? И ты захотел присоединиться?

— Да, — без колебаний подтвердил Терри.

— И ты, доброволец? — темные глаза метнули острый взгляд исподлобья на растрепанного бакалавра с пятном от муки на подбородке.

— И я, — сухо ответил Арри. — Куда он, туда и я.

— Не в этот раз, уж извини. Для тебя места не хватит, — с отчетливым ехидством в голосе посетовал Келва. — Ненароком оступишься, и мы все будем очень скорбеть. А вот ты, аристократ, не бойся. Если что, тебя-то я поймаю.

Он неторопливой походкой направился к железной лестнице, которая огибала помещение по периметру и уходила к системам вентиляции за печами.

Терри и Арри переглянулись.

— Ты тоже это слышал? — Терри на всякий случай решил перепроверить, не померещилось ли ему. Мало ли. Слышит же он, в конце концов, голос «стертого» агента. Замороженной голове веры нет.

— Уж поверь, лучше бы я этого не слышал! — в сердцах бросил друг, в порыве чувств дернув себя за выбившуюся прядь. — Правильно про него Тармо говорил. Ему нельзя доверять.

— Я и не собирался ему доверять. Хотел попросить, чтобы ты прикрыл меня и не пускал никого на лестницу до тех пор, пока я не вернусь.

— И правильно.

— А что говорил Тармо Перту?

— Что Келва давным-давно заслужил серую куртку за свой дерьмовый характер, но откупается тем, что находит и сдает Специальной комиссии одержимых. Как тебе объяснить в двух словах, чтобы ты не принял на свой счет... — Арри в растерянности зачесал растрепанную шевелюру набок.

— Что-то вроде егеря, ясно, — удивляясь собственному равнодушию, кивнул Терри. Он проводил взглядом спину в ладно сидящей по фигуре синей куртке. Почему-то даже теперь Келва не казался опасным противником. В опущенных плечах виделся некий надлом, слабость. — А меня сдала Вария. Или Карьян.

— Такие слухи разлетаются быстро. Может, он нарочно подстроил тогда сцену с булкой? Тебе нужно быть осторожнее с ним.

— Я понял. Спасибо, что предупредил.

— Говорят, белая кровь чует егерей. Я не верил, пока оно все не сошлось одно к одному. Видимо, во мне тоже есть пара капель. До смерти хочется его убить прежде, чем он засунет твою гениальную, но совершенно безрассудную голову в экстрактор, — с внезапной откровенностью признался Арри. Он явно не знал, куда деть руки, ноги и глаза. Прошелся туда-сюда и с раздражением пнул спокойно лежащий на полу деревянный брусочек.

— Дай угадаю. Он за это признание тебе врезал? — со смешком поинтересовался

Терри, старательно не обращая внимания на то, как горячо отозвались в нем искренние слова друга про белую кровь и желание убить егеря прежде, чем тот успеет навредить. С такой точки зрения все это имело смысл, да еще какой!

— Нет. Я обвинил его в том, что он использует первокурсницу как наживку, чтобы добраться до тебя.

Смех прокис в груди Терри. Грубым словом «наживка» называли тех девушек, которые работали в портовых тавернах и на близлежащих улицах. Их задачей было не столько оказать специфические услуги, сколько заманить мужчину в заведение, где его уж точно обдерут до самых пяток, как кролика. Риамен прочистил горло и сухо сказал:

— Все не так, как ты думаешь.

— Посмотрим, — только и ответил Арри.

* * *

Железная лестница вела к двери на крышу.

Правда, сперва пришлось миновать пыльную каморку-тамбур неясного назначения, в которой доживали свой век слепые пауки. Сквозь щели в рассохшейся древесине по ногам тянул холодный сквозняк. Терри высоко поднимал ноги и старался не думать об источнике тихого шелеста по сторонам. Звук был щекочущий, до мурашек напоминающий скорее о шепоте призрака, чем о маленьких лапках ночных грызунов. Риамен предпочел представить себе, что это сквозняк настойчиво листает туда-сюда одну и ту же страницу в некогда раскрытой, да так и оставленной книге.

После каморки за обитой жстью дверью распахнулся во все небо купол Сияющего квартала. Подсвеченная луной и фонарями, переменчивая пленка энергии, натянутая над головой сколько хватало глаз. И именно ночью особенно отчетливо были видны бреши, в которых свободно гулял ветер. В пробоинах купола звезды не обретали колкий ореол и не двоились в глазах.

Терри полной грудью вдохнул свежий ночной воздух и тут же замерз до самой селезенки. Холодный ветерок пробрался под куцые рукава кителя, который Терри предусмотрительно накинул на плечи перед тем, как подниматься по лестнице. Ледяной страх высоты свил гнездо в груди и стал расползаться по жилам с каждым осторожным вдохом-выдохом. Услышав, как под пяткой что-то звонко треснуло, Риамен едва не потерял равновесие на ровном месте.

— Ну почему как что, так сразу крыша? Н-неужели нельзя было найти уютный погреб с ядовитыми з-змеями и высохшими черепами? — сквозь зубы процедил Терри, стараясь не обращать внимания на то, что у него слабовольно дрожит подбородок.

— Потому что, как ни посмотри, крыша подходит больше, — рассмеялся где-то рядом Келва. Резко, рискуя сверзиться с покатой черепицы, Терри вскинул голову и увидел техника у неприметной дверцы под традиционным резным козырьком, изображающим ветер в виде рогатого змея с длинными усами. — Ты слышал сказку о том, как ветры в Акато-Риору учатся летать?

Терри отрицательно помотал головой. Его куда больше заботила странно притягательная высота под ногами, чем чьи-то там уроки полетов.

— Они соскальзывают с пологих скатов. Благодаря изогнутой форме крыш, неопытные ветры не падают на головы прохожим, а отталкиваются и взлетают выше. А дальше все

зависит только от того, как широко они раскинут крылья и насколько интенсивно будут ими работать.

— К-как тр-рогательно. Д-должно быть, в этом есть к-какой-то глуб-бокий с-смысл, — как ни пытался Терри освоиться на продуваемой ветрами крыше, расслабиться ему не удавалось, а временами его зубы даже выдавали недолгую нервную дробь.

— Какой ты все-таки недогадливый, аристократ, — укорил Келва. — Не умеешь читать между строк. Когда мой дядя работал секретарем Первого советника, он постоянно рассказывал анекдоты, как высокородные съедали друг друга при помощи одной остроты и двух метафор. Ты в той среде и дня бы не протянул.

— Я и не протянул.

Келва опять коротко засмеялся и подал Терри руку, чтобы помочь ему преодолеть страх высоты и затянуть на относительно пологий участок крыши перед деревянным фронтоном. Там он с самым непринужденным видом уселся прямо на черепицу и похлопал ладонью рядом с собой, приглашая Терри занять место рядом. Тот помедлил, но возражать не стал. Сидя оно как-то безопаснее. И ветер не пытается столкнуть тебя вниз.

— Так что, здесь проводят собрания? — усомнился Терри.

Техник усмехнулся так, что сразу стало понятно: говорить на эту тему он не станет. А если и станет, то верить нельзя будет ни единому слову.

— Зачем тебе собрания, аристократ? В чем твоя выгода?

— Аннели рассказала, что вы против Арчера и его политики. Я тоже, — быстро сказал Терри.

Ветер стих, будто прислушивался. Терри задрал голову, чтобы проверить, на месте ли прорехи в куполе. Так и есть: над головой, как рябь по воде, прокатывались волны от усилителей. Техники латали купол. Едва ощутимая вибрация пронизывала воздух.

— Почему ты против?

— Он угрожал мне.

— А кто ты такой, чтобы Арчер угрожал тебе?

Вопрос задел за живое. Терри посмотрел на свои руки.

— Я Риамен. Кажется, ему этого довольно.

Келва хмыкнул.

— Непросто живется наследникам героев, а? Но тут ты заблуждаешься. Гэрран Арчер не из тех, кто тоскует по старой родине. Акато-Риору дал ему гораздо больше, чем могли даже в теории дать горы и примитивные шаманские практики.

Терри промолчал. Сам он подумал, что банальный мотив мести в этой головоломке выглядел бы даже красиво. Когда-то старый король использовал фигуру его деда, чтобы разбить надежды горцев вернуть долину Риодана. А сейчас один их тех горцев мог бы попытаться использовать внука, чтобы разрушить надежды сына того короля вернуть под свой контроль Академию. В какой-то момент Терри даже подумал, что при таком раскладе вся его жизнь могла бы стать сюжетом для дешевой книжки в жанре курьезных злоключений. Вроде тех, что публикуют на серой бумаге и которые продаются не в уважаемых книжных лавках, а кочуют в руки покупателей прямо из сумок мальчишек-газетчиков рядом с вокзалом.

— Что у тебя с Аннели? — глядя прямо перед собой, спросил Келва после долгого молчания.

Терри зажмурился и глубоко вдохнул, чтобы подавить вспыхнувшее раздражение. Он

так и подумал, что о собрании и даже об Арчере Келва если и будет говорить, то только для того, чтобы свести разговор к Аннели.

— Аннели просила меня помочь ей, — хмуро ответил Риамен. Ему смотреть на профиль техника тоже не хотелось и поэтому он бесцельно скользил взглядом по черепичным крышам Сияющего квартала. То тут, то там по пологим скатам стекала едва заметная полоса отраженного света. Это было красиво. Будто цветной ветер. Если бы пустота не скалилась голодной пастью рядом с подошвами его ботинок, Терри залюбовался бы.

— И ты помогаешь?

— Помогаю.

Келва издал какой-то странный звук: не то смешок, не то горло прочистил. Терри оглянулся на него и увидел недовольную гримасу: поджатые губы, сведенные брови.

— Аннели из тех девушек... Или людей, все равно... Вся их сущность — это воплощенная просьба: «Спасите меня». Есть такие, кто воплощает просьбу: «Любите меня», с ними хотя бы все ясно. А с теми, кто ищет спасения, никогда нельзя быть уверенным, что все делаешь правильно.

— Если девушка плачет — значит что-то неправильно, разве нет? — очень холодно уточнил Терри. У него было собственное мнение относительно того, что он узнал от Аннели о настойчивых притязаниях техника, и слово «правильно» никак не подходило по контексту. Даже при известных натяжках.

— Она писала мне письма. Если хочешь, я покажу, я их все сохранил. Пока жила у родителей, она присылала письма, в которых рассказывала, как ей больно, что ее вынуждают работать в лавке отчима, как взрослую, а платят гроши, как ребенку: только и хватает на книжку в месяц, если лакричные леденцы не покупать.

— С чего вдруг она писала вам письма? — грубовато спросил Терри. Некстати вспомнилась детская присказка про магистра, который должен чинить все, что сломалось. Разве мог он поверить, что Аннели всерьез считала, будто какой-то магистр поможет справиться с семейными проблемами?

— Мы были знакомы задолго до Академии. До того, как ее мать вышла замуж второй раз, она помогала моей матери по хозяйству. И приводила с собой Аннели еще когда та в одной рубашке бегала. Я присматривал за ней, если не успевал придумать себе занятия поинтереснее.

— И вы решили, что это дает вам какие-то права на нее? — удивляясь собственному спокойствию, поинтересовался Терри. Он столько раз прокручивал эти вопросы в собственной голове и никогда, даже в самых смелых фантазиях, не думал, что произнесет эти слова с таким равнодушием.

Келва глянул на него с изумлением.

— А ты все-таки не совсем профан в казуистике, аристократ, — с иронией похвалил он. — Однажды случилось кое-что, после чего я приобрел какие-то права. Причем в глазах самой Аннели. Мы пошли купаться в море. Не смотри на меня так. Не вдвоем. Целой ватагой собрались со всей улицы, купили булок и бутылку сладкой воды у старого Эла и пошли чаек гонять. Аннели среди нас была самая младшая. Ей лет шесть тогда было, если не меньше.

— Ее утянуло течением? — с легкостью угадал развитие событий Терри.

— Да. В какой-то момент я потерял ее из виду. Вот только что была тут, на виду, а больше ее нигде нет... Это было похоже на чувство, будто я убил ее своими руками. Но

реальность была еще страшнее. Она толком плавать-то не умела. Я нырнул и нашел ее под водой — она пыталась, но не могла пробиться к поверхности. Я вытащил ее, а сам думал, как же так? Она едва не утонула там, где я мог спокойно стоять.

Терри промолчал.

— В этом вся Аннели. Я не знаю, родилась она такой или сломалась в какой-то момент, но ей не хватает сил, чтобы спасти себя самой. Поэтому она стала писать мне письма, когда я ушел в Академию. Ей снова нужна была моя помощь. Я на ее месте устоял бы без труда, но она начала тонуть, и каждое следующее письмо было пронзительнее предыдущего.

— Людям в городе кажется, — глухо произнес Терри после паузы, — что за барьером их ждет иная жизнь. Наполненная смыслом. Безопасная. Удивительная.

«Мне самому так казалось когда-то», — рвались с языка и без того очевидные слова. Эти слова мог сказать любой живущий под куполом. Даже невысказанное, это признание объединяло в том числе тех, кто терпеть друг друга не мог.

— Вот именно, аристократ. Каждый видел что-то свое. А вот скажи: много ли тех, кто спал и грезил, что станет по ночам печь хлеб?

«Я знаю, куда ты клонишь, — раздраженно подумал Терри. — Но все гораздо серьезнее, чем отработки. Для Аннели это вопрос жизни и смерти».

— Но те, кто поступил сюда без протекции, хотя бы могут справляться с учебой, — сквозь зубы процедил он. — Девочка из Среднего города, без образования и способностей — сколько она протянет на отработках?

— Со мной — сколько угодно. Она не рассказывала тебе, что я написал для нее научный проект за первый курс? И не один, если хочешь знать. У меня есть черновики на несколько лет вперед. Никто бы не стал ее трогать с такими проектами, какие я для нее придумал.

От похвальбы отчетливо тянуло мальчишеской самонадеянностью и позерством. Она навязла на зубах хуже кислой ягоды ажри. Терри скривился.

— С одной стороны, вы устроили ее на всем готовом, а с другой — у нее нет никаких шансов выжить самой, если с вами что-то случится. Отличный план, мастер Келва! Я видел мышеловки, которые были устроены куда проще.

Терри не мог больше сидеть и беседовать. На холодной черепице невозможно устроиться с комфортом и забыть о времени. Тем более, когда на носу Темная декада. Хоть три барьера над Академией поставь — зиму в Акато-Риору не отменишь. Широты здесь не самые благоприятные для ночных прогулок. Он встал и одернул старый китель.

Келва порывисто поднялся следом за Терри и качнулся, на миг потеряв на равновесие. Чтобы не упасть или еще по какой причине он схватил бакалавра за плечо. И тут же заговорил: горячо и торопливо, будто только и хотел, что убедить Терри в своей правоте. Словно бакалавр был судьей и от его мнения хоть что-то зависело.

— Ей нужна была помощь, а как я еще мог помочь ей? Отсюда! — Он обвел свободной рукой лежащий под ним Сияющий квартал. — Что я еще мог сделать?

Терри не стал дергаться и вырываться. На такой высоте он предпочитал поменьше двигаться. «Должно быть, именно поэтому Келва меня сюда и затащил», — мелькнула мысль и пропала.

— Я не знаю. Она не говорила, что сама этого хотела.

— Зато я знаю. Я выбил ей пансион. Вряд ли можешь представить себе, аристократ, ЧТО должен обещать Арчеру рядовой техник без влиятельной родни, чтобы обеспечить

кому-то место и пансион в Академии. Я сделал все, что от меня зависело, чтобы дать девочке шанс. А потом оказалось, что она не хотела и что родители привели ее силой.

— И все-таки она не хотела, — вздохнул Терри. Он уже начал было нервничать из-за того, что Келва тоже пытается выставить Аннели лгуньей, как Арри. Он не знал, что будет делать, если Келва окажется способен на такую низость. Как поступить, если под ногами хрустит черепица и пустота хватает за сердце?

— Не хотела. Да. И способностей у нее нет, я знаю. Так что не трудись учить меня уму-разуму, аристократ. Я и без тебя все понимаю. Если бы в это не вмешались ее родители, она бы не оказалась здесь против воли. Ты понял? Я давал ей шанс, и она могла бы решить сама, но выбрать самой ей не позволили, — повторил он рассеянно, погружившись в размышления. Почему-то складывалось впечатление, что он этими словами себя успокаивает. Будто они вошли у него в привычку.

— А где она сейчас? Что ты ей сказал? — незаметно для себя самого переходя на «ты» спросил Терри.

— Отпустил спать. Сегодня не ее смена, говорю же. Ты принял меня за людоеда, аристократ, а я не людоед.

— А собрание? Разве не сегодня?

— Вот упертый, собрание ему подавай, — вздохнул Келва. — Тебя некому рекомендовать, ты знаешь? А если кто без рекомендаций начинает так настойчиво добиваться поучаствовать, я начинаю подозревать его в шкурных интересах.

— Аннели не в счет?

— Не в счет. Я пытался ее подбодрить и обещал, что найду способ выпустить ее из-под купола. Но она всего лишь первокурсница, которая плохо поняла мои предупреждения, что в Академии доверять нельзя никому. Особенно полукровкам. — В голосе техника прорезалась сталь. Он сделал шаг, вынуждая Терри отступить на полшага. Черепица под подошвой вдруг показалась совершенно ненадежной. Терри сглотнул.

— Я хочу того же, — выдохнул он, опасаясь за свою жизнь и стремясь повысить ее ценность в страшно серьезных глазах техника. — Чтобы купол пал. Чтобы все магистры получили свободу. Я знаю, как это сделать.

— Как? — Келва приблизился еще на полшага. Терри, не отрывая подошвы от круглого бока черепицы, сдвинулся чуть назад и в сторону.

— На это требуется время. И помощь не помешает. Но! Но его величество доверил мне это дело. И я делаю все, что от меня зависит. Я предупреждаю! Если со мной что-то случится, король дотянется и до тебя. Руки у него длинные, и в Академии хватает его людей, — нервной скороговоркой выпалил он, бросая короткие взгляды под ноги и при этом следя за ногами и корпусом магистра. Пытаясь угадать следующее движение.

Келва отстранился.

— Вот как, — только и сказал он.

Терри выдохнул, должно быть, гораздо более шумно, чем собирался.

— Да не трясись так, — бросил Келва. — Я всего-то хотел сперва с тобой поговорить с глазу на глаз. Понять, что ты за человек такой.

— И... какой?

Келва ответил не сразу. И явно не то, что на самом деле хотел сказать.

— Ты вылитый аристократ, Риамен. Как только начинаешь думать не о себе, а о других, выходит хуже для всех, — с кривой усмешкой выдавил он. — Считаю, что ты принят на

испытательный срок. Но если тебе все-таки за чем-то нужны именно собрания, имей в виду, что туда без вменяемого плана или готового проекта лучше не соваться. Сказочников там не привечают. Все-таки не в игры играем. И добровольцу своему передай... Передай, что сам такой.

Глава двадцать вторая. Новые обстоятельства

Вернувшись к себе после полуночи и не найдя в кровати хорошенькую блондинку, Терри коротко возблагодарил Хранителей за милость, разделся и упал в объятия прохладной подушки.

Но сон не принес отдыха. Под ногами хрустела и ломалась черепица. Спину охлаждал ледяной ветер бездны. От падения удерживала только железная рука Риттау. За нее и хватался Терри непослушными пальцами, но при этом не верил, что сможет удержаться, если сотник столкнет его в пропасть. Бледное холеное лицо, в котором Терри тщетно пытался найти сочувствие, было совершенно бесстрастным. Казалось, Риттау ждет только команды, чтобы убить.

— За что? — выдохнул Терри. — Почему я?

Сотник улыбнулся нечеловечески жестокой улыбкой. Так мог бы улыбаться одержимый, душу которого демоны давно выжгли дотла. Его светло-лиловые глаза сузились и потемнели.

— Улыбайтесь, Риамен, — посоветовал он. — На вас же смотрят.

И толкнул. Спиной вперед. В черную пропасть.

Мир перевернулся. Колючие звезды оказались под ногами. От свиста ветра заложило уши. Терри разевал рот, но сам себя не слышал. Тянул руки, но мог ухватить лишь пустоту, пачкающую ладони, как чернила.

Так он и оказался на полу в своей комнате на рассвете.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Терри никак не мог отдышаться. Кошмар сторожил на зыбкой границе между сном и явью. Ветер свистел в ушах даже после того, как Риамен кое-как выпутался из одеяла и сел на кровать.

Смириться с мыслью, что отдохнуть получится когда-нибудь завтра, было непросто. Особенно если учесть, что заветное «завтра» все никак не наступало. Терри очень долго умывался холодной водой и еще дольше разглядывал свое отражение в небольшом «поплывшем» от старости зеркале над раковиной. Приглаживая мокрой ладонью отросшие серебряные пряди на виске, он внезапно подумал, что видел недавно точь-в-точь такой же уставший взгляд, тот же разрез глаз и даже похожее выражение на лице короля.

— Теперь ты меня понимаешь, племянник, — процитировал Терри, подражая чуть хриловатому голосу Эриена. И криво ухмыльнулся, исподлобья заглядывая в светлые глаза своего отражения. Намного более светлые, чем у короля.

Тот Терри, что жил за холодным пятнистым стеклом, серьезно кивнул.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Я чувствую то же самое, — с чувством прохрипел он. Помолчал недолго, разглядывая отражение, а потом, прекратив притворяться тем, кем не являлся, вздохнул: — Я точно схожу с ума. Где его величество, и где я?

— Его величество доверил тебе самое дорогое, что только можно придумать. Книгу с тайнами запретной магии. Просто так такие подарки не делают, — холодно напомнило отражение. — Не вздумай разбрасываться доверием короля, Терри Риамен, не повторяй ошибок своей матери.

Терри сжал края раковины так сильно, что едва не сорвал умывальник со стены. Теперь он ясно видел в отражении материнские черты: линия длинного носа и надменный излом губ принадлежали Лассель Риамен. Женщине, которая заняла кресло советницы короля и не сумела на нем усидеть. Терри возненавидел сейчас это сходство. Оно предвещало провал.

Словно в самой сути его существования уже лежала причина, почему он обречен потерять то небольшое, что у него осталось. Потому что он сын своей матери.

— Ни за что, — твердо сказал Терри, глядя в глаза своего отражения. — Я не допущу, чтобы у короля появились причины сомневаться в моей преданности.

Легче сказать, чем сделать. У бакалавров, тем более обремененных двумя красными листами, слишком мало свободного времени. Не так просто выкроить свободный час — да хоть минуту! — на то, чтобы поработать над чертежами.

А задачи Терри ставил перед собой настолько нетривиальные, что, по большей части, тратил драгоценные минуты на бессмысленное просиживание штанов над чистым листом. В лучшем случае он переводил бумагу на наброски контуров и бесконечные уравнения для расчета потерь энергии на каждом узле. Коэффициент высвобождения раз за разом почему-то выходил за границы допустимого, и это сводило Терри с ума. Произошло то, чего он всегда боялся. Он не умел завершить, даже начерно, волшебную вещь, которую придумал. Письмо, браслет — все, что отняли у него, теперь работало, а для стабилизации потоков кнута Атайры будто чего-то не хватало.

Риамен не слышал голоса менторов, смотрел мимо Арри, когда тот заговаривал с ним, забыл пообедать. Ему уже и листок бумаги был без надобности: цветные линии укладывались перед мысленным взором, послушно завивались в спирали и замыкались в кольца, но красоты и завершенности в их рисунке даже так не получилось достичь.

К вечеру того дня Терри совсем пал духом и послушно потащился следом за решительно настроенным Арри во вторую равинтору за порцией тушеных овощей и грибным супом.

— У меня такое чувство, будто тебя уже стерли, Риамен, — сказал Арри, наблюдая за тем, как друг без аппетита раскладывает по разным кучкам оранжевые дольки сладкого овоща порке и белые кусочки мягкого кёсе. — О чем вы говорили с техником?

Терри подпер рукой щеку.

— Об Аннели, о чем еще можно с ним говорить? Он только о ней и думает.

— Прямо как ты, — хмыкнул Арри. — Кстати, я слышал, как девушки расспрашивали Варию о первокурснице, которая проводит ночи в твоей комнате.

— А что Вария? — спросил Терри, не поднимая глаз от тарелки.

— А ты как думаешь?

Терри вздохнул.

— Думаю, что она назвала меня вонючим горным козлом, и это еще в лучшем случае.

Арри разломал кусок хлеба и высыпал крошки в горячий суп, чтобы тот быстрее остыл и загустел. Он выглядел еще более сердитым и растрепанным, чем обычно.

— Я ведь предупреждал, что помощь блондиночке обернется проблемами? Тебе плевать на то, что о вас говорят? Как ты будешь защищать дипломную работу, если к тому времени не останется людей, готовых поддержать тебя?

Терри отодвинул тарелку. У него окончательно пропало всякое желание притрагиваться к еде.

— Это все равно, что сдать. Сказать: «Я не буду тебе помогать, разбирайся сама». Это значило бы, что я поджал хвост и сбежал, даже не попытавшись. Ты мог бы отказать девушке, которая просит о помощи? Я вот не могу, как оказалось.

— Не всегда разумно бросаться на помощь к тому, кто тонет, — проворчал Арри. — Тем более в грязи. Вы по уши в дерьме, а Келва как будто ни при чем. Теперь никто не поверит, что у него были виды на первокурсницу, ведь она ночует не в его комнате, а в

твоей.

Ядовитые слова, как кислота, разъедали и без того расшатанную опору, на которой держалось терпение Терри.

— Знаешь что? Меня и в самом деле не волнует мнение тех, кто ничего не понимает, — прошипел он. — Я тону в дерьме с того самого дня, когда мать обвинили в растрате и измене. И чем дальше, тем быстрее. Если тебя это беспокоит, какого демона ты забыл рядом со мной? Отойди, не то запачкаешь свой белый магистерский плащик.

Арри глянул так, будто в этот момент вознамерился утопить Терри в тарелке с грибным супом.

— Я буду тянуть тебя из этого дерьма до тех пор, пока рука не отсохнет, Риамен. И плевать мне на белый плащик, да и на твой несносный характер тоже. Я это делаю даже не ради тебя, а ради памяти отца.

— Памяти отца? — растягивая слова вдвое дольше положенного переспросил Терри. Из-за этого его вопрос прозвучал так, будто он сомневался в каждом слове: “Памяти? Отца?”

— Если ты не знал, он до самой смерти боролся за то, чтобы снять с твоей матери обвинение в растрате и измене, — гневно раздувая ноздри, прошелестел Арри.

— Чт...

— Я слышал, как он говорил матери, что будет требовать пересмотра. Если понадобится, раз за разом. Мать плакала. Разбила что-то. А отец был уверен, что поступает правильно. Знаешь каким он был человеком? Никогда ни на шаг не отступал от того, во что верил.

Вторая равинтола не затихала ни на мгновение. Люди ужинали, разговаривали, смеялись, а Терри был единственным, кто не произносил ни звука. Он стиснул ложку в кулаке и нахмурившись уставился в одну точку.

— Думаешь, твоего отца... из-за моей матери? — не решаясь взглянуть в глаза друга, вполголоса спросил Терри.

— Я думаю да, — коротко и твердо ответил Арри. — И не только я так думаю. Сам слышал, что сказал Тармо.

— Слышал, он тебя святым называл, — проворчал Терри. Он честно искал такие слова, которыми можно было все исправить или хотя бы снять хоть наполовину груз вины перед другом. Но нашел совсем не те и не так их произнес. Повезло, что Арри не обиделся на ворчливый тон. Или сделал вид, что не обиделся.

— Я-то что, — вздохнул он. — Мой отец был лучше меня. Он не собирался сдаваться. А я...

Терри предпочел бы прямо сейчас получить третий красный лист, только бы не слышать это безнадежное, оборванное “а я”. Что он хотел этим сказать? Почему замолчал? Риамен глянул на друга исподлобья.

— А ты?

— А я хочу, чтобы ты перестал вести себя так, будто мечтаешь поскорее сунуть голову в Экстрактор. Я ничего не смогу для тебя сделать, если они решат, что ты заслужил серую куртку. Даже думать об этом тошно, — пожаловался Арри. Его отросшая челка в очередной раз свалилась на очки, и он нервным жестом откинул ее назад.

— Они не посмеют, — тихо сказал Терри.

Арри криво улыбнулся.

— Отец тоже так говорил.

Терри долго молчал.

— Почему ты раньше не сказал? — наконец спросил он, поднимая голову.

— Ты будешь смеяться. Я думал, что ты без меня все понимаешь. Что нового я мог тебе сказать? Ты сам не задумывался, почему судья отказывался выносить приговор? Может, потому что не видел убедительных доказательств?

Терри растирал пальцами виски, будто это движение могло помочь уложить услышанное в голове. Соотнести с тем, что он помнил о заседании суда. А помнил он мало. Помнил стрелки часов, дотошного искателя, черную вуаль на бледном лице матери. Он не помнил, что говорили судейские, пытался ли кто-то защитить мать от несправедливого обвинения. Зато дословно мог бы воспроизвести текст приговора, хоть сейчас, с любого места. Несколько фраз, которые забрали у дома Риамен все. Имущество. Честь. Будущее.

— Я... Я, кажется плохо помню... Мне казалось, что это все неважно. Даже злило, что декадами идет расследование. Как, когда и сколько денег она украла. А я так и не узнал, зачем. Отец тратил деньги на какие-то авантюры, я не вникал. Мне казалось, их вполне хватало, несмотря на его выходки. Может статься, я заблуждался, и матери приходилось пользоваться своим положением советницы, чтобы содержать дом и прислугу, платить за мое обучение. Я не знал, что и думать... — Терри запустил пальцы в волосы и согнулся над столом, пряча лицо в ладонях. Щеки горели так сильно, будто ему снова было семнадцать, будто он опять бежал по коридорам Управления, чтобы успеть поговорить с матерью перед тем, как она навсегда покинет город.

Арри протер очки салфеткой и водрузил обратно на нос. Укоризненно поглядел на друга сквозь отливающие радугой линзы.

— Мой отец был судьей и не верил лживым обвинениям, а ты не знал, что думать?

— Просто у тебя был отец, которому ты мог доверять, — хмуро возразил Терри. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

— Заткнись, прошу тебя, — попросил Арри, болезненно поморщившись. — «Повезло», скажешь тоже.

Терри взял деревянную палочку и размешал в давным-давно остывшем чае горький сок от желтой соломки корня инкиваари. Просто чтобы чем-то занять руки и отвести глаза.

— Прости, — сказал он.

Арри внезапно увидел кого-то за спиной Терри и изумленно поднял брови. Терри хотел было обернуться, чтобы взглянуть, не Варию ли, но друг предостерегающе покачал головой и, понизив голос до шепота, сказал:

— А если я скажу, что все это время Карьян сидел за твоей спиной?

Терри одним глотком выпил холодный горький чай и не смог бы с уверенностью сказать, что почувствовал вкус.

— И слушал?

— Похоже на то, — напряженно ответил Арри. — Если не будешь есть, может, уйдем, пока не начались проблемы?

Терри в глубокой задумчивости придвинул тарелку остывшего супа.

Проблемы с Карьяном начались почти сразу и с каждым годом только усугублялись даже несмотря на то, что Терри ждал два года, прежде чем врезать ему за браслет.

Так может, следовало сразу дать решительный отпор, еще тогда, на первом курсе, когда Карьян посоветовал ему сдохнуть, лишь бы не жить в должниках короля!

— Что, у лучшего студента закончились важные дела в его собственной лаборатории,

если он сидит и подслушивает чужие разговоры? — чуть повысив голос, поинтересовался Терри, не оборачиваясь, как и просил Арри. Правда, если бы он предвидел, что случится потом, то наверное попросил бы промолчать.

— Вот это он точно слышал, — вздохнул тот. — Признай уже, что есть человек, который платит тебе за каждую стычку с ним. Я пойму.

Чтобы заглушить раздражение, Терри неосмотрительно сунул в рот корку подсохшей краюхи. Сухой хлеб драл плотку. Терри закашлялся. Пока он давился крошками и остывшим чаем, Арри выразительно на него смотрел, и Риамен не сдержался, поинтересовался громко:

— Мне? А может быть, это ему кто-то платит?

— Эй, а можно потише? — обернулся к ним недовольный небритый техник с рубцом от большого ожога на щеке. — Нашли время, чтобы орать.

Вмешательство техника не охладило возмущение Терри, а только добавило масла в огонь. Он всем корпусом развернулся к своему главному сопернику — аж ножки по полу закрипели. Карьян спокойно сидел за следующим столом, непринужденно откинувшись на спинку стула и неприкрыто сверлил его взглядом.

— Интересно, кто ему платит? — глядя в холодные синие глаза Карьяна, спросил Риамен. Давняя обида только и ждала повода, чтобы выплеснуться, стоило заговорить об оплате. — И не лучше бы ему сжечь себе мозги, чем жить на чужом поводе?

Тонкие губы Карьяна дрогнули. Он состроил презрительную гримасу, качнулся на ножках стула, раз-другой. Ботинок Арри отдал Терри ногу под столом.

— Ты в своем уме? Это слышали вообще все! — прошептал друг, округлив глаза.

В самом деле, некоторые люди в равинтоле услышали слова Терри. Короткая ломкая тишина всплеснулась возмущенным скрипом стульев и гневными голосами:

— Эй ты, мальчишка, а ну назовись! — потребовал мужчина в очках, сидящий через два столика ближе к двери.

— Кто это там высказывается? — один человек настолько возмутился, что вскочил на ноги. — Кому это там поджарить мозги захотелось?

— Мальчишка угрожать товарищу вздумал, — без особой охоты объяснил небритый обожженный техник.

Терри опустил голову. Возможно, если бы он был не таким уставшим и злым, то пожалел бы о своих словах, но пока что его все целиком и полностью устраивало. Вины за собой он не чувствовал. В конце концов, пусть никто этого не знает, но он всего лишь вернул реплику, которую когда-то ему сказал сам Карьян. И он видел, что Карьян прекрасно опознал цитату, и что она его уязвила. Вечер неудачного дня, на взгляд Терри, с этой минуты стал намного лучше.

Стул на этот раз скрипнул совсем рядом. Терри приоткрыл один глаз. Арри накиннул на плечо длинную лямку сумки.

— Уходим, — напряженным голосом сказал он.

— Это смахивает на побег, — криво улыбнулся Терри, глядя на него снизу вверх. — Я не побегу.

— Я же сразу сказал, давай уйдем, — возмутился Арри. — Еще до того, как ты умудрился настроить всех против себя!

— Они все равно ничего не понимают, — равнодушно отозвался Терри. — А вот Карьян понял. Это главное.

К их столику тем временем подошли старшие магистры. Один из них, скрестив руки на

грудь, потребовал, чтобы Терри назвал свое имя и причину, которая побудила его угрожать товарищу.

— Это недоразумение, — Арри поднял ладони, миролюбиво улыбаясь. — Никто никому не угрожал.

— Хочешь сказать, нам послышалось? — наседали на него. — Вы в своем уме, бакалавры? Такими вещами не шутят.

— Имена. Смотрители завтра разберутся, кто прав, — сухо напомнил магистр, нависающий над столом, за которым сидел, сторбившись, Терри.

— Разберутся? Вы так уверены в этом? — с наигранным простодушием уточнил Терри, игнорируя вопрос про имя.

Вперед вышла седовласая женщина в черно-синей клетчатой накидке поверх синего платья. В руках она несла поднос с пустыми тарелками и чайной чашкой. На кончике ее длинного носа блеснули очки, когда она надменно вскинула голову.

— Безобразие, — сказала она почти спокойно. Только крылья носа широко раздувались, выдавая ее гнев. — В равинтоле не место для подобных сцен. Если вы все забыли о еде, значит, она вас уже не слишком интересуется, не так ли? Я попрошу дежурных закрыть равинтолу через четверть часа. Будьте любезны, не оставляйте грязную посуду на столах.

Терри, который и без того с трудом сдерживал улыбку, едва не расхохотался в голос, когда услышал негодующий ропот. С госпожой Парлас спорить не находилось охотников. Даже тот магистр, который так сильно хотел сообщить зрителям имя Терри, перестал быть таким настойчивым и отступил. Однако прежде чем тот окончательно ретировался, к нему подошел Карьян.

— Его зовут Терри Риаман, магистр.

«Что ж, поступок вполне в твоём духе», — подумал Терри и тоже встал.

— Пойдем-ка выйдем, Карьян, — процедил он. — Поговорить надо.

— О чем ты хочешь с ним говорить? — возмутился Арри, посторонившись, чтобы пропустить их. — От ваших разговоров у тебя одни неприятности!

Терри ничего не ответил, потому что знал, что другу ответ не понравится.

* * *

Улицу наводнили недовольные магистры, покидающие равинтолу. Шутить Парлас не умела, это все знали. Если она сказала, что велит дежурным закрыть двери, значит, так оно и будет. Многие, как и Терри, не стали дожидаться, пока их попросят на выход и расходились по-одному, по-двое, застегивая на ходу куртки и поднимая воротники. Но некоторые, «особо упорные», как про себя назвал их Терри, уходить не собирались. Они собрались в группу и явно планировали наблюдать за разговором от начала до конца. И сама госпожа Парлас тоже стояла с ними, зябко кутаясь в горскую шерстяную накидку.

К этому давно стоило привыкнуть. В Академии ничего невозможно утаить. Обязательно найдутся люди, которым есть дело до того, кто кому что сказал, и как другой ответил. Под давлением общественного контроля чахли подлинные чувства, и только вражда и обида цвели буйным цветом, как положено сорнякам.

— Ну? Говори, — хмуро сказал Карьян. Он стоял, сунув ладони в карманы брюк и вызывающе задрав подбородок. Его пристальное внимание магистров не трогало.

Терри прислонился спиной к прохладной кирпичной стене и сложил на груди руки. На улице пахло почему-то мокрым железом и дымом. От этого першило в горле и щипало где-то

под ключицей.

— Ты предлагал работать вместе, Карьян?

— А ты отказался.

Терри закрыл глаза на минуту, собираясь с духом. Непросто было говорить с Карьяном. Эта отрывистая манера разговаривать сбивала с толку, иногда, как сейчас, выводила из себя. Карьян произносил слова так скупно, будто каждое стоило полновесный риен. Но Арри стоял рядом, плечо к плечу, и молчал. Это ободряющее молчание придавало сил.

— После того, как я отказался, ты будто решил сделать все, чтобы избавиться от меня.

— Почему?

— Я как раз хотел задать тебе этот же вопрос, — скрипнул зубами Терри.

Карьян пожал плечами.

— Ты чересчур много о себе мнишь, Белая прядка. Дерешься. Угрожаешь. У меня дома сказали бы — зарываешься. Но я слышал, это типично для всех Древних. Проблемы с головой.

Арри дернулся, но Терри удержал его. Они еще не договорили.

— И несмотря на это, ты звал меня в свою научную группу, — напомнил он, стараясь говорить как можно мягче.

Серебряные, с синим отливом, блики скользили по мостовой, как узкие проворные рыбешки. Они стайками набегали на китель Карьяна и коротко вспыхивали на черном козырьке над сведенными к переносице бровями.

— К чему ты клонишь?

— Ты ненавидишь меня или презираешь, все равно. Ты хочешь, чтобы меня не было, но предлагаешь работать бок о бок в твоей собственной лаборатории. Это потому что тебе кто-то велел это сделать, я прав?

Терри глянул торжествующе. Он надеялся увидеть на угловатом лице Карьяна следы смятения или смущения: раскусили! Но был разочарован. Его собеседник даже бровью не повел. Автома, а не человек!

— Нет, это было только мое решение.

Они помолчали. А потом Терри сказал:

— Если это правда, то я хочу принять твое предложение.

Он почувствовал, что Арри отодвинулся от него после этих слов. Повезло, что не ушел. Он потом все объяснит, почему так надо. Главное, чтобы Арри захотел слушать.

Карьян даже не вынул ладоней из карманов. Так и стоял, наполовину на свету от фонаря, наполовину в черной зимней тени, отчего его фигура казалась вдвое внушительнее.

— Подожди, пока я предложу второй раз, — прозвучал ответ, который не вписывался в план Терри.

Риамен вытаращился на Карьяна с таким видом, будто тот облил его ведром ледяной воды посреди Темной декады. Самый холодный сезон не баловал Терри удачей, как ни посмотри.

— А... Что ты хочешь взамен?

— То, над чем ты сейчас работаешь.

— Да я ничем особым... — поспешил откеститься Терри, лихорадочно прикидывая, что из старых недоделанных наработок можно скормить Карьяну в качестве актуального и важного проекта. Как назло, их практически не было, особенно если не считать совсем безнадежные и потому заброшенные. Терри умел работать только над чем-то одним, что

поглощало его целиком.

— Белый огонь. Я дам тебе место в моей лаборатории только под белый огонь.

Терри зажмурился и стиснул кулаки.

— Откуда ты знаешь? Подслушал?!

Карьян был сама невозмутимость. Терри отчаянно захотелось взять в ривинтоле какой-нибудь стул и хорошенько врезать ему под дых, чтобы вызвать хоть какие-то неподдельные эмоции. А потом расколотить в щепки об эту чугунную голову. И плевать бы ему на то, что остальные смотрят.

— Хорошо, — ровным голосом ответил Риамен. — Как тебе будет угодно.

— Приходи, когда тебе будет что показать, — кивнул Карьян. Он развернулся, чтобы уйти, но не сделав и шага, обернулся: — Это все?

— Да, — надломленным голосом отозвался Терри, а потом сразу же спохватился. — Я еще хотел попросить...

— Да? — поднял бровь Карьян.

— То, что ты услышал в ривинтоле... Не хочу, чтобы об этом узнали остальные. Считаю, что это часть сделки.

Карьян поколебался, будто хотел что-то возразить, но вместо этого опять пожал плечами.

— Я ничего не слышал, — равнодушно бросил он и ушел.

Терри посмотрел ему вслед, вздохнул и, с трудом отлепившись от стены, сел на вторую ступеньку крыльца ривинтолы. Сгорбился.

— Я же говорил, что будут проблемы, — раздался над головой голос Арри. Как ни странно, он был скорее печальный, чем сердитый.

— Мне не привыкать, — голос Терри прозвучал глухо: он закрывал лицо ладонью.

— Я считал, что это наш общий проект, а ты отдал его, даже не спросив моего мнения. По-твоему, это честно? А Тармо ты это как объяснишь?

— Я что-нибудь придумаю, Арри. Обещаю.

— Например?

Терри отнял ладонь от лица, но так и не смог ничего ответить.

— Все ясно, — вздохнул Арри. — Это будет очередная твоя блестящая идея экспромтом. Как всегда, не поймешь, к добру или к худу ты что-то задумал.

— Прости, Арри, но так было нужно, — это прозвучало бы намного лучше, если бы Терри нашел, где наскрести достаточно уверенности. Почему-то все планы, даже самые смелые, в этот момент показались мелкими в сравнении с обидой друга.

— Ты думаешь, мне нужны твои извинения? Оставь их при себе. Что сделано, то сделано. Как будто если я наору на тебя сейчас и назову придурком, это что-то изменит.

Он запрокинул голову и посмотрел вверх. Слабый ветерок ерошил его волосы и заставлял ежиться. Зимними вечерами в кителе было прохладно.

— Опять прорыв, — сказал Арри и показал пальцем на брешь, в которой плескалась усыпанная осколками звезд ночная тьма. — Здоровенный такой.

Терри отвел взгляд от бреши, огляделся и, удостоверившись, что улица перед ривинтолой опустела после ухода Карьяна, произнес вполголоса:

— Мне недавно сказали, что барьер может рвануть и отправить полгорода в Бездну. Как думаешь, правда?

Арри задумчиво почесал в затылке. Фуражка при этом потешно сдвинулась на лоб.

— Не верится, — выдохнул он облачко пара, заворожено глядя на переливы отраженного света над головой. — Значит, мы можем умереть в любой момент? Или что должно случиться, что он решит вдруг взорваться?

— Например, если кто-то рискнет его снять. Сам понимаешь, что магия не может при этом мирно стечь в землю и снова уснуть в кристаллах, — нервно хохотнул Терри, против воли представив себе ударную волну, которую породит такая громадина, как купол над Академией. И что эта волна сделает с тем, кто возомнит себя настолько могущественным, чтобы управлять ей.

Арри внимательно посмотрел на друга.

— Ты собрался его снять? Это и есть твоя новая блестящая идея?

— Не совсем моя, — Терри поднялся с холодной каменной ступеньки и расправил плечи. — Идея витает в воздухе, и кто первый ее подхватит, тому все почести.

Интермедия. Матьяс Бродэк

Паршивый день не задался с самого паршивого утра. Промозглый ветер сорвал демонову серую шляпу и зловредно швырнул в глубокую грязную лужу прямо под колесо уродливого коронерского экипажа. Матьяс протянул ладонь ей вслед, будто шляпу каким-то чудом можно было еще спасти, а потом развел руками, как бы говоря Создателю: «С ней все кончено».

Матьяс Бродэк сказал бы: «Туда ей и дорога», но вместо того, чтобы оставить шляпу умирать на дороге, стал обходить лужу по краю. Что поделать. По мнению шефа, головной убор искателя нельзя было просто взять и потерять. Нет. Хоть раздавленную, хоть изрезанную, хоть в крови — а все ж ты сдай ему лично то, что от нее осталось.

Матьяс был раздражен. Матьяс закатывал глаза. Но Матьяс знал, что будет, если он бросит шляпу валяться в грязи.

Сперва станет плохо Алпину. А потом станет плохо всем.

Ей-ей, проще достать из грязи и свалить всю вину на разыгравшийся ветер, как принято в этом городе. Тогда Алпин поворчит, но выдаст новую.

Но придется залезть в грязь начищенными ботинками.

Проклятая шляпа. Паршивое утро.

Заведенный среди искателей с подачи шефа обычай носить и ценить серую шляпу Матьяс считал ребячеством. Но кого вообще в Акато-Риору может удивить склонность горцев к глупым причудам? Риорцы еще добавят, что бедовая голова горца — еще полбеды, а настоящая беда — упертый лоб. Матьяс сам был родом из той же деревни на склоне Небесной Девы, что и его шеф, Алпин Фарелл. Однако если кто-то решит, что горец горца простит за упрямое ребячество, то рискует недооценить их. Недаром кланы всю историю друг с другом на ножах, да и внутри одного клана то и дело вспыхивает неутолимая вражда. Дурь брата и родича почему-то видится даже отчетливее, чем странности чужака, который вырос под чужим небом и неизвестно еще, какую правду в голове носит.

О, если б кто-то рискнул спросить Бродэка относительно Фарелла, то наслушался бы! По его мнению, шеф искателей дурил изрядно! И если бы дело было только в безобидных шляпах! Нет. Бродэк прежде был гвардейцем в городской управе и прекрасно знал, что за делишки обстрипывал его земляк, чтобы поддерживать на плаву и в законном поле свое любимое детище: дешевую местную реплику имперской столичной газеты. На второсортной бумаге под его неусыпным контролем вперемешку с некрологами и объявлениями о поиске работников публиковали домыслы людей, претенциозно называющих себя «искателями».

Эти люди надевали серые шляпы и везде совали свои длинные носы, а Фарелл управлял ими, направлял и порой даже натравливал, преследуя свои цели. И теперь Матьяс был одним из них. Как демонов Эдо Римари, любимец женщин, аристократ, меценат и лучший искатель «Королевского вестника», чтоб его!..

Бродэк цветисто, как умели только горцы, выругался, разглядывая грязную шляпу и утопшие в грязи новые ботинки из телячьей кожи. В такие дни он жалел, что повелся на убедительные доводы Фарелла в виде синей пачки банковских билетов и променял одну собачью работу на другую.

Очевидно же, что грязи нахватался, хоть звезду на лацкане носи, хоть эту пафосную до нелепости серую шляпу!

Уже не пытаясь обходить лужи, Бродэк зашагал прямо к Чайному домику.

Он был очень зол на погоду, себя, шефа и вообще.

Не утруждая себя вежливыми поклонами и приветствиями, он прошел мимо спокойно попивающих чай коллег, остановившись перед тем, кого хорошо знал еще по прежней службе.

— Данно, видел шефа?

Высокий сухощавый риорец Таль Данно смерил Бродэка взглядом и вопросительно поднял бровь. Виски у него были густо припорошены белым — в Управлении ходили упорные слухи, что это не седина. Сплетни были занимательными. Хотя бы потому что затрагивали все Древние дома, без исключения. Матьяс использовал те разговоры как повод подтянуть некогда скудные познания о людях с белыми волосами.

— Задерживается. У тебя проблемы? — он выразительно посмотрел на раскисшую шляпу.

Матьяс неискренне улыбнулся и пожал плечами.

— Западному ветру не понравилась моя шляпа. Или понравилась. Как посмотреть. Мне новая нужна.

— Это вполне в духе западного ветра, — невозмутимо кивнул Данно. — От него добра не жди.

«Опять эти ваши риорские суеверия», — раздраженно подумал Бродэк. И оказался прав.

— А плохая новость какая? — как бы невзначай поинтересовался Таль.

— Что?

— Западный ветер приносит только дурные вести. Ну и что на этот раз?

Матьяс глянул на свою погибшую шляпу. И впрямь...

— Эдо Римари. Его экономка — двоюродная тетка моей жены. Пока Римари носит по свету, эта хозяйственная женщина продает знакомым зелень из его теплиц — чтобы не пропадала зря. Ну и прибавка к жалованию лишней не будет. Так вот, наш Римари прислал домой поверенного, чтобы тот навел порядок в его делах и подготовил передачу имущества, как там у них принято. Вернул все семье, если коротко.

— Ты считаешь, это дурной знак? — проницательно спросил Данно.

— А ты полагаешь, это не так? Римари просто ни с того ни с сего, находясь Владелец знает где, решил, что его обременяет пустой дом в Акато-Риору и люди, которые зависят от его денег. Я должен поверить?

Узкое плечо Данно дернулось. То ли от досады, то ли еще от чего. Он оглянулся на доску с расписаниями дежурств. Бродэк проследил его взгляд и догадался, о чем тот подумал. Строчка с именем Эдо Римари традиционно оставалась пустой. Никакихх крашенных прямоугольников, никаких пометок. Только приколот эмалированный значок с эмблемой королевской почтовой морской службы.

— Римари уже давно должен был остепениться и завести семью, но так и не сделал этого, — негромко, словно разговаривая со своими мыслями, сказал Данно. А потом взглянул на Бродэка и спросил бестактно: — Ты сам-то женат?

— Да, и счастливо.

Следовало прибавить: «И ты пил на моей свадьбе полгода назад, растяпа», но Матьяс сдержался. День и без того был паршивый. Он сомневался, что сможет сказать это в нужной степени дружелюбно, чтобы не прозвучало как оскорбление.

— А Римари нет. При этом ты волен был вообще никогда не жениться, да? Никто не

ждал от тебя, что ты дашь жизнь чистокровному потомству?

— Что значит «чистокровное» в моем случае? — болезненно поморщился Бродэк. Он, как и Фарелл, был из тех детей, которых риорцы вывезли из долины Риордана в восемьдесят шестом. Этим детям полагалось быть благодарными за спасение и не думать о том, за что умирали их отцы. И уж тем более не бороться за сохранения того, что давно истлело.

— Не меняй тему, — спокойно парировал Данно. — Полагаю, для тебя никаких правил на этот счет нет. По крайней мере, я не слышал о таком.

— Нет. Я свободный человек.

«Который почти забыл язык, на котором говорил дед», — мысленно добавил Бродэк.

— А Римари нет, — повторил Данно и скрестил на груди руки. — Древние принадлежат своему дому от рождения до смерти. Совсем другой уровень ответственности. Это трудно объяснить. Но если бы все было иначе, они бы не выжили во Второй эпохе.

— И это все ты мне рассказываешь для того, чтобы убедить меня, что Римари не вляпался в грязь по самые голенища? И отказывается от дома только потому, что не успел жениться? И песню какой-то женщине поэтому прислал?

— погоди, не части. Я и половины слов из-за твоего произношения не понял. Что там про песню?

Бродэк остановился, напоровшись на насмешку, как на короткий охотничий нож. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул и заговорил так, как учили: внятно пропевая длинные риорские гласные.

— Для Аниты Риканен. Я в этих делах не разбираюсь, но экономка считала, что это очень важно. Что мастер Римари не склонен делать такие жесты без причины. А какие такие жесты? Песня не может значить больше, чем дом.

Данно тонко улыбнулся.

— Иногда мне кажется, что для Римари все, что угодно, может казаться важнее, чем дом. Он легче ветра на подъем. Последний раз он пробыл в городе не больше трех ночей. Словно за ним гонится кто... — он задумался на минуту и прибавил уже без улыбки: — А может, так и есть.

— Посмотрим, что скажет шеф, — сощурился Матьяс. — Что-то мне подсказывает, что Римари носит по свету вовсе не ветер. Экономка зря слезы лить не станет. Хотя может быть, дело в песне. Кто бы понимал еще, в чем причина женских слез.

— Эмоции, — сухо ответил Данно. — Так значит, экономку рассчитали? Может, поверенному не понравилась ее предприимчивость?

— Всех, не только ее. Садовник, повар и горничная. В пустом доме не было нужды содержать много людей, но эти четверо держались вместе много лет. Стал бы Римари гнать своих людей без причины? Не уверен. Он знает, что не вернется. А я собирался выяснить, во что он такое вляпался.

Матьяс еще раз зачем-то отряхнул обвисшие поля измочаленной шляпы.

— Вопросы крови — самые сложные вопросы в мире, — непонятно ответил Данно. Поймал недоумевающий взгляд коллеги и со вздохом продолжил: — А что еще хуже: кровь и серебро всегда взаимосвязаны. Так уж вышло, что я знаю точно: дом Эдо Римари отныне целиком и полностью принадлежит его семье. Когда он вернется — а он непременно вернется, ибо Римари очень опытен и осторожен — то ему придется жить в меблированных комнатах для путешественников. По крайней мере, до тех пор, пока не женится и не обзаведется наследником. Может, и песня для женщины тоже не просто так была написана,

как считаешь?

Матьяс почувствовал себя обманутым в лучших побуждениях. Он мчался сюда с намерением прижать земляка к стенке, заставить Фарелла ответить, наконец, на вопрос, стоят ли какие-то там идеалы жизнью его людей. Этот вопрос не давал Бродэку покоя тем сильнее, чем заметнее округлялся живот его жены. Мнительный горец мгновенно примерил на себя странную историю лучшего искателя, Эдо Римари, и пришел в ужас. И даже ярость. Рано или поздно, так или иначе может случиться так, что и он сам, Матьяс Бродэк, попадет в беду из-за поручений Фарелла. Так он думал.

А теперь он и не знал, что думать.

— Ты слишком близко к сердцу принимаешь дела, которые не касаются газеты. Ты хороший человек, Матьяс, но иногда лучше не лезть в чужие проблемы с домами и женщинами.

— Для искателей нет чужих дел, Таль, ты разве не помнишь? — невесело хмыкнул Бродэк. — Нравнодушие наше кредо.

— Эти лозунги для студентов или для таких романтиков из хороших семей, как Римари. А мы с тобой старые псы из Управления, Матьяс, которые здесь ради денег. А деньги дает газета. С Римари или без Римари — она должна выйти в срок. Тебе есть что сдать наборщикам в сегодняшний выпуск?

«Конечно, нет. Когда бы мне думать о работе, если наш Римари где-то на другом краю света прощается с жизнью», — сказал бы Матьяс, если бы не был горцем, а простодушным и честным фермером с низин. Но он сказал совсем другое:

— У меня всегда есть, что сдать наборщикам, Таль, ты же знаешь.

Глава двадцать третья. Что минуло и что грядет

Следующим утром Терри проспал занятия. Никто не пришел и не разбудил его.

Открыв глаза, он долго лежал без движения, прислушиваясь к тишине. Холодное зимнее солнце уже заглянуло в комнату и даже распласталось на дверном косяке, что могло случиться не раньше, чем через четыре часа после рассвета. На стене давно замолкли часы, потому что Терри с вечера не подтянул груз на цепочке.

Время остановилось за час до рассвета.

Терри отнес вещи в прачечную, сходил в пустую холодную душевую на первом этаже, где в ожидании вечернего аншлага высились башни медных тазов. В одиночестве намылил голову, наслаждаясь отсутствием комментариев про раннюю седину в волосах. Взбил пену в жестяной кружке и в полной тишине принялся скоблить подбородок казенной бритвой с высеченной литерой «А» на лакированной ручке. Своей у него не было. Отец не успел подарить — так торопился унести ноги, что совершенно забыл о том, что сын вот-вот станет мужчиной. А купить собственную во время Ярмарки Терри так и не собрался. Останавливала мысль, что у него нет никаких прав на те деньги, которые идут на его обучение и содержание. А теперь, когда он думал об этом, уголки рта неудержимо тянуло вниз.

«Судья верил, что мать невиновна, — повторял про себя Терри, мрачно разглядывая в высоком зеркале свое лицо с ровными полосами мыльной пены. — Значит, дело не в деньгах. Кто-то хотел получить все, что у нас было».

Семья Риамен потеряла все, а прямых наследников, кроме Терри, не было вовсе. Кто получил их особняк и все закладные? Многие обращались к Лассель Риамен за ссудой в частном порядке в обмен на часть ежегодной выручки. Деньги с закладных выходили немалые. Кто их получает теперь, когда и Лассель, и Терри фактически вычеркнуты из жизни Акато-Риору?

Может быть, семья Риканен? Как знать, может быть, их настойчивые приглашения на чай нужны были именно для того, чтобы расставить сети, в которые они надеялись поймать такой крупный улов как наследство семьи Риамен?

Или, быть может, семья Риттау? У почтенной четы Риттау трое взрослых сыновей, включая подонка Антеро, и две дочери, на несколько лет старше Терри. Ни одна благородная семья в городе и, возможно, во всем мире не могла похвалиться таким количеством детей. Но за королем нет привычки раздавать по особняку на каждого ребенка Древней крови, а обеспечить достойную жизнь наследникам нужно. Сотник мог это спланировать?

А может быть, все Древние семьи после того, как устранили королевскую советницу и ее семью, налетели, как стервятники, на наследие Риамен и разорвали все в мелкие клочья?

Терри стиснул в кулаке ручку бритвы и очень медленно поднес ее к шее с той стороны, где бьется маленькая жилка. Но касаться кожи не спешил — рука тряслась, как у пьяного.

«Ничто в этом мире не исчезает бесследно. Если снять барьер — он взорвется. Если отнять место советника — чья-то задница уже завтра займет пустое кресло. И наш дом, и наши деньги сейчас принадлежат кому-то, кому было выгодно, чтобы умер тот судья, который не верил лживым обвинениям», — размышлял Риамен, стирая с лица пену мокрым полотенцем. По шее, смешиваясь с мылом, ползла капля крови. Все-таки рука подвела его, несмотря на все предосторожности.

— Кто сейчас живет в нашем доме, м-м? — спросил Терри у отражения, складывая лезвие бритвы. — Ты ведь даже не знаешь.

«Кто расследует случаи превышения полномочий? Серые себе на уме, но подсказать могут», — кажется, так сказал тот гвардеец, когда Терри не знал, куда пойти. Ярвин, вроде бы, его звали. Яр-вин. Ну и имечко.

— До чего плохой совет вы дали, Ярвин, — покачал головой Терри. — Я ведь только спустя три года догадался, что именно должны были подсказать Серые.

Даже больше. Больше трех лет прошло с тех пор, как он обращался за помощью и советом к искателям. Но они ничем не помогли. Шеф-искатель Алпин Фарелл дал ему немного денег на ужин и ночлег и назначил встречу у ворот Академии.

Сказал, ему нужно все обдумать.

«Давай не будем хвататься за железо, пока оно куется», — так он выразился. Терри тогда согласился. Что ему оставалось?

И на встречу Терри явился скорее от безысходности. Надеялся ли он тогда, что искатель расскажет ему, кому было выгодно обрушить фундамент дома Риамен? Терри не помнил. Кажется, пределом его мечтаний в тот момент было найти какое-то место в жизни подальше от печей и угля. Ритгау со своим белым билетом оказался очень кстати.

А Фарелл так и не пришел. Должно быть, к тому времени железо еще не остыло.

Терри сам не заметил, как забыл о том, что искатель обещал помочь.

— А теперь железо достаточно остыло, господин Фарелл? — холодно улыбнулся своему отражению Терри. — Я долго ждал, пока вы все обдумаете, разве нет?

Все это время, все три года, Риамен предпочитал делать вид, что у него вовсе нет никакого прошлого. Нет дома, который он потерял. Нет предков, память которых была опозорена в зале суда.

Но несмотря ни на что, в глубине души он продолжал оставаться тем же мальчишкой, который приходил в отчаяние из-за того, что никто из судейских не задает матери нужных вопросов.

Если подумать, еще тогда он понимал, что она не могла поступить так со своим королем и своим сыном. Не было у Лассель Риамен причин предавать страну и семью. Это противоречие между тем, что он понимал и что отказывался понимать, либо приводило его в ярость, либо с головой погружало в отчаяние. И Терри был готов отречься от памяти, лишь бы не переживать это снова и снова.

С мокрых волос капала ледяная вода, затекала за шиворот. Терри накинул полотенце на плечи. Устало сел на массивную скамейку для мытья ног: всего на одну минуту. А потом натянул полотенце на голову, закрывая лицо, и просидел так... сам не знал, сколько.

* * *

Найти Карху оказалось не так просто, как Терри рассчитывал. Дом-ратуша в лице хмурого зрителя преградившего дорогу, встретил его недружелюбно.

— Куда? — мужчина был немногословен. Белый цвет плаща невыгодно подчеркивал серость и нездоровый вид изможденного лица. В руках он держал пухлую папку, полную бумаг. Уголки листов кое-где торчали заломленными.

— К господину Карху, — Терри сделал попытку обойти зрителя стороной, но тот его остановил.

— Зачем?

— Он сказал, что ждет меня.

— Где?

— У себя.

— Врешь, — проницательно пригвоздил магистр.

— А вот и не вру, — ощетинился Терри, размышляя, что все вокруг имеют раздражающую привычку читать по лицу. Он на всякий случай сложил пальцы кольцом и спрятал их за спину, чтобы зритель не заметил, что бакалавр пытается обдурить его при помощи детского суеверия. — Зачем мне врать?

— Не знаю, зачем. Карху никого не ждет. Потому что ушел.

— Куда? — без особой надежды получить ответ уточнил Терри. Он уже понял, что не сможет переиграть человека, который не настроен играть.

— Карху никогда не докладывает, — равнодушно проговорил зритель. Он помедлил, а потом неохотно предложил: — Если вернется — скажу, что ты искал его. Зовут как?

— Терри Риамен, бакалавр.

Зритель удивленно поднял одну бровь.

— Я думал, ты старше. Зачем ты ищешь Карху, Риамен? Не боишься?

— Нет.

— Ну-ну, храбрый Риамен. Проваливай живей, пока тебя никто не увидел здесь.

Терри отступил на шаг, но поворачиваться спиной к магистру не спешил.

— Разве мне запрещено здесь появляться? Почему мне никто не сказал об этом?

Зритель почесал бровь с той же недовольной гримасой, какая не сходила с его лица с самого начала разговора. Терри только теперь обратил внимание, что его белый плащ весь мятый и в каких-то странных серо-желтых разводах. И одна из пуговиц болтается на последней нитке.

— Твое имя звучит слишком громко. Кто-то наверняка уже услышал, как ты назвал его, дурень. Будешь здесь маячить — поймешь, что я имею в виду.

Терри помедлил, обдумывая слова магистра.

— Я понял. Спасибо.

— И не ищи Карху. Когда ему будет нужно — он сам тебя найдет, — это последнее, что Терри успел услышать от зрителя, прежде чем дверь хлопнула.

Вопросов эта встреча оставила больше, чем дала ответов. Терри огляделся. Больше всего хотелось вернуться, уговорами выманить зрителя в грязном плаще туда, где можно будет говорить без опаски, и выведать у него, почему стоит держаться подальше от Карху, а что еще важнее: почему люди короля порой ведут себя так агрессивно.

Маррет тоже угрожал. Странно. Ведь Терри тоже работает на короля. У него есть большое и важное задание, наверняка не менее большое и важное, чем у них всех вместе взятых. Разве они не могут помогать друг другу?

Впрочем, оборванный разговор принес не только досаду. Мысль о том, что за ним приглядывают люди короля, который беспокоится за безопасность племянника, внушала спокойную радость. Вот теперь Терри мог быть уверен в том, что он больше не один. Несмотря на то, что люди короля могут быть нервными, как этот незнакомый зритель, или грубыми, как Парриш, или хитрыми ублюдками, как Риттау — под их присмотром ничего опасного с Терри случиться не может. Исключением из общего правила стал только Маррет — но что вызывало в нем такую ярость, и что моментально лишило сил — Терри сам

не понимал и подозревал, что янтарные пилюли играли в этом не последнюю роль.

Судьба Маррета выбивалась из стройной и логичной картины о защите королевского стипендиата, которую тот нарисовал в своем воображении. Мысли о нем царапали и тревожили ничуть не меньше, чем воспоминания о том, как безучастно мать смотрела на сына после суда.

Ну ничего. Риттау обещал рассказать о агенте в серой куртке после того, как получит линзу для Неспящего. А группа Карьяна как раз занимается Неспящими. Взять хотя бы егс механическую пташку. Даже если бы Терри предпочел думать, что ничего важного бакалаврам не поручат, он не мог отрицать очевидного. Сам или с помощью очередного талантливого первокурсника, Карьян собрал вторую полноценную автоту в истории Акато-Риору.

Терри скрипнул зубами.

«Ты думаешь, что все принадлежит Академии, урод? — с ненавистью подумал он, вспоминая тот вечер, когда они подрались. — Все в Акато-Риору принадлежит королю. И твоя птаха тоже».

Правда, Арри это не понравится.

Арри это уже настолько не понравилось, что он не заглянул к другу перед занятиями, не запустил в комнату истошно стрекочущего светляка. Это можно было бы объяснить тем, что друг сам в кои-то веки проспал и у него не было времени на реанимационные мероприятия, но Терри с трудом мог поверить в такое. Чтобы Рантала опаздывал и о чем-то забыл? Чушь. Арри просто таким образом дал понять, что ему больше нет дела до того, успеет Терри встать и привести себя в порядок к первому занятию или нет.

«Ну и плевать, — Терри пнул попавшийся под ноги камешек. — Надеюсь, он не думает, что я прибегу в слезах просить прощения. Надо будет — поймет, почему я так поступил».

Почему-то злые мысли не помогали почувствовать себя лучше. Наоборот, чем больше Терри думал о том, что прекрасно справится без Арри, тем хуже себя чувствовал.

«У меня не было другого выхода, — Терри остановился посреди дороги и посмотрел в сторону Великой Библиотеки, где наверняка сейчас находился друг. Должно быть, сидел на своем любимом месте неподалеку от окна и записывал, что говорит ментор. — Прав был Карьян, здесь нет ничего моего... Один я сделать „белый огонь“ не мог, вдвоем мы уперлись в тупик, а когда о нем узнали трое — он перестал быть нашей тайной».

Красочные витражи на башнях Библиотеки накрыла тень огромной серой тучи, наползающей на город со стороны горного кряжа. Под брюхом у нее вспыхивали извивающиеся молнии. Но гром под куполом звучал приглушенно. Терри будто и не посреди улицы стоял, а наблюдал за грозой из теплой комнаты. Ветер прорвал где-то брешь, и флюгер на крыше со скрипом повернулся хвостом к востоку.

Зимние грозы в Акато-Риору до сих пор считают самым убедительным доказательством того, что ветра могут злиться на людей. Неизвестно, откуда они притаскивают снежные кучевые облака и с какой силой сминают, чтобы заставить их разродиться молнией, но иногда это происходит.

— Ну, блеск, — громко сказал Терри, задрав голову к небу. — Это потому что я хотел найти Карху? Теперь он не выпустит меня в город, ты доволен наконец?

— Думаешь, ответит? — веселый девичий голос застал его врасплох. Терри вздрогнул и огляделся.

— А ты правда можешь выйти в город сегодня или шутишь?

Из дверей мастерской Энеаса выглядывала русоволосая девушка в полосатой рабочей накидке, подвязанной на талии широким домотканым поясом. Сначала Терри показалось, что она задорно щурится, а потом он понял, что такие глаза у нее от рождения.

— Думал, что могу, — ответил Терри, разводя руками. — Теперь не знаю. Там натуральный конец света.

Девушка взялась рукой за колонну, с легкостью забралась на перила крыльца и посмотрела наверх.

— А, это! Распогодится. А ты часто так? — озабоченно нахмутив брови, спросила она.

— Что «так»?

— Разговариваешь сам с собой у всех на виду. Это странно.

— Иногда, знаете ли, приятно поговорить с умным человеком, — неловко пошутил Терри.

— Ладно. Меня Ульфа зовут, и я как раз хотела поговорить, — она оглядела Терри с ног до головы, скептически подняв правую бровь, — с кем-то, кто может выйти из-под купола сегодня. То есть с кем-то вроде тебя, если ты не бредишь. Ты ведь не сумасшедший?

— Не сумасшедший, — растерялся Риамен.

— И тебя отпускает в город сам Карху?

— Обещал, что отпустит, если попрошу, — аккуратно выбирая слова, ответил Терри.

— Значит, тебя привела мудрая Эзури. Ты — ответ, который она дает мне.

Терри подкупила убийственная серьезность в голосе девушки и слабая улыбка, которую она при этом прятала в уголках губ. Не поймешь — над кем смеется девушка. Над собой ли, поминающей всеу имя Хранительницы Севера. Или ее веселит удивленный вид Терри? А может быть ей кажется забавным выбор Эзури... Чтобы выяснить это, Терри послушно ступил на лестницу и стал подниматься в мастерскую, куда его поманила зайти Ульфа.

— Ты работаешь у мастера Энеаса, Ульфа? — спросил он, закрыв за собой дверь.

Девушка прошла через приемную и прислонилась к письменному столу, на котором лежал толстый журнал заказов и целая связка разнообразных перьев с деревянными ручками. Сложила на груди руки. При этом движении случайно поймал и отразил свет подвесной лампы серебряный кулон в форме растущего полумесяца. Только теперь, в свете живого огня Терри хорошенько рассмотрел ее лицо.

Глаза у девушки были невероятные, северные. Будто две голубых льдинки, светлые и чистые. На переносице — россыпь едва заметных веснушек. На взгляд Терри, Ульфа не могла похвалиться ни лицом, ни фигурой, тем более если сравнить ее хотя бы с Аннели, не говоря уж о принцессе Эссель. Ее лицо мог бы нарисовать ленивый художник — все черты лица были крупными, яркими, даже узкие глаза казались большими на скуластом лице, но странное дело — все вместе производили приятное впечатление. Даже широкие, почти мужские брови ее не портили. Наверное, потому что были до того эмоциональными, что от них трудно было оторвать взгляд.

— Иногда. Оказалось, что здесь почти никого невозможно научить шить прямые строчки, вот мастер Энеас и просит меня помогать, когда время есть.

— А оно у тебя есть? — вздохнул Терри.

Ульфа посмотрела на него хитро и звонко засмеялась.

— Отличная шутка, господин умный человек!

Но на прямой вопрос все-таки не ответила. Интересно, почему.

— Меня Терри зовут. А ты родом с северных островов, Ульфа?

— Бросается в глаза? — усмехнулась Ульфа, накрывая ладонью полумесяц со сложной филигранной вязью. — Да, я родилась на острове Фир. Там сейчас снега вот столько, — она чиркнула ребром ладони по груди. — Ты небось и представить не можешь, когда столько снега.

— Мать рассказывала мне, — вежливо ответил Терри. — Когда ей было пятнадцать или шестнадцать, дед взял ее с собой в дипломатическую миссию. Они прожили там около трех лет, пока не уладили все вопросы. Снег ее впечатлил. А еще она говорила, что северяне не боятся холода и могут спать в снежных пещерах, укрываясь лишь волчьими шкурами.

Ульфа мечтательно улыбнулась.

— Да, за снежные пещеры я всегда любила зиму больше, чем лето. А тебя дед на острова не брал?

— Он умер вскоре после моего рождения. Не вынес позора, — мрачней на глазах, сказал Терри и отошел в сторону, вполглаза присматриваясь к полке с готовыми вещами. Нет ли там бирки с его именем? Один китель выглядел так, что вполне мог быть сшит по его меркам.

— А сам мастер Энеас сейчас здесь? — как бы невзначай спросил он.

— Вышел пообедать, скоро вернется, — Ульфа поймала взгляд Терри, обращенный к стеллажу с одеждой и хитро улыбнулась. Легко, почти танцуя, прошла мимо него и сняла с полки синий форменный китель. Расправила, приложила к груди: — А ведь мы уже знакомы, Терри Риамен. Заочно. У тебя широкие плечи.

Она протянула ему китель. Терри принял его и озадаченно поблагодарил мастерицу за работу и за неожиданный комплимент.

— Можешь не примерять, — бросила она невнимательно, открывая пухлый журнал учета и быстро листая страницы. — Только знаешь, с твоей заявкой что-то не сходится. Подойди ближе, поможешь разобраться.

Она поманила, но Терри остался на месте. Нетрудно было догадаться, что смутило девушку в журнале, да вот только сам он не горел желанием объяснять, почему так вышло.

— Так о чем ты хотела со мной поговорить, Ульфа Фирская? — чинно, будто обращаясь к северной принцессе, спросил Риамен.

— Да вот об этом и хотела. Думаешь, у нас тут ателье на бульваре имени принцессы Эрении?

— Нет, я так не думаю.

Терри рассчитывал, что спокойный и ровный тон заставит девушку сбавить обороты, но она явно копила негодование все время, пока кроила и шила китель из колючего шерстяного сукна. И теперь не собиралась останавливаться, пока все не выскажет.

— Ты не можешь требовать к себе особого отношения, только потому что ты королевской крови, — вежливая улыбка не очень-то вязалась со смыслом произнесенных слов. Терри нападения не ожидал, тем более такого: виртуозно предъявлять претензии, не снимая дружелюбную маску с лица, умели только его высокородные родственники, да и то не все.

— Послушай, при чем тут... не важно. Я договорился с мастером.

— Все равно, не думай, что можешь требовать с нас по кителью и рубашке за каждое чаепитие в лавке Парриша, — улыбка пропала с лица Ульфы. — Ты думаешь, что лучше нас только потому, что тебя Карху выпускает в город, а нас нет?

— Ты все это поняла, когда услышала, как я говорю сам с собой? — хмыкнул Терри.

— Нет, тогда я еще думала, что ты умный человек, — Ульфа опустила на стул и положила подбородок на скрещенные пальцы. — А потом ты представился.

— Иллюзия померкла? — усмехнулся Терри. — Почему вас не выпускают в город, Ульфа?

Девушка в задумчивости потянула полумесяц туда-сюда по цепочке. Испытующе посмотрела на Терри.

— Мы считаемся иностранными наблюдателями в Академии. Мастер Энеас и я. И еще господин Ашери, конечно, но он, в отличие от нас, знал, на что шел... Мастер Энеас живет в Академии примерно столько же лет, сколько существует барьер, но этот статус получил только тогда, когда Арчер стал Верховным магистром. И все. С тех пор, он ни разу не выходил из ворот.

— А ты, Ульфа? Сколько лет тебя держат взаперти?

— Весной будет полных два года... Послушай, Риамен, давай договоримся так. Я не буду привлекать внимания зрителей к тому, что ты получил два новых кителя вместо одного. А ты взамен окажешь мне такую же услугу, как мастеру.

Ульфа мило улыбнулась и принялась накручивать каштановый локон на тонкий палец. Терри поднял брови. Сама по себе попытка шантажировать на ровном месте его не удивила и даже не задела — чему удивляться, если в Академии половина разговоров так или иначе заканчиваются чем-то подобным? Ему показалось странным, что девушка так нервничает, словно речь идет о чем-то настолько важном и срочном, что нет времени выбирать, кому это поручить.

— Ты хочешь... чтобы я нашел в городе твоего друга?

Ульфа кивнула. Помедлив, расстегнула замок на цепочке и тяжелый полумесяц упал в подставленную ладонь. Она сжала пальцы.

— Его зовут Стейнар, и он северянин. Ну ты понимаешь, — она указала на свое лицо и беспомощно улыбнулась. — Ты его сразу узнаешь. Но даже если обознаешься, все равно спроси у любого из наших, и он подскажет, где искать. Другого такого во всем Акато-Риору нет.

Терри посмотрел на выглядывающий из сжатого кулака кончик полумесяца.

— Ты влюблена в него?

Девичьи щеки вспыхнули. Она вскинула подбородок.

— Не выдумывай! Стейнар мой... он мне как старший брат! И потом, хороша бы я была, сидя в этой вонючей Академии, когда меня ждет жених за барьером!

— Значит, нет?

— Нет, — поторопилась отрезать Ульфа. — И даже если да, это не твое дело. Ты должен отдать ему это, — она протянула Терри полумесяц. — И скажи что-нибудь в таком духе, что я умерла. Потому что все другие аргументы он не принимает. Скажи, что перед смертью я просила его вернуться домой как можно скорее и забыть дорогу в Акато-Риору.

Терри подумал и кивнул. Взял в руки неожиданно теплый и тяжелый полумесяц и сказал:

— Ясно.

Хотя на самом деле ясно было одно: северянке скучно сидеть взаперти, и ей хочется привнести в свою монотонную жизнь немного романтики в духе песен Талсиена. За счет личного времени Терри.

Надо ли говорить, что ему не понравилось ее поручение?

Ульфа прерывисто вздохнула, поправила волосы и требовательно подставила открытую ладонь.

— А теперь дай бумаги, которые ты получил от Парриша.

— Он просил передать их лично мастеру, — уклончиво ответил Терри. — Ты сперва про своего друга расскажи. Как я его найду?

— Ступай на городской рынок, найди там любого из наших и спроси, — пожалала плечами Ульфа, не отрывая взгляда от своей подвески в руках Терри. — Или ты думал, что я отправлю тебя в опасное путешествие, о, юный князь?

— От юной княжны слышу, — фыркнул Терри и отправил полумесяц в карман. Он не собирался задавать бестактный вопрос, но все-таки не удержался: — А куда же делся твой прежний поверенный, что тебе пришлось искать нового?

— Он слишком многого хотел за свои невеликие услуги, — сверкнула глазами-льдинками северянка. — Я всего лишь прошу тебя отдать человеку мою вещь и сказать, как сильно ты сожалеешь о моей смерти.

— От чего? — быстро спросил Терри, начиная раздражаться из-за скверного характера девчонки. Она явно плохо подготовилась, и об этом стоило прямо сказать. Может, передумает раздавать приказы направо и налево, как принцесса какая-нибудь. — Здесь, в Академии, самая лучшая лечебница на всем Восточном побережье. Здесь не лечат острый живот еловыми шишками. Так отчего ты умерла?

Ульфа с растерянным видом положила узкую ладонь на живот. Из-под широкого рукава выглянули браслеты, сплетенные из разноцветных деревянных бусин и крашеного стекла.

— Мне все равно, что ты придумашь. Суть не в этом.

— Суть в том, что твой человек получит повод обратиться к нашему королю и требовать правосудия, — перебил Терри. — Будет следствие. Дознаватель станет выяснять обстоятельства твоей смерти. А ты жива. И он спросит: «Как же так вышло, госпожа наблюдательница?» А ты что ответишь?

— Что за разговоры о смерти в присутствии Священного огня? — раздался от порога сердитый голос. — Чтобы я больше этого не слышал, Ульфа. Накликаешь.

Терри и Ульфа одновременно обернулись. Мастер Энеас остановился у двери, достал из кармана носовой платок и вытер блестящую лысину.

— Мастер Риамен подсказывает, что мне бы в самом деле лучше умереть, — звенящим голосом воскликнула Ульфа, поспешно вскочив с чужого стула. — Чтобы господин дознаватель не заподозрил подвоха.

— Я слышал, что сказал мастер Риамен, Ульфа, — строго возразил портной. — Он неправ, но не потому что хочет твоей смерти. А потому что не понимает, что происходит. Это в первую очередь твоя вина, пророчица.

Терри изумленно воззрился сперва на мастера Энеаса, потом перевел удивленный взгляд на Ульфу, а затем на всякий случай заглянул в пошивочную и, убедившись, что там никого нет, аккуратно закрыл дверь.

— Я думал, что могут подслушать, — с извиняющейся полуулыбкой пояснил он. — Здесь все подслушивают.

— Оставь предосторожности, князь, — отмахнулась Ульфа. — В мастерской все знают, что я умею читать камни, — после недолгого молчания она возразила сама себе с тяжелым вздохом: — Хотя какой в этом смысл? В Акато-Риору от моего дара нет проку. Тут каждый второй умеет обманывать камни... Почему ты отказался помочь мне?

— А я должен был согласиться? — вежливо уточнил Риамен.

— Так сказали камни, — кивнула Ульфа.

— Так может пусть они и сходят, если не видят изъянов в твоём плане? — ехидно поинтересовался Терри. — Не такое уж великое дело: солгать о смерти иностранного наблюдателя в Академии. Какие могут быть проблемы вообще?

— Ульфа, ты видишь, он не верит тебе, — оборвал поток острот мастер Энеас. Прихрамывая на правую ногу, он прошел мимо них и с заметным облегчением опустился на свой стул. — Брось камни еще раз и прочитай, что они скажут.

Девушка пожала плечами.

— Как прикажете, мастер.

С этими словами она распустила широкий полосатый пояс, сняла и положила в карман браслеты с запястья. Пальцами расчесала волосы и откинула за спину. Глянула на Терри так, будто не ждала от него понимания.

— Я спрошу, что будет с Академией, а ты смотри и увидишь. А потом, если захочешь, я задам камням твой вопрос. Но только один и не обещаю, что они ответят верно. Они не любят, когда их обманывают. Могут предсказать мучительную смерть или увечья, например, от падения с высоты, — по пухлым губам северянки скользнула мимолетная улыбка. Очевидно, что ей чем-то приглянулась эта идея. Глядя на нее, Терри заранее утвердился в мысли, что задавать свой вопрос не захочет.

«Я ведь и сам знаю, что будет с Академией. Барьер рано или поздно обязательно падет, и ты будешь свободна, северная принцесса Ульфа, — думал Терри, наблюдая за подготовкой к гаданию. Ульфа взяла длинную палку с крюком на конце, с ее помощью сняла подвесной фонарь и поставила на пол. Отошла, потянулась на цыпочках и достала второй. Затем третий. — Мы все получим свободу. Если останемся живы».

Ульфа расставила фонари на равном расстоянии друг от друга. Отступила на шаг и критически прищурилась. Чем-то получившийся треугольник ее не устроил и она передвинула все лампы на локоть ближе к окну. А потом, небрежно собрав подол платья, уселась прямо на пол под окном. От этого движения в солнечном луче над ее макушкой заплясали невесомые пылинки. Ульфа весла себя так уверенно и непринужденно, что Терри неожиданно для себя поверил, что сейчас на его глазах произойдет что-то волшебное, что нельзя будет объяснить теорией потоков. Его захватило нетерпеливое ожидание чуда. И светлые, невозможные глаза Ульфы обещали то же. Она встряхнула красный льняной мешочек, спрятала в ладонях и, поднеся к лицу, прошептала что-то. А потом распустила черный шелковый шнурок-завязку.

— Это то, что минуло, — тихо сказала Ульфа и, вытащив наугад из мешочка, положила перед собой три камня. Они все были разными. Плоский кругляш отшлифованного мрамора, неровный обломок горного хрусталя и красный шарик. Ульфа испытующе посмотрела на Терри снизу вверх. — Ты видишь?

Терри сел рядом с гадалкой на корточки. Ему захотелось коснуться красного кристалла, чтобы проверить, толкнется ли в ладонь колючая сырая энергия. Или это какой-то другой камень, просто похожий?

— Это то, что есть, — с этими словами Ульфа стала выкладывать второй ряд камней. На этот раз ей понадобилась пять. Внимание Терри приковал полосатый черно-белый блестящий агат. Выпуклый бок будто обнажал слои. Риамен долго не мог оторвать от него взгляд и моргнул-то только тогда, когда Ульфа опять спросила: «Видишь?»

— Какой красивый, — не удержался от похвалы Терри.

Ульфа улыбнулась, не размыкая губ.

— Черный оникс для хладнокровия. Кое-кто убежден, что его цель важна и велика.

Пойдет на все ради ее достижения, — она постучала ногтями по теплым доскам пола. — Черный оникс очень опасен, когда ложится в «сущее». Надеюсь, ты это понимаешь?

— А остальные?

Ульфа приложила палец к губам. Вместо того, чтобы толковать «сущее», она со вздохом произнесла:

— А это то, что должно случиться.

Семь камней с тихим постукиванием занимали свои места в третьем ряду. Терри замороженно следил за мягкими плавными движениями кисти пророчицы, пока она аккуратно раскладывала искрящиеся в свете живого огня камни. Отшлифованные и шероховатые. Продолговатые, как галька на морском берегу, и такие, каким явно с умыслом была придана определенная форма.

— На этот раз пирит не в центре, — мастер Энеас вытянул шею, чтобы посмотреть на то будущее, какое сложила на полу его мастерской северянка.

— Но он все равно никуда не делся, — мрачно отозвалась Ульфа. Она смотрела на расклад с таким кислым видом, будто то были не кусочки драгоценной горной породы, а криво пошитое платье, которое она должна была перелицевать.

— На твоём месте я бы уже научился определять на ощупь его грани, — подсказал портной. — Камень-то особый, ни с чем не перепутаешь.

Ульфа покатила туда-сюда хорошо знакомый Терри блестящий камень, будто склеенный из мелких кубиков. Множество граней отражало свет и казалось, что минерал рождает искры даже если его просто прокатить по дереву.

— Все камни по-своему особенные, мастер, не только этот.

— Пирит высекает искры, — задумчиво проговорил Терри. — Будет пожар?

— О да, мудрый князь, — с ядовитым удовлетворением подтвердила Ульфа. — Будет.

Она подобрала с пола отшлифованный до зеркального блеска темно-серый камень и показала его Терри.

— А это кровавик, слышал о нём? — Ульфа дождалась отрицательного ответа и пояснила тоном ментора. — Разновидность железной руды. Видишь, он почти черный, как сама смерть, но если растолочь его в порошок, он станет бурым, как кровь. Возьми этот камень с собой на войну — он даст тебе силы не замечать раны и наделит отвагой.

— Звучит как что-то хорошее, — осторожно сказал Терри.

— Это очень хороший камень. Удивительный. Если бы мы увидели его в «минувшем» я бы сказала, что тебе на голову вот-вот свалится большая удача. Но кровавик и пирит в «грядущем», да еще и рядом — это говорит о том, что нам нужно будет приложить все силы, чтобы выжить. Теперь понимаешь?

Ульфа, нахохлившись, как сердитая лесная птица, натянула на запястье браслет и теперь возилась с завязками на поясе. Луч солнца сместился в сторону и теперь не доставал до ее волос.

— Все гадания зависят от толкования, — Терри встал и отряхнул брюки. Его царапало легкое чувство разочарования. Вроде и знал, что не стоит ожидать чудес от дешевых трюков гадалок, а все же почти... поверил? По крайней мере, готов был поверить. Но очарование волшебства рассыпалось, когда прозвучало слово «смерть». И теперь он с недоумением

смотрел на валяющиеся на полу осколки горной породы. Молчаливые, разноцветные и бессмысленные.

— Академия родилась в тот момент, когда один человек решил сохранить энергию. Но время шло, и появился кто-то, кто считает себя носителем особого права. Он ставит перед собой такие цели, которые потребуют оплаты человеческой кровью. А зеленая яшма означает предательство, — Ульфа, словно пытаясь доказать правоту своих слов, сунула Терри в руки холодный полосатый камень. — Ничего хорошего Академию не ждет. Просто никакой надежды.

Терри погладил подушечкой пальца гладкий бок двухцветной яшмы. С одной стороны она была насыщенно-зеленого цвета, и лишь кое-где проступали молочные полосы, а с другой — наоборот, зеленые пятна, как всполохи, нарушали гармонию чистой и светлой поверхности.

— Знаешь, Ульфа... Я почти уверен, что только от тебя зависит, как ты прочитаешь и что поймешь. Попробуй посмотреть с другой точки зрения. Может, не все так плохо, как тебе кажется?

Глава двадцать четвертая. О пользе хороших манер

Главный недостаток Академии напрямую проистекает из ее основного достоинства: если захочешь найти человека, пусть не сразу, но ты его найдешь. Под куполом все как на ладони.

Может быть, тот Терри Риамен, который пил вино на вечеринке свежееиспеченных бакалавров, и не рискнул бы с легкостью называть имя Карху вслух, чтобы, не приведи Создатель, не спровоцировать излишний интерес. Сегодняшний Терри если кого и боялся, то только Риттау. Неожиданный совет от королевского агента не искать Карху был тщательным образом взвешен и отброшен как утративший ценность задолго до того, как прозвучал.

«Не искать Карху» — это звучало все равно что «не злить техника» или «не привлекать внимание Верховного». Риамен считал, что все это противоречило самому факту его присутствия в Академии.

А раз уж оказался в яме со змеями, стоит попробовать хорошенько повеселиться, как тот горец.

— В город? В такую погоду? — усмехнулся безопасник в ответ на подчеркнуто вежливую просьбу. Карху нашелся в юго-западном распределителе. Один из энергетиков, возвращаясь к себе после восьмичасового дежурства, в ответ на вопрос Терри устало махнул рукой в нужном направлении. Впрочем, Терри и без него уже знал, что инспектор службы безопасности разбирается с последствиями зимней грозы над куполом. Не так-то просто затеряться, если ты настолько значительный человек, как Карху.

«Во всех смыслах», — подумал Терри, глядя снизу вверх на медведеподобную фигуру инспектора. Карху, которого никто никогда не звал иначе, чем его родовым именем, действительно напоминал лесного хозяина. И обликом, и — Риамен был уверен в этом — повадками. С ним стоило держаться уважительно и не верить обманчивому добродушию. По крайней мере, Терри старался. Он не забыл поклониться.

— Я не могу ждать лучшей погоды, господин Карху, — не сдержал горькой усмешки Терри. У него были свои причины так улыбаться, никак не связанные с тем заданием, которое дали ему Карху и Арчер. Но Риамен понадеялся, что проницательности инспектора все же не хватит, чтобы просветить его душу до самого дна.

Карху тоже улыбнулся и понимающе покивал. А потом положил неожиданно тяжелую ладонь Терри на плечо, да так, что тот покачнулся и едва не потерял равновесие.

— Значит, тебя вызвали на очередную беседу, Риамен? А? — он добродушно подмигнул. — Ну, отвечай смелее, не тушуйся.

— Я запомнил, что вы велели ставить вас в известность о каждой моей отлучке, — задрал подбородок Терри. — Никаких больше тайных вылазок. Я дал слово. Смирено прошу вашего дозволения.

— Смотри как заговорил! — Карху даже огляделся, словно стремясь разделить свое восхищение со зрителями, которых не было. Разве что поодаль дежурный энергетик, закатав рукава до локтей, ковырялся в распахнутом настезь коробе распределителя. Риамен даже за дюжину шагов чувствовал запах разогретого металла и горелой кожи. Когда взгляд Терри остановился на нем, мужчина отвлекся от своей работы и утер рукой в кожаной перчатке вспотевший лоб и посмотрел на них. Терри опустил глаза.

— Нравишься ты мне, парень. Хорошо воспитан. Схватываешь на лету. Не то, что

некоторые, — Карху задумался ненадолго, шелкая пальцами, будто вспоминая нужное слово, — несознательные. Был один товарищ, который и после череды серьезных бесед так и не понял то, что ты уловил после мягкого увещевания.

— Был? — и без того ненатуральная улыбка Терри сделалась еще бледнее.

— Да, — помрачнел Карху. — Проход под старой аркой — это вам не дыра в заборе. Прореха там рваная, нестабильная. Я бы давно позволил ей зарости, чтобы не подвергать молодежь опасности и лишиться ненужного искушения. Нет прохода — нет проблем, а? Что скажешь?

— Думаю, вы совершенно правы, — дипломатично ответил Терри. У него при упоминании о старой арке перед глазами вставал образ человека, который очень хотел выйти, но в итоге остался сидеть у самого прохода.

— А с другой стороны, лиши магистров этого иллюзорного выхода, рано или поздно они начнут грудью бросаться на барьер, — не меняя тона возразил сам себе Карху. Испытующе воззрился на бакалавра. — Прав я или нет?

— Этого никогда исключать нельзя.

— Поэтому мы год за годом выбираем ничего не менять, — вздохнув, Карху принялся хлопать себя по бокам. Вынул из кармана портсигар. — Потому что какой у нас выбор? Либо время от времени гарантированно сгорает один храбрец, либо однажды с некоторой долей вероятности сгорят многие.

— Выбор — это иллюзия, не правда ли, господин Карху? — негромко спросил Терри. Его взгляд против воли возвращался к дежурному электрику. Пожалуй, самая незавидная работа под куполом для тех, кто носит не серые, а синие куртки. Опасная, неблагодарная и чересчур ответственная. Энергетик никогда ничего не изменит, даже если жизнь положит, все равно не добьется, чтобы проклятый барьер был стабильнее и жрал меньше. Работа энергетика почти бессмысленна, хоть и — магистрам этого не говорят, но Терри теперь знает от короля — жизненно необходима. Бесконечно латая старый купол, энергетики стараются выиграть еще один день жизни всем, кто живет в Академии.

Карху достал сигарету и закурил. В воздухе повис сладко-терпкий дым.

— Я бы иначе сказал. Единственное, что есть в мире настоящего — это тот выбор, который ты делаешь каждую минуту. Выбор все определяет, — с этими словами магистр обвел двумя пальцами с зажатой в них сигаретой широкую окружность перед собой. — Подумай об этом на досуге, Риамен.

— Хорошо, — покладисто согласился Терри, чем вызвал новую усмешку безопасника.

— А ты, смотрю, готов сказать что угодно, лишь бы я дал тебе карточку?

— Не стану спорить, — обезоруживающе улыбнулся Терри и развел руками, мол, поймали с поличным.

Карху стряхнул пепел под ноги.

— Ну так давай ты расскажешь мне, кто тут у нас работает на короля и передает тебе от него приказы. Имена, особые приметы. Все, что знаешь. Любая информация.

Терри перестал улыбаться.

— И что будет с теми, на кого я укажу?

— Я буду приглядывать за ними.

Терри сунул руки в карманы брюк.

— В тот раз за мной пришел гвардеец. У него был белый билет. Должно быть, личный гвардеец короля и личное же приглашение. Я не знаю имени, — щедро разбавив чистой

правдой одной маленькую ложь, доложил Риамэн. — Мне жаль, что я не могу быть более полезным для вас.

— А кто передал тебе приглашение на сегодняшнюю аудиенцию? — прищурился Карху. — Тот же безымянный гвардеец материализовался из воздуха прямо перед тобой по личному разрешению короля?

Терри мысленно обругал себя за недальновидность. Он не продумал как следует ответы на каверзные вопросы касательно сегодняшней аудиенции, которой на самом деле не существует. Как студент «плывет» на экзамене, так и Терри лихорадочно цеплялся за любую подсказку. Он нашарил в кармане брюк носовой платок и сжал его в кулаке, стараясь говорить ровнее.

— Я нашел письмо в кармане кителя, — нашелся он. — В письме было указание.

— Покажи, может, я узнаю почерк.

— Я его сжег.

— Напрасно, — укоризненно покачал головой Карху. — Я уже не уверен, что ты заслуживаешь получать пропуск по первой просьбе.

— Прошу прощения. Этого больше не повторится.

— Значит, кто-то положил письмо в карман кителя, а ты не знаешь, кто и в какой момент?

Терри закивал, радуясь, что безопасник услышал, что хотел, а он никого не подставил.

— А часом не в том ли кителе, который тебе пошил этот двуличный огнепоклонник Энеас?

Терри еще кивал, пока Карху проговаривал эту фразу, и до него не сразу дошло, что он все-таки подставил — причем не тех, кто этого заслуживал.

— Н-нет! Это было в пекарне, пока я отработывал красный лист, — выпалил он, испуганно тараща глаза. Старый добрый мастер Энеас и гадалка с чарующими глазами Ульфа совершенно не заслуживали того, чтобы впутывать их еще и в это дело. Даже несмотря на то, что обоим нужно было связаться кое с кем за куполом и, так вышло, что Терри обещал обоим, что поможет. Это определенно не касалось короля!

— Ну конечно. А я-то думал, когда ты догадаешься приплести тех, с кем у тебя счета, — хмыкнул Карху. — Молодец, и пяти минут не прошло.

Он расстегнул пуговицу на нагрудном кармане и вытянул узкий белый прямоугольник со знакомым рисунком в виде звезды с расходящимися лучами.

— Держи. Вернешь мне лично.

Поколебавшись, Терри молча взял билет. Хотелось что-то сказать, чтобы отвести подозрения от иностранных наблюдателей, но он запретил себе открывать рот. Достаточно уже наговорил.

* * *

Стоило Терри выйти из ворот Академии, как он тут же продрог — светлый непромокаемый плащ защищал от воды, а шерстяное сукно кителя служило неплохим барьером от пронизывающего ветра, но разница между тем, как ощущался воздух под куполом и за его границами, ошеломляла.

Непогода разогнала людей по домам, вынудила накрепко закрыть ставни и убрать все, что обычно создает фоновый уличный шум. Нигде не хлопали на ветру простыни, не

скрипели двери, не позвякивали бутылки, собираемые молочником, не брехали собаки в подворотнях. Холодный белый туман сползал с гор и поглощал звуки. Даже ровный гул моря воспринимался как неотъемлемая часть безмолвия городских улиц. Терри нахохлился, спрятал ладони в карманы и поднял воротник, чтобы невидимое снежное крошево не заметало за шиворот.

Он сперва не понял, что это за алые кляксы тут и там растеклись по серым камням мостовой. Все-таки слишком долго прожил в Академии и стал воспринимать красный цвет как угрозу. Почти забыл, что в преддверии Темной декады Белый город расцветает гирляндами маленьких и больших фонариков.

Сами риорцы, может, и не развешивали бы искорки в бумажных фонариках по веткам деревьев — ходили разговоры, что старые традиции в новые времена выглядят двусмысленно, тем более, когда открыты все границы, и смысл благословений предков теряется, если под ними свободно проходят чужаки. То, что прежде было личным делом, своеобразным способом общения с мертвыми родичами, постепенно превратилось в декорации невесть какого праздника. Темной декады. Самой длинной и мрачной декады, вобравшей в себя жуткие поверья всех народов, обосновавшихся на Восточном побережье вообще и в Акато-Риору в частности.

Так что живые огоньки у домов развешивали сами риорцы, а вот цепочки фонариков на улицах, на ободранных зимним ветром деревьях появлялись исключительно по инициативе магистрата. Обычно ничто не мешало им висеть там хотя бы до самой долгой ночи, но в этом году у погоды были другие планы. Жестокая гроза со шквалистым ветром и дождем разметала беспомощные фонарики, расплющила кляксами на мостовой.

Смотреть на это было неприятно. Терри поморщился, будто под нос ему сунули соленую треску. Он подумал, сколько денег и труда вложено в эти гирлянды. И в одночасье все эти деньги и труд многих людей превратились в мусор, в ничто. И кто в этом повинен?

«Как так получается, что каждый риен из казны так важен, когда речь идет о хищениях, и так ничтожен, если потратить его на бумажные фонарики?» — хмыкнул он про себя. С его точки зрения, разница если и существовала, то не в пользу бессмысленных трат. Впрочем, его душа никогда и не вожделела портфель чиновника. Так вышло, что сын Лассель Риамен презирал если не сами деньги, то науку распределения денег — уж точно. А в особенности после того, чему стал свидетелем на суде.

Он прошел мимо той равинтолы, на террасе которой когда-то ждал шефа искателей. Столики сейчас стояли голые и пустые, а все стулья были составлены друг на друга и крепко связаны между собой, чтобы не разметало ветром, — и для надежности — прикручены веревками к перилам. Под ногой что-то хрустнуло и вроде даже кольнуло сквозь подошву. Терри отступил на шаг и наклонился. Он не сразу узнал стеклянную искорку для бумажного фонарика в этой грязной скорлупке, щетинившейся обломанными краями навстречу низкому серому небу. Вот именно такую искорку, хрупкую и быстро выдыхающуюся, Арри и задумал превратить в крылатого светляка, когда верил, что это кому-то нужно в Академии.

Теперь, кажется, уже сомневался.

Риамен мыском сапога толкнул осколки к краю мостовой.

«Ты ведь поэтому так цеплялся за мой „белый огонь“? — мрачно подумал он. — Потому что рассчитывал на нем получить степень?»

«Я считал, что это наш общий проект, а ты отдал его, даже не спросив моего мнения! По-твоему, это честно?»

— Нет, — искренне ответил Терри в пустоту перед собой. — Но разве моя вина, что ты не можешь придумать свой «белый огонь» и оставить меня в одиночку справляться со своими проблемами?

«Считай, что уже оставил», — вздохнул невидимый друг и больше ничего не сказал.

Мысли о разбитых надеждах Арри точно так же кололись, как разбитые стеклянные шарики с погасшими искрами, и Терри старательно избегал их, пока шел от Народной площади вниз по улице Вестников.

Он еще несколько раз оглядывался, пытаясь понять, следят ли за ним люди Карху. Безопасник ведь всячески дал понять, что видит Терри насквозь и не верит наспех придуманной байке про приглашение на аудиенцию. Но все равно почему-то дал белый билет.

Будто для него было важнее узнать, что Риамен собирается делать, чем ловить на лжи.

А значит, кто-то все-таки должен идти следом. Терри чуть шею себе не свернул, озираясь, но так никого и не увидел.

Монументальные фигуры Вестников на низких постаментах, казалось, провожали его взглядами. Отлитые из бронзы стяги угрожающе нависали над его головой. Терри вышел на центр улицы, нервно поглядывая на острые прямые срезы с зазубринами, имитирующими золотую бахрому. Говорили, что великий мастер сперва сделал стяги развевающимися, и посмотреть на застывшую в металле струящуюся мягкими складками ткань съехались ремесленники из всех мировых столиц. Но ветры Акато-Риору не смогли снести обиды, и сделали так, что в один до крайности ненастный день бронза обмякла, захлопала и сорвалась со штандартов всех четырех бронзовых Вестников. С тех пор полотнища никто никогда не видел, а мастера Белого города зареклись правдоподобно изображать струящуюся ткань материалами для этого не предназначенными. Никто не хотел связываться со вспыльчивыми ветрами Акато-Риору.

Даже сейчас, в минуты безмолвия и безветрия, многое говорило о том, насколько риорцы опасаются своих незримых покровителей. Все, что невозможно занести в дом во время непогоды, было тщательным образом привязано, а то и заботливо накрыто брезентом. Потемневшие от воды и времени веревки защищали любой ствол дерева, даже если его окружала кованая оградка.

Терри вертел головой, подмечая детали, на какие прежде не обращал внимания. Любая мелочь казалась выпуклой и значительной. Такое ощущение бывает, когда после долгой разлуки вернешься домой и поймешь, как дорожишь даже тем, что обычно кажется неприглядным. Любой кованый фонарь в Верхнем городе напоминал Терри о том самом фонаре, который стоял рядом с его особняком и заставлял глупое сердце биться чаще. Да что говорить, если он хорошо помнил, как поднимался по крутым ступеням на улице Вестников еще когда носил смешные детские широкие штаны.

Улица нисколько не изменилась за эти годы. Величественные Вестники все так же подпирали могучими плечами небосвод, а их лица по-прежнему были полны гордого осознания важности того послания, что они несли людям.

Изменился только Терри. Теперь он не столько разглядывал мудрые лица и не думал о том, как древним мастерам удалось сделать их такими выразительными и при этом абсолютно лишеными человечности, сколько настороженно поглядывал наверх, невольно считал в уме, сколько лет тем звеньям, которые удерживали на весу плоские бронзовые листы. Сегодняшний Терри, осознанно или нет, нисколько не доверял тому, что выглядит

незыблемым и основательным, и в глубине души постоянно ждал, что в любую минуту что-то обрушится.

Когда Вестники и Арка Верхнего города остались позади, облик улицы мгновенно изменился. Небо закрыли высокие дома из белого кирпича, достигающие и пяти окон в высоту. В таких могли жить до десятка семей одновременно, и у каждой семьи были свои представления о том, какой краской красить ставни и чем украшать окна и балкончики. Улицы в Среднем городе были заметно более узкими, а сточные канавы наоборот — шире и глубже. Прелую листву здесь сметали в ящики для перегноя, которые стояли чуть ли не возле каждого крыльца, и оттого даже после шторма и грозы воздух здесь пах не столько озоном, сколько душной сыростью. Не слишком навязчиво, но достаточно ощутимо, чтобы заставить Терри сторониться компостных ящиков.

К тому времени, когда колокола на башне Магистрата прозвенели мелодию, возвещающую о том, что половина двенадцатичасового отрезка миновала, риорцы стали открывать ставни и покидать свои дома. Нечего было и говорить о возобновлении работы на исходе ненастного дня, но, вопреки ожиданиям Терри, далеко не все предпочли коротать вечер у теплого камина или хлопотать у печи. На магистра в белом плаще, идущего по своим делам, оборачивались все без исключения и провожали взглядами. Острый слух позволял услышать, что горожане переговариваются и гадают, с чем связано его появление.

«Еще один выродок в белом плащике на нашей улице! То-то ветры как с цепи сорвались», — проворчал мужчина в темно-синем пальто, проходивший мимо совсем близко от Терри. Едва локтями не столкнулись! Еще не успел обогнуть, а уже высказывается!

Риамен едва не запнулся на ровном месте. Подошвы сапог будто в одночасье приклеились к камням мостовой.

Не было никакого смысла останавливаться и требовать объяснений у каэра.

Не было.

Но Терри остановился и обернулся. И обнаружил, что грубиян тоже смотрит на него пристально и внимательно. Темные серые глаза под козырьком щурились отнюдь не насмешливо.

— Что смотришь? Думаешь, ты хозяин здесь? — с хрипотцой поинтересовался мужчина. — Хочешь заставить меня поклониться?

— Нет, — сухо ответил Терри. Разум лихорадочно искал хорошую реплику, чтобы осадить каэра и при этом не нарваться, но, как назло, в такие минуты в голову почему-то никогда не приходит ни одной хоть сколько-нибудь остроумной фразы. Пауза затягивалась. Терри уже и сам не понимал, какой демон дернул его остановиться, и хотел только одного: чтобы человек наконец самоутвердился в собственных глазах и пошел себе дальше.

— Ну давай, попробуй, — расправил плечи рабочий. Ответ Терри он либо не услышал, либо проигнорировал. — Что у тебя для этого есть? Парализатор? Ошейник?

Терри промолчал, а сам подумал, что парализатор и впрямь бы не помешал. Хотя если бы Карху узнал о том, что Риамен применил оружие к человеку на улице, он бы потом наверняка этот самый парализатор засунул в такое место, о котором не говорят.

— Эй, Кэйре, что ты опять задумал? — их стычка привлекла внимание двух рабочих менее внушительной комплекции. Они поднимались из подвального, над которым висела достаточно красноречивая вывеска в виде раскосой лисьей морды. Терри отступил на шаг, когда понял, что все трое могут быть в изрядном подпитии по случаю непогоды и внепланового простоя на работе.

— Да вот, магистр хочет чтобы я кланялся, — надтреснутым голосом объяснил своим приятелям каэр.

— Это что, тот самый, что соблазнил твою дочку?

— Мы что, еще и кланяться таким должны? — почти в унисон изумились те, но каждый думал, видимо, о своем.

Серые глаза впились Терри куда-то в область переносицы.

— Так что, ты и правда думаешь, что я должен поклониться после того, как ты увел у меня дочь? — чуть растягивая слова, уточнил рабочий. Он при этом слегка покачнулся, будто ноги не держали его, но Терри следил за его ногами, вовремя отскочил и увернулся от кулака.

В этот момент приятели налетели на своего товарища и обхватили сзади, мешая замахнуться второй раз.

— Управление на соседней улице, — напомнил Терри, машинально ощупывая нетронутую челюсть. Ему самому не верилось, что пудовый кулак просвистел мимо. Дыхание сбилось и он не сразу смог выдохнуть и набрать в легкие воздух.

— Господин магистр, вы уж простите его. Кэйре просто не в себе как выпьет, — зачастил один из мужчин, выкручивая при этом Кэйре руку, чтобы заставить его разжать кулак.

— Обычно он хороший парень, наш Кэйре. Правда, Кэйре? — поддакивал второй, контролируя при этом, чтобы Кэйре не сделал своему другу подсечку и не опрокинул его на землю.

— Я не соблазнял... никого, — зачем-то сказал Терри, хотя не то чтобы его о чем-то таком спрашивали.

Все трое прекратили возню и уставились на него.

— Значит, попутал Кэйре, да? А тот такой же смазливый был. И холеный, даром, что наш. Рос, как все, а как вырос, плюнул нам всем в рожи, бросил родителей и ушел в эту клятую Академию, — сказал один из приятелей Кэйре. Терри обратил внимание, что про клятую Академию мужчина сказал без особой злости, буднично так, будто привык таким эпитетом сопровождать каждое ее упоминание в разговоре.

— Да не он это. Да какая разница? — огрызнулся Кэйре. Надо сказать, его мягкое имя ему совершенно не подходило.

— Нет, ну если не он, то это другое дело. Ты того найди.

— Да пошел он, — плечи Кэйре обмякли, и он отвернулся, насколько мог в таком положении. Товарищи тут же отпустили его.

— Ты это... пойми человека, — посоветовал один из них, подходя к Терри и по-свойски кладя ладонь ему на плечо. — Не для того он дочь растил, учил, одевал, да? Ты хоть понимаешь, что у нас здесь настоящая жизнь, а у вас что?

— Что? — одни только Небеса знали, чего Терри стоило не отшатнуться, не сбросить руку рабочего с плеча. Но он не шелохнулся.

— Ты мне скажи, что! Ладно, когда в Академию отправляют высоколобых сынков, они все равно больше ни на что не годны, а наших парней и девок вы зачем забираете? Вот ты сам из каких будешь?

Терри замутило. Он не знал, отчего его тошнило больше: от подобной риторики или от запаха перегара изо рта рабочего, который чуть ли не обниматься с ним вздумал.

— Руки.

— Чего?

— Руки убери, — процедил Терри.

Мужчина препираться не стал, развел руки в стороны и отошел на пару шагов.

— Не жди, что тебе будут кланяться здесь, магистр, — холодно проговорил он.

— Мне это не нужно, — сквозь зубы сказал Терри.

Рабочий выплюнул короткий смешок.

— Слышь, как заливает. «Не нужно». А зачем вам, великодушные гос-спода, парализаторы и га-аз?

Терри мог бы возразить, что не имеет к этому отношения, но у него в комнате лежали чертежи кнута, который будет действовать похлеще парализатора, и он ничего не стал говорить.

Может, кое-кто в Академии и в самом деле очень хотел, чтобы магистрам кланялись?

* * *

Охряную дверь штаб-квартиры искателей Терри увидел уже в полумраке. Зимой быстро темнело. Рядом с шелковой кистью звонка все еще висела та самая табличка с выгравированным предложением приходить когда-нибудь завтра, а в окнах на втором этаже снова горели лампы под зелеными абажурами. Терри стучать не стал, а сразу потянулся к ручке. Вошел он с каким-то странным ощущением свершившейся мести, хотя вовсе ни о чем таком до сих пор не думал и не планировал доставлять искателям проблем.

У него всего лишь была пара вопросов к их шефу, Алпину Фареллу.

Терри хотел получить ответы и уйти.

Если все пойдет, как нужно, уже через пять минут он выйдет и никогда больше не вернется.

А какие вопросы к искателям после этого короткого визита возникнут у людей Карху и, возможно, короля — если он все-таки следит за всеми перемещениями Терри — его совершенно не волновало. В конце концов, это их работа — находить ответы даже на самые каверзные и сложные вопросы.

За дверью обнаружилась небольшая чайная лавка со всеми сопутствующими скромной торговле атрибутами. Вся стена, занимающая место у большого эркерного окна, была занята стеллажом со стеклянными банками с высушенным чайным листом. На длинной, хорошо отполированной стойке для тех покупателей, кто собирался выпить заваренный здесь же чай, стояли две имперские лампы под зелеными абажурами. Перед прилавком стояла женщина с небольшой плетеной корзинкой. Она нервно обернулась, когда дверь задела связку медных трубочек и те мелодично зазвенели. Продавец с мерным совочком в руке даже ухом не повел. Он следил за весами и понемногу досыпал чай в бумажный пакет.

И до того умиротворяющей была эта картина, до того не вязалась в сознании с работой искателей, что Терри сперва показалось, будто он ошибся адресом, а приметная дверь и знакомая табличка были сродни наваждению.

— Мирного вечера, — растерянно озираясь, сказал он. — Я полагал, что найду здесь искателей.

Только потом он увидел лестницу на второй этаж и вспомнил, что три года назад поднимался наверх, чтобы поговорить с Фареллом.

— Да, вы верно пришли, — тихо произнесла женщина, потому что продавец не спешил с ответом на приветствие.

Почтенный возраст человека за прилавком выдавал в нем не продавца, но хозяина. Он неторопливо, с присущей старикам основательностью, отложил медный ковшик и завернул пакет.

— Обычно никто не ищет искателей, — старик со значением улыбнулся собственной немудрящей остроте. Морщины на его смуглом лице стали еще отчетливее, и, как ни странно, именно они подчеркивали, что лицо у него чужое, не риорское, хотя говорил он как местный. Риорцы все же старели совершенно иначе. Удивительно, что именно по детям и старикам так легко определить их корни.

— Благодарю вас, мастер Ламеш, — сказала покупательница, принимая из рук хозяина пакетик с чаем. — Я зайду еще, когда этот закончится.

— Да прольется наш вашим домом благодать Создателя, госпожа Ранна. Этого должно хватить для того, чтобы хворь покинула тело вашего сыночка.

— Ваши бы слова да напрямиком на Небеса, — слабо улыбнулась женщина и, недоверчиво поглядывая на Терри, обошла его по широкой дуге к выходу.

Терри подошел к прилавку и оглядел стройные ряды банок, заподозрив, что увидит в них высушенных ящериц и скорпионов, которыми, по слухам, ухитрялись лечиться уроженцы О-Диура. Но ничего подобного не заметил, как ни приглядывался.

— Продаете снадобья? — спросил он для того, чтобы как-то оправдать свое любопытство.

— Ничего такого, что могло бы заинтересовать многоуважаемую академию, господин магистр. Я продаю всего лишь чай. Для этого патент не нужен.

— Только чай? А мне показалось...

— Чай с добавлением местных трав, ваша светлость, — перебил его хозяин лавки. — Это совершенно законно.

Терри похолодел. Такого обращения он не слышал уже много лет, но ошибки быть не может — именно так к нему обращались, когда он бывал приглашен вместе с матерью на официальные королевские мероприятия. Тогда ему было неловко, ведь он был единственный брюнет в их кругу и все «сияющие» эпитеты казались издевкой, притом не столь уж и тонкой.

— Как вы меня называли? — он заглянул старику в лицо, пытаясь вспомнить, не видел ли его в прошлой жизни, о которой почти забыл в академии. Имя «Ламеш» абсолютно ничего не затронуло в памяти, и эту простецкую, пусть и экзотичную, имперскую физиономию он точно видел впервые.

— Ваша милость, — невозмутимо отозвался Ламеш и демонстративно занялся своим делом: открыл ключом кассу и принялся пересчитывать выручку.

Терри продолжал с подозрением его разглядывать. Что за день сегодня такой: Ульфа не то в шутку, не то всерьез зовет его князем, продавец чая обращается к нему согласно дворцовому Протоколу. Может, пока он спал, король снял с их семьи все обвинения, и только Терри забыли об этом сообщить?

А неплохо бы. Теперь — то он гораздо более терпеливо относился бы к «сиятельным» эпитетам. Все-таки они дарят то особое чувство уверенности, утрата которого воспринимается в разы острее, чем наличие. Сложно даже представить, что к «его светлости» подошли бы на улице трое рабочих и попытались избить за то, что один из

магистров соблазнил какую-то девчонку из Среднего города. Кажется, доброй половины его проблем не существовало бы вовсе, оставайся Терри «его светлостью».

— Значит, вы работаете у Фарелла? — чтобы не тянуть неловкое молчание спросил Терри, прикидывая, как половчее завершить разговор. Не уходить же сразу.

— Это смотря как посмотреть, господин магистр. Если сверху посмотреть, я работаю у него. А если от моего прилавка взглянуть, то он работает у меня, в «чайном домике», — с дружелюбной улыбкой ответил Ламеш. Он начал говорить, не поднимая глаз от кассы, но потом, конечно, уже с удовольствием шурился, следя за реакцией гостя на его хитро закрученную мысль.

Терри из вежливости покивал, а про себя подумал, до чего странный человек. И вообще вкупе с неприветливой приветственной табличкой на двери и таким подозрительным во всех отношениях лавочником, складывается впечатление, что Фарелл делает все возможное, чтобы отвадить посетителей от штаб-квартиры искателей. Только что дверь за замок не запирает.

— И он... сейчас здесь? — уточнил Терри, глядя на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Лучше у его ребят спросить. Я всего лишь отмеряю чай да привечаю покупателей, а Фарелл птица стремительная. Ты, скажем, в дверь, а он — в окно.

Терри даже покивать забыл, отступая к лестнице. Надо же такое выдумать: «в окно»! Кажется, этот человек способен сказать все, что угодно, потакая собственному странному представлению об остроумии.

— Премного благодарен за беседу.

Мелочь со звоном полетела в отделение для монет. Ламеш закрыл кассу на ключ.

— Беседа бывает только за чашечкой чая. Я бы угостил вас лучшим чаем, который только что получил из Долины Огня.

— Я был бы польщен, но...

— Вы торопитесь, вижу. Примите мои соболезнования.

Терри уже положил руку на перила и ступил на первую ступеньку, но при этих словах развернулся.

— Простите?

— А? Я хотел сказать, так жаль, что вы не узнаете вкус моего чая, ваша милость. К старости стал забывать нужные слова, — объяснил он, не забывая безмятежно улыбаться. — Старость — это то, что случается только с другими, так я думал, когда был таким же, как вы.

Терри, который о старости вовсе не думал, соорудил понимающее лицо.

— Может быть, в другой раз, господин Ламеш.

— А? Откуда вы знаете, как меня зовут? — изумился старик.

Посмеиваясь про себя над простодушным хозяином чайной лавки, Терри поднялся на второй этаж и отворил дверь в просторный зал, заставленный письменными столами. Прямо напротив двери стояла разлапистая вешалка, заваленная плащами. Воздух в помещении был прокурен настолько, что сизый дым лежал пластами, как слоеный пирог. Как раз, когда входил Терри, кто-то властным голосом распорядился, чтобы некий Фин открыл окно у дежурной доски. В ответ на приказ встрепенулся молодой человек с копной кудрявых волос, небрежно связанных в хвост. Встал из-за стола и прошел мимо Терри, смерив его подозрительным взглядом.

— Постой-ка, Фин. Там магистр пришел, спроси чего ему надо, — продолжал командовать кто-то, кого Терри не видел.

Фин закатил глаза.

— Чего тебе надо, магистр? — очень громко, явно играя на зрителя «на галерке», спросил он. Послышались смешки. Искатели наблюдали за представлением, не сходя со своих мест. Терри заподозрил, что стал невольным участником комедии положений, разыгрываемой не впервые.

— Есть вопрос к шефу искателей, — негромко ответил Терри. Ему быть звездой вечера не хотелось. Хотя кто бы спрашивал его мнения?

— Магистр имеет вопрос к шефу искателей, Доурелл! — во весь голос возвестил Фин, чем вызвал уже не просто смешки, но взрыв смеха у коллег.

— Шеф здесь? — очень тихо поинтересовался Терри, наклонившись к уху Фина. — У меня очень мало времени.

Фин, если и получал удовольствие от происходящего, ничем этого не показывал. Его темные глаза смотрели на посетителя абсолютно серьезно и тогда, когда он обращался к Доуреллу через весь зал, и когда он выслушивал, что шепотом ему говорит Терри.

— Был здесь, если не ушел к наборщикам, — не слишком разборчиво бросил Фил и, потеряв интерес к магистру, отправился открывать окно.

В это время к Терри подошел человек с блестящей, тщательно напомаженной прической. Укладка была настолько совершенной, что ее впору было бы снять с головы искателя и оправить в музей искусств в качестве экспоната.

— Магистр, ваш визит — большая честь для всех нас. Не желаете выпить чего-нибудь? Говорят, в Академии с этим строго, — он вытащил из внутреннего кармана фляжку и парой движений открутил винтовую крышку. — Фин! Да брось ты возиться с окном. Принеси гостю бокал.

Терри молча слушал обволакивающую болтовню искателя и не сопротивлялся, когда его усадили на диванчик для посетителей и всунули в руки несвежий захватанный стакан с янтарной жидкостью, плескавшейся на дне.

— Меня зовут Доурелл, — с мягкой улыбкой представился искатель, располагаясь рядом.

«Ах вот как. Доурелл значит», — подумал Терри, разглядывая светло-янтарные блики на дне стакана.

— Это гер-ч-чхек из Амират, — сделав над собой усилие, выговорил искатель. Шипящие звуки имперской речи явно давались ему с трудом.

Терри усмехнулся.

— Будьте здоровы, — пожелал он и одним глотком осушил стакан.

А потом все как-то смазалось. Будто за прошедшую минуту он отвлекся, думая о своем, или даже зевнул. А пришел в себя в тот момент, когда почему-то вспомнил имя матери.

— Да, Лассель Риамен, — услышал он собственный голос.

Терри осекся, посмотрел на искателя и на всякий случай уточнил:

— Моя мать была советницей короля несколько лет назад, — он поймал себя на том, что не знает, на какой вопрос начал так обстоятельно отвечать. Искатель сидел рядом и сочувственно кивал. Терри потер пальцами переносицу.

— Я, должно быть, смертельно устал, — пробормотал он и попытался встать, но мужчина его удержал.

— Понимаю, это нелегко. Она не говорила вам, что принимает какие-то лекарства, может, жаловалась на недомогание, потерю концентрации, провалы в памяти?

— Провалы в памяти? — растерянно переспросил Терри, пытаясь сообразить, в какой момент разговор зашел о его матери.

— Я так и думал. Фин, запиши.

— Не надо ничего записывать, Фин, — рассердился Терри. Он поставил стакан на мягкую обивку дивана подальше от себя. Во рту был странный сладковатый привкус.

Фин, пристроившийся на подлокотнике диванчика с блокнотом и самопиской в руках, глянул на Терри из-под вьющейся, как пружина, пряди.

— А я ничего не пишу, господин магистр. Вы говорили, у вас какие-то вопросы к шефу искателей?

— Да, я хочу поговорить с ним с глазу на глаз.

— Непременно, — пообещал искатель с безукоризненной прической. — Он будет здесь с минуты на минуту. А пока давайте обсудим, кто из ближайшего окружения мог дать яд вашей матери, Терри Риамен.

— Я... не понимаю, — выдохнул Терри и перевел взгляд на Фина, который смотрел с большим участием, чем его старший коллега. — Она была жива.

— Она мертва, — неожиданно холодным тоном отчеканил искатель. — Примите мои соболезнования. И отец тоже, насколько мне известно.

Доурелл разлил остатки содержимого фляжки на две порции, вытряс последние капли над стаканом Терри и протянул ему.

— Давайте выпьем за то, чтобы Создатель милостиво принял их в своем чертоге, — серьезным тоном предложил он.

Терри посмотрел на стакан с недоверием.

— Отца тоже отравили? — уточнил он.

— Нет. Он связался с опасными людьми, итог закономерен. И печален. Пейте, Риамен, чтобы его душа покоилась с миром.

Манеру обращаться к нему по родовому имени первым избрал Риттау, и поэтому, когда Доурелл, случайно или нарочно, повторил этот трюк, Терри мгновенно оброс колючками. Сперва хотел просто вернуть стакан искателю, но почему-то прочитал на его лице готовность залить эту дрянь в глотку ради каких-то мутных интересов. Тогда Терри, не долго думая, демонстративно наклонил стакан над полом и позволил жидкому янтарию пролиться на темные паркетные доски.

— Не хочется, — пояснил он, с удовольствием наблюдая за тем, как брови Доурелла ползут вверх.

Он не знал, как искатель отнесется к его выходке, и был готов почти ко всему. В конце концов, Риамен больше не «его светлость», а значит в ход могла пойти и грубая сила, однако искатель все равно сумел его удивить. Он с укоризненным видом покачал головой и залпом выпил свою порцию.

— Довольно дорогая штука. Жаль выливать, — вздохнул он. Фин при этих словах расплылся в улыбке.

А Терри подумал, что напрасно поторопился с выводами насчет Ламеша и решил, будто он самый эксцентричный человек в Чайном домике. А уж когда он увидел, как отворяется стеклянная створка окна, и сам шеф-искатель Алпин Фарелл непринужденно перебрасывает ногу через подоконник, окончательно поверил в то, что находится не где-нибудь, а в городском приюте для душевнобольных.

Глава двадцать пятая. История семьи Риамен

Явившийся в окне шеф-искатель смотрел на всех, как сыч бы смотрел на суету полевков.

— Выпускающая группа, как я понимаю, страшно занята работой? Данно! Наборщики ждут сорок строчек на второй полосе и вдвое больше для третьей. И ты придумал, как сдвинуть некрологи, чтобы поместился лекарь с Ясеновой улицы?

Миновав подоконник с той же будничной уверенностью, с какой другие переступают порог, Алпин Фарелл расправил плечи и оглядел комнату, должно быть, выискивая тех, кто больше остальных саботирует выпуск газеты. Взгляд его остановился на белом плаще Терри, который так ярко выделялся на красной обивке диванчика для посетителей. Смуглое лицо горца потемнело еще больше, будто он сразу понял, зачем пришел Риамен.

— Шеф, мы все закрыли, — к Фареллу подошел высокий худощавый риорец, протянул пару листов исписанной бумаги. — Сорок строчек о том, как не стать жертвой ограбления на рынке. Восемьдесят дал Бродэк. Насчет лекаря я поговорю.

— Что конкретно у Бродэка? — не отрывая взгляда от Терри, отрывисто спросил шеф.

Почему-то искатель не сразу ответил на этот простой вопрос.

Доурелл бесцеремонно толкнул Терри в плечо, привлекая его внимание.

— Вам наплевать на судьбу вашей матери, сударь? Я с подобным хладнокровием не сумел бы встретить новость о том, что у меня умер кот, а вы...

Терри посмотрел на него и ничего не сказал.

— Данно! — прикрикнул Фарелл. Терри сдвинулся на край диванчика, чтобы вполглаза наблюдать за его разговором с искателем. На Доурелла он и глядеть не хотел, не то что слушать то, что он несет.

— Он нарыл что-то на кабатчика с соседней улицы. Контрабанда и азартные игры, но такое ощущение, что это только макушка горы. Не стоило бы трогать его раньше времени, — покачал головой Данно.

— Это его те бутылки с лисьей головой?

— Так точно.

Доурелл отправил Фина за тряпкой, чтобы «подтереть за аристократом» и нагло усмехнулся в ответ на враждебный взгляд. Искатель вел себя настолько вызывающе, что даже шеф-искатель отвлекся, чтобы оглянуться на них.

— Что было в стакане? — хрипло спросил Терри у Доурелла.

— Понравилось? — осклабился тот.

— Нет, — отрезал Терри и почти в унисон с ним прозвучал ответ шефа:

— Нет, все правильно. Я видел этого кабатчика в порту. Он заслуживает того, чтобы мы методично дергали его за хвост, — Терри заметил, как тонкие губы Фарелла презрительно изогнулись. — Сегодня будет первый предупредительный укус.

— Хорошо. Все уже готово, — наклонил голову искатель.

— Ступай, сдай это в набор.

— Вы не станете читать?

— Нет времени. Наборщики уже шлют проклятия мне в спину и точат ножи.

Доурелл наклонился к Терри.

— А знаете, Риамен, почему это пойло так любят богатеи? Что бы ты ни натворил ночью, наутро все равно ничего не вспомнишь. Подслушивать нет смысла.

Терри стиснул кулаки.

— Вы имеете хоть какое-то понятие о чести? — прошипел он и почти сразу вздрогнул.

Прямо над его макушкой прозвучал строгий голос Фарелла:

— Магистр давно здесь?

Доурелл поднял голову и тонко улыбнулся шефу. В это время вернулся с мокрой тряпкой Фин и принялся промакивать лужу на паркете, собирая с пола пролитую янтарную жидкость.

— Четверть часа как изволили пожаловать. Это Терри Риамен, шеф. Собственной персоной.

— Да уж вижу, — сухо произнес Фарелл. Он коснулся двумя пальцами поля серой шляпы и скупое поприветствовал гостя. — Чем обязаны, магистр?

Терри сцепил пальцы в замок, чтобы унять нервную дрожь. Вышло хуже. заблокированная энергия требовала выхода. Стала мелко подрагивать нижняя губа.

— Ваш человек заставил меня выпить какое-то зелье.

Фарелл переглянулся с коллегой. Видно, они поняли друг друга без слов, потому что шефа нисколько не задело это обвинение.

— Если вам не по вкусу угощение, это еще не значит, что вас хотят отравить.

— Вот именно, — поддакнул Доурелл, продолжая дружелюбно улыбаться.

— Он допрашивал меня!

— Это наша работа — задавать вопросы, господин Риамен. Неужели для вас это новость?

— В этом заключается ваша помощь, господин Фарелл? — дрожащим голосом спросил Терри. Он сощурился, чтобы, не приведя Создатель, не опозориться перед этими людьми, глядящими на него снисходительно, будто на мальчишку. — Вы обещали помочь, а сами даже не явились тогда на площадь. Это ведь вы прислали Риттау, чтобы он отправил меня в академию? Настолько не хотели держать слово, что предпочли избавиться от меня?

Алпин Фарелл наклонил голову, разглядывая Терри как какую-то диковинку. Тот осекся, осознав, что его снова занесло, и он не вполне контролирует то, что произносит его излишне развязавшийся язык.

— Чем ты его напоил, Доурелл, что он так расклеился? — шеф-искатель взял стул у ближайшего письменного стола и сел напротив Терри, глядя на него вроде даже с сочувствием. Если только Терри не показалось. Он все чаще тер переносицу, пытаясь собрать растекающиеся мысли в одно русло и сосредоточить внимание на том, что говорит Фарелл. Ведь он для этого пришел. Задать вопросы и выслушать ответы. И запомнить.

А если он забудет, тогда в чем смысл? Терри сильно, не жалея укусил себя за фалангу пальца, чтобы хотя бы боль в прокушенной коже заставила его прийти в себя.

Вместо ответа Доурелл протянул шефу фляжку. Тот открыл крышку и осторожно принюхался. Покачал головой.

— Я должен был сразу догадаться. Имперская «янтарная слеза». Ты собираешься пить ее до конца жизни теперь?

Искатель равнодушно пожал плечами.

— Нравится.

Шеф поморщился.

— В этом вся проблема. Их еда, табак и выпивка слишком сладкие. Ты привыкнешь и не сможешь без них обходиться. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

— В империи другой подход к производству. Они делают лучше, это объективно. Поэтому мы продаем им сырье и покупаем их товары, разве не так это работает?

— Нет, они не делают лучше, — возразил Фарелл, быстро раздражаясь. Тон его глубокого, бархатистого голоса сделался сварливым, скрипучим даже. Должно быть, этот разговор они вели не впервые. — Спроси у нашего магистра, если угодно.

Доурелл откинулся на спинку дивана, всем своим видом показывая, что не собирается ни спорить, ни спрашивать мнения магистра, но отнюдь не потому что согласен. Фарелл перевел взгляд на Терри и, смягчившись, произнес:

— Не стоит так переживать из-за «слезы», ее действие достаточно мягкое и быстро проходит. Всего лишь сладкое церковное вино.

— Всего лишь? — вяло усомнился Терри.

— Коварное, как все, что делают имперцы во славу Создателя, — со значением усмехнулся Фарелл. — Но это не яд. Взгляните хотя бы на пристрастившегося к этому зелью Доурелла. Жив, здоров и не растерял типичной горской наглости. За то его и ценят здесь.

Терри тяжело вздохнул. Он понял, что не дождется извинений.

— Пусть так. Я пришел, чтобы спросить, кому было выгодно, чтобы дом Риамен перестал существовать. Кто выиграл, когда мою мать изгнали?

Алпин Фарелл выслушал его вопрос с непроницаемым лицом, затем достал карманные часы и посмотрел на циферблат.

— Наконец-то, первый хороший вопрос за день, — крышка часов захлопнулась со звонким щелчком. — А это был долгий день, можете мне поверить.

Терри уставился на него в ожидании ответа.

— Дом Риамен слабел и терял сыновей на протяжении целого столетия, но это ведь не новость для вас, мастер Терри? Вашей матери пришлось пойти на беспрецедентный шаг, чтобы сохранить вам имя, вы знаете об этом? Вы могли бы родиться в доме Риттау.

Терри помотал головой, решив, что его снова накрыло действие имперского зелья. У него, должно быть, зазвенело в ушах, и поэтому послышалось, что...

— Простите?

— Лассель Риамен была обещана старшему сыну Рейне Риттау, Энсио. Если бы все прошло по плану, вы называли бы его своим отцом.

«А подонка Антеро — дядей», — подумал оглушенный Терри. Он все еще не мог поверить, что шеф-искатель не разыгрывает его, и ждал когда тот наконец рассмеется своей удачной шутке.

— Но Лассель Риамен была дочерью не кого-нибудь, а героя едва отгремевшей войны. Поэтому, когда она разорвала помолвку под предлогом того, что любит другого мужчину, ей пошли навстречу. С большой неохотой, даже со скандалом, но тем не менее. Старый король лично подписывал высочайшее позволение на разрыв брачного соглашения между двумя древними семьями. По слухам, она была согласна отречься от родового имени и принять имя вашего отца, которое я сейчас уже и не вспомню. Но ваш дед устроил все иначе, и ради того, чтобы сохранить наследие дома Риамен, он усыновил вашего отца, а уже потом выдал за него единственную дочь. Как вы знаете, двух младших дочерей он потерял незадолго до тех событий, во время эпидемии восьмидесятых годов.

— Я этого не знал, — прошептал Терри. Рассказывая ему о славной истории семьи, мать никогда не упоминала о том, что было непосредственно перед его рождением.

— Но это имеет прямое отношение к вашему вопросу. Как вы понимаете, рука вашей

матушки была обещана Риттау задолго до то того, как она стала единственной наследницей всего, чем владел ваш знаменитый дед.

— Они рассчитывали получить все, — сквозь зубы процедил Терри, вспоминая высокомерный взгляд королевского сотника и его холодное отношение. Значит, когда Антеро Риттау смотрел на него, он видел в нем причину, почему наследие дома Риамен утекло из жадных рук его семьи? И все, что он говорил и делал, прямым образом было связано с теми событиями?

— Именно так. А досталось все какому-то офицеру без имени, без семьи. Да, на высочайшем уровне все решили миром. Возмущенным Риттау выплатили причитающуюся контрибуцию, а старый король был доволен, что Хранители не допустили усиления и без того влиятельного дома. В конце своего правления он страстно желал только одного: стабильности, и стремился любыми способами удержать все в привычных границах.

— Это они забрали наш дом после суда? — перебил Терри. На его взгляд, Фарелл чрезмерно затянул экспозицию. К чему лишние слова, когда все стало кристально ясно еще в тот момент, когда упомянули сорванную помолвку?

Алпин Фарелл покачал головой.

— Его купил на торгах Амир Риен, Первый советник. Не многие могут позволить себе такое дорогостоящее приобретение, как ваш прежний дом, господин Риамен. Но Риттау, конечно, предлагали свою цену. У них много детей.

Терри закрыл ладонью лицо, чтобы искатели не видели его глаза.

— Мне все понятно. Спасибо, господа, — пробормотал он.

— Выходит, вы догадливей нас, — голос шефа искателей стал заметно холоднее. — Потому что нам далеко не все в этом деле понятно. Допустим, Риттау затаили обиду, но что с того? Прошли годы, Лассель родила сына, служила в королевской канцелярии и, наконец, вошла в состав королевского совета. Почему они ждали столько лет, если могли отравить ее гораздо, гораздо раньше, чтобы не позволить возмужать ее наследнику?

— Говорят, мстить нужно на трезвую голову, — с тяжелым сердцем проговорил Терри.

Шеф-искатель порывисто встал со стула, будто не мог усидеть на месте, пока спорит.

— Семнадцать лет вынашивать план мести и реализовать его так поспешно! Никто не понял, что произошло. Арест, обвинение, суд, изгнание — даже я был к этому не готов, а я всегда чую, с какой горы ветер дует.

— А кто занял ее место в совете?

— С этим еще интереснее, — Фарелл с довольной улыбкой потер руки. — Король официально, через газету, предложил кресло советника господину Талли, и мы все решили, что вот и обнаружился человек, который пойдет на все ради того, чтобы оказаться в совете, а тот... отказался! Сослался на неизлечимую болезнь, но с такой болезнью, как у него, можно лет до ста прожить, если беречься. По непроверенным слухам, король не мог найти преемника Лассель целых полгода не потому, что перебирал, а потому что ему отказывали раз за разом.

— Королю?

— А отчего вы удивляетесь? Все боялись, в случае чего, повторить судьбу вашей матери.

— В случае, если вдруг захочется украсть круглую сумму из казны? — с горечью уточнил Терри.

— А помните, о чем я вас спрашивал еще на суде? Вы так и не ответили. На что Лассель требовалась такая сумма?

— Я не знаю, — прошептал Терри, опустив взгляд.

— Понимаю, у вас не было возможности выяснить. Зато у нас она была, в особенности после того, как дело закрыли. Мы проверили все, что могли. Уж простите, у вашей семьи были проблемы с деньгами, это верно. Но они касались долгов и... хм... образа жизни вашего отца. Лассель была вынуждена распродавать имущество, из-за чего пострадала ее репутация в глазах тех, кто прежде целиком полагался на нее. Должен сказать, после смены хозяина ее ткацкая мануфактура быстро захирела.

— Там такая управляющая была, что она захирела бы в любом случае, — подал голос Доурелл. — С Варной Наори никто не смог бы работать, до того упрямая баба. Думает, что раз она жена сотника, то ей никто, кроме Лассель, не указ.

— Спасибо, Доурелл, — шеф-искатель добрую минуту задумчиво разглядывал своего человека, а потом вернулся к своей мысли: — Я всего лишь хочу сказать, что, если Лассель действительно брала деньги — а все улики указывают на это — мы так не выяснили, куда она их тратила. Поэтому я спрашивал вас три года назад и спрашиваю сейчас, господин Риамен: кто-то мог ей угрожать? Пока что наша основная версия подразумевает шантаж и последующее отравление, чтобы замести следы и заставить Лассель замолчать навсегда.

У Терри не было простого ответа на этот вопрос. Единственный человек, который мог безнаказанно угрожать матери в ее собственном доме, приходился ему родным отцом. О таких вещах обычно не рассказывают искателям, да и был ли в том смысл? Ведь крушение дома Риамен погребло и его. Он точно ничего не выиграл. А кто тогда?

— Вы не ответили, кто сейчас финансовый советник, господин Фарелл, — мрачно сказал Терри, подозревая, что тот нарочно увел разговор в сторону.

— Энсио Риттау, — развел руками Фарелл. — Я понимаю, как это выглядит, но судить поспешно...

— И впрямь, — хрипло сказал Терри и натянуто улыбнулся. — Кто бы это мог быть.

— Король хотел видеть на этом месте господина Талли, а вовсе не Энсио, — напомнил шеф-искатель. — Вы не могли видеть, а я замечал, как растет напряжение вокруг этого назначения. Энсио не выдвигал свою кандидатуру сам, а король не считал его одним из достойных претендентов. Все сложнее, чем кажется.

— Как вы узнали, что кто-то отравил мою мать? Когда? — разглядывая прямоугольные паркетные плашки, разбегающиеся в стороны от ножек дивана, спросил Терри.

— Мы отправили своего человека, чтобы он нашел ее и помог, если нужно. Но было уже слишком поздно. А теперь и он сам в опасности. Что-то он нашел такое, что заставило его передать все имущество семье.

— Вот его и спросите, кто угрожал моей матери. Ему явно известно больше, чем мне.

— Мы не знаем, что с ним и где он сейчас. Может, в империи. Может, дальше, — сухо ответил Фарелл.

— Значит, про конфликт с Риттау вы знали с самого начала, но ничего мне не сказали, — убито подытожил Терри. — Если бы я только знал тогда...

— И как вы поступили бы?

— Я не принял бы ничего из рук Риттау, — Риамен с вызовом задрал подбородок. — Не оказался бы заперт в академии.

— С вами там плохо обращаются?

— Мне запрещено говорить об этом.

— Понимаю. Что ж, ваше право...

— Нет, вы не понимаете, — резко возразил Терри. — Моя жизнь висит на волоске, и мне пришлось самому ее подвесить, чтобы иметь возможность сейчас быть здесь говорить с вами. Быть может, мы с вами говорим в последний раз. Быть может, расплачиваться за этот разговор мне предстоит собственным рассудком. А меня здесь травят, смеются надо мной и вместо ответов кормят отговорками. Как так вышло, что вы не нашли виновных в Акато-Риору и отправили своего человека искать их в безграничное море дальше Империи? Вы, должно быть, шутите?

К концу реплики у Терри затряслись руки и задрожал голос. Он замолчал и на всякий случай утер рукавом жарко пылающие щеки.

Фарелл сел на свой стул. Поставил локти на колени и наклонился к Терри.

— Может, вы полагаете, что наша работа сродни развлечению? — понизив голос до шелестящего шепота, спросил он. — Вы думаете, что придете сюда в приметном белом плаще и велите нам положить наши жизни на то, чтобы у вас появились ответы на любые вопросы, а мы с радостью пойдем выполнять ваш приказ? Кем вы себя возомнили? Королем?

Терри встал и тем вынудил встать и шефа искателей. Он все еще смотрел на Терри сверху вниз и не собирался, видимо, смотреть иначе.

— Мне довольно тех ответов, что я получил. Теперь я очень хорошо понимаю, кто и почему отнял все у моей семьи. Один из этих людей лично препроводил меня в академию, чтобы у меня не было ни малейшего шанса когда-либо обратиться в суд и вернуть хотя бы часть того, что они отняли у меня. Этот плащ, — Терри сгреб лацкан в кулаке, оттянул, а потом позволил ему упасть, — символ того, что мне якобы ничего в жизни, кроме науки, не интересно. Но это не так. Меня вычеркнули из жизни и списали со счетов после того, как изгнали мою мать, но я все еще жив! Я все еще помню, кто я.

Фарелл поправил на голове серую шляпу с черной лентой.

— Все это так, но у нас нет доказательств, что Риттау к этому причастны. Искатели не станут ничего предпринимать до тех пор, пока вы не убедите нас.

«Можно подумать, вы собирались что-то предпринять», — подумал про себя Терри, а вслух сказал совсем другое:

— Я благодарен за вашу помощь.

Он поклонился, как младший кланяется старшему по возрасту и чину. Фарелл с чисто горской небрежностью к риорским церемониям кивнул в ответ. Как равному.

— Я держу свое обещание. Делом вашей матери занимался такой человек, лучше и опытнее которого вы не смогли бы найти, даже если бы потратили на это целое состояние. Мне жаль, что у нас до сих пор нет ответов.

Терри еще раз поклонился и направился к двери. Почти на пороге он остановился и обернулся.

— Дело моей матери вел судья по имени Рантала, знаете?

Алпин Фарелл непонимающе нахмурился.

— Я полагал, что...

— Его еще в канале нашли, — подсказал шефу Доурелл. — Был такой, и что?

— Он знал, что его убьют, но все равно затягивал рассмотрение дело, стремился найти настоящего виновника. Он был благородным человеком.

— В отличие от нас, да? — осклабился Доурелл. — И что?

— Вы нашли тех, кто его убил? Или тех, кто заплатил за его смерть?

— Он приговорил к каторжным работам молодого вора. Вор умер почти сразу, у него

легкие больные были, вот и надорвался. Мальчишка считай совсем. Это всегда происходит одинаково, — неохотно рассказал Фарелл, кривя тонкие губы. — Какие-то обвинения или их последствия приводят к тому, что вся грязная пена общества поднимается и захлестывает огласившего приговор судью, а потом успокаивается.

— Остается только удивляться такому совпадению, — пробормотал Терри. Он пожалел, что спросил. Лучше бы ему и дальше думать, что неугодного судью убрали влияние и деньги Риттау. Было проще. И приятнее.

— И впрямь, — задумчиво откликнулся Фарелл. Терри слушать дальше не стал, захлопнул за собой дверь и почти бегом скатился по лестнице вниз.

У него еще были дела в городе, и он не хотел терять время в пустую, пытаясь убедить искателей в том, во что поверил почти сразу, как услышал. А все потому, что, в отличие от них, он на своей шкуре испытал подлость одного из Риттау. Теперь он хотя бы понимал истинную подоплеку. Так было легче. Так все обретало смысл. И с этой точки можно было планировать, как лучше нанести ответный удар.

Глава двадцать шестая. Магистр и его магия

Белый город затих в ожидании одной из самых долгих и холодных ночей года. Терри в полном одиночестве шел по пустым улицам. Ощетинившаяся изморозью мостовая звонко отзывалась на каждый шаг. Высокие дома, нависающие над проулком, множили эхо, отчего могло показаться, что следом идет еще кто-то. Когда это ощущение становилось невыносимым, Риамен оборачивался, но не видел никого. Ущербная луна выглядывала в просвет между крышами, и флюгеры на ее фоне выглядели будто вырезанными из черной бумаги, а из печных труб валил плотный дым, какой бывает от магического порошка.

Над застывшим Акато-Риору висел горький запах пожарища. Если подумать, то столицу давно бы переименовали в «город пепла», если бы дожди шли не столь часто.

Терри слишком хорошо знал цену того сиюминутного комфорта, какой дают простые магические вещи, такие как маслянистые гранулы, продлевающие жизнь огня в камине. Почему-то дороже всего обходятся именно такие вещи как потребность в тепле. Должно быть, за куполом не осталось человека, который ни разу не пожаловался бы на боль в груди и изнуряющий, не приносящий облегчения кашель. Зато порошок наверняка стоял на каждой каминной полке — он стоил четвертак, любому рыбаку по карману. Одной горсти хватало, чтобы заставить гореть даже влажные поленья. Терри не был уверен, но подозревал, что если поджечь воду, в которой достаточно того порошка — и вода станет чадить едким дымом.

Впрочем, стоило признать, что мысли об огне ничуть не согревали, как бы Терри не цеплялся за них.

Холод темной декады заползал в рукава плаща, кусал за нос, лоб и щеки. Именно он стал спутником Терри на пустых недружелюбных улицах, и постепенно вытеснил из головы все, что мешало думать о том, насколько же холодно может быть в Акато-Риору, если над головой нет купола. Если среди множества теплых окон нет ни одного, свет которого мог бы подарить надежду, что тебя уже ждут и вот-вот обогреют.

Взгляд сам собой обратился к переливающемуся в лунном сиянии куполу над Академией.

Если и было в городе такое место, которое Терри мог теперь назвать своим домом, то оно находилось там. Его маленькая комната размером в два с половиной шага на неполных четыре, его кровать под клетчатым покрывалом, которую в последнее время облюбовала одна ошеломительной красоты блондинка. Впрочем, главное достоинство комнаты скорее в том, что прямо за стеной в такой же келье жил Арри Рантала со своими светляками и собственным кодексом чести, в который поступки Терри не всегда укладывались. Тот маленький мир, как оказалось, Риамен не умел ценить до тех пор, пока тот не стал рушиться на глазах.

А теперь, когда он до конца понял весь план Ритгау, стало еще больнее. Оказалось, что воспринимать Академию как клетку было в разы проще, пока он не осознал, что в эту клетку его посадил несостоявшийся дядя ради отложенной мести. Академия и без того давно перестала быть для него безопасной, а теперь он понял, что Ритгау только того и хотел все это время: чтобы Терри оступился, ошибся, подставился. Чтобы его стерли, а вместе с ним — память о семье Риамен.

Улица делала плавный разворот перед тем, как устремиться вниз. С этого места открывался прекрасный вид на мрачное море, рябое от мелких волн от края до края. Терри ненадолго остановился у черных кованых перил, покрытых колкими кристаллами изморози. Когда-то с этого места он провожал глазами корабль, молча прощался с матерью. Когда-то на этом месте он был уверен, что мать предала его.

— Если бы спросил тогда: «Это сделали Риттау?», то что бы ты ответила? — тихо спросил Терри, глядя поверх черных волн в тускнеющий морской горизонт. — Предупредила бы, что им нельзя доверять? Чем они угрожали тебе, что ты ничего не сказала в свою защиту?

Терри сгорбился, опираясь локтями о перила. Чугун охлаждал кожу даже сквозь шерстяное сукно кителя и непромокаемую ткань белого плаща.

— А теперь Риттау требует от меня, чтобы я выполнял его распоряжения, — пожаловался Терри, вглядываясь в одному ему видимую точку между небом и морем. — Что бы ты сказала, если бы узнала?

Голос матери Терри совершенно не помнил и понятия не имел, что бы она ответила, даже если бы дело происходило не в той комнатке, где они провели последние минуты вместе. В присутствии гвардейцев, превративших прощание в комедию положений, она уж конечно бы промолчала. Это было очень в ее духе: надолго замолкать, если кто-то вел себя неподобающим образом. А тогда отличился и сам Терри, явившийся на встречу без брючного ремня и впопыхах, и гвардейцы, проявляющие неуместное рвение и подозрительность.

Молчание возводило незримые барьеры в их маленькой семье. В непроницаемой тишине проходили почти все совместные ужины и большинство обедов, на которых присутствовал отец. Юный Терри сперва не понимал, почему мать никогда не смеется в ответ на шутки такого веселого и смелого в суждениях отца. Потом повзрослел и понял, что так или иначе любая подобная острота пытается уколоть либо саму мать, либо ее семью, частью которой являлся и король, которому были посвящены особенно едкие выпады. Терри привык видеть мать молчаливой и, более того, находил, что любую женщину очень красят выразительные взгляды, подвижные брови и затаенная улыбка.

Такой он запомнил мать и такой мог представить сейчас. Он не только не помнил голоса, но даже интонации не смог бы воскресить в голове, но зато очень хорошо знал, как бы она посмотрела на него. Очень живо представил светлые глаза, полные печали и сострадания. И вдруг понял, что совсем недавно видел ее живой мудрой и понимающий взгляд и сочувственный изгиб бровей и даже стал свидетелем напряженного молчания за столом.

Принцесса Эсстель очень походила на ту Лассель Риамен, которую Терри смутно помнил из раннего детства. Когда она была самой прекрасной женщиной на свете, без морщин в уголках глаз и без печати непреходящей усталости от бессменной службы во дворце, а вся ее любовь без остатка была обращена на единственного сына.

Терри чуть улыбнулся, вспомнив их с принцессой дружеский, пусть и до обидного короткий разговор и в особенности ту его часть, где она призналась ему, что наблюдала за ним. И как она славно отзывалась о его матери, и как нежно называла ее «ваша матушка». Тугой узел в груди, который так долго мешал ему дышать, ослаб. Снова появились силы куда-то идти и что-то делать, а ведь только что казалось, что все окончательно померкло и потеряло смысл.

Дорога к порту заняла почти целый час. Идти было несложно, под гору. Иногда Терри находил незнакомые лестницы и спускался в подозрительные темные проулки наугад, чтобы срезать пологий путь, лениво огибающий холм. При этом Терри рассчитывал лишь на то, что невозможно потерять порт в городе у моря. Он, конечно, не был уверен, что легко найдет того самого северянина, которому просила отдать медальон Ульфа. Хотя она и подсказала, что ему следует искать меха и приметную синюю вышивку на городском рынке, Терри надеялся, что гораздо проще будет найти хотя бы один зафрахтованный северный корабль в порту и поговорить с вахтенными. Все-таки они по ночам не спят, что очень удобно в случае острой нехватки времени на прогулки по всем городским рынкам — знала ли Ульфа, что их больше одного? — в белом плаще магистра.

В порту люди работали даже ночью.

Редкие фонари скупо освещали глянцево блестящую мостовую. Из-под темно-серых мокрых тентов выглядывали пузатые бока бочек, составленных прямо на камнях, реже — на дощатых поддонах. С одной стороны Морской улицы стояли дома с накрепко закрытыми на ночь ставнями. Зато с другой...

От зрелища длинных форштевней, опутанных строгой паутиной снастей, нависающих прямо над головой, у Терри захватило дух. Они выдавались вперед на треть широкой улицы, создавая совершенно нереальное впечатление рядом со скучными конторами торговых компаний и ломбардами. Большие торговые парусники с красивыми именами на бортах или многоцветными имперскими орнаментами притягивали взгляд и заставляли сердце биться чаще. Волны баюкали спящие корабли, те поскрипывали снастями во сне, где-то разносился легкий стук металла о металл. Все это, вкупе с запахами дегтя, сырых рыбьих потрохов и сине-зеленых водорослей кружило голову и обещало сказку куда более подходящую Терри по характеру, чем просиживание штанов в библиотеке.

Мимо проехала телега, груженная мешками. Понурой сонной лошадью управлял хмурый извозчик с острой короткой бородой. Он был одет в теплую традиционную верхнюю рубашку, запахивающуюся на груди, а на шее болтался треугольный платок в крупную полоску. Портовый извозчик будто сошел с иллюстрации в энциклопедии, посвященной истории Акато-Риору. Он глянул на Терри свысока, тот наклонил голову в формальном приветственном поклоне и решил спросить, чтобы не терять времени зря.

— Мирной ночи, почтенный! Далеко северяне на якорь встали? — его голос прозвучал неожиданно звонко и далеко, будто ветры решили подхватить этот вопрос и донести до самого дальнего уголка Морской улицы.

— Им-топуск дальше треть-хв-рот никто не даст, — неразборчиво пробурчал извозчик, не трогая поводьев. Черная лошадь с узкой белой звездой на лбу, повела ухом, прислушиваясь к людской речи, но мерного шага не сбила. Терри собирался уточнить еще, где третьи ворота, но внезапно обнаружил, что они разминулись, и телега продолжает удаляться.

— Спасибо за помощь, — вполголоса сказал Терри, провожая взглядом широкую спину в полосатой рубахе на козлах. — Вы все поразительно любезны сегодня.

Ни о каких портовых воротах, третьих или демон-разбери-каких-еще ведущему сухопутную жизнь Терри прежде слышать не доводилось, но прозвучало это знакомо. Примерно таким тоном, как убежденные в своем праве на исключительность указывали Терри на то, что кровь в его жилах течет «третьесортная». Слова не важны, когда так хорошо понимаешь, что за ними стоит. Риамен осмотрелся и торопливо зашагал дальше. Туда, где

редела цепочка тусклых фонарей.

Время шло и проходило.

«Корабль северян, как он может выглядеть?» — гадал Терри, разглядывая корабли, такие разные и при этом такие схожие. Две мачты или три, дракон на носу или птичья голова, огромные глаза на бортах или цветные линии — в порту не было ни одного корабля, который мог бы указывать на то, что его собрали на северных островах. А корабельную древесину Терри отличать не умел. Тем более в темноте или при обманчивом свете фонарей.

Наконец, он окончательно замерз, охрип в бесплодных переключках с рыбаками, снаряжавшими свои лодки и уходящими в ночной промысел. Он давно уже поглядывал на подсвеченные вывески портовых кабаков, но сперва запрещал себе даже думать о том, чтобы заходить туда. Все равно нет ни риена в кармане, ну что он может предложить кабагчикам, рассказы о запредельной жадности которых были живописнее, чем анекдоты про страсть короля к выпивке? Но зима, поднявшийся к полуночи ветер, а также сорванное горло не оставили Терри выбора.

Он снял белый плащ, вывернул подкладом наружу, воровато оглянулся и сунул его под перевернутую лодку, привязанную и накрытую пожелтевшей парусиной. Чтобы не потерять потом место, где спрятал плащ, выбил носком сапога из утопанной обочины несколько гольшей и уложил пирамидкой на стоящей тут же бочке. Удовлетворившись своей предусмотрительностью, Терри направился к заведению, которое показалось ему более дружелюбным, чем остальные. На вывеске сидел искусно вырезанный речной кот с широкой улыбкой на упитанной морде. Выбитая щепка на правом ухе и обломанный у середины хвост добавляли коту разбойничьего шарма, но не настолько, чтобы предпочесть ему харчевню, у которой роль вывески и названия играла подвешенная на аншлаг ржавая цепь.

В кабаке было темновато. На занятых столах стояли совершенно обычные старые масляные лампы, с фитилями, какие Терри видел только в детстве: длинная вереница таких ламп стояла на полке в кухне и использовалась от случая к случаю во время походов в кладовую или винный погреб. Незанятые столы были лишены и того сокровища. Что уж говорить о скатертях, которых эти неровные, изрезанные ножами столешницы на кривых ногах отродясь не видали.

Подвешенный у двери колокольчик звякнул, сообщая хозяину о новом госте. Если бы сердце ёкало с каким-то звуком, это наверняка был бы похожий короткий и неуверенный звяк, на который точно так же обернулись бы все, кто сидел в кабаке. Держась ближе к стене, Терри сделал пару шагов и опустился на лавку, застеленную узким и длинным домотканым ковриком.

— Школяр надумал в матросы податься? — сострил матрос в теплой вязаной кофте, отнимая кривую трубку ото рта.

Терри запоздало вспомнил о звезде на воротнике кителя и прикрыл ее рукой, будто бы у него внезапно зачесалась шея.

— А ты как раз помощника искал, Меркел. Возьмешь парня? — подначивал его товарищ, сидевший за тем же столом.

Терри положил руки на стол и сцепил пальцы в замок. Он не знал, как лучше: отвечать зубоскалам или молчать, пока они не забудут о его существовании. К нему подошел парень в легкой рубашке с закатанными рукавами. Когда-то рубашка была синяя, скорее всего, свадебная, но стирки давно вымыли яркую краску, а заодно обтрепали рукава и воротник, украшенные серебряной вышивкой.

— Что хотел? — неприятливо спросил парень, вытирая руки несвежим полосатым полотенцем.

— Просто посидеть, согреться, — прохрипел Терри. Горло саднило после того, как пытался докричаться до тугоухих и при этом до странного словоохотливых и любознательных рыбаков. Все-то им хотелось знать: куда идет магистр, кого ищет, а кого конкретно из северян, а не тот ли это Стейнар, что дал в глаз чьему-то кузену третьего дня, и так далее. Терри охрип, неожиданно для себя выложил даже то, чего не следовало говорить, а ничего взамен так и не получил.

— Чем планируешь греться? — парень прокатил замусоленную щепку в зубах и оскалился в ухмылке.

— Что есть самое дешевое?

Парень смерил Терри оценивающим взглядом и, видимо, нашел его недостаточно платежеспособным.

— Травы могу кипятком бесплатно залить.

— Годится, — обрадовался Терри. Но оказалось, зря так рано обрадовался. Это было что-то вроде проверки, которую он провалил.

— Слышь, если у тебя карманы пустые, что ты тут забыл, академик? — неласково предложил парень. — За девкой своей пришел? Ну так опоздал ты.

Если бы Терри мог взглядом просверлить череп этого грубияна, тот уже валялся бы под столом.

— Слушай, друг. Как тебя зовут?

— Господином Невашедело кличут. Ты мне зубы не заговаривай. Я тебя первый раз вижу, товар показать не хочешь, платить за еду не собираешься. Какой ты мне друг?

— Есть товар, — обезоруживающе улыбнулся Терри. — Я не знал, могу тебе доверять или нет. Завари травы и расскажи о девушке. Щедро буду платит, друг.

Покрытое старыми оспинами после лихорадки лицо парня хранило незаинтересованное выражение.

— Покажи, что у тебя есть.

Сердце в груди колотилось так, будто Риаман стоял на краю пропасти и заглядывал вниз. Чуткий слух уловил, как за соседним столом один из мужчин сказал товарищам:

— Это не школяр, Эббеле. Это магистр притащил речным котам что-то на поживу.

— Этого раньше тут не видел, — задумчиво ответил тот.

Терри без особой надежды на чудо пошарил по карманам. Как назло, при себе, кроме полумесяца Ульфы, была только белая карточка, открывавшая главные ворота Академии да еще во внутреннем кармане обнаружился футляр очков. И то, и другое стоило столько, что расплачиваться за потерю придется головой. В буквальном смысле.

— У меня есть магия, друг, — Терри со значением постучал согнутым пальцем по собственному виску. — Я же магистр.

— И как ты собираешься продать это мне?

На такой хороший вопрос стоило придумать хороший ответ. Терри как раз собирался, но не успел.

— Ничего у него нет, Васке, — скучающим тоном протянул тот моряк в свитере, которому предлагали взять школяра в помощники. — Он просто очередной беглец из-под купола, который побоялся стибрить у хозяев хоть золотой подсвечник.

Васке снова перекатил щепку языком туда-сюда.

— Ясно, как день. Мне просто интересно было, до чего он договорится.

Он наклонил вихрастую голову и улыбнулся совершенно по-мальчишески.

— Покажи магию, а? Нет, я понимаю, что не смогу ее купить, но посмотреть-то охота.

Поняв, что его блеф раскрыли, Терри тяжело вздохнул и посмотрел на свои ладони. Сколько в Академии ходит разных баек о том, как красиво выкрутиться в ситуации, когда нужно «показать магию» горожанину — можно целый сборник составить! Да вот только любой красивый способ требует либо волшебной вещи в кармане, либо уйму везения. У Терри не было ни того, ни другого. Он поднял взгляд на Васке:

— У тебя есть риен?

Тот пожал плечами, сходил к стойке, перебросился парой слов с другим таким же молодым парнем, по виду, родным братом, если не близнецом. Вернулись они уже вдвоем. Васке щелчком пальца бросил на стол перед Терри монету с профилем молодого короля и поставил рядом зажженную лампу.

— Сейчас магистр покажет магию, — объявил он голосом заправского театрального зазывалы.

Матросы, должно быть, только и ждавшие развлечений в полутемном кабаке, развернулись к ним. Один даже ноги через скамейку перекинул, устраиваясь поудобнее.

Терри внезапно стало тревожно за очки во внутреннем кармане, которые неизбежно разобьют, если решат пересчитать ему ребра. Но настроение у него в тот вечер было такое, что он не стал отказывать себе в удовольствии «показать магию» матросам в кабаке. Если Хранители раз и навсегда отвернулись от него, пусть тогда матросы ломают ему ребра и очки, если есть такая охота. Слабо улыбаясь, Терри накрыл ладонью монету и серьезным голосом предупредил, что отправит ее в другое измерение. Сгрел ее в кулак, поднес ко рту и сильно дунул, позволяя монетке скользнуть по запястью под обшлаг рукава. А затем показал всем пустую ладонь.

— Вот будет тебе урок, Васке. Академия всегда забирает деньги за свою магию, — усмехнулся Меркел. — Ишь ты, целого риена не пожалел.

— Четвертака бы хватило, — поддакнул другой матрос.

— А теперь достань её обратно — азартно скомандовал Васке, отмахнувшись от нотаций.

Достать монету из рукава было не так просто, как спрятать ее там, но Терри недаром был сыном своего отца. Тот еще и не такие фокусы с деньгами проделывать был мастер.

Терри сделал вид, что ищет в оструганном полотне столешницы застрявшую там монетку. Потом нашел, очень обрадовался и хлопнул по столу ладонью, чтобы поймать риен, укатившийся в другое измерение. Разумеется, ему это удалось. Терри вернул серебро владельцу.

— Теперь он будет стремиться в ту, другую, реальность и рано или поздно подведет тебя, — без улыбки сказал он. — На твоём месте я бы избавился от него поскорее.

Васке не выглядел ни удивленным, ни разочарованным. Скорее он был доволен, что увидел именно то, что ожидал увидеть.

— Я думал, ты вызовешь демона, — хмыкнул он, заботливо укладывая монету в кошелек. — Или сам обернешься демоном. Вас же именно поэтому держат взаперти всю жизнь? Засадят вам в котелок демона, а потом ждут, пока он не сожрет вас изнутри?

Терри посмотрел вверх. Там, под потолком копошились неспящие тени. Он видел их так же ясно, как языки пламени над фитилем на столе. Краем глаза. Но всегда.

— Это тоже, — он улыбнулся так, чтобы всем сразу стало понятно, что это не шутка.

— Опасные вы люди, — сверкнул зубами брат Васке. — Ладно, когда в мужика вселяется демон. Это даже полезно, когда нужно кому-то башку раскроить без лишних сантиментов. А если в девку?

— А в них и без того постоянно вселяется! — в голос расхохотался Меркел. — Надо проверить, как там Стейнар наверху, не откусили ему там кой-чего?

— Это что же, раз в луну, в магичках аж два демона друг на друге сидит? — предположил один из матросов. Он еще что-то сказал, но финал его размышлений уже было не слышать за общим смехом и новыми гипотезами, одна другой смелее.

Не смеялись только Терри и Васке. Один потому что услышал знакомое имя, а второй потому что внимательно наблюдал за первым. Не доверял, должно быть.

— Стейнар здесь? Северянин? — уточнил Терри и оглянулся на лестницу, ведущую на второй этаж. Там обычно располагаются жилые комнаты, которые владельцы с прислугой либо сами обживают, либо позволяют ночевать гостям, которым больше некуда пойти. Чем ближе к порту, тем большим спросом пользовались такие комнаты.

— Они оба еще здесь, но на рассвете его шхуна уходит. Дай девчонке уехать по-хорошему, академик, — как-то очень убедительно и почти вежливо попросил Васке.

У Терри не было никакого резона подумать, что он может хорошо знать девчонку из академии, которая хочет сбежать, но... нет, таких совпадений не бывает. Аннели внезапно исчезла не просто так. Она долго колебалась, искала утешения, поддержки, помощи, а потом вдруг... перестала. Так не бывает. Точнее, только так и бывает, но ничем хорошим это не заканчивается.

— Я просто хочу поговорить, — Терри поднял ладони, показывая, что в них ничего нет. — Видишь, у меня ничего нет с собой, чтобы заставить ее вернуться. Я даже не безопасник.

— Прощаться с ней, значит, хочешь? — вопрос звучал буднично, и только Владелец знает, почему Терри так больно резанули эти интонации.

— Да. Прощаться.

Глава двадцать седьмая. Вероятность и предопределение

Дверь была заперта. Терри постучал. Прислушался. Ничего не услышал, будто серая рассохшаяся дверь начисто отрезала все звуки изнутри. Хотя в это, конечно, сложно было поверить, но тишина в гостевой комнате стояла совершенно гробовая. Это притом что дальше по коридору кто-то самозабвенно храпел.

— Аннели? Ты меня слышишь? — неуверенно окликнул Терри. Он все еще не был уверен, что не ошибся. Хорошо он будет, если сейчас ему откроет незнакомая девушка и спросит, какую еще Аннели он ищет в полночь в портовых комнатах для уединения! Хуже будет, если она предложит стать для него Аннели на ночь, если ему есть чем заплатить.

— Человек из академии. Говорит, без оружия. Говорит, прощаться пришел, — повысив голос, прокомментировал Васке. Терри бросил на него негодующий взгляд, на который кабатчик ответил наглой ухмылкой. — Чё?

— Пусть уходит, пока обе ноги целы, — посоветовал мужской баритон из-за двери.

Терри постучал сильнее, отчетливее. Он только что на полном серьезе рисковал ребрами и очками, после этого за ноги обычно уже не страшно.

— Стейнар, я всего лишь хочу поговорить с вами обоими. Аннели, прошу тебя, открой.

За дверью послышался какой-то шорох. Риамен прислушался, но тут влез бесцеремонный Васке.

— Ну? Дошло теперь? Думаешь, нужны ей твои охи-вздохи? Я б на твоём месте сейчас развернулся бы и ушел.

Терри подавил внезапное острое желание сграбастать наглеца за воротник и хорошенько приложить затылком к стенке, чтобы через трещину в черепе вошла хоть крупца ума.

— Ты не был на моем месте. Ты даже близко не представляешь, что значит быть на моем месте! — в порыве бессильной злости Терри ударил кулаком по косяку. Дверь отнеслась к побоям философски. — Я знаю, что подвел тебя, Аннели. Обещал помочь и ничего не смог сделать. Прости.

— Зачем ты пришел? — негромкий голос Аннели раздался неожиданно близко, будто она прижалась щекой к двери.

— Если бы не пришел, сошел бы с ума от тревоги. Я ведь не видел тебя с тех пор, как ты решила идти с мной в пекарню. Еще немного — и я решил бы, что Келва тебя убил и закопал на клумбе.

— Я ведь написала тебе письмо, в котором все объяснила.

Терри зажмурился и уперся лбом в дверной косяк.

— Прости, я не видел его. Я в самом деле часто не вижу того, что лежит на виду. Так много всего сразу происходит... Ты откроешь мне?

Клацнула задвижка, и рассохшаяся серая дверь со скрипом отворилась. Аннели стояла у порога босая, в наспех надетом синем форменном платье. Синяя лента в растрепанной косе почти стекала ей на плечо. Взгляд Терри зацепился за расстегнутую пуговицу на груди, третью сверху, да так и не сумел подняться выше. Он опустил голову, чтобы не зацепить макушкой притолоку, и шагнул внутрь.

— Это Стейнар, — услышал он. — Он завтра увезет меня отсюда. Навсегда.

Терри вежливо кивнул, приветствуя северянина. Он выглядел так, что наверняка нравился женщинам. У него были мягкие русые волосы и мягкая же щетина на щеках, твердый подбородок и ледяные глаза. Северянин был одет в меховую жилетку поверх косоворотки и носил на поясе длинный нож в ножнах из сыромятной кожи. Следовало хорошенько обдумать вопрос, зачем ему в полночь понадобилось щеголять таким длинным ножом, да еще наедине с такой милой девушкой, как Аннели, но Терри почему-то предпочел не заострять на этом внимания.

— Позволь угадаю, Аннели, — медленно проговорил Терри, избегая смотреть в ее сторону, чтобы вновь не попасть в ловушку третьей пуговицы. Он сунул руку в карман и сжал в кулаке серебряную подвеску в форме полумесяца. Почему-то северное украшение не просто не холодило, а наоборот — грело ладонь, делаясь невесть откуда взявшимся теплом. — Ты работала у мастера Энеаса в мастерской и хорошо знакома с Ульфой Фирской?

— Да. Иногда работала. В мастерской спокойнее, чем в равинтоле, а дежурства засчитываются, если хорошо попросить. Там мы и познакомились. Ульфа очень хорошая.

— Хорошая, — задумчиво кивнул Терри.

Он мимолетно взглянул на пунцовеющие уши девушки, понаблюдал за тем, как ее тонкие неловкие пальцы торопливо застегивают пуговицу на лифе, и подумал, что теперь стало яснее, почему Ульфа так торопилась найти посыльного, что не успела придумать стоящий повод и несла чушь про внезапную смерть. Она знала, что Стейнар уходит в море на рассвете. Знала, потому что сама направила к нему Аннели, а сказать Терри настоящую причину почему-то боялась. Какой смысл был утаивать информацию об Аннели, если Терри все равно увидит ее, когда найдет Стейнара? Может, чтобы у него не было ни малейшей возможности кому-то доложить об этом и помешать Аннели совершить очередную роковую ошибку в жизни?

— Это ведь целиком ее план, верно? — нехорошие подозрения накатывали волнами, как тошнота. Терри чувствовал себя так, будто его втихомолку накормили рыбой. Или даже хуже. Это Аннели накормили рыбой и заставили его смотреть, как ей от этого плохо.

«О чем я только думаю? — рассердился на себя Терри. — Она же не Древняя, чем ей может повредить рыба?»

— Келва бы не простил, что я рассказала тебе о собраниях. Это вышло случайно, я не должна была говорить, а ты не должен был спрашивать. Это очень и очень серьезно. И очень опасно, — Аннели потянула за синюю ленту, и та свободно выскользнула из растрепанной косы. Девушка рассеянно погладила ее кончиками пальцев и смяла в кулаке. — А если бы простил, то все равно...

— Я опять предположу и, пожалуй, не ошибусь, что Ульфа гадала для тебя. И гадание вышло плохое, — все больше мрачней, сказал Терри.

Аннели прикусила губу и кивнула. Ее светлые брови трагически надломились, а на глазах заблестели слезы.

— И что она сказала?

Девушка зажала рот обеими ладонями и помотала головой. Крупные слезы потекли по щекам.

Северянин, наблюдавший за разговором со сложенными на груди руками, решил вмешаться:

— Слушай, ты, как там тебя...

— Терри, — сперва ему показалось, что родовое имя не должно звучать в порту, а потом он спохватился, что опускать его — все равно, что предавать память рода. Тут же поправился: — Терри Риамен.

— Ага, — по лицу северянина можно было прочесть, что ему плевать, как представится риорец, хоть даже именем Белого дома, правящего королевством без малого тысячу лет. — Выкладывай давай начистоту, что там про Ульфа. Меня от твоих намеков почесуха берет.

Терри равнодушно пожал плечами, дескать, извольте.

— Ульфа хочет, чтобы Стейнар уехал как можно скорее. Вот зачем ей это всё. Аннели, ты понимаешь? Даже Энеас заметил, что Ульфа все время достают одни и те же камни. Допустим, с ней и впрямь говорят духи. Но если так, то они говорят только с ней одной. А она говорит, что это касается тебя. Или меня.

Аннели села на кровать. Пальцами распустила косу и принялась нервно переплетать ее.

— Не понимаю, о чем ты. Я не знала, что мне делать, и она предложила такой план. Я ведь никто и звать меня никак, кто бы согласился увезти меня на корабле отсюда без денег, если бы не Стейнар?

Терри ненадолго накрыл глаза ладонью. Смотреть на девушку оказалось выше его сил. Что у нее за жестокая судьба: вечно оказываться послушной игрушкой в чужих руках!

— Тебя ведь найдут, — негромко сказал Терри, — И тогда тебе никто не сможет помочь: ни я, ни Келва.

— Как найдут? — Стейнар с вызовом скрестил руки на груди, глянул с пренебрежением.

— Очень просто. По описанию.

Терри осмотрелся. В кабацкой гостевой спальне из мебели обнаружилась только сколоченное из трех досок подобие кровати и небольшой стол, на котором стоял простой кувшин для умывания без глазури и украшений. Медный таз, без которого сложно представить себе туалетный столик, был подвешен на криво вколоченном в стену гвозде с массивной шляпкой. Не выбрав место, куда можно сесть, Терри привалился плечом к стене. Ноги гудели и требовали отдыха.

— В личном деле есть подробное описание, которое составляет лекарь. Рост, фигура, лицо, все приметные родинки и шрамы.

— Всего-то? — усмехнулся северянин. — Я думал, вы все кровью привязаны и нужно украсть фиал из хранилища или что-то в этом духе.

— Лекарь берет и кровь, — отрезал Терри, подавив острое желание навешать Стейнару на уши побольше завиральной чуши про демонов, магию крови и прочем таком. Его остановила только мысль, что, чем больше он станет врать, тем меньше Аннели станет ему доверять. А доверие Аннели было ему во сто крат важнее. — Слухов ходит предостаточно. Дело ведь не в том, как они будут искать, а в том, что побег из Академии — это смертный приговор. Аннели, ты разве сможешь всю жизнь прожить в страхе?

У Аннели задрожала нижняя губа. Она прикусила ее и глянула на Терри со слезами на глазах.

— Я уже так живу. Я больше не могу.

Терри стало не по себе. От этого ответа веяло хорошо знакомым отчаянием. Он спокоен наелся его за три года, а все же продолжает терпеть. Почему же Аннели так быстро сдалась?

— Как же ты решилась на такое? — спросил он. — Да, Академия — тюрьма, но как ты

могла выбрать смерть, если можно было просто продолжать жить?

— А я не могла так больше. Жить в тюрьме. Целиком зависеть от помешанного. Келва считает, что я должна есть только то, что сама приготовила, и носить то, что сама сшила, потому что за меня никто не платит. Ты злишься, что он выписал тебе красный лист. Представь, что у тебя был бы красный лист с первого дня!

— Представь, примерно так и было, — сухо ответил Терри. — Я не мог позволить себе настолько сильно отставать от учебной программы и предаваться отчаянию.

— Да, я знаю, знаю! Все знают, что ты живешь как заложник. Поэтому я рассчитывала, что ты поймешь меня и поможешь. А ты... — Аннели провела ладонью по заплетенной косе, нашла торчащую прядку и принялась переплетать ее снова, будто забыв о том, о чем говорила.

— А я? Ну, давай, скажи, что во мне такого ужасного, что ты могла терпеть Келва, но не захотела терпеть меня?

Аннели заметно побледнела, отчего глаза стали казаться еще больше и темнее. Встрепанные волосы никак не желали слушаться дрожащих пальцев.

— Нет, я не то хотела сказать. Ты так много на себя взвалил, что я... Ужасно перед тобой виновата. Я не знала, что ты придешь сюда. Вот дура, думала, что в письме было сложно признаться! Но сказать в глаза еще труднее.

Терри почувствовал, как к щекам прилила горячая кровь. Сердце забилося еще быстрее, будто вознамерилось выскочить из грудной клетки.

— Келва — очень опасный человек, — все тем же серьезным тоном, каким начала говорить о признаниях и письме, продолжила Аннели. — Наверное, мне было сложно понять это, пока он впутывал в свои сети меня. Но потом я увидела, как он поступает с тобой, и мне стало по-настоящему страшно.

— Разве мы говорили о Келва? — растерялся Терри. У него было странное чувство, будто Аннели прочитала его мысли и озвучила их, с той лишь разницей, то он собирался говорить о северной гадалке.

— Ты почему-то ему страшно понравился, когда повздорил с ним из-за булки, — с болезненной гримасой проговорила Аннели. — Его интересует буквально все: что ты читаешь, над чем работаешь, о чем говоришь с другом. Он помешался на тебе и хочет контролировать, как... как меня. Если ты позволишь ему это, то рано или поздно поймешь, почему я решила сбежать.

Терри решил наплевать на гордость и опустился на пол. Для того, чтобы выдерживать подобный разговор, требовались силы, которых у него не было. Оперся спиной о стену. Положил руки на колени.

— И многое он узнал от тебя о том, над чем я работаю? — ровным голосом поинтересовался он, разглядывая извилистую трещину в потолочной балке. Дома на сваях в порту были довольно неустойчивы во время землетрясений. Должно быть, следующее станет для этого кабака последним.

Аннели на прямой вопрос отвечать не захотела. Вместо этого она пробормотала:

— Я не могу так больше. Не хочу. Мне лучше навсегда уехать.

Терри покачал головой.

— Нет. Не лучше. В последнее время я много раз думал об этом: каково жить в бегах. Вечно оглядываться, сторониться людей, проверять каждое блюдо, перед тем, как съесть хоть кусок. Я бы рехнулся декады через три, если не быстрее. Я не хочу для тебя такой

жизни.

— На островах никто ее не тронет, — мрачно произнес Стейнар. — Ты судишь о том, о чем понятия не имеешь. Яды, предательство, нож в спину — это ваши южные дела, у нас таким никто руки не запачкает.

— Да при чем тут это? — вспыхнул Терри. Он и без того был достаточно взвинчен, так что терпеть пренебрежение Стейнара было уже невыносимо. — Карху подозревает Энеаса и Ульфу и собирается выяснить, что они задумали. Тут я виноват — пришел к нему за разрешением на выход вскоре после разговора с ними. Ему осталось одно: выяснить, что твой побег — идея Ульфы. И всё. Я полриена не поставлю против того, что он не позволит тебе затеряться среди честных и благородных северян!

— Ты такая важная птица? — подняв брови, спросил Стейнар у Аннели.

— Н-нет.

— Она жила и училась в Академии, этого достаточно. Для тех, кто вошел в ее ворота, обратного пути нет и быть не может.

— И зачем ты уговариваешь ее вернуться?

— Правда, Терри, зачем? — сквозь слезы прошептала Аннели.

— Я обещал, что буду защищать тебя, но если ты уедешь, то я даже не узнаю, что с тобой. Давай вернемся вместе. Я клянусь, никто тебя и пальцем не тронет.

— Ты не похож на человека, который может раздавать такие обещания, — спокойно возразил Стейнар. И, как назло, Аннели закивала, соглашаясь с его словами.

— Я похож на человека, от которого многого хотят, — отрезал Терри, уязвленный до глубины души. — Я скажу, что никто ничего от меня не получит, если с головы Аннели хоть волос упадет, — план вырисовывался прямо на ходу и казался Терри весьма реальным. Он ведь в самом деле может поставить этим господам хотя бы одно условие. Простое условие. Ну что им стоит хоть раз пойти ему навстречу?

Аннели забралась с ногами на кровать, подтянула колени к груди и обхватила руками, как часто делала, когда проводила вечера в комнате Терри. Лицо ее сделалось отрешенным. В таком состоянии она все больше молчала, неохотно отвечала на попытки растормошить ее и временами так и засыпала, свернувшись клубочком.

Стейнар зачем-то проверил, свободно ли выходит нож из ножен.

— А что насчет головы Ульфы?

Терри помолчал. Потом сунул руку в карман брюк, достал из кармана тяжелый серебряный полумесяц и легко, без замаха бросил. Стейнар ловко поймал амулет.

— Она просила отдать это тебе. И сказать, что перед смертью она просила тебя уехать из Акато-Риору как можно скорее и никогда не возвращаться.

Стейнар так на него посмотрел, что Терри поднял перед собой руки, защищаясь.

— Она жива. Просто я отказываюсь играть в такие игры.

— А что ты там сказал о камнях, которые говорят с ней?

— Она каждый раз достает пирит и кровавик и говорит, что это к беде.

Стейнар посмотрел на полумесяц и стиснул его в кулаке.

— Да, похоже, что ты прав, парень. Камни не лгут. Что она еще сказала?

Терри пожал плечами.

— Она сказала, что я умею обманывать камни. И что почти все в Акато-Риору умеют. Она говорила загадками и я, признаться, мало что понял, — хрипло сказал он. Горло давно уже саднило, и говорить с каждой следующей репликой становилось все сложнее. А ведь

допрос явно только начался. Терри коснулся затылком стены, смежил веки и вздохнул. Он и не замечал до этого момента, насколько его вымотал этот чудовищно длинный день.

Стейнар подошел к двери, открыл ее и окликнул Васке. Тот возник сразу же, будто караулил где-то неподалеку.

— Принеси нам подогретое вино с медом и этим вашим горьким корнем, которым вы, южане, лечитесь от всех болезней, — велел северянин. Терри изумленно уставился на него. Как человек, который видел его впервые в жизни и явно не был настроен дружелюбно, мог безошибочно угадать его потаенное желание?

— Понял. Такое в кружках не варим, принесу сразу кувшин, — предупредил Васке и скрылся.

Стейнар оставил дверь приоткрытой, встал перед Терри, посмотрел на него свысока и сел рядом, на северный манер: скрестив ноги и уперев руки в расставленные колени. Он раскрыл ладонь, на которой лежал полумесяц Ульфы, и показал его Терри.

— Она не сказала, что это?

— Нет.

Стейнар пошарил рукой за пазухой и вытянул из-под воротника кожаный шнурок, на котором висел такой же полумесяц, только развернутый зеркально.

— Видишь, у меня уже такой есть, — с какой-то странной улыбкой сказал он. Ледяные глаза при этом смотрели не то что серьезно, а даже требовательно. — Мне не нужен второй.

— Ульфа решила иначе. Кто из вас, кстати, старше: ты или она?

— Кто старше? — с горечью усмехнулся северянин. — Когда я заслужил воинское имя, духи указали, в чем мое предназначение: хранить девочку-пророчицу. Ей тогда было шесть. Я должен был её беречь. Наставлять. Считаю, что я когда-то поклялся ей, что никто не тронет и волос на её голове, прямо как ты сегодня. Наши семьи приняли эту клятву.

— Все-таки она твоя жена, — перебил Терри, довольный, что с самого начала все правильно понял.

— Я её хранитель, а не муж, — поправил Стейнар.

— Значит она командует, а ты подчиняешься. Она хочет, чтобы ты взял это, — Терри кивнул на медальон, — и уехал.

— А я хочу, чтобы ты оставил это при себе и вернулся в Академию. Я даже позволю тебе взять с собой девушку, если она в самом деле уже раздумала бежать.

Терри насторожился. С некоторых пор он приучился опасаться неожиданных поворотов разговора.

— Какой смысл носить это туда-сюда? — раздраженно спросил он.

В комнату заглянул Васке с небольшим глиняным кувшином в руках и парой деревянных пузатых кружек.

— Ребята спрашивают, не сожрали тебя демоны еще, Стейнар? — спросил он полушутя и сгрузил кувшин с кружками на столик. — Может, нужно окунуть кого-то с головой в милосердное море, да и пускай примут Хранители эту грешную душу?

— Я сам с этим справлюсь, если нужда будет, — коротко бросил Стейнар через плечо.

— Я так им сразу и сказал, друг. А как тебе такое: бери обоих с собой завтра, — предложил Васке и подмигнул ошарашенному Терри. — Скажешь потом академикам, что ты двоих за одну продаешь. Может, сработает. Просто ты боишься их за горло взять. А я бы давно.

Васке стиснул кулак и продемонстрировал, как бы он взял невидимого академика за

горло.

— Иди уже спи, воин, — посоветовал Стейнар. Он дождался, пока Васке притворит дверь, а потом встал и подошел к кувшину. Налил вино. Одну кружку подал Аннели, а вторую сунул Терри.

— Спасибо. Правда, не ожидал, — хрипло поблагодарил Терри, принимая угощение. Сладкое вино пахло медом и летом. Он бы сейчас даже ту имперскую дрянь с благодарностью выпил бы, которую ему подсовывал Доурелл, до того измучило его больное горло. Впрочем, Васке принес вовсе не дурное вино, само по себе мягкое, а вместе с горьким корнем инквивари пряное.

— У тебя болит горло, и болит так сильно, что ты не хочешь говорить, — проворчал Стейнар. — Я не святоша, но твои страдающие глаза уже видеть не могу. Пей, сейчас пройдет.

— Как ты?...

Стейнар бесцеремонно накинул ему на шею цепочку с полумесяцем. Терри осекся. Некоторое время он посидел так, а потом осторожно поинтересовался:

— Зачем это?

— Смотри мне в глаза, парень, и внимательно слушай, что скажу. Ульфа очень важна для нашего острова. Ее с малолетства учили находить правильный путь в будущее. Ты, я слышу, злишься на нее из-за этого. Несправедливо. Она такая, какая есть. Все равно что злиться на нее, потому что у нее глаза не такие, как у тебя.

Терри оглянулся на Аннели. Она безмятежно качала в ладонях кружку.

— Неудачная аналогия, — огрызнулся он. — Это у меня глаза не того цвета, что надо. А Ульфа искусно манипулирует людьми, не считаясь с тем, что они могут всерьез пострадать из-за ее игр. Она хотела, чтобы я на полном серьезе убедил тебя, что она мертва. Как тебе такое?

— Я половины твоих слов не понял, — поморщился Стейнар. — Кто ты такой, чтобы судить пророчицу? Ты хоть понимаешь, что она ясно видит перед собой путь, пока простые люди, как мы, идут с завязанными глазами?

— Она не сумела предвидеть даже то, что я отвечу «нет» на ее просьбу, — мрачно усмехнулся Терри.

— Ты сказал «нет»? — поднял брови Стейнар. — С кем же тогда я разговариваю?

— Девушкам трудно расслышать отказ. Они обязательно переспросят еще и еще. Слух восстанавливается только в тот момент, когда ты наконец согласишься.

Стейнар задумчиво поскреб ногтями щетину на подбородке.

— Занятно. Выходит, и правда судьбу нельзя изменить. Вот ты решил поспорить с пророчицей и все равно здесь.

— Моя судьба уже менялась, и довольно круто, — помолчав, сказал Терри. От теплого пряного вина с медом кружилась голова и слипались глаза. Он посмотрел: Аннели уже заснула, уютно устроившись на кровати в обнимку с покрывалом. — Нет ее, судьбы, есть только воля.

— А вот и есть. Ульфа вон билась, как птичка в силках, а все одно оказалась в клетке. А что вашего короля сжирает жажда власти — это ей камни сказали еще до того, как его корабль встал на якорь. Воля ничем ей не помогла, когда свадьба сорвалась, родители не заступились, а потом и камни предали. Совет продал ее в южные земли, как овцу, потому что она оказалась лишней. А ваш король платил щедро.

— О чем ты?

— Владыка острова Фир не ладил со своей старшей дочерью Ульфой. Она была чересчур прямодушной и не боялась идти наперекор его слову. Я думаю, она верила, что поступает по совести, как учил ее наставник. Прямоту и честность пророчицы не оценили, как должно. Стоило королю назвать цену, владыка уже согласовал это с Советом.

— Зачем нашему королю щедро платить за наблюдателя от Севера? — нахмурился Терри. — Я слышал, что все устроено совсем иначе. Это Север должен был платить, причем даже не королю.

— А затем, чтобы совет отправил именно её. И еще вот за это, — Стейнар оттянул кожаный шнурок, на котором болтался серебряный полумесяц. — Ты внимательно меня слушал? Каждое слово?

Терри кивнул.

— Я соврал тебе пару раз, просто чтобы ты услышал. Можешь сказать, в чем?

«Да откуда я знаю», — хотел сказать Терри, но ведь и в самом деле было в словах Стейнара что-то странное. Как фальшивая нота в хорошо знакомой мелодии.

— Ульфа не дочь владыки? — начиная догадываться, предположил Терри.

— Да. Старшая дочь владыки Алира стала пророчицей вместо Ульфы. Она владыке не перечит, вот он и доволен. Как Эзури отнеслась к новой пророчице — то ведомо только ей одной. А еще?

— Камни предали?

— Да нет, камни в самом деле предали. Ульфа надеялась на защиту Эзури и поэтому с охотой пошла на сделку с королем. Он предложил рассудить так: если вытянет три белых камня из корзины — пророчица поедет с ним. Не сумеет — значит, Хранители против.

— А много камней в корзине было?

— Шесть. Три белых и три черных, по числу причин ехать или остаться.

Риамен живо представил себе пустую корзинку для игры в черное-белое и шесть маленьких камней на дне.

— Надеюсь, в суде вы к помощи Эзури не обращаетесь, — пробормотал он себе под нос. — Я бы не хотел, чтобы мою судьбу вершила теория вероятности.

— Думаешь, это эт самое... вероятность? А вот я был там и все видел. Он знал, что вытянет столько белых камней, сколько нужно.

Терри не нашел, что ответить. Он помолчал, а потом поднял глаза на северянина.

— Первый раз ты солгал еще до того, как дал мне амулет, — медленно проговорил он. — Когда сказал, что у вас на севере никто не предаст.

— Так было. Раньше. Пока не появились ваши южные деньги. Теперь — возможно.

— Так ведь Аннели убьют ради них же, — напомнил Терри, бросая настороженный взгляд в сторону спящей девушки. Убедившись, что она безмятежно сопит, он все равно на всякий случай понизил голос. — Зачем хранить фиалы с кровью магистров, если можно просто заплатить охотникам за головами?

Стейнар сморщил нос, отчего его и без того узкие глаза превратились в щелочки, и заразительно зевнул.

— Я ведь сказал уже: уверен, что защитишь ее лучше меня — валяй. Мне меньше мороки.

Терри зевнул тоже. К его большой досаде, единственная кровать в комнате была занята, причем опять той же самой девушкой, которая не давала ему спокойно выспаться перед

Темной декадой. Что же это такое, почему все его благие побуждения приводят к тому, что ему не остается места для отдыха? Почему такой правильный Арри всегда спит на своей кровати, как ему удастся совмещать нравственность с комфортом?

Несмотря на то, что тело требовало отдыха, мысли не позволили бы ему так просто заснуть. Эта ночь породила слишком много вопросов. Много, что давно было осмыслено и понято, оказалось либо откровенной ложью, либо обрело двойное дно. Кружка опустела, и Терри внезапно понял, что впервые нуждается в очередной порции, чтобы успокоить мятущиеся мысли и колотящееся сердце.

— Можно еще вина?

Стейнар, не скупясь, налил еще. И себе взял кружку. Оказалось, что Аннели хватило пары глотков, чтобы уснуть. Терри ревниво смотрел, как северянин мягко забирает покрывало из безвольных рук девушки и укрывает ее, как ребенка. Хотелось сказать что-то едкое, но он промолчал. Не нужно семь лет обучаться в высшей военной школе, чтобы понять, что Стейнар не из тех людей, над кем можно безнаказанно зубоскалить.

Северянина вообще нельзя было назвать приятным собеседником. Его ледяные глаза не располагали к душевному разговору, манерой и поведением он отличался от живой и эмоциональной Ульфы, как каменный волк отличается от лесного.

— Когда я тебя увидел, думал, что у меня уши заложит от твоего вранья, — сказал северянин, наблюдая за тем, как Терри молча тянет вино из второй по счету кружки. — Но ты не солгал ни разу и при этом добился того, за чем пришел. Если Анэли проснется и все еще не передумает вернуться, она уйдет с тобой.

Он тонко улыбнулся и добавил с некоторым даже злорадством.

— И ты точно об этом пожалеешь.

— Почему?

Стейнар заправил шнурок с серебряным полумесяцем под рубашку.

— От ее слов у тебя будет болеть голова. Я бы на твоём месте спросил Ульфу, не потому ли она избавилась от чтеца и Анэли одним махом.

Терри неуверенно улыбнулся, однако несмотря на то, что слова звучали, как шутка, Стейнар даже не думал веселиться. Он подлил вина в опустевшие кружки и продолжил все тем же мрачным тоном:

— Все это выглядит очень дурно. Сперва Анэли эта, вся в слезах, ты чтеца принес и сказал, что Ульфа собралась помирать. Все одним днем. А куда делся тот парень, который раньше приходил, не знаешь?

— Ульфа сказала, что он слишком много хотел в обмен за услугу.

— Да, тот мог, — задумчиво кивнул Стейнар. — Он спрашивал в прошлый раз про чтеца. Поди чтеца-то он и хотел... Ты спроси у нее прямо, обязательно спроси. Если он вздумал угрожать ей, чтобы заполучить его, я найду подонка и вобью амулет ему в горло, чтобы подавился.

Терри покрутил в пальцах полумесяц. Провел по мягкой линии узора, ощутил, что вдоль плавного изгиба инкрустированы мельчайшие камешки. Их даже не видно было в полумраке: пришлось поворачивать амулет так и эдак, чтобы крошечные грани поймали и отразили свет лампы.

— Ты это чтецом называешь? Как он работает?

— Ты же слышал, — пожал плечами Стейнар. — Ложь звучит иначе. Когда кто-то лжет, у тебя в ушах начинает звенеть.

— Да, слышал. Но как это работает?

— Может, Ульфа знает. О таких вещах вообще-то запрещено говорить вслух. И передавать кому-то тоже запрещено. Так что ты лучше помалкивай о том, что сейчас произойдет. Только Ульфа может знать, что чтец у тебя, понял?

С этими словами Стейнар потянул из ножен клинок. Терри поспешил поставить кружку на пол и на всякий случай отодвинулся. Стоило бы встать, но он все еще не верил, что его собираются резать, или — что вернее — боялся делать резкие движения, которые человек с острым ножом мог неверно трактовать.

— Давай вот без этого. Я вообще-то не просил.

— Если бы просил, я бы не дал, — хмыкнул Стейнар и скомандовал: — Давай сюда левую руку.

Когда эти слова произносит человек с обнаженным клинком в руке, ты уже понимаешь, что последует дальше, но вот есть ли у тебя возможность отказаться? Терри неохотно скинул китель и расстегнул пуговицы на манжете. Закатал рукав рубашки до локтя.

— Ладонь не режь, — сквозь зубы процедил он, протягивая руку. — Это увидят.

Северянин, который уже успел крепко ухватить его за запястье и примериться, остановил занесенный нож.

— А что? Нельзя?

— Магия крови вне закона, — глядя прямо в глаза Стейнару, лишь бы не смотреть туда, где его собираются резать, сухо объяснил Риамен. — У меня будут проблемы, если заподозрят. Без этого точно нельзя обойтись?

Стейнар прижал лезвие к внутренней стороне предплечья.

— Нельзя.

Кожу полоснуло резкой болью. Терри, хоть и был готов, зашипел и зажмурился. Он с детства боялся порезать руки и всегда берег их. А тут подставил почти добровольно. Побоялся, что Стейнар назовет его трусом? Или дело в том, что в красной книге короля постоянно упоминалась кровь, и подсознательно Терри уже давно решил, что это допустимая цена за подлинную магию? Стейнар накрыл его рану своей горячей ладонью. Риамен сглотнул. Его замутило. Порез пульсировал в такт ударам сердца. Пальцы Стейнара ощущались как железные и сама по себе цепкая хватка причиняла боль.

Так прошло около минуты.

— Может, хватит? — сцепив зубы, выдавил Терри, когда понял, что ничего особенно и не произойдет. Второй раз он поддался на дикое обаяние северной магии и второй раз все закончилось сокрушительным разочарованием. Рука болела так, будто Стейнар не легонько надрезал кожу, а, по меньшей мере, вскрыл артерии. Когда северянин отпустил его, Терри огляделся в поисках какой-то тряпки, которой можно забинтовать предплечье и не нашел ничего. Баюкая раненую руку, он втиснулся в угол, бросая на обидчика убийственные взгляды.

Стейнар просто сжал кулак и тем ограничился. Между пальцев алела кровь. Небрежно вытерев лезвие о штаны, он сунул клинок в ножны.

— Теперь я буду знать, как там Ульфа, — услышал Терри его довольное бормотание.

— Думаешь, я буду слать тебе письма? — огрызнулся Риамен. Он был близок к отчаянию — кровь не удалось остановить ладонью, и она испачкала рукав рубашки и брючину. Пока он был поглощен борьбой с кровью, он не смотрел на северянина, и был удивлен, когда тот сел напротив его на корточки и хитро улыбнулся, не размыкая губ.

Протянул левую руку к амулету, который висел на шее Терри и заботливо заправил его под рубашку.

— Ты станешь моими глазами, — сказал он, не открывая рта.

Интермедия. Тень

В порту никому нет до тебя дела. Никто не задает лишних вопросов. А если даже и спросят, почему у тебя, скажем, белые волосы, достаточно будет ответа: «Потому что это не твое дело, вот почему». На вопрос: «Ты кто?» всех в целом устроит ответ: «Никто».

Уже только за это можно любить порт, не правда ли?

А вот в таком пафосном месте, как королевский дворец, подобный ответ не устроит ни гвардейца, ни даже горничную. Хотя какое им может быть дело?

Днем порт наполнен людьми, которые тебя даже не замечают. Кто-то спешит пристроить багаж, другой ищет билетную кассу, третий только что сошел с корабля и осматривается в ожидании, когда подойдет носильщик с тележкой. Днем вопросов не будет вообще. А ночью... Ночью в порту не остается лишних людей. Швартовки после заката запрещены, да и покидать гавань до рассвета тоже не имеет права никто, кроме рыбаков на небольших лодках. В порту остаются только матросы, которым некуда или незачем идти, и грузчики, которым заплатили за сверхурочную работу. И те, и другие могут в охотку почесать языками, но их любопытство поверхностно. Их устроит любой ответ, они не возражают против откровенной лжи, если она прозвучит занятно. Хотя иную правду и сказать-то не выйдет так, чтобы ей поверил хоть кто-то.

А во дворце у стен есть глаза и уши. Где бы ты ни был, кто-то да увидит тебя. Увидит, услышит и непременно донесет, кому следует. Даже если ничего не понял — тем вероятнее, что кому-то перескажет. А чтобы сшить куски собственных домыслов, щедро от себя добавит. Днем во дворце толчется куча людей. Канцеляристы смотрят по сторонам не менее пристально, чем посетители, а языками чешут не менее охотно, чем прислуга. Ночью они все расходятся, но и тогда не легче, ведь любой гвардеец на посту смотрит в оба. Бдит, чтобы ни одна тень не прошмыгнула мимо.

Теням лучше в порту, чем во дворце. Спокойнее, вы не поверите. В порту, как в месте, откуда начинаются и где заканчиваются путешествия, всегда живет надежда. Хотя бы... Чужая.

А еще иногда, да хоть даже и ночью, можно найти что-то по-настоящему уникальное, ценное, необходимое. Как будто нарочно, чтобы привлечь внимание, кто-то сложил плоские гольши пирамидкой на бочке. Может быть, кто-то занятый своими делами не обратил бы на эту странность внимания. Но когда взгляд буквально заточен на поиск странного и необычного, этот знак бросается в глаза.

Интересно, о чем думал тот, кто оставил в порту без присмотра белый магистерский плащ?

Глава двадцать восьмая. Утро дня перед Долгой ночью

Стейнар разбудил Терри когда в маленьком окошке едва разлились синие предутренние сумерки. Без церемоний толкнул ногой, заставив перекатиться с одного бока на другой. Благо, ниже пола падать было уже некуда. Терри накрыл воспаленные глаза рукой и подумал, что надо было все-таки дождаться, пока северянин уснет, чтобы зарезать его во сне. Как многие хорошие идеи, эта пришла запоздало. В любом случае, Терри понятия не имел, когда Стейнар заснул и спал ли он вообще. Он и про себя-то не был уверен, что спал дольше пары минут.

Аннели уже умылась и теперь переплетала косу. Пальцы ее двигались быстро и сноровисто, а лицо было безмятежным, будто она собиралась пойти на занятия, а вовсе не решала в последний момент, какую судьбу выбрать: уйти на шхуне в неизвестность вместе со Стейнаром или вернуться в Академию, из которой сбежала.

— Мирного утра, — прохрипел Терри, ни к кому конкретно не обращаясь. Первым делом он потянулся к ране на руке. Пальцы нащупали махристый край повязки. Странно, накануне не нашлось никакой холстины, чтобы разорвать на бинты. Да и не до того было. Терри напрочь забыл о кровоточащем порезе, когда обнаружил, что голос северянина звучит у него в голове. Правда, никаких ответов он не добился. Стейнар ограничился тем, что сказал, будто это продлится не дольше, чем «кровь будет помнить». А попытки разобраться с плетением потоков с помощью очков привели лишь к тому, что Терри и без них понял: дикари в меховых жилетах умудрились собрать из серебра, проволоки и камней нечто вроде пары связанных браслетов, которые работают точь-в-точь как описывал Талсиен в «Песнях Второй эпохи».

На первом курсе Терри начал разрабатывать грубое подобие. Как понял, как умел — а понимал и умел он в тот момент мало. Но даже этого было достаточно, чтобы Парлас и Карьян отняли у него разработку и на основе его расчетов сотворили свою подделку, а теперь... Теперь ему в руки каким-то совершенно чудесным образом попал оригинал. Или что-то очень близкое к тому.

— Ты уверен, что мне можно будет вернуться? — тихо спросила Аннели вместо приветствия. Все-таки она волновалась. Синяя атласная лента выскользнула у нее из пальцев, а она даже не заметила. В тусклом свете лампы ее лицо выглядело серым и уставшим.

— Я клянусь тебе, теперь меня точно никто не посмеет тронуть, — хрипло пообещал ей Терри. — А вместе со мной и тебя.

— Это хорошо, — вздохнула Аннели и, спохватившись, наклонилась за лентой.

Стейнар надел поверх теплой пушистой кофты меховой жилет и сейчас затягивал под подбородком завязки потешной вязаной шапки. Выражение лица у него было чрезмерно хмурое для владельца полосатой шапки с «ушами». У него была перевязана ладонь.

— Ты давай не затягивай. Выясни, кто или что угрожает Ульфе, пока я могу тебя слышать. Если что серьезное — помоги ей, договорились?

Терри зачем-то подергал торчащие концы повязки, будто проверяя их на прочность. Рана саднила. Бурая кровь на белой рубашке предвещала совершенно ненужный интерес со

стороны Карху или других безопасников.

— Договорились, — мрачно сказал он. С одной стороны, он был рад, что в его распоряжении оказалась настолько ценная волшебная вещь. С другой — да гори оно все пламенем! Опять поручения! Но отказать он не мог. Даже спорить не было ни сил, ни желания.

— И чтец этот ей принадлежит, а не тебе. Не забывай об этом.

— Не забуду.

— Ну бывай тогда. Если надо будет напомнить чтецу вкус моей крови, спроси у Васке, где меня найти.

— Хорошо, — покорно ответил Терри. Кивать он благоразумно избегал. В голове плескался янтарный горький кисель, и очень не хотелось его лишней раз тревожить. Обещанной Доуреллом потери памяти после имперского вина не было, но состояние в любом случае нормальным называть язык бы не повернулся.

Стейнар напоследок кивнул им обоим на прощание, пожелал девушке найти хорошего мужа, и ушел, оставил их одних. Терри проводил взглядом его широкую спину, потом переглянулся с Аннели и растерянно спросил:

— А он заплатил за комнату, как считаешь?

* * *

— Нет, они издеваются, — горестно вздохнул Терри, пытаясь нашарить под перевернутой лодкой свой плащ. Теряя терпение, он опустился на колени и заглянул в темную щель между корпусом и мостовой. Ничего.

— Ты оставил здесь что-то? — спросила Аннели удивленно.

— Белый плащ. Украли. Кому в порту мог понадобиться магистерский белый плащ? — в отчаянии спросил у небес Риамен. Небеса промолчали.

— Он непромокаемый, рыбакам подойдет, — равнодушно ответила Аннели. Терри засмотрелся на нее. Девушка накинула на плечи отороченный мехом жилет — наверное, он принадлежал Ульфе, судя по тому, как хорошо сидел на тонкой девичьей талии. Холодный морской воздух кусал ее бледные щеки и расцветал на скулах слабым румянцем. Светлые пряди волос над висками выбились из косы и порывистый ветер играл ими. Она смотрела в сторону моря таким взглядом, будто прощалась с ним навсегда.

Терри устыдился, что переживает из-за плаща, когда девушка переживает из-за своего будущего. Он встал, отряхнул брюки.

— Ну не сотрут же меня в самом деле за этот плащ, верно? — с нервной усмешкой спросил он.

Аннели пожала плечами. Терри подумал, что Арри ни за что не оставил бы этот вопрос без ответа. Уж хотя бы сострил: «Стереть не сотрут, но красный лист впаяют точно. Ой, подожди, это же выходит, третий!»

— Ты сказал, тебя не тронут, — помолчав, напомнила девушка.

Терри прикусил язык. Как он мог забыть, что должен быть сильным и бесстрашным, когда рядом Аннели? Это с Арри можно быть собой, тревожиться и быть неуверенным. С Аннели так нельзя. Только не после того, как он взял на себя ответственность за ее благополучие.

— Да. Извини. Пойдем. У нас мало времени.

— Еще минутку, — Аннели зябко поежилась и обняла себя за плечи. — Мы ведь не опаздываем? Здесь такой воздух свежий.

Терри с беспокойством огляделся.

— Я бы не хотел здесь надолго задерживаться, даже если бы на мне был плащ безопасника. А без него мы рискуем вдвойне. Подойдет сейчас господин из Управления порядка, спросит, не беглые ли мы, что ты ему ответишь?

— Не беглые, — Аннели опустила ресницы. Помолчала. — Да, я все понимаю. Для нас нет места безопаснее, чем Академия. Идем.

И они пошли. На рассвете Белый город был залит тревожным алым светом от маковок остроконечных крыш до резных перил над каналами. Низкие тучи вбирали в себя первые столбы печного дыма — кто-то встал пораньше, чтобы приготовить завтрак и обогреть жилище. Далекое холодное солнце дробили на части черные кованые фонари. Как ни посмотришь на ходу на алый диск — всегда что-то его заслоняет: то флюгер, то фонарный столб, то вывеска аптекаря.

Приходилось подниматься по лестницам. Аннели, забывшись, несколько раз протягивала ладонь без перчаток к перилам и всякий раз с ойканьем одергивала руку: холодно! Терри смотрел на нее и думал, что понимает техника. Аннели порой вела себя так, что хотелось ее защищать. Даже от чугунных перил. Но вот загвоздка: идти по улице Акато-Риору, держась за руки, могли только муж с женой. Он бы, может, и сделал вид, будто так и есть, но не знал, как об этом сказать. Сама собой в памяти возникала вчерашняя расстегнутая пуговица на платье, босые ноги и жаркий румянец на щеках — и вместо того, чтобы предложить девушке опереться на его руку, Терри делал еще шаг в сторону.

Хуже всего, что Аннели была ошеломительно красива. И чем печальнее смотрели ее удивительные, яркие глаза цвета подсвеченной солнцем морской воды, тем труднее было оторвать взгляд от ее лица. Терри ловил себя на том, что постоянно ищет повод остановиться и поцеловать девушку, но становиться в очередь за техником и северянином не желал, и не гадал, что ей сказать, чтобы прояснить этот вопрос раз и навсегда. С горячий, порывистой, откровенной Варией все было намного проще, чем с молчаливой, погруженной в холодный омут невеселых мыслей Аннели.

— Ты позволишь мне приходить к тебе, как раньше? Ты в самом деле умеешь объяснять сложные вещи понятно, а Келва только обвиняет.

Терри остановился перед ней и осторожно заправил мягкий светлый локон за покрасневшее маленькое ухо.

— Знаешь, я так понял, что Келва считает себя твоим спасителем. Ты пробовала сказать ему, чтобы он оставил тебя в покое?

— Да, — сказала Аннели, и это прозвучало так, что Терри сразу понял — нет.

— Он будет продолжать до тех пор, пока считает, что в ответе за тебя.

— Он использует меня, как сочтет нужным, — Аннели спрятала лицо в ладонях. — Мне просто нужна твоя помощь, Терри, — сквозь ладони голос ее звучал глухо, как из-под земли. — Ты обещаешь?

Терри обнял ее, а она доверчиво прижалась к нему, как будто давно этого ждала. Холодный мех жилета защекотал ему шею. Ледяные пальцы легли ему на щеки. На бледном лице девушки только губы казались теплыми. Она была так близко, что ее дыхание перемешивалось с его. Терри наклонился и поцеловал Аннели. Ему показалось, что более красноречивого обещания он в этот момент дать не в силах, даже если приведет сто тысяч

аргументов.

— Ты очень красивая, — сказал Терри, с нежностью проведя пальцем по ее подбородку. Непослушный локон вновь выскользнул из-за уха и улегся поверх щеки. Терри тепло улыбнулся: — Я бы сделал все, что угодно, чтобы ты была в безопасности и улыбалась.

— Все, что угодно, но только не сбежать прямо сейчас вместе со мной? — грустно улыбнулась Аннели. Она чуть отстранилась и пытливо заглянула ему в лицо.

Терри крепко зажмурился и коснулся лбом ее лба.

— Нет, Аннели, только не бежать. Нельзя бежать. И не только потому, что я не могу. За мной пошлют таких людей, что у нас не будет ни единого шанса, ты понимаешь?

— Я понимаю, правда, — вздохнула Аннели, слабо улыбаясь, и Терри сразу понял, что на самом деле она не верит ему. — Если ты так говоришь..

— Скоро все наладится, — перебил Терри. — Потерпи немного, и я даю слово: больше не будет никаких стираний, никаких преследований, никаких запретов на разглашение. Академия перестанет быть тюрьмой, и ты сможешь жить как захочешь.

Аннели сильнее надавила ладонями Терри на грудь, чтобы выскользнуть из его объятий.

— Ты говоришь точь-в-точь как Келва. Неужели он позволил тебе прийти на свои собрания? — в ее голове прорезалась тревога.

— Нет, но он сказал, что если у меня будет что-то стоящее...

— У тебя уже есть что-то стоящее! — Аннели толкнула его еще сильнее. Сил у нее было не так много, чтобы заставить его покачнуться, но, кажется, она хотела именно этого. — Келва хочет твой кнут!

— Это ты ему рассказала? — опасно спокойным голосом спросил Терри.

Аннели отступила от него и запустила пальцы в волосы, почти так же, как всегда делал Арри, когда волновался.

— Все так запуталось, — пожаловалась она. — Ты не можешь злиться на меня, что я все неправильно поняла. Только не после того, как сам пришел ко мне с пирогом для Тармо Перту!

— Тармо нужен мне, чтобы подсказать, как сделать кнут безопасным. Поэтому я испек ему пирог, — сухо ответил Терри. — Вовсе не потому что я такой уж добрый.

— Келва боится Тармо больше, чем Карху и Арчера. Вот я и подумала, что вы с Арри... Ну, из его команды. Думала, что перейду к вам, тогда Келва побоится меня трогать. А он не побоялся, — убитым голосом закончила Аннели. Помолчав, она добавила еще тише: — А когда ты стал спрашивать про собрания, то я поняла, что совсем ничего не понимаю.

— Что еще за команды? Что я еще не знаю?

— Я не знаю, как объяснить, — развела руками Аннели. Терри поморщился: ее голос звучал неприятно высоко.

— Знаешь, просто не хочешь, — перевел он.

— Даже если ты хочешь этим своим «белым огнем» убить Арчера, ты должен сперва выбрать того, кто скажет как и когда. Их может быть даже больше, чем трое. Я правда не знаю и знать не хочу, сколько.

— Трое?

— Келва, Перту и Парлас, — отчеканила, как на экзамене, Аннели.

— Странно, что не Карху, — пробормотал Терри.

— Может быть и он тоже. Ты правда не знал? Теперь ты понимаешь, почему намного проще сбежать на север, чем выживать в корзине, полной ядовитых змей? Ты все еще

веришь, что у тебя получится?

Терри помолчал.

— Три года меня не вмешивали в это все, — произнес он, глядя себе под ноги. — Три года я делил отпущенное время между библиотекой и лазаретом. Значит, можно продолжать жить так, как я жил.

— Давай попробуем, — кивнула Аннели. — Наверное, если меня перестанут тянуть на борьбу, допрашивать и испытывать, я пойму, как можно жить в Академии и не сходить с ума.

Терри ничего не сказал. Просто взял ее за руку и повел за собой вверх по улице. Арка Среднего города была уже недалеко.

* * *

За аркой Аннели направилась в сторону Народной площади, но Терри удержал.

— Ты сказал, возвращаемся в Академию, — напомнила девушка. — Или нет?

— Не сразу. Я обещал мастеру Энеасу зайти к его старому другу и забрать там какие-то бумаги. Это недалеко и недолго.

Аннели обошла Терри кругом. Подышала на ладони, чтобы согреть их, и спрятала их под мышки.

— У меня хотя бы жилет есть, чтобы звезду на воротнике спрятать. А по тебе сразу видно, что магистр, да еще и без плаща. Давай ты просто извинишься перед мастером за то, что не вышло.

— А у меня есть белый билет, — растянул онемевшие от холода губы Терри. Вроде как уверенно улыбнулся. По крайней мере, попытался. — Вместо плаща. Это правда совсем рядом. Я слово дал.

— Хорошо, — вздохнула Аннели.

Над их головами пронеслась и еще трижды началась сначала короткая песня медной трубы. Аннели встрепенулась и указала Терри на сторожевую башню над запертыми коваными воротами.

— Смотри, это трубач господина Талли! Сейчас откроют.

Терри посмотрел. Как он и ожидал, ничего занимательного не увидел. Из сторожки вышел человек в синей кепке и с парализатором на бедре. Отомкнув замок, он начал разводить в стороны половинки массивных кованых ворот. За ними открывался вид на множество двух и трехэтажных серых построек, в которых сотни людей ежедневно зарабатывали деньги. Не столько себе, сколько господину Талли.

— Да, это не очень похоже на то, как у нас открывают главные ворота. И музыка попроще и праздника никакого нет, — негромко засмеялась Аннели, поглядев на недовольное лицо Терри. — Но здесь их открывают каждое утро и каждый вечер, а у нас — раз в сезон. Келва хочет, чтобы у нас было как у Талли. А ты?

— Что я?

— Ты сказал, что скоро все изменится, значит, что-то уже придумал. Как, по-твоему, все должно быть?

Терри пожал плечами. Он не обязан был думать о том, как все будет. На то, чтобы планировать, в Акато-Риору есть монарх. Вот пусть у него и голова болит, чтобы сделать все мудрее, чем сейчас.

Но Аннели ждала, что он скажет. И Терри не придумал ничего лучше, чем ответить вопросом на вопрос.

— А ты бы как хотела?

— Я? — смутилась девушка. — Я не знаю. Надо спрашивать у тех, кто может создать что-то значительное. Ты намного лучше меня знаешь, на что способна магия и нужно ли ее прятать от обычных людей. Или людей защищать от нее.

— Как ее спрячешь, если магия так или иначе есть в каждом доме? — развел руками Терри. — Нет никакого смысла. Я, может, тоже не знаю, как правильно, но точно знаю, что сейчас абсолютно все неправильно. Мы должны сперва отменить старые порядки, а потом разберемся, как жить иначе.

Он взглянул на Аннели с укоризной. Как она могла сомневаться в том, что Академию нужно изменить. Сама же только что жаловалась на то, что и жить в ней невозможно и уйти никуда нельзя.

— Наверное, на меня разговор со Стейнаром так повлиял, — извиняющимся тоном объяснила она. — Он чужак, и понять не может, почему у нас, куда ни посмотри, власть принадлежит одному человеку. У них с древних времен любой вопрос решали на общем собрании. Вот и я подумала...

— А королевский совет и магистериум он предпочел не замечать? — сквозь зубы процедил Терри. Ему сразу же вспомнилось, с каким выражением Стейнар рассказывал о том, как совет острова продал провидицу-Ульфю в Академию. Северянин, казалось, был способен оправдать любую подлость своих правителей одними лишь южными деньгами или южными же порядками.

— Совет? А разве советники могут что-то сделать против короля? И что-то я не вижу, чтобы Арчера волновало мнение остальных магистров, — непривычно резко спросила Аннели.

Терри ускорил шаг. Он уже видел вывеску лавки простых волшебных вещей, которую описал мастер Энеас. Над дверью поскрипывал щит с вырезанным на нем знаком Академии: расходящиеся над литерой «а» острые лучи. Терри никогда не видел, чтобы этот знак использовали настолько утилитарно. Он невольно засомневался, что Академия об этом знает и одобряет. Но зато с точки зрения простого обывателя, не знакомого с нравами старших магистров, этот знак мог говорить о том, что товары здесь продаются самые что ни на есть оригинальные, прямиком из Академии.

— У меня такое чувство странное, будто я сейчас войду, а там Арчер, — прошептала Аннели, теснее прижавшись к плечу Терри.

— И Стейнар, — подхватил Терри. Натолкнулся на непонимающий взгляд и сделал «большие глаза». — Что? Думаешь, я меньше удивился, когда увидел вас вместе?

— Мы не были вместе, — ответила Аннели чуть погодя и так тихо, что Терри не сумел услышать, солгала она или нет. Он не стал ничего говорить, мельком взглянул на приветственную табличку на двери («Здесь вам всегда рады»), толкнул дверь и вошел в лавку.

За прилавком никого не было. Не горели лампы. Полки с товарами освещали лишь скурые лучи зимнего рассвета. Терри скользнул равнодушным взглядом по веренице бутылочек. Как он и предполагал, лавка, где продают магию в розницу, больше всего напоминала аптеку с той только разницей, что под стеклом витрин вдобавок красовались вечные перья на любой вкус и кошелек.

— Знаешь, а ведь лавки в Среднем городе обычно открывают гораздо позже, — Аннели встала на носочки, чтобы прошептать это Терри на ухо.

— Там табличка висела, что открыто, — напомнил Риамен, но он и сам уже подозревал неладное. Они до того продрогли, что не задумались, насколько сейчас ранний час.

— Это-то и странно, — выдохнула Аннели. Она отпустила руку Терри и прошлась вокруг витрин, тревожно озираясь.

— Господин Парриш? — запнувшись на сложном для риорского языка шипящем звуке, позвал Риамен. Он поймал настороженный взгляд девушки, и по-своему истолковал его: — Думаешь, если он имперец, то обязательно враг?

— Я ничего такого не думаю. Это ты сказал, — покачала головой Аннели.

— Я всю жизнь прожил в Акато-Риору. Разве это не делает меня таким же риорцем, как вы, молодые люди? — раздался совсем рядом незнакомый голос, по старчески чуть надтреснутый. Терри начал крутить головой при первых звуках, но ему пришлось подойти к прилавку вплотную, чтобы увидеть хозяина лавки. Он сидел на небольшой приставной ступеньке и явно собирался что-то чинить. Рядом на полу стоял ящик с полным набором столярного инструмента, где даже небольшому рубанку нашлось место.

— Господин Парриш? — на всякий случай уточнил Терри.

— Собственной персоной! А вы мои невольные помощники, — с заметным удовольствием прокомментировал лавочник. — Мне понадобятся твои ловкие руки, мой дорогой мальчик, — с этими словами он пошарил в ящике и безо всякой церемоний протянул Терри отвертку. Тот принял ее и с недоумением стал ждать дальнейших указаний.

Лавочник встал и показал Терри, что столешница прилавка в одном углу стала свободно ходить туда-сюда.

— У меня уже давно не настолько крепкая спина, чтобы подбираться к этому винту, — с некоторой даже гордостью за почтенный возраст своей спины сообщил Парриш. — А он время от времени срывается. К вашему сведению, я не из тех людей, кто станет терпеть такую наглость. Тем более, следом за первым могут сорваться и остальные винты.

Терри молча выполнил задачу и вылез из-под стола здорово обескураженный и растрепанный. Проверил прилавок и удостоверился, что столешница больше не скользит. Аннели широко улыбнулась в ответ на его озадаченный взгляд.

— Мы с поручением от мастера Энеаса, — от улыбки голос ее прозвучал звонче и нежнее, чем обычно. — И я вижу, что вы с ним и впрямь должны были сдружиться. Вы очень похожи на него.

Господин Парриш сел на высокий табурет. Поправил пестрый шейный платок и достал из кармана дорогого жилета часы на цепочке. Мельком проверил время и захлопнул крышку.

— То-то я гляжу, что студенты из Академии пожаловали. Подумать только, как вовремя старина Энеас прислал помощников! У меня витрины совсем запылились, милая моя, — он с виноватым видом развел руками. — Вы ведь не откажете в помощи старику? А я пока заварю для вас чай. На улице настоящий кошмар, — он выглянул в окно и удрученно покачал головой, будто совсем не рассчитывал, что наступит Темная декада и принесет с собой заморозки.

Аннели без раздумий кивнула, а Терри пожал плечами. Не то чтобы он был в восторге от такого поворота событий, но не видел смысла отказывать в ответ на вежливую просьбу. Учащиеся королевской Военной школы, может, и не приучены к регулярной грязной работе, но три года в Академии избавили наследника дома Риамен от излишней щепетильности в

подобных вопросах.

В итоге лавочник гонял их с поручениями до девятого часа. Уже в лавку потянулись первые покупатели, а Терри все еще возил кисточкой по оконной раме, обновляя слой корабельного лака. Правда, Парриш не обманул насчет чая и даже на плотный завтрак не поспешил.

— Аннели, милая, — они познакомились между делом, и лавочник немедленно начал обращаться к ним по-семейному, будто к любимым внукам. — Кажется, Терри без твоей помощи не справится. Давай помоги ему, моя хорошая, и все вместе выпьем чаю, пока не остыл.

— Хорошо, — Аннели выжала тряпку, которой протирала бутылочки, аккуратно сложила ее и вооружилась второй кисточкой.

— Не надо, испачкаешься, — Терри показал пятна на рукавах и потянулся к банке, чтобы обмакнуть кисть в лак. — Это уже не отстирать. И потом, я почти закончил.

— Так ведь ты испачкался именно потому, что я не догадался, что тут без помощи не справиться! — огорчился лавочник. — Прости, мальчик мой, но у меня нет для тебя другой рубашки.

— Ничего, я как-нибудь переживу, — почти искренне улыбнулся Риамен. Разумеется, он не мог не думать о том, что внимательный глаз Карху заметит каждое пятнышко и потребует отчитаться о том, как они появились. Но он не мог всерьез злиться на добродушного лавочника, тем более если тот принял эти мелкие неудобства так близко к сердцу.

За завтраком Парриш следил, чтобы мягкое рассыпчатое печенье оказывалось в руках помощников сразу же, как заканчивалось предыдущее. Объяснил это тем, что чувствует себя премного обязанным и очень виноватым, но «так уж вышло, что вы молодые и ловкие, а я старая развалина с больным сердцем и спиной». Возразить на это было нечего.

Расстались они тепло, по-семейному. Парриш сложил все печенье, которое не поместилось в животы гостей, в бумажный пакет и, не слушая возражений, всучил Аннели — потому что она с самого начала показалась старику более сговорчивой.

— А как же бумаги, господин Парриш? — спохватился Терри на пороге. — Мастер Энеас просил принести ему бумаги от вас.

Аннели не стала задерживаться и вышла на улицу. Лавочник почему-то тяжело вздохнул. Прежде, чем ответить, он вынул из кармана часы и мельком взглянул на циферблат.

— Сегодня ведь канун Долгой Ночи, мой мальчик, — он с сочувствием покачал головой, как будто эти слова все объясняли. — Сегодня не может быть никаких бумаг для Энеаса.

— Но как же... — опешил Терри. Он отлично помнил, что именно говорил ему Энеас. Что это очень важно: успеть забрать бумаги до наступления нового года.

— Не обижайся на нас, стариков. Слабая память и желание устроить все наилучшим образом частенько приводят к подобным ошибкам. Бумаги будут потом, все потом. И помни, тебе всегда тут рады.

Едва успели отзвучать эти слова, как Терри уже оказался на улице, а дверь лавки захлопнулась перед его носом. Приветственная табличка «здесь вам всегда рады» колыхнулась от резкого движения и с тихим стуком вернулась на место. Терри моргнул.

В этот момент Аннели дотронулась до его плеча. В отличие от него, она смотрела не на

дверь, а ему за спину.

— Терри, — она протянула последний слог его имени, будто предупреждая о чем-то важном. — Кто эти люди?

Риамен обернулся. На улице, рядом с лавкой стояли две темно-серые лакированные самоходные повозки. Из окна одной на Терри смотрел король Эриен в черном гвардейском мундире. Белые волосы его скрывала форменная фуражка без кокарды, поэтому узнать его мог только тот, кто хорошо знал коронный подозрительный прищур на породистом длинноносом лице. Возле другой, опираясь на вытянутую морду повозки, стоял Риттау в дорогом сером пальто с меховой отделкой. Руки, затянутые в кожаные перчатки, он держал сложенными на груди крест-накрест. Ничего хорошего такая поза не предвещала.

Терри понятия не имел, в чем опять провинился, но на всякий случай выругался про себя.

Глава двадцать девятая. Цена королевских секретов

— Это король, — вполголоса сказал Терри. — Не бойся, но будь осторожна.

Аннели отступила и прижалась спиной к двери лавки.

— Давай вернемся к Парришу, пожалуйста, — прошептала она.

— Видишь вон того? Это Риттау, гвардеец. Он пойдет за нами. Парриш может пострадать. И мы тоже.

Терри положил ладонь на плечи Аннели и мягко подтолкнул ее вперед, увлекая за собой навстречу монарху.

— Идем же. Если король увидит, что мы боимся его, он может подумать, что у нас есть на то причины.

Аннели нахмурилась и прикусила нижнюю губу. Кажется, она хотела еще что-то сказать, но передумала. Терри был ей за это благодарен. Им потребовалось всего лишь с полдюжины шагов, чтобы подойти к той самоходной повозке, в которой сидел король. Любое неосторожное слово могло навлечь монарший гнев им на головы.

Остановившись за три шага от правителя, как требовал Протокол, Терри низко поклонился. Молча. В самом деле, ни одного молодого аристократа почему-то не учат, как приветствовать короля, если вдруг встретил его на улице, переодетого в рядового гвардейца. Может статься, узнать монарха под маской — все равно что высмеять его способности к перевоплощению, а значит нанести тяжелейшее оскорбление. Терри не хотел допускать ошибок.

— Что вы здесь делаете, бакалавр? — процедил король, когда молчание растянулось настолько, что каждая следующая секунда только увеличивала напряжение.

— Выполняю поручение наставника, ваше... ваша мило... господин.

По тонким губам Эриена скользнула улыбка. Скользнула и пропала, не отразившись теплом в глазах.

— Занятно, — медленно сказал он, оглядывая Терри с ног до головы. — И в какой же момент вы планировали доложить мне о поручении вашего наставника?

— Сразу же, как только вернулся бы в Академию, — выдавил Терри. Голос перехватывало от волнения. У него в самом деле было чем приятно удивить короля, но следовало хорошенько обдумать каждое слово в тишине собственной комнаты. Тогда все прозвучало бы идеально.

— Важное поручение? — Эриен перевел взгляд на вывеску лавки Парриша. Терри мельком оглянулся и догадался, что щетинившаяся острыми лучами звезда висела чуть ли не прямо над его головой, что само по себе могло навести короля на дурные мысли. — Очередные поставки магического оружия в Империю за моей спиной? Вы оказались соучастником, бакалавр? Я доверял вам, а вы нанесли мне удар в спину?

Подозрения сродни этому обжигают почище раскаленного железа. Терри от неожиданности слишком глубоко вдохнул морозный воздух и понял, что не может выдохнуть. Из груди рвался кашель. До слез, до хрипа. От кашля его бросило в жар. Прогулка по застывшему городу не прошла для Терри даром. Он расстегнул верхнюю пуговицу кителя, чтобы не задыхаться и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

— Терри, как ты? — Аннели с тревогой заглянула ему в лицо. Ее пальцы, которыми она касалась его лба и щек, по-прежнему ощущались ледяными, но Терри только теперь

заподозрил, что это вовсе не она такая холодная.

— Я в порядке, — он убрал ее ладони от своего лица. — Не надо.

— Какая милая девушка, — умилился король. Он жестом поманил ее подойти поближе. — Как вас зовут, прелестное дитя?

— Аннели Хёвин, господин.

Король посмотрел на стоящего поодаль Риттау с укоризной. Уголки губ у него дрогнули и поползли вниз.

— А вы говорили, что у нашего племянника нет сердечной привязанности. Полюбуйтесь, Риттау, какая красавица. Нежный цветок, иначе не скажешь. А какие удивительные глаза!

— Виноват, мой король, — ответил Риттау, хмурясь. — Недоглядел.

Аннели с тревогой оглянулась на Терри. На её щеках проступил нежный румянец, но глаза блестели отнюдь не от комплиментов.

— Садитесь. Прокатимся, — скупно распорядился король. — Ты, Риттау, бери барышню. А Риамен поедет со мной.

Антеро Риттау отлепился от капота, подошел. Мягко, но твердо взял Аннели под локоть и повел к самоходной повозке. Терри проводил его прямую длинную спину ненавидящим взглядом. Он видел, как сотник усадил Аннели в повозку и при этом наклонился и что-то негромко сказал.

— Прикажете уговаривать вас, Риамен? — холодно поинтересовался король.

Терри обошел повозку, потянул тугую ручку и сел рядом с монархом на пассажирское сиденье. Эриен все еще смотрел в окно. Вывеска над лавкой простых магических вещей и его тоже не оставила равнодушным.

— Вы, Риамен, полны сюрпризов, — задумчиво прокомментировал король. — Я полагал, что могу рассчитывать на вашу безусловную преданность...

Он замолчал, не договорив.

— Вы можете, — борясь с саднящим горлом, прохрипел Терри. Он вспомнил про расстегнутую на горле пуговицу, устыдился, что предстал перед правителем в неподобающем виде, и потянулся ее застегнуть. Пальцы плохо слушались.

— Трогай, — велел король вознице. Тот беспрекословно принялся щелкать переключателями. Замигали, разгораясь, алые точки рядом с рулевым колесом. Из пяти ровно горели пять. Терри впервые сидел в самоходной повозке, но без труда догадался, что означали эти индикаторы. Машина была совершенно новой, должно быть, совсем недавно ее собрали рабочие на заводе господина Талли. Чуткий нос бакалавра уловил что-то такое в воздухе, отчего во рту возник металлический привкус крови. Такое же ощущение, но менее яркое, преследовало его всякий раз, когда он спускался в подземные лаборатории. Терри сглотнул вязкую слюну. Грудь начало припекать в том месте, где касался кожи горячий серебряный полумесяц. Риамен почесал зудящую кожу, но облегчения это не принесло. Достать бы, но король ведь увидит и спросит. Обязательно спросит, что это. А Терри пока не был готов отвечать на этот вопрос.

— Да, безусловной преданности в эти смутные времена ждать ни от кого нельзя, — продолжил Эриен. Почему-то он избегал смотреть на Терри.

Терри молчал.

— Мне доложили о вашей прогулке по городу, Риамен. Вы полагали, я не узнаю?

Эриен выдержал паузу, но ответа так и не дождался. Он пригладил левую бровь средним

пальцем и помассировал висок.

— Давайте пропустим эту часть с отеческими увещаниями, я сегодня не в духе. После короткой беседы с самым опасным человеком в Академии, Ялмари Карху, вы направились к искателям, затем в порт и провели там остаток ночи. Если в ваших передвижениях есть цель и смысл, я должен знать. Если нет — тем более.

— Я должен был выяснить...

Слова про мать не шли с языка, комком застревали в горле, не давали вдохнуть. Что скажет король, если узнает о том, что Лассель Риамен подставили и предали? И не кто-нибудь, а Риттау. Один из них сейчас сотник королевской гвардии, а второй советник.

«Молчи, не говори лишнего», — вместе с током крови стучала в голове неожиданно громкая навязчивая мысль.

— Выяснить что? Где пришвартован корабль северян? — теряя терпение, рывкнул король. — Хотел сбежать на север, дорогой племянник? К этим рыбоедам?

Терри замутило при упоминании рыбы. Он снова потянулся к пуговицам на горле. Нашарил шнурок и медленно вытянул горячий серебряный полумесяц из-за пазухи. Стало немного легче.

«Какого демона ты творишь? Тебе чтеца разве для того дали, чтобы ты его королю показал?» — голову Терри будто сунули в тиски — до того ярко передалось праведное возмущение Стейнара. От крови к крови, так люди говорили про месть за убитого близкого. В этот момент Терри не вполне контролировал себя. Его захлестывала чужая боль и чужая ярость. В этот момент Терри уже твердо решил, что никогда больше не пойдет искать северянина и не станет обновлять действие этой жестокой дикарской магии.

Быстрее бы она закончилась.

— Я бы не побежал, — упрямо сказал Терри. — Я должен был...

«Скажи, что должен был вернуть беглянку. Ну! На это тебе хватит духу!» — подсказывал внутренний советчик. И Терри сам не знал, говорит он голосом Стейнара или его собственным. Но он был не согласен подчиняться чужаку, о целях которого не имел ни малейшего понятия.

— Откуда это у тебя? — заинтересовался король. Он протянул раскрытую ладонь и Терри, чуть помедлив, вложил в нее медальон.

— За этим я ходил в порт. Я пока не выяснил, как он работает. Но собирался...

— Этим должна была заниматься Парлас, — хмыкнул король, поворачивая так и эдак полумесяц. — Как тебе удалось обвести ее вокруг пальца, признавайся?

Угрожающе почтительное обращение незаметно пропало из его речи. Король если не простил непутевого племянника, то явно обрадовался тому, что тот раздобыл чтеца.

— Кого? — озадаченно переспросил Терри. Он не ожидал, что король назовет это имя.

— Парлас, конечно! Северян перехитрить — дело нехитрое, — подмигнул Эриен. — Она пыталась убедить меня, что ей требуется больше времени. Списывала неудачи на упертый характер девчонки. А теперь приходишь ты с этой штукой на шею, удивительно вовремя!

— Рад служить, ваше величество.

Давным-давно заученная формула сорвалась с губ прежде, чем до Терри начал доходить смысл прозвучавших слов. Выходит, Парлас — тоже человек короля? Та самая Парлас, которая возглавляла всю учебную часть Академии и курировала ежегодные квалификационные работы магистров? Та самая Парлас, которая отняла у него браслет на

первом курсе и письмо на третьем? То самое письмо, которое Арчер продал Империи?

От этих мыслей голова шла кругом.

Король хлопнул по плечу возницы.

— Меняем курс. В королевский парк.

— Да, мой король, — коротко отозвался возница и принялся крутить рулевое колесо, разворачивая самоходную повозку. Кажется, прежде он держал направление на Академию. Королевский парк предваряет дворцовый комплекс. Неужели король потребует снова, чтобы Терри задержался у него для «аудиенции»? А как же Аннели? Терри выглянул из окна и увидел, что вторая повозка на приличном расстоянии следует за ними.

«Значит, Аннели тоже», — подумал Терри. Что «тоже» он не знал, и это заставляло мысль крутиться по кругу. Стейнар был очень недоволен. Это было очень странное, пугающее ощущение: Терри чувствовал себя расколотым надвое. Каждое движение мысли порождало эхо, отражалось в мыслях Стейнара и оборачивалось чужими эмоциями, которые Терри не мог контролировать. «Должно быть именно так сходят с ума», — понял Терри.

— Я слышал, эта штука позволяет владельцу узнавать, что на уме у окружающих. По крайней мере та девочка смотрела на меня так, будто знала, что мне на самом деле нужно. Разумеется, она не могла пойти против решения их совета. А совет решил, что ей самое место в нашей Академии. Она для них хэлли, — Эриен поймал озадаченный взгляд Терри и растолковал. — Одержимая, по-нашему.

Король сжал медальон в кулаке.

— Можешь сказать, о чем я думаю?

Терри покачал головой.

— Почему девчонка могла, а ты не можешь?

— Он должен быть у меня, но я не уверен... — Риамен протянул открытую ладонь.

Эриен вместо того, чтобы отдать Терри медальон, ревниво отвел руку.

— Ты даже понятия не имеешь, сколько я заплатил, чтобы он был у меня! — огрызнулся он. — А теперь дам подсказку, чтобы ты мог угадать, о чем я думаю: время идет, а я до сих пор жду, когда же мои люди в Академии начнут выполнять мои распоряжения.

Терри смотрел прямо перед собой и понимал, что должен чувствовать вину перед королем, но ощущал лишь нарастающее волнение, как перед прыжком в холодную воду. Мощенная камнем мостовая ложилась под колеса самоходки. Возница молча крутил рулевое колесо и тянул рычаг, чтобы свернуть на улицу, где начинался пологий подъем к Королевскому парку.

— Я делал все, что в моих силах, мой король. Я понимаю, насколько важно любое ваше поручение, но у меня было слишком мало времени, чтобы выполнить их все.

— А я разве много тебе поручил? — едким тоном переспросил король.

У Терри не хватало дыхания. Сердце стучало как сумасшедшее. Он краем глаза следил за медальоном Ульфы в руке короля. Он знал, что чтец обнажит ложь в его словах, но момент был идеальным, и Терри не мог позволить себе упустить его. Всего-то нужно говорить чистую правду, а Риттау потом за это ответит.

— Я начал с того, что спланировал, как втереться в доверие магистра Тармо Перту из отдела Отладки экспериментальных образцов. У нас была всего одна встреча, но я уверен, что мне удалось его заинтересовать. Куда большая сложность с поручением вынести из Академии оригинальные линзы Неспящего стража. Но и здесь я почти добился успеха: теперь у меня есть допуск в лабораторию. Я обменял все, что у меня было, чтобы иметь

доступ к линзам и осталось только решить, как безопасно вынести их.

Во время своего доклада Терри старался не следить за тем, как меняется выражение на лице короля, хотя хотелось, конечно. Но он боялся, что собьется, скомкает фразы и потеряет нить. Рапорт должен был прозвучать как можно короче и яснее, чтобы король не заподозрил, что докладчик не настолько простодушен, каким хочет показаться.

После того, как Терри закончил, Эриен молчал еще добрую минуту.

— А книгу, что я дал тебе, ты успел прочитать или тебе было совершенно недосуг?

— Я прочел ее, мой король, но лишь единожды.

— Этого не хватило, чтобы понять, как обесточить барьер?

— Думаю, что ответ может дать наблюдение за прорывами. Я дам механическим птицам глаза Неспящего, и они будут следить за куполом. Может быть, я научу птиц создавать прорехи, и тогда мы сможем...

— Ты еще не понял? — перебил король, начиная злиться. — Какие птицы? Все намного проще.

Терри замолчал. Его с головой затопило разочарование. Возможно, поручения Риттау и впрямь исходили от короля, раз он не посчитал их избыточными и противоречащими друг другу.

— Вы все норовите пойти в обход, не видя прямого пути. Я не могу позволить себе терять годы, пока ты будешь возиться со своими птичками, а Парлас — нянчиться с детьми. Мне нужны результаты прямо сейчас, потому что лет через пять будет уже слишком поздно!

— Я найду способ лучше, — хрипло пообещал Терри.

Король Эриен широко улыбнулся.

— Конечно найдешь. Если прекратишь отвлекаться. Это, — он покачал на цепочке медальон, — не твое дело, дорогой племянник. Твое дело: думать о барьере. Я достаточно ясно сформулировал или мне нужно постараться донести до тебя эту мысль иными методами?

— А как же линзы? — с трудом сдерживая боль в голосе спросил Терри. Несправедливость короля наносила новые раны поверх еще незаживших. Если он не отменит приказ касательно глаз Неспящего, как он может требовать результатов, которых никто не добился за все время существования купола на над Академией?

Как будто, если бы тот же Тармо или Келва не обрушили бы его, если бы не боялись взрыва! Но раз они предпочитают ворчать и ничего не делать, значит, еще не нашли способ все изменить и выжить при этом.

— Если я правильно понял, это дело практически решенное? — поднял брови король.

Терри сглотнул.

— Не совсем, — под испытующим взглядом Эрина, Риамен поправился: — Совсем нет.

— Жаль. Я почти поверил, что ты куда талантливее, чем кажешься.

Волнение, надежда и даже в некотором роде бунт в душе Терри отбушевали и оставили лишь выгоревшую дотла пустоту после себя.

— Я все сделаю, — пошептал он, глядя в окно. Самоходке тяжело давался подъем в гору, она сбросила скорость и ползла не быстрее пешехода.

— Разумеется. Будь добр, оставь этот замогильный тон и трагический вид, иначе я могу заподозрить, что ты считаешь меня злодеем. Или ты в самом деле считаешь меня злодеем, мой дорогой племянник?

— Вовсе нет, мой король! — испугался Терри.

Но король, кажется, говорил не всерьез. Он смеялся. Добродушно. Вроде бы.

— Не оттого ли ты ходил к искателям? Скажи, а? Я ведь все равно узнаю, зачем. Ты не задумывался, что газета Фарелла называется «Королевским вестником» не просто так?

Терри не знал, что сказать.

— Если бы не я, Фарелл едва ли вылез бы из долгов, которые наделал, пока пытался выбиться в люди. Если бы не мое участие, он едва ли избежал каторги за свои серые махинации, — Эриен расплылся в улыбке и подмигнул Терри, будто приглашая его повеселиться вместе. — Ну? Ты понимаешь, почему я заставил его людей носить серые шляпы? Он же набрал людей себе подстать! Целое общество проходимцев со всех этажей социальной лестницы — и они все работают на меня, даже если им кажется, что это не так. Так что, Риамен, тебе бы лучше прямо сейчас рассказать мне, что ты пытался у них выяснить.

Он все еще не отдал медальон. Теперь он задумчиво поглаживал подушечкой большого пальца плавные линии узора. На счастье Терри, у короля скопилось слишком много догадок и версий, чтобы терпеливо дожидаться, пока племянник откроет рот и прояснит что-то в свое оправдание. Что, мол, ничего он не выяснил, потому что неосмотрительно согласился выпить спиртное, а дальше все как в тумане.

— Или мне нужно беспокоиться не о том, зачем ты пошел к искателям, а о том, что ты обещал Ялмари Карху за возможность выйти из-под купола, м-м? Чем ты мог заинтересовать начальника службы безопасности Академии, Терри Риамен?

— Я просто... попросил, ваше величество.

Эриен некоторое время буравил племянника испытующим взглядом.

— Ты должен простить мне излишнюю подозрительность, племянник. Если еще и ты попытаешься вонзить мне нож в спину, боюсь, я этого не переживу, — мрачно произнес он немного погодя. — Мне докладывали, что ты пошел искать девочку, и не могу всерьез гневаться на тебя за это. Я ведь сам знаю, что значит любить женщину, и как больно вдруг потерять ее... Но сама мысль о том, что ты мог продать Ялмари Карху даже малый мой секрет в обмен на карту прохода, сводит меня с ума.

Король Эриен снова отвернулся к окну.

— Чем больше моих секретов ты узнаешь, тем дороже они будут стоить для тебя. Надеюсь, ты понимаешь. По-настоящему близкие мне люди не просто так пользуются моим расположением. Riskнешь обменять мое доверие на какой-то пустяк вроде похвалы от Арчера — потеряешь эту девочку уже навсегда.

Терри пришлось вслух подтвердить, что это справедливо. Король настаивал. Хотел убедиться, что Риамен все услышал и все правильно понял. Впрочем, сам Риамен сомневался, что он понял все правильно. В его голове никак не укладывалось, зачем вмешивать в эти дела Аннели, если можно просто ее... Не вмешивать? Можно ведь?

Они молча смотрели каждый из своего окна на то, как постепенно становится все ближе и прекраснее тысячетный королевский дворец. Покатые крыши его были выкрашены в синий цвет, беленые стены величественно возвышались над хвойными деревьями с густой кроной. Это была искусно выстроенная и поддерживаемая садовыми ножницами иллюзия — ни одному дереву не позволяли расти рядом со стенами. Мастерство садовников заключалось в том, чтобы создать видимость гармонии там, где ее вовсе не было.

Шины с шелестом покатались по садовой дорожке, достаточно широкой, чтобы по ней могла проехать самоходная повозка. Через небольшой горбатый мостик над сухой речкой,

она еще перебралась, а затем остановилась у обмелевшего озера. Терри велели выходить и он беспрекословно подчинился. Король прошелся туда-сюда, размял плечи и натянул черную фуражку так, чтобы блестящий козырек бросал тень на яркие глаза. Под подошвами его сапог скрипела галька.

— Тебе, должно быть, кажется, что я только на тебя одного возложил большую и серьезную задачу, — щурясь, сказал король, глядя на Терри сверху вниз. — Поэтому ты юлишь и увливаешь. Боишься, что не потянешь, и впустую тратишь время. Но ты ошибаешься. Сейчас все увидишь.

Потом подъехала и остановилась вторая повозка. Из нее вышли Риттау и Аннели. Девушка зябко обнимала себя за плечи. Лицо у нее было такое потерянное и вместе с тем несчастное, что Терри сразу же понял: сотник успел ее запугать. Умение Риттау достать до самого сердца одной хорошо наточенной остротой и парой метких угроз Терри ощутил на своей шкуре, и вовсе не желал, чтобы это довелось испытать девушке, которая и без того запугана сверх всякой меры.

Антеро Риттау ответил на ненавидящий взгляд Терри пренебрежительной ухмылкой. Мысли Терри словно сами собой перескочили на рельсы мести. Прежде он рассчитывал, что королю не понравится стремление Риттау отдавать собственные приказы, но, кажется, это только Риамен обречен ходить под подозрением, а сотник заслужил безусловное доверие короля.

«Что же, этого следовало ожидать, — подумал Терри. — Кто я, а кто он. Но рано или поздно, так или иначе, я найду способ расплатиться с тобой, сотник».

Такова уж специфика жизни в Академии, в которой ни у кого нет готовых решений. Даже яд, если возникнет в нем нужда, — и тот следовало сперва придумать и создать.

Глава тридцатая. Тайны, запертые в храме

В застывшем парке людей было немного. Старик в темно-зеленом пальто читал газету на лавочке, да еще женщина прогуливалась где-то в отдалении. Появление двух новехоньких самоходных повозок старик воспринял с интересом, но газеты не отложил. Поглядывал поверх страниц сквозь старомодные очки-прищепки. Терри понятия не имел, как он объяснил себе их процессию, потянувшуюся к храму Создателя, но было бы любопытно узнать.

От обмелевшего озера дорога к храму была вымощена белым кирпичом. Король шагал впереди, деловито и целеустремленно. Аннели, напротив, шла неохотно, а Терри предпочитал держать ее в поле зрения. Риттау, должно, быть по гвардейской привычке, а то и по прямому приказу, держался позади всех. Терри подумал, что стороны они выглядели довольно причудливо. Даже если не задумываться о том, что одетый рядовым гвардейцем, на самом деле был королем, а настоящий гвардеец в роскошном сером пальто подставлял скупому зимнему солнцу белую шевелюру. Девушка в обитом мехом и украшенном северной вышивкой жилете на самом деле никогда не покидала границ Акато-Риору, а на висках молодого бакалавра Академии серебрилась фальшивая седина.

Со стороны никак нельзя было понять, что люди вовсе не те, кем кажутся.

Терри шагал и думал только о том, чтобы держать спину ровно, как подобает. Потому что показывать слабость или смятение нельзя ни королю, ни Риттау, ни Аннели. А ведь каждый из них по-своему зорек и успел хорошо изучить его, Терри, натуру. Наверное поэтому бросают на него теперь острые внимательные взгляды. Да, даже Аннели. Ей, должно быть, страшно. Должно быть, ничего не понимает. А во всем виноват он, Терри.

Шаг за шагом. За шагом шаг. По белым кирпичам к храму. Дорога была так длинна, что он снова озяб до дрожи, но старался не то что не демонстрировать, но даже не чувствовать. Проще было смотреть на себя словно со стороны, чтобы не ощущать ни вину, ни тревогу, ни холод Темной декады.

Белые стены храма Создателя за те годы, что Терри не посещал его, сильно обветшали. Штукатурка местами осыпалась и обнажила алые внутренности: храм, в отличие от большинства зданий в Акато-Риору, был построен из дорогого красного кирпича, доставленного из О-Диура. Впрочем, имперский храм старел некрасиво, совсем не так, как риорский Тысячелетний дворец. Рваные раны на штукатурке красноречивее слов выдали пренебрежение нового короля к имперской церкви.

На красных воротах перед храмом просмоленной веревкой была примотана сигнальная табличка, сообщающая о том, что ведутся ремонтные работы. Заказчиком ремонта указали королевскую Канцелярию, а срок назначили полтора года, с первого дня зимы. Хотя табличку примотали на совесть, да еще и покрыли лаком, чтобы уберечь буквы от капризов погоды, — такая могла бы провисеть не один год.

— Расположение здесь идеальное, — пояснил король, указывая рукой в белой перчатке на острие шпиля, венчающего храмовый купол. — Если бы мне сказали, что отец выбрал место для Академии с тем расчетом, чтобы однажды уничтожить над ней купол именно таким способом, я бы ничуть не удивился.

Терри задрал голову, но вид шпиля, упрямо стремящегося к серому небу, не дал ему подсказку.

— Каким способом? — осторожно уточнил он.

Эриен зачем-то приложил ладонь к козырьку, хотя солнца на сером небе было почти не видно и оно не мешало смотреть вверх.

— Терпение, и ты все узнаешь... Кстати, ты знаешь, что когда мне было двадцать с небольшим, примерно как тебе сейчас, я потерял брата? — Он помолчал. — Братьев. Знаешь, да. Весь мир знает, что я рос бок о бок с братоубийцей. Алишера изгнали, а я остался один. Один! Никто не понимал, что я пережил, а рассказывать кому-либо отец запретил. Да и как я мог рассказать?

В этот момент Эриен заметил, что его внимательно слушает не только Терри, но и Аннели с Риттау. Он, кажется, смутился. Положил руку на плечи «племянника» и увлек за собой. Продолжил свой рассказ он тише, доверительнее:

— Весь мир продолжал жить, как ни в чем ни бывало, а я один жил с мыслью о том, что магия может уничтожить человека в один миг. Они изгнали Алишера, а я спать не мог неделями — как я мог спать, зная, что он жив и захочет отомстить?

Терри про принца Алишера знал столько же, сколько все дети Акато-Риору. Когда-то давно, еще при старом короле, младший принц убил старшего, за что был изгнан. Как, за что убил — версий ходило столько, что выбрать можно было любую на свой вкус. Мать Терри на прямой вопрос честно ответила, что ничего не знает и посоветовала не думать об этом, чтобы не умножать неправду в мире.

«Своя правда есть у любого убийцы, и иногда его хочется понять, но это не значит, что убийство можно простить», — сказала она тогда, и Терри очень хорошо запомнил эти слова. Многое можно понять, само существование купола над Академией можно понять. Не простить? Можно понять, почему десятник велел Маррету глотать пилюли той ночью, можно понять, почему семья Риттау считала себя оскорбленной, а то и обокраденной...

— Если бы Братоубийца был безобиден, он не смог бы скрываться годами, ты понимаешь? — Ясные глаза короля затуманили тяжелые воспоминания, и стали отчетливо видны морщины у глаз и между бровями. — Я искал способ обезопасить себя и свою семью от его происков, но, как можешь видеть, не преуспел. Не уберег ни сына, ни королеву. Такую цену мне пришлось заплатить за промедление и нерешительность, мой дорогой племянник.

Они остановились перед большими дверьми храма. Дверные петли были выкованы в виде цветущих деревьев. Распуская черные листья и цветы, они тянулись друг с другом по деревянному полотну. В центре нашлось место для замочной скважины скрытой под чеканной поворотной заслонкой. Король достал из кармана ключ и дал его Терри — тот оказался тяжелым. Узорный гребешок на длинном черенке тоже напоминал дерево в цвету. На ключе болтался простецкого вида шнурок, порядком протертый и растрепанный.

— Откроешь? — спросил король с таким видом, будто речь шла о каком-то испытании.

Терри сдвинул заглушку и вставил ключ в замочную скважину. А повернуть не получилось. Ни туда, ни сюда. Ключ намертво застрял. Король с усмешкой наблюдал за безуспешными попытками племянника справиться с дверью. Когда их нагнали Риттау и Аннели, Терри оставил напрасную борьбу.

— Это какая-то загадка, мой король? — спросил он.

— Вроде того. Это имперский замок. Там есть небольшой язычок, который блокирует повороты.

Эриен наклонился, поднял с земли камень, размером с кулак, и несколько раз ударил по кованым деталям. Звонкое эхо ударов разлетелось далеко и вернулось эхом.

— Если заперт изнутри — снаружи не отопрешь. Так и с моими секретами. — Эриен посмотрел на Риттау и Аннели, а потом перевел взгляд на Терри. — Они стерегут себя сами. Одного ключа недостаточно, чтобы меня обмануть. Надеюсь, это ясно?

Аннели испуганно кивнула. Глядя на нее, Терри пожалел, что потратил время на визит к Парришу. Надо было бегом бежать в Академию — глядишь, и разминулись бы с королем. А теперь ей приходится в этом участвовать, и — что хуже всего — предупреждения короля адресованы и ей тоже. Почему-то Терри только сейчас понял, насколько они тяжеловесны и почти ничем не отличаются от угроз.

Дверь медленно отворилась. Хорошо смазанные петли ходили почти бесшумно. Внутри их встретил человек в теплой темно-зеленой кофте. Из-под вязаной шапки, сбившейся набок, торчали задорные смоляные кудри. Ладонь правой руки была стянута белой повязкой.

— Ваше величество! — удивился он и посторонился, бросая тревожные взгляды через плечо, куда-то назад. На скуле у него отчетливо алела длинная свежая царапина.

— Потише с величествами, Роэн. Не видишь, я рядовой?

— Прошу прощения.

— Где отличился? — кивок на царапину.

Роэн по-гвардейски расправил плечи и сдвинул пятки. Терри безошибочно распознал знакомое движение — так было положено рапортовать о выполнении поставленной задачи.

— Тень оказала сопротивление при задержании.

— Кинулась с ножом? — усомнился король.

— Нет, мой король. Юркнула в щель между стеной и забором, а там еще старые ящики... Пришлось продирааться. Все пуговицы с мундира оборвал, насилу догнал, — доложил Роэн с таким расстроенным видом, что хотелось пожалеть и его самого, и его загубленный мундир.

— Где она сейчас? — сухо спросил король.

— Здесь. С ней Парлас.

Эриен бросил задумчивый взгляд на Терри.

— Парлас мне нужна у стола. Немедленно.

— Разрешите привести ее?

— Разрешаю, — кивнул король.

Терри огляделся. До того, как попасть в Академию и познакомиться с храмом Хранителей, который ныне стал Великой библиотекой, он воспринимал как должное высокие, наполненные отраженным светом потолки в храмах по имперскому образцу. Но сейчас он понял, в чем разница между тем и другим. Храм Хранителей был же и монастырем и первым университетом — когда и слова такого никто не знал. Он был многоярусным, живым и построенным для жизни, для хранения свитков и книг. А храм Создателя был построен совершенно иначе, и представлял из себя торжественный зал с хорошей акустикой. Здесь люди собирались в отведенные для этого дни, чтобы хором спеть отдельные отрывки из Песни Созидания, а после разойтись по домам.

Невозможно и представить себе, что кому-то захочется проводить здесь время вне обязательных обрядов. С тех пор, как вера в Святых Хранителей, была объявлена ересью, риторцы оказались лишены родных храмов, а к новым, таким холодным и неуютным при всей своей пышности, не сумели привыкнуть. Хотя ремонт сделал все еще хуже, чем помнил Терри: настолько холодно ему в храме не было никогда. Да и торжественное убранство, кажется, прежде было в несколько раз богаче. Стены выглядели сиротливо без золотых

подсвечников.

В зале, помимо них, находилось еще четверо человек. Двое таскали тяжелые скамейки, сдвигая их ближе к стенам, а еще один, поглядывая на короля, раскладывал на столе бумаги. Роэн уже скрылся за колоннами. Терри с тревогой ждал, когда он вернется. Неужели он в самом деле приведет госпожу Парлас?

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — с лукавой полуулыбкой поинтересовался король, поймав взгляд Терри. — Почему простой риорец должен хлебать пустой суп с рыбой, когда в имперском храме столько золота?

— Простите?

— О-Диура велит нам тратить уйму денег на содержание своих храмов. Написаны целые книги о том, сколько золота должно уходить на храм, как его строить, украшать и сколько утвари в нем положено хранить. В каждом! Летом мне пришло предписание от Наместника из О-Диура с ультиматумом: либо я направлю все свои силы на приведение храмов в вид, угодный Создателю, либо нас всех предадут поруганию на их священном совете.

Король широко улыбнулся.

— Я обещал святейшему Наместнику, что приведу храмы в тот вид, какой будет более всего угоден Создателю. Думаешь, Создателю нужно наше золото?

— Думаю, нет, ваше величество, — растерянно сказал Терри.

— Правильно думаешь. Деньги нужны моему народу. Тебе.

— Мне?

— Именно. Я уже заплатил за чертежи, книги и материалы, которые нам понадобятся, чтобы снять купол над Академией. Или ты планируешь лет двадцать потратить на то, чтобы понять: барьер будет сжигать твоих птиц, что бы ты ни придумал?

Терри ожгло подозрение, что король попросту издевается над ним. Зачем он поставил задачу и требовал скорейшего выполнения, если готовое решение уже лежало в кармане? Точнее на столе.

— Мне позволено будет взглянуть?

— Спрашиваешь, позволено ли тебе? Ха! Я устрою так, чтобы ты просыпался и засыпал, а чертежи у тебя перед глазами стояли. Днем и ночью.

Когда Терри подошел к столу и бросил первый взгляд на бумаги, он понял, что так и будет. Слишком непривычным выглядело то, что он увидел. Человек в черном мундире, только-только разложивший синеватые листы тонкой бумаги с набросками, глянул на Терри исподлобья.

— Вы еще студент, — припечатал он и обернулся к королю. — Ваше величество!

— Скажи мне что-то, чего я не знаю, Леорес.

Если у Леореса оставались еще какие-то возражения, он их проглотил. Он посторонился и позволил Терри наклониться над столом. Придвинул лампу, разливающую мягкий голубой свет. Непривычная бумага была щедро испещрена незнакомыми значками. Риамен провел пальцем по осевой линии на чертеже.

— Это маяк?

На рисунке и впрямь было нечто похожее на маяк. Усеченный конус в основании для устойчивости, пересекающиеся перекладины в качестве ребер жесткости — видимо, маяк предполагалось возводить без камня. На вершине предполагался какой-то источник света, правда, почему-то без отражателя и направителя. Правда, Терри сбивало с толку, что он не

мог найти на чертеже ни одной знакомой цифры.

— О, безусловно! — едко ответил король. — Это в самом деле светлая мысль: построить маяк в храме!

— Это нейтрализатор поля, — проговорил Леорес с таким видом, будто любой человек с дипломом магистра понял бы с первого взгляда, что перед ним.

— Благодарю вас, — очень вежливо откликнулся Терри. — Теперь я и сам вижу, что это не какой-то рядовой маяк, а нейтрализатор поля.

«Что бы это ни значило», — закончил он про себя, с нарастающей тревогой разглядывая другие чертежи. Маякоподобная башня была, пожалуй, самым простым и очевидным рисунком. Механизмы выглядели куда более экзотичными. Терри потянул к себе большой лист с детальной разверткой приводного механизма, рассчитывая, что уж здесь-то его познаний в механике будет достаточно, но и тут обманулся.

Терри поднял глаза.

— Я никогда прежде не видел ничего подобного, — честно сказал он.

— Никто не видел, — ослепительно улыбнулся Эриен. — От восточного крыла Эррет до западного. И даже дальше, если подумать. Это надзорная башня Нового света. Инквизиция держит в тайне от подданных их назначение и конструкцию. Возможно, боятся мятежа. А может у них так принято. Инквизиция держит своих людей в кулаке так крепко, что они и вопросов не задают.

Их разговор прервал нарастающий цокот каблуков. Все оглянулись.

Госпожа Парлас в белом плаще смотрителя, как всегда собранная и сосредоточенная, приближалась к ним в сопровождении Роэна. В первую очередь она приветствовала короля, потом Леореса, обратившись к нему по имени Колин, и в последнюю очередь посмотрела на Терри сквозь линзы магических очков.

— Риамен, от вас фонит, — недовольно сказала она, поджимая узкие губы. — Что с вашей левой рукой?

Терри сцепил пальцы за спиной.

— Неудачный эксперимент.

Парлас оглянулась на Риттау и Аннели, благоразумно держащихся в отдалении. Гвардеец что-то негромко разъяснял девушке, сопровождая слова мягкими округлыми жестами, она молча слушала и разглядывала витражи.

— До этой минуты я не подозревала, что вам настолько необходима помощь первокурсницы, — она подчеркнуто обращалась только к Терри. Должно быть, не хотела, чтобы эта реплика прозвучала как упрек в адрес короля. Хотя, на взгляд Терри, таковой и являлась.

— Я тоже.

— Мы с вами это уже обсуждали, Арания. Молодые люди смотрят шире и добиваются большего. А возраст лишь умножает страхи и учит жить со связанными руками и с кляпом во рту. Вот полюбуйтесь, что сегодня принес мне Терри Риамен, — с этими словами король поднял повыше на цепочке медальон Ульфы, и тот свободно закачался на уровне его лица.

Парлас бесстрастно смотрела на подвеску. Редкие радужные блики, отраженные серебром и инкрустацией, касались ее смуглого лица и тут же ускользали.

— Что же вы молчите? Разве не вы утверждали, что девчонка готова умереть, лишь бы не расставаться с чтецом?

— А она жива? У нас будут большие проблемы, если наблюдатель Севера умрет в

Академии.

Король обернулся к Терри. Тот кивнул.

— Она по доброй воле отдала мне амулет.

Эриен подошел и чуть ли не насильно вложил полумесяц в безвольную ладонь Парлас.

— А ведь это даже не его дело, Арания, а ваше. Вы вообще в состоянии справиться хоть с чем-то, о чем я вас прошу? — вкрадчиво поинтересовался король.

— Мне казалось, что я была полезна, когда вам потребовались мои наработки касательно контроля, ваше величество, — голос Парлас сделался чуть надтреснутым, задрезжал. Когда она поправила очки, стало очевидно, что нее дрожат пальцы.

— Вам действительно так показалось? Напрасно! На тот момент у меня не было вариантов более разумных, чем позволить вам экспериментировать с высокой концентрацией имперской «Янтарной слезы»! И к чему это привело? Вам напомнить?

— Это привело к тому, что ваши приказы для людей стали важнее собственных потребностей. Я дала вам в точности то, что вы требовали.

— Арания! — рявкнул король, теряя терпение. — Еще одно слово в таком тоне — и эти пилюли станут вашим основным рационом! Сколько еще вы собираетесь отрицать очевидное? Вы просили дать вам чтеца, и, видят Небеса, я дал вам не только чтеца, но и провидицу! Возьмите и то, и другое — и дайте мне уже наконец что-то более стоящее, чем заурядный яд.

Минувшая ночь всколыхнулась в памяти Терри, горькая и терпкая, как крепленое вино. Одного лишь упоминания о янтарной жидкости в стакане хватило, чтобы к горлу подступила тошнота. Доурелл сказал, что Риамен не сумеет вспомнить ничего наутро, он и в самом деле плохо помнил, в какой момент начал трепать языком, но ощущение обмана запомнил хорошо. Так же как болезненное, противоестественное стремление угодить. Рассказать, о чем спрашивают. Показать фокус по первой просьбе. Дать руку для кровавого ритуала по первому требованию.

«Экспериментировать с концентрацией «Янтарной слезы».

«Приказы стали важнее потребностей».

Терри оперся о столешницу, словно собрался запомнить все до одной черточке, все до одного символы, нарисованные черной тушью на рыхлой бумаге. На самом деле он смотрел в одну точку и ничего не видел. Линии расплывались, словно залитые водой. Терри почти ничего не видел, потому что весь превратился в слух: боялся упустить хоть одно слово.

Как назло, в голове теснились громкие мысли, чужие голоса.

«Нет. Ничего. Важнее. Приказа» — прошипел в ухо бесплотный голос Маррета.

— Я была уверена, что вам нужен именно что хороший яд, ваше величество, — вздернула подбородок госпожа Парлас. — Я создала самый лучший из всех. Он действует медленно, но верно, отнимает волю к сопротивлению, вызывает привыкание, лишает памяти. И он целиком и полностью создан на имперском сырье. Это докажет любая независимая экспертиза.

Терри вспомнил темно-коричневую аптечную бутылочку с янтарными пилюлями. Целая пригоршня пилюль. Его еще тогда резанула тревога — не должно быть, чтобы понадобилось сразу так много!

«Вот столько достаточно?» — спросил в ту ночь Маррет, и глаза у него были такими... Будто он решительно на все готов. Без вопросов, без возражений. Просто потому что так надо. Как он злился, как рвался сбежать, но в последний момент не смог ничего

противопоставить прямому приказу десятника.

— Пусть так. Я не стану спрашивать с вас за тех, кого не вернуть. Но я хочу, чтобы вы знали: мне не нужен яд. Никогда не был. Вы должны продолжить работу и показывать результаты, а не скармливать мне отговорки. Иначе ваше место займет кто-то такой же молодой и сообразительный, как мой племянник. Надеюсь, на этот раз я сумел правильно донести свою мысль и недопонимания между нами больше нет?

— Да, ваше величество.

На плечо Терри легла тяжелая ладонь.

— О чем задумался?

Тот ответил не сразу. Сложно понять, как ответить человеку, который обладает даром обращать любое слово в оружие против сказавшего.

— Этот нейтрализатор... Должно быть, непросто было получить чертежи.

— К чему это ты клонишь? — К королю вернулась былая подозрительность.

— Новый свет ведь почти сразу отказался вести торговлю с нами.

— Да, верно. Это из-за того, что мы неосмотрительно показали им, что у нас не считается зазорным использовать магию. Мне пришлось потратить немало сил и золота, чтоб убедить их Инквизицию в том, что меня это тоже не совсем устраивает.

— А вас это не устраивает?

— Совсем нет, — спокойно ответил Эриен. — Я должен иметь возможность в любой момент полностью обесточить любую магию в своей стране. Потому что магия — как река, у нее даже волны есть и потоки, не правда ли, господа магистры? Если она разольется и выйдет из-под контроля, то будет катастрофа почище весеннего Разлива, разве нет?

Терри сглотнул.

— Если не снимать барьер, магия не разольется, мой король, — хрипло напомнил он. — По крайней мере, никто за пределами купола не пострадает. Вы уверены, что в самом деле хотите этого?

Пронзительный взгляд фиолетовых глаз монарха остановился на «племяннике».

— А ты разве этого не хочешь?

Терри покачал головой.

— Не такой ценой, — совершенно искренне сказал он.

— Предоставь мне решать, какой ценой, — отрезал Эриен, сведя брови к переносице. — Я, милостью Создателя, все еще король на этой земле... Или ты подозреваешь, что у меня есть другая причина строить нейтрализатор?

Выдержать испытующий взгляд короля было непросто, но Терри, наверное, сейчас бы и дюжину пилюль проглотил — он чувствовал себя так, будто ему выдали стоптанные ботинки Маррета — донашивать.

— Я почти уверен.

— И тебе важно знать, что это за причина? — зло спросил Эриен. — Просто быть героем, который освободил магистров из заточения, тебе кажется недостаточно почетным?

— Я должен знать. Если вы позволите.

— Риамен, вы снова рветесь в такую область знания, где вам совершенно нечего делать, — покачала головой Парлас. — Ваши взгляды настолько широки, что вы рискуете опалить себе брови, пока оглядываетесь на собственные домыслы и фантазии, как было когда в затронули в своей работе вопросы, касающиеся потенциала аметиста.

— Теперь я понимаю, почему он недолюбливает вас, Арания, — недовольно проговорил

Эриен. — Еще вчера я мог бы согласиться с вами, но сегодня вы кругом виноваты, а этот мальчик ведет себя примерно.

«Примерно»! Если бы король хотя бы приблизительно представлял, что творится в душе Терри, он поостерегся бы использовать подобное слово. Пока король размышлял и препирался с Парлас, в душе Терри шла отчаянная борьба, в которой погибали мечты о том, что, если он будет делать все, что велит король, его непременно ожидает награда и свобода.

Этого. Не. Будет.

Терри достаточно видел и слышал, чтобы даже до него дошло, что награды никакой не будет. И свободы. Никогда. Как не получила награды Парлас. Как не увидел свободы Маррет. И мама... Риттау уничтожили ее — но смогли бы они хоть волос на ее голове тронуть, если бы король заступился за свою советницу?

Нет. Значит, он не заступился.

— Воля ваша, ваше величество, — склонила голову госпожа Парлас.

— Именно.

Эриен отряхнул и одернул мундир. Поправил фуражку на голове, словно готовился к смотру.

— Что же, племянник... Ты прав: есть еще одна причина, — сказал он, задумчиво глядя мимо Терри. — Идем, я покажу тебе, на что способна запретная магия. А пока подумай, стоит ли мир того, чтобы его защищать. Я бы хотел, чтобы ты назвал хоть одну весомую причину. Потому что сегодня я бы не назвал ни одной.

Они миновали колонны нефа и вышли к служебной части храма, где жрецы хранили утварь и одежду. Король открыл дверь, за которой начиналась лестница в подвал. Терри не подозревал, что в храме может возникнуть нужда в подвальных помещениях, однако спрашивать не считал возможным. Уж слишком сильно саднили горло и сердце, чтобы у него вообще возникла охота открывать рот.

— Я хочу, чтобы ты правильно понял. Далеко не все мои решения я спустя годы считаю блестящими. Но в то время я поступил так, как считал нужным и правильным, — негромко проговорил король. Дверь за ними закрылась и они оказались в полной темноте. Король сухо пощелкал пальцами — ничего не произошло.

— Свет, — велел он. Помолчал немного, а потом сделал новую попытку: — Люс.

И снова ничего не изменилось. Их окружала непроницаемая тьма — хоть глаз выколи. Король вздохнул и продолжил спускаться, только медленнее.

— У тебя огня нет?

— Нет, ваше величество.

— Очень досадно. Но ничего. Внизу должен быть фонарь. Это Парлас выключила. Е наказание. Жаль, что мы оставили ее в зале. Я бы отправил ее спускаться первой — пусть подумает в следующий раз, стоит ли оставлять тень в темноте... Ай, проклятье!

Терри почувствовал, что его схватили за грудки и что есть силы тянут вниз. Он взмахнул руками и вцепился в невидимые перила. Хватка почти сразу же ослабла.

— Чуть не свалился, — трагическим голосом сообщил король. — Крутые ступени. Вот чего нельзя отнять у магии Академии — она ужасно примитивно устроена, но зато стабильно работает. Призвать же первоначальную сущность истинным именем надо еще постараться. Не всегда... Откликается.

Заминка означала, что король пытается нащупать на стене фонарь. Судя по тому, что поиски затягивались, фонарь перевесили на другое место. Глаза Терри стали уже привыкать

к темноте, и он хорошо разглядел, как король стягивает с ладони перчатку.

— Ну что же, так оно и нагляднее будет, — проговорил он. — Свет.

Его левая ладонь начала понемногу светиться, разгораясь. Вскоре до Терри дошло, что свет исходит не что-нибудь, а кровь. Король сжал и разжал ладонь — жутковатое голубое сияние ненадолго померкло, а потом разгорелось с новой силой.

— Хочешь чего-то от первоначальных сил — будь добр, заплати кровью, — криво улыбнулся король, глядя на вытянувшееся от изумления лицо племянника. — Ты, возможно, тоже так сумеешь. Зависит от того, чьей крови в тебе больше: материной или отцовской.

— Это дхр-ревняя магия? — задохнулся Терри, замороженно глядя на капли жидкого света, стекающие вниз по запястью короля.

— Производит впечатление, не правда ли? — как ни в чем ни бывало спросил Эриен, подпернув обшлаг к локтю, чтобы его не запачкало. Терри восхитила такая практичность. — Такова подлинная магия. Ни формул, ни расчетов. Попроси и обретешь. Разве это не прекрасно?

Терри покачал головой. Если бы у него хватило слов, чтобы описать то, что он видит, о красоте он вспомнил бы в последнюю очередь. Гораздо ближе к его первому впечатлению был бы вопрос в духе: «Разве это не самое жуткое, что только может сотворить человек в кромешном мраке?»

— Это не опасно? — спросил Терри, как только вновь обрел способность членораздельно произносить сложные звуки.

— Это? Нет. Сейчас покажу, что на самом деле опасно. Только чтобы не звука, понял? Не вздумай разбудить ее. Я не хочу ее пугать.

Терри прикусил язык. У него, как оказалось, не хватало воображения, чтобы представить себе что-то еще более кошмарное. Как он понял, где-то поблизости находилось какое-то живое существо, настолько ужасное, что может перевернуть даже самые смелые фантазии о возможностях запретной магии.

Король шел по подземному залу, вытянув левую руку вперед, чтобы осветить себе путь в темноте. Мимо черных глянцевых колонн, подпирающих теряющиеся в темноте своды. Терри нервно озирался по сторонам. Эхо их шагов, отзвук их дыхания — все это казалось ему слишком громким.

«Стоит ли так рисковать?» — хотел было спросить он, но ровно в этот момент король заметил то, что искал. Резко, без предупреждения свернул и подошел к одной из колонн. там на полу лежало что-то похожее на кучу тряпья, сквозь которую маслянисто поблескивала черная кожа и какие-то шнурки змеились в прорехах. Эриен опустился на одно колено рядом с ней и здоровой рукой потянулся поправить верхнюю тряпку. Терри с опаской подошел, сохраняя, впрочем, уважительную дистанцию.

Король тем временем бесстрашно и без колебаний стягивал верхний слой тряпья: самый замызганный и ветхий, от которого вдобавок ощутимо несло дегтем и земляной сыростью. Под дерюгой обнаружилась хрупкая девичья фигурка в черном облачении. Многочисленные завязки стягивали одежду, которая иначе свалилась бы с субтильного тела. Сапоги с высоким голенищем можно было выставить в качестве экспоната в Королевском художественном музее: до того затейливо разукрасили их белые разводы соли и черные кляксы грязи или дегтя. Рукава черной рубашки были велики настолько, что даже подвернутые, свисали почти до середины кисти. На цыплячьей шее болтался завязанный задом-наперед треугольный красный платок. Пока Терри разглядывал сапоги и рукава,

король скомкал верхнюю накидку и подложил ее под голову девушки. Когда он чуть сдвинулся, Терри получил возможность рассмотреть безмятежное лицо спящей.

Сперва он увидел серебро нежных прядей, и подумал: «Да ладно!»

Потом ему показалось, что он где-то прежде видел этот изгиб бровей и линию губ.

А потом он понял, что ничего не понимает, и вопросительно посмотрел на короля. Тот приложил палец к губам, напоминая, что не нужно шуметь.

— Это не настоящая принцесса, — тихо сказал король, осторожно убирая локон, приставший к полуоткрытым губам девушки. — Это двойник. Тень. Я его создал.

Терри где стоял, там и сел. Даже сам не заметил, как придвинулся ближе, жадно разглядывая спящую. В мертвенном голубом свете, который источала окровавленная ладонь короля, девушка в самом деле не выглядела живой. Она была бледной до синевы и, Терри был в этом полностью уверен, даже не дышала. Не ходила под одеждой грудь, не трепетали длинные ресницы.

«Будто восковая кукла», — потрясенно подумал Терри. Он протянул было руку, но не осмелился коснуться, тем более что король ревниво нахмурился.

— Не тр-рогай. Я не хочу, чтобы она просыпалась сейчас.

— К-хак... Как это работает? — Терри опять не сразу справился с голосом.

Король задумчиво посмотрел на свою ладонь. Сияние потихоньку тускнело, будто магия выбивалась из сил. И он тоже выглядел усталым.

— В нашей крови достаточно магии для того, чтобы призывать свет и тень, повелевать огнем и ветром. На свете множество вещей, Терри, которые нельзя уложить в формулы и просчитать заранее, и это одна из них.

— Она из плоти и крови? — уточнил Терри.

— Когда слабеет — да. Но когда она набирается сил, ты не захочешь встретиться с ней в поединке, — на губах короля заиграла мечтательная улыбка. Он нежно провел подушечками пальцев по щеке двойника. — Она становится неуязвимой, невидимой и безжалостной. Лучшего телохранителя для принцессы и придумать нельзя.

Терри еще раз взглянул на грязные сапоги и усомнился, что телохранители принцесс находят время и место, чтобы так изгваздаться. Да и держат ее здесь очевидно не просто так. Терри вспомнил короткий разговор с Роэном, щеголящим свежим порезом на щеке, и догадался, что без подвоха не обошлось.

— Она не всегда подчиняется вам?

Улыбка Эриена погасла. Он посмотрел на Терри почти враждебно.

— Кто тебе рассказал? — шелестящим шепотом прошипел он.

— Никто. Я понял, — растерялся Риамен.

Королю, очевидно, потребовалось некоторое время, чтобы поверить в это.

— Слишком уж ты хорошо подготовился сегодня, — проворчал он. — Будто кто-то тебя подучил, что говорить и что спрашивать...

— У нее сапоги грязные, — поспешил указать Терри.

Король внимательно оглядел сапоги, и только убедившись в неопровержимости улики, сменил гнев на милость и продолжил рассказывать.

— Да, ты правильно понял. Я был уверен, что создам верного и неуязвимого охранника, а вместо этого получил непредсказуемого своевольного демона, который с большой охотой сбегает из дворца и шляется в облике моей дочери по городу... Поэтому я отвалил столько денег за чертежи магагасительной башни из Нового света. Если однажды она окончательно

выйдет из-под контроля, у меня должно быть под рукой средство, чтобы остановить разбушевавшегося демона.

Терри молча глядел на ту, что выглядела точь-в-точь как принцесса Эстель, с той лишь ключевой разницей, что ему прежде не доводилось видеть ее бездыханной. Серебряные нити волос стекали на земляной пол. Это выглядело даже еще более жутко, чем светящаяся кровь на ладони короля. К крови Терри как-то незаметно притерпелся уже, а вот принцессу ему было отчаянно жаль.

— А как принцесса живет без тени? — хрипло спросил он. — И что будет с ней, если демон окончательно выйдет из-под контроля?

— Я думаю, что она погибнет, — мрачно проговорил король. — Но я не допущу, чтобы это произошло. Поэтому мы здесь. На столе чертежи машины, которую мы с тобой построим так скоро, как сможем. Осталось лишь заставить Парлас быстрее разобраться с чтецом...

Король оборвал себя на полуслове и посмотрел на Терри с интересом.

— Помнишь, ты рассказывал мне, что она украла у тебя что-то? — заговорщическим шепотом спросил он.

Терри помнил очень хорошо. Вряд ли он когда-либо смог бы забыть.

— Хочешь, я скажу Парлас, что с этого дня не она, а ты возглавляешь все это? — он неопределенным жестом обвел пальцем круг в воздухе. — Я прослежу, чтобы она передала тебе все, что у нее было и есть насчет этого медальона. Ты ведь сумеешь сделать на его основе нечто такое, что позволит надежно контролировать?.. — он не завершил мысль, а вместо этого указал на двойника принцессы.

— Так точно, мой король. Сумею, — чуть более задумчиво, чем позволял устав, откликнулся Терри.

Глава тридцать первая. Ледяное вино для безопасника

В Академию Терри возвращался с тяжелым сердцем, больным горлом и головой, полной неразрешимых вопросов.

Король и Парлас остались в храме, а Терри и Аннели выделили сопровождающего до ворот Академии. При этом король, как и в прошлый раз, собирался удерживать рядом с собой обоих столько времени, сколько сочтет нужным, но Парлас нашла нужные слова, чтобы убедить монарха, что студентам намного сложнее скрыть или оправдать свое отсутствие, чем старшим магистрам.

— У Арчера параноя разыгралась на старости лет, — проворчал Эриен, выслушав их осторожные увещания. — Но поджилки у него все такие же слабые, как и всегда. Он не осмелится в открытую бросить мне вызов. Терри ничего не угрожает.

— Терри — может быть. Но девушка из бедной семьи без влиятельных родственников, — поджала губы Парлас.

Студенты стояли неподалеку и слышали каждое слово. Аннели опустила глаза и не проронила ни звука. Терри взял ее за руку и легонько пожал, молча обещая, что не позволит случиться ничему плохому. Ему понравилось, что у девушки такие тонкие и прохладные пальцы. Ее прикосновение позволило ему на время отвлечься от заокеанского нейтрализатора и прогнать из сознания картину, как заботливо король устраивал на рванине голову неживого двойника дочери.

— Хорошо, пусть идут. Риттау, организуй сопровождающих. Надеюсь, молодые люди благополучно вернутся в Академию? — отстраненно спросил король, глядя Терри прямо в глаза. Тому ничего не оставалось, кроме как кивнуть и пообещать, что так и будет.

Разговор в подвале оставил свинцовую тяжесть на душе Терри. И, к досаде последнего, он так и не получил продолжения. Король ничего не пояснил сверх того, что сказал. Возможно, монарх почти сразу пожалел о своем решении — по крайней мере, хмурое недоверие к племяннику после его «подготовленных вопросов» сохранилось на королевском челе до самого конца.

Сопровождающим назначили Роэна, того кудрявого гвардейца, что щеголял длинной царапиной на щеке. Терри сперва обрадовался, что это не Риттау, а потом заметил, как Роэн многозначительно улыбается Аннели, и понял, что на самом деле все гвардейцы ему не нравятся одинаково. Правда, Аннели вовсе не нужны были улыбки красавчика в вязаной шапке. Она отводила глаза и держалась так близко к Терри, как только могла.

Не дождавшись от девушки даже ответа на безобидный вопрос, как ее зовут, Роэн поскуцнел. Терри глянул на него свысока, мол, не заглядывайся на наших. Маленькая победа несколько примирила его с большими поражениями.

Потом они вышли на Народную площадь, которая в этот час оправдывала свое название. Ближе к наступлению ранних сумерек множество людей, одевшись потеплее, вышли из домов с фонарями и свечами в руках, чтобы осветить и согреть город в самую долгую ночь. Все следы шпорма к тому времени успели убрать. На площади открылись лавочки, появились лотошники с пряниками в сахарной глазури. Водовоз тащил на тележке огромный бидон, укутанный в несколько слоев шерстяных одеял. Когда он открывал крышку, из бидона валил белый ароматный пар, насквозь пронизанный теплым светом от фонаря.

— Почему в этом году не будет зимней Ярмарки? — спросила Аннели, оглядываясь. Мягкие желтые и красные блики скользили по ее щекам, подчеркивая нежный румянец и блеск ярких глаз. — Гляди, люди подходят к зрителю и спрашивают.

Терри проследил ее взгляд: у главных ворот Академии, рядом с Неспящим, стоял человек в белом плаще и спокойно разговаривал с горожанами. Один риорец в косой полосатой накидке на плечах вышел вперед, горячо жестикулируя, а остальные, держась чуть поодаль, молча слушали.

— Не знаю. Наверное, не видать нам больше Ярмарок, — мрачно проговорил Риамен.

— Почему?

— Еще спрашиваешь! Напомнить про первокурсницу, которой удалось сбежать?

— Думаешь, это из-за меня? — ахнула Аннели.

— Ты ведь ушла именно сейчас, потому что рассчитывала, что во время Ярмарки никто не станет тебя искать? Разве нет?

— Да, но разве могли ее отменить только потому, что я сбежала? Я ведь ничего из себя не представляю...

— Сомневаюсь, что Келва тоже так думает, — процедил Терри, глядя на то, как к зрителю подходят новые риорцы. Должно быть, с тем же вопросом: «А почему Академия не выносит свои товары на площадь? А как же зимняя Ярмарка?»

— Я не хочу, чтобы Ярмарки отменили из-за меня, — тихо сказала Аннели. Она поднесла побледневшие до синевы пальцы ко рту и подышала на них, чтобы согреть. — Пожалуйста, скажи, что на самом деле есть другая причина.

— Может быть, Арчеру стало известно, что Парлас работает на короля. Она ведь тоже сейчас не в Академии. Предательство куратора по научной работе — это достаточно веский повод для того, чтобы Верховный забыл о праздниках? Как считаешь?

Аннели неуверенно кивнула, продолжая нервно заламывать пальцы.

— А может, я ошибаюсь, и зимнюю Ярмарку просто перенесли на начало года, — покривил душой Терри, изображая легкомысленную улыбку. — А мы уже успели навоображать себе.

— Спасибо, — выдохнула девушка, глядя в сторону.

Терри задумчиво смотрел на ее понуро склоненную светлую макушку. Почему прежде он никогда не обращал внимания на темные корни ее волос? Живые огни и подвижные тени праздничной площади как-то особенно ярко подчеркивали четкую границу между светлыми и темными прядями. Ни слова не говоря, Терри протянул руку и в очередной раз коснулся мягкого шелка ее волос, отвел прядь за ухо. Аннели подняла взгляд. Глаза ее блестели.

— Ты хотел что-то сказать?

Терри многое хотел бы сказать. Хотел бы спросить, может ли доверять ей. Хотел бы признаться, что боится совершить ошибку, которая будет слишком дорого стоить. Слова теснились в груди. Невысказанные, они распирали его изнутри. Терри очень хотел бы попросить Аннели быть осторожной, ведь она стала ему дорога. Слова были такими горячими, что ему не терпелось все это выпалить, но удерживала мысль: он только напугает ее, не сумеет правильно объяснить и обязательно все испортит. Как всегда.

Поэтому Терри сказал совсем иное:

— Идем. Мы должны вернуться.

И молча обругал себя за трусость, когда глаза Аннели потускнели. Она спрятала ладони под мышки и согласилась, что в самом деле так будет лучше для всех.

Проходя мимо людей, в приподнятом настроении провожающих уходящий год, Терри вдруг остановился как вкопанный. Одна мысль, которая давно исподтишка грызла его, наконец обернулась смелой идеей. Он обернулся к гвардейцу.

— Роэн, одолжи двадцатку, пожалуйста.

Гвардеец сперва не понял, о чем его просят, а потом усмехнулся.

— Одолжить магистру денег? Это шутка?

— За услугу, — пожал плечами Терри. — Или вынесу что-то из Академии. Чего ты хочешь взамен?

Роэн сунул руку в карман и достал отличный новенький бумажник из черной кожи. С одной стороны была приколата бляшка в виде крупной звезды. Знак полномочий королевской гвардии. Терри непроизвольно дернул уголок рта, но быстро взял себя в руки. Не хватало еще показывать гвардейцу свое отношение, изрядно подмоченное знакомством с Риттау.

— А чего хочешь ты, Риаман? — все еще колеблясь, открывать бумажник или нет, спросил Роэн.

— Вина. Ледяного риорского «Армо», если повезет, — оглядываясь в поисках соответствующей лавки, хрипло ответил Терри.

* * *

Найти нужное вино оказалось не так сложно, как опасался Терри. Выяснилось, что Карху неоднократно упоминал тот самый зимний сорт, который как раз в преддверии праздника привезли в столицу из-под Риордана, из местечка Армо.

— Мне еще нужно благодарить судьбу, что тебе не четыре бутылки требовались, да? — судя по интонациям, гвардеец искренне пожалел о своих щедрых инвестициях в студенческую пьянку. — Ты ничего попроще не мог выбрать?

Терри, который только в этот момент сообразил, что в самом деле совершенно напрасно взял две одинаковых бутылки, смутился.

— Там если две бутылки сразу взять, продавец четверть цены уступит, — соврал он. На самом деле он так торопился, что ему даже в голову не пришло поторговаться и сбить цену. Лавочник несколько раз спросил его, почему он в городе и открыла ли все-таки ворота Академия. Дескать, у него под куполом младший кузен, и хотелось бы увидеться с ним на празднике, потому что от него давно нет никаких вестей. Терри не знал, что ответить, и поспешил убраться поскорее.

Роэн изумленно поднял брови, увидев откупоренную бутылку в руках бакалавра.

— Ты что, прямо здесь напиваться собрался?

— С тобой поделиться?

— С ума сошел? Я на службе.

Терри хмыкнул, обтер рукавом горлышко бутылки. Еще в лавке он воспользовался штопором хозяина, чтобы открыть одну. Посмотрел на круглые бумажные фонарики, взлетающие красными радостными всполохами в фиолетовую высь и невольно улыбнулся, услышав, как чья-то мама сокрушается, что их отпустили так рано.

— Сегодня же праздник, — он указал на льнущие друг к другу небесные фонарики, несущие в небо пригоршню живого огня. — Последнюю ночь года положено проводить с радостью, а не то новый год будет таким же тошным, как твое лицо. Понять не могу, почему оно кажется мне таким знакомым, кстати.

— Потому что когда ты был седьмушкой, Риамен, я учился в третьем классе. Тебя трудно забыть, мальчишка с седыми висками. Почему ты до сих пор носишь школярский китель? Тебе сколько? Больше двадцати? Мог бы уже служить в королевской гвардии.

Терри сделал большой глоток прямо из горла бутылки. Ледяное вино оказалось идеальным для того, чтобы пить его на улице, посреди оживленной праздничной площади. Яркий, праздничный и очень сладкий вкус будто заключал в себе самую суть Долгой ночи, щедро разбавленной красным светом. И теплом, которое рождают в груди знакомые всем с детства древние песни. Терри мгновенно бросило в жар, он приложил холодное стекло бутылки ко лбу и искоса посмотрел на гвардейца.

— Потому что меня исключили перед выпускными экзаменами. Мою мать подставили, а меня заперли в Академии. Но, как видишь, пожизненное заключение под куполом — не повод уклоняться от исполнения долга перед королем и Отечеством.

Роэн хохотнул и хлопнул Терри по плечу.

— Это верно. Его величество, если захочет, с того света достанет и велит служить.

От этого прозрачного намека на то, что Терри видел в храмовом подвале, мороз подирал по коже. Бывает, то, что звучит, как шутка, шуткой вовсе не является — иногда это только подливает масла в огонь, а порой вызывает нервную оторопь. Чтобы прогнать невольную дрожь, Терри сделал еще один глоток, и понял, что следующий точно будет лишним. Ему еще с Карху сегодня разговаривать — с языком на плече это затруднительно будет сделать.

— А с-существо с того света — что мне стоит про него знать, если его величество поручил мне придумать способ, как его конт-рорировать? — чуть запинаясь на длинных словах, спросил Терри, со значением прищурившись.

Роэн посмотрел на Терри не то с уважением, не то сочувственно.

— Тебе стоит знать, что она не просто королевская убийца, кто бы что ни говорил. Я своими глазами видел, как она растворилась в воздухе, и сам в тот момент едва не поседел, как ты. У нас временами пропадают люди, причем чаще те, кто знает о Тени... Так вот, я думаю, что неспроста король набирает магистров и дает такие поручения. Если тебя этому в Академии научили — ты уж постарайся там. Может быть, благодаря тебе, я в следующем году стану спать спокойнее.

Терри мог бы ответить, что ему, в отличие от Роэна, скорее всего, спать вообще не придется, чтобы выполнить все поручения его величества, но ничего не стал говорить.

Да и вообще, сколько можно оттягивать неизбежное?

Он наклонил бутылку и, брезгливо морщась, щедро налил ледяного риорского в левый рукав.

— А может быть, ты просто псих, — упавшим голосом прокомментировал это печальное зрелище Роэн. — Поэтому тебя и заперли в Академии вместе с остальными психами.

— Может быть, — не стал спорить Риамен, стряхивая капли вина с пальцев на мостовую. Рубашка пропиталась вином и прилипла к коже. Рана под повязкой откликнулась пощипыванием и протестующей болью. И даже китель изрядно намок и тут же начал промерзать насквозь.

Терри приобнял Аннели за талию.

— Нам пора, — только и сказал он, уже не глядя на гвардейца.

И они направились к главным воротам Академии. Краем глаза Терри видел, что гвардеец не спускает с них глаз. Но потом его закрыли чужие спины, и Риамен тут же

выбросил старого знакомого из головы.

Девушка хотела высвободиться из его объятий — должно быть, немного радости приносит прикосновение мокрого колючего сукна в холодный вечер. Но Терри шепотом попросил ее потерпеть до ворот Академии.

— Это странно, — скованно произнесла девушка, держа спину очень прямо. Ладонь Терри пряталась у нее на талии, под теплым жилетом.

— Просто первое, что пришло в голову, — виновато ответил Риамен. — А можно я и бутылку у тебя под жилетом спрячу?

Аннели вздохнула.

* * *

Смотритель смерил их уничижительным взглядом.

— Кто такие? Почему в городе?

Терри, продолжая обнимать девушку, свободной рукой вынул из кармана белую карточку с синей звездой Академии. Показал.

— У нас пропуск есть. Риамен и Хёвин наши имена.

— Чем. Занимались. В городе? — отдельно спросил смотритель, чем до ужаса напомнил Терри манеру Карьяна.

— Разведкой, — дружелюбно ответил Терри, глядя выше лысеющей головы смотрителя в прямо красные площадки глаз молчаливого Неспящего. — Чем же еще.

Кто-то в дежурке прямо сейчас смотрел на них через линзы стража ворот. Терри широко улыбнулся — он не хотел, чтобы тот, кто смотрит, заподозрил, будто он выглядит недостаточно беззаботно.

— Ну-ну. Много разведали?

— Есть о чем доложить Карху, — от натужной улыбки у Терри заныли зубы — холодный влажный воздух не располагал для настолько горячей радости, какую он неосмотрительно решил продемонстрировать.

Впрочем, это сработало. Для них открыли ворота.

Когда смотритель высунулся из окошка сторожки и сообщил, что они могут войти, Терри, не выпуская Аннели из объятий, повел под железной аркой.

— На что ты так смотришь? — шепотом спросила девушка, глядя на него снизу вверх.

Только когда она задала вопрос, Терри спохватился, что забыл следить за выражением лица. Должно быть, она видела, как его перекосило от страха перед незримыми, но ощутимыми полосами, прошивающими пространство между створками ворот.

— Всегда нервничаю, когда прохожу здесь, — шепотом ответил он на вопросительный взгляд девушки. Он наклонился, чтобы смотритель не мог их услышать. — Они ведь не могут отключить барьер на время и снова включить. Это так не работает.

По спине Аннели прошла дрожь — Терри хорошо ощутил ее. Она ускорила шаг, и ему пришлось подстроиться.

— Настоящие прорехи только там, наверху, откуда дует ветер, — он бросил взгляд на смазанные куполом облака, подсвеченные снизу золотым сиянием. — Чем ближе к земле, тем сильнее сопротивление.

— Что ты такое говоришь? — с тревогой заглядывая ему в лицо, спросила Аннели. Кажется, она всерьез раздумывала над тем, не бредит ли ее спутник. — Дежурный ведь

отключил купол, чтобы мы могли пройти.

— Магия — это поток, — словами короля ответил Терри. Цитата подтолкнула мысль дальше и дальше, до тех пор, пока не привела к озарению. — Его нельзя отключить, можно только перенаправить. Ты когда-нибудь задумывалась, что всякий раз, когда ты проходишь через ворота, твое тело прошивают те самые смертоносные лучи, только их слишком мало, чтобы поджарить нас на месте?

— Нет, не задумывалась. И предпочла бы и дальше не думать, — почти сердито сказала Аннели, крепче прижимаясь к его плечу. — Вряд ли это так опасно, как звучит.

— А я думаю, что опасно, — спокойно возразил Терри. — А еще я думаю, что именно поэтому Арчер запретил все увольнительные по случаю премий. Надо было спросить у магистра Перту, как они влияли на здоровье, жаль, я не догадался!

— Можешь у Карху спросить, — Аннели указала на массивную фигуру безопасника у фонтана. Судя по тому, как тот держал руки у лица, он снова раскуривал очередную сигарету. Спустя минуту над головой Карху образовалось облачко дыма.

Терри только вздохнул, раздумывая, сказать ли Аннели, что гораздо удивительнее было бы, если бы глава службы безопасности не вышел его встречать. Или если доверил бы это дело кому-то чином помладше. Решил, что это не добавит девушке спокойствия и лучше бы ему сменить тему.

— Как ты сбежала? Не через арку ведь, — шепотом спросил он.

Аннели ответила тоже вполголоса:

— Нет, что ты! Ульфа предупредила, чтобы я не совалась туда, пока фонарь горит. Она сказала, что мне помогут на птичнике. И когда я пришла туда, там в самом деле был парень, который сделал мне проход.

Про проход на птичнике Терри не слышал ни разу за три с лишним года, что само по себе показалось ему подозрительным. В Академии ходили короткие, но довольно поучительные истории, почему нельзя верить свежим идеям насчет того, где можно пройти барьер. Впрочем, будь это одна из таких историй, Аннели живой никто больше никогда бы и не увидел. Опять же, если подумать хоть немного, версия про птичник обретает смысл.

— Там клетки из меди? — догадался Терри.

— Клетки-клетками, там есть и кое-что получше. Мелкая сетка из меди, довольно большая, — поправила Аннели. — Но нужен человек, который ее накинёт и уберет, как только ты пройдешь. Иначе, если прореха будет стабильной, ее найдут техники.

«И ликвидируют вместе с птичником. — подумал Терри и кивнул. — Что же, звучит вполне разумно». Но осталась еще одна причина для беспокойства — и ее следовало прояснить до того, как он начнет торговаться с Карху.

— А что за парень? Почему он помог?

— Я не спрашивала, — рассердилась Аннели. — Ты считаешь, стоило задержаться и как следует расспросить его?

— Если собиралась возвращаться — обязательно, — хрипло срезал Терри.

— Я не собиралась, — прошептала девушка, опустив голову.

«А ведь она не сказала, что не знает его», — запоздало осенило Терри. Чтеца ему так и не вернули, а задавать правильные уточняющие вопросы после неудачного первого было слишком поздно. Карху мог уже и услышать. Но Терри не давала покоя мысль, что Аннели нарочно не называет имя парня, который ей помог. Как-то он даже не задумывался до сих пор, что в Академии есть место, где могут держать домашнюю птицу. Сам-то он дичь не ел,

но сколько раз приходилось отказываться от горячего овощного супа только из-за бульона, который отлично передавал запах мяса!

Хотя дело не только в бульоне. У Терри были собственные, неприятные ассоциации, когда он слышал про птиц в Академии. И связаны они были с человеком, у которого точно не было причин помогать Аннели. По крайней мере, ничего бескорыстного он делать не мог просто по своей природе.

Они остановились перед Карху и почти в унисон пожелали ему мирного дня. Аннели от смущения снова попробовала высвободиться, но Терри опять удержал ее тонкую талию в своих объятиях. Пусть уж лучше безопасник решит, что они влюблены, как семиклашки, и распекает их за это, лишь бы не догадался, будто Аннели не собиралась возвращаться.

— Смотрю, пташки вернулись в родное гнездо, — не то в шутку, не то с угрозой, прокомментировал Карху, стряхивая пепел себе под ноги. — Надышались воздухом свободы?

— Нахлебались, — признал Терри, где-то растеряв фальшивое дружелюбие.

Карху повеселил его мрачный ответ. Он вообще выглядел куда как бодрее и свежее, чем вернувшиеся «с прогулки» студенты. Должно быть, сказывался крепкий сон и плотный обед, чего были лишены Терри и Аннели.

— Опять травили? — хмыкнул он, поднеся сигарету ко рту и делая затяжку. — Или на сей раз король посвятил тебя в свои планы?

Под куполом не было ветра. Табачный дым медленно курился вокруг Карху, выцветая. Аннели не удержалась, звонко чихнула, спрятав лицо в ладонях. Терри почувствовал, что у него дергается правый угол рта: почему-то стало до острой боли очевидно, что Карху и Арчер ничем не лучше короля и Риттау. Должно быть, у них есть своя Тень в подвале. И яд свой тоже есть.

— Посвятил, — коротко уронил Терри. Горло перехватывало от решимости сделать то, что он задумал. Все детали наспех собранного плана встали на место, и оставалось только воплотить их. Но, как назло, внутри все заледенело и не хватало дыхания. Из-за того, что совсем рядом была Аннели, из-за того, что ее мягкие локоны почти касались его подбородка, все могло пойти совсем не так, как он рассчитывал.

— Докладывай.

— Я не хочу вмешивать девушку во все это, — сорванным голосом прохрипел Терри. Все-таки оставалась последняя надежда, что Карху просто не понимает, что Аннели безопаснее не слышать и не знать ни о планах короля, ни о том, что Терри эти планы может выдать. Хватит уже. Аннели достаточно наслушалась угроз за это утро.

Карху выдохнул горький сизый дым.

— А ты уже, — отрезал он, поморщившись. — Какой смысл выдирать кристалл из цепи, если начался распад? А ты, барышня, о чем думала?

Аннели промолчала, потупившись. Терри очень сомневался, что ей было что ответить Карху. Или что ответ мог бы уложиться в пару слов.

— Он ведь использовал тебя, — Карху ткнул двумя пальцами с зажатой в них сигаретой в грудь Терри. Тот покачнулся. Нахмурился. — Потачил с собой как яркую блесну, чтобы король заглотил наживку и показал ему над чем он работает. Так?

— Не так, — скрипнул зубами Терри. Карху отмахнулся. Очевидно, он думал, что лучше знает.

— Я не вижу другой причины, кроме этой. Теперь король знает, чем тебя шантажировать, и поэтому без опаски доверил свои секреты... Надо сказать, этого от тебя

никто не ждал.

Безопасник посмотрел на Терри с прищуром и презрительно кривя рот. Риамен немедленно вспыхнул. Узнал этот взгляд. Примерно с таким же лицом он сам смотрел на разорванные непогодой фонарики, которые были полновесными риенами, пока не превратились в мусор.

— Зато сработало, — с вызовом вздернул подбородок Терри. Язык пекла перченая острота. Хотелось доказать Карху, что он не просто такой плохой, как они там себе думают, а еще хуже. Может, хоть тогда его оставят в покое?

— Раз сработало, выкладывай. И покажи, что ты прячешь в руке.

Терри замешкался, и это вызвало вспышку раздражения.

— Покажи руки!

Пока все шло по плану. Терри отпустил Аннели, шагнул в сторону и показал безопаснику бутылку с синей этикеткой, которую все это время прятал у нее под жилетом. На бумажке с названием местечка, откуда доставили бутылку, отпечатались красные следы пальцев.

— Что это? — сощурился Карху.

— Подарок. Вы как-то упоминали...

Карху шагнул к нему и принялся. Почему-то безопасник оказался умнее, чем рассчитывал Терри, и не стал выслушивать слова, которые тот заготовил.

— Ты что, пьян, Риамен? Ты в своем уме?

Терри вспомнил, что нужно покачнуться, и едва не упал, перестаравшись с правдоподобностью.

— Да, я что-то слегка перебрал, — он виновато улыбнулся. — Долгая ночь, все-таки. Праздник...

Карху взял его за плечи и встряхнул.

— Какой еще праздник? Кто позволил тебе пить во время задания, Риамен?

— Король, — от встряски фальшивая улыбка на губах Терри отклеилась.

— Тебя напоил король? — широкие кустистые брови Карху взлетели вверх, и он стал трясти еще энергичнее, будто собрался таким образом заставить бакалавра протрезветь. — Что он тебе наливал? Золотое вино?

— Да что же вы творите? — воскликнула Аннели, не выдержав. — Вы что, не видите, он болен?

— Я, барышня, многое вижу. Вижу, что он не в себе, и даже догадываюсь, почему.

Безопасник шумно вздохнул, оглянулся. К ним уже шли двое зрителей в белых плащах, заинтересовавшихся предметом беседы у фонтана. Или их привлек северный жилет на Аннели. Или между ними с Карху была договоренность, чтобы они подключились в нужный момент. Терри не знал, но заподозрил неладное, когда зрители остановились рядом, а Карху не сменил тему.

— Вчера он просил у меня билет, обещал взамен информацию. Выглядел вполне здоровым. А сегодня у него такой вид, будто король напоил его своим зельем и взял кровь, — Карху ненадолго замолчал, разглядывая их обоих, а потом вдруг скомандовал: — А закатай-ка ты, парень, рукава.

Терри криво улыбнулся, будто услышал несмешную шутку.

Он рассчитывал, что фокус с отвлечением внимания сработает. И он сработал. Но как Карху догадался, что прятал Терри вовсе не бутылку, а то, что под рукавом?

— Я разве сказал что-то смешное? — Карху адресовал вопрос зрителям. Те отрицательно покачали головами. — Я ведь не шутил с тобой, Риамен. Руки!

Пуговицы застревали в петлях на обшлаге. А на манжете рубашки они до того мелкие, что справиться с ними сложнее, чем оборвать. Терри обрывать их не хотел. Почему-то именно сейчас он стал ценить такие мелочи, которые привязывали его к жизни: например, целые пуговицы. Еще бы рубашку чистую. И руку без надрезов. То-то было бы чудесно!

— Что здесь происходит, Карху? — спросил один из магистров в белом плаще. — Какие-то проблемы?

— Не знаю пока. У тебя какие-то проблемы с рукавами, Риамен? — добродушно поинтересовался Карху. — Ты сними сперва китель, так быстрее будет.

— Мне тоже показать? — спросила Аннели. Как померещилось Терри, с вызовом. Он посмотрел на нее и красноречиво покачал головой. Не стоило ей так разговаривать с Карху. Если бы он мог сейчас что-то ей сказать, то, наверное, извинился бы, что из него вышел никудышный защитник. Подумать только! Так старался выторговать Аннели безопасность в Академии, что не сумел спасти от безопасника себя самого.

— Пожалуйста, — любезно разрешил Карху. — Лишним не будет.

Аннели справилась со своими пуговицами быстрее. Еще бы. Ее тонкие, будто птичьи лапки, руки были чистыми. Чего ей скрывать? Чего бояться?

Терри честно попытался было оттягивать неизбежное и сперва долго возился с правым обшлагом. Но ему неудобно было орудовать левой — он с рождения больше полагался на другую. Вдобавок, напрягать раненую руку было больнее, да и смысла в том большого Терри не видел: Карху явно собирался терпеливо ждать, пока он закатает оба рукава. Так что, продемонстрировав чистый правый рукав рубашки, он принялся за левый, до самого локтя облитый вином. Красным вином.

— Это то, что я думаю? — спросил зритель, обменявшись быстрыми взглядами с Карху. Он достал из кармана очки и водрузил на нос. Прищурился. За радужными магическими стеклами его глаза казались почти бесцветными. — Похоже на то...

— Похоже на то, что у тебя в самом деле проблемы, Риамен, — в отличие от зрителей, безопасник понял все давно и не нуждался в очках, чтобы подтвердить догадку. — Магия крови — это уже не шутки. Предупреждением не отделаешься.

Терри медленно поднял руки над головой. На левой болталась, медленно сползая, облитая вином повязка. Рану жгло и щипало. А еще щипало глаза — это от табачного дыма, который напустил безопасник, не иначе. Терри стиснул зубы и ощерился в полуулыбке.

— Я в сознании, — выдавил он бессмысленную формулу, которую положено произносить, когда величина проступка подводит под угрозу стирания. — Все осознаю и не опасен.

— Ты в самом деле сообразительный парень, — похвалил Карху.

Терри в тот момент с большой охотой обменял бы эту хваленую сообразительность на малую толику удачи. Но судьба не собиралась играть с ним в поддавки.

Глава тридцать вторая. Ядовитое золото

Лечебница располагалась в старинном риорском доме с широкой террасой и укромным внутренним двориком. Терри нравилось здесь бывать — многое напоминало о родовом поместье. Обшитые деревом теплые стены, украшенные цветочной резьбой ставни-ширмы, шерстяные ковры по полу — среди всего этого он чувствовал себя как дома. Иногда возникало странное чувство, будто стоит ему уснуть и проснуться здесь, он непременно встретит мать за завтраком и окажется, что минувшие три с половиной года — всего лишь дурной сон.

Во многом, доброе отношение Терри к лечебнице было основано на его симпатии к первому лекарю. Алек Римари был его дальним родственником и поэтому всегда принимал «племянника» с теплом, расспрашивал с искренним участием и не скупился на сочувствие. О себе лекарь рассказывал с гораздо меньшей охотой, и все, что в итоге Терри узнал о Римари — прежде он служил в Королевской лечебнице, но примерно десять лет назад там произошла некая недостойная упоминания неприятная история, после которой он принял решение посвятить остаток жизни Академии. Терри сперва думал, что Алек Римари чувствует себя таким же заложником обстоятельств, как он сам, но быстро разуверился в этом. Римари с таким увлечением рассказывал о новых перспективах во врачевании, какие ему открылись, как только он пришел в Академию, что вдохновлял и самого Терри меньше думать о том, сколько он потерял, а больше — о том, как много еще нужно изобрести и улучшить.

Терри оставили дожидаться лекаря в комнате с выходом на террасу. Несмотря на то, что уже опустились сумерки, дверь-ширма все еще была открыта, поэтому в комнате было прохладно. Здесь не было очага, зато аккуратной стопкой лежали сложенные шерстяные одеяла. Поразмыслив, Терри взял себе одно и набросил на плечи. Алек Римари заботился о том, чтобы в лечебнице было как можно больше свежего воздуха. Эта забота порой самую малость переходила разумные рамки, но решения первого лекаря никогда не оспаривались.

Сбившаяся повязка мешалась под мокрым рукавом рубашки. Ткань прилипла к ране. Терри поморщился, снял китель, развесил его на спинке стула. Закатал рукав рубашки и содрал с локтя разболтанную повязку. Смысла дальше прятать рану и терпеть неудобства не было ни малейшего. Карху расскажет Римари, зачем привел бакалавра, да еще и свою трактовку добавит, наверняка. Связал же он каким-то причудливым образом в единую логическую цепочку простуду, опьянение, золотое вино и порез на руке.

Разумеется, Терри знал, в чем ошибается Карху. Все было не так, и это не король поил его золотым вином, и взял кровь для магического ритуала тоже совсем другой человек. Но тем сильнее впечатляла та скорость, с которой Карху сделал выводы.

Терри злился на себя. Слепил план из того, что первым в голову пришло: только на площади он вспомнил, как Карху почти прямым текстом требовал принести дорогое вино из следующей самоволки. Повезло, что гвардеец знал его и дал денег. Все складывалось идеально. Да, облиться вином, чтобы спрятать следы крови на белой рубашке мог только мальчишка, но это ведь могло сработать: Карху должен был удовлетвориться тем, что заставит Терри показать, что именно тот неумело прячет за спиной у девушки.

Кто мог знать, что Карху потребует закатать рукава?

Терри спустился по ступенькам террасы, прошел к старому колодцу в центре

внутреннего двора и встал рядом с ним на колени. Потемневшая, никогда не знавшая снега зимняя трава пружинила под подошвами сапог. Рана на руке пекла и щипала. Морщась, щурясь и кусая губы, Терри опустил руку до локтя в холодную воду и держал ее там, сколько мог терпеть.

Рука онемела и в конце концов перестала болеть. Только тогда Терри позволил себе вынуть ее из воды. С пальцев срывались капли и падали на камни, которыми были забраны стенки идеально круглого искусственного пруда-колодца.

— Так сильно жжет? — участливо поинтересовался знакомый голос. Терри посмотрел через плечо: на террасу вышел Алек Римари в своем неизменном белом плаще, вроде тех, что носили в лабораториях. Вроде того, что Терри потерял этой ночью в порту.

— Мирного вечера, мастер Римари, — вежливо поздоровался Терри, поднимаясь на ноги. Одежда едва не свалилась с его плеч, и его пришлось придержать. — А меня собираются стереть, кажется.

Первый лекарь неспешно зажег один за другим все фонари на террасе. Только один из них был магическим, с голубоватым светом, остальные, старинные, пришлось запаливать при помощи лучины. Живой огонь трепетал в стеклянных стенках и дробился о резные медные решетки фонарной оправы. В саду сразу будто стало еще темнее, но при этом уютнее.

— Я бы пригласил вас выпить со мной чаю, Терри. Прямо здесь. Вы ведь не откажетесь?

— С большим удовольствием, мастер Римари.

— Все-таки сегодня особая ночь, — мягко улыбнулся лекарь. Он ненадолго вышел и вернулся с подносом в руках. Чай был уже заварен в небольшом пузатом чайничке с длинной ручкой и коротким носиком. Рядом на черной тарелочке лежали сладкие колобки из рисовой муки. Алек Римари поставил поднос на ножки и сел прямо на ступеньки террасы. Похлопал ладонью рядом с собой.

— Особая, — кивнул Терри, садясь туда, куда ему указали. Поправил одеяло на плечах, как обычно удивляясь тому, что Алек Римари совершенно не чувствует неудобств от холода. — Сегодня моя последняя ночь, верно?

Терри развернул руку так, чтобы взглянуть на порез. Не верилось, что из-за такой ерунды можно стереть живого человека. Но с другой стороны, он ведь с самого начала знал, что чем-то таким все и закончится. Как только на дверях появился красный лист за драку с техником в равинтоле. Или даже раньше: как только ему впервые рассказали о стертых. Терри уже тогда понял, что рано или поздно наденет серую куртку и не мог с этим смириться. Обреченность эта пугала его до тошноты. Сейчас это в какой-то степени казалось смешным: он никак не мог понять, зачем было тянуть с этим так долго.

— Как эта рана появилась у тебя на руке? — спокойным тоном поинтересовался лекарь, разливая по чашкам темный ароматный чай.

— Я поссорился с одним северянином в порту, — пожал плечами Терри. — Он достал нож. Я не успел увернуться.

Римари подал ему теплую чашку. Терри с благодарностями принял угощение.

— Это звучит как подходящая история для того, чтобы рассказывать ее в Долгую ночь, и я определенно жажду узнать все детали. Что за надобность привела тебя в порт, Терри?

— Я искал девушку.

— Девушку? — брови Римари поползли вверх от изумления.

— Мне сказали, что в порту можно найти девушку, я поверил, — Терри с извиняющейся полуулыбкой развел руками. — Так и повздорил с северянином. Видите ли, он к тому моменту как раз решил, что это его девушка.

— Но в Академии тоже есть девушки. Зачем было идти в порт и ссориться с северянином?

— Пожалуй, я напрасно столько выпил. Мне даже не пришло в голову, что есть более простые пути, — признал Терри, наблюдая за игрой пламени в фонарях. — Мне жаль, но это не настолько длинная и захватывающая история, какую захочется услышать во время Долгой ночи, мастер.

Лекарь взял сладкий рисовый шарик и отправил его в рот.

— Возможно так и есть. Но ты упускаешь одну важную деталь. Господин Карху утверждает, что твоя кровь была взята для магического ритуала.

— Да, он так и сказал, прежде чем привести меня сюда, — не поднимая взгляда от чашки, медленно проговорил Терри. Чай был слишком горячим, чтобы его пить, поэтому он легонько покачивал теплую чашку в руках.

— Но ты, конечно, хочешь сказать, что никакого ритуала не было? И никто не поил тебя золотым имперским вином?

Терри покачал головой.

— Безусловно. Я пил вино на Народной площади. Обычное зимнее вино, даже без пряностей. Меня толкнули, и я облился. Зато бутылку не разбил, — похвалился он.

Алек Римари бросил косой взгляд на закатанный до локтя мокрый рукав.

— У тебя уже есть два красных листа, а ты вернулся в Академию пьяным в облитой вином рубашке и с бутылкой под мышкой. Что же на самом деле с тобой происходит, если ты идешь на подобный риск ради того, чтобы скрыть правду?

— Вы сейчас говорите как мой друг, — вздохнул Терри. До этого момента он не замечал, сколько общего у него с Арри. А вот поди ж ты! Оказалось, что Римари, при желании, может копировать интонации сына судьи. Без сомнений, Арри распекал бы его теми же словами. Конечно, если бы захотел разговаривать после того вечера, когда Терри пообещал отдать Карьяну «белый огонь».

— Вот и хорошо. Давай поговорим, как друзья, и я постараюсь тебе помочь, — пообещал Римари.

Терри подумал, что у него есть целый список влиятельных людей, кто обещал помощь, и против воли развеселился. Если бы не все эти люди, он бы не сидел сейчас на холодных ступенях и не пялился бы на резные бока фонариков в полумраке, ощущая себя в ловушке, из которой нет выхода.

В саду послышались короткие щелчки и, чуть погодя, в скрытых трубах тихо зажурчала проточная вода. Дежурные включили систему орошения. В свете фонарей засверкали золотыми искрами тонкие струи из разбрызгивателей.

— Вы поможете мне? Обещаете?

— Сделаю все, что смогу.

— Вы сделаете все, чтобы меня не стерли? — с сомнением уточнил Терри.

Алек Римари посмотрел на бакалавра с сочувствием.

— Это зависит не от меня.

Терри перевел взгляд в темноту сада.

— Я так и думал, — только и сказал он.

— Перед тем, как уйти, Карху попросил меня поговорить с тобой по-хорошему, — предпринял еще одну попытку лекарь. Это, наверное, должно было прозвучать как-то особенно убедительно, но Терри внутренне ошетинился: ему померещилась недвусмысленная угроза.

— По-хорошему? Да я понятия не имею, в чем меня обвиняют. Что такое золотое вино? Зачем королю резать мне руку, если он знает, что со мной после этого сделают?

— Об опасности золотого вина намного лучше мог бы рассказать мой брат, Эдо. Он любит подобные вещи: когда кто-то кого-то чем-то опоил и что-то выведал. Наверное, Карху именно этого и опасается.

— Я слышал, что это яд, — возразил Терри и запоздало прикусил язык, когда понял, что процитировал короля и вообще невольно выдал свою осведомленность уже после того, как расписался в полном непонимании ситуации.

Если Алек Римари и заметил это, то не стал заострять на этом внимание. Он уже начал увлеченно рассказывать, а глаза его оживленно заблестели, как всегда бывало, когда он заводил разговор об удивительных свойствах сильнодействующих веществ.

— Наркотик. Имперские фанатики пьют его перед тем, как исповедаться и причаститься благодати Создателя. Золотое вино буквально облегчает голову, чтобы человек мог облегчить душу. Это может показаться нам странным — добровольно и регулярно употреблять вещество, который так влияет на разум, но имперцы, видимо, настолько лживы по своей природе, что не верят в возможность говорить правду без наркотика, — после этих слов Римари усмехнулся. Терри этого ожидал: лекарь, хоть и был очень высокого мнения о созданных руками людей веществах, о самих этих людях обычно отзывался с известной долей пренебрежения. — И да, если превысить разумную дозу, им можно отравиться.

— Значит, если человек выпил его, он не может солгать? Как это работает?

— Очень просто работает, — почти сердито ответил лекарь. — Что такое, в сущности, ложь? Это защитная реакция. Ты лжешь потому, что боишься, что с тобой будет, если кто-то узнает правду. У тебя есть желание сокрыть подробности, и ты достигаешь своих целей, жонглируя словами. Выпив золотого вина, ты ничего не боишься и ничего не хочешь. У тебя больше нет своих целей и ты не можешь лгать. Теперь понял, как это работает, Терри Риамен?

Терри Риамен понял. Даже слишком хорошо понял. Но не сразу догадался, что ему делать с этим запоздалым озарением. Не сумел вовремя посмотреть на лекаря иначе, чем на доброго старшего приятеля.

— Не золотое вино, а янтарное... И пилюли были такие же. Как янтарь, — задумчиво пробормотал Терри, разглядывая круги, плывущие по темной поверхности чая в белой чашке. — Значит, все дело в высокой концентрации...

Терри поставил чашку с почти нетронутым чаем на поднос и накрыл правый глаз растопыренной пятерней. Больную руку он старался не тревожить — рана беспокоила его, под спекшейся коркой будто бы потихоньку начиналось воспаление. Как назло, лекарь этого не замечал, а Терри скорее откусил бы себе язык, чем пожаловался на боль.

Если бы искатель не опоил бы его имперским вином, Терри никогда бы не понял, как оно искусно обманывает разум. Он бы так никогда и не сумел до конца поверить, что именно пригоршня пилюль могла сломать вроде бы железную волю разъяренного Маррета, если бы сам не подал руку Стейнару по первой просьбе. Если бы Эриен не отчитывал Парлас за то, что она изготовила яд вместо чтеца, Терри так никогда и не узнал бы, что наркотик в

высокой концентрации был создан по приказу короля.

— О чем вы говорите, Терри? Какие пилюли? — На переносице лекаря обозначилась озабоченная складка. Должно быть, он не первый раз задал этот вопрос, потому что ему пришлось повысить голос и коснуться плеча Терри. Риамен поднял взгляд, но ничего не сумел ответить. Мозаика кусочек за кусочком укладывалась в его голове, и Терри уже не мог перестать думать об этом.

Король был недоволен, значит, Парлас не справлялась. Двойник принцессы — демон, которого нужно контролировать, иначе Эссель погибнет. Работу над нейтрализатором передали Терри, потому что он принес королю чтеца. Это значит, что Терри на верном пути, а Парлас ошибалась. Она делала яд из имперского золотого вина, а Эриен сказал, что ему не нужен был яд...

Яд, который мог обмануть разум и сломать волю.

Кто бы мог подумать, что Парлас создала его по приказу короля. И где она должна была апробировать его? На ком проверять дозировку и действие?

— Янтарные пилюли, — раздельно повторил Терри, глядя прямо в светло-лиловые глаза Римари. — Их дают стертым, чтобы они подчинялись. Вы не знаете?

Лекарь с укоризненной улыбкой покачал головой и тем ограничился. Терри почувствовал жжение в сухих глазах и сердито потер их основанием ладони. Стало только хуже. Глаза защипало.

— Вы же лекарь, — с мукой проговорил Терри, зажимая двумя пальцами внутренние уголки глаз у переносицы. Этому средству остановить непрошенные слезы его научили в Королевской военной школе. — Как вы можете не знать?

Пожалуй, в этот момент Терри предпочел бы, чтобы его мысли остановились и перестали нестись дальше. Еще день назад он жил в Академии, которой человека могли «стереть», если он сходил с ума, но сейчас он обнаружил себя в Академии, где на живых мыслящих людях ставили эксперименты по приказу законного короля. Давали им яд и отправляли выполнять изнурительную и опасную работу. Он не знал, как сможет прожить остаток жизни в такой Академии, о которой узнал только что.

«Стертые» всегда пугали Терри. Их безэмоциональность, безучастие, безмолвность вызывали оторопь и желание держаться как можно дальше от тех, кто носил серые куртки.

Его мать была такой же в зале суда. И даже раньше, задолго до суда. Она замкнулась в своем несчастье еще пока шло дознание. Тут Терри спохватился и мысленно обозвал себя идиотом.

Почему он по-прежнему, даже про себя, описывал ее состояние пошлой строчкой, уместной скорее в дешевом романе: «замкнулась в своем несчастье»? Почему он продолжал так думать о родной матери даже сейчас, после того, как вдоволь насмотрелся на молчаливых «серых» и все понял про золотой яд?

А глаза после стирания будто выцветали, бледнели. Это был довольно характерный признак. Все в Академии об этом знали.

Мать была в темных очках в зале суда. Зачем ей прятать глаза в помещении, где нет яркого света? В семнадцать лет Терри, конечно, понятия не имел о «стертых». А теперь, спустя почти четыре года, даже вспомнить не смог, как объяснял себе темные очки, когда был слеп.

— Я лекарь, верно, — после долгой паузы признал Римари. — И поэтому я вижу, что ты нездоров.

— Это простительно. Я только сейчас понял, что мою мать отравили, — хрипло сказал Терри.

— Кто?

«Парлас» — мог бы ответить Терри, если бы мог позволить себе бросаться такими обвинениями в Академии, где госпожа Аранья Парлас была куратором по научной работе, а он — всего лишь королевским заложником.

«Король» — а вот это было бы точнее и лишь самую малость безопаснее, если не принимать во внимание, что сам Алек Римари происходил из древней и уважаемой семьи и служил в Королевской лечебнице.

Терри предпочел просто солгать.

— Антеро Риттау, — сказал он и растянул губы в ничего не выражающей, насквозь фальшивой улыбке. Это было сродни тому, как он улыбался в темноте, когда понял, что Вария предала его. Сейчас он потерял нечто не менее важное, чем любовь девушки: веру в своего короля. А вместе с ней надежду, что рано или поздно он вернет все, чего лишился тогда, в зале суда. Что он приобрел взамен? Понимание, что дом Риттау не настолько влиятелен, чтобы привести в действие настолько масштабный план.

План имел поистине королевский размах.

Шутка ли: наводнить Академию агентами, чтобы создать яд для королевской советницы.

«За что?» — спрашивал он сам себя раз за разом и никак не мог найти разумный ответ. Король ценил свою советницу и ставил ее в пример остальным — Терри знал это так же хорошо, как то, что его имя Риамен. Зачем он так поступил с ней?

— Что заставило тебя именно сейчас думать об этом?

— Почему сейчас? — притворился удивленным Терри. — А вы не понимаете?

— Не понимаю. Постарайся объяснить.

Риамен скинул с плеч клетчатое одеяло, встал и принялся аккуратно его складывать.

— Меня отравят тоже.

— Кто? Риттау?

— Не знаю. Может быть, вы? — прищурился Терри.

— Риамен, вы выглядите чересчур возбужденным, — озабоченно сказал лекарь и положил ладонь Терри на лоб. — У вас лихорадка. С кем вы разговариваете?

— А вы с кем? — растерянно переспросил Терри. После того, как он на собственной шкуре испытал ужас, который охватывает, когда король внезапно переходит на подчеркнuto отстраненный стиль обращения, подобный маневр лекаря легко обезоружил его.

Алек Римари ловко поймал его правую руку и надавил пальцами на бьющуюся под кожей жилку.

— Учащенное сердцебиение, — пробормотал он. А затем бесцеремонно оттянул веки на обоих глазах поочередно. Терри покорно терпел манипуляции.

— Следите за моим пальцем, но голову не поворачивайте, — велел лекарь и повел палец в сторону. Затем в другую. — Видите тени, черных мушек, может быть, плавающие круги?

Терри сглотнул комок в горле. Он понял, какой ответ хочет услышать Алек Римари, но даже не представлял себе, кто по доброй воле согласится ответить утвердительно на подобный вопрос. И не где-нибудь еще, где это могут списать на переутомление или демон знает что еще, а в Академии!

— Я в порядке, мастер Римари. Клянусь, никаких теней я не вижу, — хрипло сказал он, поднимая раскрытые ладони и показывая, что сдается.

В памяти само собой всплыло бледное лицо двойника Эсстель. Он слышал, его называли «Тень».

«Надо же, какое совпадение», — мелькнула ехидная мысль.

— Нет, вы не в порядке, Риамен. Мне докладывали, что вы ведете себя очень агрессивно в последнее время. Я не могу оставить это без внимания.

Терри снова взял чашку правой рукой. Пальцы дрожали так сильно, что чай проливался через края. Хорошо, что он уже остыл — не страшно, что холодные капли скользят по голой коже. Не больно.

— Я знаю, кто донес на меня. У меня вышла размолвка с Варией... О которой я уже сожалею.

— Вария. Карьян. Радек. Тордеррик. Келва, — начал загибать пальцы Алек Римари. Терри так на него посмотрел, что лекарь счел нужным уточнить. — Не все жаловались мне лично, но слухи под куполом разносятся быстро. Я сожалею, но мне придется подписать врачебное заключение. Завтра соберется Специальная комиссия для того, чтобы вынести окончательный вердикт по вашему случаю.

— Могу я рассчитывать, что там будет Верховный магистр? — вежливо спросил Терри.

— Я легко могу это устроить.

— Прошу вас.

Алек Римари встал с террасы и взял в руки поднос с чайником и чашками.

— Должен вам сказать, что дело не в доносах. Представляете, сколько я их получаю каждый день? Сказать, что было бы, если бы у меня вдруг возникло свободное время реагировать на каждый?

— В Академии не осталось бы людей? — невесело усмехнулся Терри, который слишком хорошо знал, как это работает. Обида, ревность, зависть, глупость — любая мелочь может стать спусковым крючком, за которым последует донос, клевета или даже убийство. Если человек будет уверен в собственной правоте и безнаказанности — он не остановится.

— Именно! В Академии не осталось бы людей, — без улыбки подхватил лекарь. — Поэтому я делаю выводы только на основании того, что вижу сам. Вы всегда находились в области повышенного риска, Терри. Но сегодня я вас буквально не узнаю. Даже если бы я не знал, чем опасен делирий... Но я знаю.

— Я должен буду пить пилюли, как Маррет? — с горечью усмехнулся Терри. — Сразу целую горсть?

— Кто?

— Маррет. Его тело должны были найти под аркой у Старого прохода. Он вел себя очень агрессивно, да.

— Я ничего об этом не знаю.

«Ну да, как же не знаешь. Еще скажи, что ты не знаешь, кто готовит пилюли и раздает „стертым“. Как будто, это не о тебе говорил Келва, когда упоминал о Древнем в лечебнице, которого они беспрекословно слушаются», — мрачно подумал Терри.

— Разумеется, — с показным смирением вздохнул он. — Простите, не подумал. У них нет имен, да? Стертым больше, стертым меньше — кто считает. Мастер Римари, у меня остался всего один вопрос, вы позволите? Завтра вы будете помнить, как меня зовут?

Алек Римари внимательно посмотрел на того, кого прежде частенько называл

«племянником» и кому однажды подарил теплый шарф. Терри выдержал этот взгляд, упрямо задрал подбородок. Теперь он не вынес бы ни этой фальшивой сердечности, ни подобного родственного обращения. Даже хорошо, что Римари стал холоден и отстранился. Терри в глубине души был ему за это благодарен.

— Бессвязная речь не поможет вам выиграть это дело в свою пользу, Терри. Это тоже симптом делирия, очень яркий.

Терри оперся плечом о деревянную створку-ширму и устало прикрыл глаза.

— Бросьте, мастер Римари. Здесь только вы и я. И мы оба знаем, что я не сумасшедший.

— Ступайте спать, Риамен. Вы ведете спор с демонами в собственной голове, и я устал смотреть на это, не говоря уже о том, чтобы пытаться перекричать их. Вам стоит собраться и хорошенько все обдумать перед тем, как вы предстанете перед Специальной комиссией.

Терри поддернул за ремень отвисшие грязные брюки, оправил выбившуюся мятую рубашку, растопыренной пятерней причесал растрепанные волосы и отвесил старшему родственнику церемонный поклон.

Как бы там ни было, со стороны лекаря было великодушием позволить ему просто уйти после всех произнесенных слов. И, как бы Риамен ни злился, он все же был почти счастлив, что его, наконец, оставят в покое.

Хотя бы до конца этой мучительно долгой ночи.

Интермедия. Ялмари Карху

Долгая ночь в Академии — довольно противоречивое время. С одной стороны, праздник — и можно пораньше закончить работу. С другой — не всякий пост разрешено оставить. Опять же, если речь идет об уроженцах Акато-Риору, то у них есть свои традиции. Любой риорец с детства знает, что нужно обязательно собраться на площади с друзьями, петь фрагменты из Песней и запускать в небо летящие фонарики: одним словом, сделать темную декаду как можно более светлой, чтобы следующий год тоже был светлее и лучше, чем предыдущий. И вроде бы из этого списка в Академии категорически запрещены только небесные бумажные фонарики, но при этом Верховный магистр Эйом Арчер — не риорец, и местные традиции ему до одного места. Эйом Арчер родился в горах и поэтому проще убедить дерево вырвать из земли корни и сойти с места, чем доказать ему, что Долгая ночь в Акато-Риору — это вовсе не про то, чтобы хорошо и плотно покушать и лечь спать, пожелав солнышку успешно перебраться на светлую половину года.

Именно из-за неразрешимого внутреннего противоречия между тем, как риорцы ощущали Долгую ночь, и тем, как проводили ее под куполом (как им дозволено было ее проводить), служба безопасности Академии не любила этот праздник. Самая большая нелюбовь исходила, как положено, от начальника. У Ялмари Карху начинала болеть голова дня за три и не заканчивала в общей сложности до тех пор, пока даже самые упорные первокурсники не перестанут дурить. При этом каждый следующий год «дурить» означало разное. Студенты — народ особый, их изобретательности порой остается только позавидовать, даже если тебе сорок два и ты вот уже десять лет на своем посту заботишься о том, чтобы никто не убился сам и не убил товарища.

В этот раз снова не обошлось без дури. И опять первый курс отличился больше остальных. Ялмари Карху утопил в стеклянной пепельнице окурок, задумчиво глядя на бедное лицо девицы Аннели Хёвин. Она прятала большие яркие глаза, будто догадывалась, что Карху без труда прочитает на их аквамариновом дне все ее простые мысли и желания.

— Так как это понимать, барышня? — спросил он, стряхивая с пальцев пепел. Без особого нажима спросил: на такой нежный цветок хоть пальцем надави — переломится. Карху ломать смысла не видел. Пока — не видел.

— Что, господин? — тихо спросила барышня, теребя подол синего форменного платья. На плечах у нее был весьма узнаваемый жилет наблюдательницы Севера с меховой оторочкой. Об этом стоило поговорить еще и с самой наблюдательницей. Интересно, гадалку кто-то надоумил, или она вдруг решила, что ей все позволено?

— Твою прогулку по городу. Как ее прикажешь понимать? Растолкуй глупому старику.

Девушка молчала, и Карху начал подсказывать:

— Если тебе нечего сказать, то я начинаю думать, что это был побег из Академии, который карается высшей мерой...

— Нет! — испугалась девушка и даже подскочила к столу. Впилась ногтями в зеленое сукно на столешнице. — Не побег!

— Может и не побег, — с сомнением протянул Карху и уселся поудобнее. Склонил голову к плечу, всем своим видом выражая желание выслушать. — В самом деле, мне не пришлось поднимать своих людей на поиски. Если бы пришлось, все было бы предельно однозначно. Но ты вернулась сама, и я задал довольно логичный вопрос: «Как это понимать,

Аннели Хёвин?»

Девушка испуганно молчала, словно воды в рот набрала. Карху нетерпеливо побарабанил пальцами по столешнице, глядя на ее виноватое лицо с тонким вздернутым носом. Такому носу не шло покаянное выражение и несчастные глаза.

— Это Келва тебя вынудил сбежать своими сценами ревности?

Ему не нужно было посылать помощника в архив за папкой с ее личным делом. Он и без того отлично знал, что там написано. Тщательно проштудировал от корки до корки еще тогда, когда она стала проводить дни и ночи в комнате королевского племянника.

На нежных щеках барышни пятнами выступил румянец.

— Д-да... То есть нет, господин Карху. Я хочу сказать, что не понимаю, о чем вы говорите, — с каждым словом краска на лице девушки расползлась все обширнее, а голос звучал все неувереннее.

Карху, глубоко задумавшись, по привычке щелкнул крышкой портсигара. Не то чтобы ему хотелось курить прямо сейчас, скорее дело было в том, что он всегда тем чаще пересчитывал сигареты, чем меньше их оставалось в портсигаре. Сейчас там было пусто, только табачные крошки рассыпались по сафьяновой подложке. Карху недовольно поморщился.

— Непонимание — причина многих бед, барышня, — укоризненно сказал он. — До тех пор, пока ты не поймешь меня, я не смогу понять тебя. И помочь не смогу. А я пока что очень хочу тебе помочь. — Карху достал из кармана часы на цепочке и проверил время. — И буду мечтать об этом, самое большее, еще четверть часа. Если и тогда мы не придем с тобой к взаимопониманию, ну, извини... Я не могу уговаривать тебя Долгую ночь напролет.

— Вы хотите, чтобы я оговорила Его? — девушка особым образом выделила слово «его», будто подчеркнула.

Карху вытянул из деревянной подставки для вечных перьев одну самописку и легким движением пальцев подтолкнул к ней.

— Я не хочу, чтобы ты кого-то оговорила, я хочу, чтобы ты это записала. Либо Келва, либо Риамен. Выбирай, кто именно вынудил тебя сбежать. Я потом покажу это кому надо и мы обсудим твоё помилование в силу смягчающих обстоятельств. Все-таки иначе как доведением первокурсницы до самоубийства это назвать трудно. Еще можешь выбрать высшую меру, если угодно. Или... — Карху помолчал и добавил уже не столь настойчиво: — Или расскажи, почему гадалка Ульфа дала тебе свой жилет, какие у нее были цели. Возможно, она пыталась контролировать тебя при помощи запретной магии.

— Но... — слабым голосом попыталась возразить девушка.

— Кто-то в любом случае понесет наказание. Если не ты, то они. Если не вы, то я. Старому глупому Карху придется подать в отставку, если он не найдет виновного в чрезвычайном происшествии. Мне бы не хотелось до этого доводить, а тебе?

Он протянул ей лист бумаги. Первокурсница с добрую минуту смотрела на него так, будто он вот-вот укусит, а потом все-таки взяла перо и принялась торопливо писать. Карху мечтательно смотрел на бутылку ледяного риорского «Армо», которую поставил на книжную полку, когда привел Аннели в свой кабинет. Их долгожданная встреча состоится всего через пятнадцать минут.

Карху хмыкнул, вспомнив выражение лица, с каким Риамен презентовал ему бутылку. Глупый гордый мальчишка без капли чувства юмора в самом деле решил купить ему вино на Ярмарке, даже не поняв, что ему не совсем про вино втолковать пытались! Еще глядишь —

достанет ума требовать значок безопасника в обмен на услугу. И запомнил же про ледяное, хотя сколько времени минуло с того дня, как его пропесочили у Арчера.

«Все-таки не безнадежен», — подумал Карху.

Девушка закончила писать докладную подозрительно быстро. Дрожащей рукой подала бумагу Карху и спросила:

— Могу я идти?

Глаза у нее влажно блестели, а голос, напротив, звучал сухо. В таком тоне мог бы почудиться вызов, но это сперва нужно было допустить, что кроткая барышня с собачьим взглядом умеет дерзить.

— Не задерживаю.

Ялмари Карху даже не посмотрел на лист до тех пор, пока за первокурсницей не закрылась дверь. Проводил ее задумчивым взглядом, и только потом пробежал глазами ровные строчки. Почерк у нее был девичий: ровный, округлый, но мелкий, что говорило о скрытности при стремлении выдавать себя за «хорошую девочку».

Впрочем, такой уж хорошей Аннели Хёвин не была. Чего и следовало ожидать от такой тихони, собственно.

Карху аккуратно сложил лист бумаги, исписанный едва ли наполовину, и положил его в карман. Взял бутылку под мышку — он передумал пить такое вино в одиночестве. Погасив лампу, он запер кабинет на ключ и отправился искать укромный уголок, где Эйом Арчер решил растопить камин. В Ратуше хватало таких комнат, а Верховный магистр по какой-то удивительной прихоти считал любую из них настолько своей, что мог и поужинать где угодно, и лечь спать на любом подходящем диване, положив под голову первую попавшуюся подушку.

Недалеко от двери собственного кабинета Карху встретил имперского наблюдателя в праздничной одежде, которая отличалась от будничной лишь тем, что добавляла еще, по меньшей мере, три слоя расшитых серебром и золотом накидок. Карху не удержался от улыбки:

— Господин Ашери ар-Тилкише! Какая приятная встреча! — под удобным предлогом вежливого поклона Карху спрятал бутылку за спиной.

Имперец, не выпуская нитку черных бусин из рук, прикоснулся сперва к сомкнутым губам, затем ко лбу: в пустынном регионе О-Диура не признавали ценность рукопожатий, а кланялись при встрече на безопасном расстоянии. Причем, не столько друг другу, сколько благодаря Создателя за счастье видеть собеседника.

— Да прольется дождь к твоим ногам, почтенный Ялмари, сын Карху, — по привычке путая родовое имя с личным именем отца, поздоровался Ашери.

Карху подумал, что со стороны их вежливые раскланивания смотрелись бы пикировкой издевок: «Ашери ар-Тилкише» даже после многолетних тренировок нет-нет да и превращались в «Ассаари ар-Тилкиссё», а «Ялмари Карху» почти всегда произносилось как «Ямари Харфу». Впрочем, Ялмари был из тех людей, кто при достаточной внимательности к деталям, мало что принимает на свой счет. За годы жизни в Академии он обзавелся поистине непрошибаемой шкурой и мог бы улыбаться в ответ даже если бы имперский наблюдатель иначе как с насмешкой и не обращался к нему никогда.

— И вас, почтенный, да не обойдет своей милостью Создатель, — задумчиво ответил Карху, гадая, увидел ли Ашери вино или просто так ляпнул насчет пролившегося под ноги дождя. Для пустыни это, возможно, неплохое пожелание, но в Акато-Риору дождям никто не

рад. Ашери был большим любителем риорских вин и всегда очень расстраивался из-за строгих правил Академии насчет алкоголя. Чтобы проверить, в самом ли деле Ашери пришел в дурном расположении духа, Карху решил над ним подшутить: — Надеюсь, вы пришли в столь поздний час не для того, чтобы пожаловаться на моих студентов, укравших ваши вещи и развесивших на деревья? Право, я сегодня не удивился бы даже такому.

Имперец невольно оглядел свои цветные накидки: изумрудную, золотую и бордовую, одетые одна на другую и слабо улыбнулся, показывая, что находит шутку очень и очень уморительной. Судя по всему, он точно знал, что самое лучшее из его гардероба прямо сейчас надето на нем, а не красуется на деревьях, и потому не купился на розыгрыш.

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас за все добро, что вы сделали для меня, досточтимый Ямари, сын Харфу. Мою почту перестали держать на проверке декадами и вручают с должным почтением, не иначе как по вашему настоянию. Я смиренно благодарю вас за участие к моей печальной судьбе бесправного чужака и несчастного наблюдателя и по вашему обычаю хочу подарить подарок, — вопреки обыкновению, Ашери был немногословным сегодня и сразу перешел к сути, не расхаживая вокруг да около.

О «несчастных и бесправных наблюдателях» у начальника службы безопасности Академии было собственное мнение, но он предпочел держать его при себе, как всегда. Ашери нравился многим — в том числе Карху — и ему многое прощалось. Но он в самом деле был куда как более приятным наблюдателем, чем его предшественник. Ашери достал из безразмерного кармана накидки хорошо знакомую Карху упаковку горчичного цвета с узнаваемым знаком лучшей табачной фабрики города Амират.

— Как смиренный наблюдатель, я мог располагать всего лишь словами благодарности, но что вам проку, если я осыплю ими вас с ног до головы. Поэтому я написал моему императору с нижайшей просьбой оказать содействие и присовокупить к моим благодарностям толику материальных благ. Мой император в ответ просил передать вам это от своего имени вместе с заверениями в искренней признательности. Он высоко ценит ваше содействие интересам Империи, мудрый Ямари, сын Харфу.

Принимать подарки следовало двумя руками. Карху усмехнулся своей предусмотрительности, сыгравшей с ним дурную шутку, и, мысленно попрощавшись с ледяным вином, вручил со всеми положенными благодарностями и пожеланиями ответный презент имперцу. Тот просиял. Может, в самом деле видел, что Карху прячет от него бутылку за спиной, а теперь, когда пузатое сокровище оказалось у его руках, расслабился, разулыбался. Расстались они чрезвычайно довольные друг другом и своим сотрудничеством, пообещав и впредь помогать друг другу во всем.

Арчера долго искать не пришлось. Как и думал Карху, тот устроил себе праздничный ужин не в собственном кабинете, до которого нести поднос слишком долго и высоко, а парой этажей ниже, в одной из комнат с камином. В очаге уютно потрескивали поленья. Отсветы огня играли на желтоватом лице Арчера и скользили по темному стеклу бутылки.

— Прошу прощения за вторжение, — приветствовал Карху, входя с дежурным поклоном.

— Да, ты можешь войти и составить мне компанию, — великодушно разрешил Арчер. — Я достаточно уже побыл один, чтобы у меня возникло ощущение, что совершенно никто не нуждается в моем мудром руководстве.

С этими словами он сделал большой глоток вина из хрустального имперского бокала.

— Мне остается только позавидовать такой предусмотрительности, — улыбнулся

Карху. — Каждый раз Долгая ночь проходит так, что я жалею, что вовремя не заперся где-нибудь, где меня никто не сможет найти.

— Что на это раз?

— Риамен вернулся от короля с порезанной рукой. Я отвел его к Римари на освидетельствование. Просил дать парнишке какое-то противоядие от «янтарной слезы» и магии крови, но Римари сказал, что противоядия не существует. Нам придется либо стереть мальчишку совсем, чтобы не вводить короля в искушение, либо доверять ему. Римари так и сказал: «доверять». Я бы выразился иначе: мы должны быть уверены в его преданности, иначе это доверие слишком дорого будет нам стоить.

— Мы с самого начала знали, что рано или поздно это случится, — спокойного ответил Арчер, глядя на пляшущие в камине языки пламени. — Если король не пожалел свою советницу, с чего бы ему жалеть ее сына? Ты в самом деле удивлен или за этим показным возмущением скрываешь подлинную цель своего визита?

— И то, и другое, — честно сказал Карху, пододвигая к камину еще один стул. — Мое возмущение совершенно искреннее. Все так стремятся воссоздать магию контроля, но никто не придумал надежной защиты. А ведь любое оружие можно обратить против того, кто его создал.

— В том числе этого мальчишку, — кивнул своим мыслям Арчер.

— Я имел в виду... — растерялся Карху. Он только-только потянул из кармана бумагу, которую получил от Аннели Хёвин, собираясь предъявить ее в качестве аргумента, но остановился: разговор явно свернул в иную сторону.

— Мы с тобой уже говорили об этом, когда Парлас привела королевского племянника. Пора еще раз вернуться к тому разговору и прояснить некоторые щепетильные моменты. Как бы нам ни было печально признавать это, но Терри Риамен — живая, думающая и непредсказуемая угроза безопасности Академии. Я принял его не только потому, что не видел смысла обострять и без того непростые взаимоотношения с королем, но и в надежде, что ты, мой друг и сама Парлас, станете контролировать мальчишку. Я полагал, что на протяжении его обучения вы будете предпринимать все возможные меры, чтобы к тому моменту, когда король решит использовать племянника в своих целях, он уже был полностью предан нам. Разве мы можем быть в этом уверены сейчас, когда он возвращается из города пьяный и с порезанной рукой?

— Боюсь, что нет, — признал Карху. — Риамен как был себе на уме, так и таким и остался.

— Ты хотя бы сказал ему, что его мать убрали с поста совершенно сознательно и хладнокровно?

— Я думал, будет лучше, если он сам начнет доискиваться правды, — с досадой проговорил Карху. — Иначе он мог бы подумать, что мы лжем ему, чтобы управлять. Я бы так подумал.

— Кажется, ты несколько переоценил его самостоятельность, — едко прокомментировал Арчер. — И недооценил готовность нарушать правила.

— Если начнешь нарушать правила, потом бывает трудно остановиться, — философски заметил Карху. Именно этот момент казался ему самым логичным, если речь заходила о королевском заложнике. — Завтра Риамен предстанет перед Специальной комиссией, и только слово Верховного магистра будет иметь решающее значение: стереть его, пока он ничего не испортил, или попробовать перековать.

— Мое мнение не изменилось. Если Риамен перестанет быть полезным королю, и тот выскажет мне свое недовольство по этому поводу — я сумею пережить. Признаться, мне очень импонирует мысль, что в серой куртке Терри Риамен, наконец, успокоится и начнет соблюдать установленные правила. Но это не значит, что я одобряю такую процедуру без медицинских показаний.

Арчер строго посмотрел на Карху. Тот вздохнул: понял, что решать и отвечать, в случае чего, придется только ему. Не привыкать, собственно. Вот только до сих пор, за все время службы, Карху не встречались настолько ненадежные люди, как Терри Риамен.

Глава тридцать третья. О потерянном времени

Маятник настенных часов ходил туда-сюда, а Терри провожал его взглядом. Странное дело, что при таком способе убить время острые черные стрелки не прилипали намертво к циферблату, а напротив: рывками перемещались между делениями. Казалось, только что вся ночь была в его распоряжении, но она быстро уменьшилась сперва на треть, потом наполовину, а теперь от нее и вовсе остался небольшой огрызок.

А Терри не спал.

Хотя думал, что уснет, едва голова коснется подушки. Видимо, переоценил свою усталость: провалявшись в кровати пару часов, признал ошибку, умылся, ополоснул голову холодной водой и надел чистую белую рубашку. Зажег лампу, достал красную книгу и принялся читать, но и тут потерпел неудачу. Глаза постоянно соскальзывали со строчек и возвращались к циферблату часов. Спустя какое-то время такого «чтения» Терри ловил себя на том, что уже давно следит за ходом маятника, а страницы листает бездумно, механически.

На самом деле, Терри сложно было читать книгу короля этой ночью не из-за того, что она была написана сложным языком или так хитро составлена, чтобы защищать тайное знание от невнимательных читателей. Вовсе нет. За минувшие декады он успел привыкнуть к ее языку, и хитрости составителей уже не работали так хорошо, как тогда, когда он открыл ее впервые.

Дело было в том, что теперь Терри не мог относиться к этой книге, как прежде.

Впрочем, как и ко всему, что получил из рук светлейшего величества. В том числе к своей жизни в Академии.

Ко всему, что сейчас составляло его жизнь.

На письменном столе лежали чертежи «белого огня». Арри любил их едва ли не больше, чем сам Терри. Наверное, его друга привлекала противоречивая, нелогичная в своей сказочности древняя магия, на основе принципов которой Терри и пытался создать свой «кнут Атайры». Если подумать, жадный интерес Арри не только подстегивал желание Терри продолжать работу над кнутом, но и временами вызывал лишнюю нервозность. Ради друга нужно было сделать проект быстро и без ошибок, а Терри так не умел. Может быть, именно поэтому он обещал отдать кнут Карьяну в обмен на допуск в лабораторию, где доводят до ума Неспящих? Помощь научной группы позволила бы проекту продвигаться, вне зависимости от того, способен ли Терри на научные подвиги после всех отработок или нет. У Карьяна ни один проект не застревал, этот парень обладал поразительной трудоспособностью и тем выгодно отличался от непостоянного, зависимого от внешних стимулов, Терри.

А еще в лаборатории хранились красные линзы, которые просил сотник. Они были ему нужны настолько, что он предложил в обмен рассказать, за что умер Маррет. В свете новых обстоятельств Терри было еще любопытнее, что расскажет Риттау, а о чем будет молчать, несмотря на прямые вопросы.

Все это казалось таким важным еще позавчера. Ради «белого огня» Терри был готов на многое: он пек пирог, искал опытного техника из отдела отладки и согласился пройти через все испытания, которые придумает Келва, прежде чем допустить его на свои собрания. Ради «белого огня» и красных линз Терри подвел единственного друга. А может быть даже предал

— если вспомнить, что Арри боялся, что не сумеет получить диплом со своим светляком, потому что с некоторых пор защититься можно только с оружием. Стоило оно того?

Он променял друга на какие-то дурацкие линзы и кнут, которых он, может быть, даже не увидит никогда. Какой кретин мог так поступить?

Терри запустил пальцы в волосы и сжал в кулаке, не жалея.

Все эти амбициозные, сложные планы теперь казались бессмысленно хрупкой пирамидой из карт: что ему с ними теперь делать, если прямо сейчас ему хочется выйти из окна, лишь бы больше никогда и ничего не делать в пользу короля?

Как жить дальше, если Эриен по-прежнему будет давать ему поручения и ждать результатов? Если рядом постоянно будут находиться такие люди, как десятник Паташ, Арания Парлас и Алек Римари, — что им стоит заставить Терри подчиняться приказам при помощи тех янтарных пилюль?

Матовый черный маятник качался из стороны в сторону. Мерно щелкал часовой механизм.

Терри думал. Ему больше ничего не оставалось, кроме как пересыпать в памяти сухие песчинки минувших дней и гадать, как все сложилось бы, поступи он иначе.

В какой-то степени, было даже приятно признать себе в том, насколько все стало пустым и бессмысленным. Даже то время, что имелось в его распоряжении до утра — что с ним прикажете делать? Утром его будут судить, а за ним нет вины, он не помешанный. Если бы он своими глазами не видел, что досадная невинность подсудимой ничуть не помешает судьям обвинить, наказать и отнять у человека все — он бы надеялся на лучшее.

С другой стороны, бакалавр боялся «стирания» ровно в той же степени, как и того, что его все-таки побоятся тронуть, и все останется, как было.

Терри отчаянно не хотел, чтобы все оставалось, как было. Он боялся оставаться один против короля и его людей, потому что отныне он знал, что ему за это будет.

Его мать подло подставили, оклеветали, изгнали и отравили. Его самого лишили имени и будущего. Это уже нельзя отменить. С этого дня Терри придется жить с осознанием того, что его жизнь и все, чего он в этой жизни добьется, станет принадлежать королю. Человеку, который способен уничтожить того, кого всегда превозносил как надежного соратника и верного друга. Родную кровь!

Каким же наивным глупцом он был, когда мечтал, что однажды король сдержит свое слово и сделает его советником! Какой прок от места в совете, которое боятся занять люди, имеющие голову на плечах? Об этом ему говорили искатели, а он не услышал.

Ход маятника внезапно напомнил Терри об имперских публичных казнях. За воровство отрубали руки секирой, за измену — голову. Он сжал правую руку в кулак. Была бы сейчас рядом хоть одна мерзкая рожа — бросился бы в атаку первым, без раздумий, скорее из ненависти к себе, чем к кому-либо еще. Но на счастье, он был совершенно один.

За неимением достойных противников, Терри боролся с собой. Обвинял себя. Тишина была его сочувственным свидетелем, она же выступала на стороне обвинения.

Тишина может быть очень громкой, если в груди дерутся скорпионы.

Терри молча следил за тем, как скользит острая черная стрелка по белому кругу, отмеченному делениями. Пожалуй, у него было столько же причин назвать себя идиотом, сколько есть делений на циферблате. Он начинал считать и сбивался на втором десятке. И постоянно возвращался мыслями к искателям, которые, кажется, с самого начала все знали.

И молчали.

Шеф-искатель, старая облезлая лиса, общался с Терри намеками, которые невозможно понять в семнадцать лет, да и в двадцать — та еще головоломка, особенно если не знаешь ключевого слова. Риамен готов был дать правую руку на отсечение: Фарелл всегда знал про яд и ничего не собирался предпринимать, а по-настоящему его интересовал только один вопрос: куда направлены те деньги, которые украла советница.

«Якобы украла», — поправил себя Терри. Он настолько привык думать о матери, как о преступнице, что ему приходилось тщательно следить за своими мыслями и исправлять их, чтобы не свалиться в привычку осуждать ее. Его мать — такая же жертва обстоятельств, как и он сам. Об этом нельзя было забывать.

А кто настоящий вор?

Может быть, сам король?

Или все-таки Парлас с молчаливого одобрения короля?

Им ведь нужны были те немислимые деньги, о которых говорил Стейнар. Те деньги, которых хватило, чтобы купить у Севера пророчицу и чтеца. Вряд ли советница Риамен одобрила бы такие расходы и такие основания, если бы король обсуждал их с ней.

Терри стиснул челюсти так сильно, что разом заныли все зубы.

Деньги, полученные посредством предательства и клеветы, пошли на то, чтобы предательства и клеветы в мире стало еще больше. Будь они прокляты, эти деньги!

Он снова посмотрел на свои чертежи, а потом перевел взгляд на окно. Барьер над Академией ловил первые красные лучи. Солнце еще не встало, тяжелые грязные тучи нависали над Белым городом, но Академия первой ощущала наступление нового дня. Долгая ночь вот-вот закончится. Начнется новый год. А для Терри начнется новая жизнь.

Он сел за письменный стол, посмотрел на чертеж, провел пальцами по знакомым линиям со следами многочисленных исправлений. Поиск нужных углов и расположения узлов сопротивления шел мучительно медленно, но вот этой, крайней версией Терри почти гордился. Она все еще была перегружена, все еще далека от совершенства, но должна была работать. На ее основе можно было собрать прототип.

Терри открыл ящик стола и вытащил ножницы.

К исходу второй ночи практически без сна у него кружилась голова, и черные ленты уже не просто змеились на периферии зрения, а буквально застили глаза, но соображал он на удивление ясно.

Проверив остроту лезвий на свободном участке, он принялся за дело.

* * *

К тому моменту, когда к дверям Дома-Ратуши подошел дежурный смотритель со связкой ключей, Терри уже был там. Вычищенный мундир сиял всеми пуговицами — Риамен добросовестно отполировал каждую, обмакивая мягкую тряпочку в средство для очистки очков. На голове красовалась форменная фуражка. Невыспавшийся, хмурый мужчина, с сизой щетиной на щеках глянул на бакалавра недружелюбно.

— Кто такой?

Терри усмехнулся. Почему-то раньше не так бросалось в глаза, что в Академии любой разговор начинается с того, что люди стремятся выяснить, с кем имеют дело. Должно быть, правду говорят, что знать имя человека — значит вершить его судьбу. Составлять доносы, например.

Терри назвал и добавил, что пришел на заседание Специальной комиссии.

— Ты рано, — проворчал смотритель, с натугой проворачивая ключ в замочной скважине. Должно быть, механизм запора начинал выходить из строя, а среди магистров не обнаружилось ни одного, кто нашел бы время и желание починить его. — Ступай и сиди в своей комнате, пока за тобой не придут. Или поешь что-нибудь.

— Я не могу, — с обезоруживающей улыбкой развел руками Терри. — Кусок в горло не полезет. Я бы подождал в Ратуше, если позволите.

— Страшно тебе?

— Очень, — честно ответил Терри.

Смотритель открыл двери. Вестибюль все еще не вполне избавился от следов недавнего ремонта и запаха штукатурки. Паркетные полы еще нуждались в чистой воде и полировке, но агитки уже висели на своих местах. Натолкнувшись взглядом на призыв: «Во имя науки ради светлого будущего», Терри кивнул плакату, как старому знакомому. Он помнил первое впечатление, какое произвели на него изломанные буквы и белый силуэт купола Великой библиотеки на фоне черных остроконечных крыш Акато-Риору.

На самом деле, он уже очень хорошо представлял себе это «светлое будущее» и какая именно наука будет в нем особенно востребована.

В тот день он заподозрил, что Арчер хочет войны, и эта догадка заставила его смотреть на Верховного как на одержимого неумной жаждой власти безумца. Это наверняка было заметно во время их первой беседы и сыграло не в пользу Терри.

Теперь он знал, что войны хочет не только Арчер, но и Эриен, Парлас, Келва... Право, проще было бы перечислить тех, кто вовсе не желал перемен. Если получится таких найти, конечно.

Себя Терри к таковым не относил.

— Что ты успел натворить, бакалавр, что ради тебя Специальную комиссию собирают? — спросил смотритель. Сквозь неодобрительный тон сквозил плохо скрытый интерес к чужой трагедии. Терри не придумал хороший ответ в первую минуту, и магистр задумчиво поцокал языком: — Прийти и послушать, что ли, в чем тебя обвиняют?

— А это разрешено? — не поверил Терри.

— Это не запрещено, — пожал плечами смотритель, пряча ключи в карман белого плаща. — Обычно приходит кто хочет. Другое дело, что мало кто знает. У меня как-то стерли приятеля, а я только потом узнал... Все пропустил — и предупреждения, и слушание. И он ничего не сказал. Я думал, что увижу его, как всегда, на рабочем месте, а увидел спустя три декады... с ведром извести.

Смотритель заметно помрачнел и глянул на Терри так, будто тот лично был виноват перед ним и его приятелем.

— Так что, Риамен, пойдём? Ты уж не обессудь, но если я открою для тебя зал заседаний, то там же и запрю до слушаний. Там часть архива, его не положено оставлять на случайного человека. Сходи хоть облегчись, не то будешь с нетерпением ждать приговора, — хмыкнул он.

Терри попятился, зачем-то придерживая рукой форменную фуражку. Когда так близко надвинулась перспектива просидеть невесть сколько часов взаперти, он вдруг понял, что никто не будет возражать против присутствия Арри. Если только сам Арри... Но это никак нельзя узнать, если не спросить у него самого.

— Спасибо, что предупредили. Я вернусь позже, — он отошел на пару шагов, а потом

все же не удержался и обернулся, чтобы бросить хулиганское, в своем прежнем стиле: — Передайте им, чтобы без меня не начинали.

— Да уж будь уверен, — хохотнул смотритель, но почти сразу посуровел. — Если дело будут разбирать без тебя, его точно решат не в твою пользу, так что не опаздывай. Слышал?

— Я вернусь, — повторил Терри и вышел на улицу.

Не успел он отойти от Ратуши на дюжину шагов, как увидел, что к нему спешит северная провидица. Русые волосы на этот раз не лежали текучим водопадом на узких плечах, а были заплетены в две смешные косички и подвязаны белыми лентами. Круглое лицо северянки от этого сделалось совсем детским. Она махала ему рукой, причем не так, как обычно делают, когда приветствуют, а наоборот — когда прощаются. Несмотря на то, что Терри знал, что на Севере привычные жесты имеют несколько иное значение, ему все стало не по себе. Дурные знаки преследовали его на каждом шагу и тянули за собой дурные мысли.

— Я знала, что найду тебя здесь, — первым делом объявила запыхавшаяся Ульфа, когда оказалась рядом и буквально повисла у Терри на локте. Заглянула ему в лицо и строго спросила: — Ты убедил Стейнара, чтобы он вернулся домой?

Терри осторожно высвободил локоть из тонких пальцев провидицы.

— Насколько мне известно, нет.

Светлые, как льдинки, глаза северянки смотрели недоверчиво.

— Но ты отдал ему медальон, да? — с надеждой уточнила она.

— Стейнар сказал, что он ему не нужен. Это с самого начала была плохая идея, Ульфа, — вздохнул Терри. Он чувствовал, что должен был злиться на девушку, взявшую с него обещание, выполнение которого подвело его под стирание, но не мог.

Правда, обниматься с ней тоже не было ни малейшего желания.

— Все должно было получиться, — выдохнула девушка. — Камни сказали, что все получится.

— Те самые камни, которые предали тебя? Из-за которых тебя продали? — срезал Терри, и Ульфа осеклась, хотя до этих слов явно собиралась сказать еще что-то. Риамен пренебрежительно дернул плечом и посмотрел на пророчицу как на неразумного ребенка: — Скажи, ты в самом деле думала, что у короля не выйдет достать три белых камня подряд?

«Это не сложнее, чем заставить всех поверить в измену советницы и списать недостачу в казне на измену», — подумал он.

— Нам неизвестно, какими путями ведут нас Хранители, — тихо ответила Ульфа. — Даже если дорога страшит, рано или поздно, они выведут нас к свету.

Терри двумя пальцами поправил козырек фуражки так, чтобы солнечный свет не резал глаза. После бессонной ночи ему трудно было выносить его.

— Я правильно понял, что прежде ты просила передавать сообщения Парришу и Стейнару... Карьяна?

— Откуда ты?..

— Догадался. Ну?

Ульфа опустила глаза, и ей не потребовалось подтверждать, что Терри угадал. Он сразу же задал следующий вопрос:

— Так почему ты не передала медальон с ним?

— Я боялась, что он отнесет его Парлас, — прошептала Ульфа. — Меня предупредили, что он может так поступить.

Терри прищурился.

— А почему ты не хотела, чтобы медальон попал в руки Парлас?

— Потому что она страшная женщина. Она слишком умна и жестока, а медальон очень важен для меня.

— Это не медальон, а чтец. И ты боишься, что она заберет твой и ломает, чтобы сделать собственный, — подсказал Терри. Ему не доставляла удовольствие игра в недомолвки, и он стремился прояснить сразу все, чтобы не оставить Ульфе возможности делать вид, будто медальон всего лишь дорогая безделушка.

— Да, — только и сказала Ульфа, опустив глаза. Ее тонкие руки теребили подол фартука, который она носила поверх черного платья.

Терри некоторое время смотрел на симметричный узор из множества разноцветных пересекающихся линий, прежде чем сказать:

— Парлас сделала бы это по приказу короля. Рабочий прототип нужен ему.

Девушка кивнула. Значит, знала.

— А я его племянник. Приказы короля распространяются и на меня тоже, — из-под опущенного козырька проговорил Терри.

Ульфа вскинула голову и округлила губы. Широкие подвижные брови красноречиво надломались, выдав ее потрясение.

— Как же так?

— Тебе никто не сказал?

— Нет, но камни сказали, что все совсем наоборот! — звонко воскликнула она, стиснув маленькие кулаки. Терри подумал, что эти острые девичьи кулачки сейчас начнут его колотить, и предусмотрительно отступил на шаг.

— Я отдал его. Прости, но у меня не было выбора. Послать Карьяна было бы мудрее. Он ненавидит короля и не стал бы подчиняться. Наверное.

Ульфа, скорее всего, даже не дослушала его. Крупные слезы заблестели в уголках узких чуть раскосых глаз. Она зажала рот ладонями и, крутанувшись на каблуках, убежала прочь. Терри постоял, глядя ей вслед и раздумывая, почему так получается, что все девушки убегают от него вот так, в слезах или в ярости, и всегда ли так будет впредь.

И самый главный вопрос: почему он должен чувствовать себя виноватым всякий раз, когда так происходит?

Хотя, возможно, стоило хорошенько поразмыслить над другим, не менее важным вопросом: почему все они вечно выбирают между ним и Карьяном? Что этот заносчивый ублюдок планирует делать с целым гаремом сбежавших от Терри обиженных девушек?

Но Терри предпочитал поменьше думать об этом. Чтобы скрежетать зубами на Карьяна ему не нужен был список имен. Достаточно и того, что Вария теперь сидела рядом с ним. Да, Вария — яркая темпераментная девушка, очень красивая и очень раскованная. Она не могла долго оставаться одна. Это Терри прекрасно понимал, полным дураком он все-таки не был. И он бы простил, выбери она кого угодно другого. Не Карьяна. Только не его.

Встреча с Ульфой пошатнула уверенность Терри в том, что он в самом деле хочет разговаривать с людьми в такое утро. Он задумчиво оглянулся на ратушу, посмотрел в сторону зеленых дверей второй равинтолы. Поторговавшись с совестью, Терри все-таки свернул с дороги, ведущей к Великой библиотеке, где он мог встретить Арри.

Риамен пообещал себе, что не станет слишком задерживаться в равинтоле, возьмет только чай и какую-нибудь сладкую булку. Это займет всего-то минут десять. Кто знает, как

пройдет разговор с другом, который больше не желал разговаривать с ним? Может, эта грешная булка станет единственным светлым моментом этого безнадежного дня.

Или в принципе — последним.

Хмурясь, Терри вошел в равинтолу. Потревоженная его появлением музыка ветра переливчато зазвенела. В зале было довольно прохладно, поэтому вешалка стояла пустая — никому не пришло в голову снять куртку, даже техникам, хотя у них работенка чаще всего грязная была. Несколько кепок висели на прибитой к стене длинной доске с медными шляпными крючками.

Карьян сидел за столиком один, лицом к двери. Едва Терри вошел, он поднял голову от тарелки и уставился на нового гостя с непроницаемым выражением. Риамен напоролся на этот взгляд как на торчащий из половицы гвоздь. Первым побуждением было уйти прочь тут же. Но Терри решил, что этим доставит ему удовольствие, а доставлять удовольствие Карьяну в его планы не входило никогда.

Повесив форменную фуражку среди кепок, Терри ладонью пригладил отросшие волосы и направился к стеллажу с хлебом. Как он и боялся, сладкие пироги в очередной раз не вписали в меню. А ведь это первый день года. Когда, как не сейчас, им появиться на столах магистров, и без того давно не евших ничего вкуснее перетертых овощей и запеченной рыбы?

К слову о рыбе, все закрытые пироги были начинены именно ей. Должно быть, это для того, чтобы порадовать привыкших к будничной рисово-яичной начинке жителей Академии.

Терри печально вздохнул. Открыл стеклянные дверцы буфета, взял из хлебной корзины пресную булку, обсыпанную пряными семенами, придававшими ей хоть какой-то вкус, и направился к кипятивнику за чаем. Там же он рассчитывал раздобыть плоску с медом. С этим богатством он сел за ближайший столик, разрезал булку на две части и принялся неспешно растягивать кончиком ножа янтарный мед. Перед ним стояла нетривиальная задача: добиться того, чтобы небольшой порции меда для чая хватило на два кусочка пресного хлеба.

Риамен сел таким образом, чтобы видеть затылок Карьяна, но умник сперва развернулся вполборота и следил за ним вполглаза, а потом и вовсе собрал тарелки и направился в его сторону. Когда Карьян поставил поднос на его столик, Терри как раз покончил с первым ломтиком и принялся за второй.

— Почему тебя. Не видно на занятиях? — отдельно, в своей обычной отрывистой манере спросил Карьян, усаживаясь на свободный стул.

— Дела, — глядя куда-то выше плеча Карьяна, равнодушно ответил Терри.

— Ты болен?

Терри стиснул в кулаке столовый нож.

— Чего ты хочешь, Карьян?

— У нас был договор. Я хочу видеть тебя в лаборатории. Сегодня тебя ждать?

Терри живо вообразил себе, как вытянется лицо Карьяна, если он сегодня вечером ввалится в лабораторию в серой куртке, и широко улыбнулся. Умник, очевидно, вбил себе в голову, что «белый огонь» уже принадлежит ему, и был недоволен, что его по неизвестной причине заставляют ждать. То-то он взбесится, когда поймет, что все упустил. От «стертых» глупо ждать помощи с научной работой. Они могут только улицы мести и кирпичи укладывать. И то, пожалуй, не каждый из них шнур-причалку натянет.

— Жди, — с удовольствием пообещал Терри. — Говорят же: «Кто умеет ждать,

дождется большего».

— Не понимаю, над чем тут смеяться, — покачал головой Карьян и взял ложку.

Терри с минуту понаблюдал за тем, как спокойно хлебает суп Карьян. Риамен не мог бы похвалиться такой выдержкой: у него в присутствии бывшего куратора обычно пропадал аппетит.

— Не знаешь, над чем я смеюсь? Давай объясню, — предложил он, когда терпеть подкатившее к горлу раздражение стало совсем невмоготу. — Ты с первого курса заглядываешь в рот Парлас, ходишь за ней хвостиком и выполняешь все, что она скажет. А она в это время работает на короля, смешивает для него яды и — хочешь еще насмешу? — именно она отдала королю Распознающую печать, над которой вы все тут работали в режиме страшной секретности. Так что ты там говорил насчет того, чтобы лучше бы поджарил себе мозги, лишь бы не жить на королевском поводке? Подумай еще!

Терри смял салфетку в кулаке и с размаху бросил на ее стол. Резко встал — ножки стула протестующе закрипели — и направился к выходу, не заботясь о чашке с недопитым чаем. Снял с крючка фуражку и нахлобучил ее на голову уже бегом спускаясь по ступенькам.

Рот неудержимо кривился, дышать становилось все труднее из-за комка в горле. Вспоминать непроницаемое лицо Карьяна было до тошноты противно. Как он мог так спокойно выслушивать то, что в представлении Терри должно было перевернуть с ног на голову все его мировоззрение? Как он в принципе мог стать лучшим студентом с таким тупым незаинтересованным лицом?

Все складывалось совсем не так, как Риамен планировал. Так просто было сидеть в тихом полумраке, в одиночестве, учиться спокойствию у мерно тикающих часов и думать о том, что он скажет всем этим людям, если увидит их утром.

Явно не то и не так, как это прозвучало. Карьян даже ничего и не понял, ему надо было по слогам растолковать и обязательно терпеливо дожидаться, пока осмыслит. А бедная Ульфа не заслужила, чтобы он насмеялся над ее наивной деревенской верой. Может быть, ей так проще? Вот у него, Терри, нет веры, что Хранители ведут его к свету, — не от этого ли он сейчас готов на стенку лезть и выть, как пес с прокушенной лапой?

«Если с Арри тоже не выйдет поговорить по-человечески, пусть лучше сотрут», — огорченно думал Риамен, машинально проверяя, лежит ли все еще в брючном кармане конверт.

Найти Арри оказалось гораздо проще, чем ожидалось. Занятия еще не начались, но студенты уже собирались на ступенях библиотеки. Терри издали заметил очкарика, сторонящегося остальных. А когда увидел, как тот очкарик пятерней отбрасывает со лба отросшие пряди, в груди будто что-то кольнуло. Если все пойдет не так — а день начинался с такого количества неудач, что еще одна не выбьется из общей закономерности — Терри больше никогда не сможет обрадоваться при виде друга.

Это банальное открытие — уже завтра ему все будет одинаково безразлично — потрясло даже больше, чем мысль об окончательной и неизбежной смерти.

До чего же подло не убивать человека, а «всего лишь» лишать его эмоций! Совсем недавно Терри верил, что так поступают только с теми, кому и впрямь нужна помощь, для кого это будет облегчением. Как выяснилось, эта вера была наивна примерно в той же степени, как и вера наблюдательницы Севера в то, что камни подсказывают ей, как будет лучше.

Терри остановился, когда понял, что Арри заметил его, и помахал рукой. Подходить к

студентам на расстояние долетающих слов он не рисковал. Мало ли, что они скажут и на какие вопросы придется отвечать, а он не хотел никаких, ну совсем никаких новых конфликтов в это утро. Терри считал, что ему уже вполне достаточно. Он видел широкие плечи Тордеррика и не питал иллюзий насчет опасного оборота, какой может принять даже самый короткий разговор с горцем.

Пусть лучше Тордеррик разговаривает с ним уже после того, как у Терри отберут все эмоции. После — пусть хоть бьет. Хотя если попробует — мигом схлопочет красный лист. Терри усмехнулся. Ему показалось неожиданно забавным, что он так быстро нашел преимущества в том, чтобы быть «стертым». Спокойный сон, плотное пятиразовое питание, простая работа и никакого интереса со стороны короля — все это звучало как милость Создателя в сравнении с тем, что он имел сейчас.

И ему больше не придется оставаться одному.

После «нейтрализации» за человеком всегда будет кто-то присматривать и оберегать от неприятностей.

Вот будет забавно, если вместо того, чтобы умолять комиссию о снисхождении и обещать трудиться вдвое усерднее на благо Арчера и его будущей войны за независимость Академии, королевский заложник и двойной агент Риамен станет настаивать, что они должны стереть его личность. Терри хотел бы посмотреть на их лица в этот момент.

Арри подошел к Терри, но остановился не рядом, как всегда, а сильно дальше. Поправил ремень сумки на плече. Склонил голову набок, отчего по линзам очков скользнул яркий блик, отраженный от барьера, и Риамен перестал видеть его яркие синие глаза.

— Где пропал? — первым спросил Арри, и Терри пришлось подавиться тщательно заготовленным небрежным приветствием, которое он считал идеально подходящим к случаю, когда нужно пригласить сына судьи на слушание дела друга.

— Ходил в город, — скованно ответил Терри, почти сразу же пожалев, что выбрал эти два слова. Они настолько плохо годились для описания минувшего дня и ночи, что даже та ложь про поножовщину в порту из-за девушки, выглядела больше похожей на правду.

— Опять к королю? — скучающим тоном уточнил Арри и оглянулся на библиотеку, будто ему гораздо важнее было не опоздать на занятия, чем узнать подробности.

— Сначала к искателям, — Терри поймал себя на том, что опять тянется к фуражке, чтобы опустить козырек до кончика носа и спрятать от друга выражение лица. Спрятал руки в карманы. — Потом к королю.

— И тебя пустили к искателям? Не перехватили на пороге?

— Не перехватили. Король не боится искателей. С чего бы. Они все лживые подонки и психи притом, — мрачно охарактеризовал Терри, вспомнив настойчивые тычки Доурелла и абсолютное равнодушие Фарелла, когда тот узнал, что гостя опоили золотым вином.

— Мой отец уважал искателей, — прищурился Арри.

Терри закусил нижнюю губу. Пожалуй, хорошего разговора не получалось. В правом кармане шуршал и кололся уголками конверт. Риамен зажал бумагу между указательным и средним пальцем, достал конверт и протянул Арри.

— Это «белый огонь». Возьми, и можешь делать с ним, что хочешь, — сглотнув комок в горле, произнес Терри.

Арри не спешил принимать конверт, и Терри чувствовал себя все более глупо, держа вытянутую руку на весу.

— Ты отдал его Карьяну. Забыл?

— Нет, не отдал. Я могу отдать его только тебе. Не возьмешь?

Арри возвел глаза к небу, но все-таки сделал шаг вперед и конверт взял. Повертел в руках, отогнул незапечатанный уголок и заглянул внутрь. Снова оглянулся через плечо и увидел, что лестница перед библиотекой опустела. Занятия вот-вот должны были начаться.

— Извинения приняты, — быстро сказал Арри.

Часы на ратуше пробили первый удар из девяти.

— Идем, не то опоздаем. Парлас нам головы пооткусывает, — со слабой улыбкой предложил Арри, начиная понемногу оттаивать. Часы пробили третий удар. Арри развязал клапан и положил конверт в сумку.

— Я не пойду, — в ответ на вопросительный взгляд Терри мотнул головой. — Не хочу ее видеть.

Часы пробили пять ударов.

— В каком смысле?

— Она работает на короля, — шестой удар пришлось буквально перекрикивать. — Никогда не показывай ей то, что не должен увидеть король.

— Как это? Она куратор по научной работе, — растерялся Арри.

Терри пожал плечами.

— Не знаю. Если они меня не сотрут, я что-нибудь придумаю.

После девятого удара колокола воцарилась колкая тишина. Хрупкая, недолговечная. Арри непонимающе смотрел на Терри, а тот думал, что еще не успел сказать другу за три с половиной года и что нужно обязательно успеть сказать за эти последние минуты, пока он не развернулся и не ушел на занятия.

Ведь Арри, даже если опаздывал, никогда их не прогуливал.

— Ты ведь не прощаешься сейчас со мной? — с подозрением спросил Арри и этим вопросом опять испортил Терри удачный момент для удачных слов.

— Демон тебя заberi, Арри! — заругался Терри, жалея, что упустил хорошую возможность сказать то, что хотел. Какую-то сентиментальную чушь, наверняка, но ему нужно было, чтобы Арри услышал эту сентиментальную чушь после той ссоры из-за Карьяна и «белого огня»! — Я именно что прощаюсь.

Арри застыл с глупо открытым в полуулыбке ртом. Потом моргнул, и улыбка пропала. На его светлое лицо и яркие глаза будто набежала тень и разом сделала лет на пять-десять старше.

— Это не шутка, — вопрос не звучал как вопрос, и поэтому Терри промолчал. — Тебя сотрут? И мы ничего не можем сделать?

Это «мы» согрело Терри сердце, и он почти простил другу, что тот не позволил прозвучать вслух сентиментальщине.

— Заседания еще не было. Я только что узнал, что присутствовать может кто угодно, и подумал, может, ты захочешь...

Арри молча смотрел на него. Из-за очков казалось, что глаза у него стали даже больше, чем обычно. А еще у него на носу выступили веснушки. Наверное, побледнел сильнее обычного.

— Я правда, точно не помню, во сколько. Мне, кажется, даже не сказали. Но опаздывать нельзя, иначе точно сотрут, — Терри вздохнул и оглянулся на ратушу. Часы на башне строго молчали. — Ну, я пойду тогда. Посажу там. Увидимся!

Он развернулся и быстро зашагал в сторону Дома-Ратуши. Как он и опасался, молчание

Арри он вынести не смог. Хорошо хоть, что конверт успел отдать до того, как друг перестал разговаривать! Значит, не так плохо все прошло, как могло бы. Сносно все прошло.

Тут Терри услышал за спиной торопливый стук подметок и с облегчением улыбнулся, чувствуя, как размякает тугой узел в груди.

Арри нагнал его и пошел рядом.

— Я с тобой посижу, — сказал он, глядя под ноги. — Это только ты так умеешь: тебя судить будут, а ты ничего не уточнил, не разузнал.

— Да, это похоже на меня, — признал Терри, все еще улыбаясь от радости, что его другу не все равно, что с ним будет. Если хотя бы одному человеку было не все равно, значит, жизнь все еще имела смысл и за нее стоило бороться.

Глава тридцать четвертая. Один против всех, все за одного

Подперев кулаком подбородок, Терри сидел на неудобном, слишком широком, но зато устойчивом дубовом кресле с кожаными ремнями на подлокотниках и внимательно смотрел на уважаемых заседателей.

Первым, ближе к двери сидел Карху. На его сочувствие рассчитывать не приходилось. Ведь именно с его подачи собралась Специальная комиссия. Занимая свое место, он достал из кармана белый конверт и, положив на стол, накрыл ладонью.

«Из личного дела какой-то компромат достал», — понял Терри и неуютно заерзал. Переменив позу, он еще раз порадовался, что его не пристегнули, хотя могли и, кажется, собирались. Но Арчер посмотрел так, что дежурный смотритель, тот самый, небритый и недовольный, отступил без возражений. Терри был благодарен: он и без того смотрел на это кресло как убийца на виселицу.

Рядом с безопасником восседала Парлас. Именно восседала, с прямой спиной, как королева. Пока все рассаживались, она в лучшем случае один раз посмотрела на Терри, и теплоты в ее взгляде не было нисколько. Она наверняка будет выступать против помилования — ведь король унизил ее вчера, когда объявил, что отныне курировать постройку нейтрализатора в храме будет Риамен.

По правую руку от куратора по научной работе откровенно скучал Алек Римари. Лекарь откинулся на спинку раскладного черного стула и вытянул ноги под столом так, что подошвы торчали наружу. Происходящее где-то в области потолка ничего интересовало его больше, чем скучное заседание с разбором всех прегрешений королевского племянника. Терри понятия не имел, чего от него ожидать, но надеялся, что Римари после всех прений все же проголосует в его пользу, как родич и лекарь.

Четвертым человеком за длинным столом для совещаний был сам Верховный магистр Арчер. Единственный из четверых, кого Терри мог понять и на чье слово мог рассчитывать. Он не позволит стереть королевского племянника, потому что побоится гнева короля. Если бы не боялся — давно бы уже стер. На взгляд Терри, в прошлом хватало поводов.

В зале заседаний было нестерпимо душно. На арочных окнах висели тяжелые темно-зеленые портьеры. Между ними стояли большие кабинетные часы, похожие на те, которые делал мастер Канерва. Этот зал вообще мало напоминал тот, в котором решали судьбу Лассель Риамен, а куда больше походил на обычную комнату для переговоров, даже про стеклянный графин с водой на столе не забыли. Одну стену полностью занимали стеллажи архива, а вдоль другой стояли простые легкие стулья для слушателей. Желающих наблюдать за процессом оказалось немного, меньше десяти человек. Из них Терри знал только Тармо Перту и того сонливого смотрителя из библиотеки, имя которого совсем вылетело из головы. Техник из отдела отладки сердито хмурился, а смотритель, который, вероятно должен был записывать ход процесса, откровенно зевал. Один из ближайших к дверям стул занимал Арри, рядом с ним сидела Аннели. Оба смотрели на Терри так, будто не верят в него.

Будто прощаются.

Терри подмигнул и жестом показал, чтобы не вешали нос. Он незаметно кивнул на Верховного магистра и выразительно покачал головой. Мол, Арчер не допустит. Он такой же заложник обстоятельств, как сам Терри. Арчеру ведь тоже раз за разом предлагают выбор

без выбора. Он не в силах избавиться от агентов короля в Академии, как бы ему не хотелось провести акцию показательного устрашения. Что Арчер вообще может сделать, если из пяти человек на этом заседании, как минимум, трое выполняют прямые приказы Эриена.

Арри слабо улыбнулся и кивнул. Аннели не пошевелилась. Она сидела, как на иголках, мяла подол платья и смотрела на Терри так, будто он уже призрак.

Уже после начала разбора предложенных на рассмотрение комиссии дел, когда Карху первым взял слово и обрисовал в общих чертах, как Риамен заработал первый красный лист, дверь отворилась и вошел Келва. Следом за ним — мужчина в черном головном платке, завязанном хвостами назад, как заведено у степняков О-Диура.

У Терри екнуло сердце. Он не хотел бы видеть техника в этом зале сегодня. Тем более, в тот самый момент, когда Карху рассказывал комиссии о том, как началась война за сладкую булку. Келва не стал садиться на один из стульев, а молча подпер плечом стену, сложив руки на груди. Наблюдатель от Империи сперва почтительно поклонился уважаемым людям за длинным столом переговоров, а потом опустился на стул и вальяжно закинул ногу на ногу, словно он тут и был самым главным. Карху замолчал, пока они входили и занимали свои места, поэтому наблюдатель милостиво махнул рукой: мол, продолжайте.

— Таким образом, — с нажимом проговорил Карху с того слова, на котором его прервали. — Таким образом, Риамен продемонстрировал, что не только подвержен вспышкам агрессии, но еще и не может их контролировать. Об этом же сообщает Келва в своей докладной записке, оригинал которой содержится в этой папке. Мы можете ознакомиться, при желании.

— До чего нелепый подвод для драки, — поджала тонкие губы Парлас, глядя прямо на техника. Келва в ответ на этот убийственный взгляд с улыбкой приподнял кепку.

— Чем абсурднее повод, тем ярче симптоматика, — лениво откликнулся лекарь, на секунду отвлекаясь от лицемерия лепнины на высоком потолке.

— Вам есть что сказать по этому случаю, Риамен? — обратился Карху к Терри, когда иссякли комментарии членов Специальной комиссии.

Терри встал. Кафедры, за которую он мог бы встать, чтобы начать защищаться, здесь не было, и поэтому он чувствовал себя глупо. Вроде не положено отвечать на обвинения сидя, а вроде и стоять рядом с этим жутким креслом с кожаными ремнями неудобно.

— Для начала, я бы хотел сказать, что сожалею, — торопясь, сказал он. Будто опасаясь, что ему не позволят договорить. — Я никогда не думал, что окажусь на этом месте. На этом стуле, — он вздохнул. — Все, что привело меня сюда — череда ошибок, которые я не повторяю.

Карху посмотрел на Терри тяжелым взглядом исподлобья. Настолько тяжелым, что у Терри перехватило дыхание. Он еще раз посмотрел на Верховного магистра, который даже не смотрел в сторону обвиняемого. А потом опять на Карху.

«А что, если Верховный решает не все вопросы? Одержимость — это же вопрос безопасности в первую очередь?» — холодея, подумал он.

— Ближе к сути, Риамен. Будьте уверены, что на этом кресле человек может оказаться только один раз, — сурово предупредил Карху, а Римари поднял ладонь, чтобы ему позволили высказаться.

— Вы почувствовали гнев, когда Келва запретил вам взять булку?

«Гнев, мастер Римари? — сощурился Терри. — Ни за что на свете»

Терри сдвинул пятки вместе и расправил плечи. Теперь он понял правила этой игры, и

собирался играть так, чтобы выиграть.

— Нет, господин Римари.

— В таком случае почему вы напали на него с кулаками? — задал вопрос Карху, прежде чем Римари успел открыть рот.

Терри посмотрел на техника. Келва продолжал молча улыбаться, наблюдая за прениями.

— Я не нападаю. На него, — отдельно, почти по-карьяновски ответил Терри. — Я предложил ему отнять булку.

— И он отнял?

— Он схватил меня за руку, — кивнул Терри. Для убедительности, показал, как схватил: чуть выше запястья.

Карху переглянулся с Арчером, а потом с оба укоризной посмотрели на техника.

— Это напугало вас? — внезапно спросил Римари. И пояснил остальным, что страх — лучший проводник для демонов. Даже лучше, чем гнев.

— Спасибо, но мы в курсе, — раздраженно откликнулась Парлас. — Просто придерживайтесь плана допроса, господин Римари. Не спешите.

— Нет, господин Римари, — повторил Терри и с удовольствием произнес то, что давно хотел сказать, глядя в наглые серо-зеленые глаза: — Я не боюсь его.

Безопасник прочистил горло.

— Как вы считаете, Риамен, кто именно развязал драку в равинтоле?

— Я без злого умысла нарушил негласные правила, господин Карху, — признал Терри. — Господин Келва объяснил мне, в чем я заблуждаюсь. Но никакой драки не было.

— А вот лгать не стоит, Риамен, — усмехнулся Римари. — Не было драки, но был красный лист.

Что самое удивительное — Келва не стал возражать. Все, что он сделал — отлепился от стены и сел рядом с наблюдателем. Шепнул ему что-то на ухо. Смуглый имперец покивал в ответ и внимательно посмотрел на Терри.

— Мастер Римари, я бы вас попросила...

— Почему ты не обжаловал его, раз драки не было? — Римари встал и всем весом навалился на стол.

Терри выдержал его пристальный взгляд.

— Господин Келва объяснил, что в Академии не хватает хлеба и я согласился, что работа в пекарне важна.

— Значит, вы работали в пекарне по собственной инициативе? — заинтересовалась Парлас. В отличие от Римари, она не забывала жестом попросить право слова, прежде чем говорить.

— Да.

Келва поднял руку. Карху вздохнул и позволил ему задать вопрос.

— Если ты работал в пекарне по своей воле, значит, станешь помогать и дальше?

— Разумеется.

Келва в ответ подмигнул и сел, широко улыбаясь. Имперец задал ему вопрос, наклонившись. Келва так же шепотом ответил, не спуская глаз с Терри.

Карху задумчиво почесал нос.

— Выходит, один красный лист признан несостоятельным. Ну что ж... раз больше нет вопросов, вы можете сесть, Риамен.

Потом разбирали ситуацию, за которую Терри получил второй красный лист. Самоволку лекарь связал с еще одним характерным признаком делирия — утратой чувства реальности. Он объяснил, что человек в измененном состоянии перестает понимать, что реально, а что нет. Магистры могли как ни в чем не бывало пойти в город, потому что считали, будто это возможно. Черный маслянистый пепел, оставшийся после некоторых подобных случаев, приходилось сметать в сопочек. Хотя это были редкие случаи, но запоминающиеся. Терри опять дали слово, он снова с охотой признал, что нарушил правила, но в город его вели не эмоции, а человек в плаще смотрителя.

— Его видел не только я, но и мои однокурсники, — настаивал Терри. — У меня нет причин уходить из Академии. В городе у меня нет ни дома, ни семьи.

Терри переводил взгляд с одного лица на другое и гадал, спросит ли кто-то из них о том, что это был за человек и зачем он так поступил. Если Риамен правильно понимал, все они, и Карху с Арчером, и Римари с Парлас, прекрасно знали, с чем связаны все его «эмоциональные» побеги из-под купола. Его больше интересовал вопрос, станут ли они развивать эту тему при случайных зрителях. Особенно при наблюдателе, чьи яркие зеленые глаза внимательно следили за процессом.

Они не стали. Карху сказал, что ему достаточно такого ответа и вновь вернулся к дракам. Как минимум одна из них закончилась так, что было бы проблематично убедить комиссию, будто Терри не испытывал гнев или желание свернуть Радеку челюсть.

— Я готов принести публичные извинения Радеку за то, что ударил его, когда он назвал мою мать шлюхой.

— Кто-то может подтвердить, что Радек действительно так сказал? — спросила Парлас, неприязненно косясь на техника. Тот уже не замечал ее взглядов, слишком увлеченный тихой беседой с имперцем.

Арри вскочил со своего места, как ужаленный.

— Я могу! И не только я. Позовите бакалавров. Они подтвердят, что и Тордеррик кинулся на него первым в тот день.

— Сядьте, Рантала, — велел Карху.

Аннели потянула Арри за рукав, и тот неохотно сел, все еще сверкая глазами. Терри расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и взглядом поблагодарил друга за поддержку. Он нуждался в ней почти так же остро, как в глотке свежего воздуха.

Риамен нервничал. Все, без исключения, члены Специальной комиссии смотрели на него, как на одержимого, вне зависимости от того, что и как он говорил. Арчер неодобрительно хмурился. Лекарь норовил язвительно поддеть. Парлас поджимала губы, а Карху укоризненно качал головой, будто любое слово склоняло чашу весов не в пользу Терри.

Казалось бы, что еще обсуждать, а слушания все не заканчивались. После того, как Карху, наконец, закончил выдвигать обвинения, слово передали Римари, и он прочитал бесконечно утомительную лекцию о том, что такое делирий, и почему его необходимо лечить. Иногда он особо подчеркивал сходство поведения Терри и ярких симптомов. Указывал на вероятные причины, связанные с поражением мозга. Каждое острое слово резало по живому. Терри молчал, но никто, кроме него самого, не знал, чего стоило это молчание.

«Зря я полагался на его порядочность и родственные чувства, — думал он, разглядывая правильный геометричный узор паркетных плашек под ногами. — Да и клятва лекаря,

кажется, для него ничего не значит».

— Вы признаете, что не всегда можете контролировать свои эмоции? — спросил Римари в конце своего выступления.

Терри глубоко вдохнул и медленно выдохнул, считая до четырех.

— Я могу контролировать все свои эмоции, мастер Римари, — спокойно возразил он, хотя губы при этом сводило от сдерживаемой ярости, а поле зрения сузилось до кишачего черными лентами коридора.

— Если вы продолжите отрицать, что вам нужна помощь, я не смогу вам помочь, — развел руками лекарь и вопросительно посмотрел на Парлас. Она кивнула ему и начала монотонным голосом рассказывать коллегам, что Терри никогда не показывал блестящих результатов в учебе. Все его достижения можно назвать всего лишь удовлетворительными, а поле научной работы он, дескать, всегда выбирает с риском для жизни.

Терри слушал и не слышал. Если бы он не видел, как она пунцовеет, выслушивая резкую критику короля, ему труднее было бы сдержать ядовитые вопросы.

«Если я показывал настолько не блестящие результаты, как вы говорите, как же так вышло, что все мои проекты были украдены и проданы Империи?» — одними глазами спросил он.

Но он видел. И она знала, что он знает, это чувствовалось в тусклых интонациях. Она чаще, чем обычно, поправляла съезжающие с носа очки. Парлас обвиняла будто бы по принуждению. Возможно, она с большей охотой промолчала бы или вовсе ушла.

— Несмотря на то, что, по ряду причин, потенциал этого молодого человека остался нераскрыт, я бы рекомендовала уважаемым коллегам сохранить ему рассудок. При необходимости, мы могли бы минимизировать риски, поместив его в безопасные условия.

«Безопасные условия? — Терри нахмурился и на всякий случай посмотрел на Арри. Он привык полагаться на друга в подобных ситуациях, и порой пихал его локтем в бок на лекциях, чтобы уточнить, если вдруг отвлекся или недослышал. — Что это еще за условия такие?»

Арри вытаращился на Парлас с таким потрясенным видом, что Терри заподозрил самое худшее. Возможно, пока он с чувством морального удовлетворения вспоминал, как Эриен отчитывал куратора по научной работе, та придумала нечто куда более страшное, чем стирание.

— Еще более безопасные, чем для нас всех, живущих под куполом? — усмехнулся Римари, с большим интересом оборачиваясь к Парлас. — Личный купол для одного человека? Вы полагаете это реально?

— У нас ведь есть ворота Академии, которыми мы можем управлять, — склонила голову набок Парлас. Цепочка ее очков скользнула по бледной щеке. — Мы могли бы, если возникнет необходимость, попытаться симитировать подобную схему в рамках дверного или оконного проема.

— Но как вы обеспечите стабильность поля? Это потребует колоссальных энергетических затрат, — холодным тоном спросил Арчер. — Академия не может позволить себе даже эксперименты в этом направлении. Тем более ради сохранности разума одного человека.

— Простите, но вы рассуждаете с позиции древних людей: «жернова тяжелые, неподъемные». Но потом появились ветряные и водяные мельницы, и мы получаем достаточно муки при минимальном вложении человеческого труда.

— При всем уважении, если госпожа Парлас предлагает решение проблемы, то мы можем быть уверены: она не берет идеи с потолка, — выступил в защиту коллеги лекарь.

После этих слов Терри догадался, к чему она клонит. Вместо того, чтобы стереть, она предложила запереть его и запечатать барьером! А Римари понравилась эта идея! А может быть и Арчеру показалась не такой уж безнадежной!

— Если от меня требуются какие-то доказательства или клятвы, — Терри встал с места, чтобы привлечь внимание комиссии, которая в какой-то момент куда сильнее увлеклась обсуждением нового изобретения, чем его судьбы. — Я готов их дать.

Карху побарабанил пальцами по белому конверту, который все еще лежал нераспечатанным на столе. Терри напрягся. Почему безопасник до сих пор держал содержимое конверта в тайне? Ждал, когда Терри оправдается, чтобы сразу пригвоздить его на месте?

— В самом деле, Риамэн. Докажите, что вы правы, а мы ошибаемся. Мы послушаем.

Терри вытер лоб рукавом, одернул китель и вдохнул поглубже. Поправил фуражку. Для душевного равновесия неплохо бы еще забыть о козыре, который безопасник прятал в рукаве, но это никак не удалось бы сделать: ведь конверт он держал у всех на виду.

— Господа. Вы знаете обо мне даже больше, чем я сам. Знаете, кто я такой и почему я в Академии. Вы лучше меня знаете, почему я сейчас здесь и в чем меня обвиняют.

Здесь он ожидал возражений, каких-то едких комментариев, но все молча смотрели на него. Арчер — с сомнением. Римари — с пренебрежением, Парлас — с опаской, а Карху — с любопытством.

— Я совершал ошибки, признаю. Доверял не тем людям, которым следовало, — Терри бросил взгляд на Римари. Тот что-то быстро записывал у себя в блокноте и даже не заметил, что на него смотрят. — И не слушал мудрых советов. А если слушал, то у меня случались проблемы с тем, чтобы следовать им. Я был один в те моменты, когда мне нужна была защита и наставление. Когда меня опоили вином, когда я получил рану на руке — рядом не было никого, кто мог бы предостеречь меня и помочь дать отпор.

Терри замолчал: у него закончился воздух в груди. Этой паузой воспользовалась Парлас.

— Поэтому я и предлагаю сосредоточиться на создании безопасного пространства для вас, Риамэн, — сказала она, пристально глядя на него. Она даже ни разу не моргнула. — Для вашего же блага.

— Хорошо, я безропотно приму любое наказание, госпожа. Но пока это безопасное пространство существует только в виде идеи. А я существую в виде уязвимого смертного человека, — Терри развел руками. — Меня могут опоить наркотиком и приказать выполнить любой приказ. Могут приставить нож к горлу, и потребовать рассказать все, что знаю.

— А вы считаете себя очень осведомленным? — ехидно поинтересовался лекарь. — Должно быть, вам подсказывают голоса в голове?

— Господин Римари, — Верховный магистр устало помассировал двумя пальцами переносицу. — Если вам слишком скучно на этом заседании, вы можете идти. Мы вас более не задерживаем.

Алек Римари покачал головой.

— Напротив, ваша милость, мне очень интересно, каков будет ваш окончательный вердикт по этому случаю, который с самого начала кажется мне до боли очевидным.

— Я еще не решил, — просто ответил Арчер и налил себе стакан воды из запотевшего графина. — Пусть Риамэн предложит. Не перебивайте, ваше сиятельство.

Терри постарался не улыбаться. Это очень хорошо, что он стал свидетелем размолвки. Это внушает некоторые надежды, что придуманный за ночь план сработает и его сегодня не сотрут.

— Спасибо, господин Верховный магистр, — он слегка поклонился. — Я не могу просить уважаемую комиссию о доверии, потому что, боюсь, не сумею оправдать его. Я могу поклясться, что у меня нет преступных намерений и разрушительных эмоций, но порой мои ошибки со стороны выглядят... будто все это есть.

— Например порез на твоей руке, — хмуро подтвердил Карху, — выглядит как попытка прибегнуть к магии крови.

— Это след ножа северянина, с которым я немного поспорил в порту, — смущенно признал Терри.

— Ну да, как же. Из-за девицы, — громко фыркнул Римари.

— Да.

— Из-за этой девицы? — Карху указал на Аннели, съежившуюся на стуле рядом с Арри.

— Из-за этой, — признал Риаман, оглянувшись.

У девушки глаза были на мокром месте. Странно. Он ведь почти выиграл, разве она не видит? Если Арчер согласен внимательно слушать не едкие комментарии Римари, а здравые рассуждения Терри, он уже внутренне готов принять условия последнего.

— Об этом и я хотел сказать, господа. Если бы со мной был кто-то из службы безопасности, моя рука не пострадала бы. Я не смею просить значок, господин Карху. Но примите меня к себе хотя бы на правах стажера. Вы будете знать о каждом моем шаге. А я взамен буду чувствовать себя в безопасности.

Карху и Арчер переглянулись. Верховный магистр, помедлив, одобрительно кивнул.

— Звучит разумно.

— Как временная мера, пока Риаман в составе моей научной группы будет работать над рамочным полем, — строго добавила Парлас, — да. Я поддерживаю.

— Я тоже согласен, — сказал Карху, и все посмотрели на лекаря.

— Когда он сойдет с ума и уничтожит все, что вам дорого — позовите меня, чтобы я мог сказать: «я же говорил», — с деланным безразличием пожал плечами уязвленный до глубины души Алек Римари. Он не стал дожидаться, пока все поздравят Терри с успешной защитой перед Специальной комиссией. Захлопнул блокнот, в котором последние четверть часа что-то увлеченно строчил. Сунул его в карман и ушел, небрежно поклонившись на прощание Верховному магистру.

Терри стоял, совершенно оглушенный тем, как быстро все решилось.

Как — это все?

Он же еще не сказал самого главного!

Разве никому не интересно, почему он так отчаянно нуждается в охране?

Парлас подошла к Терри и напомнила, что ему не позволено пропускать лекции и тем более лабораторные занятия. «Да-да, Риаман, даже если сразу после моей лекции у вас по расписанию заседание Специальной комиссии. Это все равно не является уважительной причиной для прогула».

Терри почтительно склонил голову.

Следом бакалавру протянул руку для рукопожатия Карху. Белый конверт он при этом спрятал в карман.

— Считай, что экзамен на соответствие ты прошел, парень. У тебя первого из курса

будет специализация, да еще какая! Поздравляю!

— Что у вас в конверте? — забыв поблагодарить будущего начальника за поздравления, ляпнул Терри то, что давно вертелось на языке.

— Да так. Запасной план. Ты удивишься, но девица твоя не настолько наивная, как может показаться.

— Она вовсе не наивная, — серьезно сказал Терри. — Просто слишком боится совершить ошибку. Поэтому временами делает неправильный выбор.

Карху поглядел на него с удивлением.

— Ты говоришь так, будто уже ее простил.

А вот этой реплики Терри не понял. Но переспросить не успел. К нему подошел Арчер, а Карху отправился ловить Аннели в дверях, пока та не ускользнула. Верховный магистр молодцеватым движением подкрутил кончик усов.

— Вы не пожалеете о том наказании, что себе выбрали, Терри Риамен? Я понимаю, что сегодня вами руководил страх, но уже через полгода вы поймете, как тяжело жить под наблюдением.

— Это не наказание, ваша милость, — покачал головой Терри. — Я замыслил такое, что без охраны, боюсь, не сумею справиться. Даже в Академии нельзя чувствовать себя в полной безопасности, если хочешь раз и навсегда избавить мир от короля Эриена.

Первый день весны в Акато-Риору в этом году выдался на удивление ясным и теплым. С умытого неба улыбалось солнце. Тучи тащили тяжелые грязные подола где-то далеко над морем.

Скоро морские ветра пригонят их ближе и начнется сезон весенних дождей, но пока можно смотреть на них издалека и наслаждаться тишиной и покоем. Может, день-два. Может, пять, если очень повезет.

Как бы там ни было, люди стремились насладиться спокойной теплой погодой, пока могли. В Верхнем городе из большинства равинтол вынесли столики и расставили на террасах и просто на улице. Антеро Риттау занял один из таких столиков и попросил кудрявого подавальщика в полосатой рубашке принести чай с горным медом и две чашки.

— Господин ждет даму? — вежливо спросил подавальщик. Видимо, в этой равинтоле переняли недавно появившийся обычай предлагать гостям разные чашки в зависимости от того, кто будет из них пить. Считалось, что барышням неудобно пользоваться традиционными риорскими чашками без ручек. Тысячу лет было вполне удобно, а как появились камеры Ракуса для создания мгновенных портретов, так сразу же простота и удобство уступили место фальшивой красоте принужденных поз и манерно оттопыренных пальчиков.

— Нет. Магистра.

Подавальщик и сотник одновременно посмотрели на запертые ворота Академии.

— Давно они не открывались, — осторожно сказал парень. — Последняя ярмарка осенью прошла и все.

Он выжидательно уставился на сотника в черно-золотом мундире, рассчитывая на увлекательный рассказ, почему так произошло, но Риттау промолчал. Если у него и были какие-то мысли на этот счет, то он предпочел держать их при себе, а не делиться ими с первым встреченным подавальщиком.

Ему пришлось выпить чай в одиночестве, созерцая пустую чашку напротив. Подавальщик ходил с тарелками туда-сюда, выворачивая шею, заглядываясь на знаки отличия сотника.

— Не желаете еще чая, господин сотник? — спросил парень спустя некоторое время.

— Нет.

— Может быть, попробуете пирог с ягодами ажри? — проявил настойчивость работник. — В честь первого дня весны.

— Нет, — повторил Риттау и посмотрел на парня так, что тот немедленно с извинениями поклонился и ретировался.

Чем холоднее становился оставшийся чай в чайнике, тем сильнее мрачнел Риттау. Риамен прислал с агентом записку, что выполнил свою часть сделки и хочет поговорить, указал время и место. Неужели ему хватит дерзости сорвать встречу, которую сам же и назначил? Риттау посмотрел на циферблат карманных часов. Минутная стрелка убежала почти на полный круг вперед от оговоренного часа.

Когда перед ним поставили тарелку, на которой в луже сладкого соуса возлежал ароматный кусок ягодного пирога с пряностями, сотник недоуменно поднял взгляд.

— Я же сказал, не нужно, — начал он и осекся, увидев белый плащ и незнакомое

скуластое лицо с длинным носом и рассеченным надвое подбородком.

— Это мой, — ревниво ответил магистр, занимая свободный стул напротив Риттау.

Другой стул принес от соседнего столика Терри Риамен. Он тоже надел магистерский двубортный плащ, из-за чего стал выглядеть старше, чем в синем форменном кителе. На лацкане был приколот эмалированный синий значок: звезда в круге. Если подумать, то у городской гвардии похожие. Только у их медных звезд пять-шесть-семь лучей, а у этой больше, и все тонкие, острые, почти как иглы.

— Мирного дня, сотник, — хмуро поздоровался королевский племянник, усаживаясь рядом с магистром. Почему-то он свободно пользовался только левой рукой, а правую не вынимал из глубокого кармана.

— Я полагал, вы придете один, Риамен, — процедил Риттау, буравя взглядом его переносицу.

Дерзкий мальчишка не выглядел смущенным или растерянным. Уставшим, невыспавшимся, взъерошенным — выглядел, а вот прежнего выражения, как у несправедливо обиженного ребенка, у которого отняли последнюю конфету и прицельно пнули в коленную чашечку, не хватало, чтобы сказать: это тот самый студент, который врал, что любит рыбу.

— Один я прийти не мог, — пожал плечами Риамен, как будто эти слова хоть как-то оправдывали его безрассудство.

— И вы решили привести не кого-нибудь, а...

— Вы хотели, чтобы я ответил на все ваши вопросы касательно Тармо Перту, — спокойно ответил Риамен. — Я подумал и решил, что ответы на все вопросы может дать только сам Тармо Перту.

Тармо Перту на мгновение прекратил орудовать ножом и вилок и небрежно кивнул.

— Польщен вашим интересом, светлейший, — не слишком трудясь соблюдать уважительные интонации бросил он и вернулся к своему пирогу. — Вы не станете возражать, если я налью себе чай?

— Он давно остыл, — процедил Риттау. — Я слишком долго ждал.

— Я ведь магистр, верно? — проворчал Тармо Перту и достал из кармана медную подставку с углублением, внутри которого серебряные проволочки переплетались в сложный узор. Он поставил эту подставку на стол, уместил в углублении чашку и налил в нее чай. — Сейчас согреется. А вы, господин Риттау, моими тайнами интересуетесь по поручению его величества или другая какая-то причина есть?

— По поручению, — Риттау основанием ладони пригладил волосы на виске. — У сотника королевской гвардии нет и не может быть собственных интересов. Тем более в Академии.

— У всех есть интересы, касающиеся Академии, — Тармо Перту обвел чайной ложкой круг в воздухе, как бы символически описывая город, а может и страну. А может и весь мир. Ведь Тармо Перту не соизволил уточнить, как много могла бы вместить его чайная ложечка. — У всех.

— Пока вы внутри, у вас может возникнуть такая иллюзия, — тонко улыбнулся Риттау, — что Академия — это ось мироздания.

— А вот это разве не относится к вашим собственным интересам, сотник? — с этими словами Риамен достал из кармана и выложил на белую скатерть одну за другой три отшлифованных красных линзы размером с крупную монету в десять риен. Светлая

хлопковая ткань подчеркивала мягкое внутреннее сияние камней. При малейшей смене угла зрения, легчайшем повороте головы внутри вспыхивали крошечные искорки — все говорило, что камни на столе высочайшего качества. Риттау взял один и удивился тому, насколько он теплый и тяжелый: как свежее куриное яйцо, только почти плоское.

— Это наши общие интересы, — мягко улыбнулся гвардеец. — Академия поставила во дворец партию некачественных легких и мутных линз, которые слишком быстро вышли из строя.

Он бережно, по одной, собрал линзы и опустил в карман с такой осторожностью, будто те могли взорваться от случайного сотрясения или удара.

— Я надеялся, Риамен, что постепенно мы с вами заменим все негодные линзы на энергоемкие. Начало положено. Королю будет очень приятно узнать, насколько вы полезны.

Эти слова оказали на бакалавра противоположное воздействие, совершенно не такое, какое рассчитывал произвести сотник. Терри Риамен метнул на него пронзительный взгляд исподлобья. Настолько острый, что гвардеец приготовился к дерзостям и запальчивым обещаниям. И не получив, ни того, ни другого, даже слегка растерялся.

— Рад служить, — сказал Риамен и улыбнулся. Риттау подумал, что впервые видит сына Лассель улыбающимся. Странное дело: пока мальчишка ходил всем недовольный и насупленный, как сын, сотнику все время хотелось его растормошить, заставить радоваться, что хотя бы жив, сыт и одет. Его, Риттау, между прочим стараниями. Он ведь собственную карьеру поставил ради того, чтобы сохранить ему жизнь и обеспечить безопасность. А теперь Риамен улыбнулся и стал слишком сильно походить на его величество в молодости. Зрелище оказалось до того неприятным, что вызывало оторопь.

— Что и следовало доказать, — усмехнулся Тармо Перту. — Вы собираетесь добиться повышения при помощи контрабанды из Академии, сотник?

Антеро Риттау задумчиво посмотрел на магистра.

— Мне казалось, что вас привели, чтобы я мог задавать вам вопросы, а не наоборот.

— Это ваша печаль, что и почему вам показалось. Я здесь только потому, что этот молодой человек пообещал мне пирог, — с этими словами Тармо Перту поднял руку, подзывая подавальщика. Тот заметил, что его зовут и мигом материализовался рядом.

— Что вам угодно, господа? — спросил он, склонившись в дежурном полупоклоне.

— Еще две порции пирога и бутылку ледяного вина, — распорядился магистр и, переглянувшись с бакалавром, тут же поправился. — Две бутылки.

— Ледяное вино у нас будет стоить около полусотни риен за бутылку. Это тоже записать на счет господина гвардейца, как и пирог? — неуверенно глядя на сотника, уточнил работник равинтолы.

— Разумеется, — ответил магистр как будто это действительно само собой разумелось. Антеро Риттау удивленно поднял брови и, не спеша отвечать, полез в карман за бумажником. Пересчитал синие банковские билеты.

— Либо вино, либо пирог, — Риттау достал всю имеющуюся наличность и положил на стол между собой и магистром. — Здесь ровно сотня. По тридцать за одну линзу и десять сверху. Больше я дать не могу.

Он развернул бумажник и показал всем, что он пустой. Подавальщик впился жадным взглядом в прикрепленный к внутренней стороне бумажника черно-золотой эмалированный значок с эмблемой королевской гвардии.

— Да вы проверьте, может, в отделении для монет что-то осталось? — сочувственно

глядя на сотника, предложил Тармо Перту. — Пирог не может больше двадцатки стоить. А я от своей цены ни на шаг не отступлю. Тем более, что пирог заслужил не только я, но и мой подопечный.

Риттау демонстративно вытряс на стол еще пять риен мелочью.

— Нет, ну как это называется? — возмутился Тармо Перту. — Вы рассчитывается купить себе повышение за сто пять риен, сотник? Он пытается надуть нас, Риамен, — предупредил он, обернувшись к бакалавру, который в это время молча пил из чашки подогретый чай.

Риамен спокойно кивнул. Сотник нахмурился. Он чувствовал, что эти двое насмеются над ним и пытался просчитать, где находится их точка опоры. С чего они чувствуют себя хозяевами ситуации? Причем, ладно бы Риамен — король дал ему слишком много полномочий и свободы. Но Тармо Перту, заурядный каэр из династии потомственных каэров, — с чего вдруг он думает, что ему позволено смеяться над сотником из древнего дома Риттау?

— Мне повышение не нужно, я и без того достаточно высоко, — отрезал гвардеец. — Я всего лишь выполняю поручение его величества и вовсе не обязан платить за то, что принадлежит нашему королю по праву. Впрочем, если вас можно купить за пирог и бутылку, я рад вам их предложить.

— Две бутылки, ваша светлость, — педантично уточнил Тармо Перту. — Если у нас нет при себе нужной суммы, распорядитесь отправить посыльного в родовое поместье. Может, у дворецкого найдется лишняя двадцатка.

«Вот хитрый пройдоха!» — невольно восхитился Риттау тем, как умело магистр вытянул из него относительно немалую сумму. Сотник сделал глубокий вдох, напоминая себе, что с магистрами никогда не бывает просто, и дружелюбно кивнул подавальщику, соглашаясь с прозвучавшим предложением. Пусть так, лишь бы отослать поскорее ненужного свидетеля.

Магистр все равно отработает все, до риена. Уж Риттау об этом позаботится.

— Его величество знает вас, Тармо Перту, и хочет предложить работать на него, — сотник выдержал паузу, наблюдая за реакцией магистра. Он не выглядел удивленным. Риттау не любил получать скучающий взгляд в ответ на подобное предложение.

— Мне уже предлагали.

— Вот как? Не знал. И что же вы ответили?

Тармо поднял глаза к безоблачному небу.

— Тогда я согласился, потому что предложение поступило через друга. Я не мог ему отказать.

— Почему же потом передумали? — в этот раз Риттау по-настоящему изумился. Король редко просил дважды. Почти никогда. Исключения лишь подчеркивали правило — и да, практически все повторные предложения и долгая, кропотливая работа касались сферы магического применения, потому что все сложные люди работали именно в ней.

— Потому что моего старого друга больше нет в живых! — отрезал Тармо Перту. — А вы мне не друг, сотник. Предлагайте, воля ваша, а моя воля отказать. И не пытайтесь вызнать мои слабости. У меня их нет.

В это время принесли заказанный пирог и вино. Тармо выглядел очень довольным собой, когда придвинул одну тарелку ближе к себе, а другую подтолкнул молчаливому бакалавру. Даже тогда Риамен не вынул руку из кармана. Риттау стало интересно, что он там

прячет.

Сотник склонил голову к плечу, вспоминая, что ему удалось узнать о Тармо Перту из третьих рук. Кем мог быть упомянутый друг он сообразил довольно быстро, но было в той ситуации что-то еще, что-то интересное... Ухватив ускользающую мысль за хвост, Риттау развернул ее и с удовольствием потер руки.

— Сын вашего покойного друга сейчас в Академии, верно?

Тармо Перту в ответ на это и бровью не повел, но зато внезапно вскинулся Риамен. Он вскочил со стула, как ужаленный, уронив чашку. Темная лужа потекла по столу.

— Вы и пальцем его не тронете, Риттау, вы слыш-шите? — яростно прошипел Риамен.

Антеро Риттау тонко улыбнулся. Он не рассчитывал, что на заброшенную наживку клюнет Риамен, но в целом его устраивал и такой расклад. Лишь бы они перестали переглядываться и обмениваться понимающими ухмылками. Это раздражало сотника. Кто посмеивается над законом, пусть готовится к тому, что закон ответит по всей строгости.

— Вы не дотянетесь через барьер, сотник, обожжетесь, — с фальшивым участием предостерег Тармо Перту.

— Правда? Посмотрите, Риамен, кажется, лучше вашего осведомлен о наших возможностях.

Терри Риамен быстро спохватился и взял себя в руки. Он встал прямо, расправив плечи и по уставу задрал подбородок. Светлые глаза метали молнии, но все же он неплохо научился владеть собой. Даже в неформальном белом плаще держался как подобает выпускнику Королевской военной школы. Антеро Риттау одобритительно кивнул. Ему всегда нравилась его выправка и готовность незамедлительно отвечать на любой удар. Из него в самом деле мог бы выйти отличный гвардеец, Риттау с удовольствием взял бы его в свой корпус, если бы мог. Даже жаль, что король был против.

— Садьте, Риамен, — велел сотник, сопровождая слова великодушным взмахом ладони. — Пока вы полезны, никто не пострадает. Ни та хорошенькая девушка, ни сын судьи.

— А если выяснится, что одних линз недостаточно? — хрипло спросил Риамен, глядя на пустой стул рядом с собой. — Что тогда?

— В каком смысле недостаточно?

— Если ваши наблюдатели все равно не будут работать, что вы сделаете с моими друзьями?

Риттау с тяжелым вздохом покачал головой. До чего же сложные люди работают в Академии. Даже самым понимающим не хватает одного раза, чтобы усвоить очевидное: короля нельзя обмануть дважды.

Терри не стал дожидаться, пока сотник сформулирует доходчивый ответ. Он достал из кармана плаща правую руку, и Риттау наконец увидел, что тот прятал на протяжении всего разговора. Бакалавр поставил на стол железную птицу. Небольшую, не больше сойки. Вся она была составлена из тонких полосок легкой жести, сквозь которые местами поглядывали движущиеся шестеренки. Крылья она ни сложить, ни прижать к телу, как живая пташка, толком не могла, маховые перья касались столешницы, а между ними серебрилась полупрозрачная пленка. Птица не шелохнулась, пока на нее все смотрели, но в тот самый момент когда Риттау подумал, что она выглядит слишком небрежной для статичной статуэтки, повернула голову и глянула на него красным глазом.

— А вот эта птица будет. Правда, она пока умеет только искать того, на кого ей укажут.

Но, кажется, вам именно это и требовалось? — с надеждой глядя на сотника спросил Риамен.

Антеро Риттау медленно кивнул, все еще не в силах осознать, как возможно такое чудо.

— Она умеет летать? — с мальчишечьим любопытством уточнил он.

Риамен снял с лацкана свой синий значок и показал птичке.

— Запоминай, — скомандовал он, и птичка ожила. Она наклонилась, чтобы лучше видеть, что ей велели запомнить. Посмотрела одним глазом, потом другим, потом уставилась круглым немигающим взглядом на владельца.

Терри размахнулся и бросил значок в сторону. Тот сверкнул на солнце и пропал.

— Ищи, — велел он, и механическая красноглазая пташка вспорхнула со стола и улетела прочь.

Риттау во все глаза глядел ей вслед. Он не мог понять, как металлическая птица может летать, и не мог поверить, что в ней достаточно разума, чтобы что-то найти по команде. Будь он хотя бы на десять лет младше, уже завалил бы бакалавра вопросами, но теперь приходилось подчиняться субординации.

— Ты сам ее сделал? — только и спросил он, стараясь казаться незаинтересованным, но глаза, должно быть, выдавали его.

— Нет. Не сам. Мои друзья помогли мне. Если они пострадают, я больше ничего не стану делать для вас, вы понимаете?

Теперь, когда он смотрел так серьезно и с мольбой, Риамен ничуть не походил на его величество. Даже странно, как такое могло померещиться. Ничего общего. И вообще, разве у Древних могут так сильно пунцовать уши? Риттау ненавязчиво прикоснулся к собственной мочке, чтобы удостовериться, что у него-то точно кровь к ушам не приливает.

— Значит, вы должны сделать все, чтобы у нас не было повода вспоминать про ваших друзей.

Они оба замолчали. Только ложечка Тармо Перту продолжала мерно позвякивать о тарелку, пока он молча ел свой пирог, словно происходящее его нисколько не касалось. Пташка вернулась, неся в коготках синий значок с эмблемой академии. Бросила его на стол и зависла над целью, ожидая, пока человек возьмет ее в руки. Как любой светляк, маленькая механическая пташка нуждалась в тепле человеческих рук.

— Я отдам ее вам, если вы пообещаете никогда не вспоминать о них, — предложил Риамен. Он подставил птице сжатый кулак и даже не поморщился, когда острые коготки обхватили и оцарапали его пальцы. Риттау обратил внимание, что на правой руке у него множество порезов, как свежих, так и подсохших, покрывшихся коркой. Должно быть, он долго работал над этой медной пташкой.

— Так не получится, Терри Риамен, — покачал головой Риттау, хотя ему очень хотелось просто сказать «по рукам» и все на этом. Но он считал своим долгом объяснить, почему Риамен ошибается. Как всегда, впрочем. — Вы, а не я, выдали свою девушку, а сын судьи не только для вас важен, но и для вашего упрямого спутника. Даже если он не подает вида.

Брошенная ложечка со звоном упала на тарелку.

— Мы будем работать вместе. Я и Риамен, — мрачно проговорил Тармо Перту.

— И Парлас, — добавил бакалавр с таким решительным видом, будто иначе не согласен.

— И Парлас, — не стал спорить магистр. — Хотя она и так уже давно и прочно с ним сотрудничает. Ты, может, не в курсе, но даже твой Келва, сам того не понимая, работает на

короля, раз подчиняется Парлас и мастерит для нее тайком что-то запрещенное. Теперь еще и мы с тобой. Ты только Рантала ничего не говори. Незачем ему знать.

Терри Риамен молча смотрел на капающий со стола чай. На его белом плаще расплывалось уродливое пятно. Риттау мельком глянул на его каменное застывшее лицо и подумал, что, на его памяти, ни разу еще выход в город не прошел так, чтобы Риамен не запачкался или не порвал одежду.

Растроганный неожиданным подарком Антеро Риттау любовался медном отливом на спинке красноглазой птички. Он протянул руку и попробовал коснуться ее, но птичка снова вспорхнула и перелетела на деревянные перила террасы.

— А на месте сотника, я бы подсказал его величеству, что в Академии не должно быть недостатка в пирогах. Он ведь хочет в итоге получить магическое оружие в свои руки, а не в... — Тармо Перту поймал красноречивый взгляд Риттау и поправился, — какое-то другое место? Кто вообще придумал такую глупость, будто магистр должен быть голодным?

— Может быть, сами магистры? Как, по-вашему, город должен снабжать вас пирогами, если вы давно не открывали никому ворота?

Терри Риамен пожал плечами.

— До тех пор, пока мы не снимем купол над Академией, Арчер не позволит открыть ворота.

— Значит вы сами виноваты в том, что у вас нет пирогов, — с удовольствием подытожил сотник.

— Это ненадолго, — пообещал Терри, глядя в ту сторону, где над деревьями в Королевском парке виднелся золотой купол храма Создателя. — Скоро все изменится.